

Г-71
М. ГОРЬКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СТАТЬИ · ЗАМЕТКИ

А. М. ГОРЬКИЙ

1919 год

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

им. А. М. ГОРЬКОГО

АРХИВ
А. М. ГОРЬКОГО

ТОМ
XII

М. ГОРЬКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

■

СТАТЬИ

■

ЗАМЕТКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1 9 6 9

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. С. ЗИМИНА, Е. Г. КОЛЯДА,
Е. В. ТАГЕР (ответственный редактор)

ОТ АРХИВА А. М. ГОРЬКОГО

В XII томе «Архива А. М. Горького» публикуются материалы личного архива писателя—начало большой повести, неоконченные рассказы и другие прозаические фрагменты, шуточные стихотворения и поэмы, предназначенные для домашнего журнала «Соррентийская правда», литературно-критические и публицистические статьи, одна из немногих записных книжек писателя.

В томе публикуется также обширный массив различных заметок (более 400), сохранившихся в рукописном наследии Горького.

Сделанные на листках из блокнота, заметки представляют собою порою завершенные, но чаще черновые, трудно читаемые записи. Это и небольшие прозаические наброски, и портретные характеристики, и высказывания о литературе и языке, и суждения о религии, о русской истории, и фрагменты публицистического характера. Иногда это афоризм, написанный на клочке бумаги; иногда — развернутая картина; иногда — запись мысли, только что возникшей, непосредственного впечатления. Писатель хранил заметки в специальных конвертах. На некоторых рукою Горького написано: «О Л. Н. Толстом», «Достоевский», «Лесков», «Личное», «Заметки» и т. п., другие — без названия.

Каково же назначение этих записей, составляющих «тайное тайных» личного архива писателя? Ответ на этот вопрос трудно найти в скупых высказываниях Горького на тему «как я пишу». Лишь однажды, в письме к Ромену Роллану, Горький сказал, что в книге «Заметки из дневника. Воспоминания» он воспользовался частью своего «дневника». Но дневник этот плохо связывается с нашими обычными представлениями. Заметки демонстрируют крайнюю сдержанность писателя в фиксировании своих личных чувств и эмоций. Очевидно, заметки служили писателю своеобразной кладовой памяти,— в них откристаллизовалась какая-то очень существенная часть его жизненного и творческого опыта. Горький постоянно черпал отсюда, но многое осталось неиспользован-

ным. Поэтому так ценно это собрание отрывочных записей, фрагментов, набросков. Они углубляют наше представление о диапазоне мысли Горького, широте его познаний, богатстве наблюдений, знакомят с неосуществленными творческими замыслами и планами писателя.

К публикации заметок Архив А. М. Горького приступил в 1957 г., напечатав в VI томе своего серийного издания около ста пятидесяти заметок. Это преимущественно мелкие прозаические наброски, планы художественных произведений, заметки о литературе и языке.

Настоящий том состоит из трех частей.

В первой части — художественные произведения — печатаются преимущественно черновые, незавершенные рукописи писателя. Исключение составляют шуточные поэмы, стихотворения, рассказы, написанные для домашнего журнала «Соррентийская правда».

Среди незавершенных рукописей — фрагмент повести [Эраст Петрович], относящийся к 1908—1910 гг., рассказ [Миронов], связанный с циклом «Заметки из дневника. Воспоминания» (1922—1923 гг.), начало очерка [«Над заливом...»] (1928), начало рассказа [Три человека шли в гору] и др. Этот небольшой по своему объему раздел поражает и жанровым многообразием и своеобычностью некоторых замыслов, таких, как, например, [Рассказы О'Гара] или [«Испытатель»].

Несколько иной характер носят отрывки [Мир тесен], [Удивление пред талантом], [Сашура] — в них отчетливо просматривается автобиографическая основа.

Более шестидесяти заметок, представляющих записи отдельных фраз, сцен, реплик и т. п., объединены под названием «Мелкие наброски».

Во второй части публикуются статьи Горького. Среди них — несколько статей, напечатанных при жизни писателя лишь в переводе на иностранные языки. В настоящем томе они печатаются по автографам. Можно назвать статью 1907 г. «Тираны», статьи, написанные в 20-е годы для ознакомления зарубежного читателя с культурной жизнью советского общества: предисловие к роману С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение», предисловие к роману О. Д. Форш «Одеты камнем». Иные статьи 20-х годов не свободны от ошибочных положений, впоследствии пересмотренных Горьким. В целом же эти статьи — ценнейшее свидетельство публицистической активности писателя, вдохновленного Великой Октябрьской революцией.

В этом же разделе помещены материалы, по тем или иным причинам не публиковавшиеся Горьким. Они относятся в основном к 30-м годам и отличаются тематической широтой: здесь и записка о реорганизации ВОЖСа, и статья «О распре-

делении культурных сил», и статья «О самоубийстве», и предисловие к роману Л. И. Борисова «Ход конем».

Наряду со статьями законченными в разделе публикуется более тридцати черновых набросков, отдельных публицистических фрагментов: «О негодьях» (1928), [О фольклоре] (1934—1935), «О герое нашей современности» (1927), «О детском заочном университете», (1930), [О рабселькорах], (1930) и др.

В третьей части публикуются заметки Горького.

Здесь полностью печатается записная книжка писателя, относящаяся ко времени поездки Горького в Америку и Италию в 1906—1908 гг.¹

Вслед за записной книжкой помещены заметки, вложенные писателем в конверты с надписью «О Л. Н. Толстом», «Лесков», «Достоевский». Они отражают своеобразную манеру писателя: наряду с пометами на книгах делать замечания по поводу прочитанного на отдельных листочках. Иногда эти листочки оставлялись им в книге, но чаще вкладывались в конверт. Редакция здесь, как и в других случаях, присоединила к заметкам из этих конвертов тематически близкие к ним заметки из других конвертов.

В отдельном конверте (не имеющем названия) Горький хранил листочки с записями непосредственных впечатлений от встреч с самыми разными людьми. Часто записи такого рода делались писателем прямо на визитных карточках. Эти заметки, вместе с рядом других близких к ним по своему характеру, получили в томе условное название «Наброски к портретам».

Здесь читатель познакомится с мыслями Горького о Е. Чирикове, Б. Зайцеве, Вл. Ходасевиче, В. Чернове, К. Фофанове, В. Шульгине и многих других. Некоторые из этих заметок — развернутые портретные характеристики, как, например, заметки о В. Ходасевиче или В. Чернове, но иногда запись несет на себе печать момента и не отражает общего отношения Горького к тому или иному писателю или общественному деятелю. В этих маленьких набросках Горький порою предстает беспощадным аналитиком человеческих характеров.

Интересно, что в заметках «О личном» писатель подвергает столь же объективному анализу и свои человеческие качества, оценивая себя как бы со стороны. Заметки, вложенные в конверт, на котором рукою Горького было написано «Личное», относятся в основном к 1928 г., когда Горький подошел к своему шестидесятилетию. В том же конверте писатель хранил и свои стихотворения, впервые опубликованные в VI томе «Архива А. М. Горького». Редакция присоединила к этим заметкам ряд других фрагментов автобиографического характера, дав название всему разделу—«О личном».

¹ Отдельные фрагменты из трех других записных книжек Горького были опубликованы ранее в VI томе «Архива А. М. Горького».

Материалы, помещенные в разделах «О литературе», «О языке», «Разные заметки», хранились в больших конвертах, часто не имеющих названия (№ 18, 20, 23, 25 — по архивной нумерации). В некоторые из них было вложено до 200 заметок, иногда очень разнохарактерных: это — и наброски художественных произведений, и публицистические фрагменты, деловые записи, и заметки литературно-критического характера, и замечания по поводу прочитанных книг. И все же, несмотря на кажущуюся пестроту материалов, на их жанровое и тематическое разнообразие, можно охарактеризовать каждый из конвертов, основываясь на тех заметках, которые составляют его основное ядро. Так, в одном из них хранились заметки о литературе (часть заметок из этого конверта опубликована в VI томе «Архива А. М. Горького»). В другом — заметки, отражающие общественную и научно-организационную деятельность Горького в 30-е годы.

В разделе «О литературе» интересны высказывания об отдельных произведениях зарубежных писателей — современников Горького: Г. Уэллса, С. Цвейга, И. Бойера, Г. Д. Лоуренса, Роже Мартен дю Гара, Луи Фердинанда Селина, Франсуа Мориака, Поля Низана.

Но большинство заметок этого раздела относится к советской литературе. Мы не найдем здесь развернутых суждений о творчестве советских писателей. Ценность публикуемых материалов в другом: они отражают деятельность Горького — организатора литературных сил. Здесь и заметки состава секретариата оргкомитета Союза писателей СССР, и заметки, связанные с подготовкой первого Съезда советских писателей, и размышления о необходимости квалифицированного партийного руководства советской литературой.

В разделе «Разные заметки» нет какого-либо смыслового или тематического единства. Но и эти пестрые фрагменты тоже по-своему дополняют творческий облик писателя, демонстрируя многообразие тем, вопросов, областей, его интересовавших, — универсализм Горького. Порою «Разные заметки» возвращают нас к истокам мысли писателя — к единичным фактам, наблюдениям, послужившим началом широких обобщений. Многие из того, что здесь только намечено, подробно развернуто в его статьях и письмах.

Горький не был безразличен к бумаге, на которой делались заметки. Лишь в редких случаях он брал для этой цели характерные для его рукописей листы большого формата с полями. В основном же заметки писались на листах из блокнотов или на специально нарезанных кусочках бумаги. Для заметок, написанных набело, Горький использовал добротную бумагу иностранных фирм с водяными знаками «Original», «Commercial paper», «Extra Strong» и др. Так, на бумаге с водяным знаком «Original» написаны заметки об Уэллсе, о Бальзаке, Степуне, Метальникове. Фрейбургские заметки написаны на листках с водяным знаком «С. А. Moes Pilica».

Отдельные фразы, афоризмы фиксировались на аккуратно обрезанных маленьких листках бумаги. Но часто Горький делал на одном листе несколько записей, внешне не связанных друг с другом, отделяя одну от другой звездочкой. Причем такая форма записей характерна для наиболее законченных текстов. Так, заметка о Гауптмане помещена на том же листе, что и заметка о Клер Шеридан; заметки о книгах Бориса Зайцева — на одном листе с заметкой о Н. Н. Суханове и т. п. Редакция сочла возможным в ряде случаев печатать эти заметки в разных разделах, делая соответствующие отсылки.

Составители настоящего тома столкнулись в своей работе с большими трудностями. Сложность состояла прежде всего в восстановлении горьковской систематизации заметок по конвертам, нарушенной при разборе архива писателя в 1937 г.¹

К сожалению, во время издания VI тома «Архива А. М. Горького» эта систематизация еще не была восстановлена. Поэтому некоторые заметки, положенные Горьким вместе и близкие по содержанию, оказались при публикации оторванными друг от друга. Например, к двум заметкам об О'Генри (т. VI, стр. 213) примыкает третья из того же конверта, публикуемая в настоящем томе. К заметке об А. Белом (т. VI, стр. 209) примыкает публикуемая в настоящем томе другая заметка. Заметка о книге В. Черткова (т. VI, стр. 111) лежала в конверте «О Л. Н. Толстом», остальные заметки, вложенные в этот конверт, печатаются в настоящем томе.

Немалые трудности представило и прочтение текстов, написанных, как правило, начерно, с большим количеством вычерков и сокращений.

Наконец, оказалось сложным установить и время написания многих заметок, как правило, не имеющих авторской даты. Большую помощь в этом оказала составленная А. Я. Тарараевым карта тека сортов бумаги, на которой писал Горький в разные годы, и им же разработанная схема датировки горьковских рукописей по орфографии (см. «Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 221—222). Эта схема была дополнена и уточнена А. Я. Тарараевым после выхода в свет VI тома «Архива А. М. Горького».

В настоящем томе при датировке автографов Горького различаются три периода:

- 1) старая орфография — до 1919 г. включительно,
- 2) старая, без твердого знака — 1920—1929 гг.,
- 3) новая орфография — 1930—1936 гг.

Публикация художественных текстов сопровождается воспроизведением всей правки Горького, в то время как в разделах статей и заметок приводится лишь наиболее интересная, содержательная правка.

¹ См. об этом подробнее в статье Б. Бялика «Творческая лаборатория А. М. Горького» — «Новый мир», 1956, № 6.

Редакторская дата дается после текста, в квадратных скобках. Названия, данные редакцией, также заключены в квадратные скобки.

При публикации текстов составители придерживались следующих правил:

1) Слова и фразы, вычеркнутые автором, печатаются в сносках. Цифра сноски ставится в тексте после того слова, за которым следовал вычерк. Слова, ранее зачеркнутые автором в исключенном им позднее тексте, печатаются в угловых скобках. Если вычеркнутый текст ничем не заменен и отсутствие его нарушает связность изложения, то он сохраняется в основном тексте, но заключается в угловые скобки.

2) Слова и фразы, вписанные автором (вставки между строк, на полях рукописи, на отдельных листках), оговариваются в сносках.

3) Если исправление текста не сводится к простому вычерку или вставке, в сноске воспроизводится первоначальный вариант целиком. В случаях сложной, многослойной правки в сноске дается ряд последовательных вариантов, обозначаемых буквами: а, б, в и т. д.

4) Редакторские добавления недописанных слов заключаются в квадратные скобки.

5) Неподдающиеся прочтению зачеркнутые слова обозначаются [нрзб]. Предположительное прочтение сопровождается знаком вопроса в квадратных скобках.

6) Текст печатается по современному правописанию с сохранением некоторых индивидуальных особенностей орфографии и пунктуации автора (например, употребление запятой и тире в тех случаях, когда по современной орфографии было бы достаточно одного из этих знаков).

В тех случаях, когда при упоминании произведений Горького дается ссылка на том и страницу, имеется в виду издание: М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах. М., ГИХЛ, 1949—1955.

В тех случаях, когда даются ссылки на тома «Архива А. М. Горького», имеются в виду следующие издания: т. III. М., Гослитиздат, 1951; т. IV. М., Гослитиздат, 1954; т. V. М., Гослитиздат, 1955; т. VI. М., Гослитиздат, 1957; т. VII. М., Гослитиздат, 1959; т. VIII. М., Изд-во Академии наук СССР, 1960; т. IX. М., Гослитиздат, 1966; т. X, кн. 1 и 2. М., «Наука» 1964, т. XI. М., «Наука», 1966.

Принятые сокращения: АГ—Архив А. М. Горького; ЛБГ—Личная библиотека А. М. Горького в Музее А. М. Горького (Москва).

Е. Г. Коляда

I

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

[ЭРАСТ ПЕТРОВИЧ]

[4]

¹...На реке раздался равномерный плеск весел — Нина устало подняла отуманенную голову. Зазвучал веселый ² смех, и вода тоже как будто смеялась.

Брезгливо вздрогнув, Нина бросила книгу на стол и закрыла глаза — ей стало физически неловко. тело ее бесстыдно обнял липкий страх. Страницы книги — яркие картины безумий страсти — сначала дышали ³ хмельным запахом тела, охваченного горячим желанием любви, и это увлекало Нину, вызывая в ней жажду познать любовь с тою ⁴ жуткой, стихийной силой, о которой каждым словом говорила книга.

Но дальше страсть, чем-то отравленная, теряла крылья здоровой красоты и разбито, противно падала на плоскость извращенной похоти. Тело человека судорожно извивалось в корчах ненасытности, в отвратительных безумствах ⁵ разнузданного инстинкта. Лишенный энергии, бессильный удовлетворить себя человек, алчно опьяняясь дикой игрой развращенного воображения, все ниже опускался в темную трясиину большого разврата, и в муках бессилия, пресмыкаясь ⁶ у источника наслаждений ⁷, стонал и выл, как изувеченное животное.

Женщина потянулась в кресле, желая порвать и сбросить с тела своего клейкие путы нездоровой истомы, отгоняя прочь больные тени рабов, замученных циничной силой бешенства плоти. Усталым жестом подняв руки, она поправила прическу и выглянула ⁸ в окно. Пахучий воздух ласково погладил ее лицо ⁹.

¹ Первоначально было: а) ... За окном раздался плеск воды и смех, как будто река человек б) ...За окном, на реке раздался плеск ∞ человек. ² веселый — *вписано*. ³ жарким туманом ⁴ силой ⁵ большого ⁶ в ней ⁷ *Исправлено, было: наслаждения и* ⁸ *Исправлено, было: и откинувшись [осмотрела]* ⁹ и замер

— Денисов прав ¹⁰, — подумала она, — существуют только мужчина и женщина, все остальное от них и для них... ¹¹ Но — это ужасно...

Мысль вдруг оборвалась как паутина ¹² и исчезла в ленивом созерцании. Потом явилась снова.

— Существуют только мужчина и женщина... конечно...

Нина любила такие изречения, они казались ей круглыми и ёмкими, легко и просто, как мыльные пузыри воздух, они обнимали жизнь, отражая пестрый смысл ¹³ разноречивых явлений.

Но думать не хотелось — широкое пространство приятно ¹⁴ утомляло глаз, блуждая в нем, мысль таяла и растворялась в тепле пустыни между небом, полем и лесами, пустыня наполняла грудь, желания дремали, и было хорошо, как в постели, когда нисходит сон, нежно обнимая ¹⁵ уже безвольное тело.

Усадьба дяди Эраста солидно укрепилась на тупом, глинистом мысе реки Пьяной, — с террасы Нине было видно, как за рекою широко, до края неба, размахнулся лес. В его темной мягкой раме застыла холмистая долина, по холмам квадратными сочными мазками лежали черные, зеленые и желтые поля, запутанно ¹⁶ тянулись дороги, точно серые веревки. Среди полей к земле темно и плотно прижимались две деревни — Собакина, далеко на краю долины, как будто вышла из лесу и, растерявшись, остановилась, а Вольная лежала в полуверсте от усадьбы на другом берегу реки. Огибая усадьбу светлой дугой, с двух сторон, река сверкала, извиваясь ¹⁷ по долине, и уходила в лес. Против террасы, за узким палисадником, покато сползала к реке и на мост ¹⁸ пыльная дорога. Слева ее ограждала стена молодых сосен, с правой стороны под гору спускались кудрявыми рядами яблони фруктового сада, богато осыпанные снегом цветов. На мягком ложе серой пыли, на яблонях и соснах недвижно лежали лучи предзакатного солнца. Рдел и таял жаркий, безветренный день, в чуткой тишине звуки вырастали кругло и полно ¹⁹, исчезали медленно, сами себя слушая и любуясь собою.

<Сосны были подобны медным струнам арфы — в странной неподвижности стволов, в живом сверкании золотых капель смолы, на красноватой коре чувствовалось тугое напряжение роста. Их крепкий запах сытно напоил воздух и ощущался в нем ясно, точно звук ²⁰. Деревня, облитая солнцем, казалась одетой в парчовые ткани, избы опускались в пышные, сизые тени и мягкие, уже багряные лучи солнца, солома крыш блестела тусклым золотом, красно горели стекла окон.> ²¹

¹⁰ конечно ¹¹ так... ¹² Паутина ¹³ ее ¹⁴ приятно — вписано. ¹⁵ Исправлено, было: и нежно обнимает ¹⁶ Исправлено, было: извилисто ¹⁷ между ¹⁸ до[рога] ¹⁹ ра[ссевались] ²⁰ Исправлено, было: как звук ²¹ Сосны были... ∞ стекла окон. — Перечеркнуто накрест красным карандашом, что означало: не окончательно.

В долине, на дорогах и ²² в деревне ²³ темно и устало копошились люди, но они казались лишними в спокойной гармонии сочных ²⁴ красок вечера. Тишина пела крепкими ²⁵ запахами яблонь, смолы и ²⁶ нагретой земли ²⁷. Вечер шел из леса по холмам, точно ²⁸ юноша, тихий и влюбленный, он ласкал землю сумраком задумчиво ²⁹ ласкающего взгляда и, казалось, вся земля ³⁰ подвигается встречу ему.

Сладко ³¹ кружилась голова, бездумно грезилось, и душа точно омывалась в теплом море красок, запахов и певучих звуков, смягченных далью. Нина приехала сюда два дня тому назад, после трехлетней жизни за границей, утомившей ее, ей теперь нравилось не чувствовать себя. Хотелось и было нужно многое понять, иное позабыть...

... На мосту появился человек, он шел неуклюже, точно темный ³² [ком?] катился по слани моста. Впереди его бежало что-то, собака, видимо. На реке снова засмеялись сильно и мягко ³³.

Хотелось тихо петь ³⁴ песню без слов встречу вечера. ³⁵ Проснулся дядя Эраст, был слышен его влажный, сиповатый голос: — Что?.. Да... на террасу...

Тонко зазвенело стекло чайной посуды ³⁶.

По дороге к усадьбе тяжело ³⁷ шагал низенький, коренастый мужик, без шапки, босой. Голова у него была большая, кудлатая, руки длинные, ноги короткие. Он двигал ими по дороге, и пыль вскидывалась почти до колен ему. Впереди его ползла густая тень, в ней бежал поросенок и взвизгивал. Мужик круто наклонил голову, точно рассматривая движения своей тени, в руке он держал длинный прут и порою подхлестывал поросенка ³⁸ ленивым, ненужным движением. Левая рука его казалась лишней, болтающаяся с бока ³⁹, она только увеличивала уродливость тени, расширяя ее.

Нина улыбнулась — мужик был странен и смешон. И непонятно было, кто поднимает пыль — поросенок, ноги мужика или тяжелая тень его? ⁴⁰

— Ты здесь, Нина?.. ⁴¹

⁴² — Смотри, какой мужик...

²² на ²³ копо[шились] ²⁴ Исправлено, было: мягких ²⁵ крепкими — вписано. ²⁶ и — вписано. ²⁷ сладко кружилась голова и бездумно, легко грезилось. ²⁸ ул[убающийся] ²⁹ Исправлено, было: задумчивого ³⁰ Исправлено, было: и земля, казалось, вся подвигается ³¹ Исправлено, было: От простора, тишины и запахов сладко ³² Исправлено, было: све[тлый] ³³ На реке... ∞ ... сильно и мягко. — Вставка на полях. ³⁴ Исправлено, было: петь тихую ³⁵ В комнатах ³⁶ Тонко зазвенело... ∞ посуды — вписано на полях. Исправлено, было: а) неслышными шагами на террасу вышла горничная Дуня. Не обертываясь Нина слышала, как она осторожно ра[сставляет] б) Нина слышала, как осторожно она расставляет ча[йную] посуду] ³⁷ Исправлено, было: не спеша ³⁸ поросенка — вписано на полях. ³⁹ не в <такт> ⁴⁰ Исправлено, было: <о[п]> м[ужик] — или его тяжелая тень? ⁴¹ Исправлено, было: А, ты здесь, Нина... ⁴² Не обор[ачиваясь]

Эраст Петрович, целуя Нину в лоб, скосил глаза и пренебрежительно заметил:

— Ага... это Котел...

— Как сильно ты надушился...

— Меньше кусают комары. Ходила гулять?

— Нет, читала...

— Мирбо...⁴³

⁴⁴ Он повертел в руках желтую книжку и, ⁴⁵ не открыв, ⁴⁶ положил на стол.

— Ты читал это? — лукаво и смущенно ⁴⁷ спросила Нина.

— Нет...⁴⁸

Он пододвинул к столу плетеное из прутьев кресло, и, усаживаясь, говорил:

— Я ⁴⁹, когда лег, читал... Аксакова «Семейную хронику»... хорошая книга, ⁵⁰ — знаешь?

— Да, — ответила она ⁵¹.

Его розовое лицо, немного смятое послеобеденным сном, было озабочено, карие глаза мерцали устало, веки вздрагивали ⁵².

Погладив белой холеной рукой седые пышные усы и мягкий круглый подбородок, он взял со стола сливочник, понюхал и спросил ⁵³:

— Ты любишь запах холодных сливок?

— Не знаю...

— Чудесный запах...

Она чувствовала в нем подавленную тревогу ⁵⁴ и весь он был не таков, как раньше, поседел ⁵⁵, осанистая стройная фигура сгорбилась, ⁵⁶ плечи опустились ⁵⁷, выщела красивая, внушительная самоуверенность родовитого барина, которая так нравилась ей в тоне, глазах и жестах дяди. Он стал хуже говорить, раньше речь у него была твердая, плавная, богатая словами, и слова всегда плотно укладывались в ⁵⁸ звучно-округленные ⁵⁹ фразы, — он говорил,

⁴³ Исправлено, было: а) Мирбо... и... не знаю, не знаю... б) Мирбо... мне его в) Мирбо... Нет. ⁴⁴ На полях была вставка: Кажется Денисов восторгался им... или кто-то. Далее было: а) — Да, з[то] б) — Да, он мне в) Это его книга, — сказала Нина и г) Нина молча отбросила книгу на стул и сказала: — <Две> Да, ему нравится... д) Нина молча бросила книгу на стул и сказала ему: — Да, нравится... е) Нина отбросила книгу на стул и сказала: — Да, ему нравится... ⁴⁵ не ра[скрыл] ⁴⁶ бросил небр[ежно] ⁴⁷ и смущенно — *вписано*. ⁴⁸ Он повертел ∞ — Нет... — *вставка на полях*. ⁴⁹ тоже ⁵⁰ ты ⁵¹ Далее было: а) садясь разливать б) садясь к столу в) Наливая чай, она ласково улыбнулась ему г) Наливая чай, она ласково посмотрела на него. ⁵² Нина чувствовала в нем скрытую тревогу и ей не хотелось спросить ⁵³ Погладив ∞ подбородок, понюхал и спросил — *вписано на полях, первоначально было*: Погладив... ∞ ...подбородок; он взял со стола сливочник и понюхал ⁵⁴ и понимала, что он говорит не <то> о том, что думает. В <его> голосе его звучала грусть. ⁵⁵ сгорбилась ⁵⁶ опали ⁵⁷ осанистая, стройная фигура ∞ плечи опустились — *вставка на полях*. ⁵⁸ красивые ⁵⁹ Исправлено, было: звучные

как человек, который ясно видел то, о чем думает ⁶⁰. А теперь речь прерывалась, путалась, ⁶¹ часто он останавливался, не находя слов, и порой в его речах звучало раздражение, ⁶² удивлявшее Нину. Ей становилось скучно с ним и было немного жалко его.

— Постарел! — думала она, наблюдая, как вяло двигаются пальцы его рук, разламывая бисквит ⁶³.

⁶⁴ <Гнали стадо. Разноголосое мычание коров, сглаженное далью, звучало красиво и мягко, точно виолончель. ⁶⁵ Тихий звон бубенчиков и маленьких колоколов сливался с высокими голосами женщин и детей. Растерянно блеяли овцы, что-то скрипело... ⁶⁶ Звуки плавали в густом воздухе, точно пятна масла ⁶⁷ на воде.>

⁶⁸ — Когда же мы с тобой побеседуем о делах ⁶⁹, Нина? — неожиданно спросил дядя Эраст.

— Когда хочешь, мне все равно! — ласково ответила она. — Но ведь я ничего не понимаю!

Он странно усмехнулся.

— В наши дни, мой друг, обладая ⁷⁰ собственностью, нельзя ничего не понимать. Во времена предков — это было возможно, а теперь...

В двери, на фоне мягкого сумрака комнаты явилась круглая фигура Дуни, вся в розовом.

— Титов пришел! — сказала она.

— Ты бы, Авдотья, отучилась кричать прямо в уши! — заметил Эраст Петрович, сморщив лицо. — Что ему нужно?

— Вас...

— Ну, и пусть идет сюда.

— Почему крестьяне так любят розовый цвет? — спросила Нина.

Он выпил чай крупными глотками, подвинул свой стакан и, вытирая усы, заговорил с недоумением или досадой ⁷¹, как показалось племяннице.

— Крестьяне любят... это странно слышать. Я вот живу с ними сколько? — Более двадцати лет... а что они любят — право не знаю.. Впрочем, водку ⁷² любят, это несомненно...

Становилось скучно. А за окном на стволы сосен легли ⁷³

⁶⁰ *Исправлено, было:* то, о чем говорит ⁶¹ и порою ...∞... раздражение — *вписано, первоначально было:* и порою он не мог скрыть поток раздражения, удивлявший ее. ⁶³ *Исправлено, было:* а) — глядя на б) наблюдая, как он размешивает] в) наблюдая, как он неохотно размешивает] ⁶⁴ Гнали стадо ∞ пятна масла на воде — *условно вычеркнуто синим карандашом, косыми линиями. Исправлено, первоначально было:* Гнали стадо ∞ красиво и мягко, как виолончель. Блеяли овцы, тихо звенели бубенчики и маленькие колокола, кричали женщины и дети. — Все звуки долго держались в густом воздухе, сливаясь в <теплый сочный вздох> теплое сочное дыхание ⁶⁵ Блея[ли] ⁶⁶ *Исправлено, было:* скрипело что-то ⁶⁷ *Исправлено, было:* точно масляные пятна ⁶⁸ а) Да-а,— заговорил дядя Эраст б) Да-а,— неожиданно заговорил дядя Эраст ⁶⁹ о делах—*вписано.* ⁷⁰ крупной ⁷¹ *Исправлено, было:* и легкой досадой ⁷² пить ⁷³ пур[шурные].

багровые пятна, цветы яблонь зарделись румянцем и на ⁷⁴ реке дрожали алые отсветы ⁷⁵ заката. ⁷⁶

Настроение дяди не сливалось ⁷⁷ с общим тоном вечера и мешало Нине, заражая ее ⁷⁸ унынием.

Подойдя к нему, она села на ручку кресла и, обняв его шею одной рукой, другою ⁷⁹ погладила кольца мягких седых волос ⁸⁰.

— У тебя что-нибудь неприятное? — Скажи! — сделал над собой усилие, спросила она. Он поцеловал ее руку, вздохнул.

— Определенно — ничего нет, ⁸¹ а вообще — как-то неуютно в душе. Время чумное.

Говорил он медленно, и ей хотелось попросить:

— Скорее!

— Видишь ли... наше гениальное правительство, всячески стесняя самодеятельность ⁸² культурных людей — ⁸³ накопило в стране массу энергии... энергии воображения, так сказать. Люди жили не реальной жизнью, а мечтами и в мечтах залетели далеко вперед нормального хода истории. Развелось много фантазеров ⁸⁴, холодных фанатиков, приводимых в движение пружинами софизмов...

Ноты раздражения в голосе Эраста Петровича ⁸⁵ не обещали Нине ничего хорошего — она нетерпеливо прервала его речь ⁸⁶.

— Ты говоришь о революционерах? — спросила Нина ⁸⁷.

— Ну да!

Из комнаты вышел на террасу — согнулся, низко кланяясь, длинный и сухой человек с острой черной бородой и голым черепом в форме яйца.

— Что ⁸⁸, Титов?

— Действительно, Эраст Петрович, Котел.

— Ну?

— Только это, разумеется, обыкновенная деревенская свинья, тогда как наш боров был ценной породы и вес имел уже около двух пудов, этот же едва половину веса...

Говорил Титов без пауз и, казалось, что если не остановить его, он так и будет низать слова одно за другим на бесконечно длинную нить жалобы ⁸⁹. Голос у него был высокий, тонкий и одноцвет-

⁷⁴ воде ⁷⁵ вечер[н]его ⁷⁶ Далее было: а) Слова дяди утомляли Нину, и ей захотелось уйти на обрыв к реке, где под соснами [под соснами — вписано] стояла широкая удобная скамья. б) Настроение дяди мешало Нине, она решила рассеять тягучее уныние, невольно заражавшее ее; в) Настроение дяди было не в тоне вечера, оно мешало Нине. Ей захотелось ⁷⁷ Исправлено, было: не гармонировало ⁷⁸ тяг[учим] ⁷⁹ Исправлено, было: другой начала взбивать ⁸⁰ Настроение дяди ∞ седых волос. — Вставка на полях. ⁸¹ но ⁸² Вписано на полях и зачеркнуто: честных ⁸³ я говорю конечно ⁸⁴ Исправлено, было: Люди жили не реальной жизнью, а мечтали и в мечтах <переросли> ушли далеко, очень далеко! В стране развелось множество фантазеров ⁸⁵ Исправлено, было: Ноты сдерживаемого в его голосе раздражения ⁸⁶ Ноты ∞ его речь — вставка на полях. ⁸⁷ нетерпеливо, и недовольная ⁸⁸ Исправлено, было: Ну, что ⁸⁹ Исправлено, было: Говорил он без пауз и, казалось, что

но-ровный, глаза большие, странно выкатившиеся из орбит, тусклые и неподвижные ⁹⁰.

⁹¹ Эраст Петрович пожал плечами и сказал:

— Об этом вы должны говорить с Петром Ивановичем.

— Они, как известно, уехали в город и...

— Ну, так скажите этому Котлу, чтобы он убирался вместе со своей свиньей... что я ему прощаю! Идите!

⁹² — Мужик этот, извините, милости не достоин.

— Н-но! Я знаю лучше вас, кто чего достоин, — внушительно сказал Эраст Петрович, вставая из-за стола ⁹³.

Титов поклонился и исчез в двери.

⁹⁴ — Это смешной мужик? — спросила Нина.

— Да... Тут, видишь, такая история — он убил нашего бовра. Управляющий, не желая судиться, предложил ему уплатить стоимость животного или заменить его ⁹⁵ таким же... ну, вот...

Он говорил неохотно, медленно и ⁹⁶ начинал раздражать Нину.

— Ты постарел... сильно! — сказала она ⁹⁷.

— Я думаю! Ты не видела меня почти четыре года... в моем возрасте это много времени... ⁹⁸

Она взяла его под руку и, ⁹⁹ дразня, говорила:

— Становишься брюзгой? ¹⁰⁰ Вот — уже ругаешь революционеров, ¹⁰¹ а ты ведь сам держался крайних мнений... ¹⁰² — помнишь, как ты ликовал, когда убили ¹⁰³ министра?..

Он пожал плечами ¹⁰⁴ и сухо отозвался ¹⁰⁵:

— Надо различать, Нина! ¹⁰⁶ Даже и римляне — не все были героями... ¹⁰⁷

— Знаешь что, — пойдём гулять! ¹⁰⁸ — ласково прижимаясь к нему, ¹⁰⁹ предложила Нина.

если не остановить его, он так и будет говорить, источать слова сухим, одноцветным и <жалующимся> недовольным голосом.

⁹³ Голос у него был <сух[ой]> высокий, тонкий, одноцветный, ровный, глаза большие, оловянные, <и вы[катившиеся из орбит]> странные ⁹¹ — Вы, голубчик, ⁹² — Человек ⁹³ вставая из-за стола — *вписано на полях*. ⁹⁴ Нина взяла дядю под руку ⁹⁵ натурой ⁹⁶ это ⁹⁷ невольно подчеркивая. ⁹⁸ — Я думаю! ∞ много времени... — *Вписано на полях, первоначально было:* а) — Я думаю! Прошло четыре года, как мы не виделись, в моем возрасте это много времени! Да, жизнь круто изменилась; б) — Я думаю! Прошло почти четыре года с той поры, как мы [виделись]. *Далее было:* Становишься немного брюзгой, да и ⁹⁹ и <дразнище> продолжала дразнить ¹⁰⁰ Вот таким <раздражительным>. Пожав плечами, он тихо сказал ¹⁰¹ помнишь ¹⁰² и ¹⁰³ этого ¹⁰⁴ шагая рядом с ней ¹⁰⁵ и сухо отозвался — *вписано*. ¹⁰⁶ Далее было: а) Русская жизнь очень запутана... нельзя б) Ты далека от русской жизни, нельзя в) Тебе едва ли ясно то внешнее противоречие ¹⁰⁷ Даже римляне ∞ героями — *вписано на полях, ранее было:* а) Не все римляне были героями... люди благородного сердца — всегда исключение б) — Не все римляне Бруты... <и> не все наши [наши — *вписано*] революционеры герои... ¹⁰⁸ прижимаясь] ¹⁰⁹ ска-
з[ала]

— Пожалуй... Скоро должен приехать Денисов...

— Мы посидим над рекой...

За окном раздалось глухое ворчание и кашель — они оба выглянули, и Нина невольно отшатнулась — глаза ее упали на чье-то лицо темное ¹¹⁰, круглое и ¹¹¹ плоское, как тарелка ¹¹². Курчавые и, должно быть, жесткие полуседые волосы мелкими кольцами густо покрывали щеки, подбородок и короткую толстую шею ¹¹³. Равномерно ¹¹⁴ мигали маленькие темные глаза — точно этот человек дышал глазами.

— Что тебе нужно, Котлов? — ¹¹⁵ строго спросил Эраст Петрович.

Мужик пошевелил всем телом ¹¹⁶ и с напряжением, силло выговорил:

— Покорно благодарю... за поросенка...

— А зачем ты моего убил?

Котлов опустил голову, покачнулся, тень его тоже пошевелилась, точно желая выползти ¹¹⁷ на террасу...

— Он огород у меня разорил...

— Так ты сказал бы в контору...

— Осердился я...

— Смотри, я тоже сердит!.. Ступай!..

Не двигая ¹¹⁸ головой, мужик медленно перевел глаза на лицо Нины, — ей показалось, что этот глубокий темный взгляд тяжело коснулся ее губ, груди ¹¹⁹. Подняв руку, она провела по лицу ладонью. Он наклонил голову, шагнул вбок. Тень легла на землю с левой стороны и поползла ¹²⁰. Но вдруг Котлов остановился, точно наткнувшись на что-то, и сказал, вздыхая ¹²¹:

— Это — Титов...

— Что?

— Титов меня послал... поклонись, говорит, барину-то...

— Да. Ну, что же?

¹²² — Ничего.

— Сам ты не пошел бы — так, что ли?

¹¹⁰ чье-то лицо темное, — *вписано*. ¹¹¹ шир[окое] ¹¹² Далее было: а) Бесцельно свесив по бокам длинные руки, закинув голову, человек смотрел в окно, шея у него была короткая <как и> и тоже вся до груди заросла б) оно заросло густо рыжеватой шерстью, курчавой и, должно быть, жесткой ¹¹³ Курчавые и, должно быть ∞ толстую шею — *вставка на полях, первоначально было*: а) Густая курчавая б) Густые курчавые и должно быть жесткие волосы мелкими кольцами покрывали его щеки, шею, опускались в) Курчавые темные ∞ толстую шею ¹¹⁴ *Исправлено, было*: Ровно и медленно ¹¹⁵ не строго ¹¹⁶ и гр[омко]? вздохнул ¹¹⁷ <в> чер[ез] окно ¹¹⁸ шеей ¹¹⁹ *Исправлено, было*: щек и она ¹²⁰ *Исправлено, было*: Тень его легла рядом с ним ¹²¹ *Исправлено, было*: а) Но вдруг он остановился, точно наткнувшись на что-то тве[рдое] и сказал ровным б) Но вдруг ∞ на что-то и бесстрастно сказал: ¹²² Подумаю, мужик ответил

Мужик помолчал, присматриваясь к чему-то под ногами у себя, потом сипло сказал:

— Прощайте!

И, неуклюже качаясь, пошел...

— Какой ¹²³... жуткий! — воскликнула Нина.

Эраст Петрович вынул портсигар и, закуривая папиросу, с легким возбуждением заговорил:

— Я думаю, это — идиот... ¹²⁴ ненормальное существо. Понимаешь — калечит животных, — однажды лошадь мою хватил колом, переломил ей левую переднюю, в другой раз — быка. Вероятно, и быка — он. Говорят, он вообще любит бить животных... и убивать. Хорошо еще, что не людей...

Он круто повернулся к племяннице ¹²⁵, продолжая все более нервно:

— Ты, Нина, сразу поймешь драму момента, если представишь себе ¹²⁶ фигуры действующих лиц.

Вот — мужик, получеловек, полуживотное, с неразвитой психикой ¹²⁷, без идей, без плана ¹²⁸. Смысл драмы — борьба правительства и так называемых ¹²⁹ революционеров за власть над наро-

¹²³ он ¹²⁴ вообще ¹²⁵ и заговорил ¹²⁶ *Далее было:* а) наш народ таким, каков он есть — полуживотным, получеловеком, без политического опыта, без идей, без плана, — это с одной стороны б) с одной стороны, наш народ. *Далее было:* а) А с другой, какие-то обезумевшие от книг голодные честолюбцы, зарвавшиеся мечтатели б) А с другой, какие-то зарвавшиеся мечтатели, голодные честолюбцы, авантюристы в) А с другой ∞ честолюбцы, наивные мальчики и авантюристы *Далее было:* вдвухают в уши вот такого мужика, как этот, раздражающий его лозунг: вся земля и вся власть народу. *Далее было:* а) Власть народу в переводе на язык разума — это будет значить — смерть культуре! б) Ты понимаешь конечно, что в переводе на язык разума ...∞... смерть культуре! *Далее было:* а) Другая сторона — наше правительство, пережив само себя, бессильное бездарное б) Другая сторона ∞ себя, морально бессильное. *Далее было:* оно все еще не понимает опасности и, шатаясь направо и налево, раздувает революцию <раздра[жая] и> желая сохранить всю полноту власти в своих бездарных руках б) оно все еще не понимает опасности, не сознает [ее] и шатаясь направо и налево ...∞... руках в) оно все еще не понимает ∞ направо и налево раздувает <огонь> искры <мя[те]жа> революции в пламя г) оно все еще не понимает ...∞... направо и налево раздувает по всей земле искры революции в пламя. *Далее было:* а) Обе стороны слепы, обе все более... раздражаются друг против друга, а между ними стоим мы, которые внесли на своих плечах культуру в эту несчастную страну, мы — поместное дворянство б) Обе стороны ∞ а между ними непризнанные, осмеиваемые, со связанными недоверием руками, трагическая группа истинных рыцарей духа, класс, из чьей среды вышли люди 14-го декабря и Пушкин и Тургенев <все иск[лючительные]>, мы, наградившие народ наукой, искусством <люди> рыцари истинной культуры. Они желают одного блага народу в) Обе стороны ∞ и Тургенев, Аксаковы, Толстые, Хомяковы — порода, готовые на подвиги героизма, но настоящими, истинными режиссерами в действительности ¹²⁷ с неразвитой психикой — *описано*. ¹²⁸ *Далее было:* но уже с твердым убеждением — так жить нельзя <Это убеждение <р> — незаконченная правка. *Далее было:* Перед ним — голодные честолюбцы, авантюристы и возбужденные ими наивные мальчики, романтики, мечтатели, — вот они отравляют <уто[пиями]> природу ¹²⁹ так называемых — *описано*.

дом, за право свободной эксплуатации его сил. Революционеры — среди их есть, я допускаю, это ¹³⁰ — наивные мальчики, искренно мечтающие о благе народа, но настоящие режиссеры революции — голодные честолюбцы, ловкие авантюристы из инородцев — это доказано, Нина, это неопровержимо! ¹³¹ Они не знают, что такое народ, они не могут понять его душу, им нет дела до его блага, мотивы их действий — грубый ¹³² эгоизм людей, которые, видя бессилие старой власти, желают занять ее позиции ¹³³. Они шепчут в уши мужиков — вся земля, вся власть принадлежит народу, — ты понимаешь, конечно, что в переводе на язык разума этот лозунг значит — смерть культуре! ¹³⁴

Нина задумчиво ¹³⁵ слушала его речь и смотрела в окно — Котлов спускался по дороге к мосту. Он так же пылил ногами, не поднимая и не сгибая их. На красной завесе заката ¹³⁶ фигура мужика ¹³⁷ была еще более жуткой ¹³³, и тень ползла за ним, точно одежда его, упавшая с плеч ¹³⁹.

— Против ¹⁴⁰ них — наше правительство. Морально бессильное, лишенное доверия всех истинно культурных людей, ¹⁴¹ оно ослепло от страха потерять свою власть и в слепоте озлобления мечется направо и налево, все более ясно обнаруживая свою бездарность ¹⁴². Вокруг центра власти группируются какие-то незнакомцы, люди вчерашнего дня, с ¹⁴³ фамилиями, чуждыми ¹⁴⁴ уху русского человека, не имеющие духовной связи ¹⁴⁵ с русской историей, не способные понять ¹⁴⁶ дух народа, задачу ¹⁴⁷ времени, — вокруг центра власти тоже эгоизм авантюристов, Нина. Где же ¹⁴⁸ рыцари духа, где потомки тех ¹⁴⁹, которые дали стране ¹⁵⁰ людей 14-го декабря: Тургеневых и Толстых, Аксаковых и Хомяковых, где же ¹⁵¹ внуки и дети тех, кто внес на своих плечах культуру в Россию? ¹⁵² Слишком чистые и брезгливые для того ¹⁵³, чтобы вмешаться в эту кровавую свалку, слишком гордые для ролей дема-

¹³⁰ это — *вписано*. ¹³¹ ... фигуры действующих лиц ... ∞ ... это неопровержимо! — *Вставка на полях*. ¹³² *Исправлено, было*: чистый ¹³³ не больше. *Далее было*: а) руками разных юнцов они сеют в народе б) Они ловко возбуждая народ лозунгом ¹³⁴ См[ерть?] ¹³⁵ задумчиво — *вписано*. *Далее было*: теперь он интересовал ее, напоминая старого дядю Эраста Петровича, нравился ей, — лицо его стало моложе, он выпрямился, голос звучал твердо, <чувств[овалось?]> красиво. Слушая, она ¹³⁶ его ¹³⁷ мужика — *вписано*. ¹³⁸ еще темнее ¹³⁹ Он так же ∞ упавшая с плеч. — *Вставка на полях*. ¹⁴⁰ ре[в]олюционер[ов] ¹⁴¹ *Далее было*: а) оно не понимает <своей> опасности, не видит трагедии, грозящей стране, оно всецело поглощено борьбой за укрепление своей расшатанной власти б) оно не понимает ∞ всецело в борьбе за укрепление своей расшатанной власти. ¹⁴² оно ослепло ∞ свою бездарность. — *Вставка на полях, первоначальный вариант вставки*: оно ослепло ∞ свою власть над страной и в слепоте озлобления смешивает друзей и врагов в одну кучу, не видя ¹⁴³ иностранными ¹⁴⁴ ру[с]скому] ¹⁴⁵ *Исправлено, было*: связей ¹⁴⁶ ни ¹⁴⁷ задачу — *вписано, ранее было*: <ни испр[авить]> ни ист[орию] ¹⁴⁸ истинные ¹⁴⁹ людей ¹⁵⁰ Тургеневых и Т[олстых] ¹⁵¹ де[ти] ¹⁵² Бес[ильные?] ¹⁵³ Осмеиваемые ¹⁵³ *Исправлено, было*: Слишком гордые для борьбы

гогов, они стоят в стороне, ¹⁵⁴ о них забыли, знаменосцы истинной культуры, они молчат, одиноко страдая ¹⁵⁵ за свою страну... ¹⁵⁶

Эраст Петрович казался Нине красивым ¹⁵⁷ и крупным человеком, ¹⁵⁸ который, стоя на горе ¹⁵⁹, все видит и все осуждает с высшей роман[т]ической точки зрения. ¹⁶⁰ Он стал бодрее ¹⁶¹, в его позе было много красоты, и в голосе звучала гордая ¹⁶² скорбь мужественного человека, это трогало Нину, и она ¹⁶³ смотрела в лицо дяди с доверием и вниманием ¹⁶⁴, смотрела любуясь.

— Дуня, шляпу барину! — негромко сказала она и ¹⁶⁵, взяв его под руку, ¹⁶⁶ молча ¹⁶⁷ пошла с террасы ¹⁶⁸, прижимаясь к нему ¹⁶⁹.

— Историю делают люди с развитым чувством собственного достоинства, ¹⁷⁰ ты, конечно, знаешь это. ¹⁷¹ Ты должна понять, что люди, которые возбуждают народ, обещая ему ¹⁷² всю власть, или обманывают его, или настолько глупы, что не понимают своей мысли, не видят ее конца. Разумеется, вероятнее первое, потому что второе явно ¹⁷³ невозможно, ¹⁷⁴ представь себе, что будет, если власть попадет в руки ¹⁷⁵ мужиков, лишенных уважения к человеку ¹⁷⁶, с неясными представлениями о праве собственности, без чувства самоуважения? ¹⁷⁷

Он ¹⁷⁸ вдруг наклонился ¹⁷⁹ к лицу Нины и, улыбаясь, сказал:

¹⁵⁴ их осмеивают <над>, их не признают ¹⁵⁵ за всех. *Далее было:* а) Они держатся одной надеждой, что <од[нажды]> настанет день, когда там, на высоте власти откроются глаза и увидят небольшую, но сильную духом б) Они держатся ∞ глаза, может быть увидят нас, небольшую но сильную в) Они держатся ∞ увидят нас! [*нрзб.*], которые сознательно <вм> отошли в сторону от знаменосцев истинной культуры. *Далее было:* а) Ее тронули ноты гордой, мужественной скорби в словах, и ей показался красивым образ знаменосца б) Ее тронули ноты ∞ скорби в голосе и ей показался красивым роман[т]ический образ. *Далее было:* а) Она ласково поглядела в лицо дяди, ей показался красивым образ б) Она ...∞... в лицо дяди, теперь он снова казался ей красивым ¹⁵⁶ о них забыли ∞ всю страну... — *Вставка на полях, первоначально было:* о них забыли, знаменосцы истинной культуры, они молча стоят в стороне ¹⁵⁷ Эраст Петрович ∞ красивым — *вставка на полях.* ¹⁵⁸ таким ¹⁵⁹ стоя на горе — *вписано на полях, первоначально было:* стоя на высоте ¹⁶⁰ *Исправлено, было:* с какой-то романтической высокой точки ¹⁶¹ красивее ¹⁶² *Исправлено, было:* мужественная ¹⁶³ ласково улыбаясь ¹⁶⁴ любуясь им ¹⁶⁵ Дуня ...∞... она и — *вставка на полях.* ¹⁶⁶ она ¹⁶⁷ <увлекла> повела его за собой ¹⁶⁸ террасы — *вписано.* *Далее было:* с ним в цве[тник] ¹⁶⁹ Он говорил все тем же тоном человека, который чувствует себя ¹⁷⁰ а) главным в жизни является личность <внут[ренне]> духовно развитая и совершенная б) творцом жизни <является> человек <и> ¹⁷¹ Говорить народу, духовно немощному ¹⁷² *Исправлено, было:* которые обещают народу ¹⁷³ явно — *вписано.* ¹⁷⁴ а) самоуправляющийся народ — не можем себе представить самоуправляющийся русский народ уже потому только, что он с б) самоуправляющийся русский народ ∞ он с в) ни ты ни я, — мы не можем себе представить свободно самоуправляющийся русский народ уже потому, что он не имеет идей ¹⁷⁵ перазвитой массы ¹⁷⁶ *Исправлено, было:* личности ¹⁷⁷ представ[ь] себе ∞ самоуважения? — *Вставка на полях.* ¹⁷⁸ ул[ьбнулся] ¹⁷⁹ *Исправлено, было:* улынулся наклонясь

— Я тебе расскажу... одну пикантную историю. Ты знаешь, твой вотчим был человек... с фантазией ¹⁸⁰. Между ним и этим Котлом ¹⁸¹ однажды разыгралась ¹⁸² драма или, вернее, водевиль. Дочь Котла ¹⁸³, довольно смазливая девица, работала в экономии и обратила на себя внимание твоего вотчима...

Он замолчал, взглянув в лицо Нины, и спросил мягко:

— Тебя ¹⁸⁴ не смущает начало?

— О, нет! — быстро ¹⁸⁵ ответила Нина. ¹⁸⁶ — Пикантные истории неразрывны с памятью о нем ¹⁸⁷.

— О, конечно! Я имел в виду ¹⁸⁸ тебя...

— Я — женщина! — с гордостью ¹⁸⁹ сказала Нина.

— И милая ¹⁹⁰, прибавлю. Да... так девица Котлова приглянулась Владимиру Павловичу, ¹⁹¹ во время молотьбы, он пошутил с ней ¹⁹², а отец ее сделал ему какое-то не очень вежливое замечание. Владимир вспылил, прогнал их с работы и целым рядом действий заставил через некоторое время отца придти к себе просить прощения. Но прощения он не дал и сказал — давай дочь! И вот, представь себе картину: в тот же вечер Котлов вел свою дочь к барину ¹⁹³, причем вся деревня и все в усадьбе знали зачем, он сам же всех оповестил. Мне рассказывали: идет девица и плачет, а сзади идет отец и утешает ее — не реви, дура! Надо. Не пойдешь — он нас с голоду уморит... Надо... Владимир прогнал их, конечно.

Нина вздрогнула, ¹⁹⁴ охваченная брезгливым чувством, и заметила:

— Я это вижу... он гнал ¹⁹⁵ ее тогда, как сегодня поросенка...

— Вот именно! И вот именно в таких людях будят зверей, обещая им всю власть... ты понимаешь?

[2]

[Набросок к повести на отдельном листе]

Вдруг всего стало много...

Как на прогулке — дошли до горы... и хотя с вершины ее, вероятно, открывается красивый ¹⁹⁶ вид... но идти туда ¹⁹⁷ лень.

Я хотела бы всю жизнь любоваться ¹⁹⁸ людьми, ¹⁹⁹ мыслями, природой, искусством. Так ²⁰⁰ много красивого, интересного.

[1908—1910]

¹⁸⁰ *Исправлено, было:* с фантазиями ¹⁸¹ *Исправлено, было:* Котловым ¹⁸² некая ¹⁸³ де[вица] ¹⁸⁴ это ¹⁸⁵ быстро — *вписано.* ¹⁸⁶ а) Да, я, конечно, не думаю этим оскорбить память вотчима б) Да, я, конечно, не думаю оскорблять память о Владимире Павловиче... ¹⁸⁷ Пикантные истории ∞ о нем — *вписано на полях.* ¹⁸⁸ лично ¹⁸⁹ Первоначально было: Разве я маленькая? ¹⁹⁰ *Исправлено, было:* премилая ¹⁹¹ и он ¹⁹² *Исправлено, было:* допустил по отношению к ней ¹⁹³ *Исправлено, было:* как сего[дня] ¹⁹⁴ от ¹⁹⁵ *Исправлено, было:* вел ¹⁹⁶ не зн[акомый] ¹⁹⁷ тр[удно] ¹⁹⁸ всем лу[чшим] ¹⁹⁹ их ²⁰⁰ *Исправлено, было:* всего так

МАТЕРИ

Обыск. Фонари. Сыщики, дворник, мальчишка просят чаю у горничной.

Хождения на свидания: старуха: [1 *нрзб.*] и меня минут, все равно где умирать, подача прошений, — «я их рву и бросаю». — «Научи!» «Иди к министру». У министра. Не садится — «я не в гости к вам.» Вежлив. «Не прошу — милости, а закона — разберите мое дело, *мое* дело. Ежели он виноват и смерть ему, и я с ним умру, в ссылку — и я с ним.»

«Отговела.»

[1913—1917]

3

[МИР — ТЕСЕН]

Русские, кажется, более часто, чем люди иных племен, говорят: «мир — тесен». Некоторые из них полагают, что сия теснота — от «широты натуры русской». На мой взгляд возможно иное, не столь лестное, объяснение тесноты мира. В основе мнения — «мир — тесен» — лежит невеселый факт количественного, числового ничтожества русской интеллигенции. Едва ли где-либо в другой стране возможны такие неожиданные встречи и установления связей, как у нас.

В купе вагона второго класса едут пятеро. Разговорились. Человек лет пятидесяти сказал, что отец его был капитаном одного из первых самолетских пароходов на Волге. Другой, одних лет с первым, заявляет, что его крестный отец тоже капитан «Самолета», называет фамилию. Тогда первый говорит: — Это мой отец.

Установив — без особенной радости — крестовое братство, замолчали, а с верхнего места — вопрос по адресу второго:

— Вы не были учителем гимназии во Владимире?

— Был. Теперь — инспектор в Рязани.

Третий пассажир оказался учеником второго и квартирантом четвертого. Но когда четвертый назвал свою фамилию, я — пятый¹: узнал в нем² знакомого³ мне, во дни моей юности, студента — ветеринара Логинова.

Лично у меня таких встреч — и наблюдений — очень много. Но — это естественно: я знал и знаю сотни людей. Попов, друг моего детства, встречен⁴ Морисом⁵ Хилквит, фермером на Бермудских островах. Сулима, хорист Казанской оперетки Панаева, торгует веревками в Варонгерфиорде, кажется?⁵ Слюсарев, которого я знал мальчишкой 10-и лет, — начал[ьник] стан[ции] Ташкент. Сер-

¹ изумленно спросил ² моего — Василий Кириллович, это вы? ³ Я узнал в нем. ⁴ Исправлено, было: найден ⁵ Вписано: кажется?

гей Бородин, один из моих актеров Мануйловского театра,— священник в Сальянах. Андрей Степан[ович] Деренков — лавочник в одном из сел Томской губер[нии]. Все это более или менее естественно.

Католический священник, друг папы, епископ в Данциге, разговарившись с дамой-попутчицей по дороге от Берлина на Ригу, устанавливает, что он, будучи сельским попом в Полтавской губернии, крестил ее брата. Это — О'Рурк, родственник той женщины, которая убила в Италии гр. Комаровского. Из полтавских попов, он стал ревностным сторонником папизма.

Веревкин, поп, католик, который был у меня с кардиналом французом — племянник коменданта Петр[опавловской] крепости, глухого, которому я в 905 г. рассказывал о неизбежности революции.

О русских попах-католиках: Толстой, нижегородец, теперь, кажется, уже кардинал в Салерно. Абрикосов. Булгаков. Доминиканец монах Городков, сын ломового извозчика в Царицыне. Данзас. Любимов и

[1920—1929]

4

[ТРИ ЧЕЛОВЕКА ШЛИ В ГОРУ...]

Три человека шли в гору; ¹ высокий, толстый и горбун. Они только что встретили ² друг друга там, внизу у реки, и пошли вместе,— высокий, потому что нигде не находил ³ места себе, толстого ударила судьба, он и покатился куда глядят глаза, а горбун искал человека, который объяснил бы ему, зачем некоторым людям дается горб?

Он уже спросил об этом высокого, но тот безучастно сказал ему:

— Будь доволен тем, что имеешь.

А толстый поучительно ⁴ добавил:

— Горб — не женщина, он с тобой навсегда. ⁵

Горбатуму показалось, что это не глупые люди, и, подумав, он пошел с ними.

Дожди, ветер и морозы размягчили, разрушили гору, из-под ног людей отскакивали камни и комья земли, подпрыгивая, катились вниз ⁶, и некоторым удавалось докатиться до реки. Полуденное солнце жгло рыхлую ⁷ гору, от кустов на шершавую ⁸ землю ложились короткие ⁹ бородастые тени, ласточки и стрижи беспо-

¹ три путника: ² Исправлено, было: встретились ³ себе ⁴ поучительно — вписано. ⁵ На полях написано и зачеркнуто: Когда женщина любит — она не нуждается в уважении, она требует это, переставая любить. ⁶ шуршали ⁷ рыхлую — вписано. ⁸ шершавую — вписано. ⁹ короткие — вписано.

койно метались; в голубой пустоте пел жаворонок и журчал, в камнях, невидимый ручей. Внизу ¹⁰ — холмы, как застывшие вздохи земли.

— До ¹¹ Бога высоко ¹², — вздохнул толстый, отирая потную лысину.

Горбун ¹³ спросил удивленно ¹⁴:

— Разве вы верите?

— Нет, это поговорка.

А высокий сказал, споткнувшись:

— Он предрек: «в поте лица будешь ты есть хлеб твой», но забыл прибавить: и друга дам в наказание тебе.

— А вы — верите? — снова спросил горбун.

— Я размышляю, — ответил высокий. — На ходу размышлять безопаснее.

— У меня тоже был друг, — сознался толстый, остановясь. — Умный, но притворялся дурачком.

— Если ¹⁵ человек понимает слишком много, тогда ¹⁶ ему очень выгодно притворяться глупым, — уверенно сказал высокий ¹⁷.

Горбун ¹⁸ посмотрел на них.

— Странно вы говорите.

[1920—1929]

5

[УДИВЛЕНИЕ ПРЕД ТАЛАНТОМ...]

Удивление пред талантом обидно ¹ в сущности своей для тех, которые удивляются, и оскорбительно для того, кому удивляются. Это — так.

Кстати: после какого-то рассказа моего Е. Н. Чириков сокрушенно заявил мне:

— А, ведь, ты, черт, много талантливее меня!

Если это был внезапный припадок искренности — я дорого заплатил за него: в тот же день Чириков сделал мне две пакости, маленькую и большую. Вообще — он не способен на большие пакости, но тут для него очень искусно совпали обстоятельства. Одно из них: женщина, которую он цинично оклеветал, прибегала к приемам кокетства слишком ослепительным и оглушающим.

Другое: он знал, что человек, который любил ее до исступления — непримиримый антагонист мой. Хороший ² был человек и жестоко пострадал он ³ в дрянной этой истории. Помню, как жутко, тоскливо он плакал, после того как я ⁴ принужден был ударить его;

¹⁰ в даях ¹¹ Исправлено, было: а) Далеко до б) Высоко до ¹² высоко — вписано. ¹³ Исправлено, было: Высокий ¹⁴ Исправлено, было: очень недоверчиво ¹⁵ Исправлено, было: Когда ¹⁶ Исправлено, было: так ¹⁷ много ∞ высокий — вписано на полях. ¹⁸ поочередно

¹ Исправлено, было: преобидно ² Это ³ Исправлено, было: в о[нрзб.] ⁴ уд[арил]

только так и можно было прервать поток мерзостей, говоря которые, он и сам не верил в них. С год, пожалуй, больше, до дня его смерти, мы с ним жили друзьями.

Поразительная была нежность, с которой он любил эту, истрепанную душою и телом, циничную женщину. Цинизм ее был жесток и бесподобен, мне казалось ⁵; что это — цинизм отчаяния. Она говорила:

— Когда ко мне является с визитом мужчина, я, выходя к нему, предусмотрительно снимаю панталоны.

Надо рассказать ⁶ ее «романы» ⁷, это и жутко и поучительно. Не плохо звереют мужчины, но в озверении женщин замечается нечто особенно страшное и убийственное.

Пример: отравление Вар[варой] Никоновной Потаповой мужа ее. Или: история четы Бобровых. Гимназистка Соня Фалеева, иконописец Евгений Ситанов, учитель рус[ского] языка Алексеев. Или — Алексеевский? Не важно.

«Выдумки» купчихи Ермолаевой и «подвиг» парходчицы Марии Кашионовны Кашиной.

В конце концов — я желал бы забыть все это. Но у меня идиотская роль свидетеля пред каким-то безжалостным судом.

Как Л. Н. Толстой, я тоже «не могу молчать». ⁸ Разница — в том, что он видел — или вообразил — себя пророком Исаией, обличителем на службе некоего бога, а предо мною — нет бога, только человек, которого я вижу измученным и неизлечимо несчастным. Что я говорю ему?

— Смотри, как ты страдаешь, — ⁹ говорю я. Только это.

И я знаю, что это не нужно, бесполезно говорить.

[1920—1929]

6

[САШУРА]

[1]

Ал[ексан]дра Кирилловна умерла в вагоне, по дороге в Ялту. Макар, встретив меня в Третьяковской галерее, сообщил о смерти жены и, задумчиво глядя на картину Саврасова «Грачи прилетели», забормотал:

— Ужасно тоскую. Глупо. Вообще — физическое глупо, все физические явления — бессмысленны. Конечно, они неизбежны, как переходная стадия к совершенному, но, все-таки, — тоскую, знаете! Тоскую. Студент, который провожал ¹ ее, рассказал, что умерла она, ловя бабочку, залетевшую в окно купе. Чепуха...

⁵ Исправлено, было: кажется ⁶ Исправлено, было: Когда-нибудь я расскажу ⁷ вице-губернатором, ⁸ Но ⁹ Милый!

¹ меня

Сашура была маленькая, изящная, но — некрасива, хотя острое, лисье лицо ее освещалось какими-то особенно глубокими, синими глазами и милой снисходительной улыбкой. Как женщина — была нечистоплотна, она изменяла мужу по крайней мере раз в год; я думаю — это потому, что скучно ей было жить с ним, человеком только двух тем, одна — русский народ:

— Из-зумительный народ! Невероятно богат духовно!

Другая — стремление мысли превратить — «претворить» всю материю в энергию, в психику».

Как-то тихим и душным вечером перед грозой Сашура спросила меня:

— Я вам нравлюсь?

— Очень.

— Что это значит — очень? Вы хотите меня?

— Нет.

— Невежливо. А почему — нет?

— Я этим не играю.

Она задумалась, прищурилась синие, умные глаза, потом тихонько молвила:

— Вы мне тоже ² нравитесь, но, знаете, вы — единственный, кого я не хочу захоронить и в кого могла бы влюбиться серьезно, надолго.

— Спасибо.

Смеясь, она сказала:

— Ой, зверь, задала бы я вам жару!

Это она могла сделать, она легко опрокидывала весьма опытных спутников, заставляя их ползать у ног ее точно ужей, бегать за нею ящерицами. Умная по природе, очень начитанная, она была интересна, а туберкулез наградила ее неутомимым и хотя несколько истерическим, но красивым возбуждением. Хорошо, — хотя и не верно, — говорила она мужу и мне:

— Вы оба — прокрустософы!..

— Что это значит?

— Прокрустософия — ваше стремление сделать всех людей упрощенными, удобными для вашего понимания. Это — ваша наука.

— Нет такой науки, Сашура, — серьезно сказал Ф.

— Ну, тогда пусть это будет болезнь, психофагия, желание пожирать души: ³

⁴ ее же царство и сила и слава во веки веков! Да, да, да! Все из нее, через нее, все к ней».

Он был инженер ⁵ атеист, строил паровозы ⁶ и считал математику высшим видом поэзии:

² [нрзб.] ³ Далее в рукописи идет пустая страница. ⁴ Отсюда начинается следующий листок. ⁵ инженер — вписано. ⁶ строил паровозы — вписано.

— Ну, что Толстой? Это — забава, Толстой! Вы читайте Пуанкаре «Наука и гипотеза» — во-от!

Но, сын старообрядца сибиряка, он говорил: «во веки веком», а не веков, защищал «сугубую аллилуйю» и видел ⁷ в хождении «по солонь» некий особый, глубокий смысл. Когда Сашура сказала ему, что любит казацкого офицера, М.⁸ — удивился:

— Да, ведь, он — глуп!

Затем пошел к офицеру и спросил его:

— Вы жену мою — понимаете? Любите! Любить ее, батенька, очень просто, а, вот, понимать — трудно; это очень нежная, очень сложная душа! Она потребует от вас всей порядочности, а я, знаете, думаю, что вы не очень порядочный человек!

Офицер схватил револьвер, прострелил ему левое плечо, тогда Макаров уныло сказал:

— Ну, вот, я так и думал: вы человек глупый! Ну-те-ко, помогите мне перевязать плечо. Да уж, хоть молчите, что стреляли в меня, а то Сашуре будет неприятно...

[1921—1924]

[2]

«Он — любил ее, она наполняла дни его радостью».

Ему нравилось ласкать жену именно в те дни и часы, когда она явно не хотела этого, но если б она догадалась спросить его, зачем он делает это, — он не знал бы, что ответить ей.

— Саня! ¹ Моя бессмертная душа хочет понять твою бессмертную душу.

— Ах, перестань, пожалуйста, издеваться.

Но —

[1921—1924]

7

Воспоминания о незнакомом человеке.

<Произвол искусства не менее жестокий, чем всякий иной произвол.>

Рклицкий.

Разбудить ее и сказать, как дитя: мне страшно! ¹

— Ха-ха,— говорит он ², — отбросив газету, потирая руки.

<— Ты знаешь — фальшивую монету делали уже за 580 л[ет] до Р. Х. Да. Ахейцы в Италии>

— Знаешь, если б 905-й год привел Россию к демокр[атической]

⁷ Исправлено, было: находил ⁸ М. — вписано, было: он

¹ Исправлено, было: Саша

¹ Исправлено, было: — Господи — мне страшно! ² потирал

респуб[лике]! — наше участие в войне было бы... вероятно, мы уклонились бы от ³ Евро[пейской] войны ⁴.

Бог и тигр.

Ему нравилось ласкать жену именно в те минуты, когда она не желала этого.

Кажется я достаточно хорошо оклеветал этого человека, подчиняясь произволу искусства не менее

Я ничего не знаю об этом человеке и мне не ясно ⁶, как, откуда явилась у меня необходимость думать ⁷ о нем. Эта необходимость настойчиво ⁸ мешает мне ⁹ писать что-либо другое, упорно ¹⁰ заставляя меня вообразить жизнь человека незнакомого и, в сущности, не интересного.

— Скорей, скорей,— хочется крикнуть во тьму.

Да ¹¹, необходимо, чтоб все это шло скорее и — кончилось. <— Произвол стихии, произвол инстинктов ¹² и неизбежное насилие разума ¹³, произвольно создающего логику фактов. А ¹⁴ факты совершенно лишены логики ¹⁵, взгляни хотя бы на эту ¹⁶ войну ¹⁷, циничнейшую из всех войн>

— Вселенная — глупость.

[1921—1924]

8

[МИРОНОВ]

... спутанность его суждений было бесполезно. Мионов очень любил свои мысли, а чужие не доходили до него, он отталкивал их простыми словами:

— Сказать все можно, на горе наше... и, хлопая ладонью по переплету Библии, добавлял:

— Вот сколько сказано ¹.

Ему рассказывали о социализме, как основе будущего государства, он даже заставил себя прочесть несколько брошюр, посвященных этому вопросу, и отверг социализм, сказав насмешливо:

— Для дураков — подходяще, а для меня — не годится. Чтобы я, мастер своего дела, пошел на уравнивание с бесталанными всякими? Нет, прощайте! К тому же социализм этот установлен через сотню лет, а людей сейчас, вот, надобно в порядок привести. Страху надо нагнать в жизнь, чтобы все взмолились: «Что хотите сделайте с нами, только избавьте от страха!» Людей надобно вот так ущемить, как этого попа².

³ войны ⁴ вероятно мы уклонились бы от Евро[пейской] войны — *вписано, но слова — наше участие в войне было бы — не вычеркнуты.* ⁵ Он ⁶ *Исправлено, было:* не могу понять ⁷ *Исправлено, было:* писать ⁸ и упорно ⁹ *работать]* ¹⁰ упорно — *вписано.* ¹¹ совершенно ¹² произвол логики фактов *наследующего* ¹³ и неизбежное насилие <логики> разума — *вписано.* ¹⁴ *Исправлено, было:* Но ведь ¹⁵ факты просто ¹⁶ бес[смысленную] ¹⁷ войну — *вписано.* ¹ чего хотите и за, и против, чего хотите... ² Емму рассказывали с этого попа — *ставка на отдельном листке.*

Уже после первого свидания с Золотницким он задумчиво объявил мне:

— А этот несчастный поп что-то знает! Понять его трудно, однако что-то у него есть в мозге...

Через некоторое время он уже более уверенно рассказывал:

— Я так понимаю, что в огне он видит честность, справедливость. Всех греет, все может расплавить, сжечь, — а? Как думаете?

И побывав у полуумного ³еще два-три раза, Миронов ⁴прибежал ко мне в будний день, даже не сняв передник, испачканный клеем и лаками, хотя всегда, выходя на улицу, одевался чисто. Сумрачная сдержанность его исчезла, он взволнованно передвигал свои тяжелые очки и говорил:

— Надо так понимать: все мы живем в скрытом огне, он и есть начало всему. Навоз сам собой загорается, так же и сено. Мука солодеет, значит тоже горит. Тележные оси горят...

Оборвав цепь доказательств своих, он хлопнул картузом по колесу, вопросительно посмотрел на меня сквозь очки и потише сказал:

— Это, конечно, так себе и даже пустяки, можно сказать. Тут не от ума надобно ⁵идти, а от безумия, — вот что я понял. Бога нет в распоряжении нашем, а без него кому поверим, если нам и скажут: «нельзя!»? Кроме кулака и палки, никому не умеем верить. Но это не вера, а боль ⁶ — против же ⁷распутства жизни только ⁸страх ⁹действует.

Наклонясь ко мне, Миронов спросил:

— Как вы думаете, ежели провозгласить богом огонь? Это — многократно убедительно.

И столяр отсчитал на пальцах левой руки:

— Силен, прекрасен, честен, а — главное — во истину существует!..

Я напомнил ему, что ведь он атеист, но Миронов обиженно ответил:

— Ну, так что ж? Я и столяр не для себя. Я человек честный, проживу и без бога, а вот другие люди — как?

Он выслушал мои соображения о судьбе «других людей» сумрачно, молча, ушел недовольный и вскоре, продав мастерскую свою, куда-то исчез. Помню его последнюю фразу:

— Людей надо привести в порядок...

В 908 году, на Капри, один сибиряк, доктор, рассказывая мне, как в Томске избивали и жгли ¹⁰интеллигенцию города, сказал, между прочим:

³ с[вященника] ⁴ нашел в словах бывшего еретика ⁵искать ⁶Исправлено, было: страх ⁷же — вписано. ⁸только — вписано. ⁹не ¹⁰в театре

— Особенно неистово и зверски вел себя столяр нашей больницы Парфен Миронов, — он сам едва не сгорел, загоняя людей в огонь. Положим, он вскоре после этого сошел с ума, вообразив себя архангелом Михаилом...

[1922]

9

ИСПЫТАТЕЛЬ

[4]

〈В двери¹ явилось странное² существо,³ широкогрудый карлик⁴, держась маленькой детской ручкой за косяк⁵, опираясь другою рукой на коротенькую палку⁶, он несколько секунд нерешительно покачался⁷ на кривых ногах⁸, затем⁹ пополз вперед, к столу¹⁰, потеряв сходство с человеком, жутко похожий на огромного паука. Двигался он неровными толчками, разбрасывая ноги направо и налево пристукивая палкой о пол, шевеля — балансируя — свертком бумагами. Он был горбат, весь искривлен, изломан, блестел его лысоватый череп и неестественно было¹¹ маленькое личико, голое и тоже угловатое, — на этом лице не хватало мяса. Утонул в кресле. Голова над столом казалась отрубленной.〉

Речь.

— Все — выдуманно, все наше ценнейшее заключается в более или менее счастливых выдумках. Евангелие и закон термодинамики, любовь и ленточная пила.

〈¹² Гигантские солнца, чьи размеры выражаются нами в фантастических цифрах, — это маленькие искорки во тьме вселенной. Возможно, что вселенная это безграничный черный камень, а все то, что мы видим и называем нашим небом, и все млечные пути, предполагаемые нами, — все это, весь наш мир помещается в одной из внутренних пор камня. Неизвестно и нельзя понять: хотят ли эти искры разгореться и взорвать, расплавить¹³ тюрьму свою, или они стремятся угаснуть, чтоб тем〉

¹ а) держась за косяк б) явился ² странное — *описано*. ³ похожий на паука малень[кий] ⁴ на кривых ногах ⁵ покачива[ясь] ⁶ опираясь ∞ палку — *описано*. ⁷ *Исправлено, было:* а) странно, то как бы собираясь прыгнуть качался б) нерешительно качался ⁸ потом и ⁹ вдруг ¹⁰ и сразу приобрел жуткое сходство с пауком, огромным пауком. ¹¹ голое ¹² Вселенная тьма ¹³ камень

Фельетонист:

— Ненавидит меня губернатор!

Живет исключительно воображаемой ненавистью губернатора; эта ненависть — весь смысл его бытия, она его возвышает.

— Монументально. Колоссально. Огромно. Грандиозно. Монолитно.

Испытатель?

Преступление.

Не всякий может убить человека.

Писал рассказ, удивлялся тому, что выдумывает.

Борода лисьим хвостом. Сознание благополучия.

— Это из тех оригинальных людей, которые не заслуживают уважения.

Углубление материализма до идеи: материя = энергия, а высшее качество энергии — мысль и воля человека, к этому — к выработке этой энергии и — сводятся все процессы природы.

Вымести из обихода представления о Боге, эволюции и вообще все метафизические «сущности» — как неудачные результаты стремления к синтезу процессов вне и внутри человека. Самосинтез — отнюдь не «познание самого себя», не построение догматических клеток и схем — морали, философии, отнюдь не телеология; человек — самоцель.

Платоновы «идеи» лишь формально отличаются от идей буддизма.

Знание — как сила и знание — как попытка организации хаоса феноменов, как искание цели «смысла» жизни.

Жизнь — бесцельна, потому что непрерывно текуча. Ускорение темпа жизни делает ее еще более враждебной телеологическим выдумкам.

Консерватизм телеологии. Стремление к нормам. Нормативное мышление и функциональное.

Половые эмоции и зависимость разума от них.

Некультурность половая.

Мысль не имеет, не может и не должна иметь законов.

Логика = насильственной организации впечатлений бытия в ту или иную систему сообразно кастовым — социальным — удобствам.

Отсутствие «само».

Поле физической работы и поле «воображения».

Христианство, привитое им предрасположение к жертве, — все, что от него осталось. Кажется, это и все, что было в нем. Мораль со-страдания и ее консерватизм.

Чувство отвращения к страданию как основа иной — активной — «морали».

Политические повара. Кашевар.

По рыжему небу ползут голубые клопы — литерат[урный] прием З. Гишпиус.

Малосовестная — как: малосольная.

[5]

Пророчество суть дальновидение = гипотезе; гипотеза научная как пророчество.

Наличие интуиции и экстаза в том и другом случае.

Мистике познания предшествует — где-то в подсознательном — мистика предчувствия истины.

Истина как результат творческого напряжения.

Возможна ли иная истина?

Познание и постижение.

Процесс претворения ощущений мира внешнего в мир внутренних.

Неизбежность произвола мысли и чувства: климат, раса, наследственность, отравление внушениями эпохи. Атмосфера «устойчивости обычного».

Психическая энергия и энтропия.

Иллюстрации:

[6]

Неоспоримо, что христианство весьма способствует развитию скептицизма: утверждает недостоверность показаний разума, ставит на место объяснимого необъяснимое — чудо и т. д.

Кроме Ренана — и не говоря о Монтэне — очень показателен Паскаль, не менее — Шатобриан, Де-Местр.

Современные: Жамм, Клодель и т. д.

[1922—1924]

10

РАССКАЗЫ О'ГАРА

Рассказы О'Гара, англичанина; был судьей в Ирландии во время революции, пишет книгу «Психология убийства».

Священника шинфейнера преследуют сторонники английского правительства. Он советуется с другом своим, англичанином:

— Что делать?

— Идите в штаб правительственных войск.

— Но там меня арестуют?

— Возможно.

Священник пошел и обратился к полковнику англичанину с просьбой о защите.

— Защищать вас нам несколько неудобно, — сказал полковник, — но — вот вам револьвер, вот патроны — защищайтесь сами!

* * *

В вагоне трамвая сидит величественный английский «боби». Входит мальчик, ирландец, лет шести и, направляя в нос полицейского игрушечный револьвер, командует:

— Руки вверх!

* * *

К ирландцу священнику пришла на исповедь приезжая англичанка, ревностная католичка, и стала длительно рассказывать ему о своих сомнениях по поводу некоторых догматов.

— Все это — глупости, — сказал священник. — А ты мне скажи, когда последний раз была пьяна?

* * *

На улице маленького городка собралась толпа ирландцев:

— В чем дело, — спросил полицейский.

— Бомба.

— Ну и что же?

— Мы хотим посмотреть, что с нами будет, когда она взорвется.

* * *

Потребление алкоголя было запрещено в Ирландии в годы войны и, как у нас, по всей стране развилось тайное винокурение. Это преследовалось штрафами, тюрьмою, донощикам на винокуров давались премии.

Судья пошел на охоту, попал под дождь, промок, заплутался и, наконец, набрел в лесу на шалаш, где трое ирландцев любезно приняли его и даже угостили доброй рюмкой виски. Идя от них, он догадался, что это были винокуры, а на другой день с ужасом узнал, что как раз в той местности, где он встретил их и пил виски, найден аппарат. И в тот же день встречает гостеприимных преступников в каком-то учреждении.

— Послушайте, — осторожно говорит он им, — надеюсь, вы не думаете, что это я выдал вас?

Они отвечают:

— О, конечно, нет. Мы знаем, что вы джентльмен. Но у нас испортился аппарат и мы сами выдали его, чтоб получить премию. Теперь мы купим новый аппарат и уверены, что угостим вас виски лучше той, которую вы пили вчера.

* * *

Встретив полицейского инспектора верхом на лошади, ирландец спрашивает:

— Эта лошадь, на которой вы едете, не лошадь полицейского инспектора?

— Но ведь вы меня знаете!

— Да конечно, но я хочу быть вежливым с вами.

* * *

Кружок методистов. Глава их говорит:

— Я, мисс Поттер и герцогиня Бельфорд с несокрушимой точностью установили, что Троцкий — воплощение Сатаны. Именно Троцкий, а не кто-либо иной, о, нет.

— Мы — я, мисс Поттер и герцогиня Бельфорд очень смеялись, узнав о извержении Этны. Мы, разумеется, заранее знали, что это будет.

* * *

Б[ернарда] Шоу спрашивают:

— Как оплачивают немцы переводы ваших книг?

— Неужели вы полагаете, что я беру деньги с этой несчастной, разоряемой страны?

И — вздохнув:

— К тому же их марка ничего и не стоит...

* * *

Арнольд Беннет. Его спросили:

— Что побудило вас написать эту книгу?

— 8000 фунтов,— ответил он.

* * *

Англичанин-шпион докладывает начальнику своему:

— В общем мои наблюдения сводятся к тому, что на днях нам следует ожидать целый ряд новых террористических актов, ибо в воскресенье много ирландцев причащалось, так всегда они делают, решаясь убивать.

[После 25 сентября 1922—1923 г.]

ИЗ «СОРРЕНТИЙСКОЙ ПРАВДЫ»

[1]

Сочинение в стихах о пьяном, который шел ночью по улице и бормотал сам¹ с собою, а также ударился лбом о монумент

Примечание.

Печатаая ниженапечатанное стихотворение начинающего поэта², редакция разрешает себе легкую нескромность, которая, на-верное, читателям будет приятна. Автор лично известен пишущему эти строки как честный комиссионер по продаже байковых оде-ял популярной фирмы «Закхей Тушканчик и Сдети». По скромности автора³, а также из опасения скомпрометировать указанную солидную фирму, он подписал свой чуть-чуть нескромный труд псевдонимом⁴, но подлинное, т. е. по паспорту — имя его Аристид Балык. Он уроженец известного в истории города Сморгони, его отец был⁵ почти всю жизнь настоящим греком⁶, на что указыва-ют познания автора в мифологии, Библии и других древних нау-ках. Происхождение матери автора, а также имя ее не открыто, ибо она скончалась от неосторожности за одиннадцать месяцев до замужества и до рождения⁷ талантливого Аристида, вследствие че-го он был лишен счастья питаться молоком ее груди и что, видимо, отразилось на его⁸ раннем пристрастии к напиткам иных свойств⁹. Однако пристрастие это не помешало Балыку¹⁰ еще в возрасте 52-х лет испустить в свет¹¹ литературный труд¹², который привлек внимание широкой¹³ публики своею теплотой и мягкостью. Это было сочинение на меловой бумаге¹⁴ в прозе и в красивой облож-ке под титулом: «Прейскурант байковых изделий фирмы Закхей Тушканчик и Сдети». Ныне многообещающий Балык посвятил себя исключительно литературе, и мы надеемся, что талант его раз-горится яркой звездой в зените небес Аполлона.

С почт[ением] Козьма Горячкин, метранпаж.

Толкая в плечи и бока,
Вокруг качаются дома,
Земля — как бурная река,
А я играю роль сома,
Плыву, черт побери, меж тумб,
Как этот... Христофор Колумб!

¹ сам себе ² гр[ажданина] «Инвалида муз» ³ он подпи[сал] ⁴ «Инвалид муз» ⁵ долгое в[ремя] ⁶ что ⁷ высокого ⁸ позднее[м] ⁹ Исправлено, было: иного ро[да] ¹⁰ уже ¹¹ испустить в свет — вписано. ¹² Исправлено, было: литератур-ным трудом ¹³ широкой — вписано. ¹⁴ на меловой бумаге — вписано.

СОРРЕНТИЙСКАЯ ПРАВДА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА

И

1.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Восвельно!

Мысли читателя - А. Синишкин.

Сознание эти пьяном, который шел костью по улице бормотал
ам обую, так же ударился лвом о монумент — Иннальд Муз

Счастливые мысли из прошлого — Одинокий.

Мои мемуары — Лея Р

Потомы ящ

Шарабы

рника

Шахматы.

О явления

Я пропил больше ста монет
И пьян, как древний старец Ной,
Но — ничего! Ведь Хама — нет,
Кто посмеется надо мной?
А — интересно знать — как Хам
Отнесся бы к моим стихам?
Я пьян, как не был пьян давно,
Пьян до ушей, черт побори!
Хам был со мной и пил вино,
Коньяк, ликер и Поммери.
Ах, лучше бы со мной сидел
Ной, первый в мире винодел!..
У Хама прыщеватый нос
И рожа цвета красной меди.
Какую чепуху он нес
О жизни, о любви, миледи!
Нет, — как приятно жили встарь:
Мила Агарь и — взял Агарь!
Миледи! В мире есть закон:
«Хорошенького — понемножку»
Но, — лишь тогда мне ясен он,
Когда я вижу вашу ножку.
Когда передо мной ваш бюст
И нежный очерк ваших уст.
Стой... Монумент. Герой — ура!
Ты — тверд, ты весь из бронзы слит,
А плоть моя пьяна, стара,
Душа — болит. И — лоб болит.
Ной тоже стар, но — крепок телом
И в частности, и в целом.
Герой! Ты армии брал в плен,
Ты истреблял, без счета воев,
И был, наверно, видный член
В семействе бронзовых героев.
Ты — не завидовал Приапу,
Ты — молодчина! Дай мне лапу!
Ушел? Нет, это я иду,
Он — там, стоит на пьедестале.
Неужто дьяволы в аду,
Как я — в раю земном — устали,
И пить вино им не велят?
Тогда — жалею дьяволят!
Вода? Откуда тут вода?
Ага, здесь выкопана яма!
Известно, что вода всегда
Стремится вниз бежать упрямо.

А я стремлюсь... к себе, домой...
 Как все логично, Боже мой!
 О, слово, сладкое для слуха —
 Дом, дома, дому, домом, дом!
 Как будто — осень, дождь, и муха
 О ¹⁵ стекла бьется глупым лбом.
 Я этой штуке знаю цену,—
 Я часто бился лбом о стену.
 Схватив в охапку облака,
 Какой-то черт,— должно быть — злой,
 Вдруг сшил подобие мешка
 Адмиралтейскую иглой,
 И — спрятал в тот мешок луну,
 Ну,— черт с ней ¹⁶. Лягу и — усну.

¹⁷ Инвалид муз

Еще примечание

Ввиду того, что коллегия начинающих писателей не считает себя достаточно опытной в литературных нравах, она пригласила в качестве специалиста по вопросам этого порядка¹⁸, а также и как метранпажа,— что по-русски значит: страничный мастер,— гражданина Козьму Горячкина. Это очень энергичный человек и весьма искусный организатор; участвуя в гражданской войне, он вполне достойно командовал полусотней башкир.

Коллегия начинающих
 [Октябрь — ноябрь 1924 г.]

[2]

Почтовый ящик

Гражданину Иоасафу Затрихееву-Православному.

Вы пишете:

Шагаю по земле тугой
 Одной ногой, другой ногой...
 Куда иду? И — кто я, где?
 Я — муха на сковороде.
 А вдруг минуты через три
 Ее нагреют изнутри?
 И — что же я тогда, куда?
 Жить очень трудно, господа!

¹⁵ стену

¹⁶ Чудесно... ¹⁷ Нестор Пимов ¹⁸ гражданина

Пессимизма не одобряем. Вторую фамилию Вашу находим неприличной. В существование «господ» не верим.

[3]

Гр. Кирику Плёнщик

Вы сочиняете:

«Любовь — слепа, любовь — коварна...»
Как хочешь ты ее зови,
А все же сердце благодарно
Судьбе за каждый миг любви!

Мы против сексуального оптимизма. Мы находим, что восхваление грубого полового инстинкта стоит в резком противоречии с лучшими традициями нашей литературы. Советуем прочитать — и внимательно! — «Крейцерову сонату» писателя Льва, — не смешивать с Федором и Алексеями — Толстого. А также поучительную «Бездну» Леонида Андреева и его же «В тумане».

Далее вы разразились:

«Сгорают в пепел люди, Боги
На пламенном ее костре.
Какие муки и тревоги
Тревог и мук любви острей?»

Так-с. Ну, а что же вы скажете о тревогах честного гражданина?

Эх, молодой человек! Плохо начинаете. Во множественном числе боги пишутся с прописной, а не с заглавной. Желаем вам владеть вашими чувствами хотя бы с тем, незначительным, умением, которое вы обнаруживаете в стихах. Удовлетворяя желание ваше, портрет ваш в журнале помещаем.

[Октябрь — ноябрь 1924 г.]

[4]

¹ *Артишоки*

Стихотворение Гвидо Ачетабулы

Два сольдо мама мне дала,
«Купи — сказала — артишоки,
Но, — берегись! — чтоб тот, высокий...»
Я не дослушала, ушла,
Я знала все, что может мать
Любимой дочери сказать.

¹ Мариучча

Два сольдо мама мне дала,
И, вот, я прихожу на рынок.
Высокий — робок, точно иннок,
А я — смела, я весела...
Но повозилась я немало,
Пока взяла все, что желала.
Его я горячо любила.
И — вдруг ведут меня в тюрьму...
Не помню, как все это было...
Да! — Изменила я ему!
Нет, — он мне изменил сначала.
Как я бесилась, как кричала!
Как все забавно, Боже мой!
Не знаю, где теперь высокий...
Со мной уж, кажется, седьмой,
И миновал девятый год,
Как я пошла по артишоки...
А мама-то меня все ждет!

Перевел Аким Углоухов

[Ноябрь — декабрь 1924 г.]

[5]

В воде без видимого повода
 плескался язь,
В траве передо мной два овода
 вступили в связь.
Ах, многое доступно оводу,
 что мне — нельзя!
Но вдруг приходит дама по воду,
 сплугнув язя.
Затем она разделась до гола,
 как снег бела,
Ногой волну реки потрогала
 и — поплыла.
О том, что знать хотят знакомые,
 не говорю...
Благодарю вас, насекомые,
 благодарю!

[Ноябрь — декабрь 1924 г.]

Письмо в редакцию

Граждане редактора!

Ввиду отказа Вашего печатать в «Сор[рентийской] пр[авде]»¹ произведения мои, прошу поместить² одно из таковых в качестве письма в редакцию; полагаю, что в этом качестве Вы обязаны напечатать его, ибо оно весьма³ ябедно, что и требуется от письма в редакцию.

Примите меры.

М. Горький

Уступая назойливости г. М. Горького, печатаем его

«Стон кашеода»

Своих созданий жизнью дорожа,
Установил Господь для всех нас норму корма:
А посему: еж должен есть ужа,
Льву — эфиоп на завтрак — норма.
Миссионер — обед для дикаря,
Дикарь Европе обречен⁴ на ужин.
И, вообще, — короче говоря, —
Закон Господен ясно обнаружен:⁵
Чтоб мы не слопали все сущее до тла,
Бог, зная аппетиты наши,
Велел есть всем из общего котла,
А я, вот, ем из Гефсиманской чаши,
Куда Закревская Мария налила
Какой-то кисленькой и жидкой каши.

[Ноябрь — декабрь 1924 г.]

Заметки

Б ы т

Петр Иванович Гоголин, сидя в Самаре на пристани и покачивая ногой, говорил мне:

— Зарезал я четырех жен и — не очень жалею.

¹ мои ² толь[ко] ³ жалобно

⁴ *Исправлено, было:* Европе обречен дикарь. ⁵ *Далее следовало:* И все едят из общего котла. Лишь я один из Гефсиманской чаши, куда Закревская Мария налила какой-то жидкой, кислой каши. (*Текст заклеен*).

Каждый вечер, оставаясь один, писатель П. запирает дверь на ключ, садился к столу и цветными карандашами исправлял опечатки в старых газетах, которые копил на шкафу. При этом он предварительно надевал красный китайский халат и большие очки.

* * *

Впрочем, люди очень странно поступают не только наедине, но и вдвоем. Каждый раз, перед заседанием Коллегии «Всемирной литературы», проф. Ф. А. Браун насканивал на акад. С. Ф. Ольденбурга и пытался — совершенно безуспешно — его забодать.

Я заметил, что новобранцы ведут себя в том же роде.

Испытатель

Митька, сын кронштадтского дьякона, обварив бабушку кипятком, спрашивал у отца, когда тот порол его:

— А кожа у нее непременно отстанет? Это — закон природы?

[Ноябрь — декабрь 1924 г.]

[8]

Диалогный разговор метранпажа Горячкина с одной весьма страстной испанкой

— Ты меня не любишь, нет?

— Разве я тебя не целовала?

— Милая, это не ответ!

Милая, мне поцелуев мало!

— Мало,— ты сказал? Как странно!

Разве есть иная аллилуйя,

Разве есть иная осанна,

Больше моего поцелуя?

— Я хочу, чтобы ты пила

Сердца моего горький мед,

Как золотая пчела

Сок цветка жадно пьет!

— Нет, бери все то, что я даю,—
Я отдать себя безумно рада,
Но не надо мне печаль твою,
Горя твоего — не надо!
— Ну, тогда ты — свинья!

Горячкин, метранпаж

Примечание автора.

Диаложным разговором называется, по-испански¹, беседа мужчины с женщиной, когда она приличная, неприличная же беседа зовется — полемика. Dio — на испанском языке — Бог, остальное понятно.

Полемика² — слово русское³, от глагола — ломать,⁴ а, может быть, от слова — полено.

[Ноябрь — декабрь 1924 г.]

[9]

Поэма о Халифе Али Гассане

I

О, человек! Ты — горделив.
Но, вот, смотри:
Жил где-то в Сирии Халиф
Гассан Али.
Дивились люди и слоны
Его уму.
Носил он желтые штаны.
Носил чалму.
Имел он сорок шесть детей,
Сто десять жен,
И множеством других затей
Был окружен.
За каждый маленький грешок
Он жен своих
Сажал безжалостно в мешок
И — в воду их!
Но был он все же не тиран
И не буйн.

¹ приличная ² — кажется, ³ должно быть ⁴ — подраз[умеается]

Конечно, он читал коран,
Курил кальян.
Он воевал, но — не любил
Он воевать.
А если враг его и бил:
«Ну, наплевать!»
Врагу, спокоен, точно льнь,
Платил он дань.
Давал ему и фиг и дынь —
Все больше дрянь.
«Ведь умер даже Одиссей,
Хоть Трою брал!»
Затем, с земли своей, со всей,
Он второе драл.
Со всех сторон ему дарят
Стада скота,
Кто тащит лучший свой наряд,
Кто даст kota.
Он не гнушался малых доз:
Брал купорос,
Для жен — букеты алых роз,
¹ Телят и коз.
Брал судаков, рабов и рыб,
И чай, и мед, —
Все перечислить мы могли б,
Считая год.
Так жил Халиф и пил коньяк,
Портвейн, кумыс.
Он все любил, что любит всяк,
И вы, и мы-с!

II

Сидели нежные халифки
Вокруг бассейна
И пили сладкие наливки
Весьма рассеянно.
Какие дивные округлости!
Какие линии!
Какие бледности и смуглости!
Но — все в унынии.
Они сидели обнаженными
И ждали случая:

¹ И мед,

Придет Халиф, и между женами,
Кто будет лучшая?
Иная воду ножкой бронзовой
Толкнет слегка,
Но хоть ты тут китайской бонзой вой —
Тоска, тоска!
И мечут дамы взгляды ревности
Одна другой,
А евнух, воплощенье древности,
Согбен дугой.
И вдруг одна, сжигая зенками
Сего осла,
Сжав подбородок свой коленками,
Произнесла:
«Смотрите,— он еще тощей на мхе
Седом камней!
Ах, позабыли мы о Штейнахе,
А — кто умней?»
Шаля, упала вновь нога в струю,
Миллионы брызг!
А дамы говорят про Австрию
И смех и визг...

III

Год миновал. Халифу кажется,
Что он ослеп.
Лицо его чёрно, как сажика,
А взгляд — нелеп.
Так странно, так несвоевременно
Средь жен его
То та, то эта вдруг беременна,
Но — отчего?
Родятся мальчики и девочки
Штук по восьми.
Халиф орет во гнев:— «Где очки?
Черт вас возьми!»
Он твердо знал, что в этом случае
Не виноват.
«Нет, почему,— кричал, всех мучая,—
Гарем чреват?
Час от часу все хуже, хуже мне!» —
Кричит Халиф.
«Родятся дети в день по дюжине,
Всех жен — в залив!»

Но евнухи прикрыты дамами
(Оне в штанах).
Помолодели, смотрят хамами
«Ура, Штейнах!»
И вдруг толкать Халифа начали
В бока, живот,
Затем — в родильный дом назначили,
Пока живет.
Он — взвыл:— «Как? Я детей баюкаю,
Утратив жен?»
Так был безжалостной наукою
Халиф сражен.
О, человек! Не дело ль Демона
К науке страсть?
Не существует ли затем она,
Чтоб рушить власть?

[Декабрь 1926 г.]

[10]

Анекдоты

из быта русской провинциальной жизни, записанные Осипом Тиховым с приложением портрета записавшего.

На торжище Всероссийском, сиречь на Макарьевской ярмарке, в цирке, под самым под кумполом показывали ловкость свою некие немцы, знатно — муж с женою, хотя сия последняя, судя по сложению тела, была ему незаконной, т. е., как все немки, с мужем в церкви не венчана. Но и то надо сказать: какие у них, у немцев, церкви? Чать и войти-то стыдно, не токмо венчаться. Так вот,— играла в цирке, как полагается, музыка для сокращения конюшенного запаха и внезапно умолкла, что бывает перед тем, как паяцам и фокусникам желательно показать особо опасный фокус. А на сей раз, как сказано, дело было под кумполом, на чрезвычайной высоте. Молчит музыка и собрание публики — тоже, подняв носы вверх, а в ожидающей тишине и раздался обиженный голос:

— Айда, Степан, домой, эти не расшибутся!

Из чего следует, что каждый человек желает получить за свои деньги наиболее приятное и необходимое ему.

Некий уездный предводитель дворянства, будучи женат на бабе испанского происхождения и выслушивая от знакомых похвалы необыкновенно испанской красоте ее, говорил огорченно:

— Вполне согласен, что жена моя довольно прелестна, но — горе! Вот уже двенадцать годов не может она привыкнуть к русской кухни кушаньям и до того упрямо страдает расстройством желудка, что оставаться наедине с нею даже и на краткое время — нет возможности.

Некоторые полагали, что господин Зыбин говорит так решительно из чувствований злой ревности, однако же было замечено, что детей у него от испанки ⁴ не было. И хорошо, что не было, у нас и без того иностранцев хоть отбавляй.

Иван Иванович Гнеушев, церковный староста у Жен Мироносиц, содержатель торговых бань, а также торговец дровами, попав, по пьяному делу, в Коммерческий клуб, где некий ученый путешественник что ли, или кто другой, рассказывал публике, что надобно открыть северный полюс и другие, — сказал, рассердясь:

— Вот — сволочи! И кто им позволяет шебаршить? Откроют они полюса эти чертовы, начнет оттудова дуть и станет у нас еще холоднее!

Когда же ему замечено было, что как сам он торгует дровами, то сие открытие полюсов к явной его выгоде послужить должно, — он ответил даже с негодованием:

— Что ж ты, сударь, думаешь: ежели я гробами торговал бы, так мне самому для пользы дела и людей убивать надо?

Окружающие весьма смущены были ответом сим, и с той поры слава Иван Иваныча, как человека умного, весьма упрочилась.

Оранского монастыря монах, отец Гавриил, весьма древний старец, рассказывал, по секрету, знакомым такой исторический случай: ⁵ родитель его, Гавриилов, был в Муроме калашником, и вдруг забегает в Муром сам Бонапарт; в ту пору французы, живя в Москве, до того изголодались, что даже набольший ихний сам бегал калачи воровать. И вот, эдак-то, забежал к родителю Гавриилову под окно, слямзил калач, а родитель его цап за руку, да за ухо, натрепал, спрашивает:

пет ⁵ от[ец]

— Ты что это, а?

А тот ему, со слезами:

— Донне муа калачик пур ле бон Дьё!

Что по-нашему значит:

— Подай, Христа ради!

Тут родитель убедительно и говорит:

— Эх ты, Бонапартишко, неудачный ты человек! До чего ты довел себя озорством. На, возьми, калач-то. Да — шел бы ты домой, к жене, к детям, довольно колобродить. Иди,— из дружбы говорю!

Подумал Бонапарт,— согласился:

— Верно,— говорит,— Семен Васильич, уйду я, нехорошо тут, у вас, холодно очень.

После этого случая и ушел он с двенадцатью языками своими прочь от нас, а потом из дома, из французской страны, прислал калашнику благодарственное письмо, и за письмо это били калашника кнутом, а после заслали в Сибирь, далеко.

Да, вот оно! Ежели ты мелкий человек, хотя бы и калашник, ну, все-таки, храня покой своей жизни, в историю не путайся!

Осип Тиховоев.

Следует продолжение.

[Ноябрь — декабрь 1924 г.]

12

ПАНФИЛОВ ПЕТР СЕМЕНОВИЧ И [СПОЛНЯЮЩИЙ] [ДОЛЖНОСТЬ] СУДЕБ[НОГО] СЛЕДОВАТЕЛЯ.

— «В переводе с греческого на русский язык моя фамилия значит: Всёлюбящий. А я, вот, по какому-то курьезу, ничего не люблю, кроме уженья рыбы. И никогда не любил. Женщин всю жизнь боялся, хотя был женат; студентом женился на квартирной хозяйке моей, вдове. Жил с нею полтора года, даже 19 месяцев,— адова жизнь! Не стоит вспоминать. Изменяла она мне со всеми приятелями моими, но я даже тайно благодарен был им за их внимание к тучным прелестям се. Наконец — с почтальоном, разносчиком писем, на даче. Это уже было противно.

Говорю:— Как тебе не стыдно, матушка, накрывать себя разной дрянью! — А она: «Он — внебрачный сын полицмейстера, во-первых, а во-вторых, у него качество необыкновенной стойкости». Качеством она называла член. Убил ее дантист, вырвал зуб и — заражение крови. Умирая, стонала, звала в бреду:

— Миша, Миша!

А Миша сосед, гимназист, подросток, лет 15-и.»

[1925]

[НАД ЗАЛИВОМ]

[1]

¹Над заливом кружится ²неприятно теплый ³ветер, вздымая невысокие волнишки. Воздух насыщен тяжелой сыростью ⁴, солнце как будто ⁵не в силах высушить его ⁶, солнце смотрит на залив сквозь ⁷жидкие полупрозрачные ⁸облака, они все более сгущаются ⁹, напоминая ¹⁰грязноватый ¹¹лондонский туман ¹², ¹³Кажется, что облака хотят опуститься ¹⁴, причесать ¹⁵вместе с ветром курчавые космы волн, сделать синевато-зеленую воду ¹⁶гладкой, как ¹⁷поле ¹⁸для игры в гольф.

Не очень высоко над заливом трещит и плавает аэроплан, похожий на осетра, у которого жаберные плавники развиты уродливо ¹⁹. Пыхтит маленький буксир, подводя к берегу ²⁰плашкот, нагруженный огромными камнями для защиты набережной от буйства моря. Рыбак тоже серый, точно камень, добывая съедобные ракушки ²¹, скоблит морское ²²дно драгой, посаженной на длиннейший шест, его лодка ²³легла бортом на воду, так что ²⁴готова опрокинуться вверх килем; прислонив конец шеста к плечу, рыбак равномерно ²⁵дергает шест, качается, шест мешает ему упасть за борт торчмя головою. Тяжелая работа, очень тяжелая ²⁶.

Набережную украшают тыс[ячи] десятков ²⁷людей, они созерцают ²⁸работу рыбака и серый ²⁹английский крейсер, глубоко ³⁰вдавленный недалеко от берега в маслянистую воду, у бортов его вода кажется густою, точно зеленая краска, которой красят крыши. На крейсере что-то поскрипывает, гремит железо цепей, суетятся матросы, маленькие, точно ³¹кошки, рядом с двумя низенькими, но огромными ³²трубами судна ³³. Недавно газеты сообщили, что на этом судне офи[церы] устроили забастов-

¹ Первоначально было начато: Ровной тяжелой струею течет ветер к Вос[току]. ² ветер ³тяжелый ⁴ Исправлено, было: Ветер — тяжелый, сыроватый, и ⁵ как будто — вписано. ⁶ Исправлено, было: [нрзб]. воздух и ка[жется?] ⁷ <пе[лену]> покров ⁸ полупрозрачные — вписано. ⁹ они все более сгущаются — вписано. ¹⁰ Исправлено, было: Облака напоминают ¹¹ грязноватый — вписано. ¹² Далее было: а) и кажется, намерены опуститься б) Можно думать, что облака намерены опуститься ¹³ Об[лака] ¹⁴ <на воду> взволнованный залив ¹⁵ Исправлено, было: и причесать, раздавить ¹⁶ залива спокойной, ¹⁷ площадка ¹⁸ поле — вписано. ¹⁹ Исправлено, было: с уродливо развитыми, жаберными плавниками ²⁰ тяжелый ²¹ добывая съедобные ракушки — вписано. ²² морское — вписано. ²³ накл[онилась] ²⁴ кажется ²⁵ равномерно — вписано. ²⁶ Не очень высоко ∞ тяжелая. — Вставка на полях. ²⁷ бездельников ²⁸ тяжелую ²⁹ серый — вписано. ³⁰ глубоко — вписано. ³¹ суетятся матросы, ∞ трубами судна — вписано на полях. ³² низенькими, но огромными — вписано. ³³ и пушками его.

ку, требуя для своего развлечения «джаз-банд». Интересно: как отнеслись к этой забастовке матросы?

Крейсер — довольно красивая штука, такая ловкая ³⁴, ладная, но в общем ³⁵ напомнила мне очень глупое ³⁶ чудовище, которое я давно как-то видел во сне, похожую на стерлядь, полузмее, полурыбу, без плавников, без головы ³⁷, с одним глазом на ³⁸ переднем конце, а под глазом ³⁹ широкая пасть ⁴⁰, полная тупыми, как у лошади, зубами, чудовище это занималось тем, что выкусывало из берега широкой реки куски земли, образуя в ней широкую дыру.

Один из людей, созерцающих крейсер ⁴¹, бедняк ⁴², в растоптанных ботинках, с дырою на локте пиджака, отчаянно жестикулируя, с восхищением рассказывает, что эта куча ловко слаженной ⁴³ стали, плавающая по воде, стоит ⁴⁴ четыре миллиона ф[унтов] с[терлингов]. Я очень плохо считаю, но мне кажется, что на 40 мил[лионов] рублей можно бы построить несколько тысяч школ. Меня одолевают наивные мысли ⁴⁵: если б Лига Наций приняла советский ⁴⁶ проект о разоружении, — сколько миллиардов было бы освобождено для дела культуры! ⁴⁷ Впрочем, вероятно ⁴⁸, миллиардеры ⁴⁹, дикари Европы и ⁵⁰ С[оединенных] Ш[татов] А[мерики], раскрали бы эти деньги ⁵¹. Дикари ⁵², на средства которых строятся ⁵³ многомил[лионные] глупости, ходят в ⁵⁴ худых сапогах и восхищаются ими. На борьбу с болезнетворными бактериями тратятся ничтожнейшие средства, хотя ⁵⁵ туберкулез, сифилис истребляют миллионы работников земли. ⁵⁶ Для истребления этих работников ⁵⁷ их же руками ⁵⁸ строятся броненосцы, чудовищные пушки и всяческие орудия уничтожения «живой силы».

Странно, что гнусность этого противоречия не доступна сознанию людей, которые защищают христианскую культуру от разрушения ее большевиками ⁵⁹.

Христиане, вот наиболее бесстыдные лгуны ⁶⁰.

На днях у меня был советский человек, юрист, философ, ныне занятый устройством холодильников. Он уверенно говорил о том, что мы скоро будем конкурировать на Евр[опейском] фруктовом ⁶¹ рынке с Калифор[нией], засыпем Евр[опу] нашей яго-

³⁴ в ней чувствуется и напоминает ³⁵ ладная, но в общем — *вписано*. ³⁶ очень глупое — *вписано*. ³⁷ без головы — *вписано*. ³⁸ его ³⁹ под глазом — *вписано*. ⁴⁰ и широкой пастью ⁴¹ созерцающих крейсер — *вписано*. ⁴² созерцающий ⁴³ ловко слаженной — *вписано*. ⁴⁴ три ⁴⁵ чудовищно глупо или <идиотски> цинически умно устроена жизнь ⁴⁶ *Исправлено, было: русский* ⁴⁷ Хотя ⁴⁸ банкиры и ⁴⁹ Золотые ⁵⁰ особенно ⁵¹ Эти люди поистине племя дикарей. ⁵² в расп[оряжении] ⁵³ *Исправлено, было: делается* ⁵⁴ рв[анных] ⁵⁵ лихор[адка] ⁵⁶ А ⁵⁷ строятся из ⁵⁸ *Исправлено, было: силою* ⁵⁹ *Исправлено, было: Это гнусное противоречие все еще не усвоено с тою ясностью, которой оно заслуживает и требует* ⁶⁰ На борьбу с бесстыдными лгуны — *вписано на полях*. ⁶¹ фрук-

дой. И с восторгом рассказал, что первый транспорт нашей свинины из Од[ессы], прибывший ⁶² в Геную, вызвал серьезную тревогу ⁶³ среди австралийцев и американцев ⁶⁴, снабжающих Италию мясом.

О холодильниках он говорил, как художник о книге, которая, он чувствует, удалась ему. Молодой, здоровый, поэт своего дела, он ⁶⁵ оставил по себе ⁶⁶ впечатление силы ⁶⁷, радости жить ⁶⁸, работать и ⁶⁹ той уверенности в успехе, которая заражает слушающего верой в неодолимость ⁷⁰ человеческой воли, направленной разумно.

Он мне напомнил <резкий ответ>

[2]

Страшно много на земле людей, которым нечего делать¹ не потому, что для них нет работы, а потому, что они чувствуют себя созданными не для работы².

Было бы³ приятно⁴ думать, что они не работают⁵ потому, что не хотят делать глупости, такие⁶, как, вот, броненосцы, крейсера⁷.

Совершают и ждут⁸. Или — уже ничего не ждут эти люди на набережной?⁹

[3]

«Красоту делает солнце» — сказано в одной из старинных песен¹ Прованса², правда этих слов особенно ясна³ на берегах Неаполитанского залива. Густо голубое, шелковое небо, маслянисто-синеватая вода моря, на сероватой земле берегов⁴, — белые города⁵ в темной зелени лимонных рощ⁶ и серебристой листве олив. По спокойной, как небо, воде залива скользят лодки рыбаков, гребут здесь длинными веслами⁷ стоя, а не сидя и от себя, а не на себя⁸.⁹ Равномерные поклоны людей воде¹⁰ вызывают странное впечатление — <люди кажутся>

[После марта 1928 г.]

товом — *вписано*. ⁶² прибывший — *вписано*. ⁶³ *Исправлено, было:* серьезное вол[нение] ⁶⁴ *Исправлено, было:* среди австралийских и американских [их] ⁶⁵ произвел ⁶⁶ оставил по себе — *вписано*. ⁶⁷ уверен[ности] и ⁶⁸ быть ⁶⁹ уверен[ности] ⁷⁰ *Исправлено, было:* победу

¹ *Исправлено, было:* которые ничего не делают ² *Далее после пробела написано и зачеркнуто:* Дикари, на средства которых <стре[мятся]?> делаются глупости 40 000 000 ³ *Исправлено, было:* Хотелось бы ⁴ приятно — *вписано*.

⁵ *Исправлено, было:* не любят работу ⁶ такие, как — *вписано*. ⁷ *Исправлено, было:* подобные, напр[имер], броненосцам и крейсерам. ⁸ *Исправлено, было:* Ждут ⁹ Было бысьс набережной — *написано на полях*.

¹ *Исправлено, было:* одной странной песне. Странной — *явная описка Горького*. ² и ³ *Исправлено, было:* ярка ⁴ На сероватой земле берегов — *вставка на полях*. ⁵ <на> среди садов и ⁶ *Исправлено, было:* деревьев ⁷ длинными веслами — *вписано*. ⁸ и от себя, а не на себя — *вписано*. ⁹ <Это> Ныряющие ¹⁰ и голубоватым домам

[ДЕД МОЙ ПИСАЛ...]

Дед мой писал остренькими буквами, они были очень похожи на мелкие гвозди ручнойковки. Из них составлялись колючие словечки, дядя Яков, читая его письмецо, сказал, вздохнув, качая головой:

«Деловито пишет и, будто, ласково, а, ведь, ненавидит меня, ей-богу, право! Ненавидит!

Затем он рассказал:

«Как-то пришел я домой немного выпивши, да,— чтоб не заметил отец — лег, будто заснул. Он подошел ко мне, постоял, понюхал, и говорит:

— Уснул Яша, устал видно, спит, как малое дитя.

И — с размаха как хватит меня поперек живота железным аршином, так у меня — сердце зашло, даже крикнуть не мог».

[1930—1936]

15

Правдивый рассказ о злодеяниях черта¹

Черт.

— Миром управляет случай. Случай, это — мой псевдоним. Я — если вам угодно знать — черт. Так как вы — не верите в бытие чертей, то вы мне, конечно, не поверите. А, все-таки, я — черт, и это ко мне вы посылаете все, что вам не нужно, надоело, вообще всякую дрянь, которая² мешает вам жить. (Пауза.) Вижу и чувствую, что вы сердитесь, полагая, что я напрасно морочу вам головы. Вы убеждены, что я — один из артистов, обязанных играть роль черта в этой пьесе³. Автор пьесы⁴ это — я, а в то, что я существую,— вы не верите. Однако — существует пьеса, вы пришли смотреть ее, а я в ней — играю.

Так как действие всегда убедительнее слов, я — начинаю действовать.

¹ Исправлено, было: Заговор случайностей или: правдивый рассказ о мелких злодеяниях черта. Первое заглавие не зачеркнуто, но к нему приписано синим карандашом слово — нет. ² которая — вписано. ³ Далее было: кстати скажу, не [очень остроумной. Это — можно сказать, автора в театре нет. Прибавлю: автора вообще — нет, потому что автор ⁴ пьесы — вписано.

⟨ Диктатор, его жена, любовницы.
Кандидат в диктаторы, его жена, любовницы.
Бывший диктатор, жена, любовницы.
Папа — не женат, обслуживается одной любовницей.
Епископы, кардиналы.
Генералы.
Банкиры.
Промышленники.
Бандиты.
Журналисты.

— Позвольте! Я — тоже бандит.

— Вы? Вы наивный человек.

— Я убил 13 человек.

— Вы слышите? Он убил 13.

— Скверная цифра.

— Нет, вы поймите: убил 13 и хвастается ⁵

[Февраль — апрель 1932 г.]

[МЕЛКИЕ НАБРОСКИ]

1

Я боялся обнять жену лишний раз, чтоб она не родила еще сына
чтоб тебе не пришлось делиться с кем-то.

Петр: Вы, папаша, говорите, как провинциальный актер,
ей-богу.

[1900—1901]

2

Глупым тетеревом нахохлился вечер и токует о вечности.

И луна, словно маска клоуна — ⟨заколдована⟩¹

В аду своего призвания

Перед судом последнего часа

Особенно сладко сознание грехов

В часы утомительной скуки

[1900—1901]

⁵ Текст в угловых скобках вычеркнут синим карандашом.

¹ взволнован[а]

3

Река, точно поток пламени.
Степь думает — марево.
Золотые пчелы. Воробьи.

[1904—1905]

4

— Хороший человек должен себя прятать, а не соваться вперед всех, стыдя других.

[1906—1909]

5

[1]

Я так хорошо знаю все [это], что уж будто и не знаю.

[2]

〈Одна я очень. Нет человека душе моей, — мне подходящего Мужиков — много, а людей, вот, нет. А если б〉

[1906—1909]

6

Я Тебе, Господи, ангела рожу!
Я несчастная пленница —
Василиса Премудрая...

[1907—1911]

7

— Требую уважения ко мне, — у меня дедушка в Сибирь сослан был...

[1908—1910]

8

Ах, это глубокая тайна — чьим лакеем будет завтра благородный человек...

[1910—1917]

Если человек, укушенный скорпионом, сядет на осла — яд скорпиона перейдет ослу.

[1914—1915]

10

О вывесках остроумных:

В городе Костроме на одной вывеске изображено:

«Циник и лудильщик».

В Москве, на Трубной, над дверями пустого магазина сказано:

«Магазин закрыт навсегда».

Там же, в одном из переулков, вывеска изображает детскую кроватку с ребенком в ней, а ниже написано:

«Сих дел мастер».

Еще:

«Починка седел, хомутов.

Исак Вояжев»

[1918—1921]

11

Повесть ¹ о веселом человеке
Якове Даниловиче Яблочкове:
Пострелит-те в зубы!

[До 1919 г.]

12

Три дурака.

Огонь. Смерть. Зачем.

И ваше начальство ничего не понимает и наше ничего не понимает, надобно бы нам самим, братишка, понимать чего-нибудь.

— Давно пора, дядя!

— Ну ступай. А то тебя пристрелят или повесят.

— Тебе что [?]

¹ Было: Рас[сказ]

— Ничего. Только — жаль, все-таки. Шея у тебя для виселицы тонка — ты себе иди шею нагуляй.

[До 1919 г.]

13

¹ Белая завеса снега тихо колебалась над рекой, тяжелые хлопья, как лепестки мертвых цветов, медленно падали в холодную, темную воду и исчезали в ней, они покрыли пушистым ковром ² палубу парохода и большими гроздьями украсили мачту.

Устало хлопая плечами колес по густой воде, пароход шел против течения и, вздрагивая от усилий, глухо ворчал, а вокруг него и над ним бесшумно крутился осенний снег, скрывая своей белой мутью и даль и берега.

[До 1919 г.]

14

〈 — Чать не я — для нее, а она — для меня.

— Почему это?〉

〈Ненужная борода〉

Жизни — тпру не скажешь

Дрёмово.

У него идеи очень странной формы. Есть такой стиль, кажется его зовут... изогнуто, все изогнуто! Смешано! Знаете, мысли могут быть прямыми и тонкими ¹, у художников они похожи на кольца дыма сигары, у социологов многоугольники ².

〈Как можно меньше труда, как можно больше удовольствий!〉

Умереть голодным — какая глупость!

Заматорелость в преданиях и никакой идеи.

[До 1919 г.]

15

[1]

— Для меня мир безразличен.

— Вы это утверждаете?

— Да. Конечно.

— Как же можно, относясь ко всему безразлично, нечто утверждать?

— Софизм, батенька.

¹ Над рекой бесшумно колебался снег [нрзб.]. ² всю

¹ 〈некоторые?〉 иногда они ² Исправлено, было: квадрат

〈Солнце всегда

Все на свете одинаково — а люди думают разное.

Пришла пора разорваться деревне надвое и никакими нитками, ни даже канатами не сошьешь ее теперь, ни даже веревками.〉

[До 1919 г.]

16

Похвалили кочан капусты: «Вот крепок!», а он и возгордился:
— Я — ананас!

[До 1919 г.]

17

С а ш а.

Саша — горничная — 18—20

Екатерина Власьев[н]а Добрынина

Серафима — приживалка

Парфен Добрынин — владелец гастрон[омическо-го] ма[г]а[зина]¹, отец города

² *Нянька*

Зобины

Дегтярев

Микешин — купцы

Петреев — полиц[ейский] пристав

Дьякон — Поп

Коношилов — адвокат

Любашечка — вся в улыбках

Здравствуйте, Ек[атерина] Вл[асьевна?]

[1920—1929]

18

ПЬЕСА

— Народа кругом — тысячи, а напр[имер] о револ[юции]¹ поговорить не с кем. А с которым заговоришь, так он тебе что-нибудь о хлебе, — хлеба мало, лошадь пала, плохо стало² и вообще. Н-ну, против хлеба что скажешь?

[1920—1929]

¹ гласный д[умы?] ² Добрынин

¹ а напр[имер] о револ[юции] — *вписано*, ² лошадь пала, плохо стало — *вписано*,

— Граждане...

— Ты этого слова — не говори, ты забудь его. Я тебе — не гражданин, я — исконно русский человек, богу и царю... А граждане — это громилы... всесветные громилы... разрушители мира... читай газеты.

— Не ори.

— Орать я буду. И намерен орать тоже на все пространство русской земли.

Носит темные очки, ходит с палкой¹. Очки снимает только в минуты сильного возбуждения, и тогда всем видно, что глаза у него здоровые.

— Достань мне книжки о героях... Обо всех героях, какие были на земле.

— Человек иронический и, при этом, химик. А химиком стал после того, как отсудил у² лаковый завод.

— Спирохета Маврикиевна...

— Спирохета? Такого имя — нет.

— У нас — все есть, мы страна разнообразная.

— Это — не женщина, а болезнь спирохета.

— Иная женщина — хуже всякой болезни.

— Ну — соврал! Ну и — что? Тебе — чем это вредно? Дура!

— Он, действительно, и в огонь, и в воду. На пожаре у Тебенковых полез в огонь-то — ребенка вытащил... Ребенченко, положим, паскудный³. Он — как паяц — ему все едино что делать, лишь бы глядели.

[1920—1929]

20

Смолокуров был человек, достойный своей судьбы.
Люди у нас обыкновенные.

— Господи! Он — дурак.

И сказал Господь:

— То-то я гляжу: у него рожа восторженная.

— Помоги!

— А на что я тебе разум дал?

¹ но глаза у него здоровые, ² Далее у Горького пропуск слова, ³ А весной в ледоход

Ненужные вещи красивее ¹ необходимых, потому что они нужнее.

В Праге на Съезде уч[еных] евразиец Савицкий провозгласил здравицу Чингизхану.

[1920—1929]

21

Не философ, а поскольку природою человеческого ума обязан философствовать — делаю это.

[1920—1929]

22

Книжки, по которым вы живете, уже изношены и не могут играть для вас роль галош, в которых вы ходили по грязной действительности.

[1920—1929]

23

И весьма вероятно, что больше всего будет жаль первую пирису, которая выкуривается каждое утро всегда с новым удовольствием.

[1920—1929]

24

〈Сон М. И.

Ночлежка. Койки. Невидимое чтение. Люди в подрясниках и котелках. Их иронические поклоны, ехидные улыбочки.

— Это — неучтиво!

Единственные слова, кот[орые] она могла сказать.〉

[1920—1929]

25

— Есть странная разница между птицами и собаками: чем красивее птица — тем она глупей, чем уродливей собака, тем умнее.

[1920—1929]

¹ Исправлено, было: нужнее

И сказал Господь Адаму:

— Ну, братец, вот тебе жена. Устраивайся...

Адам был не глуп, он тотчас же обнял Еву и поцеловал ее.

— Ах,— воскликнула она,— однако вы не очень церемонны! — И не без гордости предупредила его:

— Вы — первый мужчина, который целует меня.

Случай из книги Бытия¹.

[1920—1929]

27

— Папа, почему мы платим извозчику?

— Потому что ему нужно кушать.

— А почему ты не берешь извозчика, который уже покушал?

[1920—1929]

28

Это я — в честь себе ставлю, а вы, сударь, национальничаете.

[1920—1929]

29

Девочка спрашивает:

— Тигр может съесть бога?

Ей говорят:

— Бог — бесплотен.

— Невкусный, да?

Девочке пытаются объяснить, что такое бесплотность.

— Понимаю,— говорит она,— это как воздушный пирог.

[1920—1929]

30

...Никакой критики я не боюсь, и хотя вы пользуетесь известностью,— утверждаю: вы человек не русский.

И, поднимаясь в лестницу, он впервые почувствовал унизительную тяжесть своего тела.

[1921—1923]

¹ *Исправлено, было:* Из первой книги Бытия.

31

Гроб ¹ — ящики из-под мыла.
Вера П. встала на колени, молится.

[1921—1925]

32

ДЛЯ КОМЕДИИ

Люблю женщин обижать, ¹ смешно, протестуют они. Воз[никновение] протеста.

[1921—1929]

33

Пришел ко мне человек громаднейшего роста, рыжий, глаза зеленоваты[е], положил на стол портфель весом с полпуда, вынул портсигар, спрашивает:

— Курить можно?

— Ну-ну,— думаю,— этот из ГПУ.

[1922—1929]

34

Руки людей чаще всего напоминают звериные лапы, птичьи лапки и даже плавники тюленей, рыб.

У Клэр Шэридан идеально человеческие руки.

[Август 1923 г.]

35

〈Гимназист Тумпоков.

— Еще какой-нибудь миллион лет и солнце погаснет, а вся земля покроется ледяной корой.〉

Онтысам

— Если я спрошу вас: любите ли вы свою жену и как именно любите,— вы меня пошлете к черту ¹: это будет естественно, ибо ² мой вопрос — грубое ³ вторжение в интимную вашу жизнь. Мое отношение к моей работе столь же интимно и чувственно, как ваше ⁴ отношение к женщине.

[1924—1926]

¹ из ящиков

¹ оскорблять или

¹ и ² 〈вы〉 я ³ грубое — *вписано*. ⁴ ваше — *вписано*.

Другой раз он говорил о моей склонности «выдумывать» после того, как я сказал, что «шес медеянский, вероятно, — Ме-диоланский — Миланский. Кажется, в средневековые Милан славился какими-то особенно злыми или крупными собаками. «Лаяй, яко пси медеянски».

У Мельникова-Печерского: «Кобель медеянский». В просторечьи. Дед мой часто ругался так.

[1924—1928]

37

— А до Персии—далеко отсюда?

— Зачем тебе Персия?

— Да... надо же иной раз подумать о чем-нибудь что далеко. <Крас[ота?] Ал[ины?] требова[тельная] и пугающая>

[1925—1929]

38

«Мирлая Марля Викентовна, до чего же рлада я видеть вас».

«Прлиехали в лим—пырль, автомобирли едут тихохонько, как за покойником»

«В Рлотерланском-то соборле идорлы китайские, индусские—подумайте!»

[1926, октябрь]

39

П. Ф. Унтербергер, нижегород[ский] губернатор, говорил не плохо, четко, но всегда заикался на слове парламент:

— П-п-парламент—

— А — он какой с вида, Сатана?

— Рыжий.

— Вот уж неправда!

[1926]

40

Стучат в дверь.

— Кто там?

— Хозяин вселенной.

— Кто-о?

— Творец Вселенной, не понимаете?
— Пр-рошу пожаловать. Весьма польщен... Но, послушайте,
да, ведь вы Иммануил Кант...

[1927]

41

<Казань.

Т. Кондыбин и пьяный.

Елец — Мамонтов. Собрали наиболее красивых девиц, сначала их изнасиловали офицеры, затем отдали казакам, а казаки, используя девиц, привязали их за косы ко хвостам коней и, ставив в реку Сосну, утопили.

Кизляр. Выкидывали раненых красноармейцев из окон второго этажа, заставляли других раненых, предварительно раздев их догола, отвозить раненых в яму и закапывать.

Владикавказ — гибель 18 т. красноармейцев, тиф[озных] и раненых.

Т. Румянцев — пытка. Лопнул черепной шов.>

Старики. Квартирные хозяйки.

В. С. Семенов.

Экскаватор кусает землю.

Будет скусывать горные хребты.

Жидкий воздух.

Фабрика-кухня.

«Авангард». Дети.

Писатели, писатели. Рабкоры. Т. Елисеев в Казани. Александров—сплав леса.

ГПУ! Отбор людей. Охрана раб[очего] класса? Не только. Как завод.

Комсомолка-татарка. Пионер.

Монастыри. 15, только в 27-м К[райисполком?] уничтожил 13.

«Вавилонская башня, у которой смешались языки».

«Отказал рабочему, у которого умирал ребенок, в незначительном авансе».

«Любить человека, стоящего вне достижения».

На красном бакеце—чайка.

Расходы на религиоз[ные] обряды в 28 г. по В[олжско]-К[амскому] краю — Тат[ар]ски[и] возросли.

Сельсовет постановил: засуха происходит от посевов табака, и потому: выдрать посевы с корнем.

До 27 г. 13 монастырей.

Принес в жертву единственную лошадь.

В Старой Юмбе большинство демобилизованных кр[асно]армейцев придерживаются старой веры <из вернувшихся>. В Уральской марийской деревне один из «кортов»-жрецов б[ывший] красноармеец, другой — предсельсовета, его лишили избират[ельных] прав. Обиделся. Так же 3 корта в Биме лишены избир[ательных] прав, хотя они «постановили молиться за С[оветскую] власть».

[Июль-август 1928 г.]

42

Добродушно равнодушные.

— Что будем делать?

Пауза, затем — Лазарь:

— Купи ему фиников, он финики любит.

Братя Лобковичи.

[1928]

43

Землетрясение.

Разрушаются дома, бегут люди, бросая детей, — бежит собака, тащит кутенка, схватив его зубами за кожу на шее.

[1930]

44

Морских ежей надобно уважать¹, они почти подтверждают учение церкви о непорочном зачатии.

— Против мор[ского] ежа спорить невозможно.

— Социализм? Это, чтобы всем поровну? Согласен, но — чтоб не больше шести тысяч в год, а излишек отбирать. Большая

¹ *Исправлено, было:* Имейте почтение к морским ежам

семья? А ты роди по средствам. Преувеличенное количество людей ни к чему.

〈Изменил фамилию: Семиков — Семиоков.

Он, оник-то пустячок пустой — кружочек, а — благообразит.〉

[1930 — начало 1931 г.]

45

Есть люди, которым нравятся тухлые яйца и «тронутые» рябчики.

[Конец 1931 — начало 1932 г.]

46

Читал «Заметки» Бунина и вспомнил тетку Надежду, вторую жену дяди моего Михаила Каширина. Дядя и его работник били бондаря, который, работая в красильне, пролил синюю «кубовую» краску. Из дома на шум вышла тетка, и, схватив кол, которым подпирали «сушильные» доски, побежала, крича:

— Ну-те-ко, постоит-ко, дайте-ко я его...

На Бунина тетка Надежда ничем не похожа была, — огромная, грудастая, необъятные бедра и толстейшие ножищи. Рожа большая, круглая, туго обтянута рыжеватой, сафьяновой кожей, в середине рожи — маленькие, синеватые глазки, синеватые того цвета огоньков, которые бывают на углях, очень ядовитые глазки, а под ними едва заметный, расплывшийся нос и тонкогубый рот длинный, полный мелких зубов. Голос у нее был пронзительно высокий, и я еще теперь слышу ее куриное квохтанье

— Ко-ко-ко-го...

[Январь 1932 г.]

47

— Помнишь, как Ильич?

— Н-да...

— Обширнейший, емкий человек был. Человек на страже судеб мира...

— Классовые причины болезни. Пример: энергичнейшая партия ¹, физиологически вполне нормальная женщина, вдруг заболевает истерией. Переутомление? Нет, хуже. Брат ², которого она воспитала, влопался в скверненькую историю, бежал за границу, возвратился, работает ³, и нелегально живет в Союзе. Она об этом знает, но — молчит. И, вот, на почве этого ⁴ преступ-

¹ партия — вписано. ² Исправлено, было: Братиска ³ работает — вписано. ⁴ этого — вписано.

ного молчания, возникает истерия, которая делает ее почти инвалидом. Случилось так, что врач, который лечил ее, старый приятель, догадался прямо поставить пред нею вопрос: в чем дело. Она — сказала. «Ну-ка, дуреха, пойдем куда следует». И — хочешь верь, хочешь — не верь: а через полтора часа беседы женщина выздоровела. Никакой истерии.

— А — брат?

— Не знаю. Кажется — застрелился, что ли.

[1930—1936]

48

Дождь смывал пыль со стекол, капли стекали мутные.

— Точно жемчуг,— сказал Сотомин.

[1930—1936]

49

Мать.

— Жить надо, глядя ¹ через головы людей.

[1930—1936]

50

— Какие новости? Новостей у нас много! Незаметно растут, по весне трава заметней всходит. Живешь изо дня в день, будто в пустынях, как привыкли, а оглянешься —

Научились сопоставлять факты.

Раньше, бывало, старик помирать собирался ¹. Так если сила есть — в баню, чистую рубаху наденет, волосья причешет, ляжет в передний угол, попа ему позовут. Ну и... сам знаешь, как отважно помирали. А теперь, вот, матюкнул, да и — все, и неси его на погост.

Ну, что же, был?

Не был, а слышал его.

[1930—1936]

51

Случай в лесу —

убийство двух девиц «джентльмэнами».

[1930—1936]

¹ в даль

¹ в баню ход[ил]

М. И. В-ва обиженно:

— Неправда, что сифилис — болезнь идеалистов¹.

С гордостью:

— Мопассан не был идеалистом².

[1930—1936]

53

— Царь, он вроде пожарного на каланче...

— Ну, это, конечно, не годится, унижает царя.

— Пример никогда не унижает.

Вавилонская башня.

— Ежели единоначалия не признавать.

— Дворяншки, адвокатишки...

[1930—1936]

54

Эак — ключарь ада.

Апостол Петр — рая, встретились, рассуждают о праведниках и грешниках, поссорились.

Эак:

Гесиод — «Прометей»

Афанасьев

Боккаччио

Василий — у Ириня, у [него?]

[1930—1936]

55

Изогнулись назад до того, что уже касаются языком своей собственной ягодицы.

Для цензора. Я знаю пределы приличий, я не говорю: *лижут*.

Впечат[ления] бытия пропадают в темной пустоте этой души.

⟨Некоторые из них заседают в парламенте, хотя по достоинствам своим должны бы сидеть в тюрьме.⟩

Был он человек уверенный в своей исключительной даровитости, обладал чувст[вом] соб[ственного] достоинства и склонностью к заоям.

Для удовольствия души —

Почаще чеши.

[1930—1936]

¹ *Исправлено, было:* Неправда, что идеалисты, *далее:* сифилис — болезнь — *описано.* ² *Исправлено, было:* — Мопассан был не идеалистом.

Он из тех людей, которые думают, как им прикажут.

Убеждения этих людей заменяют сбрую на итальянских ослах.
Я дум[аю]

[1930—1936]

57

Вот это он и был, который прошел мимо нас мелким-то шагом с посошком¹-палочкой в руке, с кошельком на боку, сухонький такой.

— Дай в рожу плюну!

Сведущий старичок в очках.

Вдова Болотина с тройкой детей.

— Показывай срам твой².

Ну, она конечно показывала — что делать? Показать — стыдно, да — детей-то кормить надо? То-то. Покажет и бежит прочь, лица нет на ней, глаза погасли, вроде как потеряла их, а рот — открытый, как раненая бежит, ей-Богу!

В ту пору, как началась в городах революция и городские бросились в деревню за хлебом, за картошкой, жил, процветал у нас Федор Семенов Якимов, мужик большого ума, хотя бедный.

Богатство не всегда уму сопутствует, дорогие мои!

[1930—1936]

58

[1]

— Он всунул старику пистолет¹ в рот и выстрелил, видела я, как *одна рука старикова дернулась вниз, а другая взмахнулась к плечу* и голова тоже вздрогнула, будто сапуха, а когда он упал, видно стало, что голова-то лопнула.

Потом — резали ремень из спины мужа. Обморок.

— Ты, по зубам не бей меня, зубов у меня уж нету!

[2]

Обнимая ноги:

— Михайло... Васильич... андел, отпусти...

Толкая его коленями в плечи, в подбородок:

¹ посошком — *вписано*. ² — дам

¹ *Исправлено, было: р[евольвер]*

— Я ж тебя, сволочь, не держу... ты сам меня держишь.
К толпе:

— Видите? Держит.

Заставил поклониться в ноги и прижал ногою голову его в лужу, в грязь.

Лобачев — встал, ругается, с лица, с бороды течет грязь.

Михаил — сбил его с ног ² ударом «под душу», и, раскорячив ноги, как будто дрова колот ³, прикончил Лобачева-то из пистолета.

— Вот как надо поступать, мужики. Мы помещиков били, уж наше дело и работников бить.

[1930—1936]

59

Огонь как «явление природы» есть истина.

Какая там психология, когда дело идет о книжках!

[1930—1936]

60

Англичанка в зоосаду рассматривает крокодилов:

— Ах, какие милые, какие прелестные. Но я называю их ящерицами.

[1930—1936]

61

Если человек, сидя в грязной луже, жалуется на сырость, он, конечно, ¹ имеет право жаловаться, но лужа-то не высохнет от жалоб.

[1930—1936]

62

— Мужика дóсыта не накормишь.

— Всякому свой чирей дорог.

[1930—1936]

² и ³ Исправлено, было: рубил

¹ прав

Как будто мужик пашет в цилиндре на голове и в перчатках.

— Я верую в Бога.

— А Саваоф—в резиновых галошах ходит и с зонтиком.

Оказалось: не Саваоф, а часовых дел мастер Абрам Окунь.

[1930—1936]

64

¹ Был конец апреля, море нагревалось, мгла под ним

[1930—1936]

65

〈Узловая станция.〉¹

На электростанции что-то испортилось, лампы гасли то вдруг ² все сразу, то постепенно краснея. Это увеличивало обычную суету людей на вокзале, в темноте им становилось тесно ³, наскакивая друг на друга, они сердились, кричали, и особенно громко, отчаянно ⁴ звучал высокий чей-то голос:

— Да — чорт вас возьми...

Все люди как-то подпрыгивали.

[1930—1936]

66

〈¹ — Гораздо больше людей, которые мешают жить, чем таких, кот[орые] необходимы или приятны мне.

Ты можешь свободно избрать любую линию мысли, но не любое окружение.

— Дело-то — новая метла поговорки, которая чисто метет.〉

— Хвастовство бесправностью.

— Тревожно торжествовали.

Нерешительно...

— С высоты второго этажа.

〈— Как собачка?

— Господ по запаху узнаешь. Настоящие господа тепло пахнут.

— Сытно?

— У них понимание причин. Они ² от предков сотнями годов приспособлялись к наукам, чтобы причины понимать.〉

[1930—1936]

¹ Был апрель

¹ *Написано сверху на полях.* ² вдруг — *написано сверху.* ³ они то толкались ⁴ отчаянно — *написано сверху.*

¹ Волосья глаза, синеватые веки. Стук каблучков ² в предк[ов]?

Похоронное бюро «Богатырь»
(бывшее «Добро пожаловать»).

Продажа гробов и всех предметов упокоения по ценам утраченного времени.

Доктор.

— Если вы настаиваете, я могу дать больному слабительное, но — предупреждаю: прослабит его уже на том свете.

Улита.

— Ах, если так, тогда — не надо.

К. П. Победоносцев, блаженный Иероним и Генрих Гейне.

[1930—1936]

Наиболее характерные анекдоты

1. Немецкий.

Кельнер подает гостю бульон с вермишелью, гость хочет облить бульоном свою голову, кельнер кричит:

— Что вы делаете! Это — бульон!

— Ах, я думал это — шпинат,— отвечает гость.

На глупости.

2. Американский

Человек в кондитерской:

— Сделайте мне пирог в форме буквы «б».

— «б», мистер Броун?

— «б», говорю я.

— С чем, мистер Броун?

— Безразлично.

— Но у нас нет формы для пирога в форме буквы «б».

— Сделайте форму.

— Олл райт. Через два дня, м[истер] Броун!

— Безразлично.

Через два дня:

— Ваш пирог, м[истер] Б[роун].

— Вери уэлл. Но, он слишком велик.

— Велик, м[истер] Б[роун]?

— О, да! Нужно убавить на треть.

— Убавить, м[истер] Б[роун]?

— О, да!

— Но у нас нет формы для пирога на треть меньше этого.

— Сделайте форму.

— Через два дня, м[истер] Б[роун]?

— Безразлично.

Через два дня:

— Вот ваш пирог м[истер] Б[роун]! Надеюсь,— это сделано?

— О, да!

— Прикажете прислать вам, м[истер] Б[роун]?

— Нет, я съем его здесь.

На эксцентризме и высмеивании бессмысленной траты времени.

3. Английский.

К доктору приходит дама и говорит:

— Я не хочу иметь детей.

— Пейте стакан холодной воды.

— До или после?

— Вместо.

На лаконизме.

[1930—1936]

69

— Не забудьте сказать моему сыну, чтоб он не падал с лошади.

— Благодарю вас, сэр, но он уже упал.

[1930—1936]

70

Вопросы Дарьи:

— Ты сама спала?

— Да.

— Это очень скучно?

[1930—1931]

71

Беседы детей между собою:

— Где тебе купили шапочку?

— Это — не купили, а мама связала.

— ¹ Моя лучше. Мне купили в Торгсине, там продается все ² самое лучшее. Покупать надо в Торгсине.

Девочка была в гостях ³, пришла домой, мать спрашивает:

— Ну, что — весело там было?

— Очень. И давали апельсины. Мама,— почему у нас ⁴ никогда нет апельсинов?

— Проживем и без них.

— А почему другие не живут без них, если все равные? Ага, вот значит и не равные.

⁵

[1930—1936]

¹ А ² все — *вписано*. ³ была в гостях — *вписано*. ⁴ нет ⁵ У меня отец [нрзб.]

Диалоги с Петром Крючковым,
гражданином 3-х лет 4-х месяцев от рождения

Я. — Ну, это глупо, Петр.

Он. — Совсе не глупо. (Подумав). А я не люблю слушать старичков...

Уязвил, сунул руки в карманы, ушел прочь, а на другой день говорит:

— Дедушка — знаешь: есть такие старички маленькие. Они — толстые, и бороды у них — вот такие! (Широко размахнул руками).

Я. — Где ты их видел?

Он. — Нигде не видел, Таня видела.

Я. — Она как называла их — гномы?

Он. — Никак не называла. Они — попы-облопы, они поют в церкви, где ресторан, просто поют: у-у-у!

И чтоб я понял, зачем все это говорится, он добавил:

— Это — не такие, как ты, они — плохие.

20? IV

Согнул спину, раскорячил ноги, шаркает подошвами и говорит:

— Вот как ходили подлые буржуи!

[20 апреля 1936 г.]

Он был рядовым бойцом и тот факт, что т. т. признали его способным командовать ими, внушил ему не сознание своего преимущества над ними, а только убеждение, что рядовой боец может быть командиром. Это — повысило в его глазах ценность каждого бойца, бережливое отношение к нему.

Рискнуть на показ своим

[1930—1936]

II
СТАТЪИ

[ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В АМЕРИКАНСКИЕ ГАЗЕТЫ]

Американцы хотят, чтоб я¹ ответил на шум, поднятый газетами. Я уже отказался от такого объяснения, ибо, как я сказал раньше, считаю ниже своего достоинства отвечать на вопросы, которые касаются интимной жизни человека, и постановку таких вопросов считаю грубейшим нарушением внутренней свободы личности. Но, когда во главе людей, желающих слышать мое объяснение, стоит М. Твэн, когда находишься в стране, где рядом с широкой политической свободой свобода внутреннего мира так стеснена силою предрассудков, когда мое личное дело ставят в тесную связь с успехом того великого дела, ради которого я сюда приехал, и когда враги русского народа, пользуясь всякой возможностью повредить работе освобождения русского народа, возбуждают против меня мнение граждан Америки,— при всех этих обстоятельствах я, очевидно, ради успеха моего дела, должен принудить себя к уступке желаниям американских граждан.

Объяснение мое будет кратко: я женился церковным браком в 1896 г. и через семь лет по взаимному соглашению с женой мы разошлись. Церковный развод обставлен в России столь унижительными и позорными формальностями, что мы его не требовали и нужды в нем по условиям русской жизни не имели. С первой женой мы сохраняем добрые отношения, она живет на мои средства, и мы встречаемся как друзья. Со второй женой живу гражданским браком, принятым в России как обычай, хотя и не утвержденным как закон. Однако Сенат, высшая судебная инстанция, в своих решениях признает уже за гражданской женой наследственные права и, разумеется, эта форма брака скоро будет установлена законом, раз обычай уже вошел в силу.

[Май — сентябрь 1906 г.]

¹ объяснил истинный характер моих отношений к жене

ТИРАНЫ

Милостивый Государь.

На Ваш вопрос все разумные и честные люди России ответят так же, как и я:

разумеется, вмешательство Николая I в борьбу венгров за свободу — дело позорное.

Как я себе объясняю это преступление?

Мне думается, что каждый царь — тип психопатологический. Я не могу себе представить психически здорового человека искренно убежденным в своем праве распоряжаться судьбой и жизнью миллионов людей. Здравомыслящий человек не может не видеть, что все люди по основным свойствам натуры — равны ему, а множество из них — превосходят его развитием того или иного свойства.

Чтобы оправдать царизм, придумана глупая легенда о божественном происхождении царской власти, а под гипнозом этой легенды, на мой взгляд, у человека, играющего роль царя, необходимо должна развиваться в той или иной степени мания величия. Признаки этой болезни можно видеть в поведении Вильгельма II и Николая II так же ясно, как в жизни Людовика Баварского, Иоанна Грозного, Филиппа II, Генриха VIII и других буйных больных. Каждый из них, подобно Людовику XIV, был убежден, что государство — это он, король. Явное безумие, не так ли?

Цари из так называемой династии Романовых, помимо вообще свойственной этому типу людей склонности к мании величия, — явно страдают вполне законным сомнением в своем праве на русский престол, все они, начиная с Павла I, на мой взгляд, живут в рабстве этой тревоги. Павел I, родоначальник русских царей, был сын неизвестного отца, он это знал, и эта мысль преследовала его всю жизнь. Четыре года его царствования заполнены напряженным до безумия желанием убедить себя самого и окружающих в том, что он, Павел I, царь по крови и по духу, царь «Божией милостью». Как известно, он сошел с ума и был убит дворянами.

В душе Николая I факт убийства верноподданными его отца необходимо должен был усилить сомнение в его праве на престол, а бунт 24 декабря вызвать тревогу за прочность власти и за жизнь. Человек грубый, воспитанный как солдат, он находит силу вступить в борьбу за власть. Царям легко бороться — они ведь только приказывают бить. Он тридцать лет с упорством типичного маниака душит всякое проявление свободной мысли в России, готов задушить каждый вздох свободы где бы то ни было. В его лице мы видим человека органически враждебного духу свободы, человека с болезненно развитым чувством опасности, безумной боязнью роста идеи свободы духа, идеи, которая отрицает власть человека

над человеком. На почве этой психологии маниака власти, да еще большого сомнением в своем праве на нее, и совершено было преступление против Венгрии.

В данное время над Европой царит другой маниак — двойник по духу Николая I, я говорю об императоре Германии. Вот субьект, от которого всегда можно ждать самых безумных выходов!

[17 февраля (2 марта) 1907 г.]

3

[Э. ГИББОН ОБ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА]

Возникший в IV веке по Р. Х. среди духовенства Византии спор о *Homousion'e* — единосущном и *Homoiousion'e* — подобносущном стоит в тесной связи с учением церкви о св. Троице, идея которой заимствована отцами церкви у Платона.

«Когда ум Платона,— говорит Гиббон,— возвысился до мысленного созерцания первой, существующей сама собою, необходимой причины вселенной, афинский мудрец был неспособен понять, *каким образом* несложное единство ее сущности может допускать бесконечное разнообразие отдельных и последовательных идей, образующих совокупность духовного мира, *каким образом* существо совершенно бестелесное могло привести в исполнение этот удивительный план и придать пластические формы грубому и самобытному хаосу. Тщетная надежда выпутаться из затруднений... вероятно, и побудила Платона рассматривать свойства божества в его трех изменениях: в первопричине, в разуме или Логосе и в душе или духе вселенной. Его воображение иногда придавало этим метафизическим отвлеченностям определенные формы и одушевляло их: три первоначальных принципа представлены в системе Платона тремя богами, связанными друг с другом таинственным и невыразимым происхождением, а Логос рассматривался под более доступным для понимания характером Сына Вечного Отца — Творца и Правителя мира». Эта идея Платона, рожденная им за 360 лет до Р. Х., через 260 лет вновь возродилась в Александрии, где между прочими толкованиями учения о Логосе был издан Иудеями философский трактат, носивший на себе явные следы мыслей и слога Платона и — позднее — вошедший в Библию под именем Книги Премудрости Соломоновой. «Материальная душа вселенной могла оскорблять благочестивых Иудеев, но они применили характер Логоса к Иегове Моисея и патриархов, а Сын божий был низведен на землю под видимой и даже человеческой внешностью, для того чтобы исполнить те интимные обязанности, которые кажутся несовместимыми с натурой и атрибутами первопричины всех вещей. Но красноречие Платона, имя Соломона, авторитет александрийской школы и одобрение Иуде-

ев и Греков были недостаточны для того, чтобы удостоверить истину учения, которое могло привлекать рациональные умы, но не могло удовлетворять их. Только вдохновенный Богом пророк мог приобрести законное господство над верованиями человеческого рода¹, и вот, в царствование императора Нервы, почти семьдесят лет спустя после смерти И. Христа, явилось Евангелие Иоанна, открывшее миру «поразительную тайну, что Логос, который был вечно Богом, и сам был Бог, который все создал, и для которого все было создано, — воплотился в Иисуса Назарейского, родившегося от Девы и претерпевшего смерть на кресте». Во время появления Евангелия от Иоанна о божественности Христа уже существовали различные мнения²: секта Евионитов чтит Иисуса как величайшего из пророков, одаренного сверхъестественной добродетелью и могуществом. Некоторые из них упорно отвергали предшествовавшее существование и божественные совершенства Логоса или Сына Божия, так ясно указанные в Евангелии Иоанна. Докеты впали в противоположную крайность: признавая божественную натуру Христа, они отвергали в нем «человеческую натуру» и утверждали, что «он не родился из чрева Девы, а низшел на берега Иордана в форме вполне развитого мужчины». В IV веке александрийский пресвитер Арий учил, что Логос был зависимым творением, «созданным из ничего волею Отца». Он был «зиждителем всех вещей», был рожден прежде всех миров, и самый длинный из астрономических периодов может считаться не более как мгновением в сравнении с продолжительностью его существования, однако эта продолжительность не бесконечна и *было* такое время, которое предшествовало рождению Логоса. Этому едиnorodному Сыну Всемогущий Отец сообщил свою духовную силу и могущество, — «тем не менее Сын блестел отраженным светом и, подобно сыновьям римских императоров, управлял вселенной, исполняя волю своего отца», иначе — Арий не признавал Христа единосущным — *homoousion* — Отцу, а лишь подобносущным — *homoiousion*. Этот спор³, как все религиозные распри, отличался крайним фанатизмом, был ознаменован жестокостями и гонениями, как со стороны приверженцев буквы *i*, так и со стороны ее противников.

[1908—1910]

4

[ОТВЕТ «ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯМ»]

Говорить про самого себя я вынужден запросами лиц и групп, настроенных, — как они пишут, — доброжелательно ко мне, «писателю, чье слово они всегда ценили» и т. д.

¹ и явилось евангелие Иоанна ² и вероятно Евангелие было вызвано к жизни стремлением установить определенный взгляд на этот вопрос. ³ продолжался много лет

Ныне эти «доброжелатели» находят необходимым, чтобы я выступил на защиту самого себя «против тех клевет и пошлостей», которые печатаются обо мне в рус[ских] газетах.

Говорить о себе — это значит ограничивать себя, говорить о себе с русской публикой — значит подвергнуть свое человеческое публичному осмеянию и издевательствам, ибо в стране, где нет уважения к личности, не может быть и веры в искренность слова.

И все-таки, не желая оставить полученные мною письма без ответа, не имея физической возможности отвечать на каждое письмо отдельно, я принужден объясниться публично.

Вот мой ответ доброжелателям.

— Господа! Мне лично совершенно не важно, как ко мне относятся люди, важно лишь, как я отношусь к ним.

Строго проверяя мое отношение к людям, я не вижу причин для упрека себе самому в чем-либо нечестном, и это меня удовлетворяет.

Если ж вам неприятно то отношение к человеку, которого вы, судя по вашим заявлениям, уважаете, — ваше дело защищать установившееся у вас отношение к нему, вам принадлежит это право и, м. б., это ваша обязанность. Я, конечно, плохой знаток обязанностей.

Здесь можно бы кончить это вынужденное объяснение, но я хочу воспользоваться удобным случаем для личной беседы, которая установила бы ясные отношения между мною, писателем, и вами, читателями из доброжелателей.

Издавна повелось считать меня врагом русской интеллигенции, указания на мое несправедливое отношение к ней повторяются до сего дня, они повторены и в ряде писем, полученных мною. Вот по этому-то поводу мне и хотелось бы сказать несколько простых слов.

Когда я, подросток, жил среди беспомощных и немощных людей, полных тоски о чем-то непонятном моей душе, тоски, которую они заливали водкой, пытались погасить диким разгулом, я тоже заболел тогда великой тоской, но она была ясна мне: я тосковал о человеке, я жаждал встретить ту добрую, весь мир возлюбившую силу, о которой так просто и славно говорили прочитанные мною сказки и романы и которая была бы способна прийти в самое ужасное место жизни, где все муки людей, все их немое горе скручено в тугую узел, прийти и сказать свое доброе, светлое, всеобъясняющее слово, прийти и окропить мертвых живой водою любви.

Мне все грезился какой-то человек — мать, я не знаю образа более светлого, чем мать, сердца более емкого для любви, чем сердце матери.

Нигде не требуется так много любви и внимания к человеку, как в нашей горестной, до безумия измученной стране, а особенно нуждаются в этой любви и внимании дети, юношество, — почему особенно? Надо ли это объяснять? Жизнь начинается с детства,

а наша русская жизнь — страшна, угрюма и безжалостна ко всему.

И когда я вошел в кружки интеллигентов, увидел людей, полных живою, бескорыстной заботой о людях, о жизни, о торжестве справедливости, — поистине мне показалось, что я вступил в землю обетованную.

Именно здесь, как показалось мне сначала, я встретил людей, для которых жизнь — их дело, их наслаждение и

[1909]

5

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГА]

Кочующее племя скотоводов во главе с Авраамом имеет одного бога.

Иаков, сын его, тоже монотеист, 12 детей Иакова, родоначальника 12 колен Израиля — тоже исповедуют единобожие — и так почти все время, пока кочующие общины семитов живут в пустыне, они поклоняются одному богу.

Чем создан, из чего сложился этот бог? Всякая идея для нас является формой организации житейского опыта, т. е. выжимкой из наших наблюдений; сжимая разнообразные впечатления и мысли по сходству их в стройные ряды, мы из данных нам природой посылок делаем выводы, закрепляя их в возможно меньшее количество слов, дабы так удобнее запомнить, — древние обычно записывали свои наблюдения в форме стихов, т. е. ритмической речью, коя запоминается легче прозы. Теперь: каков должен был быть опыт людей, кочующих по пустыне, занимаясь скотоводством?

Пустыня — однообразна, растительность ее — одинакова, и одинаково изо дня в день протекает жизнь пастуха: над ним купол неба, вокруг него — ровное пространство, измеренное им: когда на горизонте является туча, сверкает молния — пастух видит, что это появилось с неба. Дождь освежает траву, увеличивая корм скота — дождь благодетелен. Ветер уменьшает зной — он благодетелен. Для жителя пустыни все ясно — все исходит с неба.

Возьмем жителя холмистых местностей: горизонт его уже, он закрыт хребтами гор. Вдруг на горе является туча, гремит гром, сверкает молния, хлещут потоки воды, смывая по пути хижины людей, размывая пашни, разрушая виноградники, производя наводнения рек, — у жителя гор является представление о злой силе, Змее Горыныче; появляется солнце, разгоняя тьму. Человек воспринимает эту борьбу света и тьмы как борьбу двух враждебных сил, горные обвалы — заставляют его предположить существование еще одной силы, эхо горное как бы подтверждает бытие горного духа.

В пустыне легко наблюдается постепенность явлений — медленнее наступает ночь, не сразу является грозовая туча; в горах же ночь приходит быстрее, тени гуще, туча является из-за гребня гор неожиданно.

И вот мы видим, что горные племена более склонны к многобожью, племена равнины — к единобожию.¹

В Коране есть место, где Магомет пытается объяснить, к [аким] обр[азом] Авраам² пришел к монотеизму — единой [религии]: «Ночью вышел Авраам во мрак и увидел звезду над собой. — Вот мой бог! — сказал он радостно. Но звезда стала меркнуть, и он сказал: «Я не люблю бледнеющих!». Луна взошла, и он воскликнул еще более радостно: «Это мой Б[ог]!» Но опустился месяц, и сказал Авраам: «Он оставляет меня во тьме». Засветило солнце. — «Вот мой Б[ог], как он велик!» Но село оно, и Авраам сказал: «О, народ мой, не нужно многобожия, я обращаюсь к тому, кто сотворил небо и землю».

Вождь эмигрантов Моисей и его племя, как наиболее культурный элемент в массе выходцев из Египта, поняли необходимость соединить в целое нестройную массу людей, разнившихся между собой происхождением, обычаями, религиозными представлениями. Они прибегли к мере простой и решительной — перебили поголовно всех, кто не хотел отказаться от поклонения тельцу. Моисей созвал верных ему и сказал: «Так гов[орит] Г[оспо]дь Бог Израилев: препояшьте каждый свой меч, пройдите сквозь стан от ворот до ворот и убейте каждого брата своего, ближнего своего и соседа своего». Перебили их потому, что эти люди дезорганизовали уже сложившееся стремление евреев построить культурное государство по примеру Египта — т. е. государство оседлое, рабовладельческое, классовое.

Основанием для такого государства должно было служить установление единого религиозного культа именно потому, что этот культ заключал в себе культурный опыт евреев Моисея — все технические знания, все правовые нормы и понятия, необходимые для оседлой, трудовой жизни.

Синайское законодательство Моисея, как о нем рассказывает Библия³, было законодательством патриархально-демократическим — наиболее удобной формой объединения разнородных племен. Посмотрим, какие заветы вложили Моисей и евреи в уста своего Бога, чем, по необходимости, явился Бог, в каком виде и лице принят он.

Аз есмь Г[оспо]дь Б[ог] твой, да не будут тебе бози иные разве мене! — торопится заявить Бог, но этого ему кажется мало, и он продолжает:

¹ Делич, [37-я стр. — Написано синим карандашом на отдельной строке и зачеркнуто. ² Деус, идея, деяние. — Написано синим карандашом на отдельной строке и зачеркнуто. ³ — кн. Завета, главы 20—22 и 23-я Исхода

Не сотвори себе кумира ни всякого подобия его. — Здесь мы можем видеть лишь одно: наиболее культурное племя, стремясь объединить разнородные племена, окружающие его, — внушает ему: прими понятия, кои я выработало, руководись моим опытом.

Что это именно так — доказательством служит организация левитов: все колена израилевы получили земли и пастбища поплемно — каждому племени отдельный участок, а колено Левитов, на которое была возложена забота объединения всех эмигрантов в единое целое, — было рассеяно по всем племенам для скорейшего усвоения ими социального и технического опыта израильтян.

Далее:

У Авраама, начальника пастушеского племени — Геберов, Гебров — евреев по-русски — нет детей от жены Сарры, хотя Бог и обещал ему многочисленное потомство⁴; он сходится с рабыней Агарью, она родит ему сына Измаила, но вскоре после этого и бесплодная Сарра родит Аврааму сына. В племени являются два наследника власти вождя — сын вождя от жены его еврейки и сын от рабыни египтянки. Ясно, что нельзя признать сына рабыни чужеземки равным в правах с сыном единоплеменницы. Сарра восстает против этого уравнивания, ибо оно подрывает институт рабства. Бог становится на сторону Сарры — Агарь с сыном ее Измаилом изгоняют из племени, *таким образом, Бог является охранителем наследственных прав вождя племени.*

Атмосферические и небесные явления, давая материал для образования представлений о разных богах, могли быть легко объединены в представления о разнообразных проявлениях одной и той же силы.

Изменение характера впечатлений, иной порядок трудовой жизни, иная техника труда — немедленно же изменяет лицо и свойства бога: многобожное горное племя Эламиты, изгнанное из горных ущелий на равнину, — принимает единобожие.

А единобожное племя Иакова, переведенное сыном его Иосифом в Египет и вскоре смешавшееся с иными племенами, поработанными Египтом, занимаясь уже не скотоводством, а ремеслами, частью принимает египетские представления о божествах, частью представления иных племен, с которыми им пришлось жить и трудиться под суровой властью фараонов.

Затем: когда под руководством Моисея евреи, объединяясь с племенами, находившимися в рабстве Египта, снова ушли в пустыню, они снова принимают систему единобожия, которую пустыня и кочевая жизнь как бы ставит в необходимость скотоводам.

Сначала эмигранты вынесли с собою в пустыню египетский идульт Аписа-быка, восстановив его под видом поклонения тельцу:

⁴ Авраам опасается, что, по смерти его, власть над племенем перейдет к его сыну от наложницы из Дамаска Елиазару. По совету жены своей Сарры, он

здесь очевидно, что часть эмигрантов снова предполагала заняться скотоводством. Но потомки Иакова уже были ремесленниками, — египтяне, как мы знаем, обучили их строить плотины на Ниле, городские стены, дома, делать посуду, оружие, пахать землю и т. д.

Немецкий ученый, исследователь Библии, Делич говорит, что древнесемитское слово Бог — произносилось El — и значило — цель.

«Сотвори нам бога — поставь нам цель». Деус, идея, деяние. Племя обращается к вождю Моисею, говоря ему:

«Сотвори нам боги, иже пойдут пред нами» — мы можем перевести эти слова так: «Организуй наши трудовые отношения».

Моисей идет на гору Синай, и затем являлся на сцену Бог, именно с такими свойствами, какими они должны были наделить его.

Моисей идет на гору Синай, и рече Бог Моисею, глаголя: «Велиила, сына Урии, наполню духом божией премудрости и смысления и ведения всякое дело понимать: архитектонствовать, делать золото, серебро, медь, багряницу и червленицу — шелк, прясть и ткать виссон, и каменное дело и различные поделки из дерева делать во всех делах».

Здесь мы видим выделение из племени группы ремесленников, главой над которыми становится сын Урии Велиил, — здесь же мы видим, в какие подробности входил Иегова — иначе Моисей — строя свое государство. Он запрещает есть мясо павших животных и мясо животных, не отрыгающих жвачку, — из соображений несомненно гигиенических, а соображения эти могли быть только результатом долгих наблюдений над людьми, кои заболели, отравляясь трупами или мясом свиней, часто болевших в том месте проказой.

Далее Бог говорит:

«По делам земли Египетской, в которой обитаете, — не делайте, и по начинаниям земли Ханаанской, куда веду вас, — не творите и законов чужих не слушайте».

Затем он приказывает главе семьи строго сохранять весь объем патриархальной власти до права продавать дочь в рабство, но — запрещается продавать в рабство первородного сына — активно начало, будущего вождя племени. Устанавливаются законы, ограждающие безопасность личности и собственности, правила и меры возмездия и вознаграждения — все время личность бога стоит перед нами как личность организатора, и все его заветы имеют простейший, человеческий, своекорыстный, классовый характер.

Основная идея синайского законодательства: «отдай душу за душу, глаз за глаз, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Как видите — это чисто демократическое законодательство, предполагающее всех людей социально равными.

Колено или племя делилось на 12 родов, предки главы рода были из поколения в пок[оление] первородными сыновьями первородных сыновей, глава рода считался князем, наследствен[ным] вождем, поэтому-то он и не мог быть продан в рабство. Эти князья составляли совет старейшин, их Моис[ей] водил на поклонение Богу, т. е. им, предварительно, сообщил основы религиозного культа, принципы культуры, коя должна была объединить хаотические элементы эмиграции.

⁵ Бог Моисея на всем протяжении эпохи патриархально-демократического строя еврейской истории является верховным организатором племени, он только социальный законодатель, и в представлении о нем совершенно отсутствуют свойства мистические, элементы сверхчувственные. Он сильнее человека, выше его, ибо знает о жизни больше, чем единица и группа, он грозен и жестоко наказывает смертью тех, кто идет против его законов. Он почти реальность и часто его свойства, его сила, разум, его лицо совершенно сливаются со свойствами вождя — он собственнo и есть вождь, облеченный доверием племени, насыщенный весь энергией коллектива, свободно подчиняющегося ему — т. е. тем правилам трудовой жизни, которые коллектив выработал для более экономической траты своей энергии, для большей продуктивности труда своего.

Заместитель Моисея Иисус Навин после завоевания ханаанской земли тоже говорил от лица Бога:

«Так гов[орит] Б[ог] изр[аилев]! Я дал вам землю, к[ото]рую вы не возделывали, города, которых вы не строили, и вы живете в них, из виноградников и маслинных садов, не вами посаженных, вы едите плоды». Итак, бойтесь Бога и служите ему в чистоте и в искренности, отвергните память о богах, к[ото]рым служили в Египте, не признавайте богов Ханаана. — Если же не хотите вы служить богу вашему — изберите себе других — я же и дом мой будут служить Иегове, давшему нам победу.

Но он не понимал того, что Иегова уже воплощал в себе более древнюю культуру Вавилона, и вот доказательства: все заповеди Моисея были известны Вавилону и текстуально совпадают. Вот надпись на таблице, найденной в Вав[илоне], относящаяся ко времени до завоев[ания] Ханаана евреями: «Не проливай крови ближнего твоего, не желай жены его, не присваивай одежды его». Еврейская заповедь гласит: «Не пожелай дома ближнего твоего, ни жены его, ни вола, ни осла».

А якобы простые написанные Моисеем 5 книг — представляют собой списки вавилонских и халдейских легенд о сотв[орении] мира, грехопаден[ии] и т. д.

Это переводится на язык социальных отношений таким образом: по завоевании ханаанской земли, евреи тотчас принялись

⁵ Нигде в законах Моисея нет и тени мистики, нигде у евреев до эпохи царей

за хлебопашество и садоводство, начали быстро богатеть и перестали заботиться о строгом сохранении своей племенной организации. В стремлении к мирному труду они часто шли на уступки ханаанянам, принимали их обычаи, их верования, брали замуж их женщин и т. д.

Но жители Ханаана, хотя и разбитые воинами Навина, не были вполне поработаны еврейством, они могли вновь восстать и изгнать пришельцев в пустыню,— следует знать, что в ту пору Ханаан принял высокую культ[уру] Вавилона,— и Иисус Навин и его род видели, что это возможно, что ослабление единства в племени грозит гибелью евреям, и вот он от лица Бога говорит о необходимости для племени строго и внимательно соблюдать формы своей организации.

Примеры эти можно продолжать без конца:

вот мы видим, что 12 колен израилевых расселились между племенами, превосходившими их гражданским благоустройством и образованностью. Вместе с этим почти каждое племя повело иной образ жизни, только за Иорданом люди продолжали заниматься скотоводством и только там сохранился культ Иеговы. Колена северной группы полюбили городскую жизнь, выгоды которой ясно видели, они служили в Тире, Сидоне и других городах носильщиками, матросами и приняли культ Ваала, доходя даже до человеческих жертвоприношений. Утрачивалось сознание национального единства, распадался и религиозный культ— иными словами: социальный опыт племени разрушался в столкновениях с иными формами опыта, накопленного более культурными племенами, вызванного к жизни более совершенными или разнообразными формами трудовой деятельности.

Таким образом, мы видим, что религия в древности действительно являлась сводкой, синтезом всех знаний народа, обобщением всех социально необходимых условий для совместной деятельности племен и групп, что, кратко говоря, она являлась формой организации социального опыта народа и как таковая форма в каждый данный момент была прогрессивна, но лишь только процесс накопления опыта превышал рамки религиозных установлений — религия угнетала народы, становясь консервативной, она затрудняла дальнейшее развитие познания природы и трудовую борьбу человека. Мы видим также, что в древней религии иудеев до периода судей и царей элемент сверхъестественного, чудесного, мистического — совершенно отсутствует, что до этого периода религиозные догматы являются нам как простейшие нормы социальной и трудовой жизни,— но являются судьи и цари, является борьба личности за политическую власть над народом — и является грозный бог, сверхъестественное, непознаваемое, чудесное существо, имеющее целью утвердить власть единого над всеми, подчинить весь народ одной воле — воле богоподобной личности.

Образ Бога Авраамова и Моисеева нравственно несовершенен: Бог хитер, жесток, превосходный политик, суровый хозяин и т. д.

Смотрите: он, как это рассказано в Исходе, — ожесточил сердце фараона, внушил ему не выпускать евреев из Египта, сам же за это послал на Египет девять казней. Это — провокация. Но — взглянем на дело исторически: как уже сказано, евреи, среди племен, поработанных Егип[том], были племенем наиболее образованным технически, сл[ало] быть наиболее культурным. Затеяв эмиграцию из Егип[та], они решили вывести с собою и другие племена: не они ли ожесточали сердце фараона и египтян, внушая идею исхода из-под ига Египетского?

Далее: Бог учит Моисея лгать, заставляя его просить фараона о выходе в пустыню на три дня пути «для жертвоприношения» — задумано и решено было не жертв[оприношение], а бегство из Ег[ипта] навсегда. Бог повелевает М[оисею] внушить евреям, чтобы они заняли у соседей-египтян как можно больше драгоцен[ных] вещей — это уже грабеж.

Когда в пустыне Корем, Дафан и Авирам, вожди чуждых евреев племен, восстали против власти Моисея и Ааро[на], Бог велит предать все племена бунтовщиков смерти. Моисей и Аарон просят у Бога пощады: уговаривают его не гневаться на весь народ за грехи некоторых, — но Бог неукротим, и 14 700 ч[еловек] погибло ⁶. Здесь М[оисей] и А[арон] являются милосерднее Бога — но мы имеем все возможности утверждать, что это они сами перерезали и перебили людей, снова потянувших назад в Египет.

Бог приказывает Навину истр[ебить] население ханаанских городов — всех мужчин, женщин и детей для того, чтоб Навин и племя его могли завладеть городами и землями Ханаана.

Возьмем, наконец, жизнеописание Игуя — этот вождь совершил столько преступлений, сколько мог, и все по повелению Бога: он застр[елил] царя Иорама, убил царя Охозию, истребил 70 сынов Ахава и перебил все потомство его, «так что не осталось в живых ни одного уцелевшего». Но вот оказывается еще живы 42 брата Охозии — он убивает их. Заманивает в храм священников Ваала — избивает их. Он обманщик, лицемер, убийца, и все по воле Бога, и за все свои деяния одобрен и награжден им.

Во всех этих фактах освящается именем Бога деятельность вождей и царей — везде здесь Бог является таким же жестоким, лицемер[ным], сверхкорыстным, как они.

⁷ Во Второз[аконии] мы находим повеление избивать камнями буйных и непокорных детей без суда, по простому заявлению родителей.

⁶ Здесь Моисей и Аарон являются более милосердными, чем Бог — но мы знаем, что книга Числ, где рассказан этот факт, написана спустя много веков после события и что нельзя же законодателя и святого изображать жестоким, удобнее возложить ответс[венность] на Бога. ⁷ «Ворожей не оставляйте в живых», — сказано в Исходе — и до

⁸ Мы находим в Библии следы человеческих жертвоприношений: помимо всем известного жерт[воприношения] Авраама, принесена в жертву дочь Иеффая, а древнейший пророк Михей говорит:

«Дам богу первенца моего за преступление мое и плод чрева моего за грех души моей».

И всюду мы видим, как лицо и свойства Бога — единого, неизменного — изменяются в зависимости от ⁹ потребностей тех, кто его создал. Он теперь, при царях, и необходим только для того, чтобы оправдывать их деяния.

Как только цари, укрепив свою власть, обставят себя известным кругом лиц, подчиненных их воле,— Бог тоже получает слуг себе. Царь заводит себе вестников, гонцов. Бог — немедленно получает ангелов.

Библий два типа: первые это те книги, к [ото]рые являются произведением жизни целого народа, в основании их лежат древнейшие легенды и мифы, авторы, записавшие их, неизвестны.

Другие библии произошли от религиозных руководителей уже в исторический период.

Первого порядка Ветхий Завет, Зенд-Авеста персов, книга Вед, браминов. Второй: Трипитака буддистов — житие и учение Будды — китайские библии Конфуция и Лао-дзэ, Коран и Евангелие.

Всякая древняя библия является целой библиотекой, собранием многих книг, написанных в разное время, разными людьми, и в каждой из них мы найдем, что древнейшие записи относятся к периоду патриархально-демократического строя, являются записями народных поверий, политики, исторических событий, правовых норм и т. д.

В этих древнейших книгах бог и народ имеют одно и то же лицо, одни и те же свойства; бог есть отвлечение всех знаний народа о самом себе и воплощение его ближайших социальных целей. Он легко изменяется в существе своем, в своих законах, заветах — ибо изменяется количество знаний, расширяется опыт, его изменяемость делает Бога безвредным, он идет с народом, впереди народа, подчиняется ему и не стоит посреди его дороги, мешая движению вперед.

Очень важно помнить, что народ в древности, как это ясно из всех мифов и сказаний его, не имеет представления о том, что существует нечто непознаваемое, он всегда видел пред собой лишь непознанное и стремился познать его.

Но изменен[н]строй жизни, является на сцену иное отношение вождя и племени, является царь — и библия принимает характер непогрешимости, характер неоспоримого закона, данного свыше,

⁸ В III-ей книге Моисея — проповедь рабства как учреждения вечного:
⁹ политики, от деяний племенной власти (от деяний узурпаторов)

силою, непознаваемой человеком, чудесной, сверхъестественной. Вы понимаете, что владыкам из необходимости утвердить свою власть возможно более прочно и глубоко было выгодно, было необходимо признать бытие чего-то непознаваемого.

Ибо — когда ¹⁰ народ говорит: я этого не знаю, он говорит: я этого *еще* не знаю, и идет к познанию, — активность его не слабеет от признания им ограниченности своих знаний.

Но когда вожди внушают ему — есть нечто, чего ты никогда не познаешь, нечто совершенно и навсегда непознаваемое, — это внушение временно сокращает активность движения масс к познанию сил природы.

Религия — движется и растет до поры, пока люди не создадут себе священной книги.

Религия и священная книга становится резко реакционной и враждебной народу как только она признается творением, освященным свыше, непознаваемою властью Бога, и реакционность религии страшно устойчива.

Возьмем примеры: в Библии установлен институт рабства: «Покупайте раба и рабыню, вечно владейте ими». И вот мы видим, что в XIX веке христиане, культурные люди, опираясь на этот текст, защищали рабство негров в Америке. «Ворожей не оставляй в живых», — сказал Бог Иисусу Навину, и мы видим на протяжении веков, как жгли и гноили в тюрьмах сотни и тысячи людей, виновных чаще всего в том, что они занимались ботаникой в медицинских целях.

В эпоху, когда употребление металла было еще неизвестно, — жрецы употребляли каменные ножи. Но и когда явилась бронза, железо, нож жреца остался каменным. Почему? Так сказано в священной книге, а нарушение ее заветов грозит бедой.

Этих каменных ножей — без числа в нашем обиходе, ибо мы привыкли, приучены мыслить религиозно, в нас уже посеяна мысль о том, что, пожалуй, действительно существует нечто непознаваемое и лучше не касаться его.

¹¹ Наше отношение к религии было до сей поры простым отрицанием ее или же фанатической ненавистью к ней — т. е. наше отношение к религии было религиозно — в дурном и вредном смысле слова.

Это неправильно: религия сначала была единственной формой организации трудового опыта, затем она стала идеологией власти, страшным орудием в руке нашего врага, им он поработил тысячи и тьмы народа, она все находится еще в его руках, она должна быть познана нами и — разрушена.

¹² Но, чтобы разрушить здание, надо знать, как построено оно.

¹⁰ чело[век] ¹¹ То отношение к страшно важному по вреду своему вопросу о религии, о Боге ¹² Но разрушать здание, не зная, как построено оно, — предприятие опасное, ибо возможно, что

И затем следует помнить, что время возникновения религий, и как идеологических построений, имеющих в виду проповедь сотрудничества классов, и как мистических учений о необходимости подчинения непознаваемому — т. е. воле командующих классов — это время еще не миновало. XIX век знает возникновение нескольких религий: религию человечества О. Конта, бабизм в Персии с его Евангелием Китабе Акдес, религию мормонов в Америке с Еван[гелием], написанным Джозефом Смитом, и Брахма-Самадж в Индии.

[1909]

6

[ДЕТСКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ]

Однажды Лев Толстой сказал: ¹ «Если бы мне дали выбирать: населить землю такими святыми, каких я только могу вообразить себе, но только, чтобы не было детей; или такими людьми, как теперь, но с постоянно прибывающими свежими от Бога детьми, — я бы выбрал последнее».

Великий и мудрый человек — умер ².

Я обращаюсь к тем, кому дорога память о нем — художнике и о сердце его, любившем всех нас, как детей, с предложением почтить его славное имя ³ памятником, достойным его жизни и равным его любви к людям:

памятник этот — создание Дома для детей.

В Петербурге организовался комитет, поставивший целью создать такой Дом имени Толстого: предполагается выстроить ⁴ большое, светлое, красивое здание где-либо на окраине города. Оно с утра до вечера полно детьми всех возрастов. Дети дошкольного возраста и переросшие школу, еще не занятые в работах, подростки, находят там приют целый день; школьники сбегаются туда после уроков, а дети, уже захваченные фабрикой и ремеслом, отдыхают там в праздники или после работы.

Детский Народный Дом — не учебное заведение, — это место, где ребенок проводит время, как он сам хочет. Забота руководителей должна быть направлена на то, чтобы это время проводилось здорово и нравственно и физически.

¹ Далее в тексте поставлена цифра 1, отсылающая к словам Л. Н. Толстого, процитированным в Обращении комитета организации Детского дома им. Л. Н. Толстого. ² Исправлено, было: Теперь, когда этот великий и мудрый человек умер, — несколько лиц в Петербурге поставили себе целью почтить заслуги Толстого пред человечеством. ³ Исправлено, было: а) Все мы, кому дорога память о нем — художнике <и учит[еле]> и о сердце его — любившем всех людей, — мы должны почтить эту память, так как б) Все мы, кому дорога память о нем — художнике и о сердце его — любившем всех нас, как детей, мы, гордившиеся тем, что он живет с нами — почтить его память в) Все мы со почтить его славное имя и ⁴ Далее до слов «Дети — наследники...» воспроизводится текст Обращения комитета. Отсылка обозначена цифрой 2.

Дом должен предоставить детям свободу в выборе занятий, но вместе с тем он должен широко организовать возможность удовлетворения потребности в умственном развитии. Читальня, библиотека детских книг, руководство систематическим чтением, помощь в приготовлении школьных уроков, школа для подростков, периодические лекции с волшебными и живыми картинами, образовательные экскурсии, — вот могучие орудия для возбуждения интереса к умственному труду и для утоления умственного голода.

Вместе с тем Народный Детский Дом должен дать своим посетителям все, чтобы поднять их хилое здоровье и развить физически. Этой цели должны служить гимнастика, спорт, живая общественная игра на воздухе и в гимнастическом зале, а также разные виды ручного труда.

Наконец, грязные каменные улицы, мрачные подвалы и тесные углы, вочный сумрак нашей погоды изъедают все красивое из жизни петербургского ребенка, и Народный Детский Дом должен дать своим посетителям минуты наслаждения прекрасным, должен приобщить их к искусству и природе. Для этого необходимо дать возможность заниматься лепкой, рисованием, широко организовать детские хоры и оркестры, время от времени возить детей в художественные галереи, устраивать литературные утра, концерты и спектакли в специальном театральном зале Детского Народного Дома.

Дети — наследники всего, что сделано в прошлом великими трудами человечества, всего доброго и вечного, что делается в настоящем нами. Чем больше здоровых детей, тем больше будет хороших людей на земле. Только хорошие, духовно здоровые люди — создадут красивые формы жизни, достойные человека, и весь смысл мировой культуры — в воспитании хороших людей. Этому помочь, во имя Льва Толстого, я и приглашаю всех, кто искренно хочет торжества на земле красоты и добра.

Мы, русские, просим о помощи не только потому, что мы бедны, но потому, что мы крепко веруем в возможность всемирного братства, и каждый раз, когда можно напомнить об этом великой мечте, которая будет живой действительностью, будет! — мы напоминаем о братстве и единении вокруг тех великих имен и событий, которые возбуждают нашу человеческую гордость, нашу энергию и все доброе в нас.

[Декабрь 1910 г.]

7

[О СУДЬБЕ]

Целое тысячелетие русский народ учили, что миром и всей человеческой жизнью правит вездесущий, всеведущий, всеблагой бог, что без воли божией — ни один волос не спадет с головы

человека. Но каждый день говорил иначе, доказывал противное: не только волосы и бороды вырывались из головы мужика по воле боярина-воеводы, но и самые головы мужицкие он рубил совершенно безнаказанно.

И вот рядом с представлением о всеильном, всюду живущем всегда справедливом боге, укрепляется другое представление о Судьбе, о некоей внечеловеческой силе. Она почти так же всеобъемлюща, как и бог, но она с ним не связана и как бы независима от него. В самом названии этой силы — Судьба — звучит корень, указывающий на то, что она справедлива, и ей должно подчиняться все на земле.

Судьба — суд, судья.

Происхождение этого понятия лежит в глубокой древности: о Судьбе знали еще греки и они даже богов своих ставили под власть Судьбы — Мойры. Когда это представление вошло в духовный обиход русского народа — трудно сказать, но наиболее часто имя Судьбы встречается в народ[ных] песнях и сказках на протяжении 16—17—18 веков, чем ближе к нам, тем чаще. Века эти как раз явились временем наибольшего гнета над крестьян[ством], наиболее упорной работы командующих классов в деле строения государства.

И мы должны рассматривать Судьбу, как выражение той цепи, той связи социальных условий, которые, укрепляя силу государства, ставили в нем личность в положение соверш[енно] беззащитное.

[1910—1912]

8

ПИСЬМА К ЧИТАТЕЛЯМ

〈Прошел еще год торжества смерти и разрушения; война, чудовище, рожденное глупостью и жадностью, изо дня в день высасывает лучшую кровь мира, уничтожает мозг, вещество, творящее все ценности, которым гордилось человечество, убивает живые, юные силы земли. Процесс уничтожения культуры, бессмысленного истребления продуктов и результатов общечеловеческого труда — становится все шире, глубже. Разумнейшие люди, чувствуя непримиримость противоречия между зоологическими инстинктами животного и социальными стремлениями человека, продолжают насиловать самих себя, изыскивая различные софизмы, дабы все-таки примирить человеческие законы нормальной жизни¹ с бесчеловечным истреблением миллионов людей. Но — все это есть и пребудет до своего логического конца. Исторически сложившаяся сила капитализма обезволила людей, создавших ее, и замкнула их в тесную петлю противоречий неразрешимых.

¹ Исправлено, было: человеческий закон «не убий»

Всякое преступление неизбежно сопровождается ложью, но именно усилия лжи обнаруживают гнусность преступления.

Многие хитрецы, догадываясь о своей ответственности за одичание мира, притворяются оптимистами и утверждают, что после войны будто бы восторжествуют право и справедливость, в корне подорванные войною, утешают, что на почве мирового горя возникнет «великая радость».

Пушки, штыки и кулаки никогда еще не устроили жизнь нашу по законам справедливости. Водворение права и справедливости требует от человека ничем не стесняемой, ежедневной, упорной работы, напряжения всех сил разума, всей воли. И обязательно требуется, чтобы кто-то ближний взвешивал, критиковал этот труд, любовался им и возбуждал любовь к нему, утверждая, что смысл жизни — в творчестве ее новых форм.

Избив человека до бесчувствия, показав ему, как мало ценится многовековая работа его предков по украшению земли, — нельзя ожидать, что человек, после этого урока, станет разумней, честнее, справедливей и жизнеспособнее. Путь от скота к человеку — длителен и труден, но — страшно краток обратный путь.

Может быть, радость будет, но — это будет радость отдыха истощенных трудами взаимоистребления; вероятнее — это будет и не радость, а только ощущение физического удовольствия людей, которые, наконец, вернуться к привычному уюту мирной жизни, подучат возможность спать не в грязи, не на земле, а в чистых и сухих постелях. Разумеется, они будут спать долго и крепко, — человек имеет право на отдых после трудов своих; даже палач нуждается в отдыхе, как нуждается в этом лошадь и вол.

Нет, о воскресении права, справедливости, убитых во младенчестве, о воскресении радости...>

[Июль — август 1916 г.]

9

[О ДЕТЯХ УЛИЦЫ]

Известный скандалист от литературы читал в Москве лекцию на тему «Социализация красоты»; лекцию иллюстрировала какая-то актриса, гулявшая перед публикой нагишом.

В синемаатографах продолжают показывать пошлости и глупости, вполне способные еще более возбудить в темных людях скотские инстинкты и страсть к авантюризму. Насладившись трогательно-пошлой мелодрамой, обыватель тут же у выхода из синемаатографа вполголоса торгуется с девочкой-подростком:

— Если по-французски, — дам два рубля.

Возбужденные нервы обывателя требуют забвения тревоги, жаждут притушений. Водки — нет, осталась только женщина.

Дороговизна и недоедание выбрасывает на панели все больше и больше девушек-полудетей, и с каждым днем они становятся все более дешевым товаром. Впоследствии за эту дешевизну страна дорого заплатит своим здоровьем¹.

Если перечислить все то, что делается силою данных условий, рядом с тем, что следовало бы делать свободным гражданам, — мы получим картину той же самой азиатской косности, которая умерщвляла страну при старом режиме. Общественная самодеятельность не обнаруживает заметного развития и расширения. Некоторая часть наиболее живой энергии в первый же месяц революции была направлена на охрану реликвий прошлого, — организовалось «Об-во памяти Декабристов», затеяны организации «Дома-музея в память борцов за свободу» и еще несколько подобных мероприятий. Они, конечно, нужны.

Но энергии, направленной к подготовке будущего, — обнаруживается мало.

Так, например, настоятельно необходимо заняться детьми улицы, — эта необходимость не нуждается в пояснениях.

Для деревенских баб и рабочих женщин города нет ни лекций, ни брошюр, которые толково рассказали бы, что такое женское равноправие.

Для обывателя нужны лекции и книги по вопросам городского хозяйства на Западе. Пред нами стоит длиннейший ряд культурных требований, возбуждаемых новым строем жизни; многие из этих требований еще не признаны и не возбуждены, а для тех, которые уже признаны — нет удовлетворения.

Политика мешает культурной работе?

Но ведь обыватель творит не политику, а панику, сам себя застрашивая призраками грядущей анархии.

Кто виноват в том, что мы так плохо, так постыдно жили до революции?

Виноваты те люди, которые своекорыстно управляли нами, — люди неумные, бесчестные и бесталанные; люди, которые, понимая, что их власть покоится на невежестве — безграмотности народа, всячески заботились о том, чтобы укрепить невежество. Теперь эти люди потеряли власть над Россией, и нам принадлежит великое право строить жизнь по своей воле, по нашему разуму. Но — нам следует понять, что власть царя и чиновников была крепка нашей слабостью. И теперь, когда правда нужна еще более, чем прежде, надо сказать горькую правду: мы и сами виноваты в том, что так долго терпели жизнь постыдную, нищенскую, недостойную людей.

[Начало мая 1917 г.]

¹ Весна выманит на улицу изо всех грязных щелей города детвору

[НОВОГОДНЕЕ ПОСЛАНИЕ]

Хочется верить, что большинство человечества почувствует и признает 918-й год воистину — Новым годом, хочется верить, что новым чувством войдет в плоть и кровь народов решительное органическое отвращение к войне и вызовет к жизни активный протест против тех форм государственного строя, при которых возможно такое гнусное, небывало гнусное преступление, какова война 914—17-го годов.

Поверхностны и всегда не верны сравнения между людьми и условиями различных эпох, но все-таки мы все со стыдом и ужасом должны сознаться, что ни дикие гунны, ни фанатики арабы, ни тридцатилетняя, ни столетняя война не причиняли Европе такого материального и духовного распада, как это удалось сделать культурным нациям XX-го века.

Не однажды варвары побеждали Рим, но греко-латинская культура очеловечила дикарей, и это из их крови изумительно расцвели Франция, Британия, Германия — страны, пред силою духовного творчества которых почтительно склонился весь мир.

Но — что может возникнуть на развалинах современной Европы, над могилами миллионов самоубийц, что дадут миру истощенные, обескровленные, изувеченные войною лучшие народы земли? Об этом думаешь с ужасом в душе.

Кажется, люди навсегда забыли, что не войны и грабежи творят славу человеческого рода, а только мирный труд, кажется, что всех охватило презрение к плодам многовекового общеевропейского труда, — вот уже три года с лишком люди тратят свою энергию на разрушение результатов своего же труда, на массовое саморазрушение.

[Конец декабря 1917 г.]

[О МИРОВЕДЕНИИ]

И, не будучи оптимистом, следует иногда признать, что поистине — «нет худа без добра».

Экономически почти разрушив, морально опозорив Европу, «великая» бойня усилила вражду наций, но не в той степени, как этого можно было ожидать, а вместе с этим она бесспорно способствовала и способствует развитию идеи интернационализма, росту сознания людьми единства своих интересов. Десятки и сотни тысяч солдат Европы, побывав в плену, ныне знают о жизни друг друга значительно больше, чем знали они до войны; это знание тем более ценно, что оно — непосредственно. Разумеется, — взаимное ознакомление людей посредством драки стоит Европе очень дорого,

но такова судьба человечества: известно, что всегда и за все, чего оно добивалось, — оно платило, чудовищно высокие цены крови своей.

Участие цветных рас в кровавой ссоре Европы показало так называемым дикарям техническую мощь цивилизации белых, обаяние их чудесной культуры и все величие социального цинизма европейцев — цинизма, с которым цветные хотя и были уже знакомы, но все же далеко не в той широте, с какой им демонстрировала цинизм длительная война белых. Нельзя сомневаться в том, что «простодушные дикарей» сильно поколеблено событиями последнего десятилетия. И не говоря уже о пропаганде националистических, революционных партий Востока, о влиянии европейских социальных идей, есть возможность думать, что ныне и среди цветных, даже не затронутых пропагандой, должен расти и расширяться процесс познания мира — процесс, вызванный силами личных, непосредственных впечатлений.

Европа, в которой вспышки национализма очень напоминают судороги агонии, а попытки создания «новых» националистических идеологий похожи на тоскливый лепет умирающего, — в Европе стремление к «познанию мира», — быстро развиваясь, является утешительным признаком гибкости ее разума, признаком ее здорового желания интернационализировать свою мысль. Об этом очень красноречиво свидетельствует такой факт: почти во всех университетах Германии введен новый предмет преподавания «Auslands-Kunde» — широкое всестороннее изучение государственных организаций, национальных особенностей Европы, Азии, изучение жизни племен Африки, Полинезии, Меланезии и так далее. Это «мироведение» в объеме, широта которого была немыслима до войны. Никогда еще в Германии и Англии не издавалось такого количества книг, посвященных изучению Востока и колоний, — утверждают сведущие люди, и это утверждение доказательно иллюстрируется выставками книжных магазинов.

Не отставая от этого здорового течения, художественная литература Европы дает все больше и больше романов, рассказов, посвященных жизни народов Азии, Африки, островов Тихого океана и т. д. Наблюдая это стремление Европы к более широкому знакомству с остальным миром, хочется думать, что люди, может быть, на время — но все же решили жить более разумно и чело-
вечно.

* * *

К числу достоинств грамотного русского человека относят и то, что он знает о Европе больше, чем грамотный европеец о России, и что знания русского не отличаются той легендарной окраской, которая и до сего дня удовлетворяет, напр., француза, искренно убежденного, что в России едят самовары, а на улицах русских городов пасутся белые медведи.

Но рядом с этим существует мнение, что русское любопытство к чужому суть любопытство зрителя, любопытство лентяя, который любит смотреть, как другие работают, и восхищаться, глядя, как они воруют. Справедливость этого мнения, как будто, подтверждается тем фактом, что в России из всего текста евангелия твердо помнят [лишь] то место, где Христос предпочел созерцающую Марию работающей Марфе. И, помня это, совершенно забыли крайне поучительную притчу о талантах.

Ныне условия времени повелительно диктуют: любопытство зрителя должно превратиться в серьезный интерес деятеля, человека, который хочет и должен тому помочь, этому помешать, и всюду всему учиться.

Мы, русские, стоим в опасно трудной позиции одиночества и, хотя, будто бы, пользуемся сердечной симпатией малограмотных, а потому — пока бессильных, — сильные, ловкие и очень грамотные люди Европы, относясь к нам более или менее откровенно враждебно, тоже сердечно желали бы огрбить нас.

Уже одно это, не говоря о всем остальном, требует, чтобы мы тоже старались поумнеть, хотя бы на время, если не можем навсегда.

Вероятно, никто в Европе не нуждается так сильно в расширении знаний о мире, как нуждается в этом русский народ, переживая труднейшие дни, решающие его историческую судьбу. Простая мысль «знание — сила» оправдана всею историей человечества и не нуждается в новых словесных доказательствах ее неоспоримой жизненной мудрости.

«Мироведение» как раз именно та наука, которая, наиболее расширяя поле зрения современного человека, указывает его знание, цель и путь к ней.

В процессе познания мира художественной литературе принадлежит не последнее место, — она подводит человека в плоть ближнего и даже вводит внутрь его. Она показывает не только быт и ход мысли чужого, но, разоблачая перед читателем «душевные тайны», обнаруживает в «тайном» явное единство интересов и стремлений всех людей, явное желание их жить лучше, справедливой, разумнее.

Идя навстречу запросам времени, переживаемого нами, издательство ставит целью своей дать русскому читателю серию книг, которые насколько возможно шире познакомили бы его с жизнью людей, которых история тоже скоро заставит принять участие в общечеловеческой работе создания новых условий жизни в борьбе за свободу этой великой работы.

М. Горький

[Июль — сентябрь 1919 г.]

ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ М. САДОВСКОГО «ДИКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Автор этого рассказа *Михаил Садовский* — сын знаменитого актера Прова Садовского — был тоже талантливым артистом Московского Малого театра, на сцене которого ныне подвизается сын его Пров — третий в семье Садовских, видный деятель русского театра. Прекрасный исполнитель бытовых ролей М. Садовский был хорошим знатоком жизни мелкого московского мещанства, он тонко изучил особенности московской речи и, умело пользуясь ею, написал несколько интересных рассказов из быта актеров и московской окраинной бедноты.

Предлагаемый рассказ, не отличаясь особенной художественностью, занимателен как забавная — хотя и грустная — история жизни одного из бесчисленных неудачников, какими полна забитая, затрепанная Русь, огромная, спутанная Москва. Эта история мастерски рассказана знатоком московского говора и в ней — как почти всюду в забавных историях русских — смех звучит сквозь слезы о неужавшейся, нелепо изломанной жизни.

Никогда не излишне познакомиться с жизнью человека, кто бы он ни был и что бы ни делал. — «Чем больше мы будем друг друга знать, тем больше, может быть, простим друг другу».

Редакция

[1919]

О ЗНАНИИ

(Стенограмма лекции, прочитанной 30 марта 1920 года
в Рабоче-крестьянском университете).

Приветствую вас, товарищи (*аплодисменты*). Я буду говорить с вами о знании, о силе знания, о значении всего того, чему вы сейчас учитесь. Я буду говорить об этом в общем объеме. Сейчас вы поглощаете что-то, о чем говорят вам лектора. Я буду говорить обо всем, что поглощаете вы, и главным образом, об естествознании.

Начнем с чего? Да хотя бы с человека. Почему так сильна была буржуазия, почему она так долго держалась, почему так мощно в течение стольких столетий она держала народные массы во тьме невежества, создавая из плоти и крови народа огромнейшие богатства, сумев за это время украсить землю великолепными городами, создать прекрасные машины, построить изумительные по силе корабли и вообще создать все то, что называется материаль-

ной культурой. Почему? Только потому, товарищи, что в руках буржуазии была самая мощная сила, которой обладает человечество — сила знания, науки.

Теперь, когда этот порядок отменен, когда у власти готовы встать и стоите уже отчасти вы сами, вам необходимо взять в свои руки прежде всего именно вот эту силу. Ведь буржуазия держала в подчинении народ не только потому, что она физически брала за горло людей. Вовсе нет. Нет, она держала народ в этом угнетенном положении потому, что она прекрасно была организована и, как видите, и до сей поры все еще великолепно организована, потому что ни во Франции, ни в Англии, ни в Америке, несмотря на силу тех мощных потрясений, которые старому государству наносят недовольные массы, все-таки они держатся там, стараются держаться и очень вероятно, что будут держаться довольно-таки долго. Они сильны своим знанием, своей техникой. Русская буржуазия была довольно тестообразна, аморфна, и вам поэтому легко было с ней справиться, — как быстро она рассеялась. Она не сумела оказать даже в малой мере того сопротивления, которое оказывается в Германии спартаковцам немецкими буржуа.

Какова же, собственно, по внутреннему значению эта сила, это знание? Что оно значит в себе самом? Это нечто, добытое всей работой человечества за все время существования его. Это нечто, что создано невероятно тяжелым, страшно напряженным трудом. Это начиналось с мельчайших ничтожных наблюдений и кончалось удивительными выводами.

Возьмем, например, такую вещь — современный дредноут, одно из мощнейших созданий человеческого разума, организованных человеческим разумом. Откуда это? Как это явилось? Первобытный человек-полузверь, человек-полуживотное — он первый, несомненно, положил начало той страшной машине, которую мы теперь знаем под именем броненосца, дредноута, пароходов всевозможных, тем судам, которые в течение 5 суток переходят океан от берега к берегу, из Европы в Америку. Откуда это явление?

Когда-то на заре человечества, в те ранние годы его жизни, когда человек был еще полуживотным, не зная даже, как добыть себе достаточное количество пищи, был слабо вооружен во всех отношениях, потому что, кроме палки с заостренным концом, а впоследствии палки с привязанным на конце ее камнем, не было ничего, этому человеку приходилось добывать себе пищу страшно тяжелым трудом, тем, о котором мы не имеем сейчас и представления. И этот человек, часто, стоя на берегу реки, видел, что там, на другом берегу, ходят птицы, играют животные, которых легко бы было можно убить. Но как перейти? Вплыв? Это не всегда удобно: во-первых, река была слишком широка, во-вторых, в реке могли водиться, как в Египте, например, крокодилы, и, может быть, водились и в европейских реках такие страшные большие рыбы, о которых мы теперь знаем только по остаткам.

Это плавание было сопряжено с опасностью. Но человек видел, что вот по воде плывет яичная скорлупа, плывет — и не тонет — по воде корка дерева, древесная кора. Отсюда из такого пустого наблюдения он делает прототип, первоначально, современного парохода, челнока. Берет дерево определенное, выдалбливает середину, садится и едет. Несомненно, что перед этим он на круглом дереве тонул. Но от такого ничтожного наблюдения человек в течение веков строит пароход.

От наблюдения за полетом птицы мы сами полетели по воздуху теперь. Мы достигли большего — стали плавать под водой, что казалось 40 лет тому назад совершенной сказкою, и на это смотрели, как на детскую сказку. Вы не укажете мне ни одного явления в жизни, в котором бы не было заключено огромнейшего количества человеческой энергии. Нет ничего, в чем бы не сказался человеческий разум. Коснусь ли я пуговицы своей или шапки — во всем этом заключено знание, во всем этом человеческая энергия, во всем этом плоть и кровь наша, обработанная именно наукой.

В чем, собственно, дело? Вам только что сегодня, кажется, читал Павлов о том, как образовалась порода земли, как образовалась земная кора. В этом факте, о котором вам рассказывали, тоже есть какой-то нечеловеческий уже, но во всей природе лежащий закон — закон организации. Что значит организация? Что значит организовать? Это значит придать форму как мертвой материи, так равно и своему живому впечатлению. Чем отличаются люди друг от друга? Только тем, что у одного большее [количество] впечатлений организовано лучше, у другого меньшее количество впечатлений организовано, может быть, также хорошо, но они имеют меньше цены, потому что их меньше и, наконец, в большинстве случаев люди просто не умеют слагать свои впечатления, наблюдения и мысли в отличные формы.

Вот что различает людей друг от друга, и это различает их главным образом. Когда мы говорим об умном, развитом, образованном человеке, это есть просто человек, который отличается от всех других, которых считают неразвитыми, неумными, только тем, что он больше знает. Сама природа создала нас всех из одного и того же материала. В каждом из нас, кто бы он ни был — аристократ или чернорабочий, священник или слесарь — каждый создан из одного и того же элемента. Разница только в том, что один знает больше, другой меньше. И вот эта разница настолько резка, настолько мощна, она обладает, как вы видите, такими значительными последствиями, что разделила людей на группы, разделила их на классы. Мало того, разделила еще крупнее — на государства, разделила даже на языки.

Это нужно очень усвоить, ибо, усвоив это, вы особенно поймете силу знания и его всемирность, его способность объединить всех людей, так как если каждый из нас будет знать столько, сколько и другой, ясное дело, что никто, во-первых, не позволит себя об-

мануть, обойти, эксплуатировать, говоря учёными словами. С другой стороны, если я знаю столько, сколько вы, а вы знаете столько, сколько я, то между нами нет даже той физической разницы, что вот я вам рассказываю, а вы меня слушаете. Рассказывать-то нечего будет. То, что я знаю, вам тоже известно смолodu, с малых лет. Это вливается в вас естественно, вливается непосредственно, не от учителей, которые часто проповедают вещи, им выгодные, но далеко не выгодные вам. Это не от учителей, а непосредственно от самой жизни.

Когда человек входит в жизнь и с детства перед ним все открыто, он знает, как делается этот дом, как творится та или другая наука, как были созданы религии, если от него не будут этого скрывать, как это скрывали раньше, то, ясное дело, что к зрелому возрасту человек этот будет знать все, что считалось раньше тайной. Чем глубже будем мы проникать в накопленный всем человечеством, всеми людьми мира опыт, тот опыт, который они организовали в форме различных политических наук и т. д., чем больше проглотим этого опыта, чем лучше его усвоим, тем сильнее будем, тем труднее будет забыть нас каким-либо иным людям. Какой бы удар они ни пожелали нам нанести, с какой бы стороны ни подходили, мы всегда найдем средство отразить его, потому что смысл сложной науки и всех ее мощных свойств будет нам тоже знаком, как и нашему врагу, если предположить, что он объявит нам войну на этой почве.

Я, как вам, вероятно, известно, человек из простых, я не учился ни в каких школах, не был в университете. Я учился у самой жизни, на улицах учился, и затем читал книги и затем очень внимательно смотрел на людей, главным образом, конечно, на русских, потому что в России был больше всего и сам чрезвычайно русский человек. Это обстоятельство поставило меня в странное положение. Человек я такого же происхождения, как и вы все, но почему-то мне приходится с вами разговаривать в качестве как бы учителя. Я просил бы не смотреть, между прочим, на меня таким образом: я просто-напросто человек, который пришел поделиться с вами тем, как он думает и что он думает. Не более того. Но чему же все-таки обязан я тем, что писал книги какие-то и встал в несколько исключительное положение? Только тому, товарищи, что я всегда любил знание, очень верил в силу человеческого разума, зная, что эта сила — самая непобедимая сила и самое творческое, что есть в мире, что человек не обладает ничем более мощным, чем его мозг, его разум. Из мозга человека является все. Вы не назовете мне ничего ни в области материальной, ни в области духовной, что бы не было создано человеком. Весь мир представляет собою не что иное, как человеческое деяние, человеческое дело, человеческое мнение, человеческую мысль, человеческую идею.

Если взять самую отвлеченную, самую величественную

идею, самую громадную идею, когда-либо созданную людьми идею бога — самого высшего, самого разумного существа, вседущего, всевидящего, всезнающего, всеильного, всеотворившего — и эта идея есть не что иное, как отвлечение человеком от самого себя лучшего свойства своей души.

Как это случилось? По мере того как развивалась духовная жизнь человека, по мере того как у него возникали новые желания: желание лучше жить, больше знать, проникнуть в тайну жизни, смерти, в тайну всех явлений природы, вместе с тем в нем развивалась еще одна черта, черта некоторого смутного сознания, что он, человек, является на земле самым сложным существом, самым одиноким существом, наиболее ответственным, тем существом, которое, несмотря на свою малость в сравнении с огромнейшей землей и всем, что на ней происходит перед его глазами, тем не менее все-таки постигает все это и все явления жизни — будут ли это явления в природе, гром ли это, дождь ли идет и т. д. Все это проходит сквозь человека, осаждается в нем каким-то духовным осадком, является в его душе — вместилищем впечатлений. Так формируются известные идеи. Таким образом у человека получается мысль сознания своей важности на земле и это стремление все знать, все понять, везде как-то быть, все поглотить в мире, — это стремление не могло найти практического осуществления в жизни, которая была построена на борьбе человека с человеком. Никогда наше доброе и наше хорошее чувство нельзя было воплотить в жизни, где человек человеку был враг, и поэтому все, что было лучшего в человеке, он отвлёкал от себя и где-то в небесах складывал, и таким образом получилась одна из величайших идей. Я не говорю о существе, не касаюсь вопроса о том, что человек создал бога, что он есть или нет. Я говорю об идее этого бога.

Вытолкнув от себя то, чему в жизни не находилось места, свои добрые, лучшие начала, человек объектировал это в образе, в идее существа, от которого все исходит и в котором все кончается, существа всеведущего, всезнающего, всемогущего и т. д. Но это представление есть представление человека о себе самом в конечном счете, ибо никто бога не видел, и тот факт, что мы построили образ его все-таки по образу и подобию человеческому — уже один этот факт свидетельствует о том, что из этой формы мы, очевидно, выйти не можем.

Вообще в жизни нет ничего фантастического, ничего сказочного, все, что кажется чудесным, на самом деле имеет под собою совершенно определенную реальную основу. Что бы вы ни взяли. Вот существует сказание народное об огненном змее. Это же молния, несомненно. И это так ясно, что это именно молния, а не что-либо другое. Существовало сказание о крылатом змее. Ничего в этом нет удивительного. Когда-то на заре веков были полуптицы, ползущеры крылатые. Остатки их найдены, костяки их найдены, и вы видите, что это ящерица с крылами птицы. Ничего нет такого,

что человек бы выдумал и чему нет основания в реальном мире. Все исходит от человека. Нет ни одной идеи, нет ни одного образа, который раньше не зародился бы в человеческом мозгу и уже потом самим человеком не воплотился бы в жизнь. Это так.

Получается какой процесс? Мы, каждый из нас, вычерпываем тем ковшом, который называется душой, который являетсяместилицем всех наших впечатлений, из жизни все, что нас потрясает, что действует на наши пять чувств: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус, и затем, складывая это в себе в известные формы, опять выкидываем это, вносим в мир. Вот в чем дело. Вот в этом процессе поглощения явлений природы и затем выбрасывания их из себя опять в живой человеческий мир, в этом явлении заключается вся тайна жизни и в нем все творчество, начало всех начал, начало всех наших деяний, всех наших идей. Чем организованнее опыт, чем лучше человек умеет слагать свои впечатления в определенную форму, тем крупнее человек, тем мы больше считаем его человеком умным и т. д.

Вы, конечно, слышали об американском технике Эдисоне, который изобрел бесчисленное количество различных вещей. Аккумулятор, телефон, граммофон — его дело. Само собою разумеется, что это человек выдающихся способностей. Но почему? Просто потому, что в этой области он знает больше, чем кто-либо другой, и умеет это знание прилагать вот к этой якобы мертвой материи, умеет ее оживить.

Все в этом мире движется — вагон ли трамвая, пароходы, паровозы — все это движется, в конечном счете, вовсе не электрической силой, не углем, не паром, а нашим разумом. Несомненно, не будь этого, не было бы электричества. Не будь этого, мы не умели бы владеть ни паром, ничем. Ясное дело. Вот в этом весь корень, начало всех начал, говорю я, — вся сила, вся мощь человека в знании, в умении понимать, в умении наблюдать и организовывать свой опыт в форму ли картины, машины, дома — чего хотите. В мире ничего нет такого, что не было бы сделано человеком. Во всяком случае все, что на поверхности земли, — это наши труды, труды наших предков. Это все кость, плоть и кровь живых людей, и во всем этом живет человек, самое мощное, значительное и сложное существо в мире.

Если вы спросите, в чем же дело, собственно, зачем человек, почему, зачем он живет? На этот вопрос вам никто не ответит. Нет ответа на этот вопрос — зачем живет человек, зачем он создан. Но можно сказать, тем не менее, что, может быть, природа, вот все то, что мы называем природой, в лице человека создала свой орган, орган для познания себя самой. Как в каждом из нас высшим качеством, высшим свойством нашим является мозг, самое тонкое вещество во всем организме человеческом, так очень может быть, что в природе человек является точно так же таким мозгом, созданным какими-то таинственными силами, неизвестными нам. Вы

знаете, вероятно, изречение одного из греческих мудрецов — «познай самого себя». Вот это самопознание есть познание всего мира, ибо нельзя познать никому из нас самого себя, не познав всего окружающего мира. Непонятна будет жизнь человека и непонятно будет существование его, если он будет изучать себя отдельно от всего, что вокруг него существует и так или иначе действует на него, слагая его характер, придавая ему ту или другую привычку, возбуждая в нем тот или другой навык. Познать самого себя — это значит познать весь мир, все существующее в природе. Самопознание и будет познание мира.

Теперь, когда, мне кажется, достаточно, может быть не особенно понятно, но все-таки достаточно я сказал вам о силе знания, о силе человеческого разума, который является источником и творцом всякого знания о мире и той силой, выше которой нет ничего и ничего, ясное дело, не может быть, потому, что если есть нечто, что может прекратить работу разума, — это физическая сила: если ударить ломом по голове человека, то он, конечно, перестанет думать. Но, ведь, это что же? Я могу все на свете сломать, но толку не будет никакого, а бессмертным действительно остается человеческий разум, который, может быть, со временем будет настолько острым и мощным, что очень вероятно (и об этом многие думают и теперь) даже физического бессмертия добьется человек.

Уже теперь целый ряд ученых в разных странах мечтает о том — и не мечтает, как барышня у окошка о женихе, но работает — о том, как сделать человека долголетним, чтобы он жил 150 лет и т. д., чтобы эти годы были средними годами его жизни. Один из крупнейших русских ученых, Мечников, в Париже совершенно серьезно ставил этот вопрос, который кажется фантастическим, и очень много сделал в этом направлении. Некоторые ученые считают, что его теория о долголетию неправильна, она не дала практического результата, но работа его дала толчок целому ряду других ученых, и сейчас в Америке, Англии и Франции можно найти людей, которые заняты практическим разрешением вопроса, как сделать человека долголетним.

Если вы подумаете над этим, товарищи, то вы увидите, что в данном случае человеческий разум объявляет войну смерти, как явление природы. Самой смерти. Мое внутреннее убеждение таково, что рано или поздно, может быть, через 200 лет, а может быть, через 1000, но человек достигнет действительно бессмертия. Я не вижу вообще пределов мощи человеческого разума, я не вижу пределов работе его, я не вижу пределов его творчеству. И пусть нам кажется странной, фантастической, сказочно-детской эта мысль, что человек силою разума своего победит такое явление, как смерть, — я вам укажу только на то, что 40 лет тому назад детской мыслью считалось подводное плавание, 10 лет тому назад изобрели беспроволочный телеграф, 30 лет тому назад мы полетели по воздуху, и за последнее время человеческий разум вообще сде-

лали такие завоевания, что перечислить их сейчас было бы в высокой степени трудно.

Но вот еще одно. Американский врач Каррель, которого я знал еще в Нью-Йорке, нашел способ лечить раны и заживлять кости, переломы, простым путем — он наращивает живую ткань. Опускает раненый член в жидкость, насыщенную определенным раствором и, глядя в микроскоп, вы видите, как какая-то сила тклет живую человеческую ткань, человеческие клетки. Точно так же можно видеть и как срастаются костные клетки на местах сломов.

Это все завоевания настолько мощные и звучат так странно, что это все как будто бы отзывается сказкой, но это факты, которые и сейчас в лабораториях ученых совершенно осязаемы. Те задачи, которые ставит перед собой человеческое знание, человеческий разум, — они неизмеримы.

К чему, в конце концов, мы стремимся сейчас? Главным образом европейская наука? (Говорю европейская, потому, что и в Китае и в Азии вообще нет науки в нашем смысле слова, там философия хорошо разработана, но нет науки в смысле техники, зоологии и т. д. — это творчество европейское). К чему стремится наука? Да, главным образом и прежде всего к тому, чтобы вся энергия природы, все ее силы заставить работать на пользу человеку и в его интересах, так же, как заставили работать такие силы, как теплоту, как электричество, как пар, как движение воздуха, течение рек, падение воды и т. д.

Что такое материя? Материя представляет собою то же самое, что и энергия. Это есть та же сила, но сила, находящаяся в состоянии устойчивого равновесия. Если человек, человеческий разум найдет способ разрядить каждый данный кусок материи, превратить его в энергию, то будет картина такая: нам не надо будет лазить глубоко в шахты, отыскивать уголь, не надо утопать в холодную пору в торфяных болотах, добывая торф, потому что мы все это можем сделать более удобно, не надо будет вообще этого каторжного труда, который просто в сущности своей глуп. Он необходим, без него не обойдемся, но это глупый труд.

Но нужно извлечь из всего того, что мы называем мертвой материей, заключенную в ней живую силу. Что это можно — на это есть определенные намеки. Вы, вероятно, слышали, что существует элемент, называемый радием. Он обладает свойством источать постоянно лучи из себя, сам в то же время, как бы не исчезая. Из него постоянно истекает какая-то энергия, настолько мощная, настолько сильная, что если его близко держать от тела (хотя он обыкновенно бывает заключен в свинцовую коробочку), получается ожог. Это холодное тело, но оно жжет точно так же, как в сильный мороз сжег бы вас лом, который вы возьмете голой рукой, или замок, или вообще какой-нибудь железный предмет. Он проникает сквозь твердые тела, этот радий, и вы можете снимать целый ряд каких угодно предметов сквозь дерево, затемненный экран. Дру-

гая энергия еще — рентгеновские лучи, которые точно так же проходят через определенные тела.

Вот эти силы заключены вообще везде в той мертвой материи, которую мы называем землей и по которой мы ходим. Когда-то мы извлечем их и, может быть, скоро. Тогда перед нами будет огромный запас энергии, который мы можем употребить взамен траты нашей физической силы. Насколько мощна эта энергия, я вам приведу несколько примеров. Многие слышали о так называемой шарообразной молнии. Это не та молния, которая делает зигзаги в небесах, но которая является в форме шара. Часто этот шар, влетая в дом, там все разрушает, все разбивает, убивает людей, буде они там есть. Мне случилось это видеть на Кавказе, когда мы переваливали через один хребет с Чеховым и одним художником — Васнецовым. Шар ударился в гору, оторвал огромную скалу и разорвался со страшным треском. Это микроскопическая былинка, находящаяся в состоянии переразрядки, в состоянии разряджения.

Один французский ученый, занимающийся вопросом об эволюции материи, доказывал путем подсчета, что если взять двухкопеечную монету и извлечь из нее заключенную в ней энергию, то этой энергией поезд в 40 груженных вагонов может обойти вокруг земного шара. Это тоже все кажется фантастическим, но это научные домыслы, и более чем вероятно, что это будет осуществлено.

Когда это будет осуществлено, тогда мы все, ясное дело, будем совершенно свободны, потому что не будет надобности в борьбе человека с человеком, ибо пропадет основа того, из-за чего люди боролись до сей поры и будут бороться еще долго. Пропадет желание обладать большим количеством энергии, чем владеет вот тот-то. Ведь, в чем дело? Почему человек стремится поработить другого? Потому что он хочет, и это вполне естественное желание, сам лучше жить, спокойнее, свободнее, уютнее. Естественное желание каждого. Никто не будет против этого возражать. Другого способа не было до сей поры и еще нет, как — для того, чтобы жить спокойнее, — сесть на шею ближнего — самое удобное положение. Но для того, чтобы избегнуть этого угнетения человека человеком, для того, чтобы не пользоваться его энергией, надо, очевидно, искать ее в другом месте, где она настолько обильна, что ее хватит на всех. И тогда люди просто лишатся этой возможности друг другу завидовать, друг у друга отнимать.

Как я уже сказал — в мире нет ничего, что не было бы сделано человеком. А мы жизнь понимаем как не что иное, как сложное количество вещей, денег, все равно и т. д. А это все есть человеческая работа, человеческий труд. Но если разум человеческий сумеет достать эту энергию в том количестве, в каком она вообще нужна всем людям, тогда, ясное дело, пропадет этот мотив для борьбы друг с другом, просто отпадет. И равенство, братство и свобода внутренняя, и любовь человека к человеку, несомненно, явятся тогда, когда все эти препятствия отпадут. Тогда мы будем жить за счет чисто своей

энергии, своего разума, который, в свою очередь, дает нам в руки обладание всеми силами природы, всеми скрытыми в ней тайнами.

Вот тогда, само собою разумеется, каждый из нас, несомненно, должен почувствовать в другом ту силу, которая есть в нем. Мы должны будем ценить друг друга не по худшему в нас, а по лучшему. Нас приучали ценить друг друга по тому, что хуже в человеке, мерить друг друга меркой низкой и лживой, в сущности. Мы должны обращать больше внимания на то, что в нас есть хорошего, а не на то, что дурно, ибо если очень обращать внимание на дурное, то этим самым мы фиксируем, укрепляем это дурное еще более.

Но вот перед нами простой факт: всем вам видно и ясно, что люди от времени становятся лучше, все большее и большее количество людей принимает сознательное и честное участие в строительстве жизни. Страна такая отсталая, как Россия, — разве она не свидетельствует, в конце концов, о том, как побеждает человеческий разум? Только об этом свидетельствует революция. Разве революция создана не для того, чтобы человек стал лучше, чтобы человек стал значительно умнее, честнее, сильнее? Несомненно, для этого. Когда он будет умнее, честнее, сильнее? Тогда, когда он будет больше знать. Не только — то, что окружает его, но и себя самого и своего ближнего, всех соседей своих, всех друзей, всех товарищей по работе.

И вы, конечно, можете себе представить, чем должен быть и может быть человек, который самого себя считает исключительным человеком, который самого себя считает источником всего лучшего на земле. Полагаю, что раз вы считаете себя таковым, то у вас нет оснований думать, что ваш товарищ не таков. Вы же созданы из одного и того же материала, жили при одних и тех же условиях, создались так же, как все, в той же стране, при таких же географических, социальных, политических условиях и т. д. Почему вы должны полагать, что кто-то хуже вас, а вы лучше другого? Нет оснований для этого. Разница только в том, что один знает больше, другой меньше. Природных каких-нибудь свойств, каких-нибудь от рождения самого данных особенностей — я не думаю, чтобы таковые были. В человеке этого нет. Это все достигается знанием и трудом.

Труд честный и мужественный, смелый труд, умение смотреть открытыми глазами на все тайны жизни и ничего не бояться, с одной стороны, а с другой стороны — жажда все знать, узнать, что из чего сделано, кто такое «Я», — вот два стремления, которые, сталкиваясь, выковывают эту стальную фигуру человека, который, несмотря на смертность, творит бессмертные дела, бессмертные создал произведения искусства, научные теории и тщится, и можно сказать тщится вполне уверенный, что в ближайшем будущем он завоюет и еще какие-то уже совсем сказочные, фантастические страны и области, что он откроет все тайны, окружающие его. Он мыслит и о бессмертии своем, и о том, как всю энергию, заключенную в природе, сделать слугою человека.

Эти задачи, которые теперь могут показаться нам фантастикой и сказкой, есть реальнейшие задачи человека и не должны быть чужды вам. Вы не должны полагать, что есть на свете что-то, чего не можете вы знать. Думать так — это значит унижать себя, это значит позволить кому-то опять взять вас под свою руку, и, несомненно, тяжелую руку. Вы не должны так думать. Вы должны знать, что равенство, самый принцип равенства, самый дух равенства сидит в каждом из вас. Он должен жить, и вы должны это воспитывать в себе. Нет ничего, что не было бы создано человеком. А раз все создано нами — чего же бояться? Перед чем мы можем остановиться? Ни перед чем.

Если взять идеи и образы, которые устрашали нас, — они отмирают и частью отмерли уже. Чертей мы не боимся. Бога — тоже. Просто потому, что это тоже идея, которая отходит в сторону, но которою мы можем гордиться, потому что это одно из величайших усилий человеческого разума — воплотить зло в образе сатаны и добро в боге. Это очень большая работа человеческого разума. Это немного испортило, раздвоило нас, но надо знать, что сатана и бог — едино суть и отец их — человек, он создает эти образы.

Весь мой 50-летний опыт, все что я пережил, внушает мне совершенно определенно не то что веру и не убеждение, а такое же определенное чувство, как вот то, что я стою здесь пред вами, — уверенность в том, что человек сумеет одолеть все лежащие на пути его препятствия, что он разрешит все загадки, что ему будут ведомы все тайны, и наступит время, наступит момент, когда человек будет воистину свободен, воистину горд сам собою, и в нем просто исчезнут те животные качества, которые теперь мешают жить очень многим из нас. Вот, что хотел я сказать вам, товарищи. Нет на свете ничего выше знания, выше труда, и труд и знание все победят. Знание и труд это то, что поставит людей удивительно высоко, так высоко, что мы не можем себе представить этого сейчас. Но несомненно настанет время, когда человек будет и царем природы и, может быть, таким чародеем, что для него не будет уже никаких препятствий. Может быть, он и междупланетные пространства победит, победит и смерть, и все болезни свои, и все внутренние недостатки, и тогда, весьма вероятно, будет рай на земле. Это все очень далеко, все фантастично — я прекрасно понимаю, но именно это должно быть идеалом, именно это целью, к которой должны стремиться люди. И чем выше цель поставлена, тем больше в человеке возбуждает она и сил, и разума, и красоты, внутренней красоты.

Ну, а теперь позвольте мне пожелать вам, товарищи, хорошего успеха, доброго труда, и я желал бы, чтобы, когда вы доживете лет до 50, — меня в эту пору уже не будет, так как с бессмертием к этой поре мы еще не совладаем, — но я желал бы вас видеть в эту пору крепкими, умными, хорошими, честными работниками своей страны. Вот, чего хочется.

[ПО ПОВОДУ ПРЕДИСЛОВИЯ К СОЧИНЕНИЯМ
М. БАРРЕСА]

Я позволю себе еще раз повторить некоторые соображения общего характера; вы уже слышали их и — м. б. — они вам достаточно надоели, но все же я считаю необходимым для успеха дела возвращаться к этим соображениям время от времени.

В данном предисловии — между всем прочим — сказано, что Баррес «ополчился против беспочвенности интеллигенции за 20 лет до наших «Вех»». Это указание брошено мимоходом, а между тем оно очень ответственно и — на мой взгляд — вполне заслуживает некоторых пояснений. Оно заставляет подумать о том, насколько почвенны и самостоятельны были идеи и построения сборника «Вехи» — построения того отчаянного национализма, который даже евреев делал антисемитами. М. б., факт совпадения идеи Барреса с идеями «вехистов» не простое питание соками чужой мысли, а хорошее доказательство именно беспочвенности русской интеллигенции.

Далее — идея Барреса о «влиянии почвы» невольно заставляет вспомнить родственные ей идеи Булгакова в его книге «Философия хозяйства» и нигилистические соображения Льва Шестова в его «Апофеозе беспочвенности».

Эти указания в сторону связи русской мысли с латино-романской были бы очень ценны, будь они сделаны. Мне думается, что мы обязаны делать такие указания и сопоставления, ибо в предисловии к проспекту нашему мы согласились говорить о интернационале духа, о необходимости укрепить в людях сознание их единства в области духовной — научной и литературной — работы.

Ведь в сущности весь интеллектуальный мир живет и движется одними и теми же идеями, различия нации сводятся только к темпераментам, приемам и формам, посредством которых интеллигенция — мыслящий орган нации — превращает идеи в деяния.

Именно теперь, когда интеллектуальное начало заподозрено во враждебном отношении к интересам народных масс, — своевременно и полезно как нельзя более указание на священную связь всех идей, созданных разумом мира, в единую радугу.

Наши предисловия строятся вне этих соображений, каждый автор является у нас каким-то случайным холмом среди равнины, и совершенно нельзя понять, какие влияния образовали этот холм, какое влияние оказывает он на окружающее его и насколько расширяется горизонт с его высоты. В русской литературе — как это всем известно, наблюдается целый ряд явлений духовного

сожителства и формальных связей между русскими и иноземными писателями.

Гоголь — Гофман, гр. Соллогуб — Андерсен, Писемский — Бальзак — это очень ясные соединения, Тургенев сознавался в том, как много значило для него «Простое сердце» Флобера, Толстой говорил, что писать военные сцены его научил Стендаль, всем памяты слова Достоевского о влиянии Жорж-Санд, — в свою очередь Эдуард Род, Поленц, Гарди, Эстонье и много других не чужды влиянию Толстого, Аннунцио — подчинялся Достоевскому и т. д. и т. д.

Я считал бы, что необходимо всюду, где является эта возможность, указывать на взаимные влияния романского, англо-саксонского и славянского творчества. XIX век достаточно насыщен фактами идеологических и формальных связей в области духовной жизни, и эти связи необходимо ценить очень высоко, — может быть, они являются началом того великого единства, последствия которого хотя и трудно представить себе, но во всяком случае они будут благодны ¹.

[1920—1921]

15

[О ТОЛПЕ И ГЕРОЕ]

Все, что писалось Карлейлем, Михайловским и другими о героях, о героях и толпе, о психологии толпы, не убедительно для меня. Все это, разумеется, очень мудро, но сказано мимо, не туда, и во всем этом я, — может быть ошибаясь, — чувствую бессознательный у одних, сознательный у других, иногда — явный, иногда — скрытый, но неизбежно дешевый аристократизм. Лично я думаю — по этому вопросу — более утешительно и более демократично, — как мне кажется. Для меня всякая толпа — сборище кандидатов в герои. Для толпы совершенно безразлично, кто таков герой: Макс Линдер, Джек Потрошитель, Муссолини, боксер или фокусник, политик или пилот, — каждая единица толпы хочет видеть себя на месте и в положении одного из этих людей, сумевших выскочить вперед из густого сумрака будничной жизни. Герой — нечто подобное блуждающему огоньку над вязким болотом обыденщины, он — магнит, стягивающий к себе всех и каждого, кто не хочет быть только пассивным зрителем событий, всех, в ком горит или тлеет хотя бы слабая надежда на возможность иной

¹ А говоря о возможности интернационала духа, мы тем более не должны упускать из вида ничего, что свидетельствует о <возможности> зарождения <его>

жизни. Поэтому каждый герой — социальный феномен, педагогическое значение коего весьма ценно. Желать быть героем это значит — желать быть больше человеком, чем ты есть.

В сущности же каждый человек в своей области уже герой, если внимательно всмотреться в густоту тьмы этой области. Мы все родились и живем героями. И когда это будет понято большинством — жизнь станет насквозь героической.

[1923—1926]

16

[ОТВЕТЫ ЖУРНАЛИСТУ]

«Максимализм» — жажда совершенства, желание видеть мир и человека в идеальных формах. Индивидуалист, полагая, что в человеке еще только едва намечены некоторые ценные качества души, требует для развития этих качеств абсолютной свободы личности, не считаясь с интересами общества и признавая государство лишь настолько, насколько оно обеспечивает человеку эту абсолютную свободу мысли и деяния. Как далеко уходит в этом направлении мысль индивидуалиста, о том красноречиво говорит один из оригинальнейших русских мыслителей В. Розанов, ученик Достоевского:

«Совершив преступление и, следовательно, упав среди окружающих людей, преступник в каком-то одном отношении, напротив, поднимается над ними».

Это — максимализм индивидуалиста, вполне и до конца исчерпывающий психологию современных властителей мира с их безумным упоением властью и поэзией безответственных поступков.

Противоположное — социалистическое — мировоззрение выражено Достоевским в его знаменитой «Легенде о Великом Инквизиторе»; посадив Христа в тюрьму, Инквизитор ставит пред ним вопрос:

«Или тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, остальные же миллионы, многочисленные, как песок морской, должны лишь послужить материалом для великих и сильных?»

Здесь скрыт исток борьбы между «званными» и «избранными», между владыкой, не знающим пределов власти, и рабом, которому надоело рабство. Оба эти «максимализма» в своей заостренности навсегда непримиримы, вечно будут источником борьбы человека против общества, и все возможные компромиссы лишь временно способны подавлять напряжение борьбы, причем я лично думаю, что компромисс является выражением усталости, а не результатом нарастания социальной разумности, потому что борьба классов, которая в основе своей является борьбой индивидуализма и социализма — приняла уже характер стихийный.

Само собою разумеется, что ни фашизм, ни такие его организации, как Ку-клукс-клан, как и все иные попытки встать на пути подготовленного историей перехода человечества от анархии капиталистического хозяйства к более совершенным формам хозяйства и быта, — все эти попытки остановить стихийный ход событий могут иметь лишь кратковременный успех, но, по существу, они еще более революционизируют массу и, убеждая ее в законности насилия, готовят для насильников весьма плохие дни.

Повторяю: с моей точки зрения в основе борьбы классов горит и питает ее все та же борьба за индивидуальность, за свободу развития личности; жизнь будет тем интереснее, разумнее и красивей, чем больше люди индивидуализируются.

Этим дан ответ на вопрос: «возродится ли новая аристократия в России?» — если под аристократией понимать «аристократию духа», а не нуворишей. Рост и развитие личности суть процесс непрерывный, революция, конечно, ускоряет его, и уже одно это указывает на ее необходимость, на ее значение. О развитии личности в России красноречиво говорят десятки новых имен в области науки и литературы. Едва ли в какой-либо иной стране возможны те работы по «омолаживанию», которые сейчас делаются в русских даже провинциальных городах. Поражает количество новых открытий в области «ископаемых» богатств, рассеянных в русской земле, а также и количество технических изобретений.

Литература «молодых» идет по стопам крупнейших русских художников, не забывая традиций старой русской литературы, которая, между прочим, никогда не славословила действительность, относясь к ней критически и, часто, чрезмерно критически.

* * *

Л. Толстой, конечно, отнесся бы к социальной революции 17-го года так же отрицательно, как он отнесся к революции 905—6 годов. Но, разумеется, его отношение не могло бы ничего изменить в ходе массовой революции, — в социальной области возможны и обильны чудовищные преступления, но — чудес не бывает. «Толстовцев» в России всегда было немного, и влиянием на массу они не пользовались. Наоборот: большинство своих социально-анархических идей Лев Толстой почерпнул из крестьянства, от таких его «учителей жизни», как Сютаев, Бондарев, «духоборы».

* * *

Вопрос: «почему русские лучшие актеры мира?» очень удивил меня; я впервые слышу такой вопрос. Знаменитейшие артисты сцены: Томазо Сальвини, Цаккони, Элеонора Дузе, Тина ди Лоренцо, Тальма, Сарра Бернар, Мунэ Сюлли, Лекуврер [?], Клерон

Поссарт, Барнай, Генри [?] Ирвинг — все это не русские. Ольбридж — негр. Я не знаю, кого из русских артистов можно поставить в ряд этих имен, кроме давно умерших Щепкина и Мочалова, кроме Ермоловой, которая почти уже не играет.

* * *

Вопрос о положении русской женщины разрешается фактом их давнего участия в политической жизни страны, о чем говорят исторические имена Софьи Перовской, Веры Фигнер, Веры Засулич, наконец — Брешко-Брешковской; она ныне живет в Карпатах, сотрудничая в берлинской газете социалистов-революционеров «Дни», одним из редакторов которой является Керенский. Огромное значение женщины в деле развития русской культуры в областях науки, литературы, живописи, педагогики, в деле развития художественной промышленности.

* * *

Я, разумеется, не могу писать «роман, действие которого происходит в Лондоне», ибо не знаю Лондона, я жил в нем всего три недели. Какую из моих книг я считаю самой лучшей? Она еще не написана мною. Недавно выпустил книгу моих заметок «Из дневника», она уже издана в Англии. Скоро напечатаю книгу рассказов, написанных мною в 23—24 годах.

* * *

На мой взгляд, сейчас в Европе три изумительных писателя: это — бесподобный Анатолий Франс, благороднейший Ромен Роллан и Кнут Гамсун, последние книги его «Соки земли» и «Женщины у колодца» — это самые совершенные произведения искусства слова, которые явились в мире за последние 25 лет.

* * *

Люблю ли я удить рыбу? Нет, я вообще не люблю пассивных состояний. В одном из моих последних рассказов — «Репетиция» — сказано:

«Он любил ловить рыбу; это занятие лучше всякого иного позволяет человеку забыть, кто он, где он, и не думать — зачем он?»

У меня нет желания забыть кто я, где я, и я не боюсь думать, зачем я.

[Март — начало октября 1924 г.]

[ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО
«ПРЕОБРАЖЕНИЕ»]

Сергеев-Ценский начал писать лет двадцать тому назад. Его первые рассказы тотчас возбудили внимание критики и читателей оригинальностью языка и выбором тем. Это было внимание острое, но недоверчивое и даже, пожалуй, враждебное. Те люди, которые читают книги для развлечения, для того, чтоб преодолеть скуку их жизни, почувствовали, что этот писатель — не для них, он серьезен. Тем читателям, которые смотрят на искусство как на орудие познания жизни, язык нового автора показался надуманным, перегруженным образами, сравнениями, не всегда достаточно ясными. Критика ворчала, недоумевая: в какую клетку посадить Сергеева-Ценского — к романтикам или к реалистам?

Писал Ценский не спеша и мало; было замечено, что почти каждый новый рассказ его написан как-то иначе и, порою, резко отличается от написанного прежде. Это различие прежде всего было ясно видимо в языке автора, в напряженных поисках формы, не удовлетворявшей его. И, обращая внимание на внешнее, на форму, критик и читатель долго не могли заметить важность содержания, внутреннюю сущность творчества молодого автора. Часто приходилось слышать, что С.-Ценский — писатель «трудный», люди с ленивыми мозгами упрощенно говорили: фокусничает. Так в Америке говорилось о Эдгаре Поэ и Уотте Уитмане в начале их деятельности, кажется, так же говорят теперь о талантливом и оригинальном Шервуд Андерсон. С.-Ценскому нужно было проработать лет десять в атмосфере скептического отношения к нему, прежде чем критика и публика почувствовали его крупный талант и важность его тем. Это случилось, когда он напечатал повесть «Печаль полей», — прекрасно и задумчиво написанную историю человека, который вдруг почувствовал, что смысл жизни не исчерпывается мучительными заботами о ее внешнем благополучии, заботами, которые, поглощая все духовные силы человека, в конце концов ставят пред ним детский вопрос: зачем? Неужели весь ужас борьбы за существование среди людей, весь героизм ее, пороки и преступления, большие тревоги и маленькие радости, неужели все это только для того, чтоб некоторые ездили до дня своей смерти на автомобиле, а большинство проходило пешком свой трудный путь на кладбище? ¹

¹ *Далее в автографе:* Русская мысль, русская воля вообще очень охотно останавливается на решении этого вопроса, но в литературе, кроме Достоевского и Льва Толстого, этот «детский» вопрос не пользовался вниманием. Литературу России гораздо больше и более страстно волновали проблемы и

Наметив для своего творчества вопрос о достижении человеком не внешнего благополучия, а внутренней гармонии, С.-Цен[ский] встал одиноко, вне всех «школ», групп и «течений» русской литературы. Это — не только его философская и психологическая позиция, но и физически он стоял и стоит где-то в стороне от литераторов и литературных кружков. Работая в русской литературе более тридцати лет, пишущий эти строки никогда, ни одного раза не встречал С.-Ценского, не видал его портрета, не знает, кто он и кто его друзья среди литераторов. Несомненно, что это сознательное или бессознательное одиночество было усилено еще тем, что С.-Ценский, кажется, никак, ни единым словом не отозвался [на революцию 1905 года]². Она прошла под ним, или над ним, видимо, ничем не задев его мысли, никак не отразась на его творчестве [хотя он написал много книг в это время]³.

Затем, С.-Ценский исчезает. Во время войны он живет в Крыму, пасет там коров, занимается молочным хозяйством. На второй год революции коров у него отнимают, я слышал, что он жил, как большинство русских писателей в эти годы, голодая, подвергаясь обскаму и всем тревогам бурного времени.

И вот, в 23 году, неожиданно является в издании Крымского Госиздата этот роман, предлагаемый ныне американскому читателю.

На мой взгляд — это самая значительная книга из всех, написанных в России за последние 24 года.

Написанная прекрасным ярким и цветистым языком, музыкально цельная, как симфония, она насквозь пропитана мудрой, задумчивой любовью и жалостью к людям. Быть может, она очень русская, в ней слишком много говорят и мало делают, но это так и есть, это русская действительность.⁴

вопросы социального бытия, что вполне естественно, ибо едва ли существует страна, люди которой умели бы так искусно плохо жить, как этому выучились русские люди в течение тысячелетней истории своей. И, занятые анализом, критикой быта, русские литераторы, углубляясь в изучение отношений человека к человеку, мало интересовались взаимоотношением человека к природе, космосу — к вопросам о смысле индивидуального бытия.

² В автографе: на всероссийский шум революции 905 — 6 годов.

³ Далее в автографе: После «Печали полей» он написал очень хороший рассказ «Медвежонок», роман «Наклонная «Елена» — действие романа на Дону, в каменноугольном районе, герой — инженер, тема — любовь; это не очень удачная и не ясная книга, как я думаю.

⁴ Далее в автографе: Историю России вообще мало делали, ее больше говорили и писали, делать же только что начали. Многие думают, что начата она с ловкостью и силой медведей, но начиная с князя Андрея Боголюбского и Петра Великого, Ивана Грозного, все русские реформаторы обнаруживали именно такую же ловкость и силу, — очевидно, этого требует живой материал страны.

Я думаю, что никто еще не писал портретов русской интеллигенции с такой женской любовью, с такой нежностью матери. Этой книгой С.-Ценский поставил себя в ряд с наиболее талантливыми художниками прошлого русской литературы.

[1924]

18

[«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК». ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ
К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ РАССКАЗА Н. С. ЛЕСКОВА]

«Очарованный странник» — один из наиболее художественно совершенных рассказов Лескова о русском человеке и в то же время это рассказ глубоко правдивый.

Парадоксальная фигура «странника» вероятно вызовет недоумение и недоверие читателя-иностранца, но — читатель ошибется, приняв рассказ этот как нечто исключительное, как *чудовищный* анекдот или как затейливую игру фантазии оригинального художника.

Нет, «Очарованный странник» — это подлинный русский человек, величина вполне реальная, — таких людей русская история создавала много и до сего дня не устает создавать. Черты «Очарованного странника» совершенно ясны в характере и жизни родоначальника русского анархизма Михаила Бакунина, друга Рихарда Вагнера, человека, который делал революцию в немецком Дрездене с таким же умением и успехом, с каким «Очарованный странник» крестил степных татар. Такие «странники» есть и в современной жизни, — революция не убавила, но умножила их число. Они «способны на все». Богатству их натуры не чужда и «краса, природы совершенство», они умеют находить эту «красу» не только в лошадях, но и в подвигах чести, сострадания, в любви и ненависти к несчастиям жизни. Артисты, художники по натуре, они, по силе очарования жизнью, часто становятся авантюристами, но — далеко не всегда авантюристами в плохом смысле этого понятия. Это люди неиссякаемой фантастической энергии, которую раньше им некуда было приложить и, лишённые возможности делать историю, они творили анекдоты. Вполне допустимо, что в близком будущем они начнут создавать русскую историю на американский лад, приложив свой артистизм и свою энергию к практике жизни.

[1924]

Роман С.-Ценского — не кончен, это только первый том его, весь же роман рассчитан на шесть томов. Однако эта книга являет собою целое, сделанное прекрасным мастером и тонким знатоком красоты русского языка.

[О «МЕХАНИЧЕСКОМ» ГУМАНИЗМЕ]

«Правление союза русских журналистов в Германии» опубликовало статью «Против Горького», в статье этой выражается возмущение моим отношением к Ф. Э. Дзержинскому, о коем я сказал, что люблю и уважаю его.

Статья награждает умершего эпитетами: «палач», «Каин» и т. д. У меня, много писавшего о жестокости и против жестокости, иная оценка личности Ф. Э. и роли его. В моих глазах он один из тех людей, которые остановили в России взрыв солдатско-крестьянской анархии и затем, «подъяв на рамена своя бремя неудобь носимое», мужественно погибают под тяжестью бремени, но погибают, уже открыв пред русским трудовым народом путь к его культурному возрождению, путь к новым формам жизни.

Ясно, что эти две оценки совершенно непримиримы и несомненно, что ни авторы статьи, ни я ни в чем не уступим друг другу. Тот факт, что враг может быть хорошим человеком, доступен разуму и чувству лишь таких людей, каков Ф. Дзержинский. Если я напомню, что человека следует судить не по действиям его, а по мотивам действий, что вожди не всегда повинны в бессмысленной жестокости солдат, напомню многое другое, что могло бы осветить человека мягким светом, я знаю, что меня не услышат люди, исповедующие по привычке и механически, некий, совершенно бесплодный и лживый «гуманизм».

Вот по поводу этого «гуманизма», коим наполнена статья «Против Горького», я и хочу сказать несколько слов.

Гуманные сторонники Керенского, Корнилова, Колчака, Деникина, Врангеля, а также и бандитов вроде Махно, конечно, понимают, что террор — дело злое, человекоубийство — гнусность. Я тоже так думаю. И, думая так, я обязан логикой чувства человечности признать, что убийство Плеве, Гапона, Столыпина, губернаторов, провокаторов — недопустимо. Авторы статьи, конечно, признают, что недопустимо покушение на П. Н. Милюкова, убийство Набокова, Иоллоса, Герценштейна. Но — признают ли они, что также недопустимо и гнусно покушение на Ленина, убийство Володарского, Урицкого, Воровского и других «большевиков»? Расстрел 26 коммунаров в Баку как будто не возмущает «гуманистов» из «Руля». Не очень возмущаются они и сообщая об истреблении селькоров. Не помню, чтоб эмигрантская печать выразила негодование по адресу Зинаиды Гишпиус, которая в неудачных стихах советует «повесить» большевиков «в молчании». Не осуждено авторами статьи и Евангелие мести, сочиненное г. Ильиным. Вообще — когда «наши бьют» — гуманисты молчат, а когда «наших бьют» — они протестуют. Такое отношение к

людям я наблюдал в дикой забаве, в кулачных боях деревни против деревни.

Авторы статьи «Против Горького» забыли, что массовый террор в России начался после покушения на жизнь В. И. Ленина, после убийства нескольких крупных коммунистов и после открытия ряда заговоров против Советской власти. Забыли они и о том, что массовый террор был прекращен усилиями Ленина, Дзержинского и других большевиков. Подстрекаемые англичанами и французами гг. Деникины, Колчаки и прочие жгли деревни, разоряли города, разрушали Русь, резали и вешали сотни, тысячи людей, — ради чего? Об этом «гуманисты» тоже забыли.

Повторяю: «гуманизм», исповедуемый «русскими журналистами в Германии», — кажется мне лживым. Это именно гуманизм по привычке, механический и от «нечего сказать». Да и вообще я считаю, что как-то неловко, даже постыдно говорить о «гуманизме» после четырехлетней бойни «культурных» народов Европы, бойни, которая, и физически и духовно обессилив Европу, заразила «культурные» слои ее бессильной ненавистью. Гражданские войны в России, Германии, Финляндии, ужасы классовой борьбы ради защиты проклятого «института собственности», все это, еще более разжигая взаимную ненависть, совершенно исключает гуманизм, человечность.

История поставила с присущей ей прямою и жестокостью вопрос об истреблении бессмысленных истребителей рабочей энергии трудового человечества. Ненависть все растет. Она должна будет пожрать саму себя. Я думаю, что это неизбежно.

Мое отношение к происходящему довольно удачно выражено стихами Дм. Семеновского, одного из талантливых поэтов современной России:

Мне тяжело, когда, подобя
Людей зверям, слепа кровь
Темнит их взор. Но — слава злобе,
Воинствующей за любовь!

М. Горький

Р. С. Статья «Против Горького» написана плохо. Такие фразы как: «ударить по сердцам содроганием и болью» — не очень грамотны.

М. Г.

[Не позднее 11 сентября 1926 г.]

[2]

Для мертвых я уже ничего не могу сделать, живых продолжаю убеждать: «не убивайте друг друга», но они меня не слушают. «Не грязните друг друга, — говорю я им, — и без этого не очень чистенькие».

Убивают для того, чтоб не убивали.

«Не убий» — это гадко.

Евангелие мести.

«Не мир, но меч» — любит повторять христианин Д. Мережковс[кий].

Убивают все больше, охотнее и более умело.

М. М. Т. смешивал бертолетову соль с керосином и еще с чем-то, подносил к носу своему капсюли гремучей ртути и говорил:

— Драться, так драться.

— Это м[ожет] у[бить]?

— Если в толпу — человек десять.

«Молодцы фонагорийцы!

Патронов не жалеть».

З. Гишпиус:

«Повесим их в молчании».

Сужу не по фактам, а по мотивам.

[Сентябрь 1926 г.]

20

[ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ О. Д. ФОРШ «ОДЕТЫ КАМНЕМ»]

В русской литературе немало женщин-поэтесс, некоторые из них сильно и своеобразно талантливы, а среди них творчество Зинаиды Гиппиус, совершенно исключительное по виртуозности формы стиха и по характеру своему, поставило ее на почетное место, рядом с одним из крупнейших и оригинальных поэтов русских, Федором Тютчевым.

Женщины, писавшие и пишущие прозу, еще не показали особенно крупных талантов.

Ольга Форш является первой романисткой, которая заставляет читать ее книги с глубоким вниманием и с радостью, возбуждая мой только истинным искусством.

Лично ее я не знаю, но по книгам, ею написанным, она чувствуется мною, как человек подлинно христианской культуры. Однако это не значит, что ее книги — проповеди, нет, это говорит лишь о том, что ей свойственно чувство искреннейшего милосердия к человеку.

Здесь я разрешу себе небольшое отступление. В наше время человек христианской культуры — редкость. Я, конечно, не забыл, что все люди белой расы и некоторые цветные числятся христианами; помню, что у них есть евангелие; знаю, что в Риме живет папа, что есть патриархи, митрополиты и всюду имеются епископы различных христианских вероисповеданий. Все эти люди в свободное от других занятий время проповедуют более или менее механически и по должности учение Христа, краткое и мудрое

учение, которое не привилось и, очевидно, не может привиться нам. Церковь, епископы, как и все теории, созданные гуманистами, не мешают росту узаконенного насилия над телом и духом человека, не мешают циническому делу взаимного истребления людей людьми, не мешают убивать и грабить.

XX-й век — эпоха почти непрерывных и все более яростных войн, конца которым не видно. Кажется, эти войны, из национальных и гражданских, обещают возвыситься до расовых.

Чем дальше, тем все более свирепо и бессмысленно люди истребляют друг друга в борьбе за кусок хлеба, причем они убеждены, что им для очень краткой жизни на земле необходим запас пищи на миллионы и миллиарды долларов, а большинству, обреченному на каторжный труд, достаются в награду за него мышинные порции. Совершенно ясно, что в этой атмосфере жадности и зависти, насилия и вражды — христианство умерло. Если только оно когда-нибудь жило.

Христиане по чувству, по организации духа и разума встречаются среди нас единицами. Это и всегда было так; наше время лишь тем отличается от прошлого, что подлинных христиан становится все меньше. Они — вымирают.

Ольга Форш одна из тех редких людей, которые вопреки всему остаются христианами. Она христианка органически, по чувству и по разуму. Но, как я уже сказал, она не вероучительница, не проповедует. Она — только художница слова, и книги, созданные ею, изображают драмы жизни нашей так, как будто она показывает их не нам, а себе самой.

Для своих романов она смело берет наиболее глубокие темы и умеет отлично разрабатывать их. В романе «Современники» она изобразила знаменитого русского писателя — Николая Гоголя и столь же знаменитого живописца — Александра Иванова, творца замечательной картины «Явление Христа народу». Тема романа — неизбежное противоречие между идеалом христианина и гением художника, его опытом. Противоречие это погубило Гоголя, который решил принести злой и острый талант свой в жертву религиозному идеалу, и это же противоречие изломало жизнь Иванова годами мучительных колебаний.

Третий герой романа, тоже художник по натуре, Багрецов, типично русский человек с резко выраженной склонностью к «необычному», склонностью, вообще свойственной русским. Эту склонность Багрецов оценил, как самое существенное его «я», и вообразил себя демоническим характером, сильным человеком, которому «все позволено». Стремясь к свободе, к деньгам, он отравил свою жену, дал ей, уже больной, яду, и она умерла. Но оказалось, что умерла она именно от болезни, а яд, которым он хотел отравить ее, был безвредным слабительным порошком. Демонизм как будто приобретает внешне комический характер, но под внешней формой автором искусно прикрыта горькая, хотя

мягкая ирония. Роман заставляет глубоко задуматься над основным и для многих губительным противоречием языческой природы гения с запросами христианской морали. Заставляет он подумать и о том, как высока цена «демонизма»?

Ольга Форш пишет твердой и сильной рукою мужчины, сдержанный язык ее книг убедительно точен, фигуры людей, изображаемых ею, живы и пластичны. Это талант крупный и своеобразный.

О романе «Одеты камнем» я не буду говорить, чтоб не помешать самому читателю оценить достоинства романа.

Укажу только, что Михаил Бейдеман — лицо историческое, и Ольга Форш изобразила его судьбу, ни в чем не погрешив против правды, именно такова была жизнь Бейдемана, как о том рассказали документы тайных архивов.

[Ноябрь — декабрь 1926 г.]

21

[О ГЕРОЕ НАШЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ]

Недавно замечательнейший художник С. Н. Сергеев-Ценский в письме ко мне сказал, что наша совр[еменная] литература стала по преимуществу «мемуарной». Это — очень верно: десятки повестей молодых авторов являются, в сущности, автобиографиями и тем самым «документами». С настойчивостью несколько однообразной и небогатой литературной «выдумкой» документы эти рассказывают об одном и том же герое нашей современности: о человеке, который родился в рабочей, крестьянской или мещанской семье, прожил тяжкое детство среди пьяных, грубых, жестоких людей, его били для того, чтоб на нем «сорвать зло», били «просто так» для развлечения и для удовольствия бить существо беззащитное и особенно усердно били для того, чтоб воспитать в нем покорность.

Несмотря на это и многие другие, не менее страшные условия «воспитания и образования» человека, он прошел сквозь эту адскую жизнь не только не изуродованным и не «покорным», но он, этот всячески битый русский мальчик, каким-то чудом вжился в сознание необходимости разрушить отвратительный строй, и, внушив трудовому народу всей земли сознание его силы, уничтожить экономическое неравенство в мире, создать совершенно новые формы жизни. Ради этой идеи, которая множеством весьма умных, весьма культурных и гуманных вождей христианской Европы считается идеей фантастической, неосуществимой, ради этой идеи русский битый мальчик идет в революционное подполье, живет в нем жизнью еще более тяжелой, чем та, которую он уже прожил, идет в тюрьму и в новую каторгу и, если не погиб там,

делает самую страшную, удивительную революцию, которая действительно «потрясла мир» — и продолжает, и будет потрясать его, доколе не разрушит, — и если не погиб в этом великом деле, дерется на бесчисленных фронтах, и если не погиб там, идет во все стороны мира апостолом и проповедником своей веры или остается в своей стране, работая чернорабочим над труднейшей задачей восстановления промышленных сил своего огромного государства, очень сильно анархизированного мещанским эгоизмом, пишет стихи, повести и продолжает жить в условиях все-таки дьявольски тяжелых.

Тут, разумеется, последуют «поправки» со стороны людей, кровно заинтересованных в том, чтоб изображать современную русскую действительность хуже, чем она есть. Конечно, они должны будут указать — злорадно и, опираясь на данные советской прессы, — указать, что герой: пьет, распутничает, ворует, что он лентяй¹, чванлив и т. д.²

Мне придется — тоже, соглашаясь с данными советской прессы, признать, что — да, все это верно: пьет, лентяй и все прочее³. Это меня не удивляет и не смущает.

Что же удивительно [го] в глупости и дрянности человеческой? Удивительно то, что в классовом обществе, основанном на жестокости, на цинизме и лжи, на зависти и жадности, все-таки возможны, и в большом количестве возможны, люди, органически чуждые порокам классового общества и решившие уничтожить его.

Укажут, что преступность в России растет, но, конечно, забудут сказать, что она растет во всей Европе, растет в Америке. <Рост преступности в России пореволюционной может быть доказан лишь сравнением того, что есть, с тем, что было, а о том, что было, говорят красноречиво «Отч[еты] Су[дебных] палат» — очень рекомендую их критикам современной русской действительности>

[Май — октябрь 1927 г.]

О ФАБРИКАЦИИ НЕДОВОЛЬНЫХ

Провозглашен лозунг «культурной революции».

Известно, что в процессе развития и углубления культуры весьма значительную роль играют литераторы. Стыдно, неловко напоминать в сто первый раз, что работа литератора требует иных условий, чем работа конторщика, кондуктора трамвая и вообще работа людей физического труда. Казалось бы, что давно пора

¹ чиновник, тупой бюрократ ² Разумеется, он особенно плох — если он большевик. ³ Но я тоже должен буду внести поправку: это далеко не всегда — он, мой герой, а когда это он — так я не удивлюсь.

признать эти условия необходимыми, законными и что укрепить их за литераторами — дело, бесспорно, культурное. Кто решится назвать некультурным делом создание условий, облегчающих труд людей?

ВЦСПС исключил писателей из профсоюза. Мотивы этого деяния неизвестны мне, но совершенно ясно, что оно ставит литераторов в позицию наказанных, лишает их некоторых гражданских прав, отталкивает куда-то в сторону от жизни как людей чужих, затрудняет их работу. Писатели — не однородны, часть их подозревает и упрекает другую часть в недостатке симпатий к Советской власти, к рабочему классу, в непонимании значения культурного процесса, растущего в стране. ВЦСПС объединил все разномыслящие группы, сделав все их одинаково бесправными. Теперь те, которых упрекали, получили только право ответить упрекающим: «Трудно питать симпатию к людям, которые выгнали нас из дома, как работников ненужных им».

Отталкивать писателей от культурной работы, это — на мой взгляд — политика плохая, вредная делу развития культуры, это фабрикация недовольных. Фабрикация таких в наши дни дело особенно вредное, а у нас недовольные фабрикуются массами.

Они среди партийцев, хозяйственников, раздражаемых придирчивой беспартийной «самокритикой», среди «начинающих» литераторов, которым негде печатать продукты их «творчества» и которые живут беспризорно, без заботы о них и под разлагающим влиянием анархистов..., они — среди юношества, оставшегося за дверями вузов и рабфаков и еще кое-где.

Разумеется — существуют условия, которые Советская власть пока не в силах устранить и, конечно, среди недовольных большинство не считается с неизбежностью, с временной неустранимостью этих условий. Но не думаю, чтоб именно эти условия временного характера, переходного момента могли оправдать исключение литераторов из профсоюзов.

[Не ранее октября 1927 г.]

23

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ КНИГИ ГУДМУНДУРА КАМБАН...

¹Мое впечатление: эту книгу написал человек умной души и очень своеобразного таланта. Он, должно быть, хорошо владеет словом, потому что рисунок его мысли даже и для меня, человека

¹ Мне, человеку другого языка

другого языка, убедительно ясен, так же как ясна и суровая музыка его речи. Он взял печальную тему: показать, как легко и злобно жизнь разрушила иллюзии Рагнара Финнссон, который хотел быть добрым. На мой взгляд, Гудмундур Камбан отлично справился с этой темой, не очень жестко подчеркивая свою иронию, но и не смягчая горечь правды. Скажут: не новая тема, может быть, напоминают о Христе, о Дон-Кихоте. Это будет не верно: каждая эпоха мучает людей по-новому. В XX веке, в² столице самого богатого и наиболее одичавшего государства из всех ныне существующих, Христу и Дон-Кихоту³ пришлось бы пережить иные пытки.

Эгиль, сын Рагнара Финнссон, который в стремлении быть добрым очень логично приведен автором на каторгу; Эгиль, сын каторжника, тоже хочет быть «добрым со всеми». ⁴ Намерение едва ли осуществимое. Но — пусть он тоже, как отец его, будет зернышком перца среди миллионов зерен мака. Потом Гудмундур Камбан искусно расскажет нам о драме его жизни, мы с удовольствием прочитаем еще одну хорошую книгу и тоже ничему не научимся из нее.

[Вторая половина 1927]

24

[О РОМАНЕ Л. И. БОРИСОВА «ХОД КОНЕМ»]

Один из рецензентов начал свою рецензию об этой книге такими словами: «Вздорная книга». Далее он назвал книгу «обычной авантюрно-детективной пошлятиной». А затем сознался:

«Надо отдать справедливость автору романа: он умеет туго завязать узел интриги. Тайнственное убийство, в котором подозревают бежавшего из психиатрической лечебницы больного и в котором на деле повинен впоследствии разоблаченный провокатор и жулик; история пребывания сумасшедшего Галкина среди беспризорных; работа сотрудников угрозыска, — все это рассказано не без умения».

Если б автором этой книги был рецензент, а Леонид Борисов написал бы о ней так храбро и бестолково, — автор «Хода конем» имел бы право сказать Борисову следующее:

— Гражданин рецензент! И полезнее, и приличней и, наконец, технически удобней писать рецензии пером или карандашом, а не оглоблей. Если вы чувствуете себя призванным учить и воспитывать литературную молодежь, воспитательное значение таких рецензий, какова написанная вами, — более чем сомнительно. Молодой наш писатель заслуживает внимательнейшего и очень

² Нью-Йорке³ и подобные им были бы⁴ Пред Г. Камбан — новая тема. Если Эгиль явится героем следующей книги Г. Камбана — да будет он зернышком перца среди миллионов маковых зерен мака! Это хорошая должность.

бережного отношения, — особенно в том случае, когда вы же сами признаете за ним «уменье». Против литераторов оглобля как средство воспитания применяется лишь цензорами, и необходимо различать приемы цензора от склонности к писанию рецензий, — это различные болезни. Надобно помнить, что наши молодые писатели, работая в условиях крайне тяжелых, все-таки за 10 лет создали обильную и оригинальную литературу, — факт, который, разумеется, должны отрицать Бальмонт и Бунин, но который признан Ромен Ролланом и другими мастерами художественного слова, да, кстати сказать, и более культурными людьми, чем Бунины и Бальмонты.

«Великих» писателей нет? Подождите, будут. Конечно, та помощь, которую вы пытаетесь оказать росту и развитию русской литературы, никак не может ускорить появление «великих» писателей. Ваша помощь — песок в машину.

Вы назвали книгу «обычной пошлятиной». Но ваше изложение сюжета книги опровергает ваш — говоря мягко — необоснованный вывод; сюжет книги необычен. Можно думать, что вы читаете невнимательно. Не будь этого — ваше «критическое чутье» заставило бы вас признать, что рассказ Галкина написан искусно, что «беспризорные» изображены любовно и живо, что фигура провокатора тоже «необычна» и что в книге есть немало интересных страниц. Вам следовало бы также отметить некоторую зависимость автора от разнузданного «стиля» Ильи Эренбурга и посоветовать автору избавиться от этой печальной зависимости. Но вы этого не сделали, так же как в другом случае, в похвальной рецензии на книгу Бывалова, не указали автору на его зависимость от первых и плохих рассказов Джека Лондона.

«Ход конем» — книга из тех, которые вполне способны возбудить в массе современного грамотного человека охоту к чтению. Такие книги — нужны, и они уже потому лучше Кервудов, Бенуа и К^о, что не отрывают читателя от русской действительности. Не говоря о том, что книга Л. Борисова и литературно грамотнее. Л. Борисов — человек несомненно способный, косвенно вы это признали. Было бы и полезней и справедливее, если б вы признали это прямо. Похвалить человека по заслугам его — никогда не плохо для него и полезнее для дела, которое он делает.

«Бей, но выучи», — сказал некто. Он был раб. Вы плохо бьете, ничему не учит и при этом относитесь к человеку, точно он — подчиненный ваш, а вы его начальство, владыка. Отношение к человеку как подчиненному, с которым не стоит церемониться, характерно для классового общества, основанного, как известно, на Евангелии, гуманизме, «Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных» и прочем в этом духе. Классовое общество — верхушка его — обязано смотреть на человека, как [на] негодяя, вполне достойного всяческих бичей и скорпионов, пессимизм в отношении к человеку и оптимизм в отношении к своей структуре

это — как раз то самое, отчего классовое общество загнило и благополучно гниет. Следует ли и нам хозяйски орать на человека?

Разрешите повторить еще раз, что отношение к молодым писателям должно быть в высшей степени заботливым и бережным.

Наконец: для того, чтобы писать рецензии о книгах, рецензенты должны быть умнее и «образованнее» авторов. Я не говорю — талантливее, потому что думаю: если б рецензент был талантлив, тогда, наверное, он не писал бы рецензий, а о нем писали бы рецензенты.

М. Горький

[До 28 февраля 1928 г.]

25

О НЕГОДЯХ

ОТВЕТ АВТОРУ ПИСЬМА О «ВАВИЛОНСКОЙ БАШНЕ»

Гражданин Н.

Писем, подобных вашему, я получаю десятки, и накопилось их у меня, вероятно, не одна сотня, я уже говорил об этом в советской печати. В этих письмах люди, настроенные в один тон с вами, пишут то же самое, что и Вы, и так же, как Вы, заявляют, что они «не могут не кричать от жалости и боли», [что] я: «опьянен фирмиамом», «заласкан», «ослеплен», «загишнотизирован» и т. д. Пишут, что я продался, и желают знать: за сколько?

[Февраль— март 1928 г.]

26

[ПО СОЮЗУ СОВЕТОВ]

[4]

Из шести лет, прожитых за пределами родины, четыре я прожил в тишине более устойчивой и глубокой, чем тишина русской дореволюционной деревни. Эта благодатная тишина роста новых сил, сжимаемая пестрый опыт жизни моей, помогла мне лучше работать — писать книги более просто — менее многословно — и научила меня внимательней вслушиваться в голоса из городов, из деревень России. Ежедневно почталъон Сорренто приносил мне десятка два писем, и каждый день все более ясно слышал я, что шум жизни на родине становится бодрее, горячее, мятежней. Писали мне отовсюду и все: рабочие, крестьяне, женщины и дети,

беспризорные и студенты. В каждом письме я чувствовал, как растет и кипит священное недовольство людей самими собою, своею силой, еще неспособной преодолеть упорство действительности, созданной веками, крепко спрессованной гнетом старины. Писали мне и те уже одинокие и одичавшие в одиночестве «мятежники», враждебные движению истории, мятежники, для которых «счастье и радости в прошлом», они живут злой надеждой, что «люди образумятся», вернуться назад к непреложности богом установленным законам жизни; они поймут, что восстания рабов никогда не играли в истории человечества творческой роли. Эти люди не хотят понять, что рабочий класс за все время его бытия никогда не был рабом по духу и что чем тяжелее становились условия его жизни, тем более ярко разгорался в нем дух революции, а не слепого мятежа. Получал я письма и от тех унылых мятежников, для которых сегодняшний день — точка, дальше ее они не могут идти. «Довольно, — кричат и стонут они, — мы устали, измучены, довольно, надо остановиться».

Этот вполне естественный ропот озлобленных и усталых совершенно заглушался хором других голосов, мощных по своему значению даже тогда, когда они выходили из груди детей, рожденных накануне революции и воспитанных ею. В письмах молодежи, рабселькоров, рабочих от сохи и от станка было тоже много мятежной неудовлетворенности текущей действительностью, много буйного задора, «самокритики», направленной не на себя, а на соседа, резкости суждений, неосновательной торопливости выводов. Все это и эту горячую торопливость вполне удовлетворительно объяснила мне одна работница на митинге в клубе имени Кухмистерова. Она сказала: «Мы создаем социализм не только для детей наших, для того, чтоб самим пожить в нем».

Эта умная женщина забыла тоже умную пословицу: «Хорошо — скоро не сделаешь». Другая, на беседе со мною женщ[ин]-раб[отниц], в Московском комитете, ничего не забыла, она в маленьком, но веском слове приветия сказала так: «Мы спешим вложить наши силы в строительство новой жизни, чтоб тем, кто идет за нами, легче было продолжать и укреплять наше дело».

⟨Я написал все это для того, чтоб сказать, в каком настроении поехал я в Союз Советов. Знал я, что жизнь там бурно кипит, но имел основания думать, что это поверхностное кипение, не очень глубокое и что хотя раб[оче]-кр[естьянская] масса пережила с 14 г., особенно в 17—21 гг. бесчисленное количество потрясающих и кровавых трагедий, а все же она остается...⟩

Очень трудно уложить в рамки небольшой статьи всю массу впечатлений, пережитых мною за пять м[есяцев] пребывания в С[оветском] С[оюзе] ¹

У меня есть работа, которую я люблю, считаю более ценной, чем отчет о том, что я видел, это — моя переписка с различными маленькими людьми страны Советов, — они — самые интересные и значительные люди совр[еменного] мира, им нелегко живется, и я считаю прямой моей обязанностью отвечать в меру сил и знан[ий] моих на все вопросы, которые волнуют их. Я — не учитель, но я чувствую себя товарищем и другом каждого человека, в котором кипит священное недовольство самим собою, своей силой, еще не способной преодолеть вязкое упорство действительности, созданной веками, крепко спрессованной гнетом старины.

Не стану — пока — писать о Москве, поразившей меня чудовищным размахом культурного строительства.

Разумеется, вполне естественно, что центр, где собраны наилучшие творческие силы страны, должен был воплотить энергию свою мощнее, разнообразнее, быстрее, но я все-таки слишком мало видел Москву ² благодаря шуму, устроенному Ком[итетом] по встрече, который очень остроумно был переименован в «Комитет по уничтожению». Совершенно напрасно говорят, что оный Ком[итет] занимался делом ослепления и оглушения Горького, неверно это, ибо люди еще не научились гордиться собою и не умеют показать свои достижения, даже, я утверждаю это, не умеют достаточно глубоко и правильно оценить их культурное значение. Мы все — словесники, и слова ценим все еще выше дела, естественно, что за непрерывным дождем разноречивых слов плохо видно то, что делают рабочие умные руки. Мы говорим: «Мир создан не словом, а деянием» и забываем, что, создавая мир и природу, действовала какая-то слепая и биологическая сила, которой мы сами великодушно, но незаслуженно ею приписываем целесообразность, закономерность и прочие превосходные качества, выработанные нашим человеческим разумом в процессе труда, в процессе борьбы нашей со стихийными силами природы и творчества необходимой для нас «второй природы» — культуры.

Я начну не с Москвы, а с Курска.

[Октябрь — ноябрь 1928 г.]

¹ а писать об этом много не хватает времени. ² *Исправлено, было:* Все-таки невольно изумляешься, оценивая культурное значение таких созданий, как П[арк] к[ультуры] и о[тдыха], Дом Красной Армии, инст[итуты], А[кадемии]. Но я не видел, не успел познакомиться с ее научными учр[еждениями], исследов[ательскими] институт[ами], увлеченный прежде всего стрем[лением] познакомиться с ее рабочей массой. Не могу сказать, что это вполне удалось: мне мешал нелепый, организованный шум, поднятый вокруг меня.

ОТВЕТ НА «ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО гр. Н. Р.»

¹ Вы пишете:

«Самокритика? Кто и какой дурак станет сам себя критиковать! Ведь если б мне предложили критиковать самого себя, я бы, пожалуй, говорил о себе только с хорошей стороны».

К сожалению, это верно, не часто встречаешь людей, способных критиковать свою работу, свои поступки, но развелось очень много бездельников, которые поняли «самокритику», как разрешение бить с плеча каждого человека, который под руку подвернется. Обычно бездельники эти плохо знают то, о чем говорят. Вы принадлежите к их числу.

«Возьмем пример Есенина, — пишете Вы, — бритвой перерезал себе горло, потому что переспел для нашей современности, т. е. охватывал не данный момент, а смотрел очень далеко вперед, отчего его труды и стихотворения не печатались при его жизни, а только после того, как его не стало, ГИЗ выпустил его произведения».

Вот Вы, критикуя Советскую власть, опираетесь на этот «пример», а не знаете, что стихи Есенина многократно издавались при его жизни, и не знаете, как он умер. Неизвестно Вам и то, что Есенин смотрел не «очень далеко вперед», а весьма глубоко назад.

Вы пишете: «в жизни надобно брать худшую сторону, а не лучшую». Да, — так ли? Разве учиться следует по худому, а не по хорошему? Чему Вас могут научить малограмотность, невежество, пьянство, лень, жестокость к человеку, зависть, жадность и вообще все худое, чем так отвратительно богата наша жизнь?

[Октябрь — ноябрь 1928 г.]

[КЕМ ХОТЯТ БЫТЬ НАШИ ДЕТИ]

Редакция журнала «Пионер» поставила пред своими читателями вопрос: «Кем они хотят быть?» Журнал печатается в количестве [45 тысяч] экземпляров. Ответили на вопрос 327 человек.

Ответы распадаются так:

Библиотекарем	желает быть — 1	Учителями	. 13
Канторщиком	1	«Учеными» 18
Канцеляристом	1	Работать у станка	. 19
Секретарем . . .	1	Изобрет[ателями]	. 24
Работать в колхозе	1	«Инженерами»	. 25

¹ Очень трудно уложить в рамки небольшой статьи всю массу впечатлений, испытанных мною за пять месяцев жизни в Союзе Советов

Балериной	1	Техниками	29
Музыкантом	1	Писателями	30
Певцами	2	Киноартистами	45
Гармонистами	2	Драм. артистами	5
Вожатыми Ю. П.	3	«Общественная работа»	7
«Тружениками»	7	Сельск[ое] хозяйство	9
«Работать в деревне»	8	Врачами	12
«Художниками»	9	Путешествен[никами]	11
Летчиками	12	Воен[ная] служба	25

¹Картина желаний весьма пестрая, насколько можно судить по ней. С уверенностью можно сказать, что в старое время детей, изъявляющих желание путешествовать, было бы не 11, а значительно больше, а инж[енеров], изобр[етателей], тех[ников] — меньше. Меньше было бы и писателей. Совершенно ясно, что пионеры хорошо видят действительность и сознательно подчиняются ее запросам. Ясно и то, что кинематограф искривляет линию движения детей к общественной культурной работе. Однако не следует спешить с выводами, но все же необходимо обратить серьезное внимание на эти красноречивые цифры. Они кое-чему учат отцов. Напр[имер], из анкеты видно, что говорит—город, а деревня молчит.

* * *

Попутно с анкетой «Пионера» разыгралась маленькая, но серьезная [я] драма, над которой отцы должны хорошо подумать. Именно — хорошо, потому что в одном из откликов на письмо пионерки Климовой сказано: «Плохие ребята, которые, хорошо не вдумавшись и не разобрав дело, сейчас же критикуют. Плохая цена той критике, которая не обдумана».

Одна из пионерок ответила редакции таким письмом:

1-е письмо Климовой.

Письмо это вызвало всесоюзный отклик и вынудило Климову написать ред[акции] «Пионера» еще письмо.

2-е письмо.

Это письмо вызвало ряд писем в защиту и в осуждение Климовой. Вот некоторые из них:

² Из этих писем совершенно ясно видишь, как плохо поставлено у нас дело преподавания социальной грамоты. Но вместе с этим письма пионеров тоном своим говорят о хорошей вдумчивости ребят, о прекрасном, действительно товарищеском отношении их друг к другу.

[1929]

¹ Остальные желают «учиться», «жить дома». ² Если не говорить о величайшей путанице мнений, вызванной явно плохой постановкой образования, «учебы», — если не говорить об этом печальном явлении,

[О РАБСЕЛЬКОРАХ]

«Весна. Разбуженные, согретые солнцем соки земли могуче кипят и пенятся новой зеленью. Нарушая закон тяготения к центру земли, даже ничтожные травинки смело поднимаются к солнцу».

Эти строки я взял из письма одного селькора, человека «довольно обыкновенного», как сам он пишет о себе.

Он — «подкидыш», до пятнадцати лет был «подпаском», затем — «войны за советы», ранение, плен, участие в партизанском отряде, тиф, работа в совхозе, грузчиком в Ростове-на-Дону, кожевником на заводе, теперь он «колхозник», селькор. «Читал подряд все, что под руку попадало, теперь самому страшно хочется писать что-нибудь серьезное».

До революции такой парень неизбежно и тихо увяз бы в болоте деревенского быта, или — сочтя себя «необыкновенным» — задрал бы свой нос вверх, захулиганился, вообще пропал бы, не дойдя до желания «писать что-нибудь серьезное».

До революции «обыкновенному челов[еку]» крайне трудно было найти выход из бессмысленной, мещанской сумятицы жизни на путь, который приводит «обыкновенного» к сознанию своей «надобности» для людей таких же обыкновенных, как сам он.

Другой, такой же, пишет мне: «Я возненавидел темноту и невежество и решил за все это отомстить ученьем».

Третий спрашивает: «Объясните, товарищ, как мне поскорее сознать свою социальную надобность?»

Вопрос — нелепый по форме и лишний по существу, ибо «социальная надобность» автором вопроса уже осознана.

Четвертый: «Житейский опыт личности рассматривать надо как тот же государственный капитал, так что, если К. А. и другие тт. рабкоры печатают свои сочинения, так это надо коллективно приветствовать». Это сказано совершенно правильно. Теперь еще рано, а со временем кто-нибудь из людей, внимательных к жизни, должен будет написать «Историю рабселькоров», книгу, которая, опираясь на материал биографий, изобразит простыми серьезными словами возникновение и развитие рабселькорства. Это будет интереснейшая и поучительная история о том, как революция создавала маленького великого человека. Книга эта покажет юношеству, что «маленький — великий» — рабселькор, изобретатель — в процессе развития его социального сознания пережил — в сокращенной форме — все то, что переживают «великие — большие» люди, такие же страдания и обиды, такое же тупое и пошлое непонимание, такую же зависть к нему, «обыкновенному» маленькому человеку, который стремился и стремится принять активное участие в необыкновенной работе строения не-

бывалого социалист[ического] госуд[арства] равных. Рассказано будет в этой книге не только о том, как не понимали обыкновенного человека, но и о том, как понимали его и, понимая, истребляли клеветой, ударами ножей, выстрелами из обрезов и всеми другими приемами уничтожения человека, который мешает жить привычной, подлой, устоявшейся жизнью.

Рабселькор уже давно «герой», и очень странно, что молодая наша литература не видит его героем и не пытается изобразить во весь рост, как «тип» действительно нового человека.

Странно, что и премудрая наша критика, посвящая такую массу времени и бумаги на междуусобную брань, тоже еще не догадалась обратить внимание молодых литераторов на этого, неоспоримо нового героя. Сами рабселькоры все чаще выдвигают из среды своей в область «большой литературы» весьма крупных работников. И уже можно насчитать десятка два-три интересных писателей, которые прошли тяжелый университет рабселькорства. Этот факт не возбуждает должного внимания критики¹.

У нас издается очень много книг, замечательных по глупости, пошлости, по безграмотности. Нашим критикам и рецензентам, видимо, крайне приятен легкий труд обличения пошлости, глупости, безграмотности этих книг. Критики и рецензенты любят изобразить авторов дураками, причем они, критики, очевидно, убеждены, что — дурак, это не ругательство, а — диагноз болезни. Убеждение — ошибочное. Дурак, это все-таки ругательство, а обругать — не значит научить. Разумеется, что можно учить и ругаясь, но это хорошо действует лишь тогда, когда учитель несколько умнее и немножко талантливее ученика. К сожалению, гораздо чаще бывает, что учитель равносильен ученику по глупости.

Обруганная книга — подчеркнута и этим обращает на себя внимание читателя. У нас все еще весьма много читателей, которые очень внимательно относятся именно к обруганной книге. Они полагают, что книга обругана не за то, что глупая и пошлая, а за то, что автор написал в ней «правду» о советской власти, о коммунистах. Этот читатель тихо, но страстно любит художественную «правду» в тех случаях, когда она изображает коммуниста, у которого, например, одна нога короче другой или который украл у государства 16 копеек и пропил их на пиве. Читатель — негодует, и можно думать, что это — негодование специалиста:

¹ Исправлено, было: Родион Акульшин, Жига и ряд других авторов прошли тяжелый университет рабселькорства, а за истекший год выдвинулись (еще) две весьма значительные фигуры: землячок мой нижегородец Николай Кочин, автор повести «Девки» <и кн[иги] «Зап[иски] селькора»>, и Дмитрий Лаврухин, автор замечательной книги «По следам героя».

Человек, склонный к преувеличениям, за что и терплю покорно упреки в прозе, в стихах — я назвал книгу Лаврухина замечательной. Но мне кажется, что этого — мало, и слово это, в сущности, ничего не говорит

«Эх, — говорит он, — украсть-то не умеют, а строят новое государство». Читатель любит «правду» о женщине, если она изменяет мужу не менее трех раз в сутки. Вообще — этот читатель любит правду, которая так или иначе порочит органически неприятного ему беспокойного человека, и чем беспокойней человек, тем ненавистней он. Этот читатель родился и вырос в условиях, которые внушили ему весьма простую идею: всякий человек — более или менее жулик.

Критик подобен читателю, — он тоже любит рыться в грязи. Роеся он по другим мотивам, но не менее сладострастно, чем тот читатель, для которого грязь — хлеб души его, пища его воображения. Разумеется, критик ищет социальные корни пошлости и при этом часто бывает так, что он ищет нос на своем собственном лице.

[1930]

30

[О ДЕТСКОМ ЗАОЧНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ]

Идею организации Детского заочного университета горячо приветствую и совершенно уверен, что при условии правильной постановки дела и любви к нему Детский заочный университет должен будет дать солиднейшие результаты в области социального и социалистического воспитания наших детей.

О направлении будущей работы Университета я сказал бы следующее:

в высшей степени желательно и необходимо, чтоб организаторы Университета, руководители работы его с полной ясностью представили себе глубочайший вред тех приемов воспитания, коими действовала буржуазная семья, школа и которые утверждала буржуазная наука педагогики.

Инстинктивно и сознательно стремясь укрепить привычный и выгодный порядок общественных отношений, структуру мещанского классового государства, родители и учителя показывали детям жизнь, действительность не как нечто непрерывно и все быстрее текущее, а как данное навсегда и лишь в ничтожной степени зависимое от сил разума и воли людей. В тех случаях, когда причины явлений жизни родителям и учителям невыгодно было объяснять, они указывали детям на бога, как на причину всех причин. Внушение детям религиозных пережитков и предрассудков не могло не затруднять в ребенке развития его любознательности, его воображения — способности его расследовать, изучать явления жизни. Нет смысла изучать явление частное, если сказано и внушено, что в основе всех явлений скрыто непознаваемое. Изображая детям еще не познанное, не изученное как навсегда непознаваемое, «непостижимое уму», воспитывали из детей пре-

емников буржуазного консерватизма и задерживали рост процесса культуры.

В наше время у нас не должно быть ничего подобного. Учитель и воспитатель не должен бояться сказать детям: этого я еще не знаю, вы, ребята, для того и учитесь, чтоб узнать это. Прозвание учителем пред учениками недостаточности своих знаний должно укреплять его дружескую связь с детьми и возбуждать в детях стремление выработать знания более обширные, чем те, которыми обладает учитель.

Мне кажется, что нигде еще и никогда дети не нуждались так в развитии любознательности, воображения, интуиции, как нуждаются они у нас. Это потому, что никогда еще пред детьми не развертывалось столь широкое поле деятельности, не вставляли пред ними такие сложные и глубокие задачи.

Затем укажу на необходимость тщательнейшего оформления изданий Университета. Шрифт следует выбрать достаточно четкий, рисунки — тоже, — надо беречь зрение детей. Не следует загромождать статьи научными терминами, а там, где это неизбежно, — объяснить их. Очень важно, чтоб язык статей был прост, понятен, но в достаточной степени ярок. Советовал бы привлечь к формальной обработке статей молодых, наиболее талантливых беллетристов.

В факультете общественно-образовательном нет курса по искусству. Этот курс можно бы свести к биографиям живописцев, скульпторов, музыкантов, литераторов, деятелей в области «художественной» промышленности.

Такие же биографии следовало бы ввести и в курс технический. Искренно желаю успеха прекрасному делу и верю в его успех.

[1930]

[О СМЕРТИ]

Думаю, что людей пугает не столько смерть, как — умирание. Я замечал, что люди с большим сердцем, приговоренные к моментальной смерти — «на ходу», — страха пред нею не испытывают. На мой взгляд, страх возбуждается неведением о том, что будет, но его совершенно уничтожает сознание, что — ничего не будет. Атеисты умирают легче и проще, чем люди религиозные. В частности — я уверен, что русские и думают и боятся смерти гораздо больше всех других людей, — этим они обязаны совершенно исключительной красоте и сладострастию церковной музыки, а, особенно, — заупокойной литургии. Сладострастие — подчеркиваю, ибо церковные песнопения словесно и музыкально создавались «черным» духовенством, которое всю силу сексуальных

эмоций претворяло в эмоции религиозные. Пример: акафисты Богородице, великомученицам¹.

Вообще же смерть в сравнении с длительностью жизни во времени и с ее насыщенностью великолепнейшим трагизмом — момент ничтожный, к тому же и лишенный всякого смысла. Это идиотизм так называемой природы, и я убежден

[1930—1936]

32

[О САМОУБИЙСТВЕ]

В журнале «Советский врач», 30 г., № 17—18, напечатана статья В. Величкина «Право на смерть»; автор статьи возражает против моего взгляда на самоубийство, выраженного в статейке «О солитере» такими словами:

«Лично я думаю, что взгляд на самоубийство как на социальную драму нуждается в проверке и некотором ограничении. Самоубийство только тогда социальная драма, когда его вызвали безработица, голод. А затем каждый человек имеет право умереть раньше срока, назначенного природой его организму, если он чувствует, что смертельно устал, знает, что неизлечимо болен и болезнь унижает его человеческое достоинство, если он утратил работоспособность, а в работе для него был заключен весь смысл жизни и все наслаждение ею».

В. Величкин считает этот взгляд «объективно неверным». Я не имею намерения спорить с гр. Величкиным, но нахожу нужным объяснить.

После революции 905—6 г. самоубийства в России среди молодежи провинции и столиц приняли характер эпидемии. Вместе с этим, — но едва ли вследствие этого, — крупнейшие прозаики и поэты того времени начали, как сказал, если не ошибаюсь, К. Чуковский, — «конкурировать друг с другом, кто из них наиболее страшно провет: У-у-у». Были они усердно и умело:

«Все дороги на земле
Веют близкой смертью».

«Здешнее обманет,
В смерти нет обмана».

«Все, чем жизнь тебя манила,
Обмануло, изменило,
Неизбежная могила
Не обманет лишь одна».

«Умереть или жить,

¹ В. В. Розанов забыл отметить это, отсюда в его размышлениях об аскетизме много темной путаницы.

Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли —
Все равно — умереть или жить».

· · · · ·
«Вся жизнь, весь мир — игра без цели.
Не надо жить».

— — —

Газета «Биржевые ведомости» опубликовала в 912 г. анкету о самоубийствах, и по поводу этой анкеты я писал тогда следующее:

«Как известно, к анкетам привлекаются люди, наиболее осведомленные или непосредственно заинтересованные в данном вопросе. Мне кажется, что в вопросе о причинах, вызвавших в России эпидемию самоубийств, заинтересовано все русское общество, так как это явление несомненно истощает его силы и физически — утрату рабочих единиц, потерю молодой энергии, и психически — ибо самоубийства создают заразную атмосферу, понижающую ощущение ценности жизни». Поставив вопрос: «Что же делать нам, взрослым, серьезным людям, глядя на гибель нашей молодежи, наших потомков? Неужели пожимать плечами и брезгливо отходить в сторону, как это делают многие?» — «Биржевые ведомости» обратились с этим вопросом не ко всему русскому обществу, а к нашей «соли земли», «наиболее чутким, талантливым и знающим людям». Таких людей нашлось на Руси одиннадцать человек — не очень много для страны с населением в полтора ста миллионов.

И никто из одиннадцати не ответил на вопрос: «Что же делать?»

Л. Андреев говорит: «Убить себя, когда я не хочу жить, — есть мое священнейшее право». «Законы, направленные против самоубийц, считаю ложными и неправильными».

Арцыбашев смотрит на самоубийства «и очень просто и очень серьезно», — «самоубийство есть такой акт личной воли, для которого ни одобрений, ни осуждений быть не может».

М. И. Кузмин тоже заявляет, что «общество и родина не в праве запрещать самоубийство».

Все это очень свободолобово и благородно, но — об этом не спрашивали. Вопроса о праве человека распоряжаться своей жизнью по своей воле — не ставилось; думаю, что этот вопрос и не мог быть поставлен, ибо право человека на самоубийство разумеется само собою. Поставлен иной вопрос: «что делать?» — как бороться с явным истощением в стране силы сопротивления гнету условий, вызывающих бегство от жизни? Не признавая за обществом права суда над самоубийцами, наши «наиболее чуткие люди» сами вполне определенно и строго осудили их.

Л. Андреев полагает, что это — люди, лишённые «само», — что они «отнодь не герои». «Какое может быть «само» у студента,

вдруг затосковавшего, или у бесчисленного несчастного гимназиста с его бальником, безусого юнца, а часто ребенка?» Для Андреева самоубийцы уже «раздавленные, убитые», «чахлые колосья на иссушенной ниве жизни, лишенной радостей и песен, великий сегодняшний неурожай».

Сологуб тоже думает, что «убивают себя слабейшие» и «нам нечего бояться самоубийств — они являются клапаном, дающим выход слабости», «не сильная воля, не высшие запросы заставляют их бежать от жизни, а только неумение приспособиться и создать что-либо самостоятельное».

А. И. Куприн согласен с этим мнением: «цельная и здоровая человеческая личность неспособна на самоубийство или половое извращение».

Илья Репин громко кричит: «Самоубийство — самое отвратительное, самое страшное и позорное дело потерявшего образ и смысл божий человека».

Итак — четверо «лучших, наиболее чутких, талантливых и знающих» единогласно признали самоубийц людьми негодными для жизни, нездоровыми, лишенными «само»сознания, «чахлыми колосьями».

Сторонники той скверной политической игры, которая поименована «ставкой на сильных», отныне могут быть спокойны, — «лучшими», «знающими» людьми из лагеря оппозиции признано, что самоубийцы — большой народ, негодный для государства, для культурной работы. Во всяком случае, не они «наша надежда». Стало быть — можно, «пожав плечами, брезгливо отойти в сторону» от этого ужасного явления.

Но, так как огромное большинство самоубийц — «студенты», «безусые юнцы» и — очень часто — «дети», невольно и вполне естественно возникает вопрос: какие основания имели «чуткие» люди для столь решительного осуждения этих жертв нашей политической и бытовой безурядицы? Можно ли объяснять бегство от жизни юношества и детей тем, что они лишены «само», не умеют приспособиться к жизни и создать что-либо самостоятельное, что они «не герои», что у них отсутствует «сильная воля, высшие запросы», можно ли говорить о том, что они «потеряли образ и смысл божий»?

Мне кажется, что «чуткие» люди в чем-то ошиблись, мягко говоря. Сказать в наших политических и бытовых условиях: «застрелился — потому что не годен к жизни», значит — оправдать эти условия, доводящие юношество и отрочество до отворачивания к жизни. И т. д.

Из этой длинной цитаты ясно, что, признавая за человеком «право на смерть», я, в меру моих сил, протестовал против людей, которые в те жуткие годы толкали молодежь к смерти, отравляя ее пессимизмом.

Гр. Величкин находит, что я «суживаю круг социальных драм»

и указывает па случай Каммерера, затравленного его учеными коллегами, на самоубийства рабселькоров и учителей, затравленных классовыми врагами в деревне. Тут я должен признать, что действительно «сузил круг». Но — при всей моей высокой оценке человеческой единицы — не могу согласиться с тем, что «каждый человек, принадлежа не самому себе, а обществу», лишается поэтому права на самовольную смерть.

Нет, гр. Величкин, не станем отнимать это право, например, у людей, которые устали притворяться революционерами, а также у людей, которым надоело делать подлости! Ведь вас, наверное, не очень огорчит, если повесится, напр., Федор Дан? Если его примеру последуют: Александр Керенский, Абрам Гукасов, Иосиф Гессен, а также прочие этого ряда? Конечно, все они «люди общества», но ведь — какого? А если б возникла эпидемия самоубийств среди капиталистов-эмигрантов, тех самых, имена которых так часто упоминались на процессе вредителей и которые так единодушно отреклись от своего участия в заговоре против рабочих и крестьян Союза Советов?

«С точки зрения пролетарской морали», на мой взгляд, вовсе не будет грустно, если, скажем, застрелился Аристид Бриан, или лорд Черчилль, или известный нефтелюб лорд Детердинг.

Нет, гр. Величкин, я, будучи добрым человеком, не могу, не считаю возможным оспаривать «права на смерть» весьма значительного количества людей, которые давно всем надоели. Пожелаем же, чтоб они надоели скорее и сами себе.

* * *

Обращаю ваше внимание на явление, которое мне кажется новым в среде крупных капиталистов Европы и С. Ш. А. Америки. Это явление — смертельная скука жизни. Ее не надо смешивать с «арзамасским ужасом», испытанным Львом Толстым, «ужасом одиночества человека в космосе» — «ужасом сознания человеком неизбежности его гибели как личности» — тем ужасом, который загал великого художника в темный угол религиозных исканий.

Наиболее характерно смертельная скука жизни была выражена миллиардером Вандербильтом на борту «Лузитании» в момент гибели этого судна, взорванного немецкой подводной лодкой. Отправляясь в Европу, Вандербильт знал, какая опасность грозит ему, он лично был предупрежден об этом телеграммой. Телеграмму он пренебрежительно разорвал, а когда «Лузитания» погружалась на дно моря, равнодушно заявил: «Я давно ждал смерти». Это весьма похоже на самоубийство. Скажут, что это — мужественно. Я сомневаюсь в том, что для самоубийства требуется мужество, я не думаю, что оно требуется в тех случаях, когда человек устал и хочет спать. Между нами: мне очень хочется, чтоб негодяи всего мира уснули вечным сном. Не думаю, что Ван-

дербильт и подобные ему способны ставить пред собой вопрос Гамлета: «Но если сон виденья посетят?»

Не думаю, что, живя за толщей золота, люди этого типа способны мечтать о «загробной жизни». Религия надежды на райское блаженство в «потустороннем мире» предназначалась для утешения бедных грешников, никогда не была личной необходимостью богатых Лазарей. Творя на земле гнуснейший ад, они, конечно, не могут вообразить самих себя в аду. Но совершенно неоспоримо, что смертельная скука жизни становится хронической болезнью, которая все шире распространяется в среде капиталистов.

Не один Вандербильт «давно ждал смерти», продолжая механически и равнодушно портить жизнь десяткам и сотням тысяч людей, которые работали на него. Все более часто и легко банкиры, миллионеры кончают самоубийством, каждый биржевой крах сопровождается их выстрелами в черепа свои. Эти самоубийства такой же механический акт, как механично происходит в старой машине поломка ее износившейся части.

Человек всю жизнь, все силы тратит на скучное дело добычи денег, к этому сводится весь смысл его «бытия». Накопление денег несомненно скучное дело, и нужно быть очень ограниченным, очень глупым человеком, чтоб отдать всего себя процессу столь же бессмысленному, как, напр., коллекционирование трамвайных билетов или рыбьей чешуи. Эти «увлечения» свидетельствуют о пустоте жизни, о смертельной скуке ее.

А. П. Чехов говорил, что накопление денег было бы понятно ему только в том случае, если б человек нуждался в брюках 20-аршинной длины и в одеяле аршин 30, т. е. если б физический объем человека увеличивался вместе с ростом капитала и вместимость желудка богача разрасталась до емкости сорокаведерной бочки. Вообще жажду накопления денежных знаков можно рассматривать как одну из попыток человека заполнить пустоту своей «души», как «игру в прятки» со своим разумом. Но — разум хорошо видит и отлично умеет мстить. Это он и возбуждает смертельную скуку жизни.

Человек всю жизнь копит деньги и время от времени цинически, нагло хвастается обилием их. Изредка он бросает кое-какие гроши в помощь людям, которых он же сделал нищими. Чаще всего он тратит их на продажных женщин, на банкеты. Вот, например, пресса сообщает, что:

«В самый разгар кризиса в Вашингтоне состоялось торжество, равного которому не запомнят в стране миллиардеров.

Исполнилось совершеннолетие дочери американского нефтяного магната Дохерти. По этому случаю отец устроил банкет на 2 000 приглашенных. Обошелся он нефтяному магнату в 500 000 долларов. За один зал было уплачено 25 тысяч долларов. Во время обеда играли 6 оркестров, самых знаменитых в Америке, затем состоялся спектакль с участием лучших актеров. Торжество затянулось до утра».

Вы, разумеется, представляете, какое количество живой рабочей силы нужно было затратить для того, чтоб создать пол-миллиона рублей?

Вся эта масса рабочей энергии пожрана в одну ночь. Такие пиры — не редкость. Но есть нечто гораздо более отвратительное и безумное. В прошлом году умер один миллионер, оставив весь свой капитал на содержание его собак.

«В Лемарсе (шт. Айова) недавно скончался миллионер Таунсенд Зинк, который при жизни считался самым ярким женоненавистником, несмотря на то, что он был женат два раза и имел дочь от первого брака.

Все свое состояние, исчисляющееся в несколько миллионов долларов, он завещал на устройство в своем родном городе библиотеки-читальни, которая явится своего рода уникалом. У входа этой библиотеки должна красоваться надпись: «Вход женщинам воспрещен». В этой библиотеке будут собраны книги, написанные только мужчинами; все украшения библиотеки, как-то скульптура и картины, ни в коем случае не должны изображать женщин. В читальном зале не будет ни одного журнала, ни одной газеты, в которой будет помещена хотя бы одна статья, написанная женщиной. Вся администрация библиотеки будет состоять исключительно из мужчин, все служащие — мужчины. Это, пожалуй, будет единственное учреждение, в котором телефонистка будет отсутствовать.

В своем завещании покойный Т. Зинк не оставил ни одного цента своей жене, а, наоборот, он распорядился взыскивать с нея по 40 долл. в месяц ренты, если она останется жить в его доме. Своей единственной дочери он завещал выдать только 5 долл.»

А вот в свою очередь: «Женщина врач Мод Кэйн завещала оставшейся после нее персидской кошке Митци миллион франков и дом, в котором кошка будет проживать до конца своих дней. Полине Гетце, которой, по духовной, поручено присматривать за Митци, положено ежемесячное жалование в 600 франков.

В духовном завещании дается подробная инструкция, как ухаживать за кошкой, чем ее кормить и когда выпускать».

Такие проявления мизантропии, т. е. человеконенавистничества, тоже не являются исключительными, — буржуазная пресса публикует их ежегодно и все чаще, публикует, не комментируя, не осуждая циников и мизантропов.

Парламентарии и министры, ставленники и покорнейшие слуги капиталистов, командуя жизнью рабочего класса по указке своих хозяев, тоже не находят ничего преступного в том, что капитал, созданный трудом рабочих, тратится на прокорм кошек и собак, а рабочие издыхают с голода. Министров, диктаторов, президентов интересует другое. Вот, напр., телеграмма из Нью-Йорка от 30. I. 31:

«В Америке возник конфликт между государственным и законодательными учреждениями по вопросу о государственной помощи безработным. Сенат постановил ассигновать в распоряжение Крас-

ного креста 25 млн. долларов на помощь фермерам и безработным. Красный крест, под давлением Гувера, отказался принять эту сумму, после чего и Бюджетная комиссия Нижней палаты большинством 18 против 11 голосов отклонила ассигнование кредитов. Позиция Гувера объясняется тем, что он считает государственную помощь безработным «социалистическим мероприятием».

Это сообщение тоже не требует комментариев. У нас даже пионеры умеют сопоставлять факты и делать выводы.

Такие мрачные явления, становясь обычными, свидетельствуют о хронической болезни крупной буржуазии, и в развитии болезни смертельная скука жизни играет немалую роль. Жить — есть на что, но — нечем. А жизнь становится все страшнее.

Человек всю жизнь собирал деньги, но наступает момент, когда другой, такой же стяжатель, отнимает у него эти деньги путем той или иной операции на бирже, — мошеннические операции в буржуазном обществе считаются законными. Вместе с деньгами у бывшего обладателя их исчезает и весь смысл жизни. Тогда ограбленный грабитель берет револьвер и пускает пулю в голову себе. Каждый биржевой крах вызывает десятки самоубийств.

Не будем отрицать за людьми это право, — они его вполне заслужили!

Конечно, на месте самоубийц вырастут и вспухнут другие банкиры, но в общем жизнеспособность людей этой преступной профессии явно понижается.

Это совершенно ясно и это значит, что история очень хорошо исполняет работу ассенизатора.

М. Горький

[Между 7 января и 7 февраля 1931 г.]

33

[УДАРНИКАМ ГОРОДА ЛЕНИНА]

На некоторых фабриках и заводах организованы ударные бригады моего имени. Это для меня большая честь и радость. Конечно, я понимаю, что это — очень хорошая, даже слишком щедрая награда за мою работу. Понимаю, что если ударники как бы включают меня в ряды свои — это вызывается их желанием, что [б] каждая рабочая единица шла в ногу с передовым отрядом армии героев труда. Желание — вполне законное, и ему следует придать как можно больше настойчивости.

* * *

Откуда возникла идея ударничества, в чем его основа?

Социалисты второго Интернационала, меньшевики утверждали и продолжают утверждать, что жизнь рабочего класса в капита-

листическом государстве можно изменить к лучшему только путем эволюции — постепенно, медленно, не брезгуя в борьбе против капитализма сотрудничеством с мелкой буржуазией, осторожно отвоёвывая у хозяев право на внешние, мелкие, материальные улучшения тяжкой, полунищенской жизни пролетариата.

Вождь и учитель пролетариата всех стран Владимир Ленин вызвал непримиримую ненависть «социалистов»-постепеновцев тем, что вскрыл явную несостоятельность теории меньшевиков и враждебность их практики историческим целям рабочего класса.

Он указал и доказал, что в условиях капиталистического государства, где политическая власть принадлежит крупным хозяевам и поддерживается всею массой мелкой буржуазии, материальные условия жизни рабочих улучшаются лишь временно, ничтожно, а поэтому — обманчиво и что нет никаких оснований верить в постепенное непрерывное улучшение этих условий.

Доказал, что сотрудничество рабочих партий с партиями мелкой буржуазии, разлагая, омещанивая классовое чувство массы и пролетариата, постепенно понижает ее революционное настроение.

Доказал, что рабочий класс Европы в лице своих вождей — социалистов 2-го Интернационала — воспитывает для себя врагов, что политическое сотрудничество этих вождей в парламентах с капиталистами делает этих вождей явными предателями рабочего класса.

Доказал, что не только социал-демократическая интеллигенция, но и наиболее грамотные рабочие при наличии власти капиталистов отравляются соблазнами мещанской жизни и, становясь чиновниками партий, профсоюзов, муниципалитетов, откалываются от рабочей массы, увеличивают организационную силу капиталистов, т. е. увеличивают количество врагов рабочего класса.

Владимир Ленин доказал, что теория социальной эволюции — теория постепеновцев — есть не что иное, как узда, которой капиталисты и мещане взнуздывают класс рабочих, истощая его могучие силы на улучшение благополучной жизни своих врагов — капиталистов, буржуазии и своих вождей и чиновников.

Действительность буржуазных государств Европы и Америки целиком оправдала все предвидения и указания Ленина. Капиталисты, преследуя цели своей наживы, заставили десятки миллионов рабочих и крестьян истреблять друг друга на протяжении четырех лет.

Вожди 2-го Интернационала приняли деятельное участие в этой всемирной бойне, выступив защитниками якобы национальных интересов интернационального класса рабочих. Мировой экономический кризис, вызванный войною, создал в Европе и Америке небывалую безработицу. Одного этого достаточно для того,

чтоб даже идиоты убедились в совершенной невозможности какого-либо, даже и ничтожного, улучшения жизни рабочих под властью капиталистов.

* * *

Владимир Ильич Ленин учил, что либеральная болтовня о сотрудничестве классов — вредная для рабочих ложь и явное лицемерие. Он учил, что рабочий класс вырос как сила, способная ускорить ход истории. Учил, что рабочий класс в силе и в праве ускорить дело своего освобождения и что пора начать это дело вооруженной рукою. За ним пошли наиболее классово сознательные и — значит — наиболее глубоко революционные рабочие. Их социалистически организованная воля дала революционный толчок всей рабочей массе — и этим самым — дала мощный толчок развитию мировой пролетарской революции.

Так ли это? На вопрос отвечают грандиозные успехи рабочих Союза Советов в деле строительства социализма и отвечает влияние этих успехов на классовое самосознание пролетариата всех стран.

Ленинизм можно назвать ударничеством в области революционной теории и практики, а ударничество — это отражение идеи ленинизма в области труда, цель которого — создать путем широчайшей, всесторонней индустриализации Союза Советов первое в мире социалистическое государство равных.

Ударничество — выявление рабочим классом сознания своей политической всевластности, сознания своей силы и необходимости употребить всю массу этой силы на то, чтоб основная задача рабочего класса была решена как можно лучше и как можно скорей.

Так понимаю я ударничество, товарищи, и мне кажется, что беспартийный ударник, это — недоразумение, потому что по работе своей беспартийный ударник — ленинец и настоящее его место — в партии учеников Владимира Ленина, подлинного и бессмертного вождя мирового пролетариата.

Но — партийцы и беспартийные — да здравствуют ударники, передовой отряд многомиллионной армии подлинных героев труда!

[23 апреля 1931 г.]

БРОДЯГАМ ГЕРМАНИИ И ДРУГИХ СТРАН

Товарищи!

С Вами говорит человек, который в годы юности своей — тоже был бродягой. Так же, как многим, — я хочу думать: как большинству из вас — жизнь среди пошлых и бессердечных мещан была для меня тяжела и работа на сытое мещанство — оскорби-

тельна. Так же, как вы, я бродил по дорогам моей страны, работая за кусок хлеба, ночуя в лесу, в степи, в грязных ночлежках, откармливая своей кровью паразитов-насекомых и паразитов-людей.

Не стыжусь признаться, что иногда я поступал так же, как, наверное, поступают многие из вас, т. е., не находя работы, добывая кусок хлеба, нарушая «священный» принцип мещанства — принцип собственности: выкапывал картофель на полях, овощи в огородах, питался горохом, случилось свернуть голову курице. В ту пору я еще не знал, что всякая «собственность есть — кража», но я — так же как и вы — чувствовал, что собственность мещанства разрастается на грабеже чужой, а в том числе и моей силы.

В те годы я многому научился. Я видел, что в среде людей «отверженных», вытесненных из «приличной» жизни буржуазии, немало таких субъектов, которые добровольно ушли от мещанства, ушли потому, что с ним противно и стыдно жить.

Это были люди талантливые, люди так или иначе — «выше среднего». Они погибали первыми, погибали потому, что жизнь бродяг была ниже их достоинства и угнетала их, доводя до самоубийства, погибали морально, включаясь в среду профессиональных преступников. Впрочем, — вы, товарищи, не хуже меня знаете, как погибают хорошие люди в вашей среде. Что хочу я сказать вам?

Вас только в одной Германии 300 000 человек. Грегор Гог, организатор «Интернационального братства бродяг» и редактор журнала «Вагабунд» — журнала бродяг — человек из вашей среды, бывший бродяга.

Вы знаете, как велики результаты его работ, знаете о созванном им в Штуттгарте «Европейском конгрессе бродяг», знаете, что ему удалось разбудить во многих из вашей среды их творческие способности, что благодаря его усилиям образовалась группа «Художников интернационального об-ва бродяг», присоединившаяся к «Ассоциации революционных художников Германии». Не сомневаюсь, что среди вас найдутся люди, способные к труду литераторов, и что вообще в среде вашей немало талантливых и духовно здоровых людей. Если б этого не было — усилия Грегора Гога не имели бы успеха.

Товарищи! Не пора ли вам понять, что ваша рассеянная по Европе армия обездоленных должна организовать себя вокруг той великой цели, которую поставили пред собою пролетарии всех стран. Не пора ли понять, что интересы обездоленных всего мира — совершенно одинаковы? В Германии свыше пяти миллионов безработных, во всей Европе их втрое больше. Это значит, что буржуазия утратила свою организующую силу, что она перестает быть всевластной и что старый, мещанский, грязный мир одряхлел, близок к своей гибели. История выдвигает на место

одряхлевших хозяев жизни нового хозяина и творца, полного свежих, творческих сил, хозяин этот — пролетариат, рабочий класс. Он организуется третьим Интернационалом для того, чтобы уничтожить частную собственность — источник всех несчастий и трагедий жизни. Он ставит целью своей преобразовать капиталистический мир ненависти, зависти, жадности во всемирный дружеский Союз социалистических рабоче-крестьянских Советов. Он хочет организовать сотни миллионов трудового народа всей земли в свободное мировое государство равных. Это — мечта, фантазия?

Эту фантазию осуществляет Союз Советов страны с населением в 162 миллиона, страны, где нет других хозяев, кроме рабочих и крестьян, и нет безработных.

Товарищи! Вам нужно решить простой вопрос: с кем вы? С теми, кто вышвырнул вас из жизни, как выбрасывают шлак из печи, как сор из домов, или с теми, кто хочет построить новый мир на прочных основах экономической справедливости. Клерикальное, фашистское правительство Германии, так же как и правительства других буржуазных стран, готовится к боям против рабочего класса. *Вы* — огромная, но неорганизованная армия, вы можете попасть в плен ваших классовых врагов, и вас заставят пойти в бой против ваших классовых друзей. Хотите ли вы этого?

Враги ваши презрительно именуют вас «люмпенпролетариатом» и уверены, что вы способны продать им за кусок хлеба вашу жизнь и невольную, голодную «свободу» отверженных. Они уверены, что за кусок хлеба вы согласитесь убивать рабочих и в международной империалистической войне, и в неизбежных гражданских битвах за социализм.

Докажите врагам, что они ошибаются, что любой из вас — честнее любого из них. Организуйтесь! Идите к пролетариату и — вместе с ним — против врагов трудового народа всей земли.

Привет!

М. Горький

[Весна 1931 г.]

35

[О БОРЬБЕ ОТЦОВ И ДЕТЕЙ]

В чем заключен основной смысл этой «борьбы»? Говоря о ее смысле, — понятие «борьба» нужно поставить в кавычки, ибо содержание понятия этого резко отличается от смысла той борьбы, которую ведет и должен вести пролетариат, организованный как строго марксистская революционная партия. Какими бы красивыми и громкими словами ни украшалась распря отцов и детей буржуазии, — в существе своем это не что иное, как разногласие политико-экономического и бытового консерватизма отцов с

либерализмом детей. Отцы удовлетворялись тем, что было приобретено ими, удовлетворялись и привычными формами эксплуатации рабочих и крестьян, — детей не удовлетворял бытовой консерватизм отцов, не удовлетворяли и старые приемы накопления капитала. Отцы с трудом и не сразу поняли значение парового судостроения, железных дорог и вообще роста техники, которая создавалась детьми. Отражение этого разноречия консервативной и «либеральной» психики мы найдем в биографии почти любого ученого эксперименталиста и техника XIX столетия. Буржуазия либеральна до поры, пока она путем эксплуатации живой рабочей силы не увеличит свой капитал вдвое, после этого она хотела бы «почивать на лаврах». Но дети были моложе отцов, и, значит, жаднее их. Жажда жизни в среде молодых буржуа сводится к расширению удовольствий и к свободе удовольствий. Эту свободу стеснял быт отцов. Затем: удовольствия требуют больших физических сил, но даже и при наличии такого условия довольно быстро вызывают пресыщение. Литераторы XIX ст[олетия] изображают детей не очень сильными людьми. Отцы должны быть слишком много отдавали энергии делу накопления капитала, и это отражалось на детях. О физической слабости буржуазии достаточно красноречиво говорит тот факт, что, несмотря на все условия благополучного бытия, в Европе и Америке очень мало таких крупных фирм, которые не вымирали бы на протяжении трех поколений.

Пресыщение удовольствиями ведет ко всевозможным заболеваниям тела и «духа». Буржуазия всегда давала и продолжает давать большой процент «душевнобольных», чем пролетариат и крестьянство, — это установлено психопатологами.

Итак: «борьба» отцов и детей — семейное дело, неизбежное противоречие внутри класса, осужденного историей на вымирание и гибель. Наиболее психически «тонко» организованные дети всегда более или менее чувствовали эту драму своего класса.

[Начало декабря 1931 г.]

[КУЛЬТУРНАЯ ОТСТАЛОСТЬ]

Культурная отсталость. Культура — дисциплина ума и чувства. Дисциплина снизу, как это установлено в Красной Армии. Снизу это значит от детей, от пионеров. Дети в Москве — письмо.

В пионеротрядах не хватает опытных вожатых и недостаточно активно ведется дело количест[венного] роста пионеров. Результат: рост хулиганства среди детей, не вовлеченных в пионеры.

Там, где пионеротряды хорошо организованы — хулиганства или меньше или вовсе нет.

Комсомол недостаточно крепко связан с пионерством. Ряд пи-сем детей и вожатых указывают на это.

Комсомол в мелких районных городах, таких, как Дмитров, Ростов Великий, Пошехоньев, Княгинин, насчитывает единицы, в таких городах, как напр., Курск, Калуга, Рязань, Кострома — десятки активных членов. В комсомоле провинции, исключая областные города — большинство комсом[ольцев] — «мертвые души», однако, весьма чуткие к пропаганде фашизма. Фашизм пропагандируют «старожилы», иногда они скрываются под псевдонимами краеведов. Пропаганда очень примитивна и сводится к доказательствам из оперы «Аскольдова м[огила]», что:

Встарину живали деды
Веселей своих внучат

и потому веселей, что

Без варягов управлялись.

Варяги, конечно, — большевики, коммунисты, евреи, грузины и т. д.

В краеведческой литературе можно встретить такие истины: «Необразованный всегда будет иметь преимущество пред образованным».

Насколько отстала провинция от политических и пром[ыш-ленных] центров Союза, об этом наиболее доказательно говорит тот факт, что, напр., в городе Сгориче обыватели живут и думают так, как будто Москва от них не за 200 верст, а за тысячи. А Москва перенасыщена лишними людьми и бездельниками, которые уже ведут жизнь паразитов на коже раб[очего] класса.

Москва усердно строится, что, конечно, хорошо, но необходимо, чтоб соответственно строились и столицы областей. Воронеж, Самара и др. города областей, наиболее густо населенных крестьянством. Нам необходимо создать по крайней мере шесть культурных центров там, где растет промышленность, и там, где преобладает мужик. Совершенно несправедливо забыта Казань, а это создает у ее коренного населения не очень ласковые чувства к центру. Вообще на жизнь нацменьшинств не обращается должного внимания, и едва ли достаточно хорошо известно нам, что думают нацменьшинства, какие книги они пишут и печатают, чему учатся.

Я не утверждаю, что у нас уже создан богатый запас культурных сил, но все же они есть, количественно они растут, и совершенно ясно чувствуется избыток их в Москве, в Ленинграде. Этот избыток необходимо утилизировать, поставить на культурную работу в областях, на пропаганду революционных знаний. Пропаганда знаний поставлена у нас плохо; совершенно нет научно-популяр-

ной литературы, нет заботы о том, чтоб рабоче-крестьянская масса получала точное и широкое представление о ходе общегосударственных работ, об их плановости и революционном социалистическом смысле.

¹ Вся жизнь Союза строится по научно выработанному плану, и если в практике бывают ошибки, — они вскрываются так быстро именно потому, что работа идет по плану, основы которого революционно правильны. Но масса план этот неизвестен, и рядовой рабочий не понимает, к чему затеяна вся эта грандиозная суматоха, не видит, как богатеет страна и богатеет сам он.

На анализе ошибок всего лучше показать убыточность бескультурья, но это делается у нас редко, плохо, непонятно для массы и как будто для того, чтоб дать обывателю материал контррев[олюционной] пропаганды.

[1932]

37

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ СИЛ

[1]

В Германии культурные центры размещены по всей стране, промышленные области тоже более или менее обставлены как центры культуры, — этот факт играл весьма значительную, может быть, и решающую роль в процессе быстрого развития промышленно-технической силы Германии XIX века, а также — что само собою разумеется — и в процессе классового самосознания ее буржуазии, ее рабочих.

О Франции различные люди, в разное время говорили и — до наших дней — говорят: «Франция — это Париж». «Руки всех французов работают затем, чтоб думала голова Париж». Столица Франции служила и продолжает служить единственным центром, куда стекаются ее культурные силы, где сосредоточены многие тысячи людей науки, искусства не только из французской провинции, но из колонии и со всего мира. Это уродливое явление обессилывает провинции, отвлекая в Париж наиболее даровитых или ловких людей. В эпоху второй империи кто-то из умных французов сказал: «Париж ушел на сто лет вперед Европы, Бретань и Нормандия отстали от нее на сто лет». Правильность второй части этого суждения утверждается бесчисленными показаниями

¹ Существует Комакадемия, но не очень заметно, что именно делают комакадемики? Существует Институт журналистики, издается очень плохой журналчик «Журналист», — но мы не видим новых фельетонистов — и в газетах центра работают все только Рыклин, Кольцов и до сей поры у нас не написана книга о журналистике Европы, особенно Франции.

французской литературы. Начиная с Бальзака, продолжая Мопассана до наших дней, литераторы Франции изображают мелкую буржуазию и крестьянство Франции такими же непоколебимо полудикими людьми, какими до Октября была мелкая наша буржуазия, было наше крестьянство. «Парижскую культуру», т. е. культуру, сосредоточенную в одном центре страны и обессиливающую ее окраины, необходимо признать явлением вредным, ибо оно замедляет общекультурный рост всей страны, это особенно ясно на примере Франции.

II

Следует ли напоминать о том, что культурные задачи рабочей партии Союза Советов неизмеримо сложнее и трудней тех задач, которые выполнены были в XIX в[еке] буржуазией Европы, в частности — Германией?

На примере ее мы видим, что классовое правосознание рабочих не легко превращается в подлинное социалистически революционное сознание, руководящее волей. Компартии Союза необходимо воспитать десятки миллионов собственников-мужиков социалистами. Эти десятки миллионов малограмотны, рассеяны на огромном пространстве и отличаются племенной пестротой. Нужно считаться с тем, что право надменьшинств на развитие самостоятельной культуры может вызвать и кое-где уже вызывает инстинктивное отталкивание от сложной, трудно усвояемой культуры большинства, недавно еще «великодержавного».

В статье «Русские и негры» и других статьях по нац[иональному] вопросу В[ладимир] Ильич указывал, что культурная отсталость одной национальности неизбежно затрудняет рост культуры другой соседствующей нации, так же как отсталость одного класса налагает свою печать на другой, что особенно ясно на примере русской буржуазии.

Есть опасность, что у нас роль Парижа начинает играть Москва. Она переполнена научными и научно-техническими учреждениями, в которых и около которых сосредоточены тысячи научных работников и десятки тысяч студентов. Можно думать, что некоторые из этих учреждений явно не на своем месте, напр[имер], институты нефти, древесины, текстиля и, вероятно, еще некоторые. Можно думать, что место Академии Тимирязева — Воронеж, областной город ЦЧО¹. Москва перегружена учащимися. Ее культурные соблазны — театры и другие развлечения — возбуждают у молодежи, кончившей учебу во втузах и вузах, стремление осесть в столице. Не меньшую роль, чем развлечения, играет надежда поскорее выдвинуться на высокое видное место. В Москве уже явно образовалось засорение города лишними и бесполезны-

¹ Центральная черпоземная область. — *Ред.*

ми в ней людьми, которые могли бы принести пользу в забытых район[ных] городах, в бывших уездных и губернских городах, где до сего дня все еще живут полудикакие люди, не способные понять роль соцстроительства, ход новой истории, создаваемой партией раб[очего] класса. Жилищные и другие условия быта создают в среде этих людей антисоветские настроения, соблазны столицы развивают в молодежи хулиганство.

В Москве пребывают тысячи литераторов, которым негде печатать свои труды. По этой причине, мне кажется, что в этой профессии накопилось особенно много бездельников. Хотя у нас культурных работников все еще не хватает, но количественный рост их из года в год повышается.

III

Обилие культурных сил в столице и почти полное отсутствие их в провинции все более резко заметно, а особенно заметно на примере литературы. У нас почти совершенно нет областной печати. «Сибирские огни» — единственный хороший журнал, который организовался в Новосибирске, тотчас вслед за «Красной новью», просуществовал 10 лет и погибает вследствие недооценки его значения местной властью и «бегства» в Москву таких его сотрудников, как Сейфуллина, Караваева, Чертова, Зазубрин, Итин, Пермитин и др. Для некоторых это бегство было вынужденным силою их разногласий с людьми, которые вскоре были разоблачены, как правые, левые и троцкисты.

Кроме Новосибирска, нуждаются в журналах: Дальний Восток, Уралообласть, Сев[еро]-Кавказ[ский] край, Поволжье, ЦЧО и Донбасс.

Возникает необходимость деления культурных сил по областям, необходимость снабжения культурными работниками областных городов.

Ввиду отчаянного недостатка медперсонала, нужно расширить существующие медфакультеты в областных городах, создать новые. Этого требует забота об охране жизни и здоровья трудящихся.

Нужно создать, по крайней мере, шесть областных журналов, если исключить Донбасс.

Организовать школы живописи и музыки.

Обратить особенно зоркое внимание на жизнь и рост культур наименьшинств, а также на работу краеведов. Употребить все усилия для того, чтоб убедить редакции журналов: они работают на массу не очень грамотную и поэтому должны стремиться к предельной простоте и ясности языка. Журнал «Советская Азия», издаваемый в Москве, а не за Уралом, недоступен массам. Этим объясняется тот факт, что столь важный журнал печатается только в 3 т[ысячах] экземпляров.

Разумеется, есть и еще целый ряд необходимостей, но отметить их — дело ЦК партии.

Было бы хорошо познакомить с вопросами этого порядка будущий съезд литераторов и призвать их к широкой культурно-революционной работе в областях и на окраинах Союза.

М. Горький

[Не ранее апреля 1932 г.]

38

КЛАССОВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ПРОТИВ ВОЙНЫ

В мире развиваются два процесса: часть пролетариата, наиболее политически сознательная, руководствуясь учением Маркса — Ленина стремится к объединению на всей земле.

Капиталисты сеют международную вражду и ненависть. Пролетариат, объединенный Третьим Интернационалом, хочет уничтожить во всем мире бессмысленную эксплуатацию его труда, хочет уничтожить идиотический «порядок», при котором неизбежно такое явление: перепроизводство пищевых продуктов и различных товаров, а десятки миллионов рабочих, не имея работы, вымирают с голода. Капиталисты хотят торговать. Они хотят торговать, вычеркнув из среды покупателей миллионы рабочих с женами и детьми, — миллионы, которым не на что купить хлеба и одежды. Хотят торговать и, чтоб поднялись цены на продукты труда рабочих и крестьян, — жгут пшеницу в топках котлов, вырубая каучуковые деревья, топят десятки тысяч мешков кофе в море, растрачивают народное богатство на оборону друг против друга, на выработку предметов роскоши и т. д. В конечном счете они всегда торгуют кровью рабочих и мозгом интеллигенции. Эта торговля неустраимо приводит их к войнам друг с другом. Воюют они, как известно, силою и руками все тех же рабочих и крестьян. Вот, например, капиталисты Франции, — они очень дорого, очень выгодно продали кровь своего пролетариата. Это возбудило у капиталистов, соседей Франции, дикую ненависть к ней, и за ненависть эту должен будет заплатить все тот же пролетариат миллионами своих трупов. Сейчас Франция — главный сеятель ненависти в мире капитализма. Возможно, что в будущей войне буржуазия Франции будет разбита, побеждена силою вооруженного капиталистами пролетариата других государств Европы. Тогда место Франции займет какой-то иной победитель, он снова явится сосредоточием ненависти побежденной буржуазии, снова явится сеятелем международной вражды, а вражда снова приведет к войне, как это всегда было и неустраимо будет, если...

Если вся масса европейских рабочих не поймет, в какой трагически порочный круг заключил ее цинизм капиталистов — воля

ничтожной кучки людей, явно безумных, людей, которые заражены болезненной страстью к наживе на крови рабочего народа. Если капитализм был в свое время «исторической необходимостью», теперь он давно уже — организация преступников, объединенных в шайки бандитов, которые конкурируют друг с другом, так же как — в миниатюре — делают это бандиты Чикаго. Разница между, напр., Пуанкаре или лордом Детердингом и королем бандитов Аль Капоне только в том, что король уже посажен в тюрьму.

Капиталисты сеют в мире вражду и отравляют ею пролетариат. Я слышал, что много немецких рабочих и будто бы даже «коммунисты» вотировали за своего классового врага Гитлера из ненависти к Франции капиталистов. По существу дела, они вотировали против рабочих Франции, так же как и в 14 г., когда социал-предатели заставили их вотировать кредиты на братоубийственную бойню. Эти факты не очень лестно говорят о степени политического самосознания большей части немецких рабочих, но — не только они ведут себя так — мягко говоря — наивно. Но не только пролетарии Германии помогают капиталистам все более туго затягивать хомут на своей, рабочей шее.

Центром особенно дикой ненависти буржуазии Европы и Америки служит Союз Социалистических Советов, где капитализм уничтожен и единственным хозяином страны являются рабочие и крестьяне, возглавляемые партией Ленина. Партия Ленина 15 лет показывает капиталистам, какие мощные силы и таланты скрываются в массе пролетариата, и уже сами капиталисты начинают признавать, что рабочий класс хозяйствует несравненно лучше и умнее, чем они. Вместе с ростом этого понимания растет и ненависть буржуазии к социалистическому государству, которое строится в их окружении. Анархические «законы» конкуренции не позволяют хищникам и грабителям рабочей силы объединяться для общего удара по авангарду мирового пролетариата, мешает этому объединению и страх перед своими рабочими. Но все же попытки бандитов промышленности организовать для нападения на Союз Советов — непрерывны, так же как непрерывны их попытки возбудить в среде рабочих, в среде интеллигенции враждебное отношение к Союзу. Воздействие ложью и клеветой в печати — не достигает цели, правда слишком ярка, все более ярко разгорается, и даже грязная пресса буржуазии не затемняет ее. За последние годы перешли к фабрикациям политических скандалов, к террору. «Похитили» белого генерала, эмигранта, участника гражданской войны и, должно быть, как многие генералы эмиграции, служившего в одной из военно-шпионских организаций Европы, похитили генерала, видимо, так же совершенно, как похищает смерть и, кажется, за то, что, работая с одной группой шпионов, он не угодил другой. «Похищение» это приписали большевикам. Кушили эмигранта, русского авантюриста, заставили его убить

безвредного старика Думера и объявили убийцу русским коммунистом. На этом позорно оскандалились. Оказалось, что Горгулов просто негодий и что негодяйство — его давняя профессия. Все это, так же как попытка убить посла Германии в Москве и как многое другое, делается для того, чтоб испытать, как отнесется к таким подлейшим затеям рабочий класс, интеллигенция? Рабочий класс, так же как интеллигенты, относятся к подлостям с равнодушием, едва ли допустимым, во всяком случае — непонятным. Пролетариат Франции не должен бы терпеть в своей стране банды русских авантюристов, банды, из которых правительство буржуазии рекрутирует шпионов, политических мошенников и убийц. Пролетариату Франции не следовало бы допускать в Париже существование газет русского капиталиста Абрама Гукасова и авантюриста из провинциальных адвокатов, явно больного истерией Александра Керенского — газет, в которых полуумные, озлобленные до бешенства люди проповедают интервенцию в Союз и террор. И едва ли в интересах пролетариев Франции существование в его стране военных организаций русских эмигрантов, защитников капитализма, врагов Союза Советов. Международная взаимопомощь рабочих должна бы иметь не только экономическое, но и политическое значение. И уж во всяком случае она не должна выражаться в формах столь терпимого отношения к международным авантюристам, какими являются русские эмигранты, на все готовые за Иудину цену. Политический блудник Керенский, живя в Париже, печатает там трудами рабочих французов пошленький журнальчик и пишет в нем о «наглой дерзости «Юманите», органа пролетариев, — пролетариат терпит эти выходы — странная терпимость!

Чувство и сознание международной, классовой солидарности должно бы подсказать рабочим Германии, Чехословакии, Франции, что враги Союза Советов — враги пролетариата всех стран.

Известно, что Англия — «друг подавленных и угнетенных», как говорил Гладстон и что особенно хорошо известно индусам. Я слышал, что англичане по мотивам гуманности охотно снабжают бандитов Средней Азии винтовками и патронами, а бандиты, вторгаясь в пределы Союза Советов, разоряют колхозы Туркменистана и Узбекистана, уничтожают людей, которые освободились от рабства и потому ненавистны рабовладельцам. Пролетариям Англии следовало бы подумать, насколько в его интересах этот вид гуманитарной деятельности лордов-лавочников? Международная солидарность лавочников Европы и Америки, несмотря на противоречия, создаваемые между ними анархизмом промышленности и торговли, все-таки — факт, ибо хотя крупные хищники и дерутся между собою за кровь и мясо слабо вооруженных или безоружных животных, но в конце концов, пищей крупных зверей служат мелкие, потому что у крупных хорошо отточены когти.

В человеческом обществе когти крупных хищников натачиваются рабочим классом и натачиваются главным образом в области военной промышленности. Отсюда ясно, как велика может быть роль рабочего класса в вопросе разоружений. Но еще более крупным и ясным является необходимейшее дело вооружения пролетариатом своего разума и своих рук для последнего и решительного боя за свою власть над миром.

М. Горький

[После 7 мая — до 8 июня 1932 г.]

[XX-й ВЕК — ВЕК ГРАЖДАНСКИХ БИТВ]

XX-й век — век гражданских битв. Они вспыхивают все чаще, и шум их становится все более грозным. Эти отдельные вспышки — начало всемирного боя пролетариата всех стран против капиталистов всех стран. Бой неизбежен, как смерть, и капиталисты должны бы понимать, что ждет их. Говоря устами своих пророков о гибели Европы, они говорят именно о своей гибели. Но капиталист — существо механизированное, своей страстью к накоплению он действует по инерции, как машина, еще не успевшая изработать энергию, которая двигает ею. Кризис, безработица, перепроизводство товаров не убеждают капиталиста в преступной бессмысленности его работы. Обжорство — болезнь; обжора продолжает поглощать пищу и тогда, когда желудок его уже наполнен. Вообще капиталист становится все менее похож на человека, не на какого-нибудь выдуманного, «идеального», а чаще на того обыкновенного «человека большинства», который, являясь наследником многовековой культуры, не возбуждает восхищения своей культурностью, но вполне способен вызвать недоумение пред его равнодушием к жизни и непоколебимой глушостью. Если сказать, что капиталист похож на прокаженного, и это не будет преувеличением его социального <значения>, а только весьма правильно определит опасность современного капитализма — болезнь прилипчивой, заразной и разрушающей человечество. Известно, что капиталист, живя за счет чужой силы, оплачивает ее дешево. Отсюда у него очень крепко сложилось садическое представление о дешевизне всякого человека, отсюда исходит сознание им своего права распоряжаться жизнью трудовых масс.

За четыре года — 14—18 — он истребил несколько миллионов наиболее здорового населения Европы и сфабриковал не один миллион уродов, инвалидов. Эта его преступная деятельность, оставаясь безнаказанной во всех странах, кроме России, принимает всюду в мире все более открытые и наглые формы, игра капиталистов судьбами и жизнью трудовых масс становится отчаянней.

Совершенно изумительно равнодушие, с которым относится буржуазная интеллигенция к истреблению продукции ее предков — к разгрому библиотеки города Лувена в 14 г. и истреблению музея и библиотеки в Чапее в 32 г.

Вот недавно Гувер, президент С. Ш. С. А., приказал избить солдат-инвалидов, сфабрикованных на полях Франции; голодные инвалиды пришли в столицу капиталистов, волею которых они изувечены, пришли затем, чтоб напомнить главе богатых: они, инвалиды, хотят есть. Гувер приказал полиции и солдатам избить «героев» и выгнать вон из города. Вполне возможно, что солдаты, исполнявшие волю Гувера, окажутся участниками новой войны; некоторая часть их будет изувечена; превращенные в инвалидов, они тоже пойдут просить милостыню у хозяев и, возможно, что их так же гнусно будут бить, выкуривать газами, как это делали они в городе Вашингтоне в августе 32 г. по отношению к инвалидам войны 18-го года.

Известно, что в С. Ш. С. А. — большинство населения принадлежит к племени «низколобых» людей и что они считают низколобость своим племенным и национальным достоинством, унаследованным ими от предков пуритан. Низколобые гордятся тем, что они низколобы, гордятся так же, как гордились французские декаденты в Европе конца XIX в. тем, что они — результат вырождения своего класса. Низколобость — это уродство не анатомическое, а психическое, в основе его лежит гордое сознание американцем его права быть глупым человеком. Но в среде этого племени есть и «высоколобые», есть интеллигенты настолько нормальные, насколько вообще может быть нормален современный интеллигент Европы. Неизвестно, как отнеслись высоколобые к факту победы капиталистов над инвалидами. Но можно думать, что так же равнодушно, как относятся интеллигенты Европы, ибо равнодушие к действительности становится — на мой взгляд — профессиональным мироощущением большинства современной интеллигенции. Этому не противоречит намерение некоторой части ее собраться и коллективно сообщить...

[Август 1932 г.]

40

ОТВЕТ ГРАЖДАНИНУ

Если скептицизм является результатом неудовлетворенной жажды знания, это — здоровый скептицизм, ибо, не обезоруживая разума, он усиливает волю к познанию явлений жизни.

Но для буржуазно-классового общества крайне характерен скептицизм невежества, растущий на консерватизме собственни-

ков. Собственников вполне удовлетворяет порядок, установленный ими, допускающий безответственную, уже обесмысленную эксплуатацию человеческой энергии и сокровищ природы во всем мире. Скептицизм буржуазии, облекая всю жизнь современного человечества душным и все более густым туманом, служит явным препятствием дальнейшего развития культуры. Собственники все чаще, все более откровенно и громко заявляют, что им «не нужно ничего нового», да оно и «невозможно». Они хотели бы остановить процесс творческого развития разума, пред которым еще так недавно идолопоклонствовали, который выдвинул их на командное место в истории. Нет надобности приводить доказательства роста консерватизма и — неизбежного следствия его — «скепсиса невежд», таких доказательств буржуазия дала и дает слишком много. В общем все они говорят о том, что собственники хотели бы «обуздать науку», прекратить рост техники, которая «создает десятки миллионов лишних рук». Именно — рук, а не людей, потому что для командующего жизнью собственника человек — это только руки, создающие все потребное для удобства собственника. Ядовитый туман скептицизма одряхлевших невежд отравляет даже и очень сильные мозги. В начале сентября, в Йорке, на конгрессе Британской Академии известный физик сэр Альфред Юнг кончил свой доклад выражением радости о том, что наука все еще не может утилизировать энергию, заключенную в атоме. «Слава богу, мы еще далеки от этого», — сказал сэр Юнг. В молодости его, вероятно, радовали успехи науки так же, как радовали — они — в молодости — его класс. Сэр Юнг не первый испугался силы свободно исследующей мысли, до него этим страхом заразились Оливер Лодж, Крукс, Рише и еще многие.

* * *

Наиболее очевидно и ярко невежество буржуазии выражается в ее отношении к медицине и гигиене. Казалось бы, что эти науки, цель коих — охрана здоровья — должны пользоваться особенной помощью, особенным вниманием людей, которые любят пожить и у которых есть чем жить. Но физика, химия, механика пользуются гораздо большим вниманием командующего класса, чем науки, охраняющие здоровье его. Причина этой странности ясна: биологические науки не играют в промышленности столь значительной роли, какую, например, играет физика, основа механики, а особенно химия, работающие на войну, т. е. на технику истребления миллионов наиболее здоровых людей.

Разумеется, гигиена и медицина тоже весьма широко и успешно эксплуатируются буржуазией. Об этом свидетельствует неисчислимое количество различных, большей частью шарлатанских, препаратов, в частности — сотни препаратов, повышающих сексуальные эмоции буржуа, препаратов против завалов в

кишечнике, против ожирения и других профессиональных недугов командующего класса. Нет, медицина весьма солидно помогает буржуазии наживать деньги! Так же и гигиена: вспомним, например, производство резиновых изделий, предохраняющих от опасности любви, производство клозетной бумаги и прочего, что, будучи полезным, остается приятным. Спекуляция на болезнях большинства людей поставлена достаточно ловко, для трудового народа болезнь — тоже налог; рабочий, заболевая, платит хозяевам. Впрочем, все это известно. Известно также, что усилий на лечение болезней тратится неизмеримо больше, чем усилий на предупреждение заболеваний, это — потому, что командующий класс не считает себя ответственным за здоровье трудящихся на него. Люди, заболевшие от ожирения, имеют возможность лечиться более удобно и успешно, чем люди, заболевающие от истощения — главной причины профессиональных болезней рабочего класса. О скептицизме невежества буржуазии говорит не только отравленный дымом и газом фабричных труб воздух тесных и грязных — по окраинам — городов, — об этом невежестве говорит и тот факт, что в XX веке среди буржуазии не исчезла, а возрождается вера в шарлатанов и знахарей.

* * *

Сила, возникшая в древности на почве трудовых процессов, сила, которой питается и творчески растет мысль — наука, могла бы расти более быстро, если бы командующий класс хотел создать для нее в трудовых массах атмосферу внимания, интереса к ее поискам и достижениям. Для пропаганды ее значения наука создала мощные средства: современную технику книгопечатания, кино, радио. Этими средствами пользуются, но лишь в тех ничтожных размерах, которые допускает филантропия — пошлейшая маска корыстолюбия собственников. Но они не заинтересованы в широкой популяризации научных знаний среди трудового народа, в недрах той массы мозга, который служит неисчислимым резервом разнообразных талантов и способностей. Они против того, чтобы люди труда стали разумными свыше той степени, которая необходима и удобна для целей эксплуатации. Рост интеллектуальной силы, свободное исследование явлений жизни устрашает собственника. В их среде все чаще раздаются крики грамотных невежд о «бесполезности» некоторых наук.

Но бесполезных наук — нет и не может быть. Каждая из научных дисциплин воплощает в себе многовековой опыт, и даже ошибочные оценки этого опыта — поучительны. Заблуждаются тогда, когда ищут, заблуждаются и тогда, когда прячут. Собственники весьма ловко научились скрывать истину в премудром хламе мистики и метафизики, но — истина неугасима, и это о ней поют все более громко пролетарии всех стран. Бесполезных наук

нет. Палеография как будто не имеет отношения к современной действительности. Но, вот, палеограф разобрал в одной древней рукописи нечто, обратившее на себя внимание археолога. Археолог произвел в месте, указанном рукописью, раскопки и нашел орудия каких-то древнейших работ, куски какой-то руды. В дело вмешивается геолог и открывает, что на месте, указанном палеографом, примитивно добывалась ртуть и что залежи ее очень богаты. Этот пример не выдуман. Кроме его практического значения, он говорит о том, что мы плохо знаем человеческий труд в прошлом и что трудовые процессы прошлого нужно хорошо знать.

* * *

Резервная масса потенциальной нервно-мозговой энергии, хранилище талантов и дарований — почва, на которой вырастут гении будущего. Эта масса начинает активно работать в Союзе Советов. Партия большевиков открыла пред нею свободные пути по всем линиям интеллектуального развития, ко всем точкам приложения творческой энергии. Рабочая масса Союза Советов непрерывно выдвигает из своей среды изумительно талантливых людей ¹. Большинству их не хватает знаний. Но понятие гениальность заключено кем-то в такую форму: «Гениальность — это способность делать правильный вывод на основе недостаточного количества фактов». История работает, и открытия [ми] величайших ученых мира подтверждают это определение гениальности. Здесь уместно вспомнить не только Менделеева ², творца периодической системы элементов, — почти все крупнейшие люди науки умели делать «правильные выводы на основе недостаточного количества фактов».

У талантливых людей Союза Советов недостаток знаний заменяется дерзостью революционизированной мысли — дерзостью мысли, освобожденной от предрассудков и суеверий старины, и напряжением воли человека, чувствующего свою ответственность пред своею страной. Революция — оздоравлиет.

Я далеко не «патриот своего отечества». Достаточно хорошо зная основную его массу — крестьянство, я не имею оснований увлекаться похвалами ему и не склонен украшать его достоинствами, коих не существует, но коими его весьма усердно украшала интеллигенция до Октябрьской революции. Я знаю, что крестьянин везде в мире одинаков: закоренелый собственник, идолопоклонник своего нищенского хозяйства, раб, влюбленный в свою цепь — собственность, раб, изуродованный страстью увели-

¹ Таков напр[имер] иваново-вознесенский рабочий, самоучка и изобретатель Самцов, и уже страна имеет сотни талантов, подобных ему ² и Лотаря Мейера, творцов

чивать тяжесть своей цепи. Но он достаточно хитер, и теперь, когда рабочий класс, основательно толкнув, разбудил его, когда под крес'янином пошатнулась земля, истощенная его нищенской техникой, он быстро начинает сознавать, что знание, вот оно — подлинное богатство, и что знание это — свобода. Трактор, комбайн, электроэнергия, радио — очень хорошие учителя коллективизма. В Союзе Советов развивается процесс действительного раскрепощения крестьянства изнутри, освобождения от вековых навыков каторжной жизни. Процесс этот кончится исчезновением крестьянства как социального типа. Исчезнет почва, на которой произрастал капитализм со всеми уродствами его, почва, создавшая хищников. Вполне уверен, что недалеко время, когда этот благодатный процесс начнется всюду в мире.

Нужно ли говорить о цели, которую поставила пред собою советская власть? Цель эта — проста: создать единую линию творчества всего населения Союза Советов, вызвать к жизнедеятельности все силы его талантов и дарований, воспитать [в] каждой единице — чувство ее ответственности пред страной, создать этими силами социалистическое общество, в котором каждый работает по способностям, получает по потребностям. Только этим путем можно достигнуть объединения человечества в одну семью, в один мировой коллектив, достигнуть оздоровления и возрождения его к безграничному творчеству во всех областях жизни: в науке, искусстве. На путях к этой великой цели корысть и глупость создают все препятствия, доступные цинизму хищников и хитрости идиотов. В борьбе против мелких и крупных хищников, против волков и мышей, иногда необходимо принимать меры не совсем «гуманные». Но, вот, Бернард Рассель, человек прямой и ясной мысли, говорит в своей последней книге (напечатанной прошлой осенью): «Мы рассматриваем человеческое тело как целое, но когда возникает надобность ампутировать один из членов, мы не считаем нужным доказывать, что этот член не достоин жизни. Здоровье всего тела является вполне достаточным аргументом в пользу операции». В другом месте той же книги он, англичанин, индивидуалист, физиолог, говоря о применении физиологической техники к эмбриологии, указывает, что «до сей поры не было произведено опытов с воздействием на человеческий зародыш; такие эксперименты считаются незаконными, так же как все, в которых человек играл бы роль объекта для экспериментов. А между тем сколько ценных научных сведений могли бы мы достичь этим путем? Рано или поздно, вероятно, в России к таким экспериментам придут». Лично я считаю лестным для моей страны убеждение Расселя в ее дерзкой способности искать и находить новые пути для науки.

Основная работа Советской власти сводится не к излечению социальных болезней посредством применения тех микстур и пилюль, которые буржуазия именует реформами, — основная работа

Советской власти: изучение и уничтожение всех условий, которые вызывают заболевание общества, преждевременную его дряхлость и смерть ¹.

[23 сентября 1932 г.]

[О КНИЖНОМ ГОЛОДЕ]

В Союзе Социалистических Советов растет книжный голод. Именно этими словами следует определить тот факт, что бумажная наша промышленность не успевает удовлетворять потребность страны в книге и газете. До каких размеров доходит разрыв между потребностью в газете и возможностью удовлетворить эту потребность, мы видим на примере «Крестьянской газеты»: она печатается в количестве 3 500 000 экземпляров, а деревня требует уже 8 000 000. «Правда», «Известия» и областные органы тоже издаются в количествах значительно ниже спроса на них. Книга, изданная в 5000 экземпляров исчезает с рынка в тот же день, когда выходит из типографии. Для того, чтоб ценная книга попала в библиотеки, нужно издавать ее не менее 20 000. «Роман-газета», очень умное предприятие ГИЗа, печатается в сотнях тысяч и тоже немедленно исчезает в многомиллионной массе читателя.

Мы имеем право гордиться тою силой жажды знания, которая разбужена и растет в нашей стране.

В «культурных» государствах Европы и Америки развивается явление прямо противоположное: спрос на книгу непрерывно падает, количество изданий—сокращается, газеты, для того чтоб их читали, принуждены работать на «сенсациях», безжалостно раздувать такие драмы, как, например, похищение и убийство ребенка летчика Линдберга, — на этой сенсации тираж некоторых газет Нью-Йорка возрос до 300 т [тысяч] свыше обычного. Сильно и постыдно работают газеты Парижа на убийстве белогвардейцем Горгуловым старичка Думера. Разумеется, эта подлая работа в известной мере поддается и объясняется страхом буржуазии пред СССР и ненавистью к нему, но, на мой взгляд, гораздо больше — интеллектуальной нищетой и моральным убожеством деятелей французской прессы и ее давно уже прославленной, всем известной продажностью. Известно также, что пресса «культурных» стран, включая сюда и прессу белогвардейской эмиграции, занимается политическим оболваниванием читателя и отравляет его подробными рассказами о преступлениях против жизни и кошелька обывателей.

¹ Эту задачу ставит пред собою и советская медицина. О том, что достигнуто ею, расскажут сами медики, стражи общественного здоровья и неутомимые борцы за него.

Наша пресса работает исключительно по линии пропаганды новых форм государственного хозяйства, пропагандирует идеи интернациональной, социалистической культуры, освещает значение сокрушающего все препятствия, творящего все ценности коллективного труда, занята суровой критикой действительности и самокритикой. Наша пресса является действительным и мощным воспитателем разума и воли масс, неоспоримым двигателем новой культуры, она — пропагандист культуры, какого еще не было за всю историю человечества. Здесь не место говорить о ее формальных недостатках, но следует еще раз напомнить, что у нас, в Союзе, пресса — орудие неизмеримо более острое и мощное, чем где-либо, — это объясняется характером и значительностью идей, которые она пропагандирует.

Отсюда ясно, что при наличии разбуженной в массах и все растущей жажды знания мы должны всемерно заботиться не только о росте количества книг и газет, но и очень бережно обращаться с бумагой. На небрежное, бесхозяйственное, а иногда и преступное отношение к сырью, фабрикату и машине со стороны рабочих, которые являются хозяевами страны, наша пресса указывает весьма часто. Вот, на днях, приехал человек из Владивостока и рассказывает, что там в грязи, под дождем стоит какая-то большая и сложная машина; такие беспризорные орудия труда можно видеть и в окрестностях Москвы.

Лет сорок тому назад рулоны газ[етной] бумаги обшивались дранкой, и это очень хорошо предохраняло ее от ранений при погрузке и выгрузке. Если грузчик ранил рулон крюком — приемщик груза заявлял об этом сдатчику на вокзале или на пристани, и нередко составлялся протокол о порче груза. А вот года три тому назад в Мурманске я видел несколько десятков рулонов и среди них не было ни одного, поверхность коего не была бы изорвана глубокими язвами. Весьма часто видишь: грузовики везут бумагу, и она трется о стенки. Раненая бумага — брак, она не идет в машину; проткнуть рулон на полсантиметра от поверхности в глубину — значит вычеркнуть из обихода несколько десят[ков] экзем[пляров] газет.

[Вторая половина 1932 г.]

42

О РАЗЛИЧИИ ВКУСОВ. ОТВЕТ СТАРОМУ КРАЕВЕДУ И ПРОЧИМ ЛЮДЯМ ЕГО ВКУСОВ

Заметив, что я нередко советую молодежи изучать прошлое для того, чтоб глубже понять, лучше оценить настоящее и чтоб смелее, безошибочней идти в будущее, — заметив это, некий гр[ажданин] «Старый краевед» одобряет мои намерения. «Мы жи-

вем в эпоху угасания национальной культуры, — сообщает он, — и поэтому нам особенно необходимо развивать в молодежи на шей вкус к нашей истории». Мысль, достойная внимания. Но хотя принято говорить: «о вкусах не спорят», мне кажется, что так можно говорить только о вкусовых ощущениях чисто физиологического порядка: одному нравятся яйца всмятку, другому — печеные яблоки не только вкуснее, но и полезнее сырых. Можно думать, что если б проматерь Ева скушала печеное яблоко, так не было бы ни Библии и вообще — никаких историй. Но история существует, и я не думаю, что нашу историю возможно изучать и понимать вне связи ее с общечеловеческой историей. Особенно невозможно это в наши дни, когда — по единогласному утверждению буржуазной прессы всех стран — во всем мире новую историю творит «рука Москвы», и что вкус к творчеству этой истории довольно успешно развивается в трудовых массах всей земли.

История изучается для сравнения бывшего с тем, что есть, и для освещения того, *что должно быть* сделано трудовым народом для освобождения своего из железной клетки капитализма. Затем история изучается для утверждения некоторых, весьма сомнительных истин, наиболее просто и отчетливо выраженных в старинной опере «Аскольдова могила»:

В старину живали деды
Веселей своих внучат.

А, главное, потому веселее жили, что:

Без варягов управлялись
И с косогов брали дань...

Гр[ажданин] «Старый краевед» — явный сторонник изучения истории с этой точки зрения веселой жизни дедов, которые, по утверждению вышеназванной оперы,

Как простую пили воду
Мед и крепкое вино...

[1932]

Значительно укрепившееся внешнеполитическое положение Советского Союза, достижения первой пятилетки, громадный культурный подъем у нас, интереснейшие результаты работ наших научно-исследовательских ин[ститут]ов, экспедиций Академии наук, отдельных ученых почти во всех областях науки и знаний, значительный рост изобразительного и театрального искусства,

устехи нашей литературы, — все это приобретает исключительное, поистине всемирно-историческое значение на фоне политического и экономического хаоса в капиталистических странах, упадка науки и бедственного положения буржуазных ученых и, наконец, и в особенности — на фоне разгула средневекового культурфашизма, охватившего Германию и угрожающего Австрии, Скандинавии и др[ругим] странам.

Вот почему больше, чем когда-либо, следует обратить внимание на то, какими методами и с какими результатами ведется у нас работа по популяризации за рубежом достижений Советского Союза, работа громаднейшего значения по освещению и разъяснению происходящего у нас процесса коренной перестройки общества и человека, построения новой социалистической культуры, изменения географии страны Советов, когда все силы природы ставятся на службу трудящихся.

Недостаточность и неумелость нашей информации начинает серьезно тревожить друзей Союза Советов. Так, напр., Р. Роллан в одном из последних писем своих говорит это; в журналах, газетах, письмах читаешь изложение впечатлений, явно поверхностных и ложных, и часто бывает, что против этих впечатлений нечем возразить. Логика недостаточно, нужны факты. «Отсутствие надлежащей информации создает впечатление, что Союз Советов хочет вести жизнь обособленную и, не заботясь об укреплении своей *универсальности*, — утрачивает ее».

Помимо очевидной политической необходимости всемерно развивать и улучшать нашу популяризаторскую работу, налицо возрастающий интерес со стороны различных групп и лиц за рубежом к Советскому Союзу: количество запросов, писем по самым различным вопросам жизни и развития страны Советов увеличивается с каждым годом, поступаая от все новых и новых организаций, обществ и лиц.

Можно с несомненностью утверждать, что работа по установлению культурной связи с заграницей ведется неудовлетворительно, и целый ряд возможностей в разных странах не используется, не изыскиваются новые пути популяризации наших достижений за рубежом.

Наша работа должна быть в настоящий момент направлена в первую очередь в страны, некогда нас бойкотировавшие, с которыми теперь установлены более тесные отношения — Франция и Польша, Чехословакия и даже Балканские страны и, в частности, Америка.

Совершенно очевидно, что работа, которая недостаточно широко охватывает различные круги за рубежом, недостаточно популяризирует наши достижения различными средствами (выставки, выпуск произведений советских авторов за границей, помещение в зарубежной печати статей и очерков, составление для заграничных и [здательств] в книг и сборников на различные темы Советского

Союза, установление обмена письмами между отдельными научными деятелями, изобретателями, художниками и писателями, фоторепортаж, организация выступлений музыкально-артистических сил, ведение книгообмена и пр.), совершенно очевидно, что такая недостаточная, неполноценная работа наносит нам существенный урон.

Необходимо поэтому провести ряд практических мероприятий, благодаря которым можно было бы достигнуть коренного улучшения в нашей работе, уточнить задачи отдельных организаций, занимающихся этим делом, поставить опытных, знающих людей, подвести необходимую материальную базу под это нужное большое дело.

Эту работу проводят в настоящее время в основном ВОКС, Союзфото и «Фелетон-Бюро» Жургаза, не считая, конечно, ТАССа и чисто политической работы, проводимой Отд. печати НКВД. Но, повторяю, эта работа ведется неудовлетворительно и, в первую очередь, вина за это падает на ВОКС.

Первый и главный недостаток работы ВОКСа состоит в том, что эта организация не пользуется авторитетом — ни в Советском Союзе, ни за рубежом. ВОКС за время своего существования не завоевал себе авторитетного положения как среди нашей советской интеллигенции, среди наших советских ученых, научных организаций, академий и пр., так и, что особенно важно, — за границей, где к ВОКСу, о том есть целый ряд вполне проверенных данных, относятся с недостаточной серьезностью и с недостаточным доверием. Все это происходит не только в силу того, что ВОКС сплошь да рядом безобразно выполнял просьбы и поручения из-за границы, невнимательно относился к срокам и качеству выполнения этих поручений, работал и все еще работает кустарно и непродуманно, а главным образом в силу того, что во главе ВОКСа за время его существования и по сегодняшний день не стоит вполне авторитетный¹ коллектив, пользующийся достаточной популярностью у нас, известный за рубежом, знающий СССР и капиталистические страны.

До тех пор, пока во главе ВОКСа не будет поставлен такой² живой, инициативный, достаточно гибкий коллектив, — до тех пор ВОКС будет работать по-прежнему — плохо, канцелярски, на отшибе.

Второй недостаток работы ВОКСа состоит в том, что к его работе вовсе не привлечены общественные силы, если не считать нескольких специалистов, работающих в отдельных секциях ВОКСа. Наша общественность ничего не знает о работе по установлению культурной связи с заграницей³.

¹ руководитель, который имел бы полное основание предполагать, что само его участие в руководстве ВОКСа сможет объединить вокруг ВОКСа, как у нас, так и за рубежом, соответствующие силы. Во главе ВОКСа не стоял работник² работник³ [главным] о[бразом] только тогда, когда ВОКСом организуется банкет в честь приехавших иностранцев.

Надо так реорганизовать ВОКС, чтобы вокруг него собрался бы широкий творческий актив советской интеллигенции, образуя общественный Совет ВОКСа, и передовые слои интеллигенции за рубежом.

Конечно, при проведении этого мероприятия нельзя упускать из виду кое-каких специфических особенностей ВОКСа и тех соображений, которые в отношении ВОКСа имеются у НКИД.

Третий недостаток работы ВОКСа — медленность, с которой он подчиняет свою работу изменениям во внешнеполитическом положении СССР, не использует быстро и эффективно те каналы и те страны, где работу можно и надо проводить с особой настойчивостью, учитывая более благоприятно сложившуюся обстановку. ВОКС значительно отстает, он «поспевает» тогда, когда инициативу проявить уже гораздо труднее. Так, напр., в настоящий момент недостаточно ведется работа по линии Франции, Чехословакии, Польши, Америки, а также Балканских стран.

Четвертый недостаток ВОКСа — неудовлетворительная работа его заграничных представительств. Товарищи, которым за рубежом поручена работа, уделяют ей мало внимания, ведут ее нерегулярно и с самыми ничтожными результатами.

Плохо поставлена такая важная работа ВОКСа, как информация. Правда, ВОКСом выпускается журнал на трех языках, но выходит он с опозданием: в тек[ущем] году вышло всего четыре номера, пятый — майский — попадет за границу, наверное, в сентябре... Ясно, что материал стареет и, что так же весьма существенно, материал журнала сплошь да рядом составляется без достаточного учета специфических интересов и требований заграничного читателя, на которого он рассчитан.

ВОКС неоднократно пытался содействовать выпуску произведений наших авторов за границей, но без успеха.

Насколько мы не используем наших возможностей, показывает хотя бы тот факт, что, напр., Арктический ин[ститут] Академии наук до сих пор, несмотря на наличие за рубежом большого интереса к работам Ин-та, не попытался связаться с издательствами для выпуска своих изданий за границей. Ин-т осуществит, это теперь по инициативе Фельетон-Бюро — через Фельетон-Бюро.

Работа по размещению литературного материала за рубежом заслуживает особого внимания еще и потому, что т[аким] о[бразом] можно будет хотя бы до известной степени защитить права советских авторов, которые сплошь да рядом становились жерт-

〈Почему не〉 Нужно привлечь 〈актив〉 представителей наших научных сил, писателей, художников, изобретателей и др. к работе ВОКСа, почему не построить работу этого учреждения так, чтобы наша советская интеллигенция считала бы своим прямым [долгом] участвовать в работе ВОКСа, активизи[р]овать его работу по популяризации наших достижений за границей и пр.

вами политических проходимцев или просто жуликов, зарабатывавших на книгах наших писателей.

Иногда ВОКС посылает за границу статьи, но эти статьи очень редко попадают в зарубежную печать, и объясняется это в немалой степени тем, что материал, получаемый от ВОКСа бесплатно, нередко заставляет буржуазные редакции его «остерегаться» как материала официального или даже официозного характера.

⁴ Начинанием большой ценности в этой области является Фельетон-Бюро, которое недавно организовано Жургазом при активной поддержке НКВД и санкции культпропа ЦК.

Фельетон-Бюро, которое ставит себе целью продвижение в зарубежную печать — в журналы, газеты и издательства — произведений советских авторов, уже добилось кое-каких результатов, — получен заказ от одного из крупнейших буржуазных издательств в Англии на 12 книг о Советском Союзе; составлен специальный советский № ж[урнала] «Ведомости Литерации», послано за последние 6 недель во Францию, Польшу, Америку, Англию, Скандинавию [не менее] 34 статей, очерков, рассказов; ведется большая работа по получению специальных заказов от зарубежных издательств и пр.

Необходимо всячески поддержать работу Фельетон-Бюро, валютно-финансовое значение которого также весьма существенно. Надо было бы, если и не монополизировать экспорт литературного материала за границу, то во всяком случае во избежание вредной конкуренции на заграничном рынке рекомендовать Союзу писателей, художников, научным организациям и пр. прибегать к содействию Фельетон-Бюро по размещению, конечно, только наиболее интересного и ценного материала в зарубежной печати и издательствах.

Кроме того — выгодно будут использованы архивные материалы, из которых мы до сих пор не извлекли почти никакой валюты.

Дальнейшее промедление в урегулировании вопроса об освещении за рубежом научных достижений Советского Союза, использовании всех имеющихся возможностей и изыскании новых путей средствами, о которых в основном здесь упомянуто, нетерпимо.

Надо специально заняться вопросом о ВОКСе, — о его работе в СССР и за рубежом, о подведении под него достаточно крепкой материальной базы ⁵, о создании авторитетного, инициативного руководства его работой.

⁴ Надо во всей этой работе добиться перелома. Надо использовать все наличные и потенциальные возможности, надо активно взяться за дело продвижения в зарубежную печать советского литературного материала. ⁵ наконец, о поручении руководства авторитетному и инициативному товарищу

Было бы желательно поручить проработку этого вопроса небольшой комиссии с участием представителя Культпропа ЦК, Отдела печати НКВД, Мих. Кольцова и одного из представителей¹ науки, напр., Л. Н. Федорова.

[Июль — август 1933 г.]

44

[ЛИТЕРАТУРА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ]

жизненных удобств капиталистов каторжно служат сотни миллионов рабочих и крестьян; ради охраны власти капитала истребляются на междоусобных бойнях десятки миллионов наиболее здорового и трудоспособного населения. Для осуществления общечеловеческих целей биологической науки и ее особенно важной отрасли, медицины, нужны только десятки или сотни людей, которые решились бы отдать себя на службу науке в качестве объектов исследования техники всех процессов человеческого организма. На войне крестьянин и рабочий, истребляя иноземных крестьян и рабочих, жертвует своей жизнью в пользу капиталиста и для укрепления его власти над людьми физического и умственного труда, — в клинике, в лаборатории он пожертвовал бы не жизнью своей, а только временем на пользу своего класса, ради укрепления его здоровья, ради продолжения сроков жизни, деятельности человеческого организма. Вот — мечта, которая, я не сомневаюсь, превратится в действительность, не сомневаюсь я в этом потому, что ясно вижу победоносную и бесстрашную работу передовых групп рабочих и крестьян — работу на их освобождение от всех предрассудков истории.

* * *

Среди множества достижений партии б[ольшевиков] и рабоче-крестьянской власти огромным по своему значению, но плохо известным является факт организации биологических наук во Всесоюзном ин[ституте] Ак[адемии] м[едицины]. О значении этого факта вам скоро расскажут сами ученые, я скажу только одно: в Союзе Советов организовано научное учреждение, объединяющее около трех тысяч специалистов-биологов, которые ставят пред собою целью не столько лечение болезней, как изучение и создание условий устранения заболеваемости и продолжения срока жизни людей. Научного учреждения с такой целью нет и не может быть нигде в капит[алистических] странах, ибо эти страны

¹ видного академика

не заинтересованы в здоровьи тру[дового?] населения, а, наоборот,— болезни людей — выгодны, они питают широко развитую промышленность, вырабатывающую мед[ицинские] химикалии, аппаратуру, инструментарий и т. д. Не может быть сомнения, что по типу ВИЭМ у нас в С[оветском] С[оюзе] организуются и все иные научные дисциплины,— разум партии и власти, наверное, не преминут сделать это.

Процесс быстрого роста культурных сил страны не должен отставать от процесса организации этих сил и соединения их в единую силу, цель которой: изучая и объясняя явления мира — изменить его. Люди науки уже организуются для широкой плановой работы. Литераторы весьма много выиграли бы, последовав этому примеру. Речь идет, конечно, не только о физическом соединении сил, это не может дать особенно благоприятных и значительных результатов в среде людей крайне индивидуального труда, каким является труд сочинения романов, рассказов, стихов. Здесь необходима идея, которая внутренне, психологически объединила бы литераторов. Такая идея могла бы возникнуть в среде литераторов из сознания необходимости широкого и тесного сближения с текущей рабочей действительностью¹. Изолированное положение литераторов весьма быстро может поставить их пред фактом еще небывалым в дореволюционной истории, но вполне возможным в той новой истории, которую творит рабочий класс, факт этот: читатель может оказаться грамотнее писателя. Уже теперь со стороны читателей слышишь упреки, которые были совершенно невозможны в дореволюционном прошлом. Читатель спрашивает: «Почему литература наша безрадостна?» Почему «не удаются описания трудового энтузиазма?» Почему «в романах нет детей и вообще об детях не пишут?» «Надо показать, как техника перевоспитывает людей, вызывая в них стремление к знанию». «Внимание женщине уделяется все еще как любовнице, товарища не видно в книгах, а ведь в жизни она есть». Таких вопросов сотни. Весьма часто грамматическая их форма неправильна, но почти всегда социально-политическая грамотность совершенно ясна и заметно, что требования к литературе быстро повышаются. Отсюда следует, что требования литераторов к самим себе, к своей работе тоже должны быть повышены. Повышение проф[ессиональной] квалификации писателей невозможно без углубления и расширения интереса к текущей действительности. Конечно, весьма полезны такие экскурсии, как, напр[имер], прогулка по Бел[оморско]-Балтийскому каналу, но гораздо полезнее видеть не то, что уже сделано, а знать: как делалось, знать процессы, а не только результаты их.

¹ из их сознания необходимости [нрзб.] сближения литературы с наукой, быстро осваиваемой пролетариатом

Вот, напр[имер], процесс чистки партии, он даст наглядное представление о росте ее сил, о социальном качестве ее молодежи.

Между наукой и художествен[ной] литературой существует сродство, это сродство интуиция — домысел, догадка. И ученому, и литератору весьма часто для того, чтобы понять, необходимо вообразить ²...

[Не ранее 29 августа 1933 г.]

45

[ПОСЛЕСЛОВИЕ К СТАТЬЕ С. ЗОРИНА]

Тов[арищ] Зорин правильно указал на неясность линии журнала. Чему учит «Литературная учеба»?

Всякое обучение — есть обучение технике познания, технике деяния. Мир фактов, окружающих нас и творимых нами, можно представить как круг, внутри коего действуют два мотора — идея и деяние, они — точно спицы в колесе — то как бы обгоняют друг друга, то отстают одна от другой. Но это — ложнозрительное впечатление, — спицы в колесе неподвижны сами по себе, их перемещает движение колеса. Идея и деяние находятся в непосредственном движении, так же как непрерывна трудовая и организующая труд деятельность человечества. Рождение фактов предшествует рождению идей, но чем дальше, тем все больше факты творятся идеями. Значение нашего трудового опыта особенно ярко выразилось в том, что из тех самых хим[ических] соединений, которые общи всякому живому организму, люди выработали в себе нервно-мозговую энергию — силу чудодейственной остроты и мощности. Первоначально факты возникали физиологически из требований инстинкта, и хотя были разумны, но безыдейны. Рост количества фактов потребовал организации их, — необходимостью организовать факты созданы понятия. Идея это — понятие, охватывающее предельное количество однородных фактов.

Люди вошли в мир такими же нищими разумом, каковы кроли, волки и кабаны. Затем создали ряд великолепных культур,

² Часто бывает, что ученый и литератор, когда они чувствуют, что материал опыта недостаточен для создания руководящей гипотезы или образа, — догадываются, чем и как нужно заполнить обнаруженное в фактах опыта влияние. Интуиция играла огромную роль на пути от «случайного» наблюдения акушера Гальвани над лапками лягушки — до совершенных учений об электричестве как основе всех явлений физического мира. Случайность я взял в кавычки, потому что эта якобы случайность обнаружила связь нерва с внешним миром.

которые погибли, потому что создавались и существовали на рабстве. Эта необузданная привычка питаться пот[ом] и кровью людей губит на наших глазах культуру мировой буржуазии. Гибель культур объясняется невозможностью развития и обновления опыта в обществах, основанных на классовом начале, т. е. на древнем рабовладельчестве и чисто внешне обузданном. Там, где весь опыт, все разнообразие трудовой деят[ельности] масс поглощается интересами и потребностями одного класса, — там даже при наличии непрерывного насилия над большинством невозможна прочная орган[изация] общества, не говоря о том, что невозможна справедливая. XIX в[ек] — век развития промышленности — был веком истощения твор[ческой] энергии бур[жуазного] класса. Наиболее пронципат[ельные] представители его разума уже за сто лет до наших дней понимали, что это — так.

Сомневающиеся в правильности этого утверждения пусть поставят пред собой вопрос: как влияли научно-технические открытия, изобретения на интеллектуально-моральный рост буржуазии. Внимательно подумав над этим вопросом, они придут к ответу отрицательному, ибо вся научно-тех[ническая] деятельность века не изменила общий тип буржуа к лучшему, но даже понизила его сравнительно с буржуазией средних веков Евр[опы]. Мы знаем, что чем более богаты единицы — тем шире и трагичнее нищета масс.

Вот этот факт все еще недостаточно понят и учтен.

[После 19 ноября 1933 г.]

[ОТВЕТ А. Г. ПРИГОЖИНУ НА ЕГО ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ М. ГОРЬКОГО «О ЖЕНЩИНЕ»]

В заключительных словах моей статьи о необходимости разработать, написать, издать «Историю женщины» указано, что статья должна быть «критически проверена и дополнена». Это сделано, однако, мне кажется, сделано не очень убедительно, «на скорую руку», односторонне, догматически и — спорно. Напр[имер], небрежно написанная вставка к стр. 4-й говорит об «особых мерах сохранения жизни и опыта стариков». Следовало бы привести образцы таких «мер» и указать, что рядом с ними существовал обычай уничтожать стариков.

Вставка начата словами «мужчина-охотник» и характеристикой его, как «грубого животного». В заметке на поле рукописи говорится, что «мужчина не был только охотник». Далее сказано: «нет такого явления, чтобы беременная самка отделялась от остального общества», и признается, что «беременность и роды ос-

танавливали женщину так же, как должны были останавливать ранения, болезни». Роды человеческой самки издревле были актом, который удивлял и пугал самцов. У хевсуров до сего дня женщину выводят за пределы деревни, в особое помещение, где она родит без помощи ей и куда ей в течение месяца подают хлеб на палке. Это — легко проверить.

«В этнографии едва ли можно найти пример добывания огня женщиной». Если книги являются единственным и неоспоримым источником истины, тогда обязанность написать «Ист[орию] женщины» — исключается. Против сокращений, поправок и дополнений, внесенных в статью по «Истории женщины», я не возражаю; в заключительных словах статьи мною признано, что статья должна быть «критически проверена, дополнена, разработана». Однако считаю нужным указать на следующее: стр. 6 — «современная наука абсолютно исключает такого рода факты, как рождение собакоголовых людей» — рекомендую взглянуть в «Анатом[ический] атлас» Гюнтера, приложенный к его книге «Происхождение человека», — там даны портреты собакоголовых и хвостатых мальчиков, многогрудых женщин. Цирк Барнума в 906 г. показывал двух собакоголовых, метиса и белого; в первой половине 90-х гг. на Нижегородскую ярмарку в цирк Акима Никитина привезен был сын забайкальского казака тоже с головой собаки. Местное Общество покровительства животных запретило показывать его.

Ст. 14—9 о «цензоре» и «живучести эпоса». Мне кажется, что отрицать бытие «цензора» не следует, он всегда существовал и исправлял все, что было «против шерсти» ему, исправлял и эпос, признаки этой работы можно проследить в ряде книг, напр[имер] Потанина «Влияние Востока на западноевропейский эпос». Живуч костяк эпоса, а кожу с него снимали многократно, и было бы странно, если б этого не делали. Из сотни Евангелий признано четыре. Лёнрот записал «Калевалу», но игнорировал эстонский «Калеви[позг]».

[Конец марта — начало апреля 1934 г.]

[О ФАШИСТСКОМ ТЕРРОРЕ]

Исполняя волю организаторов новой войны, которая неизбежно будет всемирной, фашисты Германии, ставленники банкиров и фабрикантов оружия, опубликовали 2-го мая весьма интересный закон. По смыслу этого закона *всякое действие и даже намерение, направленное к изменению социально-экономических условий в интересах и на пользу рабочего класса, рассматривается как «из-*

мена отечеству». Определение степеней этой измены возлагается на Народный суд, который «состоит при главном разбирательстве из 5-ти членов, а вне главного разбирательства из 3-х членов. Председателем и еще одним членом суда должны быть судьи, а остальные члены суда должны «располагать особым опытом в области борьбы против антигосударственных преступлений»¹. Члены Народного суда назначаются рейхсканцлером по предложению имперского министра юстиции на пятилетний срок. Решения Народного суда обжалованию не подлежат. Предварительное следствие необязательно, если по мнению прокурора в таковом нет надобности. Нет также необходимости в особом решении о сроке главного разбирательства. Выбор защитника нуждается в утверждении со стороны председателя суда.

Стремление пролетариата изменить условия жизни наказуется, по «закону» фашизма, заключением в каторжную тюрьму сроком от двух лет до пожизненного, а если суд найдет, что и этого мало, применяется смертная казнь. Закон этот еще раз и вполне убедительно говорит пролетариату, что у него — нет «отечества», что национальные организации капиталистов это — организации его непримиримых классовых врагов.

Закон этот говорит, что национальные организации капиталистов, готовясь к новому — для более удобного грабежа — распределению между собою трудового населения мира и сокровищ земли, понимают, что революционный пролетариат имеет право и обладает силой помешать им, капиталистам, в устройстве международной бойни.

Закон этот, наверное, попробуют — по примеру Германии — ввести в своих «отечествах» капиталисты других стран. Намерение их — ясно: истребив пролетариат революционный, — что уже начато, — запугать пролетариев, еще не сознающих свое законное право на власть и свое историческое назначение — объединиться во единую всемирную силу, уничтожить безответственное, бесчеловечное, угрожающее гибелью всей культуре хозяйничанье феодалов капитализма, которые все более цинично обнажают свой бандитский характер.

Запугав политически несознательный пролетариат, его хотят двинуть на безумное дело взаимного истребления, хотят заставить пролетариев перестрелять друг друга, отравить газами — обратить против себя все средства уничтожения людей, созданные по команде капиталистов руками тех же пролетариев.

Это — страшно? Нет, потому, что естественно и понятно. Подлое безумие богатых вырастает на глупости бедных. Но в стране, где глупость была особенно тяжкой, особенно мрачной, в этой стране из «Искры» Ленина возгорелось пламя, которое ныне освещает пролетариату всех стран его исторически неизбежный путь

¹ Ясно, что здесь подразумеваются сыщики, провокаторы, предатели.

к власти. Нигде в мире кровь рабочих не проливалась так легко, обильно и безнаказанно, как проливали ее в России царей Романовых.

За время 1801 по 94-й четыре царя убили рабочих и крестьян: 64 214 человек. За 23 года царствования Николая II-го убито 135 092 человека. С 905 по 912-й сидело в тюрьмах 1 217 672 человека ².

Пролетариату России очень дорого пришлось заплатить за то, чтоб понять: царь и капиталисты сильны его силою, они могут существовать лишь до поры, пока рабочий класс не отказывается служить корыстным и бесчеловечным интересам своего врага. В бывшей царской стране рабочий класс понял, что все продукты труда принадлежат тому, кто их выработал, тому, кто добывает железо и делает оружие, понял и — стал добывать железо, делать оружие не для защиты хозяев, а для самозащиты.

Это напоминает не для того, чтоб кого-то утешить, а чтоб воздать врагу должное: в конце концов он не плохой учитель, и настойчивость его ненависти особенно поучительна. Ему очень хотелось убить Димитрова, — не позволили. Теперь он собирается убить т. Тельмана, — этого убийства тоже не следует позволять, и пролетариат в силе не позволить. Дело, конечно, не в том, чтобы уговорить зверя вести себя милостиво по отношению к человеку, попавшему в его лапы, а чтоб вырвать лапу из плеча вместе с головою зверя.

Но если будем мы только внушать: не убий! или даже кричать: не смей убивать! — это будет наивным отрицанием права истребления врага в классовой войне — единственной, которая неизбежна и оправдывается всем процессом развития истории человечества. История требует уничтожения паразита, капитализм — паразитивное явление, ибо, бесплодно истощая энергию трудовой массы, он грозит миру вырождением.

Фашизм, практикуя террор, организует в массах ненависть к нему, — ненависть организует массы на неоспоримо справедливую месть врагу. Враг осужден и погибнет, тем скорей, чем более безумна и подла будет его неистовая жажда крови.

Все очень просто и ясно, все это давно и многократно говорилось. Пора уже понять.

М. Горький

[Между 9 и 24 мая 1934 г.]

² Исчислены только убитые во время восстаний и «карательными отрядами». (См. [С.] Ушеревич. «Смертная казнь в [царской] России». [Харьков,] Изд. Всеукраинского Совета О-ва политкаторжан» [1932]. *Экземпляр книги с пометами писателя хранится в ЛБГ.*

[МИФ И НАУЧНАЯ ГИПОТЕЗА]

Не один я настаиваю на необходимости возвратиться к древним основам гипотезического мышления, возбудителем коего служила примитивная технологическая мысль, возбужденная, в свою очередь, — трудовыми процессами. Необходимость эта понятна, напр[имер], группой английских ученых и литераторов, которые издают с 23 года серию книг под общим титулом «Сегодня и завтра». Книги эти, исходя от мифов древности, опираясь на всю мощь современной научной мысли и техники, рассказывают о логике гипотезы, об эволюции техники и гипотезически намечают возможное будущее. Заголовки книг таковы: «Икар или будущее науки», «Тантал или будущее человека», «Пигмалион или врач в будущем», «Эвтерпа или будущее искусства», и т. д.

Насколько дерзка и уверена в своей силе научная мысль, об этом говорит книга Haldan'a, утверждающая, что в 1951 г. появится первый «эктогенный» ребенок, т. е. ребенок из оплодотворенного яйца женщины, развившийся вне матки ее, в среде, искусственно созданной и, конечно, вполне совпадающей с условиями внутриматочного развития плода. Эта гипотеза того же порядка, как гипотеза утилизации силы вращения земли вокруг ее оси, или гипотеза уничтожения льдов Арктики.

Скептицизму невежд очень легко высмеивать такие гипотезы, ибо невеждам неизвестен тот факт, что все чудеса культуры построены на гипотезах, созданных в глубокой древности материалистической мыслью, которая работала согласно с умной силой рук, не отрываясь от этой силы. Иными словами: в глубине фантастики мифов заложены основы технологического мышления, неизмеримо более умные, чем «научные фантазии» Жюль Вернов и Уэллсов. Отсюда явствует, что древние художественные обобщения процессов труда и стремление облегчить борьбу человека с силами природы, что именно эти процессы и это стремление — первоисточник философии, технологии, науки.

Скептицизм современных варваров и невежд, отравленных метафизикой философов идеалистов и мистикой церковников, конечно, имеет основание усмехаться, ибо, знай! — это он оторвал голову огромному большинству человечества, чем и было задержано на тысячелетия нормальное развитие общечеловеческой культуры трудящихся.

[Август 1934 г.]

[ОБ ИСТОРИИ]

Благо — древнеславянское слово и, в сущности, значит — добро. Ученый наш языковед Потебня производил это слово из санскритского глагола «чандра», что значит по-русски — разделять. Часть, отделенная от чего-нибудь, называлась по-санскритски «бхага». Мы, славяне, произносим это слово как — благо. Вероятно, из него мы построили слова: богатырь, богатый. Богатый — счастливый. Весьма возможно, что в древности счастливым называли человека, который наделен был за какие-нибудь подвиги частью коллективного родового имущества, наделен частью общественного блага, добра. Всякое благо рождается трудом людей. Землю мы называем плодородной, это дает нам право назвать труд также благородным. Значит: действительно благородны не дворяне — придворные, дворовые люди князей и царей, — люди труда, люди, производящие общественно полезные «блага жизни», а не те, кто пользуется их трудом, кто живет чужим благом.

Есть такое слово — благородство. Его захватили себе дворяне, и на их языке оно значит, что дворянин это — человек как-то особенно хорошо рожденный, хотя, к сожалению, все люди рождаются одним и тем же порядком: цари, архиереи, генералы, так же как волки, телята, поросята.

* * *

〈Существует наука — история. Раньше, чем писать историю, люди создавали ее устно, рассказывая друг другу о трудовых подвигах наиболее удачливых единоплеменников своих. Рассказы эти имели форму легенд-сказок, и значение подвигов личности, индивидуальности всегда преувеличивалось в этих легендах. В древности, когда трудовой народ был технически беспомощен, не вооружен, — преувеличение трудовых подвигов человеческой единицы имело глубокий и серьезный смысл, оно учило людей подражать лучшему из них, наиболее искусному в деле борьбы с природой — в деле вооружения племени орудиями труда и в стремлении облегчить свой личный труд, свою жизнь. Была создана легенда о Прометее, человеке, который будто бы похитил огонь с небес. В основе этой легенды лежит реальный факт: Прометей — человек, который впервые научился добывать огонь посредством трения двух кусков дерева. Такие же реальные факты положены и в основу двенадцати сказочных подвигов Геркулеса. Все герои и все боги первобытных людей прежде всего — мастера, люди

труда. Скандинавский бог Тор — кузнец, так же как греческий Вулкан, Локи и Аполлон — изобретатели лука, стрелки; богини Фрейя, Геба — изобрели опьяняющие напитки. Даже в позднейшее время наше крестьянство приписало изобретение плуга князьям Борису и Глебу или «просветителям славянства» Козьме и Дамиану. Флор и Лавр потому «святы», что они искусные пастухи. Пантелеймон «свят» потому, что хороший лекарь. И почти каждому «святому» народ приписывает то или иное трудовое качество.

Буржуазные ученые, разрешая вопрос о происхождении религии, написали весьма много различных премудростей и совершенно исключили из так называемого «религиозного» творчества народов — трудовое начало. Устное, «религиозное» творчество народа по существу своему является не чем иным, как творчеством чисто художественным и совершенно лишенным признаков церковной мистики, цель которой — затемнить, запутать, ограничить свободное творчество разума, — разум растет и развивается только в процессах труда и на фактах труда. Вопрос о происхождении религии должен быть пересмотрен марксистами именно с точки зрения трудовых процессов и, кроме того, с точки зрения инстинкта пола. >

* * *

Устная история народа, как она выражена в легендах, сказках, преданиях, резко отличается от церковных «житий святых». «Святой» в представлении народа — «свой человек», искусный учитель, мастер какого-нибудь дела, он трудился для «мира», «спасал мир» и всегда был ближе народу, понятнее ему, чем бог. Церковные «святые» бежали от «мира» в пустыни или же трудились только для церкви, для «укрепления веры», т. е. — для подчинения разума и воли людей учению церкви, которая служила и служит интересам государства, т. е. — интересам командующего класса капиталистов. Церковь усердно и умело способствовала развитию индивидуализма, отрыву личности от коллектива и утверждению власти личности над коллективом. Именно ради этого она выдумала мистического, непостижимого разумом бога, папу, его «наместника на земле», «самодержавных царей» и различных «героев», не подлежащих суду людскому.

«История», писанная учеными специалистами, весьма похожа на церковные «жития святых». Это, по преимуществу, история «героев», «великих людей», которые, якобы, обладали исключительными силами, талантами, дарованиями. Хотя некоторые историки озаглавили свои книги «История народа», но народ, главный творец истории, обыкновенно отсутствует в этих книгах, и основным содержанием «истории» является рассказ о «роли личности», а не о труде масс. Но «личность» буржуазных историков это не та

личность, которую создавал и даже «обоготворял» народ в его художественном творчестве, в его легендах. Личность историков — всегда завоеватель власти над народами, над классом трудящихся, это человек, так или иначе утверждающий свое право и право своего класса на угнетение трудовых масс.

«Это — чужой и даже враждебный человек людям труда. Закоренелый индивидуалист, он даже тогда, когда разумом принимает социализм как историческую необходимость, все-таки, в моменты революционных движений рабочего класса к власти, становится на сторону его врагов, как мы наблюдаем это в поведении вождей социал-демократии.

Индивидуализм в буржуазном обществе стал уже неизлечимой болезнью. Индивидуалист может быть атеистом, безбожником, но в его отношении к самому себе, в его самооценке всегда чувствуются признаки церковной, религиозной мистики. Индивидуализм это — заразная и опасная болезнь, корни ее в инстинкте собственности, воспитанном веками, и покамест существует частная собственность, — болезнь эта будет неизбежно развиваться, уродуя и пожирая людей, как проказа.

XIX век — век быстрого развития промышленности и расцвета буржуазии — выдвинул весьма много «философов», защитников индивидуализма. Эта зоологическая философия особенно ярко изложена Максом Штирнером, Томасом Карлейль, Фридрихом Ницше, она отразилась и в сочинениях русских писателей: К. Леонтьева, Достоевского, даже в книгах народника Лаврова-Миртова, и для европейской интеллигенции она до сего дня служит — «священным писанием».

Все вышесказанное говорится для того, чтоб разбудить в нашей.,>

[До 5 сентября 1934 г.]

[О ФОЛЬКЛОРЕ. ФРАГМЕНТ СТАТЬИ]

«Одно из бесчисленных и преступных искажений владыками жизни разума трудового народа выражается в том, что труд, всеобщий учитель народов, был опорочен. Церковь провозгласила его наказанием бога за грехи прародителей. Созданы [были] такие условия труда, при которых он, единственный источник ценнейших знаний, возбуждал и возбудил у трудящихся недоверие и даже ненависть к знанию как порабителю человека. Труд стал тяжелой подневольной работой, из которой исключена [была] радость творчества. Уже в древнейшем фольклоре в легенде о бочке Данаид, о камне Сизифа и пр. легендах этой темы мы имеем

оценку труда как тягостной бессмысленности. Само собою разумеется, что труд не мог потерять смысла для тех, кто широко пользовался его плодами, и что не эти люди могли создать аллегорические рассказы о бессмысленности труда, который обогатил их. Совершенно ясно, что благообразные веселые боги Олимпа созданы людьми не того мироощущения, которое создало сатирически уродливые образы Кашея бессмертного, Лиха одноглазого, Бабы-Яги и прочих. Вполне возможно, что древнее предание о гигантомании — борьбе богов с земленогими титанами — является отзвуком борьбы жрецов с ремесленниками.

Буржуазные историки культуры рисуют процесс накопления знаний, развития разума, организации идей как процесс, истоком которого служила не хозяйственная деятельность, а «пытливость их разума».

Одни создавали бога как своего защитника и покровителя, другие создавали маскировки, образы классового врага. Земленогостью титанов подчеркивается, конечно, их земное, грубоплотское начало.

[1934—1935]

III

ЗАМЕТКИ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

[БЕРЛИН. АМЕРИКА. ИТАЛИЯ.]

[1] Приезд в Берлин. Грязь. Стачка кучеров. Нес чемодан.
1 Условия стачки. Углекопы¹: в кассе трехдневный заработок — стачка продолжается три дня. Стачка кучеров: на плох аях, куда выходят несколько улиц, полиция запретила кучерам ездить, дабы они не мешали движению трамов — сделано в угоду акционерам трамваев. Кучера предлагают кондукторам поддержать их. Кондуктора отказывают, ибо² стачка совпадает с днями торжеств — серебряная свадьба Вильгельма³ — моментом наибольшего движения — и свадьба принца Этель Фридрих[а]. Это нанесло бы ущерб акционерам и пошатнуло б положение кондукт[оров] и без того близкое <к> краху ввиду скорого введения автомобилей вместо электрических двигателей.

Дрессировка. Оратор начинает речь: я буду говорить, вероятно, не более десяти минут, ибо полицейск[ий] остановит. Так и есть. Оратор улыбается, публика — тоже. Мирно расходятся. Нищета. Нищич не пускают на улицы. Если увидят ребенка в
2 рваном платье или босого, штрафуют, выселяют.

[2] Сосны, как медные струны.

[3] Старый орел — Бебель — фрау. Либкнехт. Каутский и фрау. Буржуазность театр[альной] публики.

Склонность к сентиментализму. Обращение с животными. Дети на улицах.

Безвкусица построек, обстановки.

Кормилицы — естественный подбор. Как буржуа в своих удобствах обращают женщин в коров.

[4] О проституции.

Не имеют права вступать в «тесные сношения». Не входить в частные жилища⁴. Обязаны жить в известном квартале⁵.

[5] Ловкость в работе. Уменье строить леса.

[6] Банкет с художниками.

Самые приличные люди — лакеи, которые служили в этот вечер. Мак[симилиан] Гарден, Лу Андреас Саломе. ⁶Либерман — его ссора с В. Ф. — его спекуляция на это[м].

¹ Углекопы — *вписано*. ² дни ³ серебряная свадьба Вильгельма — *вписано*. ⁴ Не входить в частные жилища — *вписано*. ⁵ не выходя из него ⁶ А есть

3 [7] <— М[илостивые] г[осударя] и м[илостивые] г[осударяни],

Вчера м-г Морфи сказал по моему адресу несколько любезных слов, и его слова были приняты вами ⁷ со вниманием, очень лестным для меня. ⁸ Я узнал об этом ⁹ уже тогда, когда все разошлись из зала, ¹⁰ и вот почему только сегодня приношу ¹¹ м-г Морфи и всем вам мою ¹² искреннюю благодарность за тост. ¹³ Позвольте же и мне поднять за ваше здоровье и счастье полный бокал от полного сердца.

Несколько дней среди вас в пустыне океана ¹⁴ навсегда останутся в памяти моей.

ж. 4 Жизнь моя очень разнообразна, тревожна, порою тяжела, — но все, что я переживаю, только укрепляет в душе моей ее веру в человека, веру в людей.

М[илостивые] г[осударя],

Хороши люди! — вот что я говорю.>

ж. 5 [8] Человек, который умеет внимательно слушать, ¹⁵ всегда услышит голос правды.

Ах, порой правда говорит так тихо, иногда она говорит так осторожно, что нужно иметь очень чуткое сердце для того, чтобы услышать ее слова. ¹⁶ Новая правда, та, которая зовет весь мир к возрождению, говорит торопливо, грубовато, неуклюже, как молодой, крепкий, деревенский парень, который впервые почувствовал любовь и жаждет ее, и стыдится чувства своего, и знает в то же время, что это святое, великое, творческое чувство!

ж. 6 [9] Не мешайте вина с водой и политики с мошенничеством!

[10] Европа — старая эстетика, усталая, болезненно-нервная жизнь. Много острых мыслей, дряхлость чувства.

Америка — нет эстетики. Грубоватая бодрость молодой страны, здоровая нервность политической и социальной юности.

Евр[она] — отстрадала. Страдания духа сделали ее аристократически брезгливой. Движение пролетариата, несущего с собой новую религию, не возбуждает в ней ничего, кроме страха.

Ам[ерика] — еще не болела муками духа неудовлетворенного. Со вниманием молодости слушает все, о чем кричит жизнь, идет всюду, куда зовут ее голоса.

⁷ Исправлено, было: и вами эти слова были приняты ⁸ Первоначально было: а) Не понимая б) Не зная языка, я не понял ⁹ слишком ¹⁰ по[чему] ¹¹ м-г Морфи и всем — *описано*. ¹² Далее было: а) благодарность за тост б) благодарность за внимание, которое тронуло мне сердце и которое ¹³ Он тронул мне сердце, и это так приятно, тем более, что я знаю <ва...> мы русские не пользуемся симпатией Европы <она нас>, <зная бездарное русское правительство> и я знаю это, к сожалению. ¹⁴ Первоначально было: а) Мы провели несколько дней среди океана под небом всем нам родным б) Несколько хороших дней среди океана под небом всем нам родным в) Я не забуду эти <нес[колько]> дни в пустыне океана <и ваши> и не забуду ваши лица ¹⁵ услы[шит] ¹⁶ Ча[сто]

Примеры — Нойз, пастор известный, — объявил себя социалистом. Социал-миссионер. И т. д.

Мистер Нойз — пастор.

Миссионер.

[11] Пр[офессор] Хислоп, спиритуалист, философ. Горловая чохотка. Выкинули.

Miss Болч — 18 лет препод[авала] пол[итическую] экон[омию]. Объявила себя социалисткой. Письмо в коллегия. Ответ: «Очень хорошо. Надеемся, что вы останетесь в наш[ем] универ[ситете]».

[12] Джон Браун — герой освобож[дения] негр[ов].

[13] Мери Бекер Эдди.

[14] Miss Брукс, профессор физики Колумбия¹⁷ колледж.
¹⁸Выходит замуж за профессора Девидс того же универ[ситета]. Началь[ница] колледжа, старая дева, заявила, чтобы после замуж[ества] Брукс не смела явиться в колледж.

— Профессора-товари[щи] не протестуют.

— Почему вы не протестуете?

— Невозможно. Никуда не примут. А — скаж[ут] — это та Брукс, о которой писали в газетах...

[15] *Вильшайр*. Социализм восторжествует не ранее, чем будут выстроены все фабрики, все ж[елезные] д[ороги], все суда! Люди останутся без работы и тогда!..

Землетр[ясение] в С.-Фриско вызвало у этого господина рассужден[ия] о пользе землетрясений. Землетрясения дают людям работу, и потому они полезны. Противоречие с основным взглядом...

л. 8 [16] Отражая на своем лице золотые грезы неба ночи.

[17] Погиб талант...

Осталось сердце, и я зажег его огнем ненависти¹⁹, пламенем презрения к вам, добрые, милые, сострадательны[е] люди! Я буду теперь ходить вдоль и поперек по темной, грязной клетке, которую вы зовете вашей жизнью, и освещать ее углы и²⁰ всех воров идей, убийц правды и²¹ всех темных людей.

И брызгать им в лица кровью и желчью сердца моего в лица им, в эти лживые вывески публичных душ.

[18] <Вся эта сволочь, сметенная скукой.

— Животное! Прости людей!>

[19] <Чарли Форстер.

— Детей больше, чем медведей.>

л. 9 [20] Доктор, зарезавш[ий] дядю, чтоб научиться операции аппендицита.

Гейша в монастыре.

[21] <Обезьяна с ребенком на Куни Айланд.

«Луна Парк». Огонь.>

¹⁷ универ[ситет] ¹⁸ Объяви[ла] ¹⁹ и ²⁰ вас ²¹ прочих

[22] Обедня в Торонто.

[23] Бумажка в воздухе среди огромных домов.
Великие слова.

[24] <Мов. Моб.

Оттого, что не люди,
а дроби, куски.>

[25] «*Colliers magazine*».

Статья об анархистах.

Нитцше, Луиза Мишель, Андреев, Кропоткин, Брешковская, Горький и т. д.

«Америка является местом, куда Европа сметает свои отбросы».

Издатель — социалист.

Хёрст. История с барыней-филантропкой, обвиненной газе той в краже.

С художником. Со мной. Бризбен.

[26] Жрецам и проповедникам.

л. 10 Вам всем необходимо прогнать самих себя сквозь строй правдивой мысли, вы все должны омыть грязь ваших душ в горячих источниках правды.

Нет ничего печальнее искаженной мысли. Даже невинная девушка, изнасилованная животным, может ²² надеяться, что ее поймут и полюбят, а изуродованный цветок мозга лишен этой надежды. Грубые люди ценят одежды выше тела и слова для них дороже смысла, они не ищут душу слова и, даже когда мысль ²³ неясно сказана, она уже игрушка для них, а когда ее умышленно искажают, люди только смеются грубо и пошло над нею.

л. 11 [27] Разве потускнели звезды от того, что сказал о них Лалас?

<— Собрать немедленно всех рыжих!

— Рыжие готовы! В[аше] б[лагоро]дие.>

[28] Я думаю, что человек сказал — я после того, как произнес — мое, раньше он говорил — мы.

А [некдоты].

12

[29] — Сделайте бюст моей руки.

²⁴ — Сожалею, но не могу, она не обладает нужными для бюста формами.

— Четыре сына и все мальчики.

Колумбус — Огайо.

Наследство. Красное платье. Коньки. Билетер, доллар в день — на роль мужа.

Завещание Гульда:

Деньги — мои. Я имею право распор[яжаться] ими. Или они не мои — зачем же вы ²⁵ не отняли их у меня, если считаете, что я их украл?

²² еще ²³ даже ²⁴ К со[жалению] ²⁵ ост[авили]

Я не думал, что бог теряет время на то, чтобы следить — две конфетки съел мальчик или одну?

Гостям.

Ведь вы — гости, а они платят!

13 [30] Эксцентричная девушка.

Грес Джонс.

[31] <В пустынном море далекого севера под серым пологом холодного неба у берегов²⁶ черного острова — ²⁷бесплодного камня, изрезанного морщинами, круто опустившего в свинцовые волны свои голые бока, — тихо качаясь, трется о камень голубые льдины и печально звенят в мертвой тишине северного моря. Печально звенят. Усталые льдины — они долго носились по холодным волнам над бездонной глубиной, толкали друг друга и печально звенели. — Зачем?>

[32] Надпись на книге.

<Суди людей строго — чем строже, тем лучше для них — но не злись. Ты злобой ²⁸ не принесешь им ни пользы, ни вреда, но себе несомненный вред. Ищи во всем хорошего и, обличив, отталкивай дурное. В конце — увидишь, что в твоей душе ²⁹ больше хорошего, мало дурного.>

И да будет возможное необходимым!

[33] В наше время только природные рабы не чувствуют насилия над собой.

15 [34] В Монреале, как и в Вятке, деревянные тротуары.

[35] Но ведь это правда?

— Не говорите ему правды, правда — для нас.

[36] Выскочки — вчерашние нищие.

Обладая невежеством бедняков, они сразу получают огромную власть богачей и на все налагают печать своей пошлости.

[37] Встреча Алисы Рузвельт. 50 тысяч чел[овек] рвали платье.

л. 16 [38] Масса женщин в магазинах. Устройство их — комнаты для чая, отдыха, свиданий и т. д.

[39] М-г Тульс.

— Не надо ругаться — это бесполезно и грешно, более чем воровство.

[40] Огайо. Колумбус.

Митинг газет[ных] мальчиков. Рваные мальчики, фешенебель[ные] дамы, судья, купивш[ий] место на деньги местного ³⁰ трактир[щика], которому необходимо «ломать закон», обвинен в краже 1000 д[олларов], говорит о честности мальчишкам.

Мальчишки знают.

[41] Буффало. Газета.

«Театральная революция».

²⁶ темного ²⁷ голого камня ис... ²⁸ Исправлено, было: Ты этим ²⁹ одн[о]
³⁰ винотор[говца]

Антуан в ст[аром] Одеоне переделал места для публики. Отныне в его театре все будет видно и слышно с каждой точки. Министерство искусств поражено энергией Антуана. Но он революционизирует и сцену — в сезон он ставит Юлия Цезаря в переделке мистера Граммона и пьесу³¹ Виньи.

17 [42] Газета в Ниагаре.

«Литератор должен быть вежлив».

[43] ³²Французские жен[щины], которые делают моду, <m-me> барон Анри Ротшильд, Эдуард Ротшильд, урожденная Ханьорес, m-me Вандербильт, m-me Форест, урож[денная] Гольдштейн.

[44] Волк Юрош-Ковальского — реклама о мехах.

Шекспир — соус.

Бисмарк —

Отсутствие уважения к личности.

[45] Гонятся за большими деньгами — непрактичность — масса бумаги, дерева, леса пропадает.

[46] Начало

«В интересах справедливости, которая, кстати сказать, относились ко мне всегда скептически».

18 [47] «Я оскорбил своим присутствием только Нью-Йорк».

[48] Кливеланд — дым, никогда нет солнца, изумитель[ные] машины.

Рокфеллер — великий человек, его дома.

Гарфильду памятник, вход 10 cen[t] за каж[дог]о челов[ека], абсолютная тишина. Нельзя курить.

Funeral car — похорон[ный] вагон.

Театр «Ночь в Париже» — Цинизм. Грубость увеселен[ий].

«All right».

«Великий» Вандербильт.

Ура — автомобилю.

[49] Продолжительность путешествия измеряется количеством потерянных вещей.

[50] История сенатора Платт в Нью-Йорке, о ней телеграммы в Буффало, Кливела[нд], Детройт.

[51] Nobody — «Никто»

Сразу people — сумас[шедшая] стран[а].

Крези пипл

19 [52] Монреаль.

«Во всей истории строителями жизни были люди церкви, солдаты».

[53] «Человек в стороне» среди итальянцев в «Кошмар».

Пение гимнов.

«Very fine»! Вэри файн!

л, 20 [54] Кошмар.

«Томбола» — 24! — 43!

³¹ Де ³², нрзб.

Патер белый, жирный. «Тальянцы — прекрасный матерьял для религии, они очень моральны. Томб[ола] спасает их силы от разрушения — все играют вместе, всей семьей».

Разговор о религии. Отрицательное отношение рабочих. Обедня — все молятся.

Мальчишки бросили в поющего итальянца корк[и] апельсина.

— Они вас побьют!

— О нет, они добрые.

— Зачем же вы бросаете в них?

— Потому что они добрые.

Красивая американка.

(— Все дамы из зажиточных семей на зиму едут в Евр[опу], оставляя мужей)

— Ура! Я победила капитана.

Девуцы.

— Ах! Мы всегда так счастливы, когда он обратит на нас внимание.

Патер.

— Народ еще скот и потому необходимы две морали — одна для общества, другая для народа.

Везет в Рим нескольких семинаристов на поклон папе — попы за столом.

21 Дамы.

— Самое большое счастье для девушки выйти замуж за богатого человека. Иметь все, чего хочешь, — что может быть лучше этого? Двое детей — мальчик и девочка.

— Дети — это хорошо, но уже после ³³ 30 лет.

— Она очень умна — все знают, что у нее есть любовник, но кто? Она удивительно тонко ведет свои дела.

Больные итальян[ские] дети.

— Нас держат, как свиней, — мы будем держаться, как свиньи.

Обеды, костюмы, шутки.

Рвота. Завистливые взгляды на нее.

Серое небо. Азорские острова.

— Я была везде, кроме России, но там всегда или холера или революция.

— Почему это нет обедни и в первом классе?

— Потому что капитан не женат.

— Но какое отношение?

— Женатые все религиозны.

— Капитаны.

22 — Какие у них могут быть огорчения? Это животные, которые всегда довольны, когда сыты.

Били матроса.

Девушка. Роды. Адвокат — телеграмма в эмиграционное бюро о ней.

— Это проститутка.

Условия приема эмигрантов — осмотр женщин. Обеды чиновникам эмигр[ационного] бюро 8 франков с билет[а] на обед.

1-й класс решает собрать 150 дол[ларов] и предложить какому-нибудь итальянцу взять девушку замуж. Ребенка бросили в океан.

[55] Условия эмиграции. Комиссары, прием, обед чиновник[ам] по 8 фр[анков] с человека.

л. 23 [56] Страна подрост[ков]

«Сатурналия» Бонди куплена Метрополитаном. Комитет музея бракует, ибо музей посещают молод[ые] девушки. Статую прячут. Художник протестует. Вмешательство итальянского посла. Секретарь Сената Рут — председатель комитета музея. Столкновения с послом. Посол подал в отставку. Директор Метрополитана умер, убитый глупостью.

«Агрикультура» — гол[ый] мужчина с лопатой на крыше биржи Нью-Йорка. Протест женщин — убрать голого! Решение — не ходить по улице Вольстрит. Похвальба пуритан:

— Ни одна порядочная женщина не ходит по Вольстрит.

Какое разнузданное и живое воображение нуж[но] иметь, чтоб видеть неприличное даже на такой высоте!

л. 24 [57] Цинизм женщин. Любовь к золотым украшениям. Грубость их. Магазины-рестораны, кафе. Примерка корсетов.

День женщины-высочки.

Театры. Слезы. Пудра.

л. 25 [58] Одежды белою пеной,
В безумном задумчивом танце,
Крутятся и плещутся волны
В пустыне немой океана.

л. 29 [59] «За нами — никого, все впереди».

[60] Темная фигура его души ³⁴, тень его как...

[61] Старые ракиты над рекой тихо кача[ют] ветвями, слушая отдаленный зов благовеста.

л. 30 [62] Сатана — инстинкт.

Не противься злomu — не борись с инстинкт[ом]?

л. 36 [63] Знаю — не могу состязаться с вами в учености и не пытаюсь — владейте имуществом вашим — не отниму, хотя и сомневаюсь в ценности его.

Но есть у меня нечто, дающее мне право говорить с вами как низшими против меня, — право это дано мне опытом моим, знанием жизни и людей, которое дороже книжного.

л. 55 [64] По сборнику.

³⁴ и

26-го декабря написано Вер[есаеву] с предложением: перевод с итальянского, с польского, статей Бржозовского, Ойетти, переговоров с Лунач[арским], со «Знанием»; предложено выслать книги: Кардуччи, Раписарди, Чена. Написано предупреждение К[онстантину] П[етровичу] в тот же день.

- л. 57 [65] Келтуяла.
Сергиевская 60, 23.
- л. 58 [66] Греки — Уран
Индусы — Варуна
Мы — Сварог
- л. 59 [67] Гаркави — «Сказания мусульманс[ких] писат[елей] о славянах», СПб., 1870.
[68] Купить снимки
Винчи — Голову Медузы
Луки Синьорелли — Антихриста
Бельтраффио — Портрет.
- л. 60 [69] Пацци — Дант.
- л. 61 [70] 1459 г. — указ[ан] исток Нила.
[71] <Захер-Мазох — «Исповедь моей жизни»
Ибсен — «Импер[атор] и галил[ейнин]»
[1 нрзб.]>
[72] У Юлия — шея длинная.
Лицо Давида, голова мала.
- л. 62 [73] Из Сиены Monte-Oliveto.
[74] <Бемер — Искуш[ение] св[ятого] Ан[тония]>
[75] Лапши — via Tornabuoni.
[76] В Риме
<Дориа>, Колонна,
<Корсини>, Национальный,
Людовизи, Латеранский.

[28 (15) февраля 1906 — март 1908 г.]

[О ЛИЧНОМ]

1

Я очень рано узнал людей и еще в молодости начал выдумывать Человека, чтобы насытить мою жажду красоты. Мудрые люди — неутомимые творцы ошибок — убедили меня, что я плохо выдумал утешение себе. Тогда я снова пошел к людям и — это так понятно! — снова от них возвращаюсь к Человеку.

[Начало 900-х годов]

2

Лоскут, присланный из заграницы. Сообщается о том, что Горький купил дворец на Волге за 150 т. [фунтов?] Добавление: увы! вот они русские политики!

[1908]

3

[СОН]

¹ Сон мой здоров и крепок, сновидения редко посещают меня, ² и, должно быть поэтому, очень памяты мне. Странно, что ³ во сне я чаще всего другого вижу пустыни, пустоту. Вот ⁴ сновидения истекшей ночи:

Я — один на краю плоского круга пустоты ⁵, она покрыта сводом мутно-серенького неба, в центре его над темной каменной землей, извиваясь, колеблется — не падает — кусок черной материи, какая-то ⁶

[1920—1927]

4

Если б в мире остался только один честный человек, моя родина была бы на клочке земли рядом с ним.

[1920—1929]

5

Я люблю литературу, уважаю людей, создающих ее, и это уважение категорически запрещает мне выступать в качестве «руководителя» их чувствований, мнений, намерений. Я никогда не считал и не считаю себя авторитетом в искусстве слова.

[1920—1929]

6

Моя память и зрительная и слуховая очень развита, но — равнодушна и даже, пожалуй, неприязненна к чужим идеям. В области идеи чужое мне подозрительно, я привык и люблю выжи-

¹ <Ч> Я редко вижу сновидения ² но ³ чаще ⁴ И [едавно (?)] ⁵ Исправлено, было: Я — один на плоском круге пустоты, ⁶ в центре его колеблется, не падая, кусок черной материи <как та>

мать идеи из моего личного опыта, — этим, между прочим, объясняется и мое умение владеть афоризмом. Если мои идеи совпадают с чужими, — это естественно, ибо — идей не много. Я знаю и люблю родной язык. Вероятно, я видел и пережил больше, чем следовало бы, отсюда — торопливость и небрежность моей работы. В общем — я гораздо менее талантлив, чем тот М. Г., о котором критики иногда пишут излишне хвалебно.

[1920—1929]

7

Мир — блюдо пищи, изготовленной для ума моего поваром, гораздо более хитрым, чем искусным. Его хитрость сказалась в том, что сварив некую кашу из неизвестного малопитательного материала и горьковатую на вкус, он ловко сдобрил ее кое-какими пряностями.

[1920—1929]

8

Дописался до того, что начал вставлять новое перо в мунштук, вставлял весьма усердно. А на днях погасил папиросу в чернильнице. Становлюсь рассеянным и очень устаю.

[1920—1929]

9

После смерти я завещаю череп мой одному из музеев. Я хочу предстать пред Бог[ом] без головы и сказать ему, что содержимое ее всю жизнь мешало мне. Я попытаюсь убедить его, что некоторых людей он должен создавать безголовыми. Пусть внушит это их производите[лям].

[1920—1929]

10

Некто сказал мне:

— Ум у вас огромный.

— Но — беспутный, — добавил я.

И некто любезно согласился со мною. Вот случай, когда любезность является излишней.

[1920—1929]

Я не верил, когда мне говорили, что я талантлив. Весьма возможно, что я не верю в это и сейчас, прожив тридцать лет в чине талантливого человека. Я думаю, что мой единственный талант — умение видеть, всегда подстрекаемое жаждой видеть. От этого я не устаю, но — плохо, что перестал удивляться. И, пожалуй, еще хуже то, что я не умею думать о себе самом. Не научился, по отсутствию досуга.

Архипов, вор, обокравш[ий] нижегородск[ий] музей, говорил мне, убежав из тюрьмы:

— Дело в том, А. М., что жил я всегда очень бойко, и недосуг было мне думать про себя; вот я теперь займусь этим.

Занялся, перестал воровать и через три года сидел в Пензенской тюрьме уже как «политический», арестованный в группе эсеров.

Он был рябой, Архипов. Говорил мягко, мечтательно и очень любил хвалить людей; хвалил их за ловкость тела и ума, за честность и бесстрашие, за умение любить и рассказывать. И когда хвалил, то удивительно оживлялся, весь как-то трепетал, сиял улыбками, — было видно, что парень насквозь рад и возможности и своему уменью говорить о людях похвально.

[1922—1928]

12

Я всегда думаю в ритме какой-либо мелодии; она звучит непрерывно и как бы где-то с бока мысли.

Особенно напряженно и продуктивно думается в такт движения поезда ж. д., трамвая, в лодка, когда гребешь. Но слушая музыку, я совершенно теряю способность думать.

Наиболее яркие образы создаются по ночам, в тишине и тьме.

О ведьмах вообще, в частности же об учительнице Софье Петровой.

[1922—1927]

В Казани, Царицыне, Борисоглебске-Тамбовском, в Нижнем Новгороде я общался с людьми, которые не давали мне права сомневаться в искренности их отношения к трудовому народу.

[1925—1927]

14

Даже сильный человек иногда нуждается в ком-нибудь, на кого он мог бы доверчиво опереться. Я думаю, что наиболее успешно могут удовлетворить эту нужду цирковые борцы, только они среди людей. Затем, разумеется, камни.

Бывают дни, когда все кажется отвратительным, все — цветы, стулья, люди, солнце. И отвратителен — сам себе — человек, вот этот, который пишет, — я. Отвратителен своим ощущением бессилия преодолеть самого себя.

Если я исхитрюсь прожить еще несколько лет, — меня застигнет очень одинокая и тяжелая старость.

[1925—1929]

15

Иногда мне хочется написать критическую статью о Горьком как художнике. Я уверен, что это была бы самая злая и самая поучительная статья из всех, написанных о нем.

[1925—1928]

16

12. II. 26

Сегодня сыну моему сообщили, что 30 лет тому назад я был генералом тайной масонской ложи на Капри. Сообщив, человекешену сыну, что до сей поры он остается масоном, считает меня своим начальником и просит поцеловать мне руку, не решаясь сам беспокоить меня.

Незадолго перед этим начальник «полиции безопасности» отказал выдать сыну билет на право езды на мотоцикле, потому что я — член ЦК РКП и тайный агент Коминтерна.

Жители Сорренто считают меня миллионером на том основании, что я не торгуюсь с извозчиками.

Ложь. «Товар[ищем] председат[еля] Петросовета» я не был, кажется, не был избран и членом его. Но был членом Москов[ского] совета (от вагонных мастерских). Выступал там однажды на торжественном чествовании В. И. Ленина, должно быть — по поводу его 50-летия. Говорил о нем как о дорогом для меня человеке.

В Петербурге выступал в дни наступления Юденича. Кто-то приехал за мною на авто и сказал, что солдаты не идут на фронт. Я сказал им: — Не станете драться, придет Юденич и оторвет вам башки.

Кажется, этот отряд так и не пошел против Юд[енича], а нес охранную службу в городе.

[Не ранее 12 марта 1926 г.]

18

Меня тогда влекло к людям уединенным, чудаковатым, к «индивидуям со странностями»; это вполне естественно для человека, который, имея уже весьма пестрый и угловатый запас впечатлений, попал в круг интеллигенции, отлично, но иск[олько] однообразно вытуженной тяжелыми идеями народолюбия, народопоклонничества. Мой опыт в эти идеи не вмещался, без искажения, без убытка для меня. И доселе — не вмещается.

[Начало июня 1926 г.]

19

Справедливости ради необходимо, чтоб в некрологе моем было сказано:

Всю жизнь, ежедневно, несмотря на погоду, он писал письма и посылал их повсюду, но почтовые учреждения Европы относились к нему вообще равнодушно, и часто — возмутительно небрежно.

[1926—1928]

20

[О СЕБЕ]

¹ Я не принадлежу к племени угнетаемых и, поэтому, никогда не испытывал потребности угнетать кого-либо.

Я не могу похвастаться, что сильно страдал, ибо с детства у

¹ Слева на полях написано и зачеркнуто: О себе.

меня развилось отвращение к этому ремеслу, особенно излюбленному в России.

Должен сказать, что иногда — не часто, не часто! — я жаловался — не помню — кому? — на то, что мне тяжело жить. Но, кажется, я делал это потому же, почему иногда идут к цели нелюбимой улицей или — из вежливости, как едят пищу в гостях, когда есть не хочется, или смеются, когда не смешно.

Я очень вежлив. Порою мне кажется, что я всю жизнь прожил чрезмерно вежливо.

Я — существую и очень доволен этим, хотя знаю, что из четырех сотен миллионов китайцев в реальности моего бытия убеждены только четверо. Но если взять всю сумму населения Азии, в ней найдется индивидуумов, знающих меня, не менее двадцати пяти.

Это — хорошо, потому что могло бы быть хуже. Эйнштейн совершенно прав: все относительно, включая и мое бытие.

Мое бытие — факт, не возбуждающий вопроса: зачем? А так как все другие факты с идиотским упрямством ставят этот вопрос, я отвечаю: все факты существуют только затем, чтоб я ощущал мое личное бытие². Иного смысла в бытии феноменов я не вижу, не ищу и убежден, что искать его не только беспокойно, но и невыгодно для меня.

Но я ничего не имею против того, чтоб все вокруг меня исчезло и выветрилась память моя. Очень интересно, как бы я себя чувствовал тогда?

Опытные люди говорят, что такое совершенное одиночество наступает после смерти. Но — где же оно наступает, если нет ни пространства, ни времени, а только один Алексей Пешков и еще папиросы, спички?

Доктор Полканов внезапно подарил свою любимую собаку. «Зачем?» — спросил я его. — «Перед тем как оценить, она смотрела в небо и плакала, дура».

Он не любил беспокоиться, доктор.

— «Да, смерть — отвратительная штука», — сказал он, когда помер его шестилетний сын. Но он сказал это после того, как ему забыли дать кофе в излюбленный им час.

Мне кажется, — я пишу это не потому, что болен и у меня что-то трещит, рвется в голове. А, м[ожет] б[ыть], и поэтому. Впрочем — не все человеческие поступки требуют мотивации. Я думаю, что лучшее из всего сделанного мною — плохо мотивировано³. Отсюда не следует, что в лучших случаях я действовал бессознательно. Нет, я действовал по ощущению наименьшего вреда для других, а это я всегда считал полезным для себя.⁴

² Исправлено, было: а так как все другие факты с идиотским упрямством ставят этот вопрос, то я ответил им: вы существуете <для того> только затем, чтоб я знал: вы есть³ если вообще мотивировано⁴ Если б мне захотелось, я <мог бы> имел бы право назвать себя утилитаристом. Но — не хочется.

Мне хочется спать, однако я знаю, что не усну⁵. Вот я и развлекаюсь, а собаки лают.⁶ Но если б я был собакой, я никогда бы не лаял на луну. Сильно достается ей от собак и поэтов!

От милосердия «в космическом масштабе» удобно бы перейти просто к милосердию, если б это не было так далеко, как от центра Сахары до Гренландии⁷.

[1926—1929]

21

Лет 35 т [ому] назад, когда жизнь, пройденная мною, казалась мне полной неразрешимых загадок, — я думал: безумство хр[абрых] — вот мудр[ость] жизни. Напрасно считают это романтизмом.

[1927]

22

Вчера, в саду, разжег большой костер, сидел пред ним и думал: вот так же я тридцать пять лет тому назад разжигал костры на Руси, на опушках лесов, в оврагах, и не было тогда у меня никаких забот, кроме одной, — чтобы костер горел хорошо. Да.

[1927]

23

Это письмо очень ярко восстановило в памяти один из тяжелых моментов моей жизни, — в те дни я переживал наиболее сильный припадок недовольства ею, и она мстила мне за это. Мне нужно было куда-то идти, что-то делать, но — «Куда пойдешь? Кому скажешь?»

Я избрал самую отдаленную, но и самую яркую точку — Льва Толстого. В этом решении был, впрочем, только тот смысл что, уж если идти, то возможно дальше.

[1928]

24

Говорили и писали обо мне действительно — хорошо, как о мертвом, некоторые даже и «врали, как на мертвого».

[1928]

⁵ От боли ⁶ Каждый развлекается, как умеет. ⁷ Исправлено, было: <Тихого океана> к необитаемому острову Тихого океана

Талант — катализатор.

Опыт непосредственный и книжный.

Когда меня называют «великим», я чувствую себя как мальчишка, которого мальчишки же дразнят, как они дразнят хромого за то, что хром, кривого за то, что крив.

Как литератор я — не «велик», я просто хороший работник.

[1928]

По моему мнению, у меня был большой запас любви к людям и — хорошей любви, а тратил я ее щедро и не рассчитывая: достойны ли сей и оный любви этой? Допускаю, что в этой любви была большая доля жалости, может быть, не очень лестной для людей. Я хорошо видел, что живут они плохо, но что это не так сильно беспокоит их, как хотелось бы мне. Еще лучше я чувствовал, что мне плохо с ними. В конце концов у меня явилось сознание необходимости помогать жить лучше всячески и всем. Но это сознание — не от ума, нет, а от всего существа моего. Однако я не хочу сказать, что я добр. Я думаю, что я был раздражен рыбой, которая терпеливо живет в воде, недостаточно соленой для нее, сам же я птица, которая питается рыбой, находит ее не достаточно вкусной.

〈Раз пятьдесят, или двести, а, м. б., тысячу раз, меня спрашивали:

— Как же, в конце концов, Вы относитесь к миру?

И указывали мне неисчислимое количество противоречий моих, часто именуя оные даже преступными.

Я думаю, что теперь, прожив 60 лет, и когда я уже, вероятно, не способен хорошо делать мое любимое дело, я могу отдать некоторое время бесполезному делу самоизучения.〉

[1928]

Но я знаю также, что в организациях есть люди, которые все равно поздравили бы меня «самовольно» без внушения со стороны. Вот поздравления этих самовольников и вообще одиночек честных работников, строите[лей] социалист[ической] культуры, — это — радость! Это — гордость. Им я особенно горячо говорю — спасибо!

[1928]

Мне кажется, что я никогда не обладал верою в прочность взаимных симпатий, дружбы и т. д. Но я умел возбуждать симпатию к себе; умел, когда хотел этого. И особенно увлекался желанием преодолеть антипатию, неприязнь, враждебное отношение ко мне. Это очень легко удавалось, но, преодолевая неприязненное отношение ко мне, я только убеждался в поразительной и печальной непрочности человеческих чувствований.

Ум с неотразимой точностью убеждает, что, прожив 60 лет, смешно питать некоторые лирические чувства. И все-таки они не исчезают. На каждого нового человека я набрасываюсь с жадностью, которая, наверное, многими принимается как выражение «тоски по родине» и как старческая болтливость. Но — я хорошо знаю, что это не так. Нет. Меня все более одолевает и волнует жалость к человеку, — безразлично, каков он. Особенно больно жалеешь людей талантливых и честных. Невыносимо трудно им и будет все трудней. Вероятно не было эпохи, когда бы честный человек являлся в такой ужасающей степени лишним человеком, как он является в эти дни.

[Март 1928 г.]

С 903 г. я считаю себя большевиком, т. е. искренним другом пролетариата, и до Окт[ября] [19]17 г. по мере сил помогал русским рабочим всем, чем мог. В[ладимир] Ильич Ленин в Октябре смутил меня, как и многих большевиков, своей фантастической дерзостью, ибо мне показалось, что двинуть русских рабочих партийцев на передовые посты в стране крестьянской и анархизированной войною — это значит погубить единственную подлинно рев[олюционную] силу страны.

Но Л[енин] оказался гениальнее, чем думали о нем, его товарищи — оказались достойными сотрудниками и друзьями гения, а сознание и воля рабочего класса сильнее, чем представлял это я, литератор. С 18 года, со дня гнусного покушения на жизнь В[ладимира] И[льича], я снова почувствовал себя «большевиком»...

[1928]

⟨Я никогда не чувствовал действительность устойчивой и не преклонялся пред нею, даже если то или иное явление возбуждало радость.

Разумеется, таких явлений было не много, большинство их оскорбляло меня, но не обессиливая, а лишь внушало сознание необходимости изменения действительности.

К тому, что я видел сегодня, я всегда вольно и невольно добавлял нечто от завтра — и тут истоки моего романтизма. Платон. Ренан.

[Первая половина 1930 г.]

31

Вижу, что для многих я все более неприятен, а некоторым уже ненавистен. Понимаю, что в целях наилучшего выяснения отношений ненависть необходимо усилить.

[1930—1936]

32

Я чувствую себя моложе моих лет, потому что не устаю учиться

[1930—1936]

33

Да, я устал, но это не усталость возраста, а результат непрерывного длительного напряжения. «Самгин» ест меня. Никогда еще я не чувствовал так глубоко ответственности своей пред действительностью, которую пытаюсь изобразить. Ее огромность и хаотичность таковы, что иногда кажется: схожу с ума.

[1930—1936]

34

Люди читали, учились, а я, начиная с 907 года, усердно копался в пыли и мусоре литературы и публицистики той интеллигенции, которая отвернулась от рабочего класса и пошла на службу буржуазии. Это — тяжелая работа, но я должен был сделать ее для того, чтоб знать по возможности все, что может отравить, задержать рост революционного правосознания пролетариата. Сколько подлого и глупого прочитано мною! И остались непрочитанными умнейшие статьи Ильича, друга, учителя, так трогательно заботливо относившегося ко мне.

Когда у Ек[атерины] П[авловны] я сказал ему об этом, — он засмеялся и ответил:

— А — я? Гегеля не успел проработать, как следует. Да — что Гегеля! Много не знаю, что должен бы знать. Я вовсе не оправдываю вас и себя тоже. Но ваше дело все-таки другое. Не по существу, а по форме. Дураком вообразить себя я не имею права, а вы — должны, иначе не покажете дурака. Вот — разница.

И — великодушно похвалил:

— Зато дела дурацкие вы знаете назубок. Слушая ваши рассказы, даже боишься: не успеет написать. К тому же о здоровье вы нимало не заботитесь, а здоровье у вас — швах. Валяйте за границу, в Италию, в Давос.

Не поедете — вышлем.

Два раза поднимался этот

[1930—1936]

35

Неоплаченная душа — неоплаканная, [нрзб.]

Я желал бы понять, что ей, дьяволу, надо.

Что ей надо, моей S-подобной кишке?

Неужели за жизнь, за всю жизнь мне награда эта адова боль.

[1930—1936]

36

Орина Дмитриевна Салабанова и ее муж, хозяева иконописной мастерской в Н.-Новгороде—в мастерской этой работал Горький, описана она в книге «Мои университеты».

[1930—1936]

37

Память работает уже с «перебоями» и все чаще вскакивают серые пузыри весьма отдаленных глупостей. Ночью сегодня вспомнил: Лаптев, здоровенный канавинский подросток и боец, спросил меня, мальчишку лет 8—10:

— А знаешь, кто был Ирмоген Кумоха, по прозвищу «На Рождестве»?

Он спросил подавляюще, величественно, а я считал его дураком. Очень обидно было убедиться, что он знает что-то, чего я не знаю. И долго, во всех книгах, которые попадали в мои руки, я ожидал, что встречу этого Ирмогена. Так и до сего дня не знаю: кто был Ирмоген, да еще — Кумоха, да еще с прозвищем «на Рождестве»? А Лаптев-то — жив, недавно прислал мне письмо,

просит помочь ему, бедствует. Он старше меня должно быть лет на 5—7. Да, жив, и, возможно, думает: знаменит стал, а Ирмогена Кумоху — не знает!

[Сентябрь 1931 г.]

38

В. Г. Короленко жил в Нижнем не в ссылке, а после ссылки. В пароходстве служил брат его Илларион.

Г. И. Успенского я не видел.

Почему «босоногий»?

Что значит «просто как парень»?

[Октябрь 1932 г.]

39

Ничего не требовал и — тем более — не просил. Белье и халат — общерастантские, но холщевых носков дали — действительно — две пары.

Огонь в камере горел, всю ночь.

Сидел я в тюрьмах очень мало и на это сиденье никогда, никому не жаловался. Вообще я не «страдалец»... если б почувствовал себя таковым, то преисполнился бы презрением к персоне моей.

[Декабрь 1932 г.]

[С Н. С. ЛЕСКОВЕ]

1

Т и п ы и н т е л л и г е н т о в у Л е с к о в а .

Вязмитинов — «Нек[уда]», 1—35.

Розанов.

Зарницын. 37. Женитьба на богатой старухе.

Чудаки: Препотенский, Помада.

Лиза Бахарева. 71—74.

Агния.

Учитель Саренко: приготовил донос, но нашел в своем кармане адрес о даровании прав самоуправления, брошюры.

Жена Нечая сразу видит несчастье Роза[нова], II, 91.

«Непримиримые люди»: Лиза Баха[рева]. Маничка Норк, после «Уголино», — «съешьте меня!»

Любовь автора к пассивной силе.

[До 21 ноября 1909 г.]

«На пожарах» — 136—144—161.

Форов, Евангел, их жены, Сид, Вансок, Дон-Сезар де Базан — Подозеров, генеральша Синтянина, Висленев, как попытка изобразить заплутавшегося интеллигента. Горданов — злое начало.

Горд[анов] — Верховенский.

Вис[ленев] — Ставрогпн.

125 — Андреев.

Мужик у Лескова.

«Язвительный» — 122—125 и предш[ествующие].

Чувство собствен[ного] достоинства.

«Продукт природы» — как сводили мужиков — 135—147.

[До 21 ноября 1909 г.]

У Лескова — все люди, любимые им, «огромного роста». Однодум, Ахилла, «Очарованный странник». Эпический тон.

Праведники, сочиненные жаждою видеть их в жизни.

«...есть в моск[овской] епархии попик — прегорчайший пьяница — так он орудует по предстательству пред господом за самоубийщ».

«Русский человек со всем справится» — «Оч[арованный] странник».

«Наши князья слабодушные и не мужественные и сила их самая ничтожная» — «Оч[арованный] стр[анник]», 51.

«Что же молить, коли ничего не выходит!»

«Шерамур». 166—8.

«Некуда» — 119. «Любва!»

«Совестливость» — «Н[екуда]», II, 20—25. «Любва».

«Материализм» — 33.

«Русская сметка — мошенническая философия».

Его ненависть к «чужому человеку» естественна.

Но — в то же время — Райнер.

[До 21 ноября 1909 г.]

Ирония

⟨Эпиграфы⟩

«— Библии начитался.

— Ишь его, дурака, угораздило!»

Лесков. «Однодум».

Все, что он говорит о Филарете: в «Человеке на часах», в «Оч[арованном] стр[аннике]».

«Бог *должен* их простить» — «Оч[арованный] стр[анник]».

«Очар[ованный] стр[анник]» — «Ив[ан] Северьяныч, господин Флягин».

«Чем тебе худо? — утешает мальчишка Флягин убитого им, — умер ты и все кончено!»

«Ладно, думаю, надо тебе что-нибудь каркать, когда я тебя убил».

«Очар[ованный] стр[анник]» — стр. 36-я.

«Простодушно подлый тип русского человека».

Дурочка. Женни в «Некуда».

«Выбор недовольных всегда падает на книги протестующие и чем сдержаннее, чем темнее выражается протест, тем он кажется серьезнее и даже справедливее».

«Русский человек сапоги себе покупает осмотрительнее, чем женится».

«При спорах в России особенно победительное значение имеет сильное развитие правого плечевого сочленения».

[До 21 ноября 1909 г.]

5

И р о н и я

13—15

«Воительница» 51.

«Петербургские обстоятельства» — 121—27—132.

«Овцебык» — 19—22—25—8—36—44—9.

«Терпеть я не могу этих семинаристов» — Свиридов, купец — «Овцебык».

Куп[ец] раньше Эртеля. 62 год.

«Колыванский муж» — 90.

о Некрасове, Аксаковых

«Пустосмех» — 106.

«Смех и горе». Ватажков — Филимон. Простота. Как николаевские жандармы уловляли чиновников небольшого ума.

64 — забавы. Что делалось «шутя»!

Жандармы. «Неспособность к службе» — 74—61.

90. Локотков — см. Гирс «Ст[арая] и н[овая] Рос[сия]».

Духовенство! 93.

Сокращенный дьякон.

Становой — нигилист — 106.

61-я глава!

124. Зачем в России медики?

«Чертогон» — вещь эпическая.

[До 21 ноября 1909 г.]

6

Язык у Лескова:

«Островитяне» — страница 5-я, 8—14.

[До 21 ноября 1909 г.]

7

«Юдоль» Лескова — голод.

«Некуда» — 131, купец Масленников. Кн. I-я.

» 132 и особенно 135.

» II-я кн., стр. 11.

[До 21 ноября 1909 г.]

8

Н. С. Лесков, — в письме к Микулич:

«При занятиях литературой соблюсти благородство очень трудно».

Крик радости и крик страха.

[1929]

9

Среди русских писателей, которые, работая до Октябрьской революции, создали русской литературе славу «наиболее талантливой» литературы XIX в., — среди этих писателей до сего дня не нашла себе заслуженного места личность и работа Н. С. Лескова. Личность *исключительно* своеобразная.

[1930—1931]

10

Ист[ория] молодого человека.

К «Истории мол[одого] человека».

Лесков — ставка на «чудака». Чудак это — честный человек. «Инженеры бесребренники», честные полицейские, губернаторы и т. д., а вообще — поиски честной единицы для самоутешения.

Щедрин — «Господа ташкентцы», впоследствии «Господа Головлевы».

[1931—1932]

Из Генрика Ибсена.

«Я — консерватор? О, нет!
Я все тот же, кем был всю жизнь —
Не люблю перемещать фигуры,
Но хотел бы смешать всю игру.

Помню только одну революцию, —
Она была умнее последующих
И могла бы все разрешить».

Весь Ф. Нитчше для меня в «Записках из подполья». В этой книге — ее все еще не умеют читать — дано на всю Европу о[б]снование нигилизма и анархизма. Нитчше значительно грубее Д[остоевского].

[1920—1927]

Дневник Анны Достоевской.

Одна из самых кошмарных русских книг. Ф[едор] М[ихайлович] Д[остоевский] — невыносимая фигура для меня, но все же я не мог представить, чтоб этот бесстрашный исследователь тайного, скрытого в человеке — был столь несчастным и жалким великомучеником мелкой страстишки. Его «фантазерство» — напоминает мне царицынского парикмахера Сулова, который, проиграв Грекову, н[ачальнику] ст[анции], в стучолку девственность красавицы дочери своей, отравил ее мышьяком, чтобы «спасти от позора».

После таких книг жизнь кажется отвратительной.

Анна Гр[игорьевна]! Помню ее по Сестрорецку, она жила там в одно время со мною. Прислуга курорта ненавидела ее за скупость и брезгливое, «барственное» отношение к людям.

В «Дневнике» — совершенно отсутствует художник, писатель, человек исключительной оригинальности. Поразительна душевная узость, духовная нищета автора «Дневника». И всюду — арзамасская безграмотность, от которой стыдно до тошноты.

Одновременно в Бадене Тургенев, Гончаров, Достоевский и — по «Дневнику» — все трое чужие люди друг другу¹. Возможно ли такое отчуждение среди литераторов Европы? Я не думаю. Не

¹ Это ужасно...

знаю примера. И — отсутствие уважения друг к другу. Это — у людей страны, столь бедной сильными духом.

Так тяжело и горестно. До такой степени и горестно и стыдно, что — слов нет.

[1923—1924]

3

И д е и с л у ч а й н ы е и к о р е н н ы е.

С[лучайная] — «Боязнь эстетики есть первый признак бессилия». «Пр[еступление] и нак[азание]».

К[оренная] — «Разве ты, идучи на страдание, не смываешь уже вполовину свое преступление?» Соня — Раскол[ьникову].

С[лучайная] — «Беда быть широким без особенной гениальности». «Пр[еступление] и нак[азание]».

К[оренная] — «Открыться Разумихину? — Раск[ольников] с омерзением подумал об этом».

С[лучайная] — «Всякий человек имеет право выражать свое убеждение на воздух». «Подр[осток]».

К[оренная] — «Личная свобода, т. е. моя собственная, на первом плане, а дальше знать не хочу».

К[оренная] — Вера в Б[ога] почти всегда соединена с презрением к людям: «Многие из очень гордых людей любят верить в Бога, особенно несколько презирающие людей!»

«Подр[осток]» Васин. Отчет несуществующему — легче.

[1924—1926]

4

Ф. М. Д о с т о е в с к и й.

Предвидения.

Раскольникову «грезилося, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии в Европу».

Язва: «Смирись, гордый человек!»

Он понимал «эгоизм страдания». «У[ниженные] и о[скорбленные]», 374.

О своей работе. «У[ниженные] и о[скорбленные]», 442.

Его «детективы»: Маслобоев, Порфирий.

Нелли «У[ниженные] и о[скорбленные]» и «Крошка Доррит».

Г. Голядкин — язык Гоголя.

[1924—1926]

Ф. М. Достоевский в «Мертвом доме» не видит, не чувствует, не считает себя «политическим», но на протяжении всей книги изображается уголовным преступником.

Это — развить.

Сцена у Зосимы, поклон старца Дмитрию — поклон Раскольникова Соне.

Ракигин — точнее автор — слишком нелогично поторопился заговорить об уголовщи[не] и даже прямо об отцеубийстве.

Тема *отцеубийства*. Ее оправдание.

Девочка! Почти во всех книгах!

[1924—1926]

6

В каждой книге:

Изнасилованная девочка.

Пауки.

Карамазовы. Кар[амазов] — Ставрогин, К[арамазов] — Верховенский, К[арамазов] — Версилов, К[арамазов] — Рогожин и т. д.

Наст[асья] Филипп[овна] — Грушенька — Аглая. Женщины из «Подр[осток]».

[До мая 1926 г.]

7

Язык.

«Умаливала» — вместо умоляла. Дуня — Свидр[игаилову]. [«Преступление и наказание»].

«Он с самого начала встретил меня из Москвы не серьезно». «Подр[осток]».

«Вошли две дамы, обе девицы, одна — падчерица одного двоюродного брата покойной жены князя или что-то в этом роде...» «Подр[осток]».

«Малые и алые губы» — у дочери Версилова.

Частое повторение — «слишком», «излишне».

«Это была болезненная девушка лет 17-ти, страдавшая расстройством груди и, говорят, чрезвычайной красоты, а вместе с тем и фантастичности». «Подр[осток]».

«Избежал» — вм[есто] — избежал, избег.

«Уже прошло все прошедшее».

«— Я вдруг очутываюсь» — очутился. «Похеривал», «Не отвечая на мои крики и теребенья».

[До мая 1926 г.]

«Бесы», «Новь», «Взбаламученное море» — контрреволюционные романы, по тенденции такие же как «Марево», «Панургово стадо», «На ножах», «Сашенька» и прочие книги этого ряда. Но — по силе убедительности, по «искусству» первые три романа не могут быть поставлены рядом с произведениями Ключникова, Крестовского, Лескова, Дедлова. Но все эти романы — документы, которые надобно читать и знать не только нашим литературным критикам, но всем деятелям новой истории.

[1929]

Достоевский.

— Но ведь при жизни Вы, Федор Михайлович, были среднего роста?

— Я и еще вырасту вам.

Бог:

— Я тебя, Федор, создал человеком среднего роста.

[1930—1936]

Читая в «Литучебе» статью Степанова о творчестве Достоевского, нашел в ней фразу:

«Надо вернуть Достоевского к исторической действительности».

Надо. Но мне кажется, что сделать это следует, рассказав его не совсем обычную биографию, хотя бы в основных ее моментах.

Юноша «впечатлительный» с высокой самооценкой. Отец его убит крестьянами.

Один из немецких исследователей заподозрил «моральное участие» Ф. М. в этом акте. Имя немца — забыл, могу сообщить. Романтик, не чуждый влияния Гофмана, Ж.-Занд и др. Фурьерист, член кружка петрашевцев, посетитель единственного *живого* дома той поры.

«Мертвый дом» прививает ему глубокий и болезненный интерес к психологии преступлений против *личности*.

Как личность, он убеждается в «обмане социализма» и мстит за этот обман «Записками из подполья», жестокой полемикой с социалистами, «Бесами» — одним из лучших его произведений, в котором критика не заметила одного из главных героев — лицо, которое ведет рассказ.

Папаша Карамазов и отец Достоевского, Раскольников и князь Мышкин, как две «ипостаси» его, Ф. Достоевского.

Навязчивое однообразие типов: Рогожин, Свидригайлов и т. д. по этой линии: Грушенька, Настасья Филипповна и прочие. Сушлова — «Катя Медичи» по В. В. Розанову. Впечатлениям «Мертвого дома» критика не уделила должного внимания.

Изнасилованная девочка — тоже навязчивое видение. По этому поводу — письмо Страхова о насилии самого Д[остоевского] над девочкой, нечто, вероятно, небывалое, но внушенное Страхову самим Достоевским.

Поиски основной мотивации преступления против личности как один из корней творчества Д[остоевского], — лично мне кажется, что это наиболее глубокий корень.

Непрерывное колебание: оправдать человека во всём или же обвинить его за всё?

[До сентября 1931 г.]

[О Л. Н. ТОЛСТОМ]

1

Алданов «Загадка Толстого».

Впечатление такое: приехал человек из Чуфут-Кале и усердно ведет подкоп под одну из башен Московского Кремля. Трудно понять: чего ради он делает это? Едва ли его смущает Геростратова слава, он, кажется, не глуп. Но стремление уличить Льва Толстого в некоем противоречии содержит в себе обыватель[с]кий зуд, обывательский страх: а вдруг па солнце нет пятен?

Не стоило тратить так много чернил, бумаги и эрудиции для того, чтоб доказать всем очевидную истину: Лев Толстой не любил людей, недоумевал пред «законами природы» и пытался — безуспешно! — сделать бога более умным, чем его изображают богословы.

[1923]

2

А в письме к В. Арсеньевой, героине первого личного романа своего, он сказал:

«Ум слишком большой — противен».

[1923]

«Сознание — величайшее моральное зло, которое только может постичь человека».

Это записано Л. Толстым в Дневнике юности 1851 г. V. 4. Тогда же и там же он отметил:

«Мыслей так много может вмещаться, особенно в пустой голове». Юношеское.

Позднее в одном из писем к Арсеньевой:

«Ум слишком большой противен».

[1923]

4

Л. Н. Толстой в какой-то момент своей жизни вообразил себя способным на величайшие грехи и очень испугался. Именно поэтому он тратил себя всю свою жизнь на одну женщину, уже не любя, но уважая ее; носил блузу, чтоб не шить себе какой-то особенный фрак или кафтан и т. д.

Совершенно способный на проповедь величайших антигуманистических ересей, проповедовал без воображения наивнейшее христианство, разжижая Евангелие.

Рационалист, точно китаец, он, в сущности, ненавидел свой рационализм, страдал от него, как от бельма в глазу. Но в то же время в его чувствилище не было точки, в которой мист[ическая] метаф[изическая] фантазия...

[1920—1929 г.г.]

5

Татьяна Толстая разъезжает по Европе, читая для развлечения всеядной публики доклад: «Семейная драма моего отца». Сие бесстыдство вызывает утешительную мысль, что некоторые родители и после смерти своей полезны детям

В своих религиозно-философских измышлениях Лев Толстой кажется неумным человеком. Примитивность мысли, натужное стремление опростить ее до того, чтоб она могла войти в сознание лягушек и мух,— все это делает почти невидимым величественный образ художника.

Разум для него — хвастунишко, негодяй. Но разум щеголеват и ловко одет, всюду принят, в нем есть что-то убедительное, он всеми уважаем и многими властительно повелевает. Некоторые философы веровали, что именно в разуме воплощен Бог. Толстой иногда сомневался в этом, не решаясь окончательно не верить. А — вдруг это так и есть? Именно разум — Бог? И, относясь к ра-

зуму язычески враждебно, он христиански покорно подчинялся назойливости его мелкого бесстрастного мучительства. Знал, чувствовал, что жизнь темна и глупа, и старался образумить ее прежде всего для себя. Вносил в темноту светоч разума, но силе огня его не верил и, по возможности, убавлял огонь, упрощая его. Это я называю: брить дьявола. Занятие сомнительное: дьявол-то хорош именно не бритый, в густой шерсти.

В том, что Толстой нередко кажется глупым, неуклюжим — нет ничего, что могло бы оскорбить гения. Ибо Толстой и глуп был величественно. Вероятно, тут следует поставить не «глупость», а другое слово, но я нахожу, что яснее говорить именно о глупости, как силе, противопоставленной затейливым и ловким фокусам «презираемого» разума.

О Т[олстом] всегда хоч[ется] говорить, но всего Т[олстого] не выговоришь.

Последн[ий] истинно русски[й] человек.

[1928—1929]

[НАБРОСКИ К ПОРТРЕТАМ]

1

[О ТОМЕ АНДРЕАСЕ]

Лит[ераторы]

Милый парень. Сентиментален. Друг Верфеля. Правильно сказал о Толлере, что Т[оллер] «делает ремеслом сострадание к человеку». О Леонгарде Франке: удивительно глупо написал в какой-то газете, что я люблю, когда женщины хорошо одеты и сидят у стены.

[1922—1929]

2

[ОБ А. ЕРМАНСКОМ]

Ерманский. — НОТ. —

при виде яблок сожалеет, что Ньютон уже был. Анекдот о Колумбе и яйце считает направленным лично прогив него.

Тип «марксиста-реформатора». ¹ Был, кажется, членом ЦК меньшевиков. Гениален, как Н. Н. Суханов.

[1920—1929]

¹ Убежден, что умница.

[О Е. Н. ЧИРИКОВЕ]

Слышу, что Е. Н. Чириков рассказывает, будто я украл у него какие-то деньги. Нашел, что сказать, глупец. «Ты ври мне, ври. но чтобы хорошо было соврано».

Впервые я встретился с ним в 89 году, в Царицыне, на нефтяной станции Нобеля. Я шел 12 верст пешком, до кожи промок на осеннем дожде, устал и был жестоко оскорблен «начальством». Ночевать мне было негде. Встретив меня весьма нелюбезно, Чириков предложил мне лечь в углу, на полу грязненькой комнаты, которую я сделал еще более грязной. Он был пьян и жаловался, что какая-то девица не хочет любить его.

— Она — дрянь! А я — писатель.

Его слушал красивый молодой человек с белокурой бородкой, тоже пьяный. Водки они мне не предложили, но, м. б., только потому, что подумали: я уже уснул. А хорошо бы выпить рюмку водки в тот час.

Затем мы встретились в 96 году, в «Нижегор[одском] листке». Тогда Чириков был уже глуп. Очевидно, он не излечился от этого и по сей день. Желания поумнеть я не замечал в нем и во время совместной работы в журнале «Жизнь». Считает себя талантливым, но это — заблуждение, он просто бойкий человек и — только.

[1920—1929]

4

[О Ф. ВЛАДИМИРСКОМ]

Протоиерей Феодор Владимирский, читая «Искру», говорил:

— Элементарно, сугубо элементарно по существу, и весьма жалею, что по форме — не достаточно просто. Всякое обращение к массам должно быть элементарно и так, и эдак, да. Евангелие, прежде всего Коран и все подобные обладают и отличаются достоинством простоты.

И встряхивая тетрадку тонкой бумаги, испещренную очень мелким шрифтом:

— Сей журналец достоинства этого лишен.

[1920—1929]

5

[О В. ЗАЙЦЕВЕ]

Перечитал книги Бориса Зайцева, — очень тусклый писатель; литератор, конечно, но никогда и нигде — художник. Пишет, видимо, с унылым недоверием к себе. Язык — надуман, слова

подобраны с трудом и безвкусно, снизаны не прочно, фраза расплывается и лишена музыки, претензии на «простоту» приводят к сухости. Сильно зависим от Чехова и безуспешно старается скрыть это. Такие рассказы, как «Гость», выдают его бессилие освободиться от подражания учителю. В «Спокойствии» у него поют из «Русалки» то же, что в «Припадке» Чехова, это вызывает впечатление чего-то неуместного. Особенно раздражает резкое, скрипящее несоответствие темы и умения. Пишет о любви, о смерти, написал много и — ухитрился не сказать ни одной своей мысли, ни одного слова. Образов у него — нет, характеров — тоже, все люди — неуловимы, не ощутимы. Пред любовью — недоумение цыпленка, впервые увидавшего огонь, пред смертью — скучный страх неизлечимо больного старика. И всюду — душевная малограмотность. Престарелый гимназист пытается сочинить «умное» и сочиняет почти пошлости. Образцом его бессилия является диалогическое сочинение «Усадьба Ланиных» — вещь совершенно чеховидная, он весь, вообще, — тень тени Чехова. Между прочим в этом сочинении девушка невеста говорит жениху: «Ты слишком любишь». Это — фальшиво. Девушка не может сказать так, ибо ей неизвестно еще, что значит любить не «слишком» или «слишком», откуда бы она чувствовала эти «лишки»? И, вообще, в природе не существует женщины, которая могла бы сказать любимому ему, что он ее любит «слишком».

[1922]

6

[О Н. СУХАНОВЕ]

Нет сомнения, что самый мудрый человек России XX-го века, — а, может быть, и Европы — Н. Н. Суханов. Утверждая этот парадокс как истину, он напечатал четыре толстых книги и, кажется, хочет напечатать еще шесть, таких же тяжелых. Да послужат они камнями основания будущему памятнику его. Я прочитал напечатанное им и, если б хотел отомстить автору за бесполезно потраченное мною время, предложил бы Суханову — будь это в моей власти — пост премьер-министра в любом государстве. Уверен, что он сам, через год, попросил бы перевести его в Чухлому на должность учителя в институт воспитания бабушек в духе марксизма.

[1922]

7

[О Ю. И. АЙХЕНВАЛЬДЕ]

Лично бездарен, но научился говорить умным голосом чужие умные слова. Ю. Айхенвальд — между нечего и ничто.

Красноречив, как Андрей Левенсон, — очень плохая рекомендация.

Ему необходимо разозлиться, чтобы стать чем-то заметным и даже, возможно, значительным.

Но — он начинает «угрызаться» в политике, следуя за С. С. Ольденбургом. В этом он, вероятно, захлебнется и наболтает чепухи.

[1922—1924]

8

[О Е. ЗАМЯТИНЕ]

Е. Замятину избыток ума мешает правильно оценить размеры своего таланта. Явно остерегаясь чувствовать, он умствует. От его рассказов всегда пахнет потом, в каждой его фразе чувствуется усилие, с которым она сделана, в его искусстве холодно блестящая искусственность. Он хочет писать как европеец, изящно, остро, со скептической усмешкой, но, пока, не написал ничего лучше «Уездного», а этот «Городок Окуров» — вещь, написанная по-русски, с тоскою, с криком, с подавляющим преобладанием содержания над формой. Ум З[амятина] не очень яркий, обманывает его, позволяя человеку считать себя философом, «учителем жизни», а человек-то, Замятин, все еще покорный ученик своего холодного ума.

Медицинские знания способствовали развитию пессимизма у Чехова, знания механики очень заметно мешают инженеру Замятину развить свой талант в широту и глубину. В его лирику вторгается арифметика, а он думает, что это «психологический анализ».

[Начало 1924 г.]

9

[О А. А. ЯБЛОНОВСКОМ]

А. А. Яблоновский — осатанел. Я думаю — это оттого, что он любит удить рыбу, а в Германии и вообще в Европе это очень затруднено. Да и рыбы мало. Революция лишила Яблоновского удовольствия, привычного и любезного ему. А, м. б., в этом удовольствии был скрыт весь — целиком — смысл жизни А. А-ча. Очень жаль его, он был человек небесталанный. Но — чем же у этих людей объясняется их злоба и

[1922—1924]

10

[О ПАУЛЕ ЛИНДИГЕ]

Видимо — очень талантлив.

Казеин.

Безболезненные роды.

Отзыв о Штейнахе, Ашове, Гэйлорде.
Гипотеза белка и азота.

[Июль — середина ноября 1923 г.]

11

[ГЕРГАРДТ ГАУПТМАН]

Гергард Гауптман на представлении «Бориса Годунова» в Дрездене был очень взволнован красотой и драматизмом текста. Он спрашивал Исаю Добровейн:

— Скажите, кто это написал? Пушкин? Он — молодой, жив? Ах, умер? Молодой умер? Жаль. Очень талантлив!

[Август, 1923 г.]

12

[О КРИСТЬЯНЕ АЛЬБЕРТСОНЕ]

Поэт, с остр[ова] Исландии. Его рассказы о жизни исландцев. Любовь их к чтению. Обилие библиотек. Знание древних саг. О музыке.

О Горьком, — как смешно соединяют его с Г. и С.

[Август, 1923 г.]

13

[О КНУТЕ ГАМСУНЕ]

Кристиан Альбертсон, поэт, исландец, о К. Гамсуне. Г[амсун] ложится спать в 8 час., встает в 10 и до утра пишет в темноте, закрыв глаза, наощупь а днем переписывает, правит написанное ночью.

Живет очень одиноко, в маленьком домике, куда никто, кроме горничной, даже дочь его, не имеет права входить.

Когда получил Нобелеву премию, дом осадили несколько десятков журналистов. Гамсун заперся и несколько дней сидел в осаде, так и не приняв их. У него хорошее образцовое имение, он живет отдельно от семьи. Гуляет с закрытыми глазами.

[Август 1923 г.]

14

В. М. Чернов.

Хитрый, осторожный. Как будто нет своего я или он хочет скрыть его. Наивно. Выдержан, способный использовать каждое обстоятельство в свою пользу. Односторонность развития, на-

правления ума, машинное [?] отношение к людям, миним[альный] интерес к человеку, который думает не по В. Чернову. Упрямый, тихо, по-медвежьи неуклюже двигается к своей цели, интеллектуальное своекорыстие. Человек не широкого ума, детализатор, а не синтетик. Цель оправ[дывает] средство. Аморален. Тяжелый человек. Угнетающий склад ума. Пожирающее любопытство — индив[идуальность] не яркая. Честолюбец. Актер. Чувственен, стыдится этого, скрывает, но это в нем очень сильно.

[1923]

15

[ЯН СТЫКА]

66 лет. Кричит на польском, греческом, французском и немецком] языках. «Мой сын, Тадеуш, лучший художник в мире, 60 т[ысяч] фр[анков] портрет». Его рисунки: к «Одиссее», «Quo vadis» Сенкевича, «Голгофа», Муссолини, Масарик и Ксенофонт! «У Масарика греческий ум». О Венизелосе, Шаляпине.

[Лето 1924 г.]

16

[О Б. САВИНКОВЕ]

Раскаялся Б. Савинков.

Я видел его один раз в 904 г. в феврале? он приходил ко мне с Петром Рутенбергом беседовать о возможности вооруженной рабочей демонстрации на Невском. Они оба, наперебой, щеголяли крайней революционностью. Один из них показался мне неумным, другой — дегенератом.

После «Юноя бледного» я определенно не взлюбил автора этой, насквозь лживой, повести, написанной палачом, не чуждым лиризма и зараженным карамазовской болезнью.

Большой его роман, — кажется, «То, чего не было»? — усилил мое презрение к автору, это вещь, написанная под чужую руку и пропитанная каким-то гноем.

Кто-то, — кажется, максималистка Бродная, говорила мне, что Рысс — «Мортимер» — считал Б. С[авинкова] человеком не честным в отношении к людям, безжалостным к ним и, лично, грязным. Но Рысс — тоже подозрительная фигура.

Как ни считай, но наибольшее количество честных людей, действительных героев — среди большевиков. Все же остальные по

[Сентябрь 1924 г.]

[ОБ А. ЭСТРИНЕ И А. Я. СМОТРИЦКОЙ]

А. Эстрин, рабочий, еврей; А. Я. Смотрицкая, учительница, русская.

Бежали от колчаковщины и вообще «от всего» в Японию, затем попали на Яву и там им пришла счастливая мысль собрать коллекцию по быту населения Явы и Молукских островов.

Эстрин работал в портах, по сварке металлов, а Смотрицкая на заработанные им гульдены покупала вещи. Собрали 83 ящика, везут в Россию. «Гуляли» четыре года.

Он — черный, типичный, с умными глазами, она — простенькая, очень русская. Оба — живые, веселые. Уверены, что сделали хорошее дело. Кажется — так оно и есть.

Дал им письма в Акад[емию] наук С. Ф. Ольденбургу.

Из отчета Академии за 23-й год:

«Коллекция эта, заключающая 778 предметов, особенно ценна по тщательному и вполне научному подбору объектов и служит прекрасным дополнением к музейному материалу по Индонезии».

«— А вы — говорите! Эх, ну что вы говорите? Надо же чего-нибудь делать, знаете, ну!»

[1924]

[О ВЛАДИСЛАВЕ ХОДАСЕВИЧЕ]

Переехав в Париж, Владислав Ходасевич поторопился заявить пред эмиграцией о своем благомыслии. Вышло — натужно и немно. С хрипотой в голосе.

Напечатал в «Послед[них] новостях» статейку о Бельфасте и «ни к селу, ни к городу», но в патетическом тоне бросил Москве упрек:

«О, вы, которые хвастаетесь, выработав полфунта гвоздей! Почему вы не создадите такую верфь, как Бельфаст?»

Упрек сей с большим основанием можно бы адресовать немцам, французам, даже американцам, — у них тоже нет верфи, равной английской.

Странный человек. Умен, но есть в нем жалкая торопливость заявить о своем уме всему живущему, даже мухам. Талантливо, трогательно сочиняет очень хорошие стихи, весьма искусно соединяя в них Бодлера с Верленом. Но основным ремеслом своим сделал злое слово и весьма изоцрился в этом. С добрым же чувством говорит о людях, кажется, только по двенадцатым праздникам. Но, обмолвившись похвалой человеку, сам же тотчас удивляется себе, гордится собою: «Вот я каков, могу и так!»

Все хорошее, что ему изредка удается сказать, принимаешь, как выдуманное, головное, как его ошибку и недосмотр за собою, даже как «нарушение стиля».

Убежден, что реальный мир ему, символисту по должности, враждебен и прогивен, но он очень высоко ценит маленькие удовольствия и удобства мира сего.

Вне поисков «цветов зла» ум его ленив. В оценках людей и явлений жизни — беззаботен, тороплив, и часто эта беззаботность граничит у него с обывательским невежеством.

Хочет, чтоб люди боялись злого ума его и, кажется, умеет достигать желаемого.

В общем же человек весьма интересный. Ко мне относится покровительственно и снисходя к «уродствам духа» моего. Находит, что я слишком «люблю верить».

Это — очень мимо, но такое с ним случается часто.

[Не ранее июля 1925 г.]

19

[ОБ АЗЕФЕ]

На днях прочитал, в рукописи, статью «Конец Азефа». Это совершенно ужасающая история, ошеломлен ею до отупения и, точно на кол посажен, все эти дни думаю о «Великом провокаторе». Статья написана по данным, которые получены от сожительницы А[зефа], кафе-шантанной певицы; она, кстати, была одной из дам скандального поезда в[еликого] к[нязя] Кирилла В[ладимировича], ныне объявившего себя императором. Куропаткин долго не мог изгнать из Манч[журии] этот поезд.

Известно, что А[зеф] любил жену и детей своих и в те годы, когда жил с певицей. Замечательно *просто* жил он после разоблачения, и ужас факта именно в этой простоте. Нажил человек денег продажей своих друзей, отсек от себя все свое стр[ашное] прошлое, устроил уютную жизнь и, наслаждаясь ею, жил, жил, жил вполне порядочным мещанином. Умопомрачительно просто. Отрывки из его писем к певице сентиментальны и пошлы — невероятно. <Ни одного звука. И поражает полное, совершенное отсутствие страха за свою жизнь.>

[Вторая половина июля 1925 г.]

20

[И. А. КУХАРЕНКО]

Украинец. Сепаратист. С восторгом о пром[ышленном] развигии Украины, с сомнением о том же Москвы. Хорошо ушитан. Маленькие глазки.

Галстук! Палец! Любимое колено — правое.
О Грушевском.
Хитер. Легко позволяет не верить ему.

[Не позднее ноября 1925 г.]

21

[ОБ ЭРДЕНИ БАТУХАНЕ]

Умный, с большим будущим.

Его рассказ о сойотах, о русских в Урянхайском крае.

Монахи-ламаисты, женщины и проституция.

Л. Толстой на монгольском языке.

Полковник Козлов. Барон Унгерн — пятое воплощение.

Тибет. Китайцы в Монголии.

Материализм и монгольская идиосинкразия к нему.

Паназиатское. Шопенгауэр. Гартман, христианство.

[Август 1926 г.]

22

[О К. ФОФАНОВЕ]

Пьяница Фофанов, грязневский и полуумный, был поэт божией милостию. Он обладал чувством священного отвращения к пошлости. На юбилее А. С. Суворина он, за обедом, в присутствии «сановных лиц» крикнул, подняв стакан вина: «Да здравствует революция!» Это — «неуместно», наивно, но это, не сомневаюсь, крик искреннего отвращения.

Живя в Старой Руссе, в 904 г. он, пьяный, просил милостыню на улицах у людей, страдавших от ожирения. Его дочь, девочка лет 12-и, имея на руках троих или четверых сестер и братьев меньше ее, исхитрилась как-то поить и кормить их. Фофанов платил за это тем, что читал ей стихи, плакал и называл ее святой, а себя всячески поносил. Дочь утешала его, укладывала спать, говорила:

— Ты — милый, ты хороший, спи.

[ОБ А. БЕЛОМ И А. БЛОКЕ]

¹ А. Белый вычитал и выдумал множество страхов, доброй половине их он сам не верит, а другою половиной, хитрый, украшает себя, делает интересным. Боится своего же разума, который мешает ему ², «поэту, погрузиться в непрерывный транс священного безумия».

¹ Андрей Белый — хитрый человек, он <играет> запугал сам себя тайнами ² Далее было: быть «поэтом, живущим в непрерывном транс священного безумия»

Но он — поэт, несмотря на все свои фокусы и вопреки им, он настоящий поэт.

И Блок, замороженный своей темой, нарочито ³, из страха не одолеть другие, приковавший себя к ней, Б[лок] тоже, конечно, поэт.

Но почему считает себя поэ-

[1926]

23

[ОБ ЭМАНУЭЛЕ ДЕ БОМЕ]

Профессия: европейский «социалист». Тип: Подколесин Гоголя, но — женат. Эленс, Экхоут, Нель Дюфф и еще многие — его друзья. Но — больше ничего не может сказать о них. Борода. Фламандец. Ботинки! О Шарле де Костер!

[Май 1927 г.]

24

Шульгин.

Похвалили за 20-й год. Начал писать с рощерками.

Юр. Мил[ославский] — сочинение Хлестакова.

Талант[ливый] антисемит — такое словосочетание допустимо, ибо говорится же: талантливая бестия, замечательный жулик и т. д.

[1927]

25

[ОБ А. Н. АЛЕКСИНЕ]

...моего друга д[октора] А[лексина], который сказал морскому офицеру, кичившемуся подвигами своими на японской войне и мужественным поведением в плену:

— Народ защищает не вы, а я — медик и мой сын — инженер. ¹

[Начало мая 1928 г.]

26

[О В. Е. ДРОВЯНИКОВЕ]

Дал два концерта в Риме, и одиннадцать газет напечатали о нем восторженные рецензии, а одна из них озаглавила свою: «Будущий Шаляпин?»

³ Исправлено, было: искусственно

¹ Беседовали два профессора: Ширяев — наложные болезни и Тихомиров — сифилидолог, <лечивший преимущественно аристократию>, у которого лечились члены семейства Романовых и <всей> придворной аристократии.

Тогда бывший солдат, ¹ человек «некультурный», напечатал письмо, в котором заявил, что его смущает преувеличенность похвал и что Ш[аляпин] «каково бы ни было его»

[Начало мая 1928 г.]

27

Цвейг.

Нашел значительно больше, чем ожидал, хотя ожидал немало. Удивлен обилием одухотворенных физиономий в собраниях, на улицах, удивлен любознательностью детей.

Проф. Дана.

[Сентябрь 1928 г.]

28

[О Ф. И. ШАЛЯПИНЕ]

О нем уже можно писать «воспоминания», он скоро умрет. За три года он так одряхлел, точно уже боролся со смертью и, не победив, она жестоко измяла его ¹. Ему ² только 56 ³, но кажется, что 65. У него диабет, но он пьет вино бутылки по две в день.

Кожа лица его стала дряблой ⁴, и лицо великого артиста, послушное малейшим волнениям чувства, утратило изумительную способность говорить больше и лучше, чем могут сказать самые красивые слова. ⁵

Бывало, если он ⁶ говорил: «Когда я умру», за этими словами не звучало ни страха, ни обиды, теперь он не говорит о смерти, но — думает о ней ⁷ так, что это видишь. Его умные глаза потеряли властный блеск ⁸, мутный взгляд уже не выражает снисходительного пренебрежения к людям, которых он так легко заставлял плакать и смеяться.

— «Я счастлив. Я — счастливый человек», — убеждает он себя, — раньше он никогда не говорил этого, раньше он бунтарски кричал ⁹:

Я — несчастный человек. Подумайте, — что мне делать? ¹⁰ Я сыграл все и больше не вижу ничего, в чем мог бы развернуть, исчерпать до конца ¹¹, показать людям мою силу. Для меня нет музыки.

¹ и красноармеец, вождь партизан

² *Исправлено, было:* и хотя она не победила, но безжалостно и жестоко измяла его ³ еще ⁴ лет ⁵ и кажется, что на лице наклеен «грязный» нечистый, измятый носовой платок. Глаза — мутные ⁶ Кожа лица ∞ красивые слова — *вписано на полях.* ⁷ полушутя ⁸ и думает ⁹ *Исправлено, было:* «свой» тот острый блеск, с кото[рым] погасло ¹⁰ это о себе ¹¹ *Исправлено, было:* а) Мне не[чего] б) Мне нечего делать, нечего петь, я все спел и я пропел ¹¹ до конца — *вписано.*

Это были искренние жалобы артиста¹². С какой радостью он говорил:

— Знаешь, Танеев пишет «Эдипа». Вот это я сыграю¹³.

Отсутствие интер[еса] к музыке, к ее истории.

Равнодушие к искусству.

«Меня — хватит»

«Сам».

Задумался, шевелит губами.

— Как это он делает языком, когда говорит — царь?

Произнес несколько раз.

— Не умею. Дурак он, все-таки. Когда выпевает свои козырные ноты, так точно лакей телячьи котлеты подносит¹⁴.

[После 21 апреля 1929 г.]

29

[О В. МАЯКОВСКОМ]

[1]

2. Мустамяки

«Облако в штанах»

1. Сначала у Любовиной

Сконфузился.

Это вызвало у меня впечатление невыгодное для него, казалось, что он убеждает сам себя в своей революционности.

[Вторая половина апреля — май 1930 г.]

[2]

Я не поражен смертью В. В. Маяковского. С первой встречи он вызвал у меня совершенно определенное впечатление человека надломленного, и тогда же я сказал кому-то, что этот парень скоро ломает себя, — он сам или кто-нибудь другой; вероятно женщина. Видел я его у художницы Н. Любовиной весной 14-го года. Там читали стихи Клюев, Есенин, Шкловский, должен был читать и В. В. Длинный, неуклюжий, с лицом, обтянутым серой кожей, нахмурясь, облизываясь, гримасничая, обнажая больные зубы, он глухо, торопливо и невнятно произнес несколько строк, махнул рукой, круто повернулся, исчез в соседней комнате, притворив за собою дверь. Сказали, что он сконфузился. Хозяйка квартиры и m-me Брик долго и безуспешно уговаривали его — читать. По рассказам Маяковский изображался человеком, который любит

¹² которому действительно ¹³ На полях рядом с этим абзацем Горький написал: «Нерон» Арриго Бойто. «Эдип» Танеева. ¹⁴ Задумался ∞ котлеты подносит — вписано на полях.

конфузить других, и было приятно, что рассказы оказались не-верными.

Летом он приехал ко мне в Мустамяки. Очень скромный, милый человек с пристрастием к словесным фокусам. Через десять минут он уже декламировал:

«Седает к октябрю сова
Се деют когти Брюсова».

[Вторая половина апреля — май 1930 г.]

[3]

«Слово — полководец человеческой силы» —

Маяковский

[1930—1936]

30

[О ВАСИЛИИ ВЕЛИЧКОВСКОМ]

Был он толстомордый, нахальный, глаза цвета дубовых желудей, ходил как-то особенно, выворачивая колени и потрясая ягодицами. На женщин смотрел прищуриваясь, победоносно кричал и говорил тоном знатока:

— Н-не дурна к-курочка. Но я знал одну... похожую... И рассказывал пакости. Именовал себя анархистом.

— Как я — анарх[ист], то признаю только себя и бога.

— А Николая чудотворца?

— Так я же не мужик! Это мужиковский святой.

Подражая итальянцу, пытался сразу втянуть в пищевод целую тарелку макарон, но едва не подавился и — плакал:

— Это меня чорт на глупость подбил!

При всем этом нельзя было думать, что он способен¹ убить. Труслив был.

[Не ранее 9 августа 1930 г.]

31

[О В. БРЮСОВЕ]

За 10 лет до «Санина» Валерий Брюсов писал в своих «Новых заветах»:

«...Никому не сочувствуй,
Сам себя полюби беспредельно».

¹ на убийство

Брюсов — весьма интересный «молодой человек». Как романтик он — грубое, почти карикатурное воспроизведение типа романтика немецкого — конца XVIII века.

Как русский «мыслитель», который чувствует сквозь мысль, он тот самый «Рыцарь на час», о котором сказано Некрасовым:

«Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет».

Он, как поэт, пел под Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и даже под Штейнера, завещая:

«Жить неземным на земле».

Он сознавался:

«Я действительности нашей не вижу,
«Я не знаю нашего века»,

— но это неверно, это игра в прятки с самим собою.

Брюсова нельзя обойти, говоря о нашем «молодом человеке», он заканчивает галерею типов.

В статье о «Рене» и «Адольфе» Вы не так разъединяете авторов от героев, как в статье о Лермонтове, автора с Печориним.

[Апрель — май 1932 г.]

32

«Маска и душа» Шаляпина.

Книга написана по рассказам Федора Поляковым-Литовцевым, как говорит Ирина Шаляпина.

По ее же словам:

— «Ты, там, скажи, Климу — Ворошилову — что я не совсем еще сволочь».

Раздражителен — болезненно. Боится смерти, и его — видимо — страшат ею.

О книге: «М[аска] и Д[уша].

«— Одни говорят — издавай, другие — не надо! А — подите вы все к чорту!» Сорвал со стола скатерть вместе с посудой.

[1932—1936]

33

[О А. А. ЯБЛОНОВСКОМ]

Недавно умер в Париже А. Яблоновский, один из сотрудников подлейшей газетки «Возрождение». Он печатал в этой газетке маленькие фельетоны, грубо, старчески глупо и злобно издеваясь над Союзом Советов. Он, вообще, всегда был человеком недаро-

витым, но так как «на безрыбьи и рак — рыба», эмигранты назвали его «королем шуток». Шутки его относились к разряду писания на заборах неудобосказуемых слов и мазания ворот дегтем. Но один раз за всю свою долгую и бесполезную жизнь он пошутил неплохо, и мы приводим эту шутку как воспоминание о том годе, когда все, — кто хотел, неплохо шутили.

«Сын отечества» 13 (26) сентября 905 г.

Письмо в редакцию

М. г., г-н редактор!

Позвольте при посредстве вашей уважаемой газеты обратить внимание благотворителей на бедственное положение наших бакинских нефтепромышленников.

Как теперь уже с полной очевидностью выяснилось, минувшее восстание татар и происходившие на промыслах пожары настолько подорвали благосостояние многих крупнейших предпринимателей, что ныне они вынуждены хлопотать о казенной помощи.

Посему, прилагая 1 рубль в пользу г. Ротшильда и других голодающих нефтепромышленников, я позволяю себе выразить уверенность, что среди читателей «С. О.» найдутся добрые люди, которые присоединятся к моему пожертвованию, и что общими силами нам удастся открыть хотя бы одну бесплатную столовую и таким путем предотвратить развитие цинги и тифозных заболеваний среди голодающих предпринимателей.

Александр Яблоновский

[Март 1934 г.]

[ФРЕЙБУРГСКИЕ ЗАМЕТКИ]

1

13 человек немцев едут из Фрейбурга в огромном, желтом автомобиле, любятя Шварцвальдом. Все очень веселы. Собираются тучи. В горах гулко раздается удар грома.

— Битте? — спрашивает молодой немец, глядя в небо.

13 немцев хохочут.

Через минут[у] — снова гром.

— Битте? — спрашивает остроумный немец, а остальные хохочут.

Еще удар.

— Битте?

И — единодушный хохот.

Так — семь раз.

И семь раз:

Битте?

И семь залпов здорового хохота.

Девочка, лет шести, присев над канавой, около дороги, озабоченно и усердно испражняется. Профессор М., указывая на нее, говорит с явной гордостью:

— Немецкий народ даже это делает хорошо.

[Июнь — август 1923 г.]

2

Немка-нянька, здоровенная девушка на толстейших ногах. «Мне приятней играть с вашей собакой, чем с этим еврейским ребенком».

Вслух, серьезно, при родителях ребенка. Великолепный день, воскресенье, множество цветов.

* * *

Кинематограф: муж жену бьет пинками в зад — общи[й] весел[ый] хохот. Заставляет ее носить на спине шкаф — хохочут, сбрасывает с лестницы — тоже хохочут.

Жену играет большая, красивая женщина.

[Июнь — август 1923 г.]

3

Неожиданная и нелепейшая исповедь... — предо мною.

Кажется, — ни у кого нет такой последовательности попыток доказать биологическую законность гомосексуализма, как это замечается у немцев. Штейнах.

Легальные клубы гомосексуалистов в Берлине. Журнал. Рестораны. Отношение полиции.

Никто с таким упрямством, как немцы, не отстаивает необходимость подчинения женщины мужчине.

«Научные» работы, утверждающие, что женщина «низшее существо». Вейнинггер.

Лесбианство.

Наш, русский — особенно у Н. Ф. Федорова — взгляд на женщину.

Его слова о «не тяжелом, но губительном господстве женщин».

Страх Достоевского пред женщиной.

См. 29.III.906 и декабрь или январь 914, а также и раньше — 904—3.

Затем — история П. Я. Ф., О. М-вой, Савельевых, Хорошева.

[Июнь — до 15 ноября 1923 г.]

Поистине, — есть очень романтические немцы!

По улице Фрейбурга идут кавалер и дама, он обнял ее за талию одной рукою и держит руку ее другой; она склонила голову на плечо его и лицо ее — блаженно. Их собачка, встретив другую, обменивается с нею обычными собачьими любезностями.

Кавалер, вздохнув, говорит даме своей:

— Как просто счастье...

[Июнь — до 15 ноября 1923 г.]

Ожидание чуда есть — в сущности — выражение неверия, тут скрыто желание восстановить связь с чем-то уже утраченным.

У Эберта. Обед — кончен, один из гостей подходит к жене Эберта и, благодаря, целует ее руку. Frau Эберт смотрит в сторону мужа и затем, вполголоса, говорит почти незнакомому ей человеку:

— Ах, какой вы шалун!

Но это не следует понимать, как выражение некоторой игривости характера, это означает только отсутствие у немецкой дамы привычки к любезности немецких мужчин.

[Июнь — до 15 ноября 1923 г.]

Проф[ессор] Гейлорд из Буффало. Специальность по саркоме — умирает от этой же болезни — рак кишок. Его гипотеза иммунитета. Опыты с цыплятами и крысами. Медики уверяют его, что больше года он не может прожить при наличии помогающей раку Брайтовой, — он уверен, что проживет 10 лет и больше — до поры, пока не докажет, что саркома легко излечима.

Человек широких интересов, веселый. Любит рассказывать анекдоты. День — на ногах, день — лежит. Его кухарка-негритянка влюбилась в китайца, он, шутя, говорит ей:

— Подумали ли вы, какими будут ваши дети?

— Мы любим друг друга и женимся, хотя бы наши дети родились евреями.

Штейнах встречается на улице жену одного из своих пациентов; она катит перед собой колясочку, в коляске ребенок.

— О, — говорит Штейнах, — значит я хорошо помог вашему мужу, если у вас уже родился ребенок!

— Увы, господин профессор, этот ребенок и есть мой муж...

[{о 4 июля 1923 г.]

Началось немецкое веселье: ежевечерне играет граммофон, мужчины, не торопясь, ходят по залу, и, обняв девушек и дам, толкают их коленями в нижнюю часть животов. Они говорят, что это танец. Но я не слышу музыки, я вижу только движения, и мне легко принять это безмолвное таинственное дело за систему коллективного производства абортюв.

[Август 1923 г.]

Человеческая солидарность:

Землетрясение в Японии. Китаец Чонг, коммунист, говорит: — Конечно — очень жаль людей, но — они столько сделали нам зла!

Немец, равнодушно:

— Вот если б это в Париже случилось.

Француз, оживленно:

— Я предпочел бы землетрясение в Берлине.

Ирландец О'Гара; первым словом:

— От этого опять выигрывают С. Ш. Америки.

И подумав:

— И, вероятно, выиграете вы, русские.

Хозяин дома, где я живу, д-р Б., бездельник, путешествовал по Италии, откуда привез кучу дешевеньких, пошлейших вещей и поддельную картину. Запретил нам кормить безработных.

Моя кухарка, старушка, «фон», читает Канта.

[Начало сентября 1923 г.]

Студенты

«— В тот день, когда отсохнет — устанет, обессилит? — рука, которая схватила за горло и душит Германию, — в тот день все социалисты, коммунисты станут немцами и начнут единодушно готовиться к уничтожению проклятой <ferflichter> Франции».

«Франция — раковая опухоль Европы».

Речь барона Геттлер. Или Готлер?

Банкет у директора — какой фабрики?

Издавательство над голодными.

Отношение к женщине. Сцена в замке, в кино, уличная сцена. Рассказ Максима о том, как немец угощал даму в «Казино».

Осень, Великолепнейший день; голубая песня неба; черное-лесье, расшитое золотом, синицы, дрозды, сойки.

Ребенок над рекою, его грозная рожица, жесты и крики, — он, как будто, воображает себя властителем стихии и сердится, видя ее непослушной.

Молодой, длиннорукий батрак, полуидиот, стоит над кучей навоза, с улыбкой наблюдая полеты жирных, осенних мух.

Профессор Кон, философ, раньше — естественник; автор «Логики», «Диалектики»; его лицо, когда он чистит шляпу, испачканную птицей. Укоризненный взгляд в небо.

Отношение к нему батрака. Батрак напоминает один из рассказов Мопасана.

<Проф[ессор] Ашов.

Развяжите нам руки, дайте оружие и в Германии исчезнут...>

[Октябрь 1923 г.]

10

Октябрь 21 [1923].

Правительство отпустило Патологическому институту Фрейбурга на весь год — до окт[ября] 24-го — 18 миллиардов. Институту нужно только одного бензина на год на сумму 130 миллиардов.

У Ашова (Achow) все места ассистентов расписаны и заняты до 27 года.

Мензура [?] — ректор университета — распорядился, чтобы студенты со свежими ранами на мордах — не ходили по улицам, ибо это раздражает рабочих.

Г. по поводу убийства Ратенау: «Одним жидом меньше».

Антисемиты в университете.

Попытка Х. дать «философское» обоснование юдофобства.

Гемель и его теория «очищения».

Во Фрейбурге множество самоубийств на почве голода. Сегодня за день, по словам д-ра Леви, 4.

Трагикомическое:

Старик повесился, сосед, вынув его из петли, снял с ног самоубийцы ботинки и удрал с ними. Самоубийство оказалось неудачным, и старик, придя в себя, тотчас же заявил о краже ботинок.

Человек ударил себя ножом в грудь, ранил легкое. Но это ему не понравилось. Он сам перевязал рану, пошел в пивную и напился пьян. Ночью, чувствуя слабость, пришел в клинику, рассказал все, что случилось, и на вопрос: зачем он напился? — ответил:

— С радости, что жив.

1

Герцог Серра Каприола и синьор Руффино, флорентиец, человек литературно образованный, обладающий интересной библиотекой, рассказывали совершенно серьезно и с глубоким убеждением:

Змеи любят молоко женщин и высасывают его, когда женщины спят. Вот почему крестьянки так панически боятся змей. Известен факт, когда змея, высасывая молоко матери, сунула хвост свой в рот ребенка. Все трое были очень довольны.

Возражения против змеино-молоколюбия были приняты почти с обидою и успеха не имели.

Боязнь змей, действительно несколько повышенную здесь, вероятно можно объяснить слишком частыми напоминаниями попов о случае в раю, с Евой.

Здесь женщины так много родят, что, наверное, райские удовольствия — и неизбежность их — могут пугать женщин.

Повышенная половая жажда мужчин.

Широкое употребление средств, возбуждающих деятельность половых эмоций.

Быт. Квартиры.

[1924—1929]

2

Снег на пальмах.

«Женщина — существо как бы потустороннего мира».

Зеленая зима.

Каменщик Симга и Джиованни Кокачио.

Пепинелла. Осел и [нрзб.]

Маленький монах — идиот. Его «символическая» манера просить милостыню у мужчин и женщин; в обоих случаях левая рука изображает для мужчины: жен. пол. орган, для женщины — мужской. «Возможно, что это не идиотизм, а — святость, ваша церковь, кажется, именует людей этого типа «блаженными» (Si é nominanto *)».

[1930—1931]

3

[1]

9. XI [1926] Вчера пришли к Роберто Бракко, схватили его, заперли в ванную комнату, выкинули на двор все книги, рукописи и там сожгли.

* Называются (итал. — *Ред.*).

За несколько дней до этого посетили Бенедетто Кроче, перерезали провода в квартире, перебили, переломали вещи. Кроче говорит: «Зачем же для таких пустяков посылать 45 человек? Пришел бы сам Дуче, сделал бы все это. Мне было бы более лестно».

Одного сенатора неаполитанца вызвали в какое-то фашистское учреждение, задержали там на всю ночь, а утром, возвратясь домой, он нашел всю свою квартиру разгромленной так усердно, что в одной из четырех ее комнат даже стена оказалась выломанной.

Из 40 профессоров Агроинститута осталось семеро, остальные изгнаны.

В Неаполе ежедневно поступает до 300 и более заявлений о выезде за пределы Италии. Рим не дает разрешений.

Аристократия все уверенней говорит, что Дуче принужден будет обстоятельствами объявить себя диктатором или президентом республики и даже — говорят — императором. «Все может быть, все может быть», — говорит маляр у Чехова. Он оказался пророком единственным, который не ошибся в предвидениях своих. Хотя — если я не ошибаюсь — Чехов не изобразил его пессимистом.

[2]

Закон о смертной казни прошел большинством 341 против 12-ти. Гуманизм. Культура.

Оппоз[иц]ия объявлена лишенной депутатских прав.

До vott'a — семеро депутатов тоже лишены были этих прав.

[3]

20. XII [1926]. Турати и его товарищи бежали потому, что их предполагалось выслать в Триполи. Бежало 19 социалистов. Есть слух, что в Триполи будет выслано около 900 социалистов.

В тюрьмах, по словам Р. Т., 29 тысяч.

[4]

Анекдот: король уронил платок, Муссолини поднял и подал его королю. Король сказал:

— Благодарю Вас за то, что Вы отдали мне платок, это ведь единственное место, куда я могу сунуть свой нос.

[ЗАМЕТКИ К ЛЕКЦИЯМ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ]

[1]

Державин. Широко жил. Принимал гостей в халате с собачкой за пазухой.

Дмитриев. Министр юстиции, поэт. Лом[оносов]. Отз[ыв] Бел[инского].

Кар[амзин]

Жук[овский]

Пушк[ин]

М[осква] и П[етербург] — 55-я.

Гибель Витберга.

Лажечников, директор гимназии в Яросл[авле]. «Л[едяной] д[ом]». Пишет: «Буду гордиться, если Брамбеус побранит мой труд».

Русь Новгородская. Русь Киевская — Московская.

40-е годы. Гер[цен] говор[ил] о себе: «широкий взгляд, человеческие симпатии, теплая дружба, добродушие, а фон всему — слабый характер». 2-й 349.

Что читали — стр. 350.

О лек[циях] Грановского 353.

40-е [годы]. М[осква] и П[етербург] — 56 стр.

[До 3 августа 1909 г.]

[2]

«Алексей Слободин». Роман Альминского (Пальма).

Поручик Момбелли — Мориц?

Помещик Спеишев — Рутковский?

Поруч[ик] Григорьев — Николай

Ш[табс]к. Ф. Львов

Студ[ент] Пав[ел] Филиппов

Канд[идат] унив[ерситета] Н. Ахшарумов

Студ[ент] Алекс[ей] Ханыков — Купенцов?

Служ[ащие] в Азиатс[ком] депар[таменте]: Ипполит Дебу
Конст[антин] Дебу
Ник[олай] Кашкин.

Литерат[оры]: Сер[гей] Дуров — связь с др[угими] кру[жками].

Фед[ор] Достоевский

Ал[ексей] Плещеев

Тит[улярный] сов[етник] — Головинский

Учитель Феликс Толь

Пом[ощник] инспект[ора] Ястржембский — «Пан» Горжельский

Поручик Александр Пальм
Тит[улярный] сов[етник] — Тимковский
Кол[лежский] секр[етарь] Европеус
Мещанин Петр Шапошников
Почет[ный] гражд[анин] Катенев
Бывш[ий] исправник Черносивтов

Кроме того: В. Майков
А. Майков
А. Григорьев
В. Белинский
Благосветлов
Милюков
Чернышевский
Ир. Введенский
Н. Данилевский
Щедрин-Салтыков

Бывал Михайлов — «автор статей о пролетариате». Петраш[евский] — Дмитр[ий] Сергеевич.

[До 3 августа 1909 г.]

[3]

К «Истории». Воронов. «Болото».
Сравнить с детством Толст[ого], Аксакова. Жизнь студенчества — 162.

Сон — 178.

Где лучше — 176.

Пальм. Быт — 14—15—18.

30. Сам снимал штаны для порки!

Тенденция Юзова!

Самоопределение: мы светильники — 104.

Воззрения кружка — 339.

XI

[До 3 августа 1909 г.]

2

Если литература воспитывает общество,— то и общество, наоборот, влияет и должно влиять на литературу, свой мыслящий орган.

[1909—1913]

3

Поэты не умирают.

Сомкнулись уста, но слово Раписарди живо и будет жить!

[1912]

Истинное искусство не может процветать среди социальной неискренности. Попробуйте объективно написать бытовой роман, и вы увидите, что это труднее изображения мировой проблемы.

[1915]

5

— Пр[офессор] Ал-др Введенский:

«Социализм возник из сочетания двух слов: латинского — социо и греческого — изм. Такое варварское сочетание оскорбляет филолога. Надеюсь, г.г., что среди вас нет социалистов».

— Семинарий по Пушкину; студент берет темой исследования вопрос: курил Пушкин или не курил? Проработал два года, перерыл массу книг и доказал — курил!

[До 1919 г.]

6

Карамзин писал:

«Ложь, чуждая добродетели» Значит ли это, что он допускал существование лжи, не чуждой добродетели?

[1920—1929]

7

РУССКИЙ ЯЗЫК

Бор[ис] Пильняк в повести «Третья столица» пишет:

«В поезде был вагон детских *сосков*, закупленных за границей Внешторгом: впоследствии выяснилось, что вместо *сосков* оказалась в вагоне другая резина».

Б. Пильняку, видимо, не совсем ясна некоторая разница между соском и соской.

Пильняк пишет: «Иногда она — воля народов — замирает, тогда у государств нет истории, как у китайцев в последнее тысячелетие».

Не говоря о том, что Пильняк имеет весьма не точное представление об истории Китая или забыл хотя бы, например, о восстании тайпингов, стоившем Китаю 30 миллионов жизней, а также о Большом кулаке Китайской революции, он соединяет слога «как у кита», чего лучше бы не делать ради сохранения благозвучия. Пушкин, написав «грузинка красивая», посоветовал себе уничтожить соединение «ин как рас».

Пильняк называет себя подмастерьем Ремезова, но в повести «Тр[етья] ст[олица]» не чувствует влияние Ремезова, а раздражает плохо усвоенный стиль Белого.

[Март 1923 г.]

Пильняк. «Speranza»:

«с неделю от берега и за неделю до него — чайки и точкою в небе — кондор».

Где это он видел кондора «за неделю до берега?»

Мариэтта Шагинян. «Перемена».

«Литература, общественность, даже наука, в чем нельзя сомневаться, объединились с небывалым подъемом».

«Пахнет — подливкой, настоянной на сковородках французским поваром».

«Посасывают гнилыми зубами английские трубки».

«Командант закусил рюмку водки маслиной, проколотой вилкой».

«Именитые гости наперебой поднимали шипучие тосты».

«Длинногорлышевая бутылка».

«Знаменитый вояка Икаев языком сделал во рту на манер перепелки».

«Курлыкнул, как дятел».

[1923]

9

Бальзак

Его изумительная гениальность: в 31 году, в «Шагреновой коже» он писал:

«Воля человека есть материальная сила, подобная пару; в мире нравственном ничто не устояло бы пред ее мощью, если б человек научился — сосредоточивать ее, управлять всей ее суммой и постоянно направлять на души проекцию этой текучей массы, — человек мог бы по своей воле видоизменять все, даже абсолютные законы природы соответственно задачам человечества».

Это то же самое, что говорит доктор Наум Котик в книге «Эманация психо-физической энергии», Москва, 1904, переводы на немецкий, английский языки в 907—9. Надо только подставить под «материальную силу» Бальзака эту «эманацию».

Эта же идея у Шоу «Назад к Мафусаилу». И вообще этот взгляд на роль «психо-физической энергии» встречается в разных формах — все более часто. Значение его в деле организации и развития воли человека может быть огромно.

А Бальзак — изумителен.

[1924]

[УЭЛЛС...]

[4]

Уэллс «Душа епископа».

Очень, очень плохо! Даже — неловко читать, неловко за автора. Кроме Юма и Гоббса, на пути каждого мыслящего англичанина обязателен некий камень преткновения.

Чрезвычайно «оригинальны» ответы ангела епископу:

Епископ: «Что такое истина?»

Ангел: «Тебе не надо постигать этого умом».

Так говорил мне архимандрит Паисий, так ответит любой — не совсем глупый русский поп.

Не плохо сказал ангел:

«Какое тебе дело до творения?»

«Благодарю вас, ангел мой», — ответил бы Беранже.

Нет, рационалисты не умеют, не способны размышлять о элементарном: Боге, любви, смерти.

[2]

Уэллс «Душа епископа».

«Бог призвал к себе людей, нуждаясь в них, в их службе... как вожжи нуждаются в подчиненных».

Не очень ново. Я сказал давно уж где-то:

«Человек — орган познания природою самой себя, своих целей».

И еще: «Бог для людей — тот же хозяин для рабочих».

Все это — атеизм. Непобедимый.

Жаль, что Уэллс не остановился более подробно на мысли об «опасности чрезмерной точности», — мысль весьма почтенная.

«Бог — владыка копеечной газеты и омнибуса и всех обыденных вещей» — это раньше и лучше сказано Н. Ключевым в его «Субботе».

«Ангел простых, человеческих дел».

[1924]

11

Др. БОНЬЕ

— Вы слишком серьезно относитесь к пустякам и мелочам жизни.

— Мелочи жизни не пустяки, дорогой мой, мир, говорят, создан из частиц, невидимых глазу; туберкулезная бактерия — тоже мелочь. Выпейте водки!

⟨Русские всегда стремились к тихому и безмятежному житию, что нормально, это общее стремление человечества. Выродки — бунтари⟩.

Когда А. Фр[анс] говорит о себе: я коммунист, это я принимаю как милую шутку аристократа духа, человека, которому нравится ирония и приятен скепсис. Но когда бездарный пр[о]фессор Гред[ескул] или нечестный жур[налист] Лемке объяв[ляет]

[1924]

12

Говори о людях как можно хуже, — скажешь много правды.

А. Франс — прав: «человек отличается от животного ложью». И еще — смехом, хотя собаки — тоже смеются. Но, впрочем, и собаки, кажется, умеют лгать.

[1925]

13

Лоурэнс. «Флейта Аарона»

Разрешение книги в XXI главе.

В ней спутаны, — но не слиты — три вполне ясных влияния:

1 плохо понятое нищезнание,

2 истерическая ненависть Достоевского к действительности

3¹ и еще одно, близкое «человекомании» Горького.

[1925]

14

[О РОМАНЕ Ф. А. СТЕПУНА «НИКОЛАЙ ПЕРЕСЛЕГИН»]

Ф. А. Степун дописал и напечатал свой «роман» о некоем красно-речивом Николае Переслегине. Вероятно, книга эта читалась бы не без интереса во времена Тика, Шлегелей и Новаллиса. Но — с той поры прошло почти полтора столетия. За время от наполеоновских войн до сокрушительной бойни 14—18 годов случилось немало событий, хотя и не столь «великих», но все же весьма значительных. Древний старичок Переслегин ничего этого не почувствовал. Он помнит, — но уже смутно и спутанно — Фихте, помнит Шеллинга. От современности у него только «красочный», но эклектический язык, в котором слышишь всех, более или менее искусных «словотворцев» последней четверти века.

Разумеется — от книги, посвященной «вечному», нельзя требовать интереса к жизни сего дня.

Но — до чего же необоримо скучно это «вечное», особенно когда о нем рассуждает толстый, добродушный человек с немецким уклоном ума и бабьим лицом.

Уважение к людям требует, чтоб человек, решив пустить пулю в лоб себе, делал это, по возможности, не очень громко.

[1925]

¹ человекомания Горького.

Первый № «Возрождения» Петра Струве.

Удивительно смешная газета; должно быть потому, что создатели ее совершенно лишены чувства смешного. Особенно забавен Антон Карташев. Хотя я его знаю, но все же, мне кажется, что это — псевдоним Иуды Головлева. Всесторонне импотентен. Страхолюб. Злости своей тоже боится.

В 16 или 17 г. приходил ко мне, осведомлялся: како веруеши? Желтый, тощий: ручки, ножки трясутся. Обрадовался, когда я сказал, что нахожу революцию преждевременной. Огорчился, услышав, что, по моему мнению, она все-таки неизбежна. И снова обрадовался, услышав, что революция может поглотить всю рабочую и сочувствующую рабочим интеллигенцию, а выиграет от этого только мужик. И еще раз огорчился, когда я сказал, что и это будет большой выигрыш. Вообще же огорчался он охотнее, чем радовался.

Мне показалось, что выспрашивает он по инициативе Мережковских, — это было в те дни, когда Д. Мереж[ковский] напечатал статейку «Не святая Русь» и в конце ее заявил, что «мы — с Горьким».

Спасибо за компанию. Не ожидал.

Очень плох И. А. Бунин в своих «Окаянных днях». Истерика Леонида никогда не удивляла меня. Л[еонид] был невежствен и слишком напряженно желал, чтоб весь мир, притаив дыхание, слушал только голос Андреева. Бунин — умен по природе, достаточно образован. Видеть его в состоянии столь болезненного бешенства и обидно, и противно. И жалко художника. Пропал художник.

[После 3 июня 1925 г.]

16

«Не святая Русь Пушкина, которую не мог любить Достоевский, любивший жестокою Русь!»

Антон Вл. Карташов у меня в 16 году.

Его страх перед жизнью, его сознание бессилия своего и ему подобных.

Он — в эмиграции.

⟨Рассказ А. В. Амфитеатрова об отношении Суворина-отца к А. П. Чехову — к Розанову — Меньшикову: «Один — не успел договорить, другой — боялся договорить и — во многом — переболтал, а третьему нечего было сказать, но он был самый популярный»⟩.

Первое письмо В. В. Розанова ко мне в 903 г.

К. Леонтьев и Бакунин М.; их сходство.

⟨Герцен и В. Г. Короленко.⟩

[1925—1927]

Антиинтеллектуализм рус[ской] прозы в противоречии с глубочайшим философским интеллектом поэзии русской.

— Баб — нет, приходится самоснабжением жить.

Человек неизвестного назначения.

Герои Яровицкого.

О'Генри.

[1925—1927]

Очень хорошо сказал Стефан Цвейг:

«Люди со странностями зажигают во мне неодолимое желание узнать, разгадать их, это у меня не менее сильно, чем жажда обладания женщиной».

«Амок».

Это сказано настоящим художником.

[1926]

[ОБ И. БОЙЕРЕ]

Из книг Иогана Бойера на русский язык переведены в 24—6 годах только две: «В лунную ночь» и «Северные герои». Обе очень понравились мне, так же, как и раньше, двадцать лет тому назад. Я люблю читать книги Бойера о простых людях. Это такие мудрые книги. Не весела наша человеческая мудрость, не весела, как наша жизнь. Но Бойер, на мой взгляд, обладает — кроме ясного, как лунный свет летом — таланта, еще и великим даром милосердия. Он любит людей, изображаемых им, он знает их и хорошо видит их мысли, чувствует биение их сердец. За это и его любишь, как искреннего друга людей. Я — тоже человек, как все, и, как читатель Бойера, я рад, что в Норвегии есть художник, которому люди дороги, близки и который умеет рассказывать о них с простотою мудреца.

[1926—1927]

Жозеф Жолинон, Мак Орлан, Дю-Гар и другие современные французы интересны лишь бесплодностью их попыток найти новую форму романа.

Кажется Мак Орлан единственный, кто чувствует необходимость слияния реализма с романтизмом. Интересен он также и своею враждой к деревне.

Шервуд Андерсон, Г. Кемп, Р. Сервис, Джим Тулли и близкое будущее литературы США Америки.

Амброза Бирс не читали ровно 20 лет.
Евгений О'Нейль.

Мнение Р. Роллана об американском «идеализме».
Беседа с профессором Хейлорд.

Дьюи, его педагогика и философия, его отношение к «американ-
низму».

Брисбэн. Гиддингс.

[1926—1927]

21

Палермо — Рассказ Лели Р.

Форш о Зубакине:
«Провинциальный вампир».

[Конец 1927 г.]

22

Под влиянием каких впечатлений воспитывается лит[ератур-
ная] молодежь?

Письмо Жарова к барышне.

«Мне оборвали телефон». Не печатайте статьи.

Книга Морана.

К. Маркс в одном из своих писем назвал людей беззаботных к
истории и классич[ескому] искусству идиотами. У нас, среди марк-
систской молодежи, проповедь нигилистического отнош[ения] к
искусству, и

Ах туда — ни ногой!

Революционно кричит, а живет по-мещански.

Не всегда, впрочем. В Праге:

«Как вы относитесь к писателю X?»

— Такого писателя — нет.

— Как это — нет? Он — печатается...

— Если я говорю — нет, значит — нет.»

[1927]

23

— Мы каемся.

— Мыкаемся зря, — переводил Кумов.

Характерны:

Жаров, в стихах кот[орого]

Родион Акульшин.

Костя Рябцов — Огнева.

Пантелеев, Белых — авторы «Респ[ублики] Шкид».

Рабкор Жига, автор книги «Думы, дела, заботы рабочих».

К познанию Росси[и].

«Искры науки», № 2-й.

Обо всем.

[1927]

Василий Андреев:
 «Расколдованный круг».
 «Просто у них, у сумасшедших, мировые вопросы разрешаются».
 «Мозг — подлец».
 Всю бы жизнь в мальчишестве «пробыть».
 «Вот моя, мужичья мудрость».

Студент Тихон.

[1927]

О. Генри.

Во всех рассказах говорят:

вместо:

нектар — ноктюри

Гермес — Герр Месс

— Пикули путли

Попси — кипси.

перевоплощение — перерассмотрение

балтимороломеевская ночь.

Гогенцоллерн — Горгонцола.

Ахматова — 144 т[ысяч] Иностр[анная] лит[ература] и
 Н[овый] Ж[урнал].

Пантеон. Фиорды. Шиповник. Саблин.

Поль де Кок. Поль Феваль. Марием Марлит.

Невада подбежала к двери и сказ[ала]

— «Заметано». «Угробили».

Пошлости, как рассказ о Еве и ее невестке

Эниктели — старый болван

Сирано. Амброз Бирс.

Зависимость от Брет Гарта.

Юмор более дешевый, чем у М. Тв[ена].

стр. 203—23—41, 119 III.

Фруктовый пароход.

«Литература, это анекдот»

Далила добродетели остригает Самсонов порок
чужонец III

Ходкая книга. Красота слога 82—83

Горячий п[унш] 287—II

288 и Эйзенвальд

Мягкая кость осьминога

[1927 — начало 1928 г.]

Л. Леонов.

«Время показало одно: сколь велика была жажда романтики
 в те не героические будни».

Толстовское, сиречь: подлинно русское.

Чикилев: «Мысль — вот где источник страдания. Того, кто истребит мысль, вознесет человечество в памяти своей».

Достоевский тоже подписался бы под этим.

Митька — «Вор»: «Разумом нельзя человека постичь».

«Ум» самого Леонова.

«Художественно верное произведение *редко* бывает идеологически неправильным».

Осторожно.

М[итька] — вор: «Силу вырвать — не подвиг ли твой, женщина?»

Безответственные мысли: «Мечтатели всегда лживы».

«*По слабости*, присущей всем людям, Чикилев почитал себя венцом творения».

Маша Доломанова — из Достоевс[кого], Настасья Филипповна, Грушенька.

Чикилев — Лебядкин.

Достоевского — вообще — много, но язык — свой, леоновский, и очень богатый, очень красочный, меткий.

[1927—1928]

27

Единственный человек, который оценил правильно Тихона Вялова в «Деле Артамоновых» — Жироду. Странно. Книгу он читал в итальянском переводе.

[Январь 1928 г.]

28

Редактора

Щедрин — Сергей Атава

Короленко — Муйжель.

Острогорский —

[Конец февраля — начало марта 1928 г.]

29

Из умных обмолвок М. И.

— «Она прошла мимо того, чтобы стать красивой».

Сказано о молодой женщине, лицо которой почти красивое, было как-то излишне «записано», не раскрашено, а именно «записано», как это случается с портретами художников, — тех, которые не умеют воспроизвести индивидуальное в красивом лице, боясь нарушить, то что они принимают как симметрию.

[1923—1928 (?)]

Для доклада:

Большие темы: рай, ад.

Частные: Есенин — биография.

Главискуство: Халатов, я — консультант. Право совещ[ательного] голоса, зам[еститель] — коммунист.

[1928]

31

Наиболее характерным было пение бурлацких ватаг, которые поднимали вверх по Волге баржи, груженные кожей, шерстью, сушеной рыбой, солью и уральским железом из Камы.

Ватага — человек 30—50—и более шла караванами по 3—5 барж или <расшив>.

[1929]

32

Зеркало, в котором Поссе видит себя, — превосходно: увеличивает фигуру и украшает ее.

Хорош бы я был в компании Черткова, Страндена, Дитерихса. Знал бы бедняга Поссе, что писал о нем Чертков толстовцу Буланже и один из сотрудников загр[аничной] Ж[изни] мне.

[Начало января 1930 г.]

33

— *Гексли*

«Британцы никогда не будут рабами», но Англия давно перестала быть даже нацией, это — секта, а сектанты — рабы.

Чемберлены всех систем.

<Благодум Диккенс.> Мария Корелли.

Гемфри Уорд.

[1930]

34

В Италии умер Александр Валентинович Амфитеатров, сын протоиерея Московского Архангельского собора.

Оказалось: еще не умер. Искренно сожалею.

[1930—1936]

35

Литературный приемчик.

Желая сделать людей интересными — уродуют их.

Л. Леонов и др

[1930—1936]

[О ГУСТАВЕ ФЛОБЕРЕ]

Часто бывает, что индивидуализм¹ вызывается и воспитывается самой работой. Типичен случай Флобера: дворянин всею силой души ненавидел буржуазию и, работая над книгой о Бовари, а затем над «Бювар и Пекюше», старался воплотить в этой книге всю неисчерпаемую пошлость, весь идиотизм буржуазного слова и дела. Мечь побежденного дворянина классу-победителю соединялась с величайшей суровостью отношения к работе огромного общественного и художест[венного] значения. И никогда раньше Флобер не кричал так громко, даже отчаянно о своей антиобщественности, никогда не отталкивался так решительно от действительности. Это делалось, на мой взгляд, только потому, что толчки и удары общественности мешали его основной цели — обнажить с предельной неоспоримой ясностью ее тупость, пошлость, ее ничтожество. Чего человек не замечает, о том он — молчит.

[1930—1936]

37

В грамматике среди знаков препинания меня особенно смущала точка с запятой. Отдельно я понимал и точку, и запятую, но, соединенные вместе, они являлись предо мной как намеренно и даже злостно придуманное осложнение «препинания». Да и слово это как будто заключало в себе нечто угрожающее и еще не испытанное. Пинки, пинать, это понятно, но — препинать? Я не скоро догадался, что это неуклюжее словцо вытянуто из славянского «препона», препятствие.

[1930—1936]

38

Лев Шестов, Мер[ежковский], Сологуб, Леон[ид] Андреев, Арцыбашев. От[ечественный] мист[ический] анархизм, эрос в понимании Тол[стого] и Розанов[а]

[1930—1936]

39

Нам нужны сотни поэтов, способных волновать людей, зажигать в них страсть и волю к подвигу.

Наша поэзия — редко волнуется, ее почти всегда читаешь равнодушно, как прозу, которая хочет звучать музыкально. Многие молодые приучаются виртуозничать и фокусничать словами, раньше чем начинают понимать грандиозность творимого людьми и роль поэзии в деле жизни. Понимая, вернее — чувствуя кое-что, они влагают свои впечатления в ловко сделанную, но узкую фор-

¹ Над строкой синим карандашом Горьким написано: отказ от действитель[ности].

му, одевают события огромного значения в словечки, которые звучат, как жест, хотя — на глаз — размещены искусно.

Искренность и свежесть поэзии нац[иональных] меньшинств.

[1930—1936]

40

С. Подъячев, Вольный более кр[естьянские] писатели, чем Клычков, Клюев, Есенин и т. д. этого ряда.

[1930—1936]

41

У всех народов Евр[опы] пословицы почти не разнятся по смыслу, но русские, мне кажется, количеств[енно] обильнее, разнообразней и формулируются

Павлин и осел

[1930—1936]

42

⟨Манже.⟩ *Есть.*

Кусать — отсюда укус, кусок, кус, кушать — есть, т. е. утверждать, усиливать себя.

Пусть т. Вар[ейкис] произведет от бессмысленного слова шамать.

Еслиб меня назначили секретарем райкома, я попросил бы: т. т. разрешить мне сначала хоть пяток лет поучиться работе секретаря.

А вот трудное дело литер[атуры] всякому ясно.

Ложь всегда красивее правды.

Губ[ернатор] Баранов.

«10 дней», Конармия, Командарм II, Бронепоезд, Голубые пески.

[1934—1936]

43

10 ч[асов]. День. Поэты.

2 [часа] Федоров

Для малограмотных ¹

Словарь лит[ературного] языка.

Фольклор.

Лом[оносов]

Рылеев

Полежаев

Некрасов

Поэт Н. В.

¹ Исправлено, было: 6 [часов]. Импр[овизация?]

Случ[евский] — Хлеб[ников]?
Державин!
Бумага? Хорошо. 10 т[ысяч] р[ублей?]
П[етр] П[етрович], телефон Чума[ндрина] и Либединского.

[27 мая 1931 г.]

44

1. Проверка и организация работы краеведов. Необходимость участия литераторов в работе этой. Фольклор.

[До 12 июня 1931 г.]

45

О лирике. Лирика жуликов.

Иудушка Головлев и Федор Карамазов. Защита ими культуры. Содержание культуры. Ход книги. Защита личности.

Положит[ельная], идеальная личность — Дон Кихот.

О возможности гарм[онического] разв[ития] личности в условиях классового общества. Искрив[ление] личности. Трата сил на бесплодную борьбу.

«Народ страдает» — и вот, чтобы он перестал страдать, жулики натравливают на него европейских хищников, соблазняя: «Бей. 500% наживешь».

[1931]

46

О разном¹

Прежде всего — о читателе, массовом читателе, разумеется.

Колоссальнейшая фигура его сказочно растет, если б объем и высоту его роста выразить цифрой количества поглощаемых газет и книг — он сам, наверное, был бы изумлен своим ростом, аппетитом, своей жаждой знания.

[1932—1934]

47

Печатают рассказ:

немец, рабочий, проработав 8 м[есяцев] на Харьк[овском] тракторном, бежал в Германию, слишком тяжела жизнь и условия работы. Этот рабочий явно выдуман; он не был в Союзе и не работал на Хар[ьковском] трак[торном], в то время, о котором он пишет, завод еще не был пущен.

[1932—1936]

¹ Первоначально бы О разных

Состав секретариата Оргкомитета:

Кирпотин,

Ставский,

Фадеев,

Киршон,

Н. Тихонов,

Горький, но необходимо пополнить солидным партийцем, который мог бы стать первым секретарем и секретарем фракции — Эйдмана¹ и Сутырина.

Вс. Иванова.

Редактором «Литгазеты» как органа Оргкомитета назначить Ивана Макарьева — он в Сталинграде.

Ввести трех-четырёх рабочих по работе Ист[ории] фаб[рик] и зав[одов].

О дегиздате. Культпроп — Стецкий — ничего не делает.

Алексинского. Хаос и халтура.

Беломорстрой — дать «Ист[орию] заводов».

Институт (Литвуз). Авербах. Орга[низационная] раб[ота].

Дом мастеров культуры.

[Между 23 апреля — 13 мая 1932 г.]

Издательство «Академия» работает с материалом прошлого.

Следуя по пути, указанному Марксом, пролетариат-диктатор быстро и успешно превращает священную «вещь в себе» — как бы в некое вполне реальное и насквозь материальное сырье, в коем коренятся все виды энергии, подлежащие утилизации ценнейшего и — чистого — чело[веческого] разума, — в «вещь для нас», для всех людей труда. Это превращение — оздоровляющий процесс.

К числу таинственных «вещей в себе» идеалисты, эстеты присоединяли искусство и — особенно охотно — художественную литературу.

Таинств[енным] влиянием идеалистич[еской] «вещи в себе» — Плат[оновской] идеи и т. п. объяснялось происхождение искусства, «божественный» дар поэзии, сила трагедии, убедительность романа и т. д. Вещь для нас.

Художественная литература — ценнейший иллюстрационный материал истории и ее документация.

Субъективизм мемуаров.

Бальзак.

Флобер и «Бовари».

Блудные дети буржуазии.

¹ или С. Урицкого.

Вийон — Верлен.

«Личность характеризуется не только тем, чего она хочет, но и тем, как она хочет.

Ист[орик] работает по материалам документов — это очень ¹ мертвый материал, и силам классовой любви или ненависти крайне редко удается оживить его до той степени убедительности, которой обладает худож[ественная] образная литер[атура], работающая с живым сырьем — с человеком, с людьми.

Худ[ожественная] лит[ература] —

Каждая специальность обладает своим собственным кретинизмом.

[1932]

50

К организации работ Союза литер[аторов].

Самопомощь — взаимопомощь. Создание фонда из отчислений % % с гонорара. Участие в строительстве клуба Мастеров.

[1932—1934]

51

Именно вы, члены партии, ведущие страну по пути к творчеству новой культуры, должны бы ясно представить себе: зачем нужен съезд литераторов — первый в мире съезд? Какие цели ставит он, какие практические планы должен создать?

⟨Ничего не может вспыхнуть раньше, чем достигнет предельной температуры.⟩

О пейзаже.

[1932—1934]

52

РАЗНОГОЛОСИЦА

Некоторые литер[аторы] усиленно пытаются убедить читателя в коренном различии своего труда от всякого иного труда. «Ты — работаешь, я — творю». Съезд победителей.

В 7-ой книге жур[нала] «Литкритик».

Вошь из «Воскресенья» Л. Толстого] переполз[ла] в ром[ан] Фадеева, в книжку Нитобурга.

Не от лучин.

Теория «сверхкомплектности».

«Ибо невнятные нам ближе нас ко господу богу».

«Невегласов»

[1933—1934]

¹ они в большинстве.

Внимание автора к голосу страны: Леонов — Скутаревский, роман и пьеса.

Советская литер[атура] это не только лит[ература] РСФСР, а литература всего Союза Советов.

О вымысле. Гренландские ледниковые лишайи, гидростат-резцы. Канатчиков. Сперанский и т. д.

〈Ковер-самолет, сапоги-скороходы, живая и мертвая вода, способность ткать в одну ночь версты материи, строить в одну ночь города и т. п.〉

Селин — эту книгу мог бы написать Л. Андреев.

Романтика, это — вымысел, возникающий из желания видеть мир и людей лучшими, чем они есть.

И особенно доказательно говорит об этом фольклор, в коем собраны древнейшие желания трудового человечества.

[Март — август 1934 г.]

Книги, прочитанные мною в эту осень: «Старая Франция», «Путешествие в край ночи», «Клубок змей», «Антуан Блуайе».

Четыре человека, разнообразно талантливые, поведали миру о жизни современной Франции, с грустью и гневом, с тревогой, которую внушает Мориаку неизлечимая болезнь семьи — основы буржуазного общества. Поль Низан пишет со спокойствием философа, который уверен, что правильно понял властный зов истории и твердо знает свое место в жизни.

[Октябрь — ноябрь 1934 г.]

В Москву.

О литературе.

Ее беспризорность, неорганизованность, повышение малограмотности. Примеры. Авербах.

Бессилие критики. Расколы. Рецензии.

Литераторы.

Не учатся. За рубежом — тоже. Ударники и литераторы.

Обязать отчетами о поездках.

[Ноябрь 1934 г.]

Мысль и язык — самые могучие орудия культуры.

Языки, при однообразии труд[ового] процесса, создавались не только вследствие разнообразия и внешней обстановки, но также и потому, что победитель не хотел, чтоб его понимал пленник и раб.

[Конец 1934 — начало 1935 г.]

Геркулес убил орла и освободил Прометея из цепей? Орел — хищник, питающийся кровью и мясом людей, Пром[етей] — разум.

[1934—1936]

Указать, что древнейший миф о похищении огня Прометеем был положен в основу обоготворения человека, который сумел открыть и осветить для людей те или иные полезности, затем — обоготворение человека — мастера. Боги первобытного человека прежде всего мастера: Тор, Вулкан — кузнецы, Янус — землемер, Фрейя, Геба — пряжи, стряпухи, вероятные изобретательницы напитка из ячменя — пива, Аполлон, Бальдур — стрелки, изобретатели лука и т. д. Тот факт, что Минерва — законодательница, намекает на значение женщины как основательницы оседлого быта и подтверждает, что культура началась с матриархата. Указать, что коллективно созданные представления о богах совершенно лишены мистики и что мистика свойственна только индивидуальному религиозному творчеству, она утверждает приоритет личности, ее право на власть.

Борису, Глебу, Кузьме, Дамиану приписывается народ[ной] легендой изобретение плуга.

Трудовое начало — в народном, художественно-религиозном творчестве.

[Начало 1935 г.]

Голландец Ласт, партиец, участ[ник] боев в Амстердаме — не дали слова на съезде.

Вызвал приятеля, бур[жуазного] пис[ателя], после съезда не встретили, не дали квартиры. Ласт устро[ил] его у себя.

Кнорринг.

«Единый фронт». Попытка поглощения пролет[арской] литер[атуры], нужно, чтоб они вошли как целое, как ассоциация.

Техработа по типографии, по редакции распространения.

Гетнер — поэт — Динамов.

«Ваши стихи слишком революционны, у нас уже был Маяковский, нам надо классические стихи».

Испанка Тереза Леон — сказка — мальчик идет через всю Испанию, в портов[ый] город, чтоб увидеть Сов[етский] пароход, пароход отходит на его глазах. «Молодая гвардия». Не печатают Арагона. Не напечатали статьи о работах пролет[арских] писателей.

Эренбург — Мальро.

Противоречие.

[До января 1935 г.]

60

Литер[атура] есть искусство — организаци[я] социального опыта в образах. Люди, которые этого не понимают — лишние в литературе.

Стах[ановское] движ[ение] — результат освоения техники.

Роль тех[ники] в литератур[е].

Вещество.

Примеры засорения литер[атуры].

[Сентябрь 1935 г.]

61

Ис[тория] первобыт[ной] культ[уры] как история трудовых процессов, в результате которых из борьбы людей со стихийными силами природы возникло и развилось познание, т. е. зачатки способностей наблюдения, сравнения, объяснения и в дальнейшем — абстрактное мышление.

Необходимость пересмотреть и ограничить теорию фетишизма, анимизма и т. д.

Преподавание на фактах, на документах устного творчества трудовых масс: эпос, песня, пословица, легенда.

Влияние явлений природы, трудовых процессов на развитие воображения и фантазии.

[1935]

62

За Всесоюзность!

Сюжетность.

Баллады. Интернациональное.

Нет ли стихов, посвященных братским народам республик?

Увлечение мастерством, техникой.

[Начало мая 1936 г.]

Олдингтон. Дочь полковника
Кирсанов. Золушка
Чернецов. Вогульские сказки.

[3 июня 1936 г.]

[О ЯЗЫКЕ]

1

Со — весть:

ведать — сведать — свет — дать — совет — дать = со — вмес-
тно — сведанное, коллективно освещенное светом ведения и будет—
становится — для всех со-вестью, = со-знанием о том или ином
явлении и сознание — совидение — сведение явится законом,
совестью ¹.

Со-ведаю

[1910—1913]

2

Слово со-весть образовалось, вероятно, по тому же закону, ко-
торый действовал при образовании таких понятий, как образован-
ные из единиц союза со-гласие, со-единение, со-житие. Мне кажется,
что первоначально словом со-весть [в] практич[еской] жизни обо-
значалось совместно, всем родом и даже племенем дознанное, при-
нятое и утвержденное как правда, *знание, ведение* о чем-либо, что
скрепляло взаимно отношения племени, рода и потому было обще-
полезно. В слове со-весть, весть, на мой взгляд, производное от
славянского глагола ведать, знать. Отсюда, я думаю, совершенно
ясно значение совести уже как правила поведения согласно, сов-
местно установленного для всех, принявших правило.

[Ноябрь 1928 г.]

3

Глагол быть — было, был, была — дает фразе при частом пов-
торении неприятно булькающий звук.

[1930—1936]

4

Я, лично — ялично, даже яично.
Так сильно — такси, но

[1930—1936]

¹ Исправлено, было: законом совести

5

Принято говорить:

«Он сел на извозчика», «сидя на извозчике».

Извозчик не стул, не скамья, не камень.

[1930—1936]

6

Куманисты, от кумовства.

[1930—1936]

7

Умирание.

Убийство.

Угроза.

Уныние.

Усталость.

Утомление.

Уродство.

Укор, укоризна.

Усыпление.

Усмешка, ухмылка.

Урон.

Уход.

Удар.

Уничтожение.

Увечье.

Удавка.

Усилие.

Унижение.

Ужас.

Убожество, убогий.

Укрывательство.

Улика.

Умеренность.

Укол.

Удовольствие.

Удовлетворение.

Успех.

Успокоение.

Убеждение — бежать, бег.

Убежище.

Умиление.

Урожай.

Урок.

Утешение.

Улыбка.

Усыновление.

Ухаживание.

Уменье.

Удел.

Урывка.

Усвоение.

Умыкание?

Умывание.

Умножение.

Уловление.

Уговор.

Устой.

Утомление.

Умозрение.

[1930—1936]

8

Как люди слышат.

Звукоподражательные слова:

на французском, английском немецком.

Шум.

Шорох.

Шелест — шевелить.
Шипение.
Свист — хрип — хлест.
¹ Хрип. Храп.
Стон
Визг
Вопль.
Дребезг.

Звон.
Сосать.
Чавкать. Чмокать.
Чихать.
Хлюпать.
Сопеть. Сипеть.
Стук.
Греть.
Бухать.

Цокать — цокает металл о камень.
Бор — преграда.
Бормотать: бор — лес, быстрое мотание ниток, звук шелеста и свиста — одновременно.
Ворчать.
Ворковать.
² Хохот, хихиканье.

[1930—1936]

9

Промежуточный сексуальный тип по-английски — кажется уринг, первоначально это слово значило ерегик. Спр[осить] у М. Г.

[1930—1936]

[О НАУКЕ]

1

Никто и ничто не может убедить меня в том, что сущ[ествуют] какие-то вещи в себе (или врожденные идеи) и что вещи эти обязывают меня принимать их так, как это внушают мне их качества: форма, вес, плотность, цвет и т. д. — качества, мною приданные вещам.

В мире этом не было железа и каменного угля, ни электричества, так же как в карманах ваших нет денег, пока вы их не заработаете.

Мир этот открывают нам ¹ Ньютоны, Лобачевские и Эйнштейны, — его дают нам в руки, для обработки нашей, Менделеевы, Павловы, Кюри. Мир есть — материал — сырье, из которого мы вырабатываем необходимые нам полезности, извлекаем идеи.

[1920—1929]

¹ Визг. Стук. Звон. ² Хрип, храп.
¹ Птоломеи, Коперники

С. Метальников. «Бессмертие и омоложение в современной биологии». Его доказательства бессмертия инфузории. Его заключение: «Старость и смерть не являются неизбежным пределом земной жизни».

Опыты Вудрöфа, Мопá Вейсмана и др. как будто устанавливают: старость — болезнь, но смерть — случайность.

Мечников И. И., его «Этюды оптимизма». Штейнах, Воронов, Яворский.

Но —

Жорж Бон, биолог, говорит: «первые признаки старости относятся к самому началу жизни».

М. Ферворн: «бессмертна только элементарная материя».

И тот же Вейсман устанавливает, что смерть неизбежна для *высших* организмов, свойственна самому бытию их.

Гипертрофия жажды жизни, точнее — виталистического начала — в индивидууме, понижение его в коллективе. Армии. «На миру и смерть красна».

Культура как причина — как возбудитель — жажды жить. Сексуальное.

Противоречие в теории Фрейда.

Наука несомненно найдет средства продолжить жизнь человека, но это — не нужно, «это упрочило бы огромное количество предрасудков и всяческий консерватизм». Проф. Хайлорд.

Мысль — грубая, но — верная.

[Не ранее 4 июля 1923—1925 г.]

Ганс Файхингер. «Философия как если бы» — «Philosophie des Als-ob».

Основная мысль: все познание является лишь биологической ценностью в борьбе за жизнь, но не обладает никакой ценностью истинности в абсолютном смысле, являясь лишь средством подчинения мира нашим целям.

Мы живем, «как если бы» мир соответствовал нашим искусственным, целесообразным фикциям. Наука — сцепление фиктивных образований мышления.

Сюда — предисловие к основному «Курсу физики» О. Д. Хвольсона. Беседа с О. Д. в Берлине по поводу Эйнштейна.

Хвольсон на редакционных заседаниях в Петербурге; его мнения по вопросу об издании серии книг «Наука и ее значение».

«Пластичность мира. Фриц Маутнер. Философский словарь. История атеизма»

[1923]

Прочитал у Ишлонского:

«20 пар орлов в десять лет дадут — при всех благоприятных условиях — потомство в 220 особей, только 2 петуха и 18 кур дадут в год 300 особей, в 3 года = 60 000, в 5 лет — 10 миллионов, в 10 лет — 5 миллиардов».

Как хорошо, что люди столь усердно пожирают куриные яйца! Не будь этого — мир был бы поработен курицами...

[1923]

5

От человека так много требуют, что, в конце концов, не понимаешь — чего же от него хотят?

Гипотеза Вегарда: земля опоясана сферой из кристаллов замерзшего азота — возвращает нас к учению-гипотезе древних о «хрустальной сфере». По Вегарду, северное сияние — результат игры — отражений — солнечных лучей в этих кристаллах азота. Пусть так, но меня «это не устраивает». «Никакое знание не излишне». Разве? Не знаю... В данном случае речь идет не о «точном знании», а лишь о предположении. Но — человек предполагает, время опровергает. Всегда опровергает и почти все.

Может быть, без наличия этих ледяных кристалликов азота солнце сожгло бы землю? Вероятно, об этом будут говорить, писать, спорить.

«Кристаллики», мне кажется, должны будут как-то повлиять на суждения по вопросу о междупланетном сообщении.

[Июнь 1924 г.]

6

О том, насколько высок интерес современных европейцев к завоеваниям культуры, красноречиво говорит случай Амундсена: этот фанатик знания не нашел во всей Европе ни лица, ни учреждения, которые дали бы ему 350 тысяч франков, необходимых на полет к Северному полюсу для исследования его. В связи с гипотезой ак[адемика] Ферсмана, значение этого исследования особенно углубляется.

В Европе и С[еверной] Америке тратятся миллионы на то, чтобы полюбоваться в течение нескольких минут, как специально тренированные идиоты разбивают друг другу морды.

[Июнь 1924 г.]

Гипотеза А. В. Старкова о влиянии височных и затылочных мышц на развитие черепа, о возникновении способности мыслить у человека и о зависимости мышления от растительной, от органической пищи. «Изобретение» огня как первый толчок мысли.

Это будит множество возражений. Огонь не «изобретен», это одно из явлений природы, сущих до человека. Короткие челюсти хищных, грызунов и человека сравнительно с челюстями травоядных. Человек как всеядное. Органическое волокно более упруго, чем растительное, требует более длительного жевания, — отсюда человек должен бы иметь более длинные челюсти, более сильно развитые мышцы висков, а это задержало бы рост черепной коробки и, тем самым, мозга. Однако — человек опередил всех животных.

Плохо осведомлен о культе огня. Весталки. Иезиды. Сабунеи. Флеровский с его «Азбукой социальных наук». Вегетарианцы.

[1924 — лето 1925 г.]

8

Муравьи знакомы с употреблением рычага первого рода. Подсунув былинку под нужный им предмет, приклеившийся к земле или углубленный в нее, они собираются на другом конце былинки и, тяжестью своих тел, отклеивают, приподнимают предмет.

У Вуда, Леббока и др. это не отмечено. Профессор А. Старков подтверждает это наблюдение. Его случай со скелетом лягушки, прикрепленной проволочными скобками к дереву. Муравьи, все-таки, разобрали и растаскали косточки скелета, употребляя рычаг для того, чтобы ослабить скобки.

[Лето 1924—1925 гг.]

9

Маковельский.

«Досократики» «Пифагор и пифагорейцы»

Баку Университет.

Бургардт. Хроника.

Токараццо. Хрон[ика] Перуджии.

Коррио. —»— Милана.

Донесения Венецианских послов.

[1925]

10

«... по своему исходному составу клетки тела мужчины менее сложны, чем клетки тела женщины, а значит, надо полагать, и биологически ниже...»

А. Богданов

«Борьба за жизнеспособность», стр. 73, 5-я строка снизу.

«Жены имеют более склонности к самовластию, нежели мужчины».

Князь Щербатов

«О повреждении нравов в России»
Лондон, изд[ание] Герцена, стр. 87.

[Середина апреля 1927 г.]

11

Чем насытить клетки нашего организма так, чтобы они вполне успешно сопротивлялись влияниям болезнетворных начал, т. е. бактерий, кои являют собою не что иное, как хим[ическую] формулу белковых соединений, но иных, чем клетки нашего организма.

Иммунитет — сытость клеток, результат внутриклеточного питания.

[Середина апреля 1927 г.]

12

Значит ли это, что мы строим из матер[иала], свойства коего нам неизвестны?

Радио служит не только для бесед через тысячи километров, но и в медицине электромагнитные явления все более практически полезны.

Самовооружение, углубление способности познания путем расширения техники познания.

[Начало 1930 г.]

13

Шмидт.

Субсидии не получает.

Его работа над изучением рака признана крайне важной. Чайльд. Шпеман. Шаррисон — величайшие авторитеты.

Работу надобно продолжить в течение года.

Просит — легализации, опасается, что сочтут невозвращенцем.

В целях его легализации необходимо послать срочно немного денег.

[Между 11 марта и 14 сентября 1931 г.]

14

Путь развития:

труд — технологическое мышление — интуиция — гипотеза, эксперимент — теория.

Рецептор. Ольга Скороходова — глухонемая и слепая.
Нервно-организационные центры организма.
Молекула — по Бауэру.
Закон термодинамики — труд.
Энгельс «Диал[ектика] природы».

[1935]

15

В II веке по Р.Х. пафлагонец Александр Абонотейский изобрел «автофонный, самоговорящий оракул» в форме змеи, которая «приносила предсказания».

Люций Вер находился в общении с ним. Не исключается и знакомство Марка Аврелия с Александром.

Змея называлась «Гликон». Есть медаль с изображением ее и Люция Вера.

[27 декабря 1935 г.]

16

Наука.

Из жизни вычеркнута необходимость верить в непостижимую, в неразумную силу, людям дано право не верить во все то, что тысячелетия держало их в тумане страха пред загадками и тайнами неведомого, не

[1930—1936]

17

Для того чтобы более или менее правильно рассуждать о религии, необходимо знать историю ее возникновения и развития. Безначального нет в мире ничего, и религия тоже когда-то началась. Вы, разумеется, не решитесь утверждать, что, 'напр[имер], медведи, волки или, скажем, слоны — религиозны. Не имел религии и человек в ту пору, когда он был зверем и полузверем.

[1930—1936]

18

Нет слов, которые не означали бы ничего, и нет догматов, под которыми не лежало бы тех или иных совершенно реальных оснований.

Книги т. н. Св[ященного] Пис[ания] не потому [ли] спорят и противоречат одна другой, что каждая из них защищает определенные соц[иально]-бытовые формы бытия, иными словами — поддер[живает] те или иные политико-эконом[ические] отношения. Религия невозможна без политики, так же как она невозможна без мистики.

[1930—1936]

Сокрушенные тем, что математика все еще не в силах разрешить загадку материи, физики с явным удовольствием отдыхают на разговорах о некоем «пси». Весьма возможно, что «пси» — окажется псевдонимом довольно пожилой идеи, неизбежной тенью которой является тоже старенький вопрос о «достоверности знания». «Исследуем окружающее для того, чтобы удобно отдохнуть».

[1930—1936]

20

Я не принадлежу к числу тех людей, которые всё поняли, всё объяснили себе, и я обращаюсь к ним с вопросом, особенно интересным для меня. Я не стану спрашивать мудрецов о том, почему Вселенная расположена не в одной плоскости, а по утверждению людей, детально изучивших ее архитектуру и структуру,— является гармоническим соединением бесчисленных звездных систем, образующих спирали, которые, подобно Млечному Пути, не имея ни начала, ни конца, вращаются в безграничном пространстве.

[1930—1936]

21

Понятие «интуиция» обыкновенно переводится на [русский] я[зык] словом созерцание, но созерцание это — пассивное отношение к явлениям жизни. Я определяю интуицию как момент, когда инстинкт познания и разум, гармонически соединяясь, идут дальше той точки, пред или на которой бессильно остановилось мышление. В этом смысле интуицией в высокой степени владеют люди науки. Понятие «интуиция», на мой взгляд, хорошо исчерпывается словом — домыслил.

[1930—1936]

22

Страх пред ¹ тайной бытия — «Мысль»,
«Красная смерть»

Загадка бытия.

Человек и космос,

Искусственное ограничение количества и качества мыслящей энергии.

Первое в космосе обиталище органической жизни.

[1930—1936]

¹ загад[кой]

[ЗАМЕТКИ О ВИЭМ]

К вопросу об Институте

Обилие наблюдений — отсутствие трудов, которые исследуют ценность этих наблюдений во всей их массе.

Знахарство в области органотерапии, эндокринологии, паратерапии. Смер[тные] случаи, вызванные прививкой тифа при сифилисе.

Что подлежит наиболее пристальному и упорному изучению? Техника внутриклеточного питания.

—»— кровообращения

—»— образования нервно-мозговой ткани и процессы внутренней секреции.

Все это м[ожет] б[ыть] исследовано только путем эксперимента с человеком.

Снять Павлова за работой.

[Сентябрь — до 7 октября 1932 г.]

24

Не предложить ли обществен[ную] помощь строительству ВИЭМ?

Общество помощи самообразованию.

Бьюик — Павлову.

[Конец 1932 г.]

25

Русские клиницисты:

Плетнев

Боткин. Остроумов.

Шингарев. Лекции Остроумова.

Медицина это — прежд[де] всего биология.

[1932—1934]

26

Павлов 84 г.

Машину — бь[юи]к.

Его маш[ина] прошла 150 т[ысяч] к[илометров]

Назначить собрание с учеными на 11—12-е.

〈Не дано помещения «Рабочей Москвы» для Истории гр[ажданской] войны и заводов.

Было постановление Главной редакции дать, дали, затем отняли ключи〉.

[1933]

Тип информационного отчета.

1. В целях — ? проведены наблюдения над?
2. Опыты дали такие-то практические результаты.
3. Установлена теоретическая возможность?
4. Для проверки и дальнейшей работы в этом направлении необходимо?

[1933]

Паек для работников Инст[итута] экспериментальной] медицины.

Сперанскому в год 2 т[ысячи] кролик[ов] и 700 свинок морских одного возраста.

[1933]

[1]

Сперанский

59.60

Нервная система — орган, который нельзя изменить местно.

79. Воспалительные реакции в тканях вызываются и поддерживаются не только микробными или хим-раздражителями. Сами ткани и жидкость организма при изменении своих био-свойств становятся раздражит[елями] и вызывают воспаления.

[2]

«Прежде всего в деле образования местных патологических очагов нервной системе необходимо наконец отвести надлежащую роль организатора, т. к. порядок поражения органов и тканей является лишь отражением пато-процесса текущего внутри нерв[ной] системы»

[1934]

[РАЗНЫЕ ЗАМЕТКИ]

1

Русский мужик — милее дураком.

Меньше понимают — больше верят.

Протертый сквозь решето таких препятствий — россиянин становится мякишем, из которого что хочешь, то и лепи.

Хорошо тому, у кого спина легко гнется, а у кого — ломается?

«Не судите, да не судимы будете...»

Это хорошо сказано, и это очень удобно для тех, кто должен быть судим и осужден, кого есть за что судить; с одних это сни-

мает обязанность вмешиваться во все дела житейские, другим дает право безнаказанно обделывать дрянные делишки.

[1905—1919]

2

у кр[естьян] нет оснований су[дить] свою работу ниже вашей деятель[ности].

Культура, мм. гг., это прежде всего уважение к человеческой работе, уважение к личности человека. Мне неловко напоминать об этом вам, историк культуры, и вам, юрист, но я это вынужден сделать вашим небрежным отношением к организ[ациям], коим[и] вы руководите.

[1908]

3

Кстати, — рекомендую «оставить плевелы до жатвы», Христос рекомендует себя как прескверного сельского хозяина. С точки зрения агрономии — совет нелепый.

[1908—1910]

4

Мягко говоря — это весьма противная нота, и мне странно, почему господа литературные разумники не отмечают ее как нарушение примитивного чувства человеческого достоинства? Ибо ведь эти упреки аналогичны упреку мещанина, который, подав голодному копейку, после сего сказал бы друзьям своим:

— Подал я милостину внимания своего несчастному, а он ничем не возместил мне за нее, и жить мне не лучше стало.

Вероятно, меня грозно спросят:

— А подвиги героизма где? Разве не было подвигов?

Были, — много. И все — вспомнута, каждый множество раз.

[1908 — 1913]

5

ТЕМА ДЛЯ СТАТЬИ

Современная война поглощает баснословные количества денег. Вычислить, сколько стоит убийство одного человека.

Вычислить, сколько стоит дать человеку гражданское воспитание, т. е. провести его через среднюю и высшую школу.

Вероятный вывод из этого сопоставления:

убить человека стоит значительно дороже, чем воспитать его гражданином.

[1914—1916]

Голова большинством народов считается священной —

[1914—1915]

7

Вагон-салон

В 904 г., в поезде на Ляоян, некий офицер произнес такой тост: «Мы должны наказать Японию за то, что она осмелилась поднять меч на нас. А когда будет уничтожена Япония, мы обратим внимание и на других врагов России, — мы уничтожим Германию вне ее пределов и иудейство внутри ее».

Врачи-евреи ушли.

[1914—1916]

8

В этом ликовании я невольно чувствую радость прокаженных, которые уверены, что им удалось заразить еще одного здорового человека.

[1915]

9

Старые конунги и ярлы умели вызывать бурю.

Кто-то сказал:

Малодушие состоит в замалчивании того, о чем следует кричать.

[До 1919]

10

Читатель — тот самый старей воробей, которого нельзя удовлетворить мякиной.

[До 1919 г.]

11

Часто то, что люди называют совестью, есть только сладострастие умствующих.

[До 1919 г.]

12

Русский — добр; нищему легко быть добряком.

[До 1919 г.]

«Дочь императора Оттона Великого Луитгарда была искусной и прилежной пряхой; в воспоминание об этом над ее могилой было повешено золотое веретено».

И. Шьерр. История цивилизации Германии.

[До 1919 г.]

14

Мое право говорить с людьми о всем, что, на мой взгляд, им необходимо знать, я основал на их внимании ко мне, на моем знании жизни и людей.

Лучшее средство надоесть — говори все, что знаешь, сказал Вольтер. Он именно говорил все, что знал, но еще больше его надоедает Ренан.

[До 1919 г.]

15

〈Солнце всегда

Всё на свете одинаково—а люди думают разное.

Пришла пора разорваться деревне надвое, и никакими нитками или даже канатами не сошьешь ее теперь, ни даже веревками.〉

[До 1919 г.]

16

Седые волосы не всегда служат признаком 〈зрелости〉 старости и никогда не служат признаком мудрости.

[1920—1929]

17

Презирая людей — начинаешь, незаметно для себя, презирать принципы, потому что они кажутся масками шарлатанов и подлецов.

[1920—1929]

18

Человек без недостатков совершенно непонятен, даже больше — неприятен; он уродлив, он нелеп.

[1920—1929]

19

〈Отношение учителей к детям отмечалось в прессе весьма часто〉.
«Сытый голодного не разумеет». «Пеши[й] конному не товарищ».

О мудрости?

Афоризм у Ленина. Вульгаризация у Толст[ого].

[1920—1929]

Трудно сказать что-либо интересное о людях, чья жизнь довольно правильно катится по рельсам книг и не очень заметно подпрыгивает на стыках, хотя именно на стыках чаще всего бывают крушения. В некоторых книжках весьма убедительно доказывается, что «бытие лишено смысла», и я знаю немало людей, которые, принимая это как истину, тем не менее живут очень спокойно, видимо вполне удовлетворенные тем, что хоть эта истина — доказана.

[1920—1929]

21

На днях в Нью-Йорке некий спортсмен, пытаясь достичь предельной скорости на мотоцикле, разбился насмерть, перекувырнувшись шесть раз в воздухе.

За право видеть это публика платила по 500 д[олларов] [за] место.

[1920—1929]

22

Почему-то в этом году особенно часто видишь падение метеоров. Истекшей ночью три видел, особенно велик и ярок был один, как бы желавший зачеркнуть Плеяды. Жаль, что бродяги эти редко достигают земли, заслужила она быть вспрыснутой огненным дождем. Газеты сегодня принесли отчаяннейшие известия о намерениях Англии, а

[1923 ?]

23

Для меня культура дороже и ближе, чем для вас, для вас она — привычка ваша, нечто, в чем вы родились и что для вас необходимо, как панталоны.

[18—21 августа 1924 г.]

24

«Московские Ведомости»
№ 2-го января
1703 г.

«Из Сибири пишут: В Китайском государстве иезуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертью казнены».

В. Чертков не знает этого.

[1924]

Японец, профессор университета в Токио, сказал генералу Болдыреву. «Я — атеист. Но когда в жизни моей наступает трудный час, я провожу несколько минут в созерцательном молчании пред бюстом генерала Ноги и, думая о нем, герое, исполняюсь мужества».

Очень характерно. Мне кажется, что под стоицизмом японцев, отмеченным многими европейцами, скрыто ощущение трагизма бытия, неведомое никакому иному народу в такой глубине и силе. Нет земли, более жестоко враждебной человеку, как вулканическая земля Японских островов. Трудно представить, чтоб японский миф мог «обожить» землю.

Я думаю, что японцы ненавидят ее молча, ненавистью, которая даже и не может быть выражена в словах.

Этой ненавистью я готов объяснить столь распространенный в Ниппоне культ героев, а также исключительную по нежности любовь японцев к растениям.

Все, что на земле, — достойно любви и обожания, но — не сама земля, так безжалостно и бессмысленно поглощающая тысячами пастей десятки тысяч сынов своих.

[Не ранее мая 1925 г.]

М[ария]И[гнатьевна] совершенно правильно заметила: женщины *не* обладают чувством юмора.

Юмор невозможен без наличия ретроспективного взгляда на вещи, на людей и, вообще, на жизнь.

А женщина — вся в будущем. Она, разумеется, будет воевать за «гинекократию». Будет.

К тому идет. Странно, что этого не замечают.

[1926 — начало 1927 г.]

Чем более читаю публицистическую литературу эмигрантов, тем более удивляюсь их ослеплению. Все, что они пишут, — наивно и жалко. Они утратили ощущение хода истории, не слышат ее грозного и властного рева. «Стабилизация капитала» принимается ими как нечто фундаментальное и надолго данное, а эта «стабилизация» до близкого завтра. Говорят о любви к народу, но не чувствуют, не замечают его роста. Совершенно не замечают. Это — ослепление нарочитое, насильственное. Им нужно верить, а верить они могут лишь в силы прошлого, закрывая глаза на рост сил будущего.

[1925—1926]

Ненавидя всех инакомыслящих, иноверующих и особенно злобно—делающих новую жизнь, люди эти пытаются убедить себя, что они ненавидят Христа ради, и потому, что некая евангельская правда понята ими глубже и для них дороже, чем для всех других людей. Это одна из самых забавных форм самообмана.

Говорится о тех, которые неплохо устроились в Пасси, одном из лучших кварталов Парижа, и живут там так же отъединенно от французов, как жили бы у себя в Калуге или в московских Кривоколенных переулках.

Время от времени они обиженно пишут о том, что парижане плохо знают Россию и русских людей и что часто, говоря о русском быте, французы обнаруживают забавные ошибки. Мне иногда кажется, что в незнании фр[анцузов] гораздо больше любезности, чем нежелания знать.

[1926—1927]

29

Что труд есть наказание человеку — это — ложь, одна из тех лжей религии, которая придумана ленивыми рабами, это — из философии негодяев, негодных для жизни людей.

Труд — естественное выражение энергии свободного человека, энергии, которая ставит целью себе создать гармоническую жизнь. Труд создает не только ценности, но нечто значительно большее: уверенность человека в своей мощности, в своем призван[ии] победить все и всякие сопротивления его разумной воле.

[Май 1927 г.]

30

О воспитании.

Опыт одного поколения — другому как установ[ленная] истина. Отсутствие динамики. Педагогика не социальна.

Жестокость детей, ее причины.

Органическое сопротивление вчерашнему.

[Май 1927 г.]

31

Посвящаю «Возрождению», «Рулю» и всем прочим больным органам до «Социа[листического] в[естника]», включительно с ним, но посвящается без надежды на излечение, а с уверенностью в скорой кончине этих органов, в чем убеждает меня быстрота их отмирания от жизни.

[Апрель — до 11 мая
1928 г.]

Пожар театра в Мадриде, и пожар Б[ольшой] оперы в Париже.

8-летний мальчик сошел с ума; смеется при виде своих родителей.

М[иллюков] умнее Иг[ория] Демидова. «Пос[ледние] Нов[ости?】», их социальный материал.

За 27-й год несчастных случаев столько же, сколько дали войны Нап[олеона]. Сексуаль[ные] извр[ращения]. Истяз[ание] детей. Преступники из любопытства.

[Конец ноября — середина декабря 1928 г.]

Рас[сказ] Осор[гина] о Зен[зинове] и Кер[енском].

Осоргин. Надо ехать в Константинополь, немками торговать. Керенский, взглянув на него с упрёком, промолчал, а Зензинов совершенно серьезно молвил:

— Я всегда был порядочным человеком, таким останусь до конца дней, и на это дело — не пойду!

[1928]

Изобретатели.

Саботаж спецов. Контрреволюция. Случаи шпионажа.

В комит[ете] по делам изобретений сидели шпионы, 2 — расстрел[яны], 14 — на разные сроки.

Случай Синицына. Его материал лежал 4 г. и долежался до того, что часть материала легла в основание изобретения одного русского, а другая — запатентована в Амер[ике] американцем.

Рабочие понимают необходимость связи с учеными, ученые — нет.

Идея О-ва изобрет[ателей]. За пропаганду этой идеи двое раб[очих] исключены из партии.

Случаи порчи изобретений в процессе опыта. Боязнь уменьшения зарплаты.

[1929?]

Десятки таких писем получаю я, сотни и тысячи их лежат в архивах газет. В 28 г. я предлагал «Раб[очей] г[азете]» разобрать эти письма и сделать из них книгу «Государственное значение работы рабселькоров». Предложение мое было принято. Было принято и еще несколько моих предложений по другим вопросам нашего быта, но ни одно из них не осуществлено. Это — понятно и не за-

служивает упреков, ибо на каждого работника у нас возложено 66 обязанностей, отчего 33 из них он делает хуже, чем мог бы. Однако я совершенно уверен, что со временем будет написана.

[1929—1933]

36

Среди зарубежных кустарей, которые фабрикуют всяческую ложь и клевету на «свой народ», Павлы Милюковы, Муратовы и прочие Павлы, послушные Валаамовой ослице христоролюбивой буржуазии, так же дряхлы и ничтожны, как и вся масса этих кустарей. Обращать на нее внимание можно только тогда, когда есть охота посмеяться. Глупость этих людей — надоела и уже не удивляет никого, кроме той молодежи, которая увезена была за рубеж в возрасте 10—15 лет. Не удивляют Павлы и тех офицеров, которые работ(али) на ф(абрикантов) Ситроена и Рено лет по пяти, по семи и поняли, что такое рабочий человек и каково животное хозяин.

[Октябрь 1930 г.]

37

Не представляю — какое практическое значение может иметь однодневная газета, посвященная вопросу культуры? Два, три десятка более или менее известных людей опубликуют свои мнения по этому вопросу и — что же дальше?

[Конец октября
1930 г.]

38

На Корсику было послано 1500 человек солдат, жандармов и добровольцев, выразивших желание поохотиться на корсиканских бандитов; среди добровольцев было несколько десятков студентов. Послано было также три крейсера и несколько мелких судов: они несли службу по наблюдению за возможными беглецами с острова. 60 автомобилей с пулеметами.

За месяц пребывания войск на Корсике арестовано было около 1700 человек — родственников бандитов, лиц, подозреваемых в укрывательстве и т. д.

Так как меры эти не имели успеха и ни Спада, ни другие не попали в руки французов, генерал Ф. объявил награды: за голову Спада — 500 т[ысяч] франков, за другого — Борнеа — 300 и т. д. Экспедиция обошлась правительству в 2 милл[иона] франков. Наиболее крупные и знаменитые бандиты со Спада, Борнеа — не пойманы до сего дня — 21.XII.30.

О проститутках рассказывали много, но если рассказать еще раз,— я думаю, это никому не повредит. Наоборот, христиане лишний раз вспомнят, что вероучитель их относился к проституции очень снисходительно,— не менее снисходительно, чем они, и, конечно, не с таким подленьким интересом.

[1933—1934]

40

Этим стремлением буржуазия всегда умела пользоваться в интересах своего обогащения и укрепления власти своего класса. Если б взрыв рабочего изобретательства в наши дни у нас в Союзе Советов был возможен до Октября — этот взрыв тоже тех[нического] творчества был бы использован бур[жуазией] в целях укрепления ее власти над миром. И, разумеется, использовав то, что выгодно для нее, она скрыла бы все изобретения, которые сочла бы преждевременными или требующими слишком много средств для включения этих изобретений в промышленность, в жизнь.

[1930—1936]

41

В Европе, расшатанной взаимной борьбою озверевших от жадности капиталистов, приближаются дни великих битв рабочего класса за свободу, за право строить свое рабочее социалистическое, интернациональное государство; приближаются дни слияния рабочих всего мира в единую силу, в единую армию строите[лей] нового мира. Товарищи! Строя крепости индустрии, вооружаясь для борьбы за себя, вы примером вашим, трудовым героизмом вашим воспитываете, вооружаете пролетариат всей земли. За вашей работой внимательно следят рабочие всей Европы. Этой работой вы убедительнее всех слов говорите им

«Можно ли спрашивать с меня идеологию, когда мой организм не выдерживает никакой самокритики?»

Вооружается для борьбы не за себя, но за свободу трудового народа всей земли.

Кружки участников.

Материал для их критики и проверки.

Всего лучше человек думает, когда он плохо думает о ближнем своем.

Логика понятий и логика фактов.

[1930—1936]

Хвастовство различных фюрдов успехами, которых они достигли в том или ином производстве, это, разумеется, только хвастовство организаторов, которые научились ловко эксплуатировать труд рабочих ради своего личного обогащения. Успехи капиталистов в деле эксплуатации рабочей силы — несомненны, как несомненно и то, что эти успехи ведут к неизбежному кризису — перепроизводству товаров, безработице и голоду среди рабочих.

В С[оветском] С[оюзе] труд рабочего класса направлен на обогащение всей массы трудящихся, на создание для нее таких условий жизни, которые обеспечили бы всем и каждому возможность здоровой, культурной жизни.

[1930—1936]

По.

Ипполит Тэн: «насилие над капиталом подрывает труд», — будто бы это понимают только англичане, а не вся буржуазия.

[1930—1936]

В Женеве публичных домов не было.
Лига Наций — дома явились.
Свобода, братство, равенство
— «Панама».

[1930—1936]

Одновременно во всех странах проповедовался гуманизм как основа евр[опейской] цивилизации и культуры.

[1930—1936]

Плох тот человек, который довольствуется тем, что он есть.
Культуру губят именно такие самодовольные люди.

Не сама психика, а организация психики.

Накопление фактов! Осторожнее с выводами.

Сила: примеры: желудь, зерно пшеницы, подсолнечника.

[1930—1936]

Непрерывная деятельность человека на земле изменяет ее лицо — все более и все быстрее.

1000 под властью церкви IX в.

Между ослом и павлином есть сходство — они похоже кричат.

Мелочи имеют громадное значение, постоянно накапливаясь, они создают то, что называется опытом. Весьма часто одна из них играет роль последней капли, переполняющей чашу терпения. Опыт роста незаметен, как когти.

[1930—1936]

48

Хозяйство. 130 м. собственников. Каждый из них в узком круге своего хозяйства отлично знает цену каждого гвоздя и сучка, но, будучи перенесен на фабрику, совершенно утрачивает свою способность хозяина ценить и беречь материал.

Это развить.

[1930—1936]

49

Кулак был пауком, но [не] одно это осуждало его на уничтожение, а и то, что он был слишком некультурен и слишком беден для того, чтоб двигать технику сельского хозяйства сообразно с требованием времени.

[1930—1936]

50

В недоброе старое время во всех случаях, когда слово мыслителя плотно соприкасалось со стеной недоумения, говорили: «понять — значит простить», т. е. примириться с фактом.

Для пролет[ариата] понять — значит: изменить не только форму, но и содержание фактов.

Буржуазия не создала эпоса, она не имела нужды в нем, лавочник действовал чужими руками.

170 м. героев, 170, из коих каждый был бы способен на радост[ный] подвиг.

[1930—1936]

51.

«Ориентация на массы? Конечно, и всегда так. Но запас потенциальной энергии масс трудно превращать в кинетическую одними книгами и речами».

[1930—1936]

52

В странствовании Григория Шелехова 1785 г. Туземцы севера Америки.

«... хорошие женщины держат по два и по три мужа и живут дружески...»

«Доброе существо начинало делать вещи, злое — портить, ломать их...»

[1930—1936]

53

Когда известие об убийстве Распутина пришло в Москву, там, в Б[ольшом] театре, публика потребовала, чтоб оркестр[р] играл гимн, и зашла:

Боже, царя храни!

[1930—1936]

54

В 1771 г. в Москве был чумной бунт. В одном письме того времени зачинщиком бунта назван был «плотник нижегородкой Митька Котельников», которому какой-то бригадир плюнул в лицо — «харкнул в морду» — сказано в письме. «Сей зверь, харкотины не стерпев дерзко», вырвал трость бригадира и оной начал хлестать его; тут и все примеру следуя [начали]

Плотника ниж[егородского], вероятно, не однажды били и в лицо ему плевали, но

[1930—1936]

55

В казанском документе говорится о суде духовной консистории. Это — неверно, хотя, м[ожет] б[ыть], и «судили» члены консисторского суда, но — Гусев, известный оппонент Л. Толстого, едва ли был членом консистории. «Дело» бывшего дьячка, столяра Богословского, слушалось тоже в Федоровском монастыре. Богословский судился за отрицание третьей «ипостаси» Троицы — духа святого.

«Странник Парамон» — отрицание иерархии.

Курнашев — крещеный татарин, возвр[атившийся] в магометанство.

[1930—1936]

56

«Желающие получить по шее приглашаются на пустырь, угол Гончарного и Поповой горы. Плата за услугу — по соглашению, но не ниже полубутылки монопольной».

Объявление, расклеенное в Казани студентами Дух[овной] Академии в 88 или [8]9 гг.

Полиция истребляла это объявление, подозревая за ним нечто «неблагонадежное».

Грамотчиков, Никольский, Петин, путешествие в Свияжск. Попали в Царево-Кокшайск. Арест. Исправник, его учение о «свя-

тости» и пользе бесполезностей. Жена учится говорить по-испански. Исправник говорит: «Во-во-во! — как собака лает».

[1930—1936]

57

Объективность познания — стимулируется, мотивируется, руководится стремлением познать исторически всю действительность в целях наиболее успешной борьбы против ее.

Объективизм — пассивное нанизывание фактов на нить мысли, которая ищет самоутверждения, самооправдания.

Так как преобладают факты отрицательного значения, объективизм обычно сходит к пессимизму, скептицизму — к пассивной покорности условиям бытия

[1930—1936]

58

Приятие смысла жизни это — насилие над свободой мысли. Личная жизнь каждого из нас — бессмысленна — и мы, интеллигенты, призваны историей глубоко осмыслить ее. Нам следует начать с самих себя, ибо только тот может, кто умеет.

Обычное — необычное. Спасение на путях к необычному. <Интеллигенция> — роль катализатора в химических процессах.>

Диалоги и монологи.

[1930—1936]

59

Земля —
«Magna Mater»

и

Hominis Corpus Sacrum!

— Тут — всё. И — навсегда.

Если окажется нужда в новой религии, — новая религия будет построена именно на этих двух началах, однако — исключаящих дуализм.

Так я думаю.

А «космос» — это то самое «одеяло в 30 аршин длиною», о котором где-то говорил А. П. Чехов.

Не на мыслях о «вселенной» и смысле бытия ее должен сосредоточить силу мысли своей человек, а на Земле своей и на самом себе, на трагизме своего бытия. «Космос», это потом, для спокойных дней, когда человек овладеет всеми силами Земли.

[1930—1936]

Ложь и правда развились из одного источника: из общественных отношений, в основе коих заложена эксплуатация труда и борьба трудящихся против эксплуатации. Наиболее обильными и лживыми словами всегда были слова теологов, церковников и философов, котор[ые] шли по путям, указанным церковью, употребляя гибкую силу иезуитски растленного разума на ловкую борьбу против всех ростков подлинной социальной правды. Но и среди этих людей были редкие случаи, когда этот порочный разум их видел трагедию трудового человечества, когда даже монах[и] начинали говорить о необходимости изменения тягостных и позорных условий жизни.

Разум человеческий вырос на почве реорганизации грубо организованной материи и сам по себе является не чем иным, как тонко организованной и все более тончайше организуемой энергией, извлеченной из этой материи путем тягчайшего и разностороннего труда человеческих масс.

[1930—1936]

61

Офиты учили: символ мировой души — змея; душа, извиваясь, как змея, проходит сквозь все противоречия физ[ической] и дух[овной] жизни.

[1930—1936]

62

Святые купцы и дворяне, а — где же святые мужики?

Почему же везде и всюду духовенство было опорой монархизма и феодализма?

[1930—1936]

63

Похороны по-монгольски: труп выбрасывается, и его обгладывают собаки. Это похоже на судьбу книги: выбросят ее и — тоже обгладывают...

[1930—1936]

64

То, что впервые видим, мы сравниваем с тем, что знаем, так русские находят юг Италии похожим на Крым, а Канаду — на среднюю полосу России. Такая поспешность сравнений уродует.

Основой самоуверенности всегда служит невежество.

[1930—1936]

Хорошим певцом может быть только человек очень эмоциональный.

[1930—1936]

Из событий возникают характеры: из характеров — события. Скупость. Злостность. Зависть.

[1930—1936]

Дю Прель. Философия мистики.

Индивидуалу страшно умирать, ибо с его смертью погибнет весь его мир. Но — этот мир погиб уже при жизни его.

Для нов[ого] человека в смерти нет ничего трагичного, ибо он знает: смерть это прекращение работы одной ничтожной частицы энергии.

Трагична — смерть?

Здоровые люди не думают о ней. Ничтожество личного бытия. Придай индивиду[альному] бытию социальную значительность, и бытие перестанет быть ничтожным?

Кветциакоатль — бог торговли — человеческие жертвоприношения.

[1930—1936]

Закон природы?

А м. б., эти законы природы несколько глуповаты? По закону пр[ироды] на юге растут финик[овые] пальмы, апельсины, а на севере только мох и морошка? По закону же образуются бесплодные песчаные пустыни. Существует мир болезнетворных микроорганизмов. Наводнения. Землетрясения. Вулкан[ическая] деятельность — неисчислимое количество тепла, исходящего из крат[ера] вулкана, бесплодно исчезает в воздухе. Но за этот пересмотр природы может взяться только один хозяин.

Капит[алисты] сыты тем,

[Конец ноября — начало декабря 1931 г.]

Колич[ество] разума, затрач[енного] на эту работу, в общем ничтожно.

Здесь, м. б., уместно будет сказать несколько слов профана в науке о законах природы: законы эти установлены разумом человека на основании явлений природы. Достаточно ли наблюдений для того, чтоб можно было делать выводы, имеющие значение законов? Расширение наблюдений ведет к смене *научных* теорий, все более частой.

[1930—1936]

Богатеет не кто-то, а — все.
Подземная гора угля, превращение его в газ.

[Конец ноября — начало декабря 1931 г.]

70

Гуманизм.

Учение Мар[кса]—Лен[ина] о доминанте экономического фактора в истории культуры подтверждается всей деятельностью г. г. капит[алистов] на протяжении XIX—XX вв., деятельностью, которая — катаст[рофе] XIX—XX вв. — готовит новую катаст[рофу], более ужасную.

Капит[алисты] не создавали культ[уру]. Они способствовали росту ее постольку, поскольку она не мешала им или увеличивала количество наслажден[ий].

Интеллиг[енция] — творец культуры.

[1931]

71

Г. Усп[енский]

Горько будет дело интеллигента в том случае, ежели 60 м. возьмут да и справятся сами собой.

Это — случилось, миллион[ы] взяли и отлично «справляются сами собой». Огорченные этой дерзостью, интеллигенты, притворяясь, что ничего не случилось, а просто «большевики балуются», доказывают друг другу, что, кроме бол[ьшевиков]

[1931]

72

Он написал статью по поводу суда над пятью фашистами, которые совершили «солдатское дело» — замучили и убили коммуниста в Бейтине, как известно, [суд] приговорил [фаши]стов-убийц к смерт[ной] казни. Дикарь Розенберг считал этот приговор несправедливым по таким основаниям:

[Начало сентября 1932 г.]

73

Легчайший способ прослыть знающим человеком: говорить и писать о том, чего никто не знает и не может знать. Примеры: семейное право у комаров; техника оплодотворения женщин у племени Ма-агуа-гуа, Цент[ральная] Африка; о происхождении и развитии несуществующих предметов.

[Начало сентября 1932 г.]

В нашей стране работает вся масса трудоспособных людей, и все-таки у нас не хватает раб[очих] рук, что всего лучше говорит о широте трудового размаха и всего нагляднее показывает, чем отличается наша страна от бур[жуазных] гос[ударств].

Страдают люди? Да. Ругаются? Да. Но активное ударническое большинство их страдает и ругается только потому, что непорядки и недостатки мешают работать так продуктивно, как ему, большинству, хотелось бы.

[Ноябрь 1932 г.]

75

Федер.

«Против всего мира»

— Идем? Но — против какого и — с кем?

О том «к чему все это?»

В руках частника земля была коровой, которую непрерывно доили, но плохо кормили.

Кулак — тоже нищий технически.

Непрерывно изменяясь физиологически, человек — крестьянин почти не изменялся умственно — интеллектуально, ибо его искусственно и насильно удерживали в состоянии

[1932]

76

Иллюстрация: эмигранты, полная утрата ими способности мыслить общественно, социально. Дело не в том, что они органически не могут быть социалистами, а в том, что индивидуализм, ограниченная их мышление, низводит до кретинизма.

Керенский — Гитлер.

⟨Миллюков — Масарик⟩

[1933—1936]

77

Человек — товар.

Ненависть к несчастью, страданию. В стране, где утвердился фашизм, христ[ианство] [н]извергается как остаток бур[жуазного] гуманизма, кот[орым] в старину бур[жуазия] защищалась против феодалов, а в наши дни все еще пытается обмануть прол[етариат].

⟨Наиболее эффективным лечением [является] — уничтожение. Больных не уничт[ожают] пот[ому], что гораздо выгодней лечить их⟩.

1. Наследство: Бальзак — Сю.

2. Фашизм — отрицает то, что создано бур[жуазией] — отрицает себя.

3. Гуманизм — определить.

Челюскин. М. Горький.
ВИЭМ.
Дети.
Бочонок.

[1933—1936]

78

Нож — в Египте, пирамиды. Стабильность при наличии высокой техники. Пролетариат и иступившиеся нож[и]. Резание — самый распространенный — трудовой процесс.

Режущие машины и станки требуют натачивания.

Трата времени, металла.

[Апрель 1934 г.]

79

[РАБОЧИЙ КЛАСС ГЕРМАНИИ. ФАШИЗМ.]

Преобладание профессиональ[ных] интересов над социальными.

Следовало потреб[овать] разоружения фаш[истских] организаций, конфискации их имущества. Поставить вопр[ос], допустимо ли в стр[ане], лучшие умы которой организовали Интернационал[ьное] выступление против фашизма, — допустима ли в этой стране пропаганда террора против вождей труд[ового] народа СССР.

[Май 1934 г.]

80

Одну мысль — звезде, другую — траве.

Мысль, свободную от непрерывной связи с землей, с трудом — интересовали звезды.

Телескоп — микроскоп.

[Конец 1934 — начало 1935 г.]

81

Есть противоречие: в работе женщина — товарищ, а в личных, интимных, что ли, отношениях остается бабой; такая, дескать, физиология. Но если в общественной, в революционной работе физиология куда-то прячется, гаснет, так почему бы ее не

[1934—1936]

82

«Экономна мудрость бытия:

Все новое в нем шьется из старья».

Это очень правильно, когда речь идет об изменениях материи, —

основного вещества, из коего возникло и существует все, что мы видим, и люди, в свою очередь, своей энергией изменяющие мир.

Буржуазия, если заботилась о людях, изучала экономическое положение крестьянства, [то] для того, чтоб сделать его более аккurateм плательщиком налогов и более крупным покупателем фабричных товаров.

В Коммунистическом манифест[е] сказано: «Господств[ующими] идеями любого времени были всегда идеи господствующего класса». Это утверждение правильно —

[Не позднее сентября 1935 г.]

83

Могучий эффект стахановского успеха в труде взметнул настроение борцов с природой героически высоко.

Труд есть борьба людей за власть над природой, — основное стремление труда — освоить всю энергию нашего мира, открыть тайну вещества материи.

Шестое чувство — чувство коллективизма.

Оборона.

3000 лентяев.

[1935]

84

Отличная речь Димитр[ова] на пленуме Комин[терна] толкуется как признание необходимости союза пролет[ариата] с мелкой буржуазией — вынужденное ростом фашизма в Европе. Толкование не очень грамотное и как будто взятое из статей «Социалистического Вестника», из глубин мудрости Дана-Абрамовича.

Продукция 36 г.

Настроение новой интеллигенции, особенно инженеров: мы создали индустрию страны, мы прод[олжаем] развивать ее, нам и власть.

Отсутствие оборон[ной] литер[атуры].

[1936]

КОММЕНТАРИИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1

ХПГ 49—6. Черновой автограф на семи листах большого формата с водяным знаком: «Barrington Bond» и «Ludovica», со вставкой на отдельном листе бумаги.

Датируется предположительно по содержанию и бумаге.

В личном архиве А. М. Горького эта рукопись хранилась вместе с неоконченной повестью «Записки доктора Ряхина» (опубл. в VI т. «Архива А. М. Горького») и наброском «Либретто оперы» (опубл. во II т. «Архива А. М. Горького»).

С «Записками доктора Ряхина» начало неоконченной повести об Эрасте Петровиче перекликается тематически: в обоих произведениях показаны типичные для общественных настроений эпохи реакции идейные блуждания интеллигенции, разуверившейся в народе и революции.

2

Г — 3 VI 8—37. Конверт № 25. Бумага с водяным знаком «Original Colombe mill». На обороте заметка: «Сем[ен] Богородский говорит»... (см. «Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 227), написанная позднее, в 1919—1929 гг. Датируется по бумаге.

3

Г — 3 I 1—36. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Попов — возможно, участник народнических кружков в Казани в 80-е годы (см. «Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 69).

Морис Хилквит (1869—1933) — один из основателей социалистической партии в США, с Горьким познакомился в 1906 г. в Америке.

Сергей Бородин — в АГ хранятся письма С. Ф. Бородина Горькому. На одном из них приписка Горького: «Преподаватель закона божия в VI городском училище Баку!»

Абрикосов — вероятно, сын владельца московской кондитерской фирмы «Абрикосов с сыновьями». Стал священником. «Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 169.

Андрей Степанович Деренков (1855—1953) — владелец конспиративной булочной в Казани. См. о нем: «Горький в Татарии», Казань, 1961.

Булгаков — вероятно, Горький имеет в виду легального марксиста С. Н. Булгакова (1872—1927), экономиста. После революции в 1918 г. стал священником и эмигрировал, перейдя на позиции крайней монархической реакции.

4

ХПГ 46—28—1. Датируется по орфографии.

5

Г—3 I 1—35, 1—37. Конверт № 23, 20. Датируется по орфографии.

Чириков — о писателе Е. Н. Чирикове см. стр. 359.

...иконописец *Евгений Ситанов*. — См. «В людях» (т. 13, стр. 403—443).

Алексеевский — возможно, преподаватель истории, литературы и языка в школе Фидлера, под Парижем, где учился М. Пешков.

Мария Капитоновна Кашина (1855—1916) — нижегородская владелица пароходства. Об истории семьи Кашиных см. статью С. Хаева «Нижегородские прототипы Железновых» (сб. «Васса Железнова» М. Горького». М., ВТО, 1960, стр. 107—142), а также: М. Горький. Беседы о ремесле (т. 25, стр. 299).

6

Г — 3 VI 7—93, Г — 3 VI 8—18. Конверт № 25. Написано на листках с водяными знаками: «Original», «Commercial paper» и «Velo Mill». Датируется по сорту бумаги.

7

Г — 3 VI 8—13. Конверт № 25. Бумага с водяным знаком «С. А. Моес Pilica». Датируется по связи с рассказом «Репетиция», вошедшим в книгу «Рассказы 1922—1924 гг.». Фраза: «Ты знаешь — фальшивую монету с Италии» — включена в текст этого рассказа (см. т. 16, стр. 221)

8

ХПГ 42—27—1. Автограф на листе большого формата, на котором рукою Горького поставлена цифра 5.

Датируется по времени работы над рассказом «Пожары».

Рукопись, по-видимому, представляет собою эпизод, предназначавшийся для рассказа «Пожары» (из цикла «Заметки из дневника. Воспоминания»), в котором дана серия портретов своеобразных «огнепоклонников». Поскольку в рукописи упоминается священник Золотницкий, которому посвящен третий эпизод рассказа «Пожары», можно предположить, что рассказ о Мирнове должен был следовать за рассказом о Золотницком.

9

ХПГ 33—6—1. Конверт № 25. Шесть набросков, хранившихся в обложке с надписью: «Мелочи. Рассказы». Название «Испытатель» написано Горьким красным карандашом на всех листках, кроме [3], где оно написано чернилами.

«Испытатель», «Испытатели» — название, часто встречающееся у Горького в 20-х годах. Так, роман Горького «Испытатель» значится в списке книг, «готовых и подготовленных к печати» издательством З. И. Гржебина в 1919 г. Впоследствии в договоре с тем же издательством этот же, по-видимому, роман был назван «Мечтатель». Договор был в том же 1919 г. расторгнут. Судьба романа неизвестна. «Испытатели» — название одного из рассказов в книге «Заметки из дневника». И наконец, заглавие «Испытатель» Горький дал маленькому наброску, помещенному в «Соррентийской правде», № 2 (ноябрь—декабрь 1924 г.).

Датируется предположительно по связи с аналогичными мотивами в книге «Заметки из дневника. Воспоминания», статье «Призвание писателя и русская литература нашего времени» и ряде писем этих лет.

Слова: «Политические повара», «Кашевар», вписанные красным и синим карандашами в заметке [4], заставляют вспомнить выражение «политические кашевары» из письма к К. Федину от 28 июля 1924 г. («Литературное наследство», т. 70, стр. 477).

При всей своей разнохарактерности наброски объединяются суждениями о роли выдумки и воображения.

[1] — Сплошной вычерк сделан синим карандашом. Чернила лиловые (такими же чернилами написана заметка о Бальзаке, датируемая 1924 г., см. «Заметки о литературе», № 9). Очевидно, словом «Испытатель» обозначен текст, не вычеркнутый автором.

[3] — Набросок на листе с водяным знаком «Original». Бумага такого сорта характерна для 1920—1928 гг.

[4] — Слова «политические повара» написаны красным карандашом, слово «кашевар» — синим.

[5] — После слова «иллюстрации» оставлено незаполненное место.

Оба текста — [4] и [5] — были, судя по почерку и другим признакам, написаны одновременно или близко по времени.

[6] — Набросок на листе с водяным знаком «Universel». Такая бумага встречается преимущественно в 1924 г.

Франсис Жамм (1868—1938) — французский поэт; *Поль Луи Шарль Клодель* (1868—1955) — французский писатель. См. высказывания Горького о них в кн. «Литературное наследство», т. 70, стр. 193.

10

ХПГ 45—1—1. Беловой автограф на листах большого формата. На обложке рукописи надпись красным карандашом рукой Горького: «Рассказы О'Гара».

Датируется по сообщению М. И. Будберг о пребывании четы ирландцев О'Гара в санатории Шармютцельзее в Саарове, где находился Горький с 25 сентября 1922 г.

«Все, что я припоминаю об ирландке О'Нага, — пишет М. И. Будберг, — это ее приезд в Сааров и то, что она рассказывала Алексею Максимовичу об Ирландии. Я переводила, он записывал, и это легло в основу «Рассказов О'Нага».

Я думаю, что судья в Ирландии придуман Алексеем Максимовичем для художественной формы» (Письмо в Архив А. М. Горького от 5 сентября 1967 г.).

Вместе с рукописью хранился лист, на котором рукой Горького написано: «О'Гара. Перевод письма садовника-ирландца». Далее следовал текст письма, написанный рукой М. И. Будберг:

«Милостивая Государыня!

Мы пережили здесь очень тревожное время с тех пор, как Вы уехали. Национальная армия (правит.) пришла и заняла дом. Иррегулярная армия (революц.) призвала на них атаку. Битва продолжалась до 5 часов. Иррегулярные войска были побиты. После битвы я показывал сад обеим армиям. Они в особенности восторгались антиринумами Вашего сиятельства. Должен, к сожалению своему, сказать, что они пошли затем в село и там напились, причем двое иррегулярных вернулись и потонули в пруду. — Похороны будут в четверг, и так как я уверен, что Ваше Сиятельство желало бы этого, — посылаю им венок из антиринумов».

... во время революции... — революции в Ирландии 1919—1921 гг.

Шинфейнер — участник национального движения в Ирландии 1919—1921 гг.

Арнольд Беннет (1867—1931) — английский писатель.

11

Публикуемые произведения Горького — шуточные стихи, поэмы, заметки были написаны для домашнего рукописного журнала «Соррентийская правда».

В журнале, кроме Горького, принимали участие: М. А. Пешков, Н. А. Пешкова («Тимоша»), М. И. Будберг, И. Н. Ракицкий («Соловей») и гостившие у Горького в Сорренто с октября 1924 до 17 апреля 1925 г. В. Ф. Ходасевич и Н. Н. Берберова.

В Архиве А. М. Горького хранится всего четыре номера журнала «Соррентийская правда», которые были переданы Н. А. Пешковой.

Журнал выпускался на листах плотной чертежной бумаги. На обложке первого номера — дружеский шарж — удлиненная фигура Горького, затыкающего пальцем кратер маленького Везувия. В подзаголовке — «Еженедельный журнал науки, литературы, искусства».

Первый номер журнала был выпущен, по-видимому, в октябре — начале ноября 1924 г. Горький писал Зиновию Алексеевичу Пешкову 7 октября 1924 г.: «Затеял домашний журнал для собственного увеселения, Максим изображает типографию, переписывая все статьи, он же иллюстрирует их вместе с Тимошей и Соловьем, я, Ходасевич, Берберова — тоже поэтесса — пишем стихи и прозу. Выходит — забавно. Если тебе встретится что-либо смешное, анекдотическое — пришли, напечатаем» (АГ).

Позже, 22 ноября 1924 г., Горький писал М. Ф. Андреевой:

«Приедешь — будешь смеяться. Жизнь у нас — смешная. Издаем журнал «Соррентийская правда», иллюстрированный, не беспокойся» (АГ).

Второй и третий номера были выпущены, по-видимому, в ноябре-декабре, 1924 г., поскольку в «Соррентийской правде» № 2, в «Дневнике» Лели Р., описываются события 4 и 6 ноября, а в «Соррентийской правде» № 3, в заметке «Мысли читателя», упоминается 1205-й номер газеты «Руль», выпедший в ноябре 1924 г. Четвертый номер вышел с большим перерывом, очевидно в конце 1926 г., под новый — 1927 — год. (На 16-й странице в числе других иллюстраций нарисован маленький отрывной календарь с числом 1926—31, 1927—1). В этом номере Горький был единственным литературным сотрудником. В нем напечатан его рассказ «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым» (опубл. в кн. «Архив А. М. Горького», т. III, стр. 112—130) и две шуточные поэмы.

На страницах журнала Горький выступал под различными псевдонимами — Инвалид муз, Козьма Горячкин, Гвидо Ачетабула, Тарас Опарин, Тиховоев, Аристид Балык, Метранпаж Горячкин.

«Главной заботой редакторов, — вспоминала поэтесса Н. Берберова, — была та, чтобы Горький давал в журнале неизданные вещи. Журнал был юмористический. И вот Горький смущенно входил в комнату сына, держа в руке лист бумаги.

— Вот я тут принес стишок один...

— Нигде напечатан не был?

— Да нет, ей-богу, честное слово. Сейчас сочинил.

— А ну, давай!» (Н. Б е р б е р о в а. Три года с Горьким (1922 — 1925). «Последние новости», № 5567 и 5570.)

Почти все произведения Горького публикуются в настоящем томе по автографам. Случаи редакционной правки текстов Горького в журнале «Соррентийская правда» оговариваются в примечаниях.

[1] ХПГ 52—44—5. Заглавие на отдельном листе, приклеенном к стихотворению.

Последние шесть строк после слов: «И ненужный очерк Ваших уст...» тщательно зачеркнуты.

В «Соррентийской правде» № 1 оба «примечания» даны после стихотворения.

Козьма Горячкин — Горький взял псевдонимом имя своего знакомого по работе в «Самарской газете» — метранпажа Горячкина.

[2] ХПГ 52—44—9, ХПГ 52—44—10. В начале текста помета Горького красным карандашом: «почт[овый] ящ[ик]», в конце им же приписано: «Вклеить портрет». «Портрет» Кирика Плешника был нарисован Н. А. Пешковой.

Обе заметки помещены в «Соррентийской правде» № 1, в разделе «Почтовый ящик».

[3] ХПГ 52—44—1. Помещено в «Соррентийской правде» № 2. Это стихотворение с некоторыми разночтениями Горький написал и в альбоме Г. Поляковой-Гиршман. Вслед за текстом Горького в альбоме Ф. Шаляпин написал следующее четверостишие:

И я б черкнул тебе стишок,
Но пред поэтом настоящим
Вдруг чувствую себя пропащим,
Как перед... спаржей — артишок.

(Оригинал альбома хранится в Лондоне).

[4] ХПГ 52—44—2. Фраза: «В траве передо мной» в автографе зачеркнута и заменена — «А на плече моем» — по-видимому, рукою М. А. Пешкова. В этой редакции строка воспроизведена в «Соррентийской правде» № 2. Там же — вместо слова «дама» — «дева».

[5] ХПГ 52—44—8.

Ввиду отказа вашего. — В первом номере журнала на стр. 11 после заметки гр. «Кирику Плешник» помещено следующее сообщение:

«М. Горькому. Патентованных писателей не печатаем, рукопись в корзине.

Кол[легия] нач[инающих] пис[ателей]».

Помещено в «Соррентийской правде» № 2 без слов «Примите меры».

[6] Автограф не сохранился. Печатается по тексту «Соррентийской правды» № 2. Авторство Горького подтверждено М. И. Будберг.

[7] ХПГ 52—44—3. Бумага с водяным знаком «Extra Strong V. M.». На обороте написано заглавие — «По поводу вторичного посещения морских берегов» и начало текста: «Все как было».

В журнальном тексте отсутствует последняя строка стихотворения: «Ну, тогда ты — свинья!» Вместо «Примечание автора» написано: «Примечание»; вместо подписи — «Горячкин, метранпаж» — «Горячкин, литератор».

Напечатано в «Соррентийской правде» № 3.

[8] ХПГ 52—44—11. Помещено в «Соррентийской правде» № 3. Рядом с текстом — портрет «автора» — Осипа Тиховоева.

[9] ХПГ 52—44—6

Помещено в «Соррентийской правде» № 4.

Эуген Штейнах (1861—1944) — австрийский физиолог и биолог. Автор известных работ об омоложении. См. стр. 372.

12

Г — 3 VI 8—39. Конверт № 25. Бумага с водяным знаком: «M. Lattes Napoli». На бумаге этого сорта Горький писал в 1925 г.

13

Г — 3 VI 8—86 Г — 3 III 5—19, Г — 3 VI Г—3 VI 8—85

Фрагмент очерка и два наброска к нему. Датируется предположительно по содержанию.

... если б Лига Наций приняла советский проект о разоружении... — В феврале 1928 г. Советский Союз предложил Лиге Наций проект немедленного всеобщего и полного разоружения. В марте проект был отклонен.

... был советский человек... — О ком идет речь, установить не удалось. Перечисляя темы для первого номера журнала «Наши достижения», Горький в письме А. Б. Халатову от 7 ноября 1928 г. упомянул о строительстве холодильников («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 120).

В шестом номере журнала «Наши достижения» за 1929 г. была напечатана статья Б. Бронина «Советские фабрики холода».

14

Г — 3 I 1—19. Конверт № 14. Бумага с водяным знаком «Kreglewski». Датируется по орфографии.

15

ХПГ 30—4—1. Автограф поступил в Архив А. М. Горького от А. Н. Афиногенова.

Время написания — февраль — апрель 1932 г. — устанавливается по письму Горького к П. А. Маркову и дневнику А. Н. Афиногенова. Горький писал П. А. Маркову 4 февраля 1932 г.: «Есть у меня и две темы смешных пьес, героем одной из них является Черт — настоящий! — а другой — мивистр, тоже настоящий.

Черт — для Эрдмана, а министра надо бы обработать коллективно...» («Литературное наследство», т. 70, стр. 30).

В дневнике А. Н. Афиногенова мы находим запись высказывания Горького, относящуюся к маю — апрелю 1932 г.: «Тема сатирическая, бытовая. Перед занавесом черт. Он в сюртуке, он извиняется за свое существование, но он существует. Он здесь будет организовывать цепь, заговор случайностей, чтобы люди через эти случайности пришли в соприкосновение и обнаружили тем самым свои внутренние качества, свои бытовые уродства. Черт передвигает вещи, подсовывает письма, черт создает внешние мотивировки для развития поступков людей в их бытовом окружении. Он порой язвительно усмеяется и спрашивает в публику: «Каково, хорошо ведь работаю, вот как людшки сталкиваются, вот какая чертовщина разыгрывается» (А. Н. Афиногенов. Дневники и записные книжки. М., «Сов. писатель», 1960, стр. 108).

Следует отметить, что «Правдивый рассказ о злодеяниях черта» близок к наброску «Любительский спектакль», опубликованному в «Литературном наследстве», т. 74, стр. 116—117.

[Мелкие наброски]

1

Г — 3 VI 8—14. Конверт № 25. На обороте листка синим карандашом рукою Горького написано: «Лорис-Меликов».

Датируется предположительно, по содержанию; возможно, набросок для пьесы «Мещане».

2

Г — 3 VI 8—14. Написано на том же листке, что и предыдущая заметка.

3

Г — 3 XXVII 16—54. Бумага с водяным знаком «Original Ligat Mills». Датируется предположительно, по сорту бумаги.

4

Г — 3 XXVII 16—52. Бумага с водяным знаком: редкими вертикальными и частыми горизонтальными линиями («Ludoviča?»). Датируется по орфографии и бумаге.

5

Г — 3 XXVII 16—53. Бумага с водяным знаком: частыми и редкими горизонтальными линиями. Датируется по сорту бумаги.

Заметка [2], написанная на обороте листка, является отрывком какого-то текста, построчно зачеркнутого Горьким синим карандашом.

6

Г — 3 XI 12—6. Конверт № 18. Бумага с водяным знаком «Richter y C^o Napoli». Датируется предположительно, по орфографии и содержанию.

Г — 3 XXVII 16—50. Бумага с водяным знаком «Superfine Commercial Paper» поперечными и продольными линиями. Датируется по орфографии и бумаге.

Г — 3 VI 7—80. Конверт № 23. Бумага с водяным знаком: «Original Colomba Mill». Датируется по сорту бумаги и орфографии.

Г — 3 XVII 16—46. Датируется по орфографии. На листе заметка «Голова большинством народов считается священной».

Г — 3 V 6—9. Конверт № 23. Датируется предположительно, по содержанию и орфографии.

Г — 3 VI 8—57. Датируется по орфографии.

Г — 3 XXVII 16—51. Бумага с водяным знаком «Original Colomba Mill». Датируется предположительно, по сорту бумаги и орфографии. Возможно, набросок связан с циклом «Русские сказки».

Г — 3 VI 8—78. Датируется по орфографии и почерку.

Г — 3 VI 8—55. Датируется по орфографии.

Г — 3 VI 8—58. Бумага с водяным знаком: «Superfine Commercial paper». Текст заметки [2] написан на обороте листка и построчно зачеркнут синим карандашом.

Датируется по орфографии.

Г — 3 VI 8—94. Датируется по орфографии.

Г — 3 VI 8—91—1. Датируется предположительно по орфографии.

Набросок действующих лиц синим и красным карандашами на листке, вырванном из тетради.

Г — 3 VI 7—90. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Г — 3 VI 8—84. Датируется по орфографии. Текст от слов «Спирохета Маврикиевна» и до конца — написан слева на полях.

Г — 3 VI 8—17. Конверт № 25. Датируется по орфографии. Пять замечаний на обеих сторонах листка из блокнота.

Первая заметка перекликается с заметкой о Смолокурове, опубликованной в VI т. «Архива А. М. Горького», стр. 108.

21

Г — 3 IV 6—38. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

22

Г — 3 IV 6—46. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

23

Г — 3 IV 6—18. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

24

Г — 3 XXVII 16—4. Конверт № 14. Датируется по орфографии. Текст перечеркнут наискось красным карандашом.

М. И. — Возможно, Мария Игнатьевна Будберг.

25

Г — 3 IV 6—24. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

26

Г — 3 V 6—7. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

27

Г — 3 V 6—4. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

28

Г — 3 VI 8—35. Конверт № 25. Датируется по орфографии и бумаге.

29

Г — 3 V 6—5. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

30

Г — 3 VI 7—91. Датируется по сорту бумаги. Бумага с водяным знаком «Freia Post».

31

Г — 3 VI 8—8. Конверт № 25. Датируется по орфографии и сорту бумаги.

Возможно, это заметка к неоконченной повести «Сон» («Зоя»), опубликованной в «Архиве А. М. Горького», т. VI.

32

Г — 3 VI 7—89. Конверт № 25. Внизу, под текстом, написано: Кремер — «Строение тела и характер».

Датируется по орфографии и упоминанию о книге Э. Кречмера (психиатра, проф. Марбургского университета), вышедшей в 1921 г.

33

Г — З VI 7—87. Конверт № 23. Датируется по содержанию (ВЧК реорганизовано в ГПУ в 1922 г.) и орфографии.

34

Г — З II 3—5—1. Конверт № 20. Бумага с водяным знаком «С. А. Моес Pilica». На другой стороне листа — заметка о Г. Гауптмане (см. «Наброски к портретам», № 11. Датируется по содержанию.

Клэр Шеридан (род. 1885) — английский скульптор. Встреча Горького с Шеридан состоялась в 20-х числах августа 1923 г., во Фрейбурге, где Шеридан была проездом в Москву.

Горький писал В. М. Ходасевичу (21 августа 1923 г.): «Потом вдруг приезжает Клэр Шеридан... У Шеридан — великолепные руки. Чудесные руки» («Новый журнал», 1952, кн. 30, стр. 191).

35

Г — З VI 7—86. Конверт № 25. Бумага с водяным знаком: «American paper». Датируется по орфографии и сорту бумаги.

36

Г — З I 1—30. Конверт № 18. Бумага с водяным знаком «Hermes». Датируется по бумаге.

«пес меделянский» — порода крупных охотничьих собак, происходящих из северной Италии, названных по латинскому наименованию города Милана (Mediolanum).

37

Г — З VI 7—81. Конверт № 23. Датируется предположительно, по орфографии и возможному упоминанию Алины Телепневой — персонажа «Жизни Клима Самгина».

38

Г — З VI 7—88. Конверт № 25. Бумага с водяным знаком «Richter y C°Naroli» Датируется по содержанию.

Марля Викентовна — Мария Викентьевна Бобрик — жена художника Бориса Федоровича Шаляпина (сына Ф. И. Шаляпина). М. В. Бобрик и Б. Ф. Шаляпин гостили у Горького в Сорренто в октябре 1926 г. См. «Архив А. М. Горького», т. IX, стр. 256.

39

Г — З VI 8—36. Конверт № 25.

Текст представляет собой, возможно, набросок к рассказу «Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым».

Датируется по времени опубликования рассказа в № 4 рукописного журнала «Соррентийская правда».

40

Г — З XVI 7—85. Конверт № 23. Бумага с водяным знаком «Extra Strong Aniene Mill». Датируется по сорту бумаги.

Г — З IX 10—65 и Г — З XXVII 16—26. Конверт № 25. Датируется по связи с очерками «По Союзу Советов».

Заметки делались, по-видимому, во время поездки Горького по стране летом 1928 г. Частично использованы в очерках «По Союзу Советов» (т. 17, стр. 117—118, 123, 170, 184, 186, 189 и др.).

Текст «Казань ∞ черешной шов» перечеркнут накрест синим карандашом.

Г — З I 1—39. Текст на одном листе с заметкой № 25 на стр. 201. Датируется по сопоставлению с этой заметкой. Слова «Братья Лобковичи» — написаны красным карандашом, справа от текста.

Г — З VI 8—69. Датируется предположительно по связи с рассказом «Терремото» [1930].

Г — З VI 9—41. Датируется по связи с пьесой «Сомов и другие», написанной в феврале 1931 г. Герой пьесы Семиков говорит: «Не Семиков, а Семи-оков!... Вот я и вставил оник: Семи-о-ков! Пустой кружочек, а — облагораживает» (т. 18, стр. 28).

Г — З IV 6—14. Конверт № 23. Датируется по сопоставлению со статьей Горького «О различии вкусов. Ответ старому краеведу...».

Г — З I 1—13. Конверт № 14. Датируется по содержанию.

Читал «Заметки» Бунина... — Имеются в виду воспоминания И. А. Бунина о Горьком, опубликованные в газете «Последние новости» 7 января 1932 г. Воспоминания И. А. Бунина были написаны в тенденциозном духе с целью развенчания Горького как писателя с «совершенно беспримерной по незаслуженности мировой славой. Вырезки с этими «Заметками» И. А. Бунина Горький послал 18 февраля 1932 г. в письме к И. А. Груздеву, дав к ним свой комментарий о «кое-каких неточностях» («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 287—289).

XIII 26—99—1. Датируется по орфографии.

Г — З VI 8—64. Датируется по орфографии. Текст написан красным карандашом.

Г — З VI 8—73. Датируется по орфографии.

Г — З VI 8—81. Датируется по орфографии.

Г — З VI 8—4. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Г — 3 V 6—14. Датируется по орфографии и бумаге.

М. И. В-ва — Возможно, Мария Ивановна Водовозова (1869—1954) — заведующая беллетристическим отделом журнала «легальных монархистов» «Начало».

Г — 3 VI 7—77. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г — 3 XX 13—17. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Гесиод — «Прометей» — по-видимому, речь идет об образе Прометея в поэме Гесиода «Теогония».

Афанасьев — по-видимому, Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) — этнограф, собиратель и исследователь русского фольклора.

Василий — возможно, Василий Великий, или Кесарийский (род. ок. 330—379 г.) — епископ Кесарии, автор сочинений «Против Евномия» и «О духе святом», отстаивающих ортодоксальные догмы христианства.

Иринеи (ум. ок. 200) — епископ Лионский, автор сочинения «Пять книг против ересей».

Г — 3 VI 7—83. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Текст, заключенный в угловые скобки, перечеркнут красным и синим карандашами.

Г — 3 VI 7—79. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г — 3 VI 7—60. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Г — 3 VI 7—70, Г — 3 VI 7—50. Конверт № 20. Датируются по орфографии. Текст [1] написан синим карандашом. Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Горьким красным карандашом.

По своему характеру наброски примыкают к опубликованным в VI т. «Архива А. М. Горького» записям: «Рассказ о Ефиме Заботкине, сверкающем человеке» (№ 22, стр. 117—118); [Жизнь не особо интересная...] (№ 23, стр. 119); «Парнишки и девчонки» (№ 24, стр. 119—120); [«Ходом событий создается течение времени»] (№ 26, стр. 121—122).

И. А. Груздев связывал эти наброски с циклом «Рассказов о героях» (см. «Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 235).

Г — 3 VI 8—7. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г — 3 V 6—16. Датируется по орфографии.

Г — 3 IV 6—56. Датируется по орфографии.

62

Г — 3 VI 8—7. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

63

Г — 3 V 8—26. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

64

Г — 3 VI 8—9. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

65

Г — 3 VI 7—58. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

66

Г — 3 VI 7—65. Конверт № 28. Датируется по орфографии.

Текст: «Гораздо больше ∞ чисто метет» — перечеркнут накрест синим карандашом.

Текст: «— Как собачка? ∞ причины понимать» — зачеркнут построчно синим карандашом.

67

Г — 3 V 6—6. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

68

Г — 3V 6—10. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

69

Г — 3 6—12. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

70

Г — 3 VI 7—84. Конверт № 23. Датируется предположительно по содержанию.

Дарья Максимовна Пешкова (род. 1927 г.) — внучка Горького.

71

Г — 3 XXVII 16—19. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

72

Г — 3 XXVI 15—20. Конверт № 14.

Год установлен по письму Горького к П. П. Крючкову от 11 апреля 1936 г., в котором Горький воспроизводит начало своего «диалога» с его маленьким сыном, Петром Крючковым:

«Вчера поссорился с Петром: я говорю ему:

— Глупость делаешь! — а он мне:

— Я не буду слушать старичков!

А когда я отобрал у него кирку, слишком для него тяжелую, он заявил:

— Ну — ладно, черт с тобой, какой настойчивый!» (АГ).

73

Г — 3 VI 8—10. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

СТАТЬИ

1

ПСГ 4—52—1.

Николай Евгеньевич Буренин (1874—1962), который по поручению партии сопровождал Горького в США, сделал на рукописи — уже в советское время — следующие заметки:

«Осень 1906 г.; Черновик А[лексея] М[аксимовича], переданный мне в Нью-Йорке осенью 1906 г. по поводу «скандала» в Америке, перед отъездом в Европу. Н. Буренин».

Факт публикации письма в Америке не установлен.

Датируется по упоминанию о выступлении Горького в американских газетах и по дате отъезда Горького из США (30 сентября (13 октября) 1906 г.).

... как я сказал раньше... — Горький имеет в виду свое письмо в редакции американских газет, опубликованное 15 апреля 1906 г. («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 1. М., изд-во «Наука», 1958, стр. 599).

2

ПСГ 3—37—1. Машинопись с правкой А. М. Горького, на бумаге с водяным знаком: W. S. B. Recent Linen. Made in U. S. A..

Над текстом пометка И. П. Ладыжникова: «Получ. 10 марта 07». Смысл этой пометки выясняется из письма Горького к Ладыжникову от 22 или 23 февраля (7 или 8 марта) 1907 г., где сказано: «...Прилагаю ответ... венграм о Николае I.

Это просто для того, чтоб Вы знали о поступках моих» (т. 29, стр. 16).

Очевидно, Горький послал Ладыжникову копию статьи. Статья, написанная по просьбе венгерской газеты «Независимая Венгрия», была опубликована в ней 15 марта 1907 г. под названием «Тираны». Под венгерским переводом статьи дано факсимиле: «Капри. 17/II 1907, М. Горький».

Публикация была установлена в 1958 г. венгерским литературоведом Бела Лендзел.

Об отношении венгерской общественности к статье «Тираны» дает представление письмо венгерского ученого и литератора Балажа Болдога к Горькому от 20 марта 1907 г., где говорится: «Вашей статьей Вы оказали неоценимую услугу... всей нации» («Архив А. М. Горького», т. VIII — «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 157).

... вмешательство Николая I в борьбу венгров за свободу... — Когда в 1848—1849 гг. в Венгрии, составлявшей тогда часть Габсбургской (Австрийской) монархии, развернулось мощное национально-освободительное движение, направленное против австрийского гнета, российский император Николай I, напуганный революционным брожением в Европе, послал на помощь австрийскому императору Францу-Иосифу 130-тысячную армию под командованием Паскевича. Соединенными силами австрийской и русской реакции венгерская революция была подавлена.

Людвиг Баварский — Людвиг (Людвиг) Оттон Фридрих Вильгельм (1845—1886) — король Баварии с 1864 г. В связи с душевным заболеванием был в 1886 г. отстранен от управления.

Филипп II (1527—1598) — король Испании (с 1556 г.); отличался крайней нетерпимостью в религиозных вопросах, стремился к укреплению абсолютизма; опирался на инквизицию.

Георгий VIII (1491—1547) — английский король (с 1509 г.).

Г — 3 VII 10—30. Бумага большого формата с полями. Пагинация авторская. Материал получен от К. П. Пятницкого.

Датируется предположительно по почерку и бумаге.

Текст представляет собой изложение XXI главы II тома труда английского историка Эдуарда Гиббона (1737—1794) «История упадка и разрушения Римской империи» (пер. с англ. В. Н. Неведомского, ч. 1—7. М., изд. К. Т. Солдатенкова, 1883—1885). Горький цитирует с небольшими стилистическими изменениями следующие страницы II тома (М., 1883): 407, 411—412, 412—413, 415, 416, 424, 425. В ЛБГ хранится три полных экземпляра этого издания. Один из них содержит многочисленные пометы Горького. Сочинение Гиббона Горький читал еще в 1898 г. и в 1901 (см. «Летопись», т. I, стр. 203, 204, 212, 316—317). В «Предисловии к книге А. К. Виноградова «Три цвета времени» Горький писал:

«Гиббон смотрел на историю упадка и разрушения Римской империи» сквозь туман пятнадцати веков глазами человека XVIII столетия, но он изобразил рост христианства, его разрушительную работу и политическую победу так ярко, как будто он сам лично был свидетелем процесса, который утвердил физическое рабство рабством духовным, заменив языческую свободу критикующей мысли бешеным фанатизмом церковников и монахов. Но Гиббон был чудовищно талантлив и обладал качеством художника, редкой способностью оживлять прошлое, воскрешать мертвых» (т. 26, стр. 216—217).

4

ПСГ 4—21—1. Автограф на бумаге большого формата, с водяным знаком: «Ludovica».

Датируется по бумаге и орфографии.

5

ПСГ 4—35—1. Черновой автограф на четырех двойных листах писчей бумаги большого формата, с водяным знаком: «Ludovica»; одна из вставок — на листе малого формата с водяным знаком: «Original Mill». Пагинация авторская, полистная.

Первоначально рукопись была озаглавлена: «Роль Бога в отношениях людей. По Библии». Затем шел текст: «У Авраама, начальника пастушеского племени...» В дальнейшем это начало было заменено другим, возникло и новое заглавие — «Происхождение Бога», также зачеркнутое Горьким. Оно воспроизводится в настоящей публикации редакцией и является, таким образом, условным.

Судя по тематике и содержанию, можно предполагать, что публикуемый текст является конспектом лекции, прочитанной или намечавшейся к прочтению для слушателей каприйской школы, занятия в которой начались в первых числах августа 1909 г. и прекратились в декабре того же года. О лекционном характере материала свидетельствуют и фразы «Представьте себе...» (зачеркнуто), «Смотрите...», «Вы понимаете...». Предположение о времени создания этой работы подтверждается и тем фактом, что лекции Горького по истории русской литературы (Архив А. М. Горького, ЛСГ 2-17-1), прочитанные слушателям упомянутой школы, написаны на такой же бумаге.

Тексты из Библии Горький в большинстве случаев цитирует не с абсолютной точностью, никогда, однако, не отступая от их содержания и смысла.

В публикуемой статье, наглядно раскрывая «земные», социальные, классовые корни религиозных представлений, Горький в то же время высказывает ошибочную мысль о том, что религия на ранних стадиях своего развития была «формой организации социального опыта народа» и имела таким образом про-

грессивное значение — и лишь позже стала идеологией власти, страшным орудием в руке нашего врага». Несостоятельность этой концепции, сложившейся у Горького в капризский период под влиянием А. А. Богданова и А. В. Луначарского и позже преодоленной им, показана в письме В. И. Ленина к А. М. Горькому от ноября 1913 г. «Неверно, что бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства, — писал В. И. Ленин. — Это — богдановский идеализм, заглушающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу. В действительности «зоологический индивидуализм» обуздало не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, бесысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей»¹.

В Коране есть место... — Вольное изложение стихов 75—79 шестой суры Корана (см. «Коран», перевод и комментарии Н. Ю. Крачковского. М., Изд-во вост. лит-ры, 1963, стр. 111—112).

Моисей созвал верных ему и сказал... — Дальше идет вольная цитата из Библии («Исход», гл. 32, стр. 27).

«Аз емь...» — Здесь и в следующем абзаце вольное цитирование некоторых «заповедей», содержащихся в библейской книге «Исход», гл. 20.

Левиты — особый разряд жреческого сословия в древнем Израиле — первоначально профессиональные жрецы, впоследствии прислужники жрецов. «...Жрецы Яхве составляли корпорацию («племя левитов»), пополняясь из числа определенных знатных родов, и были немаловажной опорой царской власти» («Всемирная история», т. I. М., Госполитиздат, 1955, стр. 489).

Голено Левитино (Левино) — Согласно библейской легенде, левиты происходили из племени Левия (Библия, кн. «Числа», гл. 3—4, 8, 16, 18; «Второзаконие», гл. 31, ст. 9, 25; «Книга Иисуса Навина», гл. 13, ст. 14; гл. 18, ст. 7, гл. 21; «Книга судей Израилевых», гл. 17, ст. 7—13; гл. 18, ст. 3—6).

Фридрих Делич (1850—1922) — немецкий ученый, специалист по истории Древнего Востока. Впервые сделал смелые и тщательно проверенные сопоставления текста Библии с дошедшими до нас отрывками вавилонской и ассирийской литературы, доказав сильное влияние более древних религиозно-мифологических систем на книги «Священного писания». Изыскания Делича вызвали нападки на него со стороны богословов. Книга Делича «Вавилон и Библия» (1902—1905 гг.), неоднократно переведившаяся на русский язык, использована А. М. Горьким в комментируемой работе.

...древнесемитское слово Бог — произошлось El... — См. Фридрих Делич. Библия и Вавилон. Пер. с нем. А. А. Нольде. СПб., изд. А. С. Суворина, 1907, стр. 36.

«Сотвори нам бога...» — Библия, кн. «Исход», гл. 32, ст. 1.

«Велиила, сына Урии...» — вольное цитирование Библии («Исход», гл. 31, ст. 1—5).

«По делам земли Египетской...» — вольное цитирование Библии («Левит», гл. 18, ст. 3).

«...отдай душу за душу...» — Библия, «Исход», гл. 21, ст. 23—25.

«Так гов[орит] бо[г] израи[лиев]!» — вольное цитирование Библии («Книга Иисуса Навина», гл. 24, ст. 2, 13).

...Корем, Дафан и Авирам... — см. Библия, кн. «Числа», гл. 16.

...жизнеописание Ишу... — Библия, 4-я книга царств, гл. 9—10.

...повеление избивать камнями буйных и непокорных детей... — Библия, 2-я книга Моисея, гл. 21, ст. 17; 5-я книга Моисея, гл. 21, ст. 18—21.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 231—232.

...помимо... жерт[воприношения] Авраама... — Библия, 1-я книга Моисея, гл. 22.

...принесена в жертву дочь Иеффая... — Библия, Книга судей, гл. 11.

...древнейший пророк Михей говорит... — Библия, Книга пророка Михея, гл. 6, ст. 7.

Зенд-Авеста (досл. «текст с толкованием») — священная книга иранцев, в которой излагается религиозная система, основанная «пророком» Зороастром (660—583 до н. э.). В Евангелии многое заимствовано из Зенд-Авесты.

Книга Вед (от veda-s, знание) — древнейший религиозный памятник Индии, представляющий собой собрание гимнов (молитв, славословий, мифологических фрагментов). Веды по содержанию имеют черты сходства с Зенд-Авестой.

Трипитака буддистов... — Трипитака (или типитака) — канон, священная книга буддистов. В состав Трипитаки входят правила поведения, отрывки исторического и легендарного характера (в частности, рассказы о жизни Будды), метафизические и этико-психологические рассуждения, поэтические произведения (см., например, «Дхаммапада». М., Изд-во вост. лит-ры, 1960).

Конфуций (Кун Фу-цзы) (552—479 до н. э.) — основатель конфуцианства, которое наряду с буддизмом и даосизмом принадлежит к трем основным религиозно-философским системам древнего Китая.

Лао-дзэ (Лао-цзы) (род. 604 до н. э.) — китайский теолог, основатель даосизма — религиозно-философской системы, носящей ярко выраженный созерцательный и мистический характер.

«*Ворожеи не оставяя в живых*» — Библия, 2-я книга Моисея, гл. 22, ст. 18.

Конт Огюст (1798—1857) — французский философ, основатель «позитивной философии», отрицающей возможность познания сущности явлений. Конт выступал против теологии, но вместе с тем доказывал необходимость «новой религии». В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал о позитивизме: «...это — жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление»¹.

...*бабизм в Персии с его Евангелием Китабе Акдес*... — Бабизм — сектантское движение мусульман, возникшее и распространившееся в Иране в 40-х годах XIX в. Основателем секты бабидов был ширазский торговец Али Мухаммед (р. 1820), назвавший себя Бабом, т. е. Вратами откровения, через которые людям откроется новая вера. Основные положения своего учения Али Мухаммед изложил в книге «Беян» («Откровение»), написанной в стиле Корана. Учение Баба, вносившее реформы в ислам и оппозиционное по отношению к феодальной «элите», в какой-то степени выражало настроения широких народных масс. По настоянию духовенства, Али Мухаммед был в 1850 г. казнен. Однако движение бабидов продолжало развиваться. Упоминаемая Горьким книга «Китабе Акдес» («Священнейшая книга») была составлена около 1872 г. последователем Баба Бехауллой (1817—1892) (что значит «блеск божий»). В учении Бехауллы демократические тенденции бабизма резко ослабевают. «Свобода своими последствиями приводит к смуте, пламя которой не потушишь», — учил он. («Китабе Акдес». Пер. А. Г. Туманского. СПб., 1899, стр. 30).

Мормоны — религиозная секта в США, основанная в 1830 г. Джозефом Смитом, соединившим в своем учении ислам (проповедь многоженства), иудейство (идея теократии), христианство и различные суеверия (вера в колдовство и т. д.).

Брахма-Самадж в Индии — религиозное движение в Индии, основанное Рам-Мохун-Роем (1792—1833) и старавшееся обновить и приспособить к современности древние религиозные системы. В учении Рам-Мохуна-Роя, призывавшего чтить «единое, вечное и неизменное существо» (Брахмы) и

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 361.

быть милосердными, многое заимствовано из христианства. Философия и религия Индии глубоко интересовали Горького. Об этом, в частности, свидетельствует личная библиотека писателя, в которой имеется довольно обширный индологический раздел: Герман Ольденбург. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1890; Осип Ковалевский. Буддийская космология. Казань, 1837; С. Ф. Ольденбург. Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг., 1919; С. Ф. Ольденбург. Жизнь Будды, индийского учителя жизни. Пг., 1919; Ф. И. Щербатский. Научные достижения древней Индии. 1924, и др. В библиотеке писателя имеется также ряд книг, посвященных национально-освободительному движению Индии.

6

РПГ 2-70-1. Автограф без названия на бумаге с водяным знаком «Ludovica».

Написано, по-видимому, в декабре 1910 г.

Председатель организационного комитета Детского дома им. Л. Н. Толстого В. А. Герд писал Горькому 5 декабря 1910 г.: «...Как человек, знающий жизнь детей городского пролетариата и нищеты, Вы не можете не сочувствовать идее Детского Народного Дома... Инициатива принадлежит слушательницам Фребелевских курсов, которые готовятся быть народными учительницами, народ хороший и энергичный. Из подписавших воззвание Вы знаете, наверно, Ал. Мих. Калмыкову. ...Вы могли бы оказать нам помощь материальную и моральную, помощь Вашего сочувствия, заявленного печатно. М. б., возможно было бы через Ваше посредство обратиться и к итальянскому обществу с просьбою о присылке пожертвований». К письму был приложен текст «Обращения комитета организации Народного Детского Дома имени Л. Н. Толстого», опубликованный также в газете «Речь», 27 ноября 1910 г. (АГ).

Ответным письмом Горького Архив Горького не располагает.

Детский Народный дом имени Л. Н. Толстого не был создан. В одной из юбилейных статей, напечатанной в газете «Речь» в связи с первой годовщиной со дня смерти Л. Н. Толстого, говорилось: «Пожертвования скудно поступали, и Фребелевское общество к настоящему времени собрало всего только около 6000 рублей — деньги, на которые не только народного детского дома не построишь, но не откроешь и хорошего детского дома» («Речь», 7 ноября 1911 г., стр. 3).

Публикация настоящего обращения в итальянской печати не обнаружена.

«Если бы мне дали выбирать... выбрал последнее» — Л. Н. Толстой. О просвещении — воспитании и об образовании — обучении. Серия «Свободное воспитание и образование». М., изд-во «Посредник», 1907, стр. 50.

7

Г — 3 XI 12—14. Конверт № 25. Написано черными чернилами на листе из блокнота, правка теми же чернилами. Знак вставки (красным карандашом) указывает на то, что публикуемый текст мог служить дополнением к какой-то рукописи.

Датируется предположительно 1910—1912 гг., когда резко обозначился интерес Горького к мотивам Судьбы и Доли в народном творчестве (см. его письма к Н. Ф. Сумцову и В. И. Харциеву, т. 29, стр. 226, статью «О писателях-самоучках», т. 24, стр. 126, «Жизнь Матвея Кожемякина» с фигурой Маркуши и др.).

ПСГ 4—25—1. Черновой автограф на линованой бумаге большого формата с полями. Заглавие написано синим карандашом рукой Г. К. Сухановой-Флаксерман.

Датируется по фразе: «Прошел еще год торжества смерти и разрушения». Статья относится к циклу статей Горького «Письма к читателям», который печатался в журнале «Летопись» с марта 1916 г. по апрель 1917 г.

ПСГ 7—10—1. Заглавия нет. Автограф на линованой бумаге большого формата с полями.

Датируется по упоминанию о лекции А. П. Каменского и «Доме-музее». ...*Социализация красоты*...— Лекция, с которой А. П. Каменский выступал в Камерном театре перед инсценировкой своего рассказа «Леда» в конце апреля — начале мая 1917 г.

«Об-во памяти декабристов»...— Было создано весной 1917 г. по инициативе Горького и группы, в которую входили писатели и художники. Общество возникло с целью собирания материала, связанного с деятельностью декабристов.

...*организация «Дома-музея в память борцов за свободу»*...— По инициативе Горького и петроградской общественности в мае 1917 г. было создано общество, цель которого заключалась в создании Дома-музея, где предполагалось собрать материалы, реликвии и экспонаты, характеризующие историю освободительного движения в России. Горький принимал участие в составлении коллективного обращения о создании Дома-музея, а 22 мая 1917 г. выступил с речью на учредительном заседании общества о его задачах и целях. На этом заседании был выбран совет, в который вошли: А. М. Горький, С. Ф. Ольденбург, С. А. Венгеров, В. Н. Фигнер и др.

ПСГ 7—6—1. Черновой автограф на бумаге большого формата с полями. Датируется по содержанию.

ПСГ 7—18—1. Секретарская машинописная копия из личного архива Горького.

Написано, по-видимому, в июле — сентябре 1919 г.

Возможно, публикуемый текст задуман Горьким как предисловие к серии книг, предполагавшихся к изданию Издательством З. И. Гржебина. В списке книг Издательства З. И. Гржебина, озаглавленном «Готово и готовится к печати» (июль — сентябрь 1919 г., АГ), в одном из разделов указаны книги по истории России, Франции, Англии, Италии, Польши, Индии, Монголии, Египта, Средней Азии; книги о турках, болгарях, цыганах, евреях, молдаванах; книги о персидских, индийских греческих преданиях; намечены очерки китайской, индийской, скандинавской литературы и т. п.

Впоследствии обширный, но несколько измененный план издания получил название библиотека «Жизнь мира». Текст проспекта библиотеки был написан Горьким. См. «Каталог библиотеки «Жизнь мира» под редакцией М. Горького, В. А. Десницкого-Строева и А. П. Пинкевича на 15-е октября 1919 г.» (Изд-во З. И. Гржебина, Пг., 1919).

Книги библиотеки «Жизнь мира» выходили в 1920—1921 гг.

Пр Г 2—7—1. Автограф на бумаге большого формата в клетку. На оборотной стороне надпись Горького: «М. Садовский. Дикий человек. Рассказ». Правка красным карандашом.

Написано в 1919 г.

Рассказ М. Садовского с предисловием Горького был намечен к изданию по плану-каталогу издательства З. И. Гржебина («Каталог Библиотеки «Жизнь мира» на 1 октября 1919 года». Пг., Изд-во З. И. Гржебина). Издание не было осуществлено.

...*Садовский...* — Михаил Провович Садовский (1847—1910) — сын П. М. Садовского (1818—1872), драматический актер, автор очерков и рассказов из жизни московского мещанского и купеческого захолустья (М. Садовский. Рассказы, т. 2. М., 1899).

... *сын его Пров...* — Пров Михайлович Садовский [(1874—1947) — сын М. П. Садовского, народный артист СССР.

13

ПСГ 3—35—1. Печатается по направленной стенограмме, хранящейся в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (Ленинград).

Горький принимал активное участие в деятельности Первого рабоче-крестьянского университета, организованного в Петрограде в сентябре 1918 г.; постановлением Петроградского совета от 15 августа 1919 г. он был назначен на должность руководителя общеобразовательной программы этого университета. Горький включил в программу университета следующие предметы: 1) история русской литературы, 2) история материальной культуры, 3) история искусства и театра, 4) естествознание, 5) физика, 6) химия и др.

...*Павлов...* — Алексей Петрович Павлов (1854—1929) — геолог, академик.

Американский врач Каррель... — Алексис Каррель (1873—1944) — французский хирург. В 1904 г. уехал в Америку, где продолжал свою научную деятельность сначала в Чикагском университете, а затем в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке. В 1912 г. был удостоен Нобелевской премии за комплекс работ в области медицины и физиологии.

Один французский ученый... — Возможно, Лебон Густав (1841—1931), физик и химик, автор книг «Эволюция материи» (СПб., изд. М. И. Семенова, 1914) и «Эволюция сил» (СПб., 1910). Эти книги с многочисленными пометами Горького хранятся в ЛБГ.

14

ЛСГ 9—21—2. Автограф на двух листах большого формата.

Датируется по орфографии и содержанию.

Текст, по-видимому, представляет собой письмо сотрудникам издательства «Всемирная литература» (1918—1924), а может быть, текст выступления на заседании редакции издательства. Горький в 1919—1921 гг. редактировал в этом издательстве серии: «Основная библиотека», «Народная библиотека».

Согласно «Каталогу» издательства (Петербург, 1919, стр. 51), намечалось выпустить два произведения французского писателя Мориса Барреса (1862—1923): «Сад Беренисы», «Смерть Венеции», а также отрывки из его романов, очерков и речи.

15

Г — 3 III 4—5. Конверт № 18.

Датируется предположительно по орфографии и содержанию.

ПСГ 7—13—1. В книге «Описание рукописей М. Горького» (ч. 1. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 637—638) публикуемый текст озаглавлен [Ответ на анкету английского журнала]. Но поскольку не удалось установить, какой именно (английский, американский, либо другой журнал) предложил Горькому вопросы — редакция предлагает иное название — [Ответы журналисту].

Публикация текста за рубежом не установлена.

Автограф на двойном листе большого формата.

Время написания устанавливается по упоминанию рассказа «Репетиция» (написан в конце февраля — начале марта 1924 г.) и фразе «...сейчас в Европе три изумительных писателя: это — бесподобный Анатолий Франс...» (Анатолий Франс умер 13 октября 1924 г.).

«Совершив преступление, и, следовательно, упав среди окружающих людей...» — не вполне точная цитата из книги В. В. Розанова «Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария». Берлин, изд-во «Разум», 1924, стр. 79. Книга с пометами хранится в ЛБГ.

«Или тебе дороги...» — Точный текст цитаты: «Иль тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных?» (Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 9. Братия Карамазовы. Гослитиздат, 1958, стр. 318).

... работы по «омолаживанию»... — Здесь можно назвать работы: А. В. Нагорный. Жизнь, старость и смерть. Одесса, 1923; В. А. Штарк. Омоложение. Попытка разрешения проблемы вечной молодости. Баку [1924]; А. В. Палладин. Омоложение. Харьков, 1923; Н. К. Кольцов. Омоложение организма. Екатеринбург, 1924; А. Гобер. Старость и омоложение. Ростов-на-Дону, 1914.

Сютаев, Бондарев, «духоборы». — Василий Кириллович Сютаев (1820 — 1892) и Тимофей Михайлович Бондарев (1820—1898) — крестьяне, оказавшие, по свидетельству самого Л. Н. Толстого, на него огромное влияние (см. его статью «Так что же нам делать?»). Л. Н. Толстой написал предисловие к книге Бондарева «Торжество земледельца, трудолюбие и тунеядство». М., изд-во «Посредник», 1906.

«Духоборы» — секта, отрицавшая официальную церковь. Л. Толстой субсидировал переселение духоборов в Канаду.

...я жил в нем всего три недели. — Горький был в Лондоне в 1907 г., участвовал в работе V съезда РСДРП (30 апреля — 16 мая).

Недавно выпустил книгу моих заметок «Из дневника...» — «Заметки из дневника. Воспоминания». Берлин, изд-во «Книга», 1924. Английское издание книги: «Fragments from my Diary». London. Allen, 1924.

Скоро напечатаю книгу рассказов, написанных мною в 23—24 годах. — В августе 1924 г. в письме к П. П. Крючкову (АГ) Горький сообщил заглавие его новой книги: «Рассказы 1922—1924 гг.» Под таким заглавием книга и была издана в апреле 1925 г. в Берлине, изд-вом «Книга».

... Кнут Гамсун... последние книги его... — «Соки земли». Пер. К. Жихарева. Пг., Госиздат, 1922; «Женщина у колодца». Пер. Э. К. Пименова. М., 1923.

«Репетиция». — Рассказ вошел в книгу «Рассказы 1922—1924 гг.» Берлин, изд-во «Книга», 1924. Точный текст цитаты: «Он действительно любил ловить рыбу; это занятие лучше всякого иного позволяет человеку забыть, кто он, где он, и не думать, зачем он» (т. 16, стр. 201).

17

ПрГ 2—13—1. Автограф на листе большого формата.

Предисловие было напечатано в кн.: Sergeev-Tzensky. Transfiguration. Translated from the russian by Marie Budberg. Edited with an introduction by Maxim Gorky. Robert M. McBride and Company, New York [1926], p. V—VIII.

25 мая 1923 г. С. Сергеев-Ценский выслал Горькому первую часть романа «Преображение» — «Валя» (Симферополь, Крымиздат, 1923): «Посылаю Вам 1-й том своего «Преображения», только что отпечатанный... Напишите, если не в труд» (АГ)¹.

Горький принял роман восторженно (см. письмо Сергееву-Ценскому до 24 июня 1923 г. из Фрейбурга (т.29, стр. 411—413).

Приблизительно в то же время Горький писал М. Ф. Андреевой: «Но то поистине изумительным стал писателем, так это Сергеев-Ценский. Давно я не читал книгу с такой радостью и таким волнением всей души, с какой читал его роман «Преображение». Чудесная вещь. Изумительно написана. «Как на дудочке сыграно», — сказал я ему. Жалею, что не могу послать эту книгу тебе, ибо хочу писать о ней для иностранцев — англичан и прочих («М. Ф. Андреева», М., «Искусство», 1968, стр. 351).

Тогда же это намерение и было осуществлено. В статье «Призвание писателя и русская литература нашего времени», которая первоначально предназначалась Горьким для Англии, большой раздел был посвящен Сергееву-Ценскому. В этом разделе содержались все те мысли, которые были развернуты позже в «Предисловии». (Статья писалась в июле 1923 г.) Над переводом «Преображения» на английский язык М. И. Будберг, по-видимому, работала летом 1924 г. Горький сообщал В. С. Познеру 3 июля 1924 г.: «Книги Сергеева-Ценского у меня нет, она у М[арии] И[гнатьевны]» (АГ).

По свидетельству Будберг, предисловие писалось после того, как оно был сделан перевод, т. е., очевидно, осенью 1924 г.

Эта первая редакция статьи представлена в Архиве А. М. Горького автографом, отличающимся от английского текста большей полнотой.

Текст, намеченный к сокращению, отмечен в автографе рукой М. И. Будберг, что дает основание датировать вторую редакцию статьи, представленную в английском издании, также 1924 г.

Текст английского издания в основном соответствует автографу, за исключением двух фраз, которые даны нами в переводе с английского в квадратных скобках. В сносках, под строкой, приводятся текст, не вошедший в ньюйоркское издание.

Здесь развернуты мысли Горького, не раз встречавшиеся в его статьях и высказываниях первой половины 20-х годов. Это — односторонние суждения о прошлом русской литературы и о русской истории, излишне категоричное противопоставление общечеловеческого социальному. Начиная со второй половины 20-х годов Горький пересматривает некоторые из этих своих прежних представлений. Книга вышла в свет в октябре 1926 г. Сергеев-Ценский писал Горькому 24 ноября 1926 г.: «Очень обрадовали Вы меня письмом «Преображения» в переводе на английский! Какая красивая вышла книжка!.. И какое теплое и милое написали Вы к ней предисловие! Вы писали его, должно быть, года два назад и забыли уж, что писали, но для меня, принявшего Ваше письмо по поводу «Преображения» за простую любезность, тем радостней было прочитать на чужом языке повторенными *urbi et orbis* Ваши слова из письма» (АГ).

Сергеев-Ценский отметил в письме Горькому от 28 декабря 1926 г. некоторые погрешности в переводе текста романа и пропуск целой главы — «Разделение стихий» (АГ). В связи с этим Горький писал Сергееву-Ценскому: «Переводы Будберг вообще — хвалить; она училась в Кембридже и английский язык знает лучше русского... А главу-то, вероятно, американцы сами вычеркнули, они это делают очень бесцеремонно» (письмо от 8. I. 1927 г. — АГ).

¹ Этот экземпляр романа с возможными пометами Горького не сохранился. В библиотеке Горького есть другой экземпляр «Преображения», высланный Сергеевым-Ценским Горькому значительно позже — 3 мая 1925 г.: «Одну книжку 1-й части «Преображения» я Вам послал тогда же, другую же посылаю теперь (только что достал)» (АГ).

Горький высылал Сергею-Ценскому рецензии на книгу. Он писал ему 3 декабря 1926 г. «В Америке книга идет неплохо; рецензии скоро получите» (т. 29, стр. 486). 15 мая 1927 г.: «Прилагаю еще две рецензии, Сергей Николаевич, слышал, что их много. Книга, очевидно, хорошо идет; мне говорили, что это констатируется одной рецензией, которая заключена словами: «Нам приятно отметить, что в Америке начинают читать настоящую литературу» (т. 30, стр. 23).

О предисловии Горького к книге С. Н. Сергеева-Ценского сообщалось в статье К. Чуковского «Россия в Америке» («Красная газета», вечерний выпуск, № 6, 18 января 1927 г.). Большие цитаты из предисловия Горького приводились в статье в переводе с английского. На эти же цитаты ссылался Сергеев-Ценский в своих воспоминаниях «Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким» (С. Н. Сергеев-Ценский. Собрание сочинений в десяти томах, т. 3. М., Гослитиздат, 1956, стр. 574—575).

В 1928 г. Горький написал «маленькое предисловие» к изданию первой части «Преображения» на венгерском языке. Оно было напечатано в венгерском журнале «Nyugat» («Запад») 16 апреля 1928 г., стр. 555—556. Текст предисловия был выслан Горьким С. Н. Сергееву-Ценскому 31 марта 1928 г. (опубликован в Собрании сочинений Сергеева-Ценского в десяти томах, т. 3, стр. 515—516). Издание романа на венгерском языке осуществлено не было.

Горький предполагал издать на английском языке вторую, третью и четвертую части «Преображения».

Рукопись второй части «Преображения» была выслана Горькому в Сорренто в марте 1927 г. «Преображение» немедля начнут переводить и, вместе с тем, искать нового издателя, ибо издатель первого тома, кажется, разорился или притворяется, что разорился», — писал Горький Сергею-Ценскому 28 марта 1927 г. (т. 30, стр. 14). Намерение Горького не было осуществлено.

В личной библиотеке и Архиве А. М. Горького хранится большое количество книг С. Н. Сергеева-Ценского. Среди них — роман «Бабаев» (Л., изд-во «Мысль», 1928) с пометами Горького (АГ).

В Архиве Горького хранится также отгиск статьи Е. Усиевич «Творческий путь Сергеева-Ценского» из журнала «Литературный критик», 1935, № 3, стр. 79—112 с пометами Горького. В маленькой памятной записке Горький написал: «В 37 г. в январе — 35 лет работы Сергеева-Ценского».

Сергеев-Ценский начал писать лет двадцать тому назад. — Сергеев-Ценский дебютировал сборником стихов «Думы и грезы». Павлоград, 1901.

Его первые рассказы... — «Тундра». — «Русская мысль». М., 1903, кн. 1; «Погост». — «Образование», 1903; № 4; «Верю!» («Цыганский барон»). — «Новый путь», 1904, № 6; «Маска». — «Новый путь». М., 1904, № 11; «Счастье («Умру я скоро»)». — «Русская мысль». М., 1903, кн. 4 и др.

Рассказы Сергеева-Ценского были изданы также отдельной книгой: С. Н. Сергеев-Ценский [Сочинения]. СПб., изд-во «Мир божий», 1907.

«Печаль полей». — Впервые опубликовано в кн. «Литературно-художественный альманах» издательства «Шиповник», кн. 9. СПб., 1909.

...ищуший эти строки никогда, ни одного раза не встречал С.-Ценского... — Горький переписывался с Сергеевым-Ценским с мая 1916 г. Первая встреча писателей состоялась 15 июля 1928 г. в Ялте.

...не отозвался на [революцию 1905 г.]. — Эпоха первой русской революции отразилась в таких, например, произведениях Сергеева-Ценского, как запрещенная цензурой повесть «Сад» («Вопросы жизни», № 10—11, 1905) и роман «Бабаев» (СПб., изд-во «Мир божий», 1909).

...хороший рассказ «Медвежонок»... — Рассказ был напечатан в «Альманахе петербургских писателей». — Издательское т-во писателей, 1912.

«Наклонная Елена». — Впервые опубликовано с подзаголовком «Первая глава романа «Инженер Матиев» в «Русской мысли», 1914, кн. I, II, III.

Во время войны он живет в Крыму... — В 1906 г. Сергеев-Ценский построил близ Алушты дом, в котором прожил около 50 лет. С 1962 г. в этом доме — Государственный литературно-мемориальный музей.

Роман С.-Ценского — не кончен... это только первый том его, весь же роман рассчитан на шесть томов.— Эпопея «Преображение России» писалась на протяжении всей жизни Сергеева-Ценского. Эпопею составляют, кроме «Вали» и «Обреченных на гибель», романы «Пушки заговорили», «Пушки выдвигают», «Зауряд-полк» и др.

18

ПРГ 1—25. Написано на части листа большого формата.

Датируется по выходным данным американского издания рассказа Н. С. Лескова «Очарованный странник» Nicolai L u e s k o v: The enchanted wanderer. Translated from the russian by A. G. Paschkoff. Edited with an introduction by Maxim Gorky. Robert M McBride and Company, New York. 1924.

Для предисловия к американскому изданию Горький переработал (в основном сократил) текст вступительной статьи к избранным сочинениям Лескова в трех томах (т. I. Изд-во З. Гржебина, 1923, Берлин — Петербург — Москва), написав к нему заключительную часть (два абзаца, посвященных «Очарованному страннику»), публикуемую нами (полным текстом рукописи предисловия АГ не располагает).

19

ПСГ 7—8—2. Автограф на бумаге большого формата.

В Архиве Горького хранится также первая редакция статьи без подписи автора и вторая, публикуемая, с подписью.

Время написания статьи и причины того, что она не была опубликована, устанавливаются по письму Горького Д. А. Лутохину от 11 сентября 1926 г.

«... За отзыв мой о Дзер[жинском] ополчились на мя Волковысские многие и рассылают по редакциям немецких газет малограмотно написанный манифест, в коем допущены такие фразы, как, напр., «ударил по сердцам содроганием и болью». Ударить содроганием — придумают же! Судя по слащавости слога — манифест сочинял Айхенвальд.

Написал некое возражение на него, но, подумав, решил не печатать. Это уж не первый раз: напишу нечто против эмиграции, а печатать не хочется. Ибо — «лежачего не бьют».

Писал же о «гуманизме от нечего сказать», о гуманизме по привычке, механическом, а не от сердца и разума. Закончил четверостишием Дм. Семеновского, весьма интересного поэта:

«Мне тяжело, когда подобя
Людей зверям, слепая кровь
Темнит их взор. Но — слава злобе,
Воинствующей за любовь».

Читал недавно книжку майора Хескет-Притчарда «Спайнинг во Франции», это — о «сверхметках стрелках» в мировой войне. Какой холодный и отвратительный цинизм! И — уж где там говорить о гуманизме во дни изуверской «черной стачки». Нет, с гуманизмом покончено. И, должно быть, нужно, чтоб люди устали резать друга друга, иначе он едва ли возникнет вновь...» (АГ).

«Против Горького» — статья, опубликована в эмигрантской газете «Руль», сентябрь, 1926.

... что люблю и уважаю его... — Узнав о смерти Ф. Держинского, Горький в письме к Я. С. Ганецкому писал: «... благодаря его душевной чуткости и справедливости было сделано много хорошего. Он заставил меня и любить и уважать его» («Известия», 11 августа 1926 г., № 182).

...Гиппиус, которая в неудачных стихах... — Горький имеет в виду строку из сборника Гиппиус «Стихи. Дневник 1911—1921 г.». Берлин, стр. 119.

...Евангелие мести, сочиненное [господином] Ильиным... — И. А. Ильин — философ-идеалист, эмигрант. «Евангелием мести» Горький называл книгу Ильина «О сопротивлении злу силой». Берлин, 1925.

... Стихами Д. М. Семеновского... — Д. Н. Семеновский (1804—1960). Четверостишие из стихотворения «Слава злобе», впервые опубликованного в журнале «Прожектор», 1921.

[2] Г — З III 5—20. Конверт № 23. Черновой автограф. В верхней части заметки красным карандашом рукою И. П. Ладъжникова написано: «Ф. Э. Дзержинский». Содержание заметки дает основание считать ее предварительной записью к статье «О «механическом» гуманизме».

«Не мир, но меч» — название сборника статей Д. Мережковского. СПб., Изд-во М. В. Пирожкова, 1908.

М. М. Т. — Тихвинский Михаил Михайлович (1868 — 1921), профессор-химик, изготовлявший в 1905 г. на московской квартире Горького, на Воздвиженке, бомбы для революционных дружин.

«Патронов не жалеть» — приказ Московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова во время октябрьских событий 1905 г. — «холостых залпов не давать, патронов не жалеть».

«Повесим их в молчании» — строка из стихотворения З. Гиппиус.

Сужу не по фактам, а по мотивам. — В статье «О «механическом» гуманизме» эта мысль выражена так: «... человека следует судить не по действиям его, а по мотивам действий...»

20

ПрГ 2—15—1. Черновой автограф на двойном листе бумаги большого формата.

В Архиве Горького хранится также машинописная копия предисловия, с правой неустановленного лица и написанная на обороте адресом П. П. Крючкова (поступила от И. А. Груздева).

Предисловие было написано, по-видимому, в начале декабря 1926 г. Горький сообщил О. Д. Форш 15 декабря 1926 г.: «Одеты камнем» переведены на английский язык. Я написал маленькое предисловие к переводу» («Литературное наследство», т. 70, стр. 594). В тот же день он писал М. Д. Беляеву, директору Пушкинского Дома — «С моими предисловиями должны еще выйти: том црозы Пушкина, «Детство Люверс» Пастернака, «Одеты камнем» О. Форш и ряд других авторов» (АГ).

Издание этих книг не состоялось, так как весной 1927 г. перестало существовать издательство, в котором намечался их выпуск. Но Горький не оставлял надежду на выход книг Б. Пастернака и О. Форш вплоть до весны 1928 г.: «Детство Люверс», — писал он Пастернаку 18 октября 1927 г., — выйдет в Америке весной, вместе с книгой О. Форш «Одеты камнем» («Литературное наследство», т. 70, стр. 300). Но и это намерение осуществить не удалось.

... творчество Зинаиды Гиппиус... — По свидетельству И. Груздева («Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 257), Горький одновременно со статьями о Форш и Пастернаке хотел написать для Америки статью о Зинаиде Гиппиус.

Лично ее я не знаю... — Знакомство Горького с О. Д. Форш состоялось в 1914—1915 гг., о чем свидетельствует переписка писательницы с Горьким, опубликованная в «Литературном наследстве», т. 70, стр. 580—613. Но, как писала О. Д. Форш, рассказывая о своих встречах с Горьким, «...отношений отдельных у меня с ним не было. Завязались они позднее» («Из переписки с Горьким»). — «Звезда», 1945, № 2, стр. 103). Переписка по поводу романа «Современники» и явилась поворотным пунктом в отношениях писателей.

По приглашению Горького О. Д. Форш гостила у него в Сорренто в конце ноября — начале декабря 1927 г. См. ее статью «В гостях у Горького» («Красная звезда», 13 января, 1928 г., № 12, веч. выпуск).

В романе «Современники»... — Ольга Ф о р ш. Современники. М. — Л., Госиздат, 1926. Книга была послана Горькому с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову с чувством радости, что вот он у нас есть, и с искренней любовью. О. Форш» (ЛБГ).

О романе «Одеты камнем»... «Одеты камнем (Таинственный узник Алексеевского равелина)». М., «Россия», 1925. В письме О. Д. Форш от 5 сентября 1926 г. Горький писал: «А «Одеты камнем» — уже большая вещь, высоко ценю ее как одну из книг, кои начинают на Руси подлинный исторический роман, какого до сей поры — не было, а сейчас есть уже четыре: два Ваших, «Кюмля» Тынянова и колоссальный «Разин» Чапыгина».

...именно такова была жизнь Бейдемана... — Горький основывается на книге П. Щеголева «Таинственный узник Петропавловской крепости». — «Былое», 1919.

В письме В. Ф. Ходасевичу от 26 мая 1924 г. Горький писал: «Очень интересен роман Форш. Герой — Бейдеман, петропавловский таинственный узник, о котором так хорошо рассказал П. Е. Щеголев» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, кн. 31, стр. 190).

Об этой же книге О. Д. Форш упомянула в своей автобиографии: «Небольшая брошюра, выпущенная издательством «Былое» о Михаиле Бейдемани, узнике Алексеевского равелина, толкнула меня на создание первого советского исторического романа «Одеты камнем» («Вопросы литературы», 1959, № 4, стр. 166).

21

ЛСГ 11—14—1. Черновой автограф на двойном листе большого формата.

Датируется по упоминанию письма Сергеева-Ценского и статье «Мой привет».

...С. Н. Сергеев-Ценский в письме ко мне сказал... — Сергеев-Ценский писал Горькому (в марте — апреле 1927 г.) по поводу повести Л. Пантелеева «Республика ШКИД»: «Думаю, что таких произведений написано много, особенно про разные места заключения. В конце концов, добрых три четверти современной литературы — мемуары» (АГ).

...этот всячески битый русский мальчик... — Рассуждения о «битом русском мальчике» использованы в статье «Мой привет», напечатанной в юбилейном номере «Правды» 6 ноября за 1927 г.

Отчеты судебных палат — ежегодно издававшиеся (с 1909 по 1914 г.) «Отчеты Комитета помощников присяжных поверенных Московской судебной палаты».

22

ЛСГ 8—5—1. Черновой автограф без подписи.

Датируется по содержанию письма Ф. Гладкова Горькому.

Ф. Гладков в письме Горькому от 25 сентября 1927 г. писал: «... В Москве сейчас писатели — в беспокойстве: есть угроза остаться вне профсоюза... Боюсь, как бы писатели не лишились того правового положения, которое они закрепили за собою за эти годы. Вот где до зарезу нужен Ваш авторитетный голос...» («Литературное наследство», т. 70, «Наука», 1963, стр. 101).

Провозглашен лозунг «культурной революции». — В отчетном докладе ЦК на XV съезде партии, в декабре 1927 г., партия поставила вопрос о развертывании культурной революции. Вероятно, М. Горький имеет в виду обращение XV съезда.

ПрГ 1—14—1. Черновой автограф. Бумага с водяным знаком «Extra strong Anniene Mill». Заглавие авторское: «Предисловие к переводу книги Гудмундур Камбан с датского на голландский язык». По-видимому, «голландский» — описка.

Текст частично опубликован в статье Г. В. Шаткова «М. Горький и скандинавские писатели» в сборнике «М. Горький и зарубежная литература». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 99.

Датируется предположительно, по времени издания романа «Рагнар Финнссон» на русском языке и по орфографии.

Роман в переводе А. В. Ганзен был издан под названием «Без устоев» — М.—Л., Госиздат, 1927. (В ЛБГ хранится экземпляр романа с пометами Горького).

Датский исследователь творчества Г. Камбана Гуннар Ханзен писал Горькому: «Весной этого года в одном датском журнале было помещено интервью с художником Гааген-Мюллер, который только что кончил Ваш портрет в Сорренто. Он рассказал, что разговаривал с Вами о современной скандинавской литературе и что на Вас произвела впечатление книга исландского писателя Гудмундур Камбана...

Я лично считаю Камбана более глубоким, чем других писателей, которые в наши дни пишут на датском... В продолжение семи лет я сделал все, что для меня возможно, чтобы ему помочь, но в своих усилиях я остался одинок. Мое имя мало известно, поэтому я мог сделать так мало. Вы человек, которого слушает весь мир, у Вас большой авторитет... Несколько строчек, написанные Вашей рукой, включенные в мою книгу как предисловие, помогли бы мне достигнуть своей цели...» (АГ).

Гудмундур Йоунсон Камбан (1888—1945) — исландский писатель, автор книг «Рагнар Финнссон» (1922), «Скаульхольт» (1930—1935), «Я вижу великую прекрасную страну» (1936), а также пьес «Мы, убийцы» (1920), «Мрамор» (1918) и др.

...Эгил, сын каторжника, тоже хочет быть «добрым со всеми». — Роман Камбана кончается словами Эгиля, 12-летнего сына Рагнара Финнссона «... с сегодняшнего дня он будет добрым со всеми». Этими же словами Камбан начинает роман. Прозносит их Рагнар, ставший преступником.

24

ПрГ 1—3—1а. Автограф на двух] листах большого формата.

В Архиве А. М. Горького хранится также черновой автограф этой статьи без подписи.

Датируется по рецензии М. Зингера на книги: «Морские брызги» Евг. Бывалова и «Ход конем» Л. Борисова, напечатанной в газете «Известия» 18 декабря 1927 г., и письму Горького к Борисову от 28 февраля 1928 г. (АГ).

По поводу этой рецензии Горький писал А. И. Груздеву 27 декабря 1927 г.: «Удивительно безответственно и «с размаха» пишут у нас рецензии. В «Известиях» о) Бывалове — «Морские брызги» наговорено слишком лестно и не очень грамотно: — «особенно» удается автору *имитация* матросского жаргона — но не указано, что жаргон этот — т. е. «словечки» — повторяются чуть ли не во всех рассказах, а на стр. 6-й и 144-й повторены буквально. Не указана и тематическая зависимость автора от Лондона и Конрада, да — не только тематическая. Тот же рецензент — М. Зингер — зря написал о Леониде Борисове — «Ход конем»: «Вздорная книга», «Обычная авантюрно-детективная пошлятина» и т. д. А это — несправедливо: Борисов — талантлив, хотя несколько оравлен Эрнбургом, язык у него легкий, бойкий, красочный,

тема оригинальная и от «детективности» — далека. Досадно читать такие рецензии» («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 160).

Настоящая статья Горького предназначалась в качестве предисловия для второго издания книги Л. Борисова, о чем Горький уведомлял Борисова в письме от 28 февраля 1928 г.: «Леонид Ильич — предисловие отправил сегодня в Москву. Вы его получите дня через два. Будьте здоровы. А. Пешков» (АГ). Публикация предисловия не состоялась.

В письме Борисову от 17 марта 1928 г. Горький писал: «На телеграмму П. П. Крючкова печатать предисловие в газетах я ответил запрещением, но получив Ваше письмо, запрещение отменил. Не советую Вам особенно волноваться по поводу чепухи, которую пишут рецензенты, но урок, этим данный, крепко запомните и, когда самому захочется писать о чьей-либо книге, — не забудьте, что за нею живой человек, которого руганью ничему не научишь» (АГ).

О встречах с М. Горьким Л. Борисов пишет в своих заметках «Из воспоминаний». — «Звезда», № 5, 1964.

...факт, который, разумеется, должен отрицать Бальмонт и Бунин, но который признан Роменом Ролланом... — Речь идет об открытом письме Бальмонта и Бунина — Ромену Роллану по поводу приветствия Р. Роллана советскому народу в связи с десятилетием Октябрьской революции (см. письмо Горького Р. Роллану от 22 марта 1928 г., т. 30, стр. 83—86).

Бывалов Евгений Сергеевич (псевдоним — Зюйд-Вест, 1875—1943), автор сборников рассказов: «Дети палубы» (1926), «Морские брызги» (1927), повестей: «На Потемкине» (1927), «Под всеми широтами» (1927), «Полудра (1928) и др.

Кервуд (1878—1927) — английский писатель, автор легких авантюрных романов.

Пьер Бенуа (1886—1962) — французский писатель, член Французской академии, автор многих экзотических и авантюрных романов.

«Бей, но выучи...» — изречение древнегреческого философа Диогена, обращенное к философу Антифену.

25

ЛСГ 7—2—1. Автограф на двойном листе бумаги большого формата. Первый раз статья «О негодях» упоминается в письме Горького П. П. Крючкову в феврале 1928 г.: «...Скоро пришло статью «О негодях...» (АГ). Второй раз — в письме А. Б. Халатову от 25 марта 1928 г. Горький пишет: «... это предисловие (к книге Д. Горбова) несколько нарушает план затеянной мною статьи «О негодях» («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 110).

Замысел остался незавершенным. В статье «Механическим гражданам» СССР. Ответ корреспондентам» (октябрь, 1928 г.), заменившей незаконченную статью «О негодях», Горький упоминает и автора письма о «Вавилонской башне» (т. 24, стр. 431).

... я уже говорил об этом в советской печати. — В статье «Анонимам и псевдонимам» (т. 24, стр. 301—303).

26

ПСГ 7—21—1. Рукопись представляет два черновых варианта начала статьи.

Первый написан черными чернилами на листах писчей бумаги большого формата с полями.

Второй — черными чернилами на листах из блокнота. Над текстом рукою Горького надпись красным карандашом: «Начало».

Датируется по переписке Горького с С. Б. Урицким. (См. «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, изд-во «Наука», М., 1965, стр. 138—149).

Второй вариант обрывается на фразе «Я начну не с Москвы, а с Курска»; в окончательной редакции второй очерк цикла «По Союзу Советов» начинается: «Начну с Курска» (т. 17, стр. 150). Это еще раз подтверждает предположение, что по первоначальному замыслу цикл должен был открываться вторым по журнальной публикации очерком, тем более что поездку по Союзу Горький начал с посещения Курска.

Неоконченная статья, по-видимому, должна была обобщить впечатления поездок по Союзу Советов (с мая по октябрь 1928 г.), но, убедившись, что «очень трудно уложить в рамки небольшой статьи всю массу впечатлений, пережитых за пять месяцев пребывания в Советском Союзе», писатель оставил статью незавершенной, начав работу над циклом «По Союзу Советов». Более емкая и гибкая форма художественного очерка соответствовала разнообразному материалу, собранному во время поездок.

Из шести лет, прожитых за пределами родины... — Горький выехал для лечения за границу 29 или 30 октября 1921 г. В 1922—1924 гг. он живет в Германии и Чехословакии. 5 апреля 1924 г. уезжает из Праги в Вену, затем — в Италию, где живет до 20 мая 1928 г. 27 мая 1928 г. он приезжает в Советский Союз.

...на беседе со мною... — 14 июня 1928 г. в Белом зале МК ВКП(б) состоялась встреча Горького с женщинами — рабкорами, делегатами фабрик и заводов Москвы.

27

ПСГ 4—19—1. Черновой автограф на двойном листе большого формата.

Первая зачеркнутая фраза статьи «Очень трудно...» позволяет установить приблизительное время работы над статьей — октябрь — ноябрь 1928 г. Фраза эта начинается другую незавершенную статью Горького [По Союзу Советов], публикуемую в настоящем томе.

В личном архиве М. Горького рукопись статьи хранилась с письмом корреспондента «Н. Р.» на десяти страницах. В статье «Еще о «механических гражданах» (ноябрь 1928 г.) Горький пишет: «... вот предо мною огромное письмо — десять страниц не почтовой, а писчей бумаги, исписанной мелким почерком...» (т. 24, стр. 453).

По-видимому, ответ адресату был дан Горьким в статье «Еще о «механических гражданах» и первоначальный замысел остался незавершенным.

По содержанию своему и замыслу «Ответ на открытое письмо гр. Н. Р.» примыкает к статьям: «Механическим гражданам» СССР. Ответ корреспондентам», «Еще о «механических гражданах», а также к незавершенной статье «О негодях», публикуемой в настоящем томе.

28

ПСГ 9—5—1. Черновой автограф на бумаге большого формата.

Статья Горького была написана в ответ на письмо редакции журнала «Пионер» от 22 июля 1929 г., в котором сообщалось о развернувшейся в журнале дискуссии по вопросу «Кем я хочу быть?». Редакция послала Горькому наиболее интересные письма ребят и сводку, обобщающую ответы детей, надеясь, что Горький напишет на основе этих материалов статью для журнала «Пионер».

Присланная сводка ответов заинтересовала Горького, о чем свидетельствуют его многочисленные пометы красным и синим карандашами. Используя данные этой сводки, Горький набросал публикуемую статью в конце июля 1929 г.

В Архиве Горького хранится другая редакция этой статьи, в которой несколько видоизмененный и сокращенный текст Горького дан от имени редакции журнала «Пионер» с прибавлением следующего обращения: «Редакция

«Пионера» уверенно ждет, что центральная пресса и все лица, сознающие серьезность данного факта, выскажутся о нем».

Но и в таком виде текст Горького не был напечатан в журнале.

В ответном письме редакции Горький выдвинул идею создания специальных брошюр на материалах дискуссии. Он писал:

«Уважаемые товарищи!

В материале, данном Вами, гораздо больше поучительного для отцов, чем для детей, потому что материал этот свидетельствует прежде всего о неудовлетворительной постановке социально-политического воспитания пионеров, о недостатке серьезного внимания к людям, которые через десяток лет вступят на место отцов. Писать для пионеров я не умею и отказываюсь. Но я предлагаю Вам издать материал брошюрой, приблизительный план которой мною прилагается. Озаглавить брошюру можно так: «О пионерах», но обязательен подзаголовок «Для отцов». Сии последние видят пионерство Москвы, Ленинграда и т. п. крупных центров, но едва ли им известно настроение детей, живущих в различных захолустьях. А знать это — необходимо.

Брошюре нужно придать значение вопроса глубокой социальной важности. Нужно, чтобы пресса затеяла по этому вопросу дискуссию. Привет.

Р. С. Брошюру следует напечатать в порядке спешности, дабы она появилась к 18—20 числу» (АГ).

«План брошюры «Кем я хочу быть» (О пионерах). Родителям о нашей смене» представляет собой машинопись с правкой Горького красным карандашом.

Первый пункт в плане не обозначен. В конце текста Горький приписал красным карандашом: «V. Пись[мо] в П[ионер].

Послед[нее?]

Приводим текст плана брошюры:

«2. *Кем хотят быть пионеры* — вступительная статья И. Разина. Какой человек нам нужен. Об этом главном, о воспитании в ребенке качеств нового человека, забывают повседневно наши воспитатели. Пятилетка требует новые кадры новых рабочих, инженеров, учителей. Эти факты (помещенные в брошюре) тревожны. Сравнение этих фактов с аналогичными обследованиями (статистическими) прошлых лет. Чем объясняются такие письма: а) влияние среды; б) недостатки нашей работы; в) отсутствие целенаправленности у ребят; г) слабое внимание общественности и родителей. Выводы: а) шире внешкольную работу; б) меньше количества — больше качества в работе с детьми; в) за хорошее отношение общественных и культурных сил к судьбам маленьких детей.

3. Письмо Шуры Климовой. Отклики на письмо Шуры Климовой. Второе письмо Шуры Климовой — 30 стр. *Сводка откликов* на дискуссию по вопросу «Кем я хочу быть».

4. *От редакции «Пионер»*: а) что дала дискуссия; б) как мы помогаем ребятам «выйти в люди»; в) призыв к общественности откликнуться на эти вопросы. Всего 40 стр., т. е. 2 печатных листа».

Предложение Горького было осуществлено. Была выпущена брошюра «Кем хотят быть наши дети (Сборник детских писем для отцов)». Составил И. Разин. Под редакцией и с предисловием Максима Горького. М.—Л., ГИЗ, 1929. В качестве предисловия в сборнике была напечатана статья Горького «О пионерах», написанная к Всесоюзному слету пионеров. Первоначально она была опубликована 18 августа 1929 г. в газетах «Известия», «Комсомольская правда», в журнале «Смена».

«*Плохие ребята, которые, хорошо не вдумавшись...*» — не совсем точная цитата из письма пионера Коли из Воронежа (см. в сборнике «Кем хотят быть наши дети», стр. 22).

1-е письмо Климовой... 2-е письмо... Ряд писем в защиту и в осуждение Климовой. — Во 2 номере журнала «Пионер» за 1929 г. под заголовком «Кем я хочу быть» было помещено письмо Шуры Климовой:

«Дорогие товарищи редакторы!

Я получила ваше письмо, в котором вы спрашиваете, кем я хочу быть? Я вам сейчас отвечаю на этот вопрос.

В этом году я кончаю семилетку, и мне хотелось бы учиться дальше. Но у моих родителей нет средств на то, чтобы я училась дальше. Так что учиться мне не придется.

Я уже давно думала над тем, что мне делать, когда я окончу семилетку. Пробовала говорить на эту тему с ребятами нашего отряда, но из них никто этим не интересуется. Отец хочет, чтобы я поступила куда-нибудь в учреждение. Но мне не хочется, потому что сидеть в канцелярии и писать скучные бумажки мне неинтересно. Потом мне надоел наш город. Пока я пионерка, то хоть в отряд ходить можно, но в будущем году из отряда придется уйти, т. к. мне уже больше 15 лет, тогда будет очень скучно. Живем мы не очень хорошо: то того не хватает, то другого. Иногда мне очень жалко моих родителей и двух братьев — хочется им помочь, но пока не могу, и если останусь тут, то тоже плохая будет от меня помощь, ввиду маленького жалованья.

И вот, дорогая редакция, мне хочется вам обо всем, что я думаю, написать. А вы мне напишите ответ. А то, как вы видите, мне совсем не с кем посоветоваться. Я хочу быть киноартисткой. У меня есть к этому большие способности, об этом мне многие говорили — и наш руководитель пионерской «Живой газеты» и многие ребята. На фотографии я тоже всегда выхожу хорошо, и руководитель «живгаза» говорит, что у меня лицо фотогеничное и что это важно для киноактрисы. Киноактрисой я хочу быть по двум причинам: мне это очень нравится, и я буду известной во всем мире и буду лучшей киноартисткой нашего Советского Союза, а потом — киноартисты получают много жалованья. Я читала, что Мери Пикфорд получает около двух миллионов долларов в год. Если бы я получала столько, то половину или даже больше я бы отдала на дело индустриализации нашего СССР. А потом я бы купила небольшой дом с хорошей обстановкой и взяла бы туда всю нашу семью, потому что папа с мамой скоро будут старыми и им нельзя будет работать, а братья будут учиться в вузе. Дома обязательно будут ковры и рояль. Я немного умею играть на рояле, а тогда и вовсе выучусь. В моей комнате будет камин. По вечерам ко мне будут приходить подружки и товарищи моего мужа. Я буду играть на рояле, а гости будут танцевать. Мы будем играть в лото и карты. Я думаю, что в лото и в карты играть не на деньги можно, потому что это интересно и ничего в этом плохого нет.

Эх! Как я размечталась. Еще и киноартисткой не стала, а уж и дом и все покупать собираюсь.

Ну, киноартисткой я обязательно сделаюсь и своего добьюсь.

Дорогая редакция, ответьте мне поскорей на мое письмо и напишите мне обязательно: куда мне обратиться и как сделаться киноартисткой. С пионерским приветом. Шура Климова.

г. Барнаул, Сибирский край. Пионерка 3-го звена отряда им. Крупской.

Перед письмом несколько строк от редакции:

«7 января мы получили письмо из Барнаула от нашей деткорки Шуры Климовой. Редакция хотела ответить Шуре подробно по почте, но потом решила срочно сдать это письмо в набор, чтобы оно поспело во 2-й номер журнала. Нам кажется, что гораздо лучше будет, если все читатели журнала посоветуют Шуре, как ей быть».

В последующих номерах журнала за 1929 г. были помещены многочисленные отклики юных читателей.

В 20 номере журнала за 1929 г. было опубликовано второе письмо Шуры Климовой.

«Дорогие товарищи!

Многие деткоры писали обо мне в журнале. В своих письмах они посылали меня в Лондон, называли буржуйкой, советовали работать в Барнауле и т. д.

Им легко писать, а мне, после моего письма, напечатанного в № 2 «Пионера», было не очень-то хорошо. В школе меня окрестили «миллионершей»,

в отряде — «Мери Пикфорд». Мои подруги отворачивались от меня, когда я к ним подходила. В классе во время уроков и в отряде, на сборах, мне присылали записочки, в которых писали:

«Уважаемая миллионерша, пожертвуйте на школу тысчонок 15, что вам стоит».

«Очаровательная Мери Пикфорд, когда же мы увидим вашу первую картину?» Даже дома, и то моя мама часто говорила: «Ну, барыня, садись обедать», или — «Барыня, ты бы пол вымыла».

Самое непереносимое случилось 8 марта, в день работниц. Пришел с работы отец и сказал: «Ну, артистка, нашел и тебе дело, авось меньше выдумывать будешь»... Оказалось, что летом будут набирать броню подростков на железнодорожную станцию и мне, как дочери рабочего, можно в броню попасть. Отец даже с месткомом договорился. Одно он только забыл — у меня спросить. Я сказала, что ни в какую броню не пойду, а, окончив семилетку, буду готовиться для поступления в кинотехникум, куда и поступлю осенью. Из-за этого у нас с отцом вышла ссора, он крикнул: «Я тебя кормил, поил, а ты меня слушаться не будешь?» и стал меня бить.

Это мне было так обидно, что сперва я хотела броситься под поезд. Но потом решила убежать из дому.

Да и как дальше оставаться в Барнауле? Все товарищи носы воротят, всячески обзывают, мать смеется, отец бьет. Да все равно, если бы я и осталась, то мои родители не дали бы мне осуществить своей мечты сделаться киноартисткой. Кроме того, в Барнауле нет и кинотехникумов.

Так что со всех сторон выходило, что уехать надо. А что я седьмую группу не закончила, так это не беда — можно самой догнать.

Ночью, когда все спали, я увязала кое-какие свои вещи и спрятала их в сенах. А утром я вместо школы, прихватив вещи, отправилась на станцию и по провизиинке уехала в Новосибирск.

В Новосибирске я пошла в Окроно и сказала там, что я отстала от экскурсии, направлявшейся из Владивостока в Москву, и что билет и документы остались у руководителя экскурсии. Назвалась Таней Хватовой — это чтобы меня не задержали в случае, если родители станут разыскивать. В Окроно мне поверили, выхлопотали бесплатный проезд до Москвы и дали семь рублей денег. Так я и ехала с литером, на котором было написано, что он дан «Татьяне Николаевне Хватовой». Вероятно, поэтому меня нигде и не поймали. То-то я хохотала в дороге над своей выдумкой!

Наверно, вы меня не похвалите за то, что я так нехорошо поступила. Но что же мне было делать? Раз бежать, так бежать.

До Москвы я доехала благополучно. Первым делом направилась искать тетю. Она очень удивилась, увидав меня. На второй день я пошла в редакцию.

Со мной очень по-товарищески поговорили, а писатель Николай Богданов обещал даже помочь мне устроиться в кинотехникум, хотя долго отговаривал меня от этого.

Вечером тетя пришла из школы (она учительница) и спросила, зачем я приехала. Я разревелась и рассказала ей обо всем. Потом мы с ней долго говорили.

Она хотя и недовольна моим поведением, но все-таки бранить меня не стала. Все-таки она сказала, что напишет письмо моим родителям.

Дня через четыре ходили с писателем Богдановым в кинотехникум. Оказывается, прием начнется только с лета, а занятия так и вовсе осенью.

Потом Н. Богданов один ходил куда-то и через неделю сказал, что ничего ему не удалось сделать. Этим он меня так огорчил, что я сильно поблднела. Но Н. Богданов сказал, чтобы я особенно не горевала, потому что осенью он обязательно добьется, чтобы меня приняли.

Так что я сейчас усиленно догоняю курс седьмой группы и изучаю исторический материализм, потому что он нужен для поступления в кинотехникум.

Теперь мне хочется немного ответить на письма ребят обо мне.

Ну, я правда, согласна, что два миллиона это очень много. Даже если буду половину отдавать на дело индустриализации СССР. Но все-таки для того, чтобы быть хорошей артисткой, нужно иметь очень много денег. Ведь не смогу же я всей душой отдаться исполнению роли, если я буду знать, что мои родители живут плохо, необеспеченно, если мне самой то того, то другого не будет хватать и т. д.

Насчет домашней обстановки ребята рассуждают совсем неправильно, — что же, по-ихнему, ковры, рояли и камины делаются только для буржуев? А трудящиеся ими пользоваться не могут? Я думаю, что социализм затем и строится, чтобы все жили хорошо, имели бы хорошую, уютную и веселую обстановку. Ведь при хорошей обстановке гораздо лучше работать, чем если жить в подвале, ходить по скрипучему полу и питаться впроголодь. А я хочу хорошо работать — лучше всех киноартистов в мире.

Я отчасти соглашаюсь с ребятами — лото, карты, танцы, если только ими заниматься, бесполезная вещь. Кроме того, это и надоеет.

Тем ребятам, которые пишут, что я забыла о партии и о комсомоле, я отвечаю так: ведь не все же у нас комсомольцы и члены партии? Ведь и беспартийные могут строить социализм. Искусство тоже помогает этому строительству. А насчет кино Ильич сказал: «В настоящее время из всех искусств самое важное — кино».

Тем ребятам, которые советуют мне стать агрономом, сельской учительницей, поступить на какие-нибудь курсы и т. д., советую самим так и сделать. Ведь я же не протестую против тех занятий, которые вы себе выбрали, — почему же вы против моего занятия?

Тем ребятам, которые называют меня буржуйкой, советуют уехать за границу и т. д., я отвечать не хочу, потому что они просто ругаются и ничего не доказывают.

С удовольствием жму руку (хоть это и не совсем по-пионерски) Е. Якименко. Желаю тебе, Якименко, полного успеха в достижении поставленной тобой цели.

Ребятам, желающим сделаться киноактерами, шлю привет, как будущим товарищам по работе.

С пионерским приветом

Шура Климова.

ЛСГ 11—1—1. Черновой автограф на листах большого формата.

Датируется по выходу книги Д. И. Лаврухина «По следам героя. Записки рабкора». — Изд-во писателей в Ленинграде, 1930.

Вопросы рабселькорского движения затрагивались Горьким в ряде статей и писем: [«Письмо рабкору Сапелову»] (т. 24, стр. 299—300); [«Рабселькорам»] (т. 24, стр. 304—307); [«Письмо селькорам»] (т. 24, стр. 456—465); [«Еще рабселькорам»] (т. 24, стр. 313—318); [«Письмо селькору-колхознику»] (т. 25, стр. 268—271); [«Предисловие к книге «60 рейсов»] («Архив А. М. Горького»; т. III. М., ГИХЛ, 1951, стр. 195—196); «Беседа» (т. 27, стр. 366—381).

ПГ-коу, 62—61—1. Автограф на бумаге большого формата.

Над текстом надпись Горького синим карандашом: «Пошлите по прилагаемому адресу». Адрес отсутствует.

В Архиве Горького имеется секретарская машинописная копия статьи «О детском заочном университете» (ЛСГ 5-20-1), в которой, в отличие от автографа, отсутствуют слова третьего абзаца: «буржуазная семья, школа и которые утверждала буржуазная наука педагогики».

Статья, по-видимому, является ответом на просьбу организаторов «Детского заочного университета» высказать свои соображения и пожелания по поводу этого начинания Наркомпроса РСФСР.

Детский заочный университет был создан в 1930 г.

В 4 номере журнала «Пионер» за 1930 г. сообщалось:

«В феврале откроется Заочный детский университет. Туда будут приниматься ребята от 12 до 15 лет. А если парень развит, то может поступить и с 10 лет. Там будет четыре факультета — строительско-технический, общественного образования, детского актива и сельскохозяйственный. Платить придется 5 к. за урок, но дети бедняков будут учиться бесплатно».

Серийные издания брошюр (по курсам) Детского заочного университета выходили в 1930—1932 гг. под ближайшим руководством заместителя наркома просвещения М. С. Эпштейна, ответственным редактором издания был С. Т. Шацкий.

31

Г—3 XV 12—31—1. Заглавие «О смерти» зачеркнуто Горьким. Датируется по орфографии.

Василий Васильевич Розанов (1856—1919) — философ-идеалист и публицист. Поставив своей задачей связать «кровь, семя и тело» с «чистым спиритуализмом», провозгласив, что «душа и пол идентичны» («В мире неясного и нерешенного». СПб., 1904, стр. 1, 9), Розанов в ряде своих книг подверг резкой критике идеи христианского аскетизма («Около церковных стен», «Люди лунного света (метафизика христианства)» и др.).

32

ПСГ 7—1—3. Получено от Н. И. Величкиной. Архив А. М. Горького располагает тремя машинописными копиями этой статьи: первая с незначительной правкой Горького; вторая с обильной правкой и подписью Горького с приложением статьи В. Величкина из журнала «Советский врач», 1930, № 17—18, стр. 765—766. В тексте статьи рукою Горького сделаны подчеркивания; и третья, с правкой и подписью Горького, публикуемая в настоящем издании. Этот текст был послан Горьким в журнал «Советский врач» (на полях машинописи рукою Горького и рукою неустановленного лица обозначен шрифт (петит, корпус)).

Время написания статьи — между 7 января и 7 февраля 1931 г. — устанавливается по письмам Горького И. В. Галанту и П. П. Крючкову.

В письме к И. В. Галанту от 7 января 1931 г. (АГ) Горький сообщал: «Получил и прочитал статью В. Величкина... Ответу в печати. Отмеченное Вами у меня «противоречие» в оценке социального значения самоубийства — остается, как Вы увидите из моего ответа. Там же Вы увидите, что 20 лет тому назад я тоже признавал за человеком право на самоуничтожение».

В письме от 7—8 февраля 1931 г. (АГ) Горький писал своему секретарю П. П. Крючкову: «... перешлите журналу «Советский врач» мой ответ на статью некоего Величкина. В общей прессе печатать ее не стоит, я думаю». Статья осталась ненапечатанной.

В. Величкин считает этот взгляд «объективно неверным». — Возражая Горькому, он выдвинул следующую аргументацию: «Никто не имеет права умереть по своему желанию, т. е. каждый человек не только (и не столько) биологический индивид, но и продукт общественного развития и, как таковой, принадлежит не самому себе, а обществу...», и далее: «Имеет ли право сейчас у нас, в стране строящегося социализма, каждый трудящийся располагать своей жизнью «по собственному усмотрению», в то время как перед ним, как частью единого коллектива, стоят гигантские задачи борьбы за окончательную победу социализма? — Нет. С точки зрения пролетарской морали это недопустимо» («Советский врач», 1930, № 17—18, стр. 765).

...как сказал, если не ошибаюсь, К. Чуковский... — В своей статье «Новая повесть Л. Андреева» (газ. «Родная земля», № 2, 1907) К. И. Чуковский писал:

«... ужас Бесконечного» — стал теперь, если хотите, литературной модой. Литераторы, поэты, художники обсыпаяют его, как леденец. И та литературная школа, с которой теперь все охотнее сближает свое имя Андреев, — она вся вышла из этого ужаса, питается им. Для того, чтобы стать теперь истинным поэтом, нужно уметь ужаснуться. И Блока, и Белого, и Брюсова, и Леонида Андреева, как они ни различны, объединяет один этот животный ужас, который заставлял толстовского Ивана Ильича кричать протяжно и однотонно:

— У-у-у!..

Они — как приговоренные к казни. И пусть Брюсов относится к ней строго и бодро, а Белый фиглярничает и строит палачу рожу, пусть Сологуб забегает за секунду до эшафота в свою пещерку, а Городецкий восторгается палачом и поет ему славословия — все это, в конце концов, — и эти безумные и мудрые слова, и эти кошмарные и строгие образы — все это одно:

— У-у-у!

И ничто другое. И великим ныне сочтем того, кто сумеет по-новому, с новым приливом ужаса выкрикнуть этот вопль, и величайшим будет тот, кто заставит и нас вопить за ним без слов, без мыслей, без желаний:

— У-у-у!..»

«Здешнее обманет...» — Федор Сологуб. Собр. соч., т. V, СПб., изд-во «Сирин», 1913, стр. 116.

«Все, чем жизнь тебя манила...» — Федор Сологуб. Собр. соч., т. I. СПб., изд-во «Шиповник», (1909), стр. 74.

«Умереть или жить...» — там же, т. IX, стр. 101.

Газета «Биржевые ведомости» опубликовала в 1912 г. анкету о самоубийствах... — См. «Новое слово» (приложение к газете «Биржевые ведомости»). СПб., 1912, № 6, «Самоубийство» (Наша анкета). Статьи Л. Н. Андреева, М. П. Арцыбашева, Вяч. Иванова, М. А. Кузьмина, А. И. Куприна, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, И. С. Рукавишников, И. Е. Репина, Ф. К. Сологуба, Е. Н. Чирикова.

...по поводу этой анкеты я писал тогда следующее... — Речь идет о пятой статье цикла «Издалека», опубликованной в «Запросах жизни», 1912, № 27, 6 июня. Статья вошла в кн. «Статьи» (1905—1916 гг.). Пг., изд-во «Шарус», 1916, стр. 147—159.

Тут я должен признать, что действительно «сузил круг». — «...самоубийство только тогда социальная драма, когда его вызвали безработица, голод», — писал Горький.

Пауль Каммерер (1880—1926) — австрийский зоолог, работавший над проблемой наследования приобретенных признаков и влияния внешних условий на организм. В результате клеветнических нападок и обвинений его в научной фальсификации покончил жизнь самоубийством.

ПСГ 6—20—1. Машинописная копия из личного архива А. М. Горького. В верхнем левом углу первой страницы помета И. П. Ладыжникова: 23.IV.

Датируется по помете И. П. Ладыжникова и по сообщению «Красной газеты», где 20 июня 1936 г. были опубликованы выдержки из этой статьи письма Горького.

Заглавие дано редакцией «Красной газеты».

В редакционном примечании к публикации сообщалось: «Пять лет назад группа ленинградских рабочих — участников ударных бригад имени Горького — обратилась к писателю, находившемуся тогда на острове Капри (ошибка, следует — Сорренто. — *Ред.*), с письмом о своей работе. В апреле 1931 года получено было ответное письмо Горького». Эти сведения позволяют датировать статью «Ударникам города Ленина» — 23 апреля 1931 г.

Позднее не полностью напечатано в сборнике «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы» (М., Изд-во АН СССР, 1958) под заглавием: «Из статьи «Ударникам города Ленина».

ППГ 1—7—3. Машинопись с подписью и правкой Горького.

В архиве А. М. Горького имеется также машинописная копия этой статьи.

Статья написана весной (после 15 февраля) 1931 г. по просьбе Грегора Гога, основателя «Интернационального братства бродяг» («Internationale Bruderschaft der Vagabunden») и издателя журнала «Бродяга» («Der Vagabund»).

В своем письме Горькому от 15 февраля 1931 г. (АГ) Грегор Гог сообщал о работе «Интернационального братства» по объединению революционно настроенных элементов в среде безработной рабочей молодежи Германии и просил Горького написать воззвание, призывающее «всех бродяг» к объединению в единый фронт — борющегося за свои права пролетариата.

Горький горячо откликнулся на эту просьбу, прислав свое воззвание «Бродягам Германии и других стран», которое Грегор Гог на немецком языке опубликовал в журнале «Бродяга».

На русском языке — в переводе с немецкого — воззвание было приведено в очерке С. Третьякова «Грегор Гог» («Вечерняя Москва», 13 октября 1932 г., № 238).

В 1936 г. Грегор Гог намеревался вновь опубликовать воззвание Горького, сопроводив публикацию своей статьей «Максим Горький и бродяги». Машинописная копия статьи Грегора Гога и возвания Горького на немецком языке хранятся в Архиве Горького.

В этой статье Грегор Гог писал: «...воззвание было выпущено в виде листовки тиражом 20 000 экземпляров. К нему прибавились выдержки из воззваний самих бродяг, размноженные в тысячах экземпляров и распространявшиеся в ночлежках, домах для беспризорных, на улицах.

Самые впечатляющие воззвания носили заглавия: «Интернациональные бродяги» и «Максим Горький зовет нас».

Письмо Горького в течение пяти лет не потеряло своей актуальности.

Тогда, в 1931 году, в связи с воззванием Горького я писал: «Голодный фронт растет! Все больше людей, пролетариев, таких, как вы, перекочевывают с биржи труда на дорогу. Поддерживайте связь с ними, а через них — с рабочими на производстве. Крепите фронт классово борьбы. Мы всегда будем оставаться бродягами, когда дело касается перевоспитания ослабевшего старого глупого и гнилого мира, но мы всегда будем организованно действовать, когда дело касается помощи рождающемуся новому миру.

Цели ясны! Решимость растет! Кто стоит в бездействии между борющимися, когда наступает решающий момент, тот обрекает себя на бессмысленную гибель».

Думайте о письме Горького!

Несите письмо Горького всюду, где есть бродяги...

Оно имеет важное значение еще и сегодня».

Публикуемый оригинал воззвания был послан Горьким в редакцию журнала «За рубежом» заместителю редактора А. С. Гуровичу (получен Архивом А. М. Горького от Р. А. Гурович), но в журнале напечатан не был.

35

ПСГ 7—19—1. Черновой автограф на одинарном листе большого формата.

Настоящий текст написан в связи с чтением предисловия А. К. Виноградова к первому тому серии романов «История молодого человека XIX столетия» (Р. Ш а т о б р и а н. Ренэ; Б. К о н с т а н. Адольф).

В архиве А. М. Горького хранится машинописная рукопись этого предисловия с обильной правкой Горького (РАВ — ПГ 10—3—1). Горький выслал рукопись Виноградову 7 декабря 1931 г., присовокупив целый ряд своих письменных замечаний. Очевидно, тогда же был выслан публикуемый текст.

В рукописи Виноградова Горький отметил красным карандашом абзацы, вызвавшие его возражения. «Всякое поколение молодежи, вступая в жизнь, несет с собою это право на спор с отцами, это право на спор со старшим поколением, которое, старясь, часто не хочет слышать голоса новой жизни, забывая об одной очень простой вещи, что жизнь не исчерпывается восьмидесятилетним периодом¹ существования старого спорщика и что молодежь нашей страны, наших дней, вступая в мир, потому и побеждает, что считает этот мир полной и неотъемлемой собственностью социалистического, а не буржуазного общества.

Наша задача состоит в том, чтобы показать, как в литературной истории прошлого века отражалась эта борьба молодежи за принадлежащий ей мир, как молодежь разных классов вступала в эту борьбу, как она разочаровывалась и теряла свои иллюзии, сводя эту борьбу к достижениям личного порядка...» (АГ).

А. К. Виноградов при публикации статьи учел многие замечания Горького и его стилистическую правку. Весь же первый раздел статьи был им снят и заменен текстом Горького. В таком виде предисловие и было напечатано в книге: Р. Ш а т о б р и а н. Ренэ; Б. К о н с т а н. Адольф. М., Жургазобъединение, 1932.

Публикуемый автограф находился в личном архиве А. К. Виноградова и поступил в Архив А. М. Горького в 1949 г. из ЦГАЛИ вместе с авторизованной машинописью статьи Горького «История молодого человека» и предисловием Горького к книге А. К. Виноградова «Три цвета времени».

36

Г—3Ш 5-60. Черновой автограф на бумаге большого формата.

Датируется предположительно, по сопоставлению со статьей [О распределении культурных сил]. См. № 37.

37

ПСГ 3—19—1. Авторизованная машинопись.

Дата устанавливается по упоминанию журналов «Советская Азия» и «Сибирские огни».

«Русские и негры» — В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 345—346.

¹ Горький красным карандашом исправляет: «шестидесятилетним».

«Сибирские огни». — Первый номер журнала «Сибирские огни» вышел 12 марта 1922 г.

«Советская Азия» — общественно-научный журнал, издавался в 1925—1931 гг. в Москве.

38

ПСГ 7—2—1. Авторизованная машинопись.

Датируется по упоминанию об убийстве Думера и времени публикации статьи.

Статья Горького в переводе на немецкий язык была опубликована в газете «Die Rote Fahne» (Берлин) 8 июня 1932 г. Публикацией этой статьи газета начала кампанию, посвященную Дню классовой солидарности против фашизма и войны, намеченному на 12 июня. 12 июня газета выходит под лозунгом «Массовый поход против фашизма» и публикует статью Клары Цеткин «В поход против поджигателей войны».

Статья Горького была напечатана со следующим вступлением от редакции:

«Максим Горький, — пишет «Rote Fahne».

Великий пролетарский писатель, самый значительный художник современности, наш товарищ Максим Горький в связи с предстоящим международным днем солидарности и борьбы против войны АН (Internationale Arbeiter Hilfe) передал в редакцию «Rote Fahne» ниже публикуемую статью. Каждый, кто прочтет эти высказывания, не останется равнодушным к призывам Горького об усилении борьбы против поджигателей войны и, прежде всего, против белогвардейцев».

В газете статья Горького разбита на пять частей со следующими названиями: 1. Два процесса. 2. Чем отличаются Пуанкаре и Аль-Капоне? 3. Методы подготовки войны. 4. Странная терпимость. 5. Не точите когти разбойников.

Последний абзац от слов «В человеческом обществе...» набран жирным шрифтом.

«*Похитили белого генерала...* — генерала Кутепова, председателя «Русского общевоинского союза» в Париже, который исчез 26 января 1930 г. Эмигрантская и реакционная печать Франции подняла кампанию против СССР, приписывая похищение Кутепова большевикам.

Поль Думер (1857—1932) — президент Франции, 6 мая 1932 г. был тяжело ранен русским белоэмигрантом Павлом Горгуловым и скончался 7 мая. Несмотря на показания Горгулова, в которых он сам объяснял убийство Думера тем, что хотел «заставить Францию бороться против Советов», реакционная печать Франции и белоэмигрантская печать всячески стремились доказать, что Горгулов коммунист и действовал по указанию Советской России и III Интернационала.

...попытка убить посла Германии в Москве... — И. М. Штерн 5 марта 1932 г. пытался убить советника германского посольства фон Твардовского, приняв его за посла Германии фон Дирксена.

39

ПСГ 6—23—1. Черновой автограф на листах бумаги большого формата. Датируется по содержанию.

Статья связана с циклом статей и выступлений Горького 1932 г., посвященных борьбе с угрозой новой империалистической войны и фашизма: «О советском радиовещании» (8 августа), «Амстердамскому антивоенному конгрессу» (28 августа), «Делегатам антивоенного конгресса» (5 сентября), «О «солдатских идеях» (18 сентября) и др. По стилю и содержанию она наиболее близка речи, обращенной к «Делегатам антивоенного конгресса» (Речь, которая не была произнесена).

... к разгрому библиотеки города Лувена...— В 1914 г. в результате вторжения немцев в бельгийском городе Лувене была уничтожена университетская библиотека и разрушен университет.

Истреблению музея и библиотеки в Чапее...— Чапей — промышленный район Шанхая, был разрушен японцами во время воздушной бомбардировки города в январе — феврале 1932 г.

Герберт Кларк Гувер (род. 1874) — президент США в 1929—1933.

Речь идет о разгоне демонстрации ветеранов империалистической войны 1914—1918 гг. в августе 1932 г. в Вашингтоне.

40

ПСГ 4—14—2. Авторизованная машинопись. Правка черными чернилами, синим и красным карандашами. Часть правки и дата под текстом — рукою М. А. Пешкова.

Кроме того, Архив Горького располагает следующими текстами статьи: а) черновой автограф (ПСГ 4—14—1), б) машинописная копия личного архива Горького, правленная М. А. Пешковым (ПСГ 4—14—3).

В статье [«О науке»], написанной осенью 1932 г., мы находим близкую по содержанию и во многом совпадающую текстуально с публикуемой статьей трактовку темы о положении науки в капиталистическом мире и у нас (см. «Архив А. М. Горького», т. III, стр. 196—198).

Сравнительный анализ текста статей, а также время их написания (осень 1932 г.) позволяют сделать вывод, что статья «Ответ гражданину» была написана в связи с пропагандой Горьким задач Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), организуемого по инициативе Горького в 1932 г.

Оливер Лодж (1851—1940) — английский физик. С начала 90-х годов Лодж стал усиленно заниматься спиритизмом.

Ульям Крукс (1832—1919) — английский химик и физик. Критика спиритических исследований Крукса дана Ф. Энгельсом в статье «Естествознание в мире духов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 378).

Шарль Рише (1850—1935) — французский физиолог. Занимался спиритизмом.

Самцов Федор Анисеевич (1888—1931) — ивановский садовод-мичуринец. По совету Горького, писатель Д. Семеновский написал очерк о Самцове «Страна плодородия», напечатанный в журнале «Колхозник» (1935, № 8) с предисловием Горького.

Мейер, Юлиус Лотар (1830—1895) — немецкий химик, автор труда «Периоды химических элементов как функции их атомных весов» (1870).

Бернард Рассел — Горький говорит о книге английского философа и математика Бертрана Рассела (род. 1872) «Научное предвидение» (1931). По инициативе Горького некоторые главы этой книги были переведены на русский язык и посланы наркому здравоохранения М. Ф. Владимировскому.

41

ПСГ 7—22—1. Черновой автограф на двух листах большого формата.

Датируется по упоминанию об убийстве президента Франции Поля Думера в мае 1932 г.

О бережном отношении к бумаге (в связи с серьезной нехваткой бумаги для издания книг) Горький говорил ранее в статье 1931 г. «О бумаге». «Мне кажется,— писал Горький,— что одним из выходов могло бы быть более бережное отношение к бумаге» («Известия», 25 июля 1931 г.).

похищение и убийство ребенка летчика Линдберга...— 7 марта 1932 г. Горький выслал П. П. Крючкову вырезки из итальянских газет «... о похищении бандитами сына летчика Линдберга и о том, как полиция «капи...

тулировала» пред бандитами», предлагая напечатать их в журналах «Тридцать дней» или «Огонек» (АГ).

А вот года три тому назад в Мурманске... — В Мурманске Горький был 23—26 июня 1929 г. Впечатления от поездки легли в основу очерка «На краю земли» («Наши достижения», 1930, № 1 (январь)).

42

ПСГ 3—17—1. Черновой автограф на листах большого формата с полями, отбитыми лиловой чертой. Правка теми же чернилами и синим карандашом.

Датируется предположительно, исходя из тематической близости к ряду статей 1931—1932 гг. («О библиотеке поэта», «История фабрик и заводов», «За работу», «Об анекдотах» и др.).

... «*Аскольдова могила*»... — Отрывки из арии Неизвестного в опере А. Н. Верстовского позднее были использованы Горьким в статьях «О зрители» (1933) и «Беседа» (1934).

43

ПСГ 2—21—1. Машинопись на шести страницах с правкой Горького и вставкой-автографом на отдельном листке из блокнота. На первых трех страницах машинописи правка неустановленного лица, опущенная в настоящей публикации.

Кроме того, в Архиве Горького хранятся две машинописные копии, сделанные с публикуемого текста (не авторизованные).

Записка о реорганизации ВОКСа была написана в июле-августе 1933 г., о чем свидетельствует включенная в ее текст цитата из письма Р. Роллана Горькому от 20 июля 1933 г. (АГ). Письмо Роллана было переведено на русский язык Е. П. Пешковой, ею же, очевидно, были сделаны многочисленные подчеркивания красным карандашом. Цитируя текст письма, Горький отредактировал перевод Е. П. Пешковой.

В ответном письме Р. Роллану от конца июля — августа 1933 г. Горький писал: «Думаю, что вскоре вас будут информировать о культурной жизни Союза Советов более обильно и последовательно, чем я могу это сделать. Скоро будет реформировано «Всесоюзное Об-во культурной связи», и оно возьмет на себя дело информации зарубежных друзей» (АГ).

Это письмо является косвенным свидетельством того, что записка была послана Горьким в соответствующие инстанции.

В Архиве А. М. Горького хранится также заметка, относящаяся, по-видимому, ко времени написания записки о ВОКСе. Приводим ее текст:

«Примерный состав работников ВОКСа.

По хозяйству: М. Ф. Андреева (прием ино[странных]гостей и т. д.).

Представительство: Н. А. Семашко

К. Радек

представитель НКВД

« ОГПУ

Литераторы Лев Никулин

М. Е. Кольцов

Павленко

Вс. Иванов

Георгий Шторм

Мирский

Пропшер — зам Влад[имирского].

Предложения Горького о реорганизации ВОКСа реализованы не были. ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Основано в апреле 1925 г. — объединяло в своих секциях на добровольных началах дея-

телей советской науки, литературы, искусства, спорта и ставит себе задачей ознакомление общественности Советского Союза с достижениями культуры зарубежных стран и популяризацию культуры народов СССР за границей, содействуя этим развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и народами других стран. Реорганизовано в «Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами».

Жургаз — Журнально-газетное объединение «Огонек», возглавлявшееся М. Е. Кольцовым, существовало в 1923—1938 гг., представляло собой крупный издательский комбинат, в задачи которого входило также осуществление культурной связи Советского Союза с зарубежными странами, выпускало ряд газет на иностранных языках. При Жургазе было организовано *Фельетон-бюро*, в задачи которого входило осуществление связи с иностранными издательствами для публикации информации о научной и культурной жизни Советского Союза.

Союз-Фото — давало фоторепортаж о жизни и строительстве Советского Союза.

...*ВОКСом* выпускается журнал на трех языках... — Речь идет о еженедельном иллюстрированном «Информационном бюллетене ВОКСа» на французском, немецком и английском языках.

Лев Николаевич Федоров (1891—1952) — профессор, директор ВИЭМ (Всесоюзный институт экспериментальной медицины).

44

Г—3 III 5—48 Черновой автограф без начала и конца на листе писчей бумаги большого формата. Вставка к статье: «Процесс быстрого роста ∞ ее молодежи» — написана на отдельном листе писчей бумаги большого формата с водяным знаком: «Extra strong».

Датируется по упоминанию о поездке группы писателей по Беломорско-Балтийскому каналу 29 августа 1933 г.

45

ЛСГ 11—17—1. Черновой автограф на листах писчей бумаги большого формата.

Датируется по переписке Горького с Зориным (АГ).

25 сентября 1933 г. рабкор и профработник Сергей Зорин послал из города Ветлуги письмо в редакцию журнала «Литературная учеба»: «... я посылаю в Ваш журнал статью под заголовком «О журнале». Это результат моих наблюдений над нашим журналом... Очень хочется, чтобы статью посмотрел сам Алексей Максимович» (АГ). Ознакомившись со статьей Зорина, Горький ответил ему 12 ноября 1933 г.: «Говариг Зорин, — редколлегия «Литучебы» прислала мне Вашу статью. Написали Вы ее живо, в ней есть дельные мысли, но вместе с этим — немало лишнего, что затемняет Ваши деловые мысли. Я сократил статью и посылаю ее Вам. Если Вы согласны с сокращениями — возвратите рукопись по моему адресу. Можете не переписывать ее, если у Вас нет машинки или времени для того, чтоб переписать».

Если Вы не опротестуете сокращений, допущенных мною, я напишу небольшое дополнение к В[ашей] статье, и это будет напечатано вместе, так же как письмо т. Золотухина в 5-й книге.

Интересно Ваше предложение ввести в журнале «Словострой», т. е. начать нечто вроде критики современного лит[ературного] лексикона. Не пришлете ли собранные Вами слова?

Желаю В[ам] доброго здоровья

М. Горький

12.XI.33

Крым. Форос» (АГ).

В ответном письме (19 ноября 1933 г.) Зорин благодарит Горького за правку статьи и выражает согласие на ее напечатание с дополнениями Горького. (Экземпляр статьи с правкой Горького не сохранился. В архиве писателя имеется машинописная копия, сделанная Зориным с учетом правки Горького).

Вместе с упомянутым выше письмом Зорин послал Горькому созданный им «Словострой» — нечто вроде словаря крылатых слов, афоризмов и поговорок.

По-видимому, в конце ноября 1933 г. Горький написал публикуемое здесь «дополнение» к статье Зорина «О журнале».

ПСГ 2—28—7. Черновой автограф без заглавия и конца. Написано на листах писчей бумаги большого формата с полями.

Датируется по времени работы Горького над статьей «О женщине» (1934).

В письме М. Е. Кольцову от 8 декабря 1931 г. Горький сообщил, что в 1933 г. намеревается осуществить издание «Истории женщины» (см. «Горький и советская печать», кн. 2, стр. 231). В марте 1933 г. он просит П. П. Крючкова прислать ему книги, характеризующие положение женщины в России до и после революции. Издание мыслилось многотомным и должно было включить в себя историю женщины, начиная с доклассового общества и кончая советской эпохой. Осуществлять это издание должен был Институт истории материальной культуры в Ленинграде, возглавляемый академиком Н. Я. Марром. 25 января 1934 г. Горький получает от Института истории материальной культуры проспект издания «Истории женщины», составленный по его инициативе, и вскоре (январь—март 1934 г.) сам составляет план издания (хранится в АГ). Одновременно, по-видимому, Горький пишет статью «О женщине», в которой развертывает свой замысел. Статья была закончена в конце марта 1934 г. (15 апреля опубликована в № 7 журнала «Большевик» за 1934 г.). В архиве А. М. Горького хранятся четыре редакции этой статьи. Третья редакция была послана на ознакомление заместителю Н. Я. Марра профессору А. Г. Пригожину. Свои замечания Пригожин делал прямо на рукописи лиловыми чернилами. Большую часть замечаний Горький не принял, пометив их красным карандашом, но некоторые, отредактировав, ввел в окончательный текст статьи. Сохранился также листок из блокнота, на котором Горьким перечислены замечания Пригожина (начиная с 6-й страницы статьи):

«О собакоголовых и хвостатых.

О цензуре и живучести эпоса — речь не только об эпосе.

О почит[ании] Богородицы гл[авным] обр[азом] женщинами. Естественно предположить, что именно женщина открыла металлы — это нельзя под-твердить.

Наиболее серьезное возражение: а другие не серьезны?

Если идеология аскетизма возникла до христианства, что требует доказательств, то в христианстве она выразилась наиболее ярко и резко. Пиэтизм. Квиетизм».

Затем Горький начал писать публикуемый здесь ответ Пригожину, оставшийся незавершенным. Датировать «Ответ» следует концом марта или началом апреля 1934 г. (до публикации окончательного текста статьи «О женщине»).

О собакоголовых и хвостатых. — Текст рукописи: «наверно чаще бывали случаи рождения детенышей уродов: хвостатых, собакоголовых».

Замечание Пригожина: «Современные научные представления совершенно исключают возможность допущения такого рода «факта», как рождение собакоголового человека» (стр. 65).

Горький заключает эти строки в скобки и пишет на полях: «Рекомендую автору заметки анатомический атлас Гюнтера».

В окончательном тексте статьи это место осталось без изменений (см. т. 27, стр. 182).

О цензуре и живучести эпоса... — Мысль Горького о том, что древнее мифотворчество и фольклор всегда подвергались цензуре господствующих групп, выражена в рукописи: «От всей этой разнообразной и успешной деятельности осталось только миф о Геркулесе, а все остальное, что должно было отразиться в словесном творчестве, как будто вычеркнуто из истории материальной культуры каким-то враждебным и хитроумным цензором» (стр. 14).

Замечание Пригожина: «Ну такого цензора не нашлось бы» — подчеркнуто красным карандашом со знаком вопроса.

В окончательном тексте статьи это место осталось без изменения (см. т. 27, стр. 190).

О почит[ании] Богородицы... — Текст рукописи: «У женщины не было и нет причин размышлять о том, откуда является человек, она имеет вполне достаточное основание очень хорошо знать это. Ее крайне трудно убедить в возможности «непорочного зачатия от духа божия», и так как она органически не могла поверить в это чудо, церковь мстительно приписала ей способность соития с дьяволом».

Замечание Пригожина: «Однако легенды такого рода ведут свое историческое происхождение] со времени материнского рода, с материнской линии родства. Для женщины они были орудие против патриархальных претензий мужчины, а Богородица, как известно, почиталась гл[авным] обр[азом] женщинами, а не мужчинами» (стр. 15).

Замечание учтено Горьким. Из окончательного текста статьи приведенный отрывок исключен (см. т. 27, стр. 190—191).

Наиболее серьезное возражение... — Текст рукописи: «Наиболее серьезной попыткой примирения раба с властелином было христианство».

Замечание Пригожина: «Почему христианство? А др[угие] религии — буддизм и пр. Они не серьезны?» (стр. 20).

Горький подчеркнул красным карандашом в своем тексте слово «Наиболее» и слово «серьезны» — в тексте Пригожина.

В окончательном тексте статьи это место осталось без изменений (см. т. 27, стр. 195).

идеология аскетизма... — Текст рукописи: «Идеология обособления от мира, уединения человека для служения богам — идея, свойственная всем религиям. Принято думать, что в христианстве эта идея возникла из подражания апостолам Христа, людям, которые отреклись от мира для пропаганды учения, принятого ими как «вера».

Замечание Пригожина:

«Совсем произвольная гипотеза. Идеология аскетизма гораздо более сложное и еще дохристианское, а вовсе не только христианское явление» (стр. 24).

В окончательном тексте это место осталось без изменений (т. 27, стр. 195—196).

47

ПСГ 7—7—1. Отрывок из статьи опубликован в кн.: «Горький против фашизма». [Ташкент], «Сов. писатель», 1942. Статья сохранилась в двух редакциях: а) черновой автограф, б) машинопись с правкой и подписью Горького.

Печатается по машинописному тексту, сверенному с автографом. Датируется по письму Бела Куна Горькому и прилагаемым к нему документам. Непосредственным поводом для написания статьи явилось письмо Бела Куна (1886—1939), бывшего в то время членом Президиума Исполкома Коминтерна.

«Уважаемый тов [арист] Горький, — писал Бела Кун 9 мая 1934 г. — В Германии только что вышел новый закон, представляющий собой попытку юри-

дически оправдать физическое истребление не только авангарда германского пролетариата, но и тех, кто сочувствует революционному движению и время от времени поддерживает его. Этот закон издан для того, чтоб создать юридическую основу для расправы над товарищем Тельманом.

Против этого зверского закона мы думаем широко мобилизовать массы через наши партии и близкие нам массовые организации. Я уверен, что Ва-ша помощь даст возможность привлечь к борьбе против этого закона более широкие массы, чем те, которые мы можем охватить через наши организации... Посылаю Вам краткое содержание этого закона, составленное на основании германских газет» (АГ).

Закон об изменении «предписаний уголовного права и уголовной процедуры был издан в Германии 24 апреля 1934 г. (опубликован в «Имперском судебном вестнике» 2 мая 1934 г.)

К 24 мая 1934 г. статья была написана. Горький сообщал об этом Бела Куну в письме от 24 мая 1934 г. (Черновик письма написан на обороте второго листа рукописного текста статьи. Адресату был послан машинописный текст с датой и подписью Горького).

«Дорогой т. Бела Кун, — писал Горький, — посылаю Вам прилагаемую заметку. Не уверен, что правильно понял Ваше желание. Если признаете заметку неподходящей — сообщите, я переадресую ее на «интеллигенту». Но мне кажется, что с интеллигентией, наиболее радикально настроенной, следует говорить именно таким языком. Напугает или возмутит он только тех людей, которые ни в коем случае не пойдут с пролетариатом» (АГ).

По содержанию и стилю публикуемая статья принадлежит к ряду антифашистских выступлений Горького в 1934 г.: «Товарищу Димитрову» (28 февраля), «В защиту Эрнста Тельмана» (4 марта), «Краткий очерк скверной истории» (22 марта), «Пролетарский гуманизм» (23 мая).

Ему очень хотелось убить Димитрова... — В 1933 г. Димитров был арестован в Берлине по обвинению в поджоге германского рейхстага. На Лейпцигском процессе (21 сентября — 23 декабря 1933 г.) со скандалом подсудимых Димитров смело разоблачил фашистскую провокацию. Димитров был вырван из фашистского застенка и 27 февраля 1934 г. приехал в СССР.

Теперь он собирается убить т[оварища] Тельмана... — Тельман был арестован после захвата власти гитлеровцами 3 марта 1933 г. и брошен в берлинскую тюрьму Моабит. В 1944 г. он был убит в концлагере Бухенвальд.

48

Г—З XV 12—27. Автограф на двух листах из блокнота. Пагинация авторская, красным карандашом. Датируется по переписке с Д. Лутохиным.

О серии книг «Сегодня и завтра» Лутохин сообщил Горькому в письме от 30 июля 1934 г.: «Читая любопытную брошюру ак[адемика] Вернадского о геобиохимии, я наткнулся у него на ссылку к книжке Haldane «Daedalus» — «Дедал или наука и будущее». Разыскав «Дедал», обнаружил целую серию, издаваемую «Kegan Paul» — «Сегодня и завтра» (To day and to morrow) и посвященную соображениям о будущем в разных областях культуры (техника, искусство, литература, право, школа, языки, отд[ельные] государства, платье, война и т. п.). Серия эта хоть и говорит о будущем, но увязана с давно прошедшим: «Икар или будущее науки» Рассела; «Тантал или будущее человека» Шиллера; «Пигмалион или врач в будущем» Хайр Уильсона; «Эвертерпа или будущее искусство» Тревельена и т. д.

Пока я нашел в здешних библиотеках две книжки из этой серии — и одна, упомянутая уже Haldan'a, оказалась достойной внимания. Автор, крупный англ[ийский] биолог, смело рисует будущее, стремясь «научить людей мыслить». Его фантазия охватывает ближайшие лет 60. Недостаток угля побудит искать людей других крупных источников энергии: ветер и солнце окажутся наиболее пригодными, а избыточная энергия будет накапливаться превращением в жидкое состояние кислорода; железо будет заменено легкими ме-

таллами; разовьется парфюмерное производство, — и в обострении запахов будет новый источник эстетических радостей; в питании займут большое место возбудители, например, — натрофосфаты; крахмал и сахар подешевеют, т. к. разовьется их массовое производство из опилок... В качестве удобрителей будут применяться вновь открытые микроорганизмы, поглощающие азот из воздуха: они умножат урожай, а будучи разводимы в морях, послужат пищей обитателям планктона и тем колоссально увеличат размножение рыб, дав им обильную пищу; спец[иальные] культуры мхов закрепят пески пустынь. В 1951 г. появится первый *эктогенный* ребенок и, несмотря на буллу папскую 1960 г., запрещающую этот новый вид «производства», только 30% смены будет появляться старым способом: у особо здоровых женщин, с их согласия, будут вырезываться яичники, помещаться в особую среду, где они будут длительно функционировать, — и там будет совершаться внеутробное оплодотворение по всем правилам евгеники. В плановом порядке будут определяться «квоты» для создания определенного количества математиков, музыкантов, поэтов...

Книжечка Haldan'a вышла впервые в 1923 г. и выдержала уже много изданий. Мне она кажется полезной, возбуждая фантазию, усиливая веру в будущее и подстрекая творч[ескую] мысль. Вот я и позволяю себе предложить Вам взять на себя почин на издание *сборника о будущем*. Такая советская книга, конечно, не будет похожа на англ[ийскую] серию, но она будет еще более полезной» (АГ).

Горький в ответ на письмо Лутوخина писал 12 августа 1934 г.:

«Дорогой Далмат Александрович, не можете ли Вы написать и прислать мне подробную рецензию на книжку Haldan'a. Начать рецензию надобно указанием на значение всей серии «То day and to тоггоw» для нашего читателя в данном периоде его развития. Рецензия может быть размером в лист печатный, и это даст Вам р[ублей] 300.

Весьма советую Вам «войти в контакт» с братом Самуила Маршака — Илиным, автором «Рассказа о великом плане», отличным популяризатором достижений науки. Было бы хорошо, если б Вы вместе с ним обработали всю серию английских книжек в одну книгу, или же «квинтэссенцию» каждой из них небольшими — в лист, полтора листа — статьями для журнала «Колхозник», т. е. очень простым языком» (АГ).

49

ЛСГ 1—10—1. Черновой автограф на листах бумаги большого формата. Текст обрывается на середине фразы. На странице 4, снизу, помета И. П. Ладыжникова: «И Ф 3 5/IX—1934». Перечеркнутые куски текста заключены в угловые скобки.

По своему содержанию текст перекликается со статьями 1934—1935 гг. («О фольклоре», «Об искусстве», «К проекту программы для литкружков», «О советской литературе. Доклад на Первом съезде советских писателей» и др.), в которых уделено большое внимание происхождению фольклора, обобщению в нем трудового и духовного опыта человека. Между тем публикуемый текст отличается от указанных статей не только более популярным тоном изложения, но, по-видимому, и другим замыслом. Помета И. П. Ладыжникова на тексте статьи прикрепляет ее к «Истории фабрик и заводов». Этимологический анализ слова «благо» приводит писателя к выводу, что в первоначальном своем значении «благо» означало результат человеческого труда, следовательно, и богатства, как накопления труда. Вторая часть посвящена фольклору как доисторическому, дописьменному обобщению трудовых процессов, древнейшему источнику для изучения трудового опыта. Вероятно, центральной проблемой статьи являлась проблема истории как процесса трудовой деятельности народных масс. Таким образом, «История фабрик и заводов» мыслилась Горьким составной частью грандиозного замысла всеобъемлющей истории труда.

Г—3 IX 12—2. Написано на листе большого формата.

В III томе «Архива А. М. Горького» (М., 1951) опубликован черновой автограф незаконченной статьи [«О фольклоре»], написанной, по-видимому, в 1934—1935 гг. Публикация обрывалась на полуслове: «о бессм...» (стр. 238). Среди заметок Горького обнаружен лист, являющийся продолжением этой статьи. Мы публикуем этот фрагмент вместе с предшествующим ему последним абзацем статьи из III тома «Архива А. М. Горького», заключенным в угловые скобки.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

[*Берлин. Америка. Италия*]

Публикуемая записная книжка является наиболее интересной и полной из четырех записных книжек, сохранившихся в личном архиве Горького¹.

Настоящая книжка связана с пребыванием Горького в Берлине в феврале — марте 1906 г., в Америке в апреле — октябре 1906 г. и в Италии — осень 1906 — март 1908 г.

Самые последние записи были сделаны во время поездки писателя во Флоренцию и Рим осенью 1907 г. и после возвращения из Рима на Капри в январе — марте 1908 г.

подавляющую часть текстов в книжке составляют «творческие заготовки», многие из которых были в дальнейшем реализованы автором в целом ряде его художественных и публицистических произведений: «Жизнь Клима Самгина», «Враги», «В Америке», «В. И. Ленин», «Разрушение личности» и др. Особый интерес представляют материалы, связанные с замыслом неосуществленной статьи об Америке, озаглавленной Горьким в письме к Пятницкому — «Страна подростков» («Архив Горького» т. IV, стр. 204).

В книжке много ценных биографических сведений о писателе. Особенно интересны в этом плане записи Горького о приезде в Берлин, о его встречах с вождями германской социал-демократии, литераторами, художниками.

Последние, очень лаконичные, заметки рассказывают о знакомстве писателя с искусством и культурой Италии.

Есть в книжке и чисто деловые записи или заметки для памяти: библиографические сведения о книгах, заметки об отправленных письмах, записи английских слов (в Америке Горький изучал английский язык) и т. п.

Книжка публикуется полностью.

По оставшимся корешкам ясно, что часть записей в свое время была изъята Горьким. Всего вырвано и вырезано 13 густо исписанных листов, — в каждом случае это оговаривается в комментариях.

Всего в книжке, не считая изъятых, пронумеровано 62 листа, из них 35 заполненных и 27 чистых (пагинация архивная).

Горький не ставил дат и не всегда располагал записи в строгой хронологической последовательности, поэтому датирование их представляет большие трудности.

Тексты располагаются в том порядке, в каком они находятся в книжке.

Для удобства читателя на основании содержания, а также цвета и нажима карандаша, чернил и особенностей почерка, все записи пронумерованы. Номер стоит слева в квадратных скобках, там же указывается и номер листа.

¹ В примечаниях к VI т. Архива «А. М. Горький. Художественные произведения. Планы. Наброски. Заметки о литературе и языке» (ГИХЛ, М., 1957) к записным книжкам ошибочно отнесены и некоторые из блокнотов, предназначенных для записей планов художественных произведений и других записей, которые затем, как правило, вырывались автором из этих блокнотов.

Внешние отличительные особенности: книжка немецкого производства, небольшого формата, в желтом кожаном переплете; бумага плотная, в голубую линейку, с красным обрезом.

[1] Запись сделана карандашом в день приезда Горького в Берлин 28 (15) февраля 1906 г.

Приезд в Берлин. — На основании сообщений русских газет и косвенного свидетельства самого писателя в письме к Е. П. Пешковой 4 марта (19 февраля) 1906 г.: «... я вот четвертый день в Берлине...» («Архив А. М. Горького», т. V, стр. 174) — предполагалось, что Горький приехал в Берлин из Копенгагена 1 марта (16 февраля) 1906 г. («Летопись», вып. 1, стр. 586).

Материалы, приведенные в статье немецкого исследователя Э. Чиковского («Zur Reise Maksim Gorkijs nach Westeuropa und den Vereinigten Staaten von Amerika im Jahre 1906». Gorkij-Lesung, 1964. Humboldt-Universität zu Berlin, 1965, Heft 2), а также содержание настоящей записи дают основание считать, что Горький приехал в Берлин, возможно, из Гамбурга 28 (15) февраля 1906 г.

Так, 28 февраля (н. ст.) в заметке «Горький в Германии?» сообщалось, что, по-видимому, Горький 27 февраля прибыл в Гамбург («Gorki in Deutschland?» — «Berliner Tageblatt» vom 28 Februar 1906).

В следующем номере, 1 марта 1906 г., в разделе «Маленькие сообщения» «Berliner Tageblatt» писала: «Максим Горький, как мы слышали, вчера прибыл в Берлин».

2 марта «Berliner Tageblatt» и ряд других газет, в том числе и русских, сообщали уже об обстоятельствах прибытия Горького: «В связи со стачкой берлинских кучеров к моменту приезда писателя на вокзале не оказалось ни одного носильщика, ни кучера, и поэтому он поднял на плечо свой чемодан, сел в автобус и таким образом въехал в Берлин».

Стачка кучеров — началась 26 (13) февраля (сообщение в газете «Русское слово» 14 (27) февраля 1906 г.). 28 февраля было третьим и последним днем стачки. (См. сообщение в газ. «Berliner Фольксцейтунг» 28 февраля 1906 г., приведенное в статье Э. Чиковского).

Серебряная свадьба Вильгельма... Свадьба принца... — Венчание принца Эйтель Фридриха (1883—1942) состоялось 27 февраля (н. ст.) 1906 г. Одновременно праздновалась и серебряная свадьба Вильгельма II (сообщения венской газеты «Neue Freie Presse» 24 и 28 февраля 1906 г.).

Впечатления от приезда в Берлин отразились в начале IV ч. романа «Жизнь Клима Самгина»: «Берлин встретил его (Самгина. — Р. П.) неприветливо: сыпался хорошо знакомый по Петербургу мелкий, серый дождь, и бастовали носильщики вокзала. Пришлось самому тащить два тяжелых чемодана...» (т. 22, стр. 7).

[2] Заметка карандашом того же оттенка, что в записях [1], [3], [6]. Сделана в Германии между 28 февраля и 1—3 марта (н. ст.) 1906 г.

Использовалась Горьким неоднократно. Напр., в рассказе «Из повести» — «Молодые сосны — точно медные струны исполинской арфы...» (т. 7, стр. 136), в повести [Эраст Петрович], публикующейся в настоящем томе, — «Сосны были подобны медным струнам арфы...» (стр. 14).

[3] Запись сделана карандашом 3 или 4 марта (н. ст.) 1906 г. в Берлине после встречи с вождями германской социал-демократии.

Старый орел — Бебель — фрау... — В архиве писателя сохранилась недатированная записка А. Бебеля Горькому и М. Ф. Андреевой (на визитной карточке) следующего содержания:

«Многоуважаемые господин и госпожа Горькие!

Я забыл оставить Вам вчера наш адрес и исправляю сейчас эту ошибку, чтобы Вы завтра, в субботу вечером, в 8 часов или раньше, пришли к нам, чему мы заранее радуемся.

Дружеский привет, преданные А. Бебель и супруга.

Schöneberg-Berlin, Hauptstrasse 84» (пер. с нем.).

Первая суббота после прибытия Горького в Берлин приходилась на

3 марта. Таким образом, первая встреча Горького с Бебелем состоялась 1 марта, вторая была назначена на 3 марта.

Горький, очевидно, воспользовался приглашением Бебеля, т. к. 4 марта (19 февраля) 1906 г. сообщал Пешковой: «Видел, конечно, Бебеля, Каутского и т. д. Первый — орел, великолепный старый орел, крепкий, сильный, смелый. Второй — изумительно симпатичен. Маленький такой старичок, с глазами юноши. Хороша у него жена — его близкий товарищ во всех делах и секретарь. В Германии такая жена — редкость, говорят знатоки жизни» («Архив Горького», т. V, стр. 174).

Горький продолжал встречаться с Бебелем и его друзьями и позднее.

10 марта он выступал в «Deutsches Theatre», и после выступления вновь виделся с Бебелем, как это следует из материалов немецкого полицейского архива, приведенных в статье Э. Чиковского.

За несколько дней до отъезда из Берлина около 20 марта он писал Е. П. Пешковой: «Бываю лишь у Бебеля, Каутского, Либкнехта, дважды публично читал. Три вышеназванные личности все более и более восхищают меня — чудесные люди!» («Архив Горького», т. V, стр. 175).

В дальнейшем Горький изменил свое отношение к лидерам немецкой социал-демократии, делая исключение лишь для К. Либкнехта и Р. Люксембург (т. 17, стр. 8).

О посещении Горьким Бебеля вспоминала и М. Ф. Андреева («М. Ф. Андреева М., «Искусство», 1968, стр. 122).

[4—5] Заметки карандашом, сделаны в марте 1906 г. в Берлине. Текст расположен в конце двух страниц: начало — ниже записи [2], со слов «не имеют права ...» — в конце следующей страницы, ниже записи [3].

[6] Запись сделана карандашом в Берлине 18 (5) марта 1906 г.

Банкет с художниками. — Имеется в виду вечер в честь Горького в связи с предстоящим отъездом его в Швейцарию, организованный немецкой художественной интеллигенцией и состоявшийся 18 (5) марта в клубе «Secession». (Дата вечера установлена Э. Чиковским на основании полицейских материалов и сообщения газеты «Lokalanzeiger» от 19 марта 1906 г.). В ответ на приветствия Горький выступил с речью, в которой говорил о задачах искусства и призывал помочь России в ее борьбе с самодержавием («Летопись», вып. 1, стр. 589—590).

Максимилиан Гарден — псевдоним Исидора Витковского (1861—1927), известного германского буржуазного публициста, который приобрел свою популярность главным образом в результате борьбы с кликой, окружавшей Вильгельма II.

Лу Андреас Саломе (1861—1937) — немецкая поэтесса, друг Ф. Ницше.

Макс Либерман (1847—1935) — немецкий художник, крупнейший представитель импрессионизма. В течение многих лет был председателем берлинского «Secession», членом Прусской академии художеств, а с 1921 г. — ее президентом. В 1933 г. демонстративно покинул академию в знак протеста против фашизма.

В. Ф. — Василий Федорович — так иронически Горький называл Вильгельма II (см. также в памфлете «Русский царь», т. 7, стр. 74—75).

[7] Запись сделана карандашом между 5 и 10 апреля (23—28 марта) 1906 г. Весь текст перечеркнут крест-накрест.

Запись представляет собой, видимо, конспект речи, произнесенной Горьким на пароходе «Фридрих Вильгельм Великий» на пути в Нью-Йорк и тут же переведенной И. А. Каспэ. В своих воспоминаниях Каспэ сообщает, что через несколько часов после отправки парохода Горький появился во II классе и стал спрашивать, нет ли среди пассажиров русских, знающих английский язык. Ему указали на Каспэ. По приглашению Горького Каспэ перешел в I класс.

«За обеденным столом, — пишет Каспэ, — ежедневно то одним, то другим из пассажиров поднимались тосты, на которые к концу обеда Горький обык-

новенно откликнулся небольшой речью, а в одном случае он даже сам, по своей почину, выступил с приветственным словом по предварительно набросанному им карандашом для меня конспекту.

К сожалению, ни конспекта, ни копии его у меня сейчас не осталось...» (Исаак Александрович К а с п в. Воспоминания. — АГ).

[8—9] Заметки черными чернилами, правка теми же чернилами. Сделаны в Америке в апреле 1906 г.

[10] Заметка чернилами, небольшая правка теми же чернилами. Сделана в Америке не позднее 27—28 (14—15) апреля 1906 г.

Европа — старая эстетика... — Аналогичное сравнение Америки и Европы находим в письме Горького Е. П. Пешковой 27—28 (14—15) апреля 1906 г.: «Америка, я тебе скажу, это нечто изумительное по энергии, по темпу жизни... В сравнении с Нью-Йорком города Европы — так себе что-то. В них много красивой старины, да. В них эстетика живет, так. Но, увидев Нью-Йорк, невольно говоришь: в Европе есть что-то дряхлое, усталое, болезненно-нервное. Здесь — мало эстетики, пожалуй, ее нет. Здесь грубоватая бодрость молодой страны, здоровая нервность политической и социальной юности» («Архив Горького», т. V, стр. 178).

Эта мысль развита Горьким в очерке «Город Мамоны», опубликованном в августовском номере Американского библиофильского журнала «Appleton's magazine» (см. статью Р. Ганелина «М. Горький и американское общество в 1906 г.» в журнале «Русская литература», 1958, № 1, стр. 221).

Примеры—Нойз... — Знакомство Горького с миссионером Нойзом, незадолго до того вернувшимся из Японии, и его женой произошло в доме супругов Мартин. Н. Е. Буренин в своих воспоминаниях так характеризовал пастора Нойза: «... он — человек лет шестидесяти, необычайно высокого роста, худой до невероятности, плешивый, большерукий. Казалось, кости вот-вот прокнут его серый костюм. Жена была немного моложе, маленькая, щупленькая, быстрая в движениях. По вечерам, развеселившись, они устраивали своего рода варьете, как будто и не совсем подходящее для миссионера» (Н. Е. Буренин и н. Памятные годы. Лениздат, 1961, стр. 99).

[11—12] Записи чернилами, без правки. Сделаны в апреле — мае 1906 г. в Америке.

Джон Браун (1800—1859) — борец за освобождение негров. По приговору суда Браун, его дети и товарищи по восстанию были казнены. Казнь Брауна вызвала сильное возмущение в стране, ускорив гражданскую войну между Севером и Югом 1861—1865 гг.

Имя Д. Брауна Горький упомянул в ряду великих деятелей американского народа в очерке «Город Мамоны» («Русская литература», 1958, № 1, стр. 214).

[13] Запись карандашом на свободной линейке между записями [11] и [12]. Сделана, по-видимому, одновременно с последующей [14].

Мери Бекер Эдди (1821—1910), публицистка, деятельница христианского движения в Америке (Christian science).

[14] Запись карандашом с небольшой правкой тем же карандашом, расположена в конце двух страниц ниже записей [10, 11, 12] и между строками [10]. Как и запись [13], сделана значительно позднее предыдущих, возможно, осенью 1906 г. или даже в 1907 г.

Гариет Брукс — ассистентка профессора Э. Резерфорда. Горький и М. Ф. Андреева познакомились с Брукс весной 1906 г. в доме супругов Мартин на Статен-Айланд, затем часто встречались в имени Мартин Sommer-Bрукс (Адирондак).

Осенью 1906 г. вместе с Горьким, Андреевой и Бурениным Брукс приехала из Америки в Италию. Позднее неоднократно посещала семью Горького на Капри. М. Ф. Андреева, собиравшаяся нелегально побывать в России, намеревалась воспользоваться паспортом Г. Брукс. Дружеские отношения с Брукс поддерживались в течение многих лет.

[15] Запись чернилами, сделана в апреле — мае 1906 г. в Америке. *Генри Гейлорд Вильшайр* (1861—1927) — крупный американский финансист, пайщик золотопромышленного предприятия, издатель мнимо «социалистического журнала «*Wilshir's magazine*» в Нью-Йорке.

Горький познакомился с Вильшайром в Нью-Йорке в 1906 г. через З. А. Пешкова, в то время служившего у Вильшайра (М. Ф. Андреева. Беседа с работниками музея Горького 19.IX—1937. — АГ). 11 апреля (29 марта) 1906 г. после банкета в клубе «А» Вильшайр устроил официальный прием в честь Горького у себя. На этом приеме Горький познакомился с Г. Уэллсом («Летопись», вып. 1, стр. 597). В августе 1906 г. Андреева писала Пятницкому, что для Горького после знакомства с некоторыми американскими общественными деятелями слово «социалист» перестало быть патетом на порядочность: «Здесь такой социализм процветает, который у нас в России по-казался бы просто жульничеством, — например: только сегодня принесли социалистический журнал «*Wilshir's*», это где прежде работал Зиновий, и вот г-н *Wilshire*, миллионер-социалист, между прочим, ни гроша не давший А. М. на наше дело, рекомендует своим подписчикам-рабочим брать акции нового золотопромышленного общества, обещая 250 долларов за каждый доллар...» (М. Ф. Андреева. «Искусство», М., 1968, стр. 137—138).

Землетрясение в С-Франско. Огромной силы землетрясение в Сан-Франциско произошло 18—19 (5—6) апреля 1906 г. В связи с этим на следующий день после катастрофы, 20 апреля, Горьким было опубликовано в «*New-York American*» очерк «Сан-Франциско» (см. «За рубежом», 1936, № 18).

[16—17] Заметки чернилами, правка теми же чернилами. Сделаны весной — летом 1906 г. в Америке.

[18] Настоящая заметка, а также следующие за ней [19], [21] и [24] связаны с циклом очерков Горького «В Америке». Сделаны не позднее 23 июня 1906 г. в Америке. Написаны чернилами, густо перечеркнуты красным и синим карандашами — свидетельство того, что они использованы автором.

⟨*Вся эта сволочь...*⟩ — См. очерк «Царство скуки» (т. 7, стр. 32).

⟨— *Животное! Прости людей*⟩. — См. там же.

Над очерком «Царство скуки» Горький работал в мае — июне 1906 г. (см. письмо Горького Пятницкому не позднее 22 (9) июня 1906 г. «Архив Горького», т. IV, стр. 204).

[19] ⟨*Чарли Форстер...*⟩ — Использовано в очерке «Чарли Мэн», первоначальное название которого было «Чарли Форстер» — «Мэн утвердительно кивнул головой и заметил: — Да, детей всегда больше, чем медведей...» (т. 7, стр. 46).

[20] Запись чернилами, без правки. Сделана в Америке не позднее 23 июня 1906 г.

[21] ⟨*Обезьяна с ребенком*⟩ — Горький использовал эту заметку в очерке «Царство скуки» (т. 7, стр. 20—21, 30—31).

[22] Запись чернилами. По почерку и оттенку чернил примыкает к предыдущей.

[23] Запись чернилами. По оттенку чернил примыкает к следующей за ней заметке.

[24] ⟨*Мов. Моб*⟩ — использовано в очерках «Моб» (т. 7, стр. 33—42) и «Хозяева жизни».

« — Мне противно, когда человека, существо по природе своей цельное, дробят на ничтожные куски, делают из него орудие для жадной руки другого, — и на следующей странице:

« — И я не умею изучать человека по книгам — люди в них всегда дробя, а я плохо знаю арифметику» (т. 7, стр. 113 и 114).

[25] Запись чернилами, без правки, сделана не ранее 23 июня 1906 г. в Америке.

«*Collier's magazine*» — американский иллюстрированный еженедельник, основанный в 1888 г. Питером Кольер.

Статья об анархизме. — Имеется в виду статья Б. Бранденбурга «Анархисты в Америке», опубликованная в журнале «*Collier's magazine*» 23 июня 1906 г. (стр. 16—17, 26).

В связи с этим Горький писал Пятницкому: «Российское посольство усердствует, требуя, чтобы меня отсюда выгнали; буржуазная пресса печатает статьи, в которых уверяет публику, что я анархист и меня надо в шею через океан» («Архив Горького», т. IV, стр. 201—202).

«Америка является местом, куда Европа сметает свои отбросы» — основная мысль статьи Бранденбурга. Мысль эта уже в ином аспекте неоднократно встречается в письмах Горького из Америки. Так, например, летом 1906 г. он писал Андрееву: «Америка — мусорная яма Европы. Сюда теперь едут люди, оставившие душу, ад-то дома. Уже нет того эмигранта, который ловил тигров за хвосты и на скаку откусывал хобот у слонов» («Литературное наследство», т. 72, стр. 271). См. также письмо Пятницкому — «Архив Горького», т. IV, стр. 202—203).

Уильям Рандольф Хёрст (1863—1951) — американский издатель, крупнейший газетный магнат. Хёрст часто нарушал авторские права Горького, перепечатывая его произведения из европейских газет и журналов раньше, чем они появлялись в других американских изданиях, с которыми Горький заключал договоры (см. письма Горького М. Хилквиту в «Горьковских чтениях», М., Изд-во АН СССР, 1962).

История с барьерной-фиантропкой... — В несколько измененном виде приведена Горьким в статье [«О буржуазной прессе»] (т. 25, стр. 289—290). Из черновых набросков к статье явствует, что Горький об этой истории беседовал в 1906 г. в Нью-Йорке с известным американским журналистом *Артуром Брисбеном* (1864—1936).

« — Это стоило ей больших денег, — сказал Брисбен, главный редактор хёрстовых газет.

— А полицейские?

— Они обеспечены, конечно» (АГ, ЛСГ 5—16—1).

Там же в черновых набросках к статье находим портрет Брисбена: «В 906 году, в Нью-Йорке, я часто встречался с мистером Брисбен, главным редактором газет Хёрста. Это был человек неопределенного возр[аста], спокойный, с его серого лица голубоватые выпуклые глаза смотрели на все вокруг снисходительно».

[26] Заметка чернилами, правка теми же чернилами, сделана летом 1906 г. в Америке.

[27] Заметки чернилами, сделаны летом 1906 г. в Америке. Вторая и третья строки зачеркнуты чернилами. Зачеркнутые фразы, почти без изменений, Горький использовал в пьесе «Враги» (т. 6, стр. 491, 492).

[28] Заметка карандашом. Датируется по содержанию 1906 или 1907 г. Ср. в статье «Разрушение личности»: «По мере размножения людей возникает борьба родов, рядом с коллективом «мы» встает коллектив «они» — и в борьбе между ними возникает «я» (т. 24, стр. 29).

[29] Заметки чернилами, правка теми же чернилами, сделаны летом 1906 г. в Америке. Два слова: «Колумбус — Огайо» вписаны карандашом позднее.

Завещание Гульда. — *Джей Гулд* (1836—1892) — американский банкир и железнодорожный магнат, нажил свое состояние на спекуляциях железнодорожными акциями и путем разного рода мошеннических сделок.

Высказывания Гульда Горький дважды цитирует в статье «Разрушение личности», одно из них перекликается с данной заметкой: «Переходя от

литературы к «живому делу», снова сошлюсь на старого Гульда: умирая, он сказал: «Если бы я неправильно и незаконно нажил мои миллионы, их давно отняли бы у меня». Здесь звучит вера сильного в силу как закон жизни. Наш современник, мистер Д. Рокфеллер, уже считает необходимым жалобно и жалко оправдываться пред всем миром в непомерном своем богатстве, он доказывает, что обворовал людей ради их же счастья. Разве это не ярко рисует понижение типа?» (т. 24, стр. 45).

[30] Начало записи чернилами, сделано летом 1906 г. в Америке; имя девушки Горький приписал карандашом позднее.

Грес Латимор Джонс — учительница из Чикаго. Горький познакомился с ней в доме супругов Мартин в 1906 г. Г. Джонс в качестве невесты З. А. Пешкова приезжала летом 1907 г. на Капри. Брак Джонс с Пешковым не состоялся. В конце 1907 г. об этом М. Ф. Андреева сообщала Н. Е. Буренину: «... Собирались они с Грес Латимор Джонс жениться, да что-то, кажется, дело у них расстраивается» (АГ).

[31] Заметка чернилами с небольшой правкой, сделана летом 1906 г. в Америке. Весь текст перечеркнут крест-накрест красным карандашом.

[32] Возможно, текст дарственной надписи на книге. Сделан чернилами летом 1906 г. в Америке. Правка теми же чернилами одновременно с записью. Заглавие и последняя строка приписаны позднее карандашом. Весь текст перечеркнут крест-накрест карандашом, видимо, после того, как он был использован автором.

[33] Заметка чернилами, без правки. Сделана летом 1906 г. в Америке.

[34—35] По содержанию, характеру почерка и оттенку карандаша данные записи примыкают к записям [37] и [39—51].

На основании упоминаний в них городов Монреаля, Буффало, Ниагары и Кливленда они могут быть датированы сентябрем 1906 г. Горький посетил эти города после отъезда из Sommer-Bрук незадолго до того, как покинул Америку («Летопись», т. I, стр. 627).

[36] Запись карандашом без правки. По почерку и оттенку карандаша сходна с записью [38] и правкой [32]. Сделана осенью 1906 г.

[37—40] Записи карандашом, судя по почерку, сделаны в различное время осенью 1906 г. в Америке.

Алиса Ли Рузвельт (род. 1884), дочь Теодора Рузвельта, в 1906 г. вышла замуж за конгрессмена Николаса Лонгворта.

[41] Запись карандашом, сделана, по-видимому, во время поездки Горького в Буффало в сентябре 1906 г.

Андре Антуан (1858—1943) — один из крупнейших французских сценических деятелей. На сцене своего театра Антуан имел намерение поставить пьесы Горького: «На дне» в 1903 г. и «Дети солнца» в 1905 г. (см. телеграмму Горького Пятницкому 27 марта 1903 г. «Архив Горького», т. IV, стр. 126; письмо И. Д. Гальперина-Каминского Пятницкому 16 ноября 1905 г.; письма В. Д. Бонч-Бруевича А. М. Аничковой 18 октября 1905 г. и др. — АГ).

В конце мая 1906 г. Антуан был назначен директором театра «Одеон». «Мне нужно подготовить репертуар для второго французского театра, — писал Антуан в своем дневнике, — начать обширные работы по реконструкции зрительного зала, подготовить постановку «Юлия Цезаря», которую я намерен показать в качестве яркого программного спектакля после того, как я обоснуюсь там...» (А. Антуан. Дневники директора театра 1887—1906. М.—Л., 1939, «Искусство», стр. 492).

[42—47] Записи карандашом, сделаны, судя по контексту, в сентябре 1906 г. после отъезда из Sommer-Bрук.

[48] Запись карандашом, сделана не ранее 4 октября (21 сентября) 1906 г. во время пребывания Горького в Кливленде. О приезде Горького в Кливленд писали американские газеты 5 октября 1906 г. (вырезки из газет — Коллекция Буренина, «Летопись», вып. 1, стр. 627).

Джеймс Гарфилд (1831—1881), североамериканский политический деятель, 20-й президент США.

[49—51] Записи карандашом, без правки, сделаны осенью 1906 г. в Америке, незадолго до отъезда в Италию.

История сенатора Платта... — Использована Горьким в качестве одного из примеров нравов американской буржуазной печати в незаконченной статье [«О буржуазной прессе»] (т. 25, стр. 290).

Подробнее эту историю Горький рассказал в 1927 г. в Сорренто гостившим у него А. И. Цветаевой и Б. М. Зубакину:

«Об американской прессе: заметка в газете о том, что сенатор такой-то разводится со своей женой. Его опровержение. Опровержение опровержения — как же, у него взрослые сыновья, и они ненавидят мачеху (она в это время в отъезде). Ее на вокзале встречают репортеры и спрашивают, плоха ли ее семейная жизнь. Она замахивается зонтиком на дерзкого незнакомца. В это время щелкает аппарат — снимок в газету: характер мачехи. Сыновья идут в редакцию, не в силах больше терпеть эту историю, и колотят виновников. Их снимают, снимок в газету: характер сыновей сенатора. Сенатор бросает деятельность, сыновья — университет, уезжают в другой город (А. И. Цветаева. Тень погибшей книги. АГ).

[52] Запись карандашом, сделана осенью 1906 г. в Америке. Правка (вставлены слова: жизни, люди церкви) чернилами нанесена значительно позднее, возможно, уже после отъезда из Америки. Цвет чернил и почерк те же, что в последующих записях [53—56].

[53] Запись чернилами, сделана осенью 1906 г. после отъезда из Америки; последние два слова приписаны карандашом позднее.

[54] Запись карандашом, сделана в пути из Нью-Йорка в Неаполь на пароходе «Принцесса Ирен» между 13 октября (30 сентября) и 25 (12) октября 1906 г.

Правка в трех последних строках и последняя фраза («Ребенка бросили в океан») сделаны чернилами, видимо, уже в Италии.

Датируется по письму Горького Е. П. Пешковой 25 (12) октября 1906 г. («Архив Горького», т. V, стр. 186).

Кошмар. В названном письме Е. П. Пешковой Горький сообщал: «Десять дней непрерывной качки в океане — наконец, завтра буду в Гибралтаре. Очень интересно ехал, но похоже на кошмар. Едет 1 000 итальянцев из Калифорнии — народ удивительно похожий на русских» («Архив Горького», т. V, стр. 186).

Томбола (ит.) — лото, игра в лото.

Обедня — все молятся. — По этому поводу в том же письме Е. П. Пешковой Горький писал: «Пассажиры первого класса — американцы — страшно много жрут и прескверно молятся богу. Поют гимны — жирными голосами и обливаются. Бога, очевидно, считают идиотом, полагая, что он услышит их гнусный вой».

Я была везде, кроме России... — В очерке «В. И. Ленин» Горьким была использована эта фраза в таком контексте: «В Америке... видел очень многих и очень много, но не встречал ни одного человека, который понимал бы всю глубину русской революции, и всюду чувствовал, что к ней относятся как к частному случаю европейской жизни» и обычному явлению в стране, где «всегда или холера или революция», по словам одной «генсом леди», которая «сочувствовала социализму» (т. 17, стр. 9). Эти же слова были процитированы Горьким в статье «О русском крестьянстве» (Берлин, Изд-во Ладьяникова, 1922, стр. 37).

Девушка. Роды. Об этом Горький писал Е. П. Пешковой: «Была история — одна девушка родила мальчонку 7 месяцев, он умер, и его бросили в воду — это неопишуемо тяжела картина. По приезде в Неаполь я устрою скандал по поводу этой девицы» («Архив Горького», т. V, стр. 186).

О случае с итальянской девушкой Кристиной Аттанезе сообщала в интервью с Горьким неаполитанская газета «Пунголо» 27 октября 1906 г. (Коллекция Цветеремича.— АГ).

[55] Запись чернилами, сделана, по-видимому, тогда же, что и запись [54].

[56—57] До слов «Какое разнузданное и живое воображение...» написано карандашом. Правка и остальная часть записи — чернилами. Написано, по-видимому, осенью 1906 г. после отъезда из Америки.

О замысле статьи «Страна подростков» Горький писал Пятницкому: «Я скоро напечатая статью «Страна подростков», в которой буду доказывать, что американцы, даже когда они лысы, седы и жуют вставными зубами, даже когда они профессора, сенаторы и миллионеры, имеют не более 13—15 лет от роду. Вероятно, меня задавят возражениями» («Архив Горького», т. IV, стр. 204).

«Сатурналия» — бронзовая статуя итальянского скульптора Эрнесто Бionди (род. 1855), хранится в национальной галерее современного искусства в Риме.

«Агрικультура». — В 1927 г. Горький привел этот пример в беседе с А. И. Цветаевой и Зубакиным: «Лицемерие: статуя на доме, голый мужчина. Негодование. И в прессе слова: «Ни одна уважающая себя женщина не будет, конечно, ходить по этой улице». Прочтя это, не ходит ни одна женщина. А на неприлично разрисованную каким-то смельчаком, влезшим на высоту, рекламу женщины в прозрачном одеянии все смотрят, ничего» (А. И. Ц в е т а е в а. Тень погибшей книги.— АГ).

[58] Четверостишие написано чернилами. По почерку и цвету чернил примыкает к предыдущей заметке [57]. Далее вырваны 2 листа, исписанные карандашом и такими же чернилами (следы на корешках, листы не сохранились).

[59—62] Заметки карандашом, одна [60] чернилами, без правки.

По месту расположения их можно датировать не ранее осени 1906 г. Перед ними вырваны 10 листов, густо исписанных карандашом (листы не сохранились).

[63] Заметка карандашом, без правки. По почерку и оттенку карандаша резко отличается от предыдущих.

Датируется 1906—1907 гг.

[64] Запись чернилами, сделана в Риме после 26 (13) декабря 1907 г., когда были написаны письма Вересаеву и Пятницкому («Архив А. М. Горького», т. VII, стр. 61—63 и т. IV, стр. 221).

По сборнику. — Речь идет о проекте литературно-публицистического сборника, одним из организаторов которого была Е. К. Малиновская. Редактирование публицистического отдела намечалось предложить И. И. Скворцову-Степанову, литературный отдел должен был редактировать Вересаев. В число сотрудников должны были входить В. И. Ленин, А. В. Луначарский и др. Сборник не был осуществлен.

Станислав Леопольд Бржозовский (1876—1911) — польский критик. *Уго Ойэтти* (1871—1946) — итальянский художественный и литературный критик.

Джозуэ Кардуччи (1835—1907); *Джованни Чена* (1870—1917) — итальянские поэты. *Марио Раписарди* (1844—1912) — итальянский писатель.

(См. статью А. Я. Тарараева «Связи А. М. Горького с итальянскими писателями» в сб. «Горьковские чтения», Изд-во АН СССР, 1959, стр. 588—615)

[65] Запись чернилами, сделана до 26 декабря 1907 г. (8 января 1908 г.) на Капри.

Датируется по письму Горького Келтуяле.

Василий Афанасьевич Келтуяла (1867—1942), фольклорист и литературовед, в 1906 г. опубликовал первую часть книги «Курс истории русской литературы». Горький дал ей высокую оценку. 26 декабря 1907 г. (8 января 1908) он обратился к автору с просьбой выслать ему вторую часть. (Письма Горького опубликованы в журнале «Русская литература», 1966, № 4, стр. 187—189).

Келтуяла отвечал, что книга задерживается, так как большую часть рабочего дня ему приходится трудиться для заработка (АГ).

В связи с этим Горький просил Пятницкого помочь материально Келтуяле и сообщал его адрес («Архив Горького», т. IV, стр. 226—227).

[66] Запись карандашом, сделана, видимо, в начале 1908 г.

[67] Запись чернилами, сделана на Капри не позднее 29 (16) марта 1908 г. Датируется по письму Горького Пятницкому («Архив Горького», т. IV, стр. 240).

Авраам Яковлевич Гаркави (1839—1919), историк-востоковед. Книгу «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских» Горький просил Пятницкого прислать ему на Капри.

[68] Запись карандашом, сделана во Флоренции в первые дни пребывания, т. е. вскоре после 22 октября (4 ноября) 1907 г., по-видимому, в связи с посещением галереи Уффици.

Голова Медузы Леонардо да Винчи хранится в Уффици.

Антихриста... — Фреска «Падение Антихриста» Луки Синьорелли — одно из четырех наиболее знаменитых монументальных произведений художника на тему страшного суда в Орвиетском соборе.

Горький очень высоко ценил Синьорелли и неоднократно советовал русским художникам познакомиться с его творчеством. В 1911 г. М. В. Добужинский писал Горькому: «Между прочим, я был в Орвието (помню наш разговор) и в совершеннейшем восторге от Синьорелли, который, пожалуй, одно из самых прекрасных впечатлений Италии» (письмо от 31 августа (13 сентября) 1911 г. — АГ).

Бельтраффио или Больтраффио Джованни Антонио (1467—1516), миланский художник, ученик Леонардо да Винчи. Возможно, имеется в виду «Портрет молодого человека» Больтраффио в Уффици.

[69] Неразборчивая запись карандашом, сделанная, по-видимому, на ходу во время прогулки по Флоренции в октябре — ноябре 1907 г.

Пацци-Дант — статуя Данте работы Пацци на площади Санта Кроче, воздвигнута в 1865 г. в связи с 600-летием со дня рождения поэта.

[70] Запись карандашом. Сделана, вероятно, в конце октября — начале ноября, после посещения флорентийской библиотеки Лаурентигана, директор которой показывал Горькому древние карты Африки (см. письмо Пятницкому от 4 (17) ноября 1907 г., «Архив Горького», т. IV, стр. 210).

[71] Запись карандашом, сделана во Флоренции не позднее 23 или 24 октября (5 или 6 ноября) 1907 г. Затем, возможно, после получения книг, зачеркнута синим карандашом.

Датируется по письму Пятницкому 23 или 24 (5 или 6 ноября) 1907 г. («Архив Горького», т. IV, стр. 209), в котором Горький просил прислать «Императора и галлеянина» Ибсена в издании С. Скирмунта (Сочинения Ибсена в 8 томах выходили в Москве с 1903 по 1907 г.) и «Исповедь моей жизни» Ванды Захер-Мазох (издание журнала «Тайны жизни», СПб., [1907], пер. М. А. Потапенко).

[72] Запись карандашом, сделана во Флоренции в октябре — ноябре, до 4 (17) ноября 1907 г.

Датируется по письму Горького Пятницкому («Архив Горького», т. IV, стр. 210).

У Юлия — шея длинная. — По-видимому, Горький имел в виду скульптурный портрет Джулиано Медичи Микеланджело в капелле Медичи (церковь Сан-Лоренцо).

Лицо Давида... — О «Давиде» Микеланджело (Флорентийская академия художеств) Горький писал Пятницкому: «Извещаю Вас, что Давид мне не нравится. Не ругайтесь!» («Архив Горького», т. IV, стр. 210).

[73] Запись карандашом, сделана во Флоренции в октябре — ноябре 1907 г.

Из Сиены Monte-Oliveto. — Горький имел намерение, будучи во Флоренции осенью 1907 г., посетить Сиену и монастырь Монте-Оливето близ Сиены. В церкви монастыря Синьорелли в 1497 г. написал восемь сцен из жизни св. Бенедикта. Поездка не состоялась. 4 (17) ноября 1907 г. М. Ф. Андреева писала Пятницкому: «Вряд ли удобно ему ехать на Монте-Оливето в Сиену и вообще куда-либо в окрестности, погода стоит свежая, и я так боюсь, чтобы он не простудился еще сильнее» (АГ).

[74] Запись карандашом, густо зачеркнута тем же карандашом, сделана во Флоренции в октябре — ноябре 1907 г.

Бемер. — По-видимому, имеется в виду немецкий филолог и богослов Эдуард Бемер (род. 1827).

[75] Запись карандашом, сделана во Флоренции в октябре — ноябре 1907 г.

Ланни — Возможно, художник *Эмилио Лани* (1815—1890), автор картин «Битва итальянцев с австрийцами при Палестро» и «Любовь побеждает силу» в галерее современных мастеров Флорентийской академии.

Via Tornabuoni — (ит.) — улица Торнабуони — одна из живописнейших во Флоренции.

[76] Запись карандашом. По содержанию связана с поездкой Горького в Рим, продолжавшейся с 20 ноября (3 декабря) 1907 г. до 23 декабря (5 января) 1908 г. Вычерки карандашом более темного оттенка сделаны позднее.

«Дориа» — картинная галерея во дворце Дориа в Риме.

Колонна — картинная галерея во дворце того же имени.

«Корсини» — Национальная галерея античного искусства и Национальный кабинет эстампов во дворце Корсини.

Национальный — Национальный римский музей при термах Диоклетиана.

Людовизи — коллекция древностей, собранная кардиналом Людовизи в начале XVII в. В 1900 г. присоединена к Национальному римскому музею при термах Диоклетиана.

Латеранский — музей Gregorianum Lateraneus, в состав которого наряду с отделами языческим и христианским входит картинная галерея.

[О ЛИЧНОМ]

Заметки этого раздела хранились Горьким в конверте с надписью — «Личное» (по архивной нумерации — конверт № 14). К ним присоединены заметки автобиографического характера из других конвертов (№ 18, 20 и 23). В раздел вошли также записи, сделанные в связи с появлением в печати статей и газетных сообщений, в которых освещались различные моменты биографии писателя, а также другие материалы.

Г—3 I 1—38. На обороте листа написано: «Превращая маленькие лжи в великие истины.

Так маленькая ложь становится великой истиной».

И ниже красным карандашом: «Молодежь»

В. В. Брусянин.

В среду»

Датируется по упоминанию В. В. Брусянина.

Василий Васильевич Брусянин (1867—1919) — писатель, журналист, литературный критик, в последние годы жизни был секретарем Л. Н. Андреева.

2

Г—3 I 1—43.* Заметка написана на бланке со штампом фирмы Press Clipping Bureau, хранится с двумя газетными вырезками; первая на английском языке, ее содержание изложено Горьким в заметке.

Вторая вырезка, — вероятно, из газеты «Нижегородский листок», за подписью «Перо» (псевдоним А. Дробыш-Дробышевского, корреспондента «Нижегородского листка»). Он пишет, что о популярном писателе А. М. Горьком ходит много слухов — о приобретении им дворцов и т. д.

Датируется на основании штемпеля на бланке.

3

Г—3 II 2—40. Написано на листе большого формата; часть листа с продолжением текста оторвана. На обороте — замечания о рукописи В. М. Чернова «Западная революция».

Датируется по орфографии. Заметка по бумаге и почерку примыкает к опубликованным в III томе «Архива А. М. Горького» записям снов, датированных не ранее 1923 г. (М., 1951, стр. 117—122). Непосредственно к этому циклу примыкает и близкое по теме стихотворение Горького «Рыжая, как ржавое железо» («Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 174). Текст этого стихотворения в иной редакции написан Горьким на обороте Сна [1] (там же, стр. 117).

В Архиве Горького хранится отдельно большой двойной лист бумаги с надписью рукою Горького цветными карандашами «Сны». «Материалы».

4

Г—3 IV 6—30. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

5

Г—3 I 1—32. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

6

Г—3 I 1—17. Конверт № 14. Весь текст зачеркнут перекрестными линиями синим карандашом. На оборотной стороне листа написана заметка № 7. Датируется по орфографии.

7

Г—3 I 1—17. Конверт № 14. Датируется по орфографии.

8

Г—3 I 1—15. Конверт № 14. Датируется по орфографии.

9

Р—3 I 1—11. Конверт № 14. Датируется по орфографии.

Г—3 V 6—1. Конверт № 14. Бумага с водяным знаком «Savoy Paper Extra line». Датируется по орфографии.

Г—3 I 1—7. Конверт № 14. Датируется по орфографии и фразе: «... про- жив тридцать лет в чине талантливого человека» (в 1927 г. отмечался 35- летний юбилей литературной деятельности Горького).

Г—3 VI 8—50. Конверт № 23. Датируется по бумаге и орфографии.

Г—3 I 1—25. Конверт № 14. Бумага с водяным знаком: «Extra Strong Aiene Mill». Датируется по орфографии и бумаге.

Г—3 I 1—26. Конверт № 14. Бумага с водяным знаком: «Original». Датируется по бумаге и орфографии.

Г—3 I 1-23. Конверт № 14. Бумага с водяным знаком: «Original». Датируется по бумаге и орфографии.

Г—3 I 1—22. Конверт № 14.

..начальник «полиции безопасности» отказал...— Об этом факте Горький сообщает Е. П. Пешковой в письме от 23 февраля 1926 г. («Архив А. М. Горького», т. IX, стр. 251).

Г—3 I 1—42. Слово «ложь» подчеркнуто красным карандашом.

К заметке приложена вырезка из газеты «Руль» от 12 марта 1926 г. (дата написана Горьким).

Горький опровергает интервью, изложенное римским корреспондентом английского журнала «Observer», которое было перепечатано рядом белоэмигрантских газет. Об этом же Горький писал 30 марта 1926 г. Е. П. Пешковой: «Выдуманное корреспондентом «Обсервер» интервью со мною наделало много шума и немало неприятностей мне» (см. «Архив А. М. Горького», т. IX, стр. 250).

Абзац, где сообщается, что он был «...товарищем председателя Петербургского совета... и публично каялся в своих меньшевистских прегрешениях», Горький подчеркнул красным карандашом.

В газете «Последние новости» 16 марта 1926 г. Горький опубликовал опровержение по поводу интервью:

«Милостивый государь Павел Николаевич!

В номере «Последние новости» от 8 марта перепечатано из английской газеты «Обсервер» интервью римского корреспондента этой газеты со мною.

Разрешите сообщить Вам, что мною послано редактору «Обсервер» нижеследующее опровержение:

С 23-го года, когда я приехал в Италию, я ни одного дня не был на Капри, а жил в Сорренто, с ноября же 25-го живу в Неаполе.

В Риме я тоже не был за все время с приезда в Италию.

Корреспондент газеты «Обсервер» не посещал меня ни в Сорренто, ни в Неаполе. «Политических» — и никаких вообще интервью я не давал ни вашему, ни каким-либо иным корреспондентам.

М. Горький»

Но был членом Московского совета... — Горький был избран в Исполком и Президиум Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов 28 декабря 1918 г.

Выступал там однажды... — В 1920 г. 23 апреля Горький выступал на собрании Московского комитета РКП(б) в честь 50-летия со дня рождения В. И. Ленина.

18

Г—3 VI 7—10. Конверт № 14. Датируется по письму Горького к И. А. Груздеву от 5 июня 1926 г., в котором он использовал данную заметку («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 54).

19

Г—3 I 1—24. Конверт № 14. Бумага с водяным знаком: «Germes». Датируется по бумаге и орфографии.

20

Г—3 I 1—41. Бумага с водяным знаком «Extra linen savoy rare». На первой странице наверху, в левом углу, помета Горького простым карандашом: «К стр. 23, т. IV».

Датируется по бумаге и орфографии.

Доктор Полянов — упоминается в рассказе Горького «Проводник» (т. 15) и в письме к Сергееву-Ценскому от 5 февраля 1928 г. (т. 30, стр. 71).

21

Г—3 VI 7—19. Конверт № 14. Датируется по фразе: «Лет 35 т[ому] назад...» (35-летний юбилей литературной деятельности Горького отмечался в 1927 г.).

22

Г—3 I 1—20. Конверт № 14. Датируется по фразе: «...тридцать пять лет тому назад разжигал костры на Руси...» (см. заметку № 21).

23

Г—3 I 1—29. Конверт № 14. Часть листа большого формата в линейку. Написано черными чернилами.

Заметка написана, по-видимому, в связи с выходом в свет сборника «М. Горький в Нижнем Новгороде» (Нижний Новгород, 1928), в котором была опубликована статья К. С. Шохор-Троцкого «Л. Н. Толстой и Максим Горький (Новые материалы)». В этой статье в выдержках было напечатано первое письмо Горького к Толстому от 25 апреля (7 мая) 1889 г. (т. 28). В письме к К. С. Шохор-Троцкому от 16 февраля 1928 г., давая разрешение на опубликование своих писем к Л. Н. Толстому, Горький просил его прислать ему этот сборник (АГ).

Датируется по сборнику.

Я избрал ... точку — Льва Толстого. — Горький имеет в виду свою попытку увидеть Льва Толстого в Ясной Поляне и Москве в апреле 1889 г., куда он направился, оставив должность весовщика на станции Крутая-Грязе-Царицынской железной дороги. См. об этом в очерках-воспоминаниях Горького: «Н. Е. Каренин-Петропавловский» (т. 10), «Время Короленко» (т. 15), «Из прошлого» (т. 17).

Г—3 I 1—6. Конверт № 14. Датируется в связи с юбилеем Горького.

Г—3 I 1—39. Датируется предположительно по связи со статьей «О возвеличенных и «начинающих» (1928), где Горький писал: «...Некоторые поздравители именуют меня «великим»... Я — человек совершенно нормального роста и никакого величия в фигуре моей не чувствую. Могу, пожалуй, признать, что я неплохой работник...» (т. 24, стр. 359).

Г—3 II 1—40. Текст в угловых скобках перечеркнут синим карандашом. Датируется по содержанию.

Г—3 I 1—5. Конверт № 14. Датируется в связи с упоминанием о юбилее

Г—3 I 1—8. Конверт № 14. Написано до отъезда Горького в СССР в мае 1928 г. Датируется по фразе: «... прожив 60 лет...»

Г—3 I 1—14. Конверт № 14. Бумага с водяным знаком «Hermes».

Датируется по бумаге и по сопоставлению со статьями и речами Горького, в которых он рассказывает о своих идейных заблуждениях 1917—1920 гг. (см. «Беседу с московскими рабочими в отделе работниц МК ВКП(б) от 14 июня 1928 г.», «Ответную речь на приветствия от 25 июля 1928 года» и другие выступления в сборнике «В. И. Ленин и А. М. Горький». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 289, 291).

Заметка с небольшими сокращениями опубликована в сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 316—317.

Г—3 VI 7—12. Конверт № 23. Бумага с водяным знаком «Old moга mill». Первая фраза заметки с небольшими изменениями вошла в статью «Беседы о ремесле» (т. 25, стр. 302).

Датируется предположительно по связи с этой статьей.

К тому, что я видел сегодня... — Фраза эта также использована в статье, но в другой редакции. Развивая мысль о «реализме» и «становлении» человека, Горький пишет, что изображать человека надо «не только таким, каков он есть сегодня, но и таким, каков он должен быть — и будет — завтра», что обязанность литератора — «домысливать» человека (т. 25, стр. 324).

Г—3 I 1—4. Конверт № 14. Датируется по орфографии.

Г—3 I 1—9. Конверт № 14. Датируется по орфографии.

Г—3 VI 7—18. Конверт № 14. Датируется по орфографии.

Г—3 VI 7—16. Конверт № 14. Датируется по орфографии. Опубликовано в сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 316—317.

...у Ек[атерины] П[авловны]... — Пешковой, на квартире которой состоялась встреча Горького с Лениным 20 октября 1920 г.

Г—3 VI 7—9. Конверт № 14. Датируется по орфографии.

Г—3 I 4—1. Датируется по орфографии.

Пояснения Горького к семейной фотографии А. и Д. Салабановых Обконописной мастерской см. «В людях», т. 13, стр. 331—443.

Г—3 I 4—18. Конверт № 14. Датируется по письму И. Я. Лаптева к Горькому от 5 сентября 1931 г. На письме И. Я. Лаптева рукою Горького написано: «Ванька Лаптев; кулачный боец и хулиган» (АГ).

Г—3 II 2—6. Конверт № 14. Датируется по приложенной к заметке газетной статье Ив. Успенского — «Г. И. Успенский о М. Горьком»:

«В одну из своих поездок в Нижний-Новгород, где в то время жили высланные из СПб. писатели: В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский, брат Короленко и др., Г. И. Успенский познакомился в их кружке с А. М. Пешковым, работавшим на пристани пароходства по Волге, в котором служили и братья Короленко.

По возвращении из Нижнего, Г. И. Успенский, делаясь с близкими своими впечатлениями о поездке, рассказывал о Горьком:

«У них на пристани работает босоногий молодой человек, — просто как парень. Рассказывает он о своей жизни много интересного. Короленко и Анненский занялись им и настаивали, чтобы он писал, что рассказывает. И они его настроили... Какой-то особенный человек... Рассказы его просто чудесные... Большая сила... Большой будет писатель... Да... Какой-то он огромный...».

Сейчас мы являемся счастливыми очевидцами того, что предчувствия Г. И. Успенского оправдались («Госзнаковед», 1932, 3 октября). На статью подчеркивания Горького красным карандашом.

Г—3 I 4—12. Конверт № 14. Датируется по вырезке из газеты «Последние новости», 15 декабря 1932 г.

Заметка написана в связи со статьей за подписью Н. К-г «М. Горький в Петропавловской крепости», в которой говорилось, что Горький во время своего заключения в 1905 г. «оказался довольно требовательным» узником. Статья заканчивалась такими словами: «Как видно, жаловаться ему на буржуазную тюрьму не приходилось». Горький написал на статье: «Он и не жаловался». Вырезка из газеты с многочисленными подчеркиваниями Горького красным карандашом приложена к заметке.

Г-3 II 2—61, 2—62, 2—63, 2—64, 2—66, 2—67, 2—69.

Заметки хранились в конверте с надписью рукою Горького: «Лесков».

Черновые автографы на листах бумаги с водяным знаком «Original Mill». Исключение составляет заметка 5, на двойном листе бумаги большого формата, с водяным знаком «Ludovica». На обороте листа с заметкой 1 — четверостишие из «Евгения Онегина»:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест—
Весьма мучительное свойство
И многим — добровольный крест.

У Пушкина последняя строка: «немногих добровольный крест».

Заметки представляют собою, по-видимому, рабочие записи для лекции об Осиповиче-Новодворском, Щедрина, Лескове и восьмидесятниках, прочитанной Горьким в Каприйской школе 21 ноября (4 декабря) 1909 г. Горький пользовался «Полным собранием сочинений Лескова в тридцати шести томах». Изд-во А. Ф. Маркса (СПб., 1902—1903 гг.). Все страницы в заметках и примечаниях к ним даются по этому изданию.

Датируются по времени работы Горького над лекцией о Лескове.

Интерес к творчеству Лескова Горький сохранил на всю жизнь. Помимо многочисленных высказываний в статьях и письмах, он написал вступительную статью к собранию сочинений Лескова в изд. Гржебина (Берлин—Петроград — Москва, 1923) и предисловие к американскому изданию рассказа Лескова (1925, см. стр. 129 наст. тома).

В этом же разделе публикуются три заметки о Лескове (8 — 10), относящиеся к 1929—1932 гг.

1

Г—3 II 2—66.

В заметке названы действующие лица романа «Некуда» (1864, т. 8—11), за исключением Препотенского (персонажа романа «Соборяне» (1872) и Манечки Норк (героини повести «Островитяне», 1865—1866).

В сохранившейся части лекции Горького о Лескове роман «Некуда» не упоминается («История русской литературы», «Архив А. М. Горького», т. I, ГИХЛ, М., 1939, стр. 275—276).

В статье «Н. С. Лесков» (1923) Горький писал: «Некуда» — нечто вроде хроники «на злобу дня». В этой книге интеллигенция шестидесятых годов была изображена довольно злостно... «Некуда» — книга, прежде всего, плохо написанная, в ней всюду чувствуется, что автор слишком мало знает людей, о которых говорит. Задача книги — обличение «нигилизма» ...» (т. 24, стр. 229—230).

Вязмитинов — «Нек[уда]», 1—35.— Характеристика Вязмитинова (т. 9, кн. I, стр. 35).

Зарницын. 37.— Характеристика Зарницына (т. 9, кн. I, стр. 37).

О женитбѣ Зарницына на богатой помещице Кожуховой сообщает доктор Розанов (т. 9, кн. I, стр. 72).

Лиза Бахарева. 71—74.— Эпизод катанья на лодке Лизы Бахаревой и доктора Розанова. Здесь впервые намечается основная проблема романа: «Ведь так жить нельзя», — говорит Лиза. «Деться некуда», — отвечает Розанов (т. 9, кн. I, стр. 73).

Учитель Саренко... — Речь идет о следующем эпизоде романа: во время приема ревизора Сафьяноса учитель Саренко попытался подсунуть ему очередной донос, но дома он, так же как и Сафьянос, нашел в своем кармане

«пачку литографированной песни, пять тоненьких брошюрочек и проект адреса о даровании прав самоуправления» (т. 9, кн. I, стр. 78).

Жена Нечая ... II, — 21.— Речь идет о реплике жены пристава Нечая по адресу доктора Розанова: «А этот ваш приятель... очень несчастлив чем-то» (т. 9, кн. 1, стр. 91).

... после «Уголино» ... — Побывав в театре на трагедии Н. А. Полевого «Уголино» (1838), Маничка Норк ночью бредила: «Съешьте меня! Меня, меня съеште, скорей!» (т. 12, стр. 13).

2

Г—3 II 2—67.

Роман «На ножах» (1870—1871) вошел в т. 23—27. В сохранившейся части лекции Горького о Лескове роман «На ножах» не упоминается.

В статье «Н. С. Лесков» (1923) Горький назвал «На ножах» «книгой злого отчаяния». Характеризуя роман, он писал: «в этом романе нигилисты изображены еще хуже, чем в «Некуда», до смешного мрачно, неумно, бесильно, — точно Лесков хотел доказать, что иногда злоба бывает еще более жалкой и нищей духом, чем глупость» (т. 24, стр. 230).

«На ножах» — 136—144—161.— Отмеченные страницы заключают главы романа «Враги г. Горданова» и «Бой тарангула с ехидной». Они содержат характеристику главного героя романа Горданова и его антипода — революционерки Анны Скоковой (Ванскок). На странице 136-й излагается Гордановская «теория новейшего нигилизма».

Форов... Горданов ... — названы действующие лица романа «На ножах». *Верховенский ... Ставрогин* — персонажи романа Достоевского «Бесы» (1871—1872).

125 — Андреев.— По-видимому, описка Горького. Есть основания предположить, что речь идет о письме Андрея Подозерова генеральше Бодрогиной (стр. 125), в котором он излагает свои взгляды на благотворительность.

«Язвительный» — 122—125.— Рассказ опубликован с подзаголовком «Из Гостомельских воспоминаний. Рассказ чиновника особых поручений» (1863, т. 22).

Отмеченные Горьким страницы и предшествующие им раскрывают причины конфликта крестьян с управляющим — англичанином Деном. На этих страницах впервые появляется прозвище «язвительный», которое крестьяне дали управляющему за то, что он уязвлял их чувства собственного достоинства.

«Продукт природы». — Рассказ опубликован в 1893 г. (т. 22).

Выражение «как сводили мужиков» применительно к крестьянам-переселенцам определяет основное содержание рассказа: из больших партий крестьян, «сведенных» из нескольких губерний, выжиwali немногие.

Конец рассказа Горький приводит в статье о Лескове (1923): «Лесков укреплял отрицательное отношение к нему, заставляя своих героев говорить о народе слова неслыханные, обидные и, пожалуй, слишком горькие: «Ах вы, сор славянский, ах вы, дрянь родная!» (т. 24, стр. 234).

3

Г—3 II 2—61.

Однодум — герой одноименного рассказа (1879, т. 3).

Ахилла — дьякон Ахилла Десницын — персонаж романа-хроники «Сорбьяне» (1872, т. 1).

«Очарованный странник» — повесть (1873, т. 5).

«... есть в моск[овской] епархии попик...» — неточная цитата из рассказа «Очарованный странник». У Лескова: «есть в Московском епархии в одном селе попик — прегорчайший пьяница, которого чуть было не расстригли, — так он ими орудует» («Очарованный странник», т. 5, стр. 5).

«Русский человек со всем справится». — Эта фраза сказана чиновником, который предлагает герою повести «Очарованный странник» Флягину быть нянькой своей грудной дочери: «Помилуйте, — отвечаю, — тут не о двух целковых, а как я в этой должности справлюсь».

— Пустяки, — говорит: ведь ты русский человек? Русский человек со всем справится» (т. 5, стр. 27).

«Наши князья слабодушные...» — цитата из повести «Очарованный странник» (т. 5, стр. 51).

«Шерамур». 166—8 — рассказ «Шерамур» (1879, т. 5). На странице 166—168 находятся отрицательные отзывы о Герцене и Гарибальди.

«Некуда» — 119. «Любава!» — Доктор Розанов в романе «Некуда» говорит: «А я тебе повторю, что все это орудует любовь, да не та любовь, что вы там сочиняете да основываете на высокых-то нравственных качествах любимого предмета, а эта наша русская, каторжная, зазубренная, зазубренная, та любва, про которую эти адские мучительные песни поются, за которую и дупшатася и режутся...» (т. 8, стр. 119—125).

«Совестливость»... — Возможно, что здесь Горький отметил тему любви в очерке «Леди Макбет Мценского уезда». Последний эпизод повести, когда создатка Фиона говорит Сергею: «Хушь бы ты не против самой ее, так против других за нее посоветился» (т. 13, стр. 129).

«Материализм» — 33. — Имеется в виду беседа доктора Розанова с Лизой Бахаревой о материализме (т. 9, стр. 33).

«Русская сметка — мошенническая философия». — «В его (доктора Розанова. — *Ред.*) натуре сохранилось много простоты, искренности, задушевности, бесхитростности и в то же время живой русской сметки, которую он сам назвал мошеннической философией» (т. 9, стр. 72).

Его ненависть к «чужому человеку»... — В романе «Некуда» доктор Розанов говорит, что не может представить себе настоящего русского революционного деятеля:

«Кто ж будет нашим спасителем? Чужой человек, стало быть?» (т. 9, стр. 101). В то же время революционер-чужестранец Рейнер высоко поднят Лесковым. «Но особенно важно для Лескова, — писал позднее Горький в статье «Н. С. Лесков», — то, что в этой книге, среди толпы людей жалких и несчастных, Лесков нашел героя по душе себе, — это Рейнер, идеалист, чудаковатый и несколько похожий на Рахметова...» (т. 24, стр. 230).

III глава второй части романа, в которой рассказывается история Рейнера, озаглавлена «Чужой человек».

4

Г — 3 II 2—63.

«— Библии читатался...» — из разговора протопопа с городничим о герое рассказа «Одному» (т. 3, стр. 87).

... о Филарете... — сатирическая характеристика известного реакционера, митрополита Филарета Дроздова (1782—1867) в рассказе «Человек на часах» (т. 4, стр. 159—160), в «Очарованном страннике» (т. 5, стр. 7).

«Бог должен их простить». — Из речи Флягина: «Так вот он этакий человек, всегда таким людям, что жизни борения не переносят, может быть полезен, ибо он уже от дерзости своего призвания не отступит и все будет за них создателю докучать и тот должен будет их простить...» (т. 5, стр. 7—8).

«Очар[ованный] стр[анник]» — «Ив[ан] Северьяныч, господин Флягин». — Начало второй главы повести: «Бывший конасер Иван Северьяныч, господин Флягин, начал свою повесть так» (т. 5, стр. 2).

«Чем тебе худо?...» — Мальчишке — фореитору Флягину, нечаянно убившему проезжего монаха, является убитый с жалобой: «Ты, говорит, — меня без покаяния жизни решил...»

— Ну, мало чего нет, — отвечаю. — Что же мне теперь с тобой делать? Ведь я то не нарочно. Да и чем, — говорю, — тебе теперь худо? Умер ты, и все кончено.

Монах предсказывает Флягину его плачевную судьбу:

«Думаю: ладно, надо тебе что-нибудь каркать, когда я тебя убил» (т. 5, стр. 17—19).

«Очар[ованный] стр[анник]» — стр. 36 — рассказ о татарском хане Джангаре: «Разве, — говорю, — эта степь не под нами? — Нет, она, — отвечает, — под нами, но только нам ее никак достать нельзя, потому что там до самого Каспия либо солончаки, либо одна трава да птицы по поднебесью вьются, и чиновнику там совсем взять нечего, вот по этой причине, говорит, Хан Джангар там и царюет» (т. 5, стр. 36).

«Простодушно-подлый тип русского человека» — выражение из романа «Некуда». У Лескова: «Мы встретимся с этим простодушно-подлым типом нашей цивилизации» (т. 9, стр. 7).

Дурочка. — Возможно, речь идет о персонаже романа «Некуда», послушнице Феоктисте.

«Выбор недовольных...» — о круге чтения Лизы Бахарева («Некуда», т. 9, стр. 10).

«Русский человек...» — Из речи учителя Вязмитинова: «Русский человек зачастую сапоги покупает осмотрительнее, чем женится» («Некуда», т. 9, стр. 81).

5

Г—З II 2—64. В заметке говорится о 13—15-м томах сочинений Лескова. В 13-й том вошли: «Воительница» (1866), «Леди Макбет Мценского уезда» (1865). В 14-й — «Овцебык» (1863), «Чертогон» (1879); «Кольванский муж» (1888); в 15-й том — «Смех и горе» (1871).

Упомянутый ниже рассказ «Пустоплясы» (1893), ошибочно названный Горьким «Пустосмех», вошел в 33-й том (стр. 106).

«Воительница» 51. — На стр. 51 Лесков, характеризуя героиню рассказа «Воительница» Домну Платоновну, писал: «... какими путями шла она и дошла до своего нынешнего положения и до своих оригинальных убеждений насчет собственной абсолютной правоты и всеобщего стремления ко всякому обману... что же ты такое, Домна Платоновна? Кто тебя всему этому вразумил и на этот путь поставил?» (т. 13, стр. 51—52).

«Петербургские обстоятельства» — любимая поговорка Домны Платоновны, героини рассказа «Воительница», звучащая как лейтмотив.

...121—27—132. — Видимо, страницы повести «Леди Макбет Мценского уезда», следующей в томе за «Воительницей». На отмеченных страницах находится заключительный эпизод повести (Катерина Измайлова на этапе, трагическая развязка).

«Овцебык» — 19—22—25—8—36—44—9. — По-видимому, отмеченные страницы иллюстрируют тему — Лесков и народническая интеллигенция.

«Терпеть я не могу этих семинаристов» — слова купца Свиридова о Василии Богословском, герое рассказа «Овцебык» (т. 13, стр. 66).

Куп[ец] раньше Эртеля. 62 год. — По-видимому, речь идет о том, что в рассказе «Овцебык», написанном в 1862—1863 гг., Лесков создал образ купца-предпринимателя Свиридова задолго до романа А. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889).

«Кольванский муж» — 90. — На стр. 90 повести «Кольванский муж» один из персонажей дает отрицательный отзыв об Н. А. Некрасове, противопоставляя ему славянофилов Самарина, Хомякова, братьев Аксаковых.

«Пустосмех» — 106. — Описка Горького. На 106-й стр. (т. 33) рассказ «Пустоплясы».

«Смех и горе». — Ватажков по прозвищу Филимон — герой повести «Смех и горе».

64 — забавы. Что делалось «шутя»! — В рассказе «Смех и горе» Филимон Ватажков говорит: «Таким образом, шутя выгнанный из Москвы, я приезжал в свой город как будто только для того, чтобы там быть свидетелем, как шутя убили при мне страстно любимую мною мать...» (т. 15, стр. 64—65).

Жандармы. «Неспособность к службе»... — Друг Ватажкова, жандарм Постельников, ссылается на свою «неспособность» к службе в Третьем отделе: «... я совсем не способен к этой службе и оттого, черт меня знает, как медленно я продвигаюсь» (т. 15, стр. 61).

На стр. 74 — эпизод, в котором герои повести также предлагают служить в корпусе жандармов, и он отказывается за полной «неспособностью».

90. *Локотков — Гирс «Ст[арая] и н[овая] Рос[сия]».* — Помещик Локотков — один из персонажей повести «Смех и горе», в образе которого отразились черты из жизни народника П. И. Якушкина.

Далее речь, по-видимому, идет о писателе Дмитрие Константиновиче Гирсе (псевдоним Д. Константинович, 1836—1886), авторе романа «Старая и юная Россия» («Отечественные записки», 1868, т. 177, № 3 и 4; отд. изд. СПб., 1872), где также выведен персонаж, сходный с Локотковым.

Духовенство! 93. — На стр. 93 повести «Смех и горе» дана характеристика жизни сельского духовенства, которое занимается кляузными и доносами друг на друга.

Сокращенный дяком — выражение из рассказа попа Ильи, который жалуется, что после реформы 1861 г. сельское духовенство живет в постоянном страхе «сокращения».

Становой — нигилист — 106. — Становой Васильев — один из персонажей повести «Смех и горе».

61-я глава! — Эта глава повести «Смех и горе» содержит рассказ лекаря о крестьянах, предпочитающих умирать без медицинской помощи.

124... Зачем в России медики? — «А для нескольких потребностей: для собственного пропитания, для административного декорума, для уничтожения стыда у женщин, для истощения карманов у богачей, для вскрытия умирающих от холода, голода и глупостей» (стр. 124).

6

Г—3 II 2—69.

Незаконченный характер заметки (на большом листе бумаги написан заголовок и один пример) заставляет предположить, что записи наблюдений над языком Лескова велись Горьким на других листах и до нас не дошли.

Взятые в качестве примера страницы «Островитяни» представляют авторское вступление к повести.

7

Заметка написана на одном листе с заметкой Г—3 II 2—62 (см. стр. 258).

«Юдоль» — рассказ. Впервые напечатан в 1892 г. с подзаголовком «Рапсодия» (т. 23).

«Некуда» — 131, купец Масленников... — В главе 21-й дается описание провинциального городка, в котором все более усиливается власть купечества в лице Никона Родионовича Масленникова.

132 и особенно 135. — Здесь развивается мысль о расслоении провинциального общества, выделении из его среды представителей оппозиционной интеллигенции — «новых людей».

... II-я кн., стр. 11. — Горький отмечает эпизод из главы «Люди древнего письма» («Некуда», кн. II), в которой рисуются быт и нравы богатого московского купечества.

8

Г—3 VII 10—18. Конверт № 20. Датируется по книге В. Микулич (псевдоним Лидия Ивановны Веселитской, 1857—1936) «Встречи с писателями» («Изд-во писателей в Ленинграде». Л., 1929).

«При занятиях литературою...» — Из письма Лескова к Микулич от 7 августа 1893 г. (М и к у л и ч. Встречи с писателями, стр. 191).

Прг 1—25—2.

Датируется предположительно по переписке Горького с А. Н. Лесковым (сын писателя), обратившимся к Горькому с просьбой написать предисловие к сочинениям Лескова, подготовляемым издательством «Academia» в 1930—1931 гг. (издание не было осуществлено). По-видимому, заметка представляет черновую запись, сделанную для неосуществленного предисловия.

10

Г—3 II 2—49/1А, конверт № 20.

Датируется по сопоставлению со статьями и выступлениями Горького, посвященными книжной серии «История молодого человека XIX в.».

[О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ]

Заметки № 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11 — хранились в конверте с собственноручной надписью Горького: «Достоевский», остальные — в других конвертах его личного архива.

1

Г—3 II 22—27. Конверт № 18. Датируется по орфографии.

«Я — консерватор?... О, нет!... ∞... И могла бы все разрешить». — Из стихотворения Г. Ибсена «К моему другу, революционному оратору» (1869).

«Помню только одну революцию...» — Речь идет о всемирном потопе.

2

Г—3 II 3—18. Конверт № 20. Бумага с водяным знаком: четырехдольный круг с монограммой: ELS.

Датируется по бумаге и времени выхода второго издания дневника А. Г. Достоевской.

«Дневник Анны Достоевской». — Имеется в виду издание Центраархива: «Дневник Анны Григорьевны Достоевской», 1923. Экземпляр этой книги, сохранившийся в личной библиотеке Горького, имеет много его помет и подчеркиваний.

С А. Г. Достоевской Горький встречался во время своего пребывания в Сестрорецке в феврале — апреле 1904 г.

3

Г—3 II 2—58. Конверт № 8. Бумага с водяным знаком: «Old Astico Mill».

Датируется по орфографии и сорту бумаги.

«Болезнь эстетики...» — т. 5, стр. 543¹.

«Разве ты, идучи на страдание...» — слова Дуни Раскольниковой, т. 5, стр. 542.

«Беда быть широким без особенной гениальности...» — т. 5, стр. 514. (В шестом томе шестого издания Собр. соч. Ф. М. Достоевского эта фраза отмечена Горьким (ЛБГ).

«Открыться Разумихину?...» — т. 5, стр. 484.

«Всякий человек имеет право...» — т. 8, стр. 34.

¹ Цитаты здесь и далее приводятся по Собранию сочинений Ф. М. Достоевского в десяти томах. М., 1956—1958.

«Личная свобода, т. е. моя собственная...» — т. 8, стр. 62. [«Подросток»].
«Многие из очень гордых людей любят верить в бога...» — т. 8, стр. 67.
Здесь, как и в ряде других случаев, Горький приводит текст Достоевского с незначительными изменениями.

4

Г—З II 2—60. Конверт № 8. Бумага с водяным знаком «Old Astico Mill». Вверху справа листа помета Горького красным карандашом: 1.

Датируется по орфографии и сорту бумаги.

Раскольникову «грезилось, будто весь мир осужден...» — т. 5, стр. 570.
«Он понимал эгоизм страданий». — «У[ниженные] и о[скорбленные]...» 374; *О своей работе* — «У[ниженные] и о[скорбленные]», 442.

— Цитируется по отдельному изданию романа «Униженные и оскорбленные». СПб., 1875.

Маслобоев — Филипп Филиппович — персонаж из романа «Униженные и оскорбленные».

Порфирий — следователь из романа «Преступление и наказание».

Г. Голядкин — персонаж повести «Двойник».

5

Г—З—II 2—55. Конверт № 8. Датируется по связи с предшествующими заметками.

6

Г—З II 3—88. Конверт № 8. Датируется по письму к Д. А. Лутохину от 1 мая 1926 г., в котором Горький писал: «...у Ф. М. были «навязчивые идеи», одна из них — «девочка». Вспомните исповедь Ставрогина и сон Свидригайлова, и еще кое-что — очень многое. Затем «пауки». Я знаю откуда это, знаю со слов Анны Григорьевны Достоевской], с которой жил в Сестрорецке в 903 г., и доктора А. Н. Алексина, лечившего ее в Ялте, кажется...» (АГ). Год указан Горьким не точно: в Сестрорецке он жил в феврале — апреле 1904 г.

7

Г—З—II 2—57. Конверт № 8. Бумага с водяным знаком: «Old Astico Mill».

Датируется по письму к Д. А. Лутохину.

«Умалывала» — т. 5, стр. 513.

«Он с самого начала встретил меня...» — т. 8, стр. 24.

«Вошли две дамы, обе девицы...» — т. 8, стр. 43.

«Малые и алые губы» — т. 8, стр. 44.

«Это была болезненная девушка...» — т. 8, стр. 73.

«Избежал» — т. 8, стр. 5.

«Уже прошло все прошедшее» — т. 5, стр. 86.

«Я вдруг очутываюсь» — т. 8, стр. 90.

«Позеривал» — т. 8, стр. 101.

«Не отвечая на мои крики и терзенья». — т. 8, стр. 115.

Почти дословно эти примеры погрешностей языка Достоевского даны в письме Горького Д. А. Лутохину 1 мая 1926 г. (АГ).

В «Беседе с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» (1931) Горький писал: «У него все люди великолено говорят, но сам Достоевский иногда пишет так: «Вошли две дамы, обе девицы»¹.

¹ Ошибка Горького: в данном примере не авторская речь, а речь персонажа, Аркадия Долгорукова.

Таких обмолвок у него много, но говорят люди его романов отлично, напряженно и всегда от себя. Нельзя смешать речь Дмитрия Карамазова с речами Ивана и Алексея Карамазовых.

Когда в его книге появляется излюбленный автором пьяница, вы чувствуете, что этот человек может говорить только таким языком, какой дан ему Достоевским» (т. 26, стр. 67).

8

Г—З II 2—43. Конверт № 20. На обороте заметка (см. «О науке», зам. № 12).

Датируется по связи с замечаниями Горького к плану художественной литературы издательства «Academia» на 1930 г., где высказаны те же мысли: «...не следует ли «Академии» издать несколько, наиболее крупных романов «контрреволюционного» характера? Думаю, что без этого план «Академии» будет выполнен недостаточно «исторично». Романы эти: Ключников «Марево», Всев. Крестовский «Панургово стадо», Писемский «Взбаламученное море», Лесков «Некуда» или «На ножах», Достоевский «Бесы», Савинков-Роштин «То, чего не было» и его «Конь» (см. «Архив А. М. Горького», т. XI, кн. 1, стр. 83—84).

В заметке «Об издании романа «Бесы», опубликованной в газете «Правда» 24 января 1935 г., Горький, возражая Д. Заславскому, решительно высказывается за выпуск изд-вом «Academia» романа «Бесы», утверждая, что «Бесы» и «Братья Карамазовы» — самые удачные романы Достоевского. В 1935 г. издательство «Academia» выпустило первый том романа «Бесы»; издание осталось незаконченным.

9

Г—З II 2—56. Конверт № 13. Датируется по орфографии. Примыкает к наброскам повести «В потусторонних местностях» (см. «Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 106—107).

10

ЛСГ 8—18—1. Конверт № 8. Бумага с водяным знаком: «Extra Strong».

Датируется по времени опубликования статьи Н. Степанова «Творчество Достоевского» в журнале «Литературная учеба» № 9 и 10 за 1931 г.

Сходную характеристику пути Достоевского дает Горький тогда же в «Беседе с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» (1931):

«Достоевский вначале шел за Гоголем, а потом попал в кружок к петрашевцам, где читали книги социалистов-утопистов. Затем попал под арест, на площадь, и дальше — каторга. Он очень обиделся на все это.

Петрашевский кружок — это был «живой дом» его жизни. Если бы не случилась история с каторгой, он, вероятно, был бы не таким, каким стал после того, как пожил в «мертвом доме» — на каторге. У него явилось чувство мстительное по отношению ко всем социалистам-радикалам, и это чувство им было выражено по возвращении его с каторги в основном произведении «Записки из подполья», где даны в зародыше идеи всех последующих его произведений, романов.

Будучи человеком очень впечатлительным, живя среди уголовных преступников, он почувствовал особый интерес к психологии преступника, и большинство его романов построено именно на этой психологии» (т. 26, стр. 67—68). См. также оценку Достоевского в предисловии к французскому изданию романа Л. М. Леонова «Бруски», 1931 («Литературное наследство», т. 70, стр. 264).

Один из немецких исследователей — Иоганн Нейфельд, автор книги «Достоевский. Психоаналитический очерк». Изд-во «Петроград», 1925.

...критика не заметила одного из главных героев — лицо, которое ведет рассказ. — Анализу роли рассказчика в романе «Бесы» посвящена статья С. С. Борщевского «Новое лицо в «Бесах» Достоевского». (См. «Слово о культуре

туре». Сборник критических и философских статей. Изд. М. Горден-Константиновой. М., 1918).

По свидетельству одного из редакторов «Литературного наследства», Л. М. Розенблом, знающей об этом со слов С. С. Борщевского, Горькому была известна статья «Новое лицо в «Бесах» Достоевского» и положительно оценена.

Суслова — «Катька Медичи» по В. В. Розанову — Апполинария Прокофьевна Суслова (1839—1917), бывшая в близких отношениях с Достоевским в начале 60-х годов (см. кн.: А. П. Сусл о в а. Годы близости с Достоевским, М., 1928), прототип Полины из романа «Игроки», впоследствии стала женой В. В. Розанова. В позднейшем письме А. С. Волжскому Розанов писал: «На Катюшку Медичи она в самом деле была похожа. Равнодушно бы она совершила преступление, убила бы слишком равнодушно; «стреляла бы в гугенотов из окна» в Варфоломеевскую ночь — прямо с азартом» (опубл. в книге Л. П. Гроссмана «Путь Достоевского». М., 1924, стр. 152).

...письмо Страхова о насилии самого Д. — Письмо П. П. Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г. появилось в октябрьской книжке «Современного мира» за 1913 г., оно вызвало глубокое возмущение жены Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской (см. «Воспоминания А. Г. Достоевской». М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 285—292. «Ответ Страхову»).

[О Л. Н. ТОЛСТОМ]

Публикуемые заметки были собраны Горьким в отдельном конверте с надписью «О Л. Н. Толстом». В этом же конверте хранилась статья Горького о Детском народном доме им. Л. Н. Толстого и заметка о В. Г. Черткове, опубликованная в VI томе «Архива А. М. Горького» (стр. 111—112).

Содержащиеся в конверте заметки за исключением статьи, написанной в 1910 г., относятся к 20-м годам.

1

Г—3 II 3—23. Конверт № 20. Автограф на листке с водяным знаком. «Commercial Rare».

Датируется предположительно по году издания книги М. А. Алданова «Загадка Толстого». Берлин, изд-во И. П. Ладьяжникова, 1923.

М. А. Алданов — псевдоним писателя-белоэмигранта М. Ландау (1886—1957), автора исторических романов.

Деятельность М. Алданова неоднократно подвергалась Горьким резкой критике. «С изумлением, почти с ужасом слезу,— писал Горький К. А. Федину 3 июня 1925 г.,— как отвратительно разлагаются люди, еще вчера «культурные». Б. Зайцев — бездарно пишет «жития святых»... Алданов тоже списывает Толстого» (т. 29, стр. 431). См. также письма к М. Ф. Андреевой от 4 февраля 1924 г. (т. 29, стр. 420) и К. Федину от 10 февраля 1926 г. (Литературное наследство, т. 70, стр. 504).

2

Г—3 II 3—65. Конверт 9. Датируется по письму к Р. Роллану от 23 сентября 1923 г., где Горький приводит эту цитату из письма Толстого к В. В. Арсеневой от 9 ноября 1856 г. См. Л. Н. Толст о й. Полн. собр. соч., т. 60. М., 1949, стр. 106 (АГ). В дальнейшем Горький неоднократно цитирует это высказывание Толстого: в статье «О С. А. Толстой» (1924, т. 14, стр. 307), в письмах к С. Цвейгу от 16 мая 1928 г. (т. 30, стр. 97) и 20 января 1929 г. («Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 33), в статье «О мешанстве» (т. 25, стр. 22).

Г—З II 3—64. Конверт № 9. Бумага с водяным знаком «Germes».

Датируется по воспоминаниям о Блоке, опубликованным в журнале «Беседа», 1923, № 2, июль — август, где впервые была использована эта заметка. Высказывания Толстого из данной заметки встречаются также в письме к А. К. Виноградову от 8 мая 1928 г. (т. 30, стр. 93) и текстах, указанных в примечании к предыдущей заметке.

...в *Дневнике юности*... — «Дневник молодости Льва Николаевича Толстого», т. I (1847—1852). М., 1917. У Л. Н. Толстого: «сознание есть величайшее моральное зло, которое может постичь человека» (запись от 4 июля 1851 г., стр. 74). Следующая цитата: «Мыслей так много может вмещаться в одно время, особенно в пустой голове» (там же, стр. 76).

4

Г—З II 3—66. Конверт № 9. Листок из блокнота. Последняя фраза не окончена.

Датируется по орфографии.

О рационализме Толстого см. высказывания в письмах к С. Н. Сергееву-Ценскому от 15 июля 1927 г. (т. 30, стр. 30) и А. К. Виноградову от 8 мая 1928 г. (т. 30, стр. 93).

5

Г—З II 3—63. Конверт № 9. Бумага большого формата с водяным знаком «M. Lattes Napoli».

Датируется по письмам к А. К. Виноградову от 8 мая 1928 г. и С. Цвейгу от 20 января 1929 г., в которых развита тема заметки и повторены отдельные высказывания. В письме к С. Цвейгу Горький писал: «Для большинства «мыслящих» русских людей разум — карлик, хвостунишко, негодяй. Он щеголеват и ловко одет, всюду принят, в нем есть что-то убедительное и он — «повелевает». В нем есть нечто «дьявольское». Хорошему русскому человеку всегда хочется остричь и обрить дьявола. Лично я не согласен с этим, для меня дьявол именно хорош в густой шерсти и во всеоружии его озорства» («Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 33). Письмо к А. К. Виноградову заканчивается словами: «О Толстом всегда хочется говорить много, и все-таки всего Толстого не выговоришь» (т. 30, стр. 93).

Татьяна Толстая развезжает... — Толстая-Сухотина Татьяна Львовна (1864—1950) — дочь Л. Н. Толстого. В 1925 г. уехала в Австрию, затем во Францию, где выступила с воспоминаниями об отце (см. публикацию «Дочь Толстого об его уходе и смерти»: — «Литературное наследство», т. 69, кн. 2, стр. 237—286).

[НАБРОСКИ К ПОРТРЕТАМ]

1

Г—З II 2—73. Написано на визитной карточке Тома Андреаса (Tom Andreas). Датируется по орфографии и времени отъезда Горького за границу. Том Андреас — литератор.

Франц Верфель (1890—1945), Эрнст Толлер (1893—1939), Леонгард Франк (1882—1961) — писатели, в конце 10-х — начале 20-х годов тесно связанные с левыми кругами австро-немецкого экспрессионизма.

Г—3 XXVI 15—9. Датируется по орфографии.

А. Ерманский — псевдоним Осипа Аркадьевича Когана (1866—1941), писал также под псевдонимом А. О. Грушка и Genosse, — публицист, меньшевик, автор книг и статей, встретивших отрицательную оценку В. И. Ленина. После Октябрьской революции работал в Обществе «Научная организация труда» («НОТ»).

Суханов — см. зам. № 6 и прим. к ней.

Г—3 II 2—75. Написано на листке из блокнота с водяным знаком «Comptical Paper». Датируется по орфографии.

Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — писатель. А. М. Горький познакомился с Е. Н. Чириковым в конце 1888 или начале 1889 г. в Царицыне, затем они встретились в Самаре в 1895 г. В 1895 г. были корреспондентами на Всероссийской торгово-промышленной выставке в Нижнем-Новгороде, в 1899—1901 гг. — сотрудничали в журнале «Жизнь». Горький привлек Чирикова к работе в издательстве «Знание» и участию в ряде своих литературно-общественных начинаний. В 1907 г. Горький резко осуждает Чирикова за измену традициям «Знания», а в 1908 г. порывает с ним. См. письма Горького Чирикову в «Архиве А. М. Горького», т. VII.

После Октябрьской революции, в 1919 г., Чириков эмигрировал за границу, в этот период он относился к Горькому враждебно и распространял о нем клеветнические слухи. Об этом свидетельствуют и появившиеся в начале 30-х годов в белоэмигрантской печати статьи Чирикова о Горьком: «То, чего еще не было» — газ. «Сегодня», № 1, 1 января 1931 г., «Голый Горький» — там же, № 267, 27 сентября 1931 г. и др.

ЛСГ 2—30—1. Датируется по орфографии.

Федор Иванович Владимирский (1843—1937) — арзамасский священник, лишенный церковными властями сана за выступление в Думе против черносотенных погромов и за попытку организовать в Арзамасе отпор черносотенцам. Горький познакомился с Владимирским в июне 1902 г. Он помогал Ф. Владимирскому в постройке в Арзамасе водопровода. Свои «Записки об устройстве водосбора из источников «Мокрого оврага» в гор. Арзамасе» (Арзамас, 1915) Ф. Владимирский послал Горькому с дарственной надписью:

«Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Пешкову от благодарного автора. 30 сент. 1915 г.» (ЛБГ).

Горький всячески приветствовал также общественную и просветительскую деятельность Ф. И. Владимирского.

О Ф. Владимирском Горький писал в очерке «Леонид Андреев» и книге «Заметки из дневника. Воспоминания».

ЛСГ 2—19—1. Заметка на листе большого формата. На этом же листе заметка о Н. Суханове.

Датируется по времени выхода Собрания сочинений Б. Зайцева и четырех томов «Записок о революции» Н. Н. Суханова (см. зам. № 6).

Борис Константинович Зайцев (р. 1881) эмигрировал в 1922 г.

В личной библиотеке Горького хранятся I, II, III, V и VII тома Собрания сочинений Бориса Зайцева (изд-во З. И. Гржебина, Берлин — Петербург — Москва, 1922).

Рассказы «Гость» и «Спокойствие», о которых пишет Горький, напечатаны во II томе Собрания сочинений Зайцева — «Тихие зори». «Усадьба Ланиных» — в III томе.

ЛСГ 2—19—1.

Николай Николаевич Суханов (Гиммер) (род. 1882)—экономист, публицист, меньшевик. С 1914 г.— редактор журнала «Современник». С 1915 г. член редколлегии журнала «Летопись». После Февральской революции член редколлегии газеты «Новая жизнь». В 1920 г. вышел из партии меньшевиков, но вскоре занял антисоветскую позицию.

напечатал четыре толстых книги...— Горький имеет в виду «Записки о революции» Н. Н. Суханова, четыре тома которых были изданы в 1922 г., а три — в 1923 г. Записки вызвали резко отрицательную оценку В. И. Ленина в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)». (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 378—382).

7

Г—3—II 2—80. На обороте листка — заметка об А. А. Яблоновском (см. зам. № 9).

Датируется по заметке о А. А. Яблоновском.

Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928) — литературный критик, автор неоднократно переиздававшихся сборников статей «Силуэты русских писателей» в 3-х книгах (1-е изд.— 1906—1910). В 1922 г. был выслан за границу, сотрудничал в белоэмигрантской газете «Руль» и др.

Горькому принадлежат и другие оценки Ю. И. Айхенвальда. 21 декабря 1928 г. он писал И. В. Вольфсону: «Вчера получил сведение о смерти Ю. И. Айхенвальда, убит автомобилем. Хотя я и был антипатичен ему, а — жаль, талантливый, знающий человек был» («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 50). Задумав организовать курс лекций для молодых критиков, Горький писал А. С. Щербакову 13 ноября 1934 г.: «Критики не умеют писать, плохо знакомы с техникой строения критической статьи, не знают истории критики и приемов ее. Нельзя ли организовать для них лекции о Сент Беве, Тене, Брандесе, Лессинге и даже об эстетике Айхенвальде?» («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 360).

Андрей Яковлевич Левинсон (1887—1933) — театральный критик, автор ряда работ о балете. После Октябрьской революции эмигрировал; посмертно издана его книга «Лики танца» (1933).

Сергей Сергеевич Ольдсбург (ум. в Париже в 1940 г.) — публицист, эсер, белоэмигрант, печатался в издававшейся в Праге газете «Воля России», затем, после переезда в Париж, в «Последних новостях» и др.

8

ЛСГ 2—5—1. Бумага с водяным знаком «Original». Правка лиловыми чернилами и синим карандашом.

Датируется по письму Горького В. Ф. Ходасевичу от 1 июля 1924 г.: «Прочитав его рассказ («Рассказ о самом главном») Замятина, напечатанный в «Русском современнике», № 1 за 1924 г.— *Ред.*), я записал себе на память: «Избыток ума мешаает Э. правильно оценивать размеры своего таланта. Ум Э.— не яркий и обманывает его. Мысли у него слепые» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1952, кн. 3, стр. 194).

Евгений Иванович Замятин (1884—1937) — писатель, окончил кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института. В 1913 г. опубликована повесть Замятина «Уездное», в гротескно-сатирических тонах рисующая быт русского провинциального мещанства. В 1932 г. уехал за границу.

9

Г—3 II 2—80. Датируется по времени пребывания Горького в Германии.

Александр Александрович Яблоновский (1870—1934) — писатель и фельетонист либерального направления, после 1917 г.— белоэмигрант. См. в наст. разделе зам. № 33.

Г—3 XXVI 15—7. Написано на визитной карточке профессора, доктора медицины Пауля Линдига (Professor Dr. Med. Paul Lindig. Freiburg, e. B. R.).

Датируется по времени пребывания Горького во Фрейбурге.

Эуген Штейнах (1861—1944) — известный физиолог, работавший тогда над проблемой омоложения. Писал для журнала «Беседа».

Людвиг Ашов (1866—1942) — паталог-анатом, работавший, главным образом, над проблемой изучения болезней сердца.

Гарвей Р. Гейлорд (Хейлорд). — см. в настоящем томе в разделе «Фрейбургские заметки», № 6.

11

Г—3 II 3—51. Конверт № 20. Заметка на листе с водяным знаком «С. А. Moes Pilica». На обороте — заметка о Клэр Шеридан (см. «Мелкие наброски», зам. 34). Датируется по содержанию.

Исай Александрович Добровейн (1894—1953) — пианист, композитор, дирижер. В Германии Горький встречался с Добровейном в 1922 г. и в июле — августе 1923 г. (см. реперису Горького с Добровейном — «Москва», 1968, № 3).

12

Две заметки (см. ниже, зам. № 13), относящиеся ко времени встречи Горького с исландским поэтом, критиком и публицистом Кристьяном Альбертсоном, которая состоялась в августе 1923 г.

Датируется по письму К. Альбертсона Горькому от 26 января 1928 г., в котором Альбертсон вспоминает эту встречу в августе 1923 г., в Гюнтерстале, близ Фрейбурга (AG).

Г—3 II 2—72. Написана на визитной карточке Кристьяна Альбертсона (Kristyan Albertson).

соединяют его с Г. и С. — по-видимому, речь идет о Гамсуне и Стриндберге.

13

Г—3 II 3—43. Конверт № 20. Написана тем же почерком, что и заметка № 12, и такими же чернилами на листке из блокнота в клетку с водяными знаками: шестиконечная звезда с надписью вокруг: С. А. Moes pilica. Возможно, она является продолжением записи на визитной карточке К. Альбертсона. (На обороте листка заметка о Германии. См. «Фрейбургские заметки», зам. № 2).

получил Нобелеву премию... — В 1920 г. Гамсун получил Нобелевскую премию за роман «Соки земли», написанный в 1917 г.

14

ЛСГ 2—25—1. Конверт № 20. Заглавие: «В. М. Чернов» написано черными чернилами. Остальной текст написан наспех и неразборчиво химическим карандашом. На обороте листа Горький отметил синим карандашом КИШ (очевидно писатель-журналист Эгон Эрвин Киш) и ЗЕЗЕ (очевидно, Е. З. Крючкова).

С Э. Кишем Горький виделся в Германии в конце января — начале февраля 1923 г. В связи с этим заметку можно предположительно датировать 1923 г.

Виктор Михайлович Чернов (1876—1952) — лидер партии эсеров. После Октябрьской революции эмигрировал за границу.

В статье «О белоэмигрантской литературе» (1928) Горький писал о Чернове: «...Виктор Чернов, человек, сделанный из одних цитат, причем не очень искусно. Он тоже обижен, ему тоже не дали посидеть на хорошем месте. В жизни его были два чрезвычайно удобных момента, которые открывали пред ним возможность уйти от политики и заняться каким-нибудь другим делом, более посильным для него, — например, открыть небольшую тор-

говлю дешевыми шляпами. Первый момент — разоблачение его друга и провокатора Азефа, второй — изгнание из Учредительного собрания. Но он почему-то пропустил оба и все еще кем-то политически руководит, все еще «вождь» (т. 24, стр. 339).

15

Г—З ХХVI 15—6. Написано на визитной карточке Яна Стыки (Jan Styka, Garches. Téléph. № 105 Villa TadeGarches St-Bloud.

Датируется по письму А. М. Горького В. Ф. Ходасевичу от 10 августа 1924 г., в котором он сообщает о пребывании в Сорренто Яна Стыки (см. «Новый журнал», Нью Йорк, 1952, стр. 197).

Ян Стыка (1858—1925) — польский художник.

Тадеуш Стыка (1889—1954) — известный польский художник, сын и ученик Яна Стыки.

Ксенофонт (ок. 430—355 до н. э.) — древнегреческий историк, автор «Греческой истории», «Анабасиса» и др. трудов.

Элефтерий Венизелос (1864—1936) — лидер либеральной партии в Греции. Премьер-министр Греции в 1910—1915, 1917—1920, 1924, 1928—1932 и 1933 гг.

Томаш Гарриг Масарик (1850—1937) — чешский политический деятель, президент чехословацкой республики в 1918—1935 гг.

16

Г—З II 3—25. Конверт № 20. Последняя фраза оборвана на полуслове.

Датируется по письму Горького к В. М. Ходасевичу от 5 сентября 1924 г., в котором Горький писал: «Как Вам нравится Борис Савенков (sic)? Я всегда считал его типично русским мерзавцем карамазовского типа и, конечно, не Митей, а — Смердяковым. Палач (sic!), склонный к лирике» («Новый журнал», 1952, кн. 31, стр. 199).

Борис Викторович Савинков, псевдоним — В. Ропшин (1879—1925) — видный эсер, автор романов «Конь бледный», «То, чего не было», «Конь вороной».

С 1903 г. по октябрь 1907 г. (до своего отъезда за границу) Савинков играл руководящую роль в террористических актах эсеров. По возвращении в Россию в марте 1917 г. был назначен Керенским на пост комиссара Юго-Западного фронта, а впоследствии на пост товарища военного министра. В августе 1917 г. Савинков содействовал походу Корнилова на Петроград. В июле 1918 г. был организатором белогвардейского мятежа в Ярославле. Борис Савинков был арестован в августе 1924 г. в Минске, куда он прибыл из Польши, переправившись через советско-польскую границу.

Материалы суда над Савинковым (суд проходил 27—28 августа) опубликованы в книге «Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда. С примечаниями под общей редакцией И. Шубина (Самарина)». М., Литиздат, НКВД, 1924. (Книга с большим количеством помет хранится в личной библиотеке Горького. В книгу вложена газетная вырезка статьи А. Ремезова с пометой Горького «Савинков» из белоэмигрантской газеты «Последние новости» от 13 марта 1925 г.).

В книге напечатано письмо Б. Савинкова «Почему я признал Советскую власть». Дата под письмом — сентябрь 1924 г.

Борис Савинков был приговорен к высшей мере наказания; приговор заменили лишением свободы сроком на десять лет. В 1925 г. Савинков покинул жизнь самоубийством.

Петр Моисеевич Рутенберг (1878—1942) — инженер Путиловского завода, эсер, один из организаторов убийства Гапона, после 1917 г. — эмигрант.

«*Конь бледный*» — роман, впервые опубликован в журнале «Русская мысль», 1907, № 1.

«То, чего не было» — публикация этого контрреволюционного романа в первой книжке журнала «Заветы» (где печатался рассказ Горького «Рождение человека») послужила поводом к разрыву Горького с этим журналом, направление которого все более определялось как эсеровское (см. письмо Горького к В. С. Миролюбову от 26 мая (8 июня) 1912 г., т. 29, стр. 241—242).

17

Г—З II 2—51. Лист из блокнота с водяным знаком «Commercial Paper». На обороте запись о книге Г. Уэллса «Душа епископа». (См. «О литературе», зам. № 1).

Датируется по содержанию.

А. Эстрин и А. Смотрицкая — Об Эстрине и Смотрицкой Горький писал К. А. Федину 28 июля 1924 г. («Литературное наследство», т. 70, стр. 477—478): «Вот — люди наших дней. Удивительный народ... Все поглощающий народ. Толк — будет. Так или иначе, а — будет толк!»

Дал им письма в Акад[емии] наук С. Ф. Ольденбургу. — Одно письмо Горького к неперемемному секретарю Академии наук СССР С. Ф. Ольденбургу от 3 мая 1923 г. хранится в АГ.

Из отчета Академии ... — См. «Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 г.» Л., 1924, стр. 118.

18

Г—З II 2—78. Написано на листе большого формата с водяным знаком «American paper». Датируется по содержанию.

Заметка частично опубликована в примечании к письму Горького Феррари от 2 октября 1922 г. См. «Литературное наследство», т. 70, стр. 567.

Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт и литературный критик. В 1922 г. выехал за границу. В 1923—1925 гг. сотрудничал с Горьким в журнале «Беседа».

В 1925 г. Ходасевич переехал в Париж, где примкнул к белоэмигрантским кругам, печатался в «Возрождении», «Современных записках» и других изданиях. К этому времени наметился ряд серьезных расхождений с Горьким.

В письме от 20 июля 1925 г. Горький писал В. Ходасевичу о своем отрицательном отношении к его фельетону «Бельфаст», напечатанному в белоэмигрантской газете «Последние новости», в котором Ходасевич говорил о тщетности попытки создать русский Бельфаст, подобный ирландскому крупному промышленному центру с его верфями. «Я не рассердился на Ваш «Бельфаст», — писал Горький... — несправедливо ставить это «учреждение» в упрек Советской власти... Да и вообще несправедливо упрекать Москву в безделье — там работают и учатся работать» («Новый журнал», 1952, кн. XXXI, стр. 203).

На заявление Ходасевича, что в России «нет воли к работе», Горький резко возражал ему: «Воли к работе у нас больше, чем где-либо в современной Европе» (письмо от 13 августа 1925 г. См. там же, стр. 204).

Подобным же образом Горький писал об этом М. Ф. Андреевой 13 июня 1925 г.: «Мой «друг» Ходасевич также оказался в миллионской газете, пишет там очень плохо, малограмотно и натужно. Упрекает коммунистов за то, что они не создали в России Бельфаста. Ох, как это надоело!» (т. 29, стр. 433).

19

ОРГ 3—54—1. Написано на отрезке листа в клетку с водяным знаком M. Lattes Napoli. Большая правка теми же чернилами и синим карандашом.

В статье «Рукописи Горького: поиски и находки» («Литературная газета» от 19 апреля 1967 г.) И. С. Зильберштейн сообщает о том, что Горьким

было написано предисловие к брошюре Б. И. Николаевского «Конец Азефа», которое не было напечатано, так как автор брошюры «политически разошелся с Горьким». И. С. Зильберштейн приводит также текст письма Горького от 20 июля 1925 г., где Горький пишет: «На днях прочитал в рукописи статью «Конец Азефа».

Датируется по этому письму.

Евно Фишлевич Азеф (1869—1918) — знаменитый провокатор, входил в партию эсеров, в которой занимал руководящие посты, в то же время состоял на службе в охранке. Организовал ряд крупных террористических актов (убийство министра Плеве в 1905 г. и др.), одновременно выдавал охранке видных революционеров и срывал планы их действий. В 1908 г. провокаторство Азефа было разоблачено В. Л. Бурцевым. Приговоренный ЦК партии эсеров к смертной казни, Азеф скрылся. Проживал по фальшивому паспорту в Германии на доходы с капитала, приобретенного работой в охранке, играл на бирже, умер в 1918 г.

Об Азефе, упоминая работу Николаевского, Горький писал в статье «О предателях» (т. 25, стр. 191—195). Также в Предисловии [К воспоминаниям Н. Буренина], т. 26, стр. 110—113: «Лопнула, как гнилое яйцо, боевая организация эсеров, во главе которой стоял самый гнусный из провокаторов Евно Азеф, типичный мещанин и торгаш, он продавал террористам губернаторов и министров, а террористов спокойно предавал департаменту полиции».

Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1926), русский генерал. В начале Русско-японской войны (1904—1905) был главнокомандующим русскими армиями, действующими в Маньчжурии.

20

Г—3 XXVI 15—4. Написано на визитной карточке профессора Киевского политехнического института И. А. Кухаренко (Professor Iohann Kucharenko. Kiewer polytechnisches institut).

Датируется по времени встречи в Сорренто Горького и Кухаренко в 1925 г. (см. письма к Горькому Кухаренко от 14 ноября 1925 г. и М. С. Грушевского от 26 января 1926 г. — А. Г.).

Иван Антонович Кухаренко — в то время был руководителем научно-исследовательской кафедры технологии сельскохозяйственного производства Киевского политехнического института. В 1925 г. посетил Горького в Сорренто. Горький заинтересовался печатными трудами Кухаренко. В письме от 14 ноября 1925 г. Кухаренко сообщал Горькому, что выслал ему свои книги (о выращивании и технической обработке сахарной свеклы и других вопросах сахарной промышленности).

Михаил Сергеевич Грушевский (1866—1934) — украинский историк буржуазно-националистического направления. В 1916 — начале 1917 г. переписывался с Горьким по вопросу об издании «Сборника украинской литературы».

21

Г—3 XXVI 15—5. Написано на визитной карточке Эрдени Батухана — полномочного представителя Министерства народного просвещения Монгольской Народной Республики в СССР. (Erdeni Batoukhan Delegué du ministere d'instruction publique de la Republique populaire de Mongolie).

Датируется по времени посещения в 1926 году Эрдени Батуханом Горького в Сорренто (о котором Э. Батухан вспоминает в письме к Горькому от 28 мая 1935 г. — АГ).

Эрдени Батухан — политический и культурный деятель Монгольской Народной Республики. Окончил в Ленинграде Институт истории философии и лингвистики (исторический и лингвистический факультеты).

Написал ряд учебников для монгольских средних и высших школ. Был министром просвещения Монгольской Народной Республики. В 1935 г. приезжал в СССР консультировать кинокартину «Наместник Будды».

В 1925—1935 гг. переписывался с Горьким, в августе 1926 г. посетил Горького в Сорренто.

В письме от 12 мая 1925 г. Э. Батухан просил Горького указать, какие книги необходимо прежде всего перевести на монгольский язык.

Приводим ответное письмо Горького:

Эрдени Батухан
Полномочному представителю Монголии

Уважаемый Эрдени Батухан,

сердечно благодарю Вас за Ваше глубоко интересное письмо, Вы так ясно дали мне понять, насколько важна и трудна задача, которую монгольская интеллигенция ставит перед собой. Позвольте от всего сердца пожелать Вам и Вашим товарищам бодрости духа. Да не поколеблется во все дни Вашей жизни крепкая вера в то, что вы начали великое и необходимое дело. Нет на земле работы более важной и трудной, чем работа, мужественно начатая Вами, монгольской интеллигенцией.

Вы пишете: «Наши силы ограничены». Это не должно смущать Вас: важно не количество, а качество сил. Вы, разумеется, знаете, что тяжелые миллионы русского крестьянства подвигаются к новой жизни силами десятков решительных людей.

Вы спрашиваете: какого принципа держаться, перевода русскую художественную литературу на монгольский язык?

Едва ли я смогу ответить на этот вопрос с точностью, которая сможет удовлетворить Вас. Но насколько я могу судить о душе монгола по книгам, прочитанным мною о Монголии, я думаю, что наиболее полезна была бы Вашему народу проповедь принципа активности. Именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, что в ней прекрасно и достойно усвоения всеми расами.

«Желание суть источник страдания», — учил Будда. Европа ушла вперед других народов мира в областях науки, искусства и техники именно потому, что она никогда не боялась страдать, всегда желая лучшего, чем то, чем она уже обладает. Она сумела пробудить в массах своего народа стремление к справедливости, к свободе и за одно это мы должны простить ей множество ее грехов и преступлений.

Мне кажется, что знакомый монгольский народ с духом Европы и современными нам желаниями ее масс, Вам следует переводить именно те европейские книги, в которых наиболее ярко выражен принцип активности, напряжение мысли, стремящейся к *действенной* свободе, а не к свободе бездействия.

Я думаю, что были бы полезны биографии таких людей, как люди науки: Пастер, Фарадей, как Франклин, Гарибальди и т. д. Такие биографии не менее воспитательно важны, чем произведения художественные. Из последних нужно выбирать те, в которых наиболее ярко показан героизм человека, руководимого идеями справедливости и свободы.

Мне трудно сейчас назвать книги, наиболее характерные в этом отношении, но если Вы пожелаете, я, подумав, составлю Вам список таких книг.

Теперь же спешу ответить на Ваше письмо и еще раз пожелать Вам и друзьям Вашим бодрости духа, веры в себя.

М. Горький

19.V.25

Италия — Сорренто.

Это письмо Горького было опубликовано в монгольской газете «Известия». Улан-Батор — Хото, 1925, № 189, стр. 3. На копии этого письма, хранившейся в личном архиве Горького, Горький написал — «Эрдени — «камень мудрости». См. публикацию Архива А. М. Горького в «Трудах Бурятского комплексного научно-исследовательского института, выпуск 8.

Серия Востоковедения. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. АН СССР. Сибирское отделение». Улан-Удэ. 1962.

...о *сойтах* — сойты — (уряхайцы) — тувинцы — народность тюркского происхождения, основная народность Тувинской автономной области. Подверглись сильному монгольскому влиянию. Религия — шаманизм и ламизм.

... *Урянхайский край* — ныне Тувинская автономная область.

Петр Кузмич Козлов (1863—1935) — полковник, известный путешественник, исследователь Центральной Азии, ученик Н. М. Пржевальского.

В 1907—1909 гг. руководил экспедицией Русского географического общества в Монголию и Сычуань.

В Центральной Монголии им были открыты развалины мертвого города Хара-Хото — столицы Тангутского царства. Здесь были найдены богатейшие археологические сокровища: древняя библиотека, образцы буддийской иконописи и другие предметы древней культуры. В 1924—1926 гг. организовал экспедицию в Северную и Центральную Монголию, откуда привез богатый археологический и зоологический материал.

Роман Унгерн фон Штернберг (1887—1921) — барон, есаул царской армии. В 1917 г. вместе с атаманом Семеновым был послан Керенским на Дальний Восток формировать бурятские полки для защиты Временного правительства.

В 1921 г. занял Ургу (ныне Улан-Батор) и утвердился там, выступая под титулом князя и хана, выдвинул панмонгольский проект восстановления царства «великого Чингис-хана» под эгидой маньчжурской монархии. Вел сношения с монархистами Монголии, Китая, Тибета. Выступив в роли агента Японии, в конце мая 1921 г. со своими войсками вторгся на территорию Советского Союза. Был разбит красными отрядами, захвачен в плен и расстрелян.

Шопенгауэр. Гартман... Горький в своих статьях неоднократно упоминает о связи воззрений Шопенгауэра и Гартмана с религиозными и философскими пессимистическими воззрениями Древнего Востока. В статье «О старом и новом человеке» он называет философию Шопенгауэра и Гартмана — буддийской (т. 26, стр. 281). В статье «О темах» Горький, дав определение индуизма, ведизма, буддизма как наиболее пессимистических религий, назвал философские системы философов пессимистов XIX столетия Шопенгауэра и Гартмана — индо-немецкой философией (т. 27, стр. 101).

Г—3 II 3—17. Конверт № 20. Листок с продолжением текста в Архиве Горького не обнаружен.

Время написания устанавливается предположительно по письму Горького к В. Смиренскому (см. ниже).

Константин Михайлович Фофанов (1862—1911) — поэт. Жил в Старой Руссе в 1904—1905 гг. Заметка близка к написанному Горьким в письме к биографу поэта В. Смиренскому: «Лично Фофанова я не знал. Видел часто на улицах Старой Руссы в 904 или 905 годах. Он был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но как бы ни был он сильно пьян, его небесно-голубые глаза сияли именно так, как это изобразил Илья Репин.

Вероятно так смотрел на мир Франциск Ассизский... Сам Конс[тантин] Мих[айлович] был у меня лишь однажды и... совершенно пьяный.

... В Старой Руссе с ним были дети. Старшей девочке — если не ошибаюсь — было 11—12 лет. Она вела хозяйство» (письмо написано между концом января и 16 апреля 1926 г., т. 29, стр. 461—462).

На юбилее А. С. Суворина... — Вероятно, на праздновании 70-летия А. С. Суворина в 1904 г. Суворин был издателем нескольких сборников стихотворений Фофанова. Один из них: «Иллюзии. Стихотворения К. М. Фо-

фанова». СПб., изд. А. С. Суворина, 1900, хранится в ЛБГ (без помет Горького).

Его дочь, девочка лет 12-и... — Ольга Константиновна Фофанова (1892—1920).

А. Белый — В этом же конверте лежала и другая более ранняя заметка об А. Белом [1924]. Опубликовано в кн. «Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 209—210.

23

Г—3 XXVI 15—3. Написано на визитной карточке Эммануэля де Бом: Emmanuel de Bom. Stadsbibliothecaris (Bonscienceplein) Antwerpen.

Датируется по письму Эм. де Бом Горькому от 13 июня 1927 г. (см. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 121—122).

Эммануэль де Бом (1868—1953) — фламандский писатель; главный библиотекарь Антверпенской библиотеки в 1890—1933 гг. Был также редактором антверпенской социал-демократической газеты «De Volksgazet» («Народная газета») и журнала «Vlaanderen» («Фламандцы»), одним из основателей бельгийского журнала «Van nu en straks» («Сегодня и завтра»), корреспондентом голландской газеты «Nieuwe Rotterdamsche Curant».

Де Бому принадлежит статья о Горьком: «Максим Горький о положении в России» («Maxim Gorki over hentoets tand in Rusland»). В статье воспроизводится интервью, данное Горьким корреспонденту лондонской газеты «Daily News». «Русские лекции: Толстой — Достоевский — Максим Горький», напечатанные в «Де Фольксгазет» 5 октября 1921 г., 5 апреля 1924 г. и 7 февраля 1925 г. и др.

27 мая 1927 г. де Бом с женой посетили Горького в Сорренто.

Статья де Бом, посвященная его встрече с А. М. Горьким, опубликована в «Nieuwe Rotterdamsche Curant» 4 июня 1927 г. (см. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 121—127).

Франц Элленс (род. 1881) — литературный псевдоним Ф. Ван-Эрменгема. Бельгийский писатель, издатель журнала «Disque vert» («Зеленый диск»), одно время именовавшегося «Ecris du Nord» («Северная литература»). Встречался, переписывался с Горьким и писал о нем. См. переписку Горького с Элленсом, опубликованную в VIII томе «Архива А. М. Горького».

Жорж Экхоуд (1854—1927) — бельгийский писатель демократического направления. Ж. Экхоуда называли «бельгийским Горьким». Горьким написана заметка о русском издании Экхоуда («Запросы жизни», 1912, № 3).

Нель Дорфф (1858—1942) — бельгийская писательница, автор романов и рассказов о тяжелой борьбе за существование трудового народа. Голландка по происхождению, писала на французском языке. (Настоящая фамилия Г. Серижье).

О Шарле де Костер! — Э. де Бом сообщает, что во время беседы с ним Горького речь зашла о Ш. де Костере.

«— Каково значение Шарля де Костера? — спросил Горький. — Имеет ли он большое влияние на свой народ?»

Мы сообщили, что создатель Уленшпигеля, прекрасные переводы которого существуют в России, влияния на фламандский народ не имел, так как произведения его писались на языке его собственного народа (Ш. де Костер писал по-французски). См. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 125.

24

Г—3 II 2—87. Конверт № 20.

Датируется по содержанию.

Василий Витальевич Шульгин (р. 1878) — писатель-публицист, монархист, член Государственной думы. После Великой Октябрьской революции — один из лидеров белой эмиграции. В 1944 г. был арестован; в 1956 г. освобожден из заключения. В 1960—1961 гг. выступил с рядом заявлений,

в которых признал ошибочность своих убеждений. См. его письмо-исповедь: «То, что делают коммунисты, спасительно для всего человечества» («Правда», 1 октября 1961 г.). См. также кн.: В. В. Шульгин. Письма к русским эмигрантам. М., Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1961.

Похвалили за 20-й год — В. В. Шульгин. 1920 г. Л., «Прибой», 1927. Книга была издана с предисловием С. Пионтовского, который отметил ряд достоинств воспоминаний В. В. Шульгина: «Монархист до мозга костей, Шульгин сам своими руками изобразил крах белогвардейского движения» (стр. 9).

Горький внимательно читал книги В. В. Шульгина: «Дни» (Белград, Книгоизд-во М. А. Суворина и К^о «Новое время», 1925.— ЛБГ) и «Три столицы. Путешествие в Красную Россию» (кн-во «Медный всадник», Берлин, 1927.— АГ).

25

Г—З—VI 7—35. Конверт № 18. Начало и конец заметки не обнаружены. Датируется по заметке о В. Е. Дровяникове на обороте листа (см. зам. № 26).

Александр Николаевич Алексин (1863—1923) — друг Горького, врач, лечивший его от туберкулеза легких. Знакомство Горького с Алексиным состоялось в Крыму в 1897 г. См. очерк Горького об Алексине (т. 14, стр. 317—320).

26

Г—З VI 7—35. Конверт № 18. Последняя фраза заметки не дописана. Текст заметки перечеркнут синим карандашом косой волнообразной линией.

Датируется по статье А. М. Горького «Наш человек».

В заметке речь идет о певце Василии Евдокимовиче Дровяникове, посланном в 1927 г. в Италию для завершения музыкального образования. Концерты Дровяникова в Италии проходили с большим успехом.

В Архиве А. М. Горького хранится переписка Горького с В. Е. Дровяниковым.

Горьким написана статья о Дровяникове: «Наш человек» (см. «Известия», 23 мая 1928 г., № 118).

В письме А. Б. Халатову от 21 октября 1928 г. Горький писал об успехах Дровяникова в Италии, о приглашении его петь в Миланском оперном театре «La scala» и прилагал отзыв о Дровяникове — вырезку из итальянской газеты, о которой упоминается в заметке (АГ, 48—15—16). Позднее, 7 ноября 1928 г., Горький прислал Халатову также вырезку из белоэмигрантской газеты «Руль» от 28 октября 1928 г. с заметкой о В. Е. Дровяникове. (См. «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 120).

В письме И. А. Груздену от 17 ноября 1928 г. Горький писал: «Прилагаю вырезку о Василии Евдокимовиче Дровяникове, партизанине, красноармейце, коммунисте. Свидетельствую: голосище действительно редкой красоты и силы» (см. «Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 183).

Ниже печатаем текст статьи Горького о Дровяникове:

НАШ ЧЕЛОВЕК

Приехал ко мне из Рима большой, крепкий человек, с лицом, как будто выкованным из металла, с умными, зоркими глазами; никогда я не встречал его, ничего не слышал о нем, а он приехал и через час заставил почувствовать его близким и любимым родственником.

Очень просто, в том спокойном и веселом тоне, каким рассказывают о знакомом и интересном парне, он сообщил о себе: сын казака-кубанца, солдат царской армии, активнейший участник гражданской войны, организатор партизанских отрядов, ранен был шесть раз, побывал в «белых» руках, ему дали 72 удара по животу раскаленными шомполами, вообще он испытал

много различных физических и моральных страданий. Слушая его эпически простой рассказ, в котором я не уловил ни одной фальшивой или хвастливой ноты, я не без чувства зависти подумал: «Вот бы написать все это, как он рассказывает!»

И посоветовал ему:

— Вы, товарищ, должны написать это!

— Так я напишу, — сказал он и этими словами внушил мне уверенность: напишет, чорт! И хорошо напишет. Он — из людей, которые и опытом своим, и, должно быть, природой приспособлены к тому, чтобы все делать хорошо. После боевой своей жизни он года три занимался «мирной», хозяйственной работой в партии, затем оказалось, что он обладает сильным и красивым голосом. Ему предложили учиться петь. Человек удачливый, он нашел себе подругу в лице ценительницы музыки, женщины, тоже немало испытавшей на своем веку, такой же простой, как он сам, влюбленной в музыку, обладающей сумасшедшей и оригинальной техникой. Через три года он уже пел на сцене Большого театра Москвы.

Все это весьма похоже на сказку, но из тех, которые не сочиняются, а делаются. Дальше сказка принимает размеры еще более значительные. ВЦИК командирует певца и его учительницу в Италию для завершения музыкального образования. Здесь профессора пения говорят певцу, что голос его поставлен совершенно правильно.

— Кто ставил вам голос?

— А, вот, она.

Профессора удивлены и не очень верят. Затем бывший солдат Литовского полка дает в Риме концерт, и одиннадцать газет печатают о нем восторженные рецензии. Одна из них озаглавила свою рецензию так:

«Будущий Шалаянин?»

Тогда этот солдат, партизан, «землеустроитель», человек «некультурный» печатает в газете письмо, в котором говорит, что его смущает «преувеличенность похвал», и что Шалаянин, каково бы ни было его поведение как человека, «как артист остается недосыгаемым идеалом для всякого певца».

Он дал в Риме три концерта, все с одинаковым художественным успехом, но, разумеется, без материального, ибо иностранец платит тройной налог и по пяти лир в сутки за афишу, триста афиш стоили бы 1.500 л., затем нужно оплатить помещение, мелкие расходы и т. д. После этого в кармане не остается ни одного центизима. К тому же певец — русский, а русских из Союза Советов почему-то не очень любят в «культурных» государствах. Восхищаются, но не любят.

Спекулирующие на искусстве люди уже предлагают певцу: не хочет ли он дать им возможность нажить на его голосе деньжонок? Он знает, что ему нужно учиться, он хочет — и может — петь артистически, он не хотел бы подвергаться эксплуатации спекулянтов. Но он живет в условиях, материально крайне тяжелых. Стипендия ВЦИК недостаточна для двоих: он и его жена-учительница помещаются в маленькой сырой комнате, плохо едят, у них нет приличных костюмов, не хватает денег для посещения музеев, театра. Был случай, когда «будущего Шалаянина» не пустили в оперу, потому что у него плох костюм.

Певец говорит обо всем, что мешает ему жить и учиться, без раздражения, без жалоб. Он вообще не из тех, кто умеет жаловаться и думает, что жалобы могут помочь. Он хорошо чувствует свою артистическую ценность и свое человеческое достоинство. Голос у него действительно превосходный, насколько я могу судить, мощный, мягкий, чарующий голос.

Арию хана Кочака из «Князя Игоря» он поет уже как хороший артист. Он — один из тех удивительных русских людей, которых история последнего десятилетия русской жизни выдвигает все более часто и обильно.

М. Горький

Г—3 II 2—93. Конверт № 20.

Заметка относится ко времени встречи Горького с Цвейгом в Москве в сентябре месяце 1928 г. Сохранилась визитная карточка С. Цвейга с надписью: «С самым сердечным чувством и большой благодарностью» («Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 48).

С. Цвейг писал в статье «Моя встреча с Горьким» («Вечерняя Москва», 5 ноября 1928 г.): «То, что больше всего поразило Горького в новой России после 4—5 лет отсутствия, это — та же черта, которая особенно тронула нас — чужих, внезапно и так стремительно вынырнувшая жажда к знанию, охватившая все слои, страсть к творчеству».

Проф. Дана — бостонский профессор Генри Дана (с которым Горький переписывался в 1906—1923 гг.) в 1928 г. посетил Советский Союз.

В статье «Всю жизнь вместе с рабочим классом» («Красная газета», 25 сентября 1932 г., № 223, веч. вып.) Генри Дана писал:

«Я вспоминаю, как четыре года тому назад я шел на вокзал в Москве, чтобы встретить Горького, возвращающегося в Советский Союз. Помню его глаза, полные радостных слез, когда поезд подошел к станции и он протягивал и жал нам руки через открытое окно вагона. Я вспоминаю, как я сидел на трибуне Большого театра в Москве во время торжественного заседания в честь Горького и как он был взволнован своим возвращением в Новую Россию, что его голос срывался и он едва мог говорить».

28

ХПГ 49—21—1. Лист бумаги большого формата с полями.

Датируется по содержанию.

За три года — Горький имеет в виду свою встречу с Шалапиным июля 1926 г. После этого он виделся с Шалапиным 20 мая 1928 г. Заметка относится ко времени последней встречи Горького с Шалапиным — 15—21 апреля 1929 г. в Риме. (См. письмо Ф. И. Шалапина И. Ф. Шалапиной в кн. «Федор Иванович Шалапин», ч. I. М., Изд-во «Искусство», 1957, стр. 554).

29

[1] Г—3 II 3—89. Конверт № 20. К заметке приложены две газетные вырезки: «Предсмертное письмо Маяковского» и стихи Николая Бардина «Владимиру Маяковскому» (на смерть Маяковского).

Цифры 2, 1, видимо, указывают последовательность встреч Горького с Маяковским, так, как это представлялось Горькому.

[2] Г—3 II 2—4.

Заметка частично использована Горьким в письме к И. А. Груздеву о смерти Маяковского. (См. «Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 227—229).

[3] Г—3 VII 10—26. Датируется по орфографии.

Заметка представляет собой цитату из стихотворения Маяковского «Сергею Есенину».

30

Г—3 VI 7—97. Датируется по письму В. Величковского Горькому от 8 августа 1930 г.

Эта заметка была передана Горьким И. А. Груздеву через П. П. Крюкова вместе с письмом В. Величковского и другой заметкой Горького. См. в настоящем томе («О борьбе итальянского правительства с корсиканскими бандитами»).

В письме Горькому Величковский писал:

«30.8.30.

обращусь к Вам с нижайшим почтением и прошу Вас простить меня великодушно за мое забывание об Вас несколько лет, что не имел счастья видеть Вас. Первый раз я видел Вас в Неаполе в 1906 году и потом видел на острове Капри и имел великое счастье говорить с Вами и также пить чай вместе с Вами. И третий раз я видел Вас в 1923 году на фотографии в синематографе в тюрьме, где я был в Волтера. И сейчас нахожусь здесь. Я думаю, что Вам известно, что я в тюрьме еще с 1913 года, 16 сентября арестован в городе Милане за убийство моей любовницы и осужден — 30 лет. Но не так осужден, как сделал убийство, но все-таки по моей ошибке¹. Уже 17 лет, что в тюрьме, и имел помилование 3 года 4 мес.

[Я] не имею никого. Обратиться с просьбой к королю Италии некому, и также по бедности не могу обратиться к адвокатам, и думаю, что Вы, многовеликодушный, посоветуете, что делать, и также по Вашей просьбе, я думаю, что мне дадут помилование. С большой просьбой прошу Вас ходатайствовать обо мне. Очень и очень рад был бы видеть мою дорогую родину.

Простите, что я пишу Вам без марки, потому что не имею ничего и [в] критическом положении.

Прощайте, дорогой благодетель, Алексей Максимович.
С почтением

Василий Величковский.

31

ЛСГ 2—10—4. Конверт № 20. Лист с водяным знаком «Extra Strong». Заметка сделана в связи с чтением статьи А. К. Виноградова «Лермонтов как автор «Героя нашего времени», предназначенной для издания книги Лермонтова в серии «История молодого человека XIX столетия». Подлинник статьи с правкой Горького хранится в ЦГАЛИ (ф. 1303, оп. 4, ед. хр. 538, л. 15—47).

Датируется по письму Горького Виноградову (до 25 апреля 1932 г.) с отзывом о статье («Знамя», 1968, № 3, стр. 206).

«...Никому не сочувствуй...» — из стихотворения «Юному поэту» в цикле «Новые заветы», вошедшем в книгу стихов «Me eum esse» (1896—1897).

«Жить неземным на земле» — строка стихотворения «Есть древняя чистая ласка».

«Я действительности нашей не вижу» — строка стихотворения из книги «Me eum esse» (цикл «Новые заветы»).

В статье о «Рене» и «Адольф»... — статья А. Виноградова «История молодого человека» (Шатобриан и Бенжамен Констан) в книге: Р. Ш а т о б р и а н. Рэнэ; Б. К о н с т а н. Адольф. М., Жургазобъединение, 1932.

... как в статье о Лермонтове — статья А. Виноградова «Лермонтов как автор «Героя нашего времени» в книге: М. Л е р м о н т о в. Герой нашего времени. М., Жургазобъединение, 1932.

32

Г—З 17—8. Конверт № 21. Заметка на листке из блокнота вместе с двумя другими записями: «Дорогой Джон...» и «Вам знакомо имя: Билль Марлен?» («Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 110).

Датируется по орфографии и содержанию.

«Маска и Душа» — Париж, изд-во «Современные записки», 1932. 17 января 1933 г. Горький писал Шаляпину по поводу этой книги, обвиняя его

¹ «... арестован в городе Милане по моей ошибке» — подчеркнуто Горьким красным карандашом, на полях вопросительный знак.

в искажении фактов (см. «Ф. И. Шалляин», ч. 1. М., Изд-во «Искусство», 1957, стр. 411—412).

Соломон Львович Поляков (псевдоним С. Литовцев) (1875—1945) — писатель, журналист, сотрудник «Речи», «Современного слова»; после 1917 г. — эмигрант.

33

ЛСГ 2—23—1. Конверт № 20. Заметка на листе большого формата. Текст на правой стороне листа (столбиком). Слева указано название газеты и ее дата. «Письмо в редакцию» — вырезка из газеты, наклеенная на лист. В Архиве Горького хранится также машинописный текст этой заметки, предназначенной, возможно, для использования в журнале «За рубежом».

Датируется по упоминанию о смерти Яблоновского — 3 марта 1934 г. *Александр Александрович Яблоновский* — см. стр. 360.

В фельетоне речь идет о пожарах на нефтяных промыслах в результате революционных волнений на Кавказе. В той же газете в статье «Положение нашей крупной промышленности» сообщалось, что крупные нефтепромышленники не только не пострадали, но обогатились в результате этих пожаров. «Кроме того, — сообщалось далее, — крупные промышленные фирмы имеют полное основание рассчитывать на казенные субсидии, и они уже хлопочут о выдаче им пятидесяти миллионов в ссуду без процентов, на тех условиях, следовательно, как выдается казенное пособие голодающим».

[ФРЕЙБУРГСКИЕ ЗАМЕТКИ]

С начала июня до 15 ноября 1923 г. Горький лечился в Шварцвальде в местечке Гюнтерсталь, около гор. Фрейбурга. В десяти публикуемых заметках отразились различные его впечатления этого времени.

1

Г—3 XVI 13—14. Конверт № 23. Датировано М. И. Будберг.

2

Г—3 II 3—43. Конверт № 20. Написано на листке из блокнота с водяным знаком: «С. А. Moes pilica». На обороте листка заметка «О Кнуте Гамсуне» (см. «Наброски к портретам», зам. № 13).

Датируется по заметке «О Кнуте Гамсуне».

3

Г—3 XVI 13—14. Написано на листе из блокнота с водяным знаком «Comercial Paper».

Датировано М. И. Будберг.

Эуген Штейнах (1861—1944) — австрийский физиолог и биолог. Особую известность приобрели его опыты, связанные с проблемой омоложения.

Вейнинггер. — Речь идет, по-видимому, о книге: Отто Вейнинггер. Под и характер (1902). Отзыв Горького об этой книге см. в статье «О женщине» (т. 25, стр. 161).

Николай Федорович Федоров (1828—1903) — философ, мистик, автор труда «Философия общего дела» (т. 1, 1906; т. 2, 1913).

В письме к М. М. Пришвину от 17 октября 1926 г. Горький писал: «А вот был у нас весьма оригинальный мыслитель Н. Ф. Федоров, так он доказал, что не только *вся* промышленность, но и *вся* цивилизация — дело жен-

щины. «Женщина и провоцируемая ею половая сила» создаёт этот строй, «изнеживающий и развращающий, ведущий к вырождению и вымиранию». Господство женщины Фед[оров] называл «не тяжелым, но губительным» («Литературное наследство», т. 70, стр. 335).

4

Шифр Г—З XVI 13—15. Конверт № 23. Написано на листке из блокнота с водяным знаком: «С. А. Moes pilica».

Датируется по времени пребывания Горького во Фрейбурге.

5

Г—З XVI 13—19. Конверт № 23. Написано на листке из блокнота с водяным знаком: «Original».

Датировано М. И. Будберг.

У *Эберта*.— Возможно, речь идет о Фридрихе Эберте (1871—1925) — правом лидере германской с.-д. партии. В 1913 г., после смерти А. Бебеля, стал председателем правления с.-д. партии. С 1919 по 1925 г. Эберт занимал пост президента Германской республики.

6

Г—З XXVI 15—11. Конверт № 25.

Датируется по времени пребывания в Гюнтерстале американского профессора Гарвея Р. Гэйлорда, директора Государственного института по изучению злокачественных болезней в Буффало (Нью-Йорк).

«Познакомился с американским профессором Гейлордом,— пишет Горький В. Ф. Ходасевичу 4 июля 1923 г.,— очень интересный человек, специалист по саркоме и сам умирает от нее. Жить ему осталось год срока, а он веселый, рассказывает забавные анекдоты». 18 августа возвратившийся в США Гэйлорд послал Горькому письмо. «Уважаемый профессор,— отвечал Горький,— я очень обрадован любезным Вашим письмом и тоже огорчен тем, что мне мало пришлось говорить с Вами, человеком, чья беседа так глубоко интересна, поучительна, чей духовный образ возбудил у меня чувство симпатии и уважения». В этом же письме Горький просил Гэйлорда прислать материалы о работе его института: «То, что рассказывали Вы об этих работах, настолько значительно, что мне хочется ознакомить с ними русских ученых» (АГ).

В следующем письме (октябрь, 1923 г.) Горький пишет Гэйлорду о тяжелом положении европейских ученых в Германии, особенно в послевоенный период.

...*помогающей раку Брайтовой*...— речь идет о болезни Брайта.

7

Г—З XVI 13—12. Конверт № 23. Написано на листке из блокнота с водяным знаком: «С. А. Moes pilica».

Датируется по письму Горького к В. Ф. Ходасевичу от 23 августа 1923 г., в котором Горький пишет о вечерах в отеле Кибург: «...здесь началось ежевечернее немецкое веселье под граммофон». — «Новый журнал» (Нью-Йорк), 1952, кн. 29, стр. 214.

8

Г—З XVI 13—5. Конверт № 18. Написано на листке из блокнота с водяным знаком: «С. А. Moes pilica».

Датируется по упоминанию о землетрясении в Японии первого сентября 1923 г.

Г—З XVI 13—7. Конверт № 18. Написано на листке из блокнота.

Датируется по содержанию и сопоставлению с заметкой 10.

Людвиг Ашов (1866—1942) — немецкий ученый-анатом, профессор Фрейбургского университета.

10

Г—З XVI 13—16. Конверт № 25. Написано на листе из блокнота.

В заметке отражено тяжелое экономическое и политическое положение послевоенной Германии. Оккупация Францией и Бельгией Рурской области в январе 1923 г. еще более подорвала хозяйство страны, усилила инфляцию и голод.

В октябре 1923 г. вспыхнуло революционное восстание в Гамбурге под руководством Э. Тельмана. Месяцем позже национал-социалисты предприняли в Мюнхене неудавшуюся попытку фашистского переворота (т. н. «пивной путч»).

В письме С. Цвейгу от 6 ноября 1923 г. Горький писал: «Да, жизнь здесь становится очень суровой. Быть зрителем драмы гораздо труднее, чем участвовать в ней» (т. 29, стр. 416).

Правительство отпустило Патологическому институту... — Возможно, что запись отражает беседу с академиком С. Ф. Ольденбургом, посетившим Горького 18 октября 1923 г. во Фрейбурге и рассказавшим об упадке науки и культуры в Европе, в частности, об особо тяжелом положении немецких ученых. Содержание своей беседы с Ольденбургом Горький передал в письме к американскому профессору Гэйлорду (см. зам. 6).

по поводу убийства Ратенау. — Вальтер Ратенау (1867—1922) — немецкий политический деятель, в 1922 г. — министр иностранных дел. Убийство Ратенау было организовано националистической террористической организацией «Консул».

Леви — владелец дома, в котором жил Горький во Фрейбурге.

[СОРРЕНТИЙСКИЕ ЗАМЕТКИ]

1

Г—З XVI 13—13. Конверт № 23. Датируется предположительно по времени жизни Горького на вилле «Иль Сорито» в Сорренто (с первой половины ноября 1924 г. по 9 мая 1931 г.) и орфографии.

Серра Каприола (1866—1938) — хозяин виллы «Иль Сорито».

Карло Руффино — владелец виллы, соседствующей с виллой Серра Каприола.

Г—З XVI 13—18. Конверт № 23.

Датируется по сообщению Н. А. Пешковой о постройке нового дома отеля «Минерва» в Сорренто в 1930—1931 гг.

Джованни Кокачио — владелец отеля «Минерва», который находился напротив виллы «Иль Сорито».

Пепинелла — женщина, арендовавшая часть сада виллы «Иль Сорито».

3

Г—З XVI 13—10. 13—17. Конверты № 13 и 25.

[1] Год устанавливается по упоминаемым в заметке событиям.

На листе наклеена вырезка из газеты «Последние новости» с подчеркиваниями Горького красным карандашом.

«Рим. 3. XI (Гавас)

Газета «Имперо» — в связи с возвращением Муссолини в Рим — пишет: «С сегодняшнего вечера фашистская революция должна ускорить темп для того, чтобы прийти к своему завершению. Враги фашизма в Италии должны быть уничтожены без остатка. Фашистская месть ренегатам! С сегодняшнего вечера нужно покончить с дурацкой утопией тех, которые считают, что каждый человек может мыслить своей собственной головой. Италия имеет только одну голову, фашизм имеет один только мозг. Эта голова, этот мозг — наш вождь. Инакомыслящим мы отрубим головы без всякой пощады».

Первая фраза заметки: «Вчера пришли к Роберто Бракко... и там сожгли» — опубликована в статье А. Я. Тарараева: «Связи А. М. Горького с итальянскими писателями» (см. «Горьковские чтения (1953—1957)». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 600).

Роберто Бракко (1861—1943) — итальянский новеллист и драматург. Горький высоко ценил творчество Бракко и был лично знаком с ним. Об отношениях Горького и Бракко см. вышеупомянутую статью А. Я. Тарараева, а также VIII том «Архива А. М. Горького» «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». М., Изд-во АН СССР, 1960.

Бенедетто Кроче (1866—1952) — итальянский философ, литературовед и историк, автор многочисленных работ по вопросам эстетики, о творчестве Данте, Ариосто, Кардуччи, Шекспира, Гете и др.

В 1905 г. Б. Кроче был в числе общественных деятелей Италии, выразивших протест против ареста Горького царским правительством.

«Все может быть, все может быть» — слова маляра Редьки в повести Чехова «Моя жизнь».

[2, 3, 4] Написаны на листе почтовой бумаги.

Датируется по содержанию.

Закон о смертной казни. — В заметке речь идет о серии чрезвычайных законов, принятых фашистским правительством в Италии в ноябре 1926 г. после покушения на Муссолини в Болонье 31 октября 1926 г. По этим законам все антифашистские партии и организации были распущены, оппозиционные газеты закрыты, представители оппозиции в парламенте лишались депутатского звания. «За деятельность, направленную против государственной власти» и за «подстрекательство к гражданской войне» вводилась смертная казнь. 9 ноября было принято Палатой депутатов решение о восстановлении смертной казни и о лишении «авентинских депутатов» их мандатов. 25 ноября был создан «Особый трибунал по защите безопасности государства», действовавший на основании военных законов.

Филиппо Турапи (1857—1932) — один из основателей итальянской социалистической партии в 1892 г. В 1922 — возглавлял реформистскую Унитарную социалистическую партию. В 1926 г., спасаясь от преследований правительства Муссолини, эмигрировал во Францию.

Р. Т. — по-видимому, римская газета «Трибуна».

король уронил платок... — Умберто II. С 1926 г. вся полнота власти в Италии перешла в руки фашистского диктатора Бенито Муссолини (1883—1945).

[О ЛИТЕРАТУРЕ]

1

[ЗАМЕТКИ К ЛЕКЦИЯМ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ]

Заметки возникли в процессе работы Горького над курсом лекций по истории русской литературы, читанным на Капри в 1909 г. Об этом свидетельствует использование ряда записей в лекциях, внешний вид заметок, а также хранение их в конверте № 22 вместе с заметками о Н. С. Лескове.

Датируются по времени работы Горького над лекционным курсом.

[1] Г—З II 2—62. Написано на листе почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: «Original Mill».

Текст представляет собой выписки из воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет» (СПб., изд. А. С. Суворина, 1879, т. II). Следующий затем текст: «Юдоль» Лескова» и далее — воспроизводится в разделе заметок о Лескове (см. стр. 230).

Державин. — В воспоминаниях Пассек говорится: «...Прием у Державина был чрезвычайно приветлив, разговор одушевлен. Поэт почти всех посетителей принимал в теплом халате, как ходил дома, и постоянно держал за паузую маленькую собачку» («Из дальних лет», т. II, стр. 121).

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) — поэт, с 1796—1814 гг. занимал различные государственные посты: оберпрокурора Сената, министра юстиции и др. Приводимый далее перечень русских писателей: «Лом[оносов], Кар[амзин], Жук[овский], Пушк[ин]» — по-видимому, связан со следующим местом лекционного курса: «Заметно стремление правительства приближать писателей ко двору. Почти все названные лица, а также Жуковский, Карамзин, Крылов, Батюшков, Ломоносов, Державин, Дмитриев состояли на государственной службе...»

Пушкин первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях, во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту до него недосигаемую...» («Архив А. М. Горького», т. I, стр. 90—91).

От[зыв] Бел[инского]. — По-видимому, речь идет о статье Белинского «Сочинения Александра Пушкина» (ст. 1. «Обозрение русской литературы, от Державина до Пушкина» («Архив А. М. Горького», т. I, стр. 91).

Мос[ква] и Петербург. — Речь, по-видимому, идет о московском и петербургском периодах жизни А. Л. Витберга (1787—1855).

На странице 53-й (т. II) Пассек говорит о духовном влиянии, которое оказал Витберг на Герцена в период его вятской ссылки, приводит выдержки из писем Герцена Витбергу («Из дальних лет», т. II, стр. 53—54).

Гибель Витберга. — Трагической судьбе Витберга и его дружбе с Герценом мемуаристка посвящает главу «Александр Лаврентьевич Витберг». В лекционном курсе Горький называет Витберга в числе жертв Николая I. «... За эти годы он отдал в солдаты Шевченко, Полежаева, загнал на Кавказ Лермонтова, свел с ума архитектора Витберга» («Архив А. М. Горького», т. I, стр. 197).

Иван Иванович Лажечников (1792—1869) — писатель, автор романа «Ледяной дом». В 1821—1837 гг. занимал должность директора Пензенской гимназии и народных училищ.

«Буду гордиться...» — Из письма Лажечникова В. В. Пассек от 26 ноября 1834 г.: «Плюньте на суд Брамбеуса и его шайки, нападающей на все прекрасное, старающейся вырвать или истоптать цвет, обещающий пленить нас. Я наперед скажу: буду гордиться, если барон побранит мой личный труд» («Из дальних лет», т. II, стр. 222).

Русь Новгородская. Русь Киевская — Московская. — По-видимому, речь идет о главах воспоминаний Пассек «Переписка» о владимирской и новгородской ссылках Герцена (Герцен и его кружок в 1840-е годы) и «Украина» (о жизни Т. П. и В. В. Пассек на Украине).

40-е годы. Гер[цен] говор[ил] о себе... — Горький не точно приводит следующие слова Герцена о себе: «...людям нравятся во мне широкий взгляд, человеческие симпатии, теплая дружба, добродушие — и не видят, что fond всему слабый характер» («Из дальних лет», т. II, стр. 348—349).

В курсе русской литературы Горький использует эту самооценку при характеристике русской интеллигенции 1840-х годов («Архив А. М. Горького», т. I, стр. 148).

Что читали. — На 350-й странице речь идет о круге чтения Герцена в 1840—1846 гг.

О лек[циях] Грановского. — Речь идет о статье Герцена «Публичные чтения Т. Н. Грановского», приводимой в воспоминаниях Пасек в главе «Гимнофей Николаевич Грановский» («Из дальних лет», т. II, стр. 353—382).

[2] Г—З II 2—65. Написано на части листа почтовой бумаги большого формата, с водяным знаком, изображающим грифона на щите.

Заметка содержит фактические материалы, почерпнутые Горьким в статье С. Венгера «Петрашевы» (Энциклопедический словарь, т. 45, изд. Брокгауз-Ефрон, 1898). В «Истории русской литературы» заметка частично использована в главе о петрашевцах («Архив А. М. Горького», т. I, стр. 190—195).

«Алексей Слободин». Роман Альминского (Пальма). — Александр Иванович Пальм (литературный псевдоним П. Альминский, 1822—1885) — участник кружка Петрашевского. (Экземпляр первого отдельного издания романа: «Алексей Слободин. Семейная история в пяти частях». СПб., 1873, с большим количеством помет Горького хранится в ЛБГ).

Горький дает список членов кружка Петрашевского с указанием их социального положения и рядом указывает имена персонажей романа «Алексей Слободин», прототипами которых явились некоторые петрашевцы.

Отмечая социальную разнородность кружка, Горький писал: «Итак, мы видим пред собою целый Ноев ковчег; в нем есть представители всех сословий: мещане, чиновники, мелкопоместные дворяне, гимназисты, отставной исправник — полностью представлена вся разночинная интеллигенция, нет лишь куца» («Архив А. М. Горького», т. I, стр. 194—195).

Сер[гей] Дуров — связь с другими кружками. — Наряду с кружком Петрашевского, действовали идейно ему близкие кружки Кашкина, Дурова и др.

Внесенный в список Чернышевский участником кружка Петрашевского не был. Точно также Белинский на «пятницах» Петрашевского не бывал и в кружке не участвовал.

Бывал Михайлов — автор статей о пролетариате. — В романе «Алексей Слободин»: «вот это автор статей о пролетариате» (стр. 351). Речь идет о Михаиле Ларионовиче Михайлове (1829—1865). В 1861 г. за распространение написанной совместно с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» присужден к каторге и вечному поселению в Сибирь, где и погиб.

[3] Г—З II 2—68. Написано на листе почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: «Original Mill».

Текст: «К истории ∞ студенчества — 162» — написан черными чернилами. Следующая часть текста: «Сон — 178 ∞ кружка — 339» — приписка красным карандашом.

Михаил Алексеевич Воронов (1840—1873) — писатель-демократ, близкий Н. Г. Чернышевскому, автор автобиографической повести «Детство и юность» (1860), вошла в книгу Воронова «Болото» (СПб., 1870).

«Жизнь студенчества» — 162. — В повести «Детство и юность» на стр. 162 и далее Воронов рассказывает о жизни демократического студенчества.

Сон — 178. — Речь идет о последнем эпизоде «Детства и юности» (начинается на стр. 177). После первой студенческой пирушки герой повести видит кошмарный сон, в котором возникают тяжелые картины его детства.

Где лучше — 176. — Горький имеет в виду споры в кружке студенческой молодежи. «Некоторые из гостей, повалившись кто где мог, уже покоились мирным сном, а другие горячо спорили между собою о том, на кого больше похож инспектор — на свинью или на боровца? Кто о том, где лучше жизнь: на Маркизских островах или на Мадагаскаре?» (стр. 176).

Пальм. Быт. — Здесь начинаются записи, относящиеся к автобиографическому роману А. И. Пальма, одного из петрашевцев — «Алексей Слободин» (см. зам. 2).

На отмеченных Горьким страницах «14—15—18» автор рассказывает о нравах уездного училища с поркой, возведенной в принцип всей государственной системы: «Прутья и ремни с визгом резали воздух не в одних только храмах науки, а везде — в барских хоромах и конюшнях, в сенях канцеля-

рий и в передних начальников, на площадях и базарах — всюду кровавыми рубцами преподавалась русскому человеку цивилизация» (стр. 17). На стр. 18 приводится эпизод публичной порки женщины-крестьянки на базарной площади.

Тенденция Юзова! — По-видимому, Горький связывает роман Пальма с настроениями представителя наиболее правого крыла либерального народничества Иосифа Ивановича Юзова (лит. псевдоним Каблица, 1848—1893).

Самоопределение: мы светильники... — слова одного из персонажей романа, семинариста-вольнодумца Слонского: «Нашим братом гнушаются, а что ни говори, все-таки мы светильники, почерпнуть кое-что от нас можно» (стр. 104—105).

Воззрения кружка — 339. — В пятой части романа «Алексей Слободин» Пальм изобразил кружок Петрашевского, в частности идейные разногласия его участников.

В «Истории русской литературы» Горький писал: «Ясно, что вся эта публика не могла быть связана какой-либо одной идеей — всяк молодец думал на свой образец; связывало их лишь настроение, вытекавшее из отрицательного взгляда на крепостное право» («Архив А. М. Горького», т. I, стр. 194—195).

XI — очевидно, 11-я заключительная глава романа.

2

Г—З IV 6—50. Заметка на бумаге с водяным знаком «Original Colomба Mill». На обороте двустышие:

Да, жизнь его не даром прожита,
Он видел носорога и кита.

Датируется по сорту бумаги.

3

Г—З IV 6—53. Датируется по содержанию.

Марио Раписарди (1844—1912) — итальянский поэт. Горький в своей записной книжке писал о Раписарди как об одном из талантливых поэтов Италии.

4

Г—З XXVII 16—47. Датируется по сорту бумаги.

5

Г—З V 6—17. Получено от Е. П. Пешковой. Датируется по орфографии.

Александр Иванович Введенский (1856—1925) — философ, последователь Канта, состоял профессором университета и других высших школ Петербурга, являлся председателем философского общества.

6

Г—З II 2—28. Конверт № 18. Датируется по орфографии.

7

Г—З II 3—2. Конверт № 20. Датируется по письму Горького М. Слонскому от 13 марта 1923 г.: «А Пильняка «Третья столица» — ужасна. И — малограмотна», — пишет Горький («Литературное наследство», т. 70, стр. 385).

«Третья столица» — повесть Б. Пильняка, была напечатана в альманахе «Круг», № 1, 1923.

...о восстании Тайпингов... — Восстание крестьян (тайпинов) против феодального гнета, которое началось в 1851 г. и было подавлено в 1864.

...о Большом кулаке Китайской революции... — Имеется в виду восстание ихэтуаней, поднятое обществом И-хэ-туань («Кулак во имя справедливости и согласия») в 1899—1901 гг.

...плохо усвоенный стиль Белого. — Об этом Горький писал Б. А. Пильняку 10 сентября 1922 г. («Литературное наследство», т. 70, стр. 311—312) и в письме к Федину (начало сентября 1922 г.) («Литературное наследство», т. 70, стр. 469—470).

8

Г—3 VIII 10—7. Конверт № 20. Датируется по времени публикации рассказа Б. Пильняка «Зреганза» («Красная новь», 1923, кн. 6) и романа М. Шагинян «Перемена» («Красная новь», 1922, кн. 6; 1923, кн. 2, 4, 6). Те же примеры языковых погрешностей Горький приводит в письме к Каверину от 13 декабря 1923 г. (см. «Литературное наследство», т. 70, стр. 178—179).

9

Г—3 II 3—24. Конверт № 20. Лист блокнота с водяным знаком: «Original».

Датируется по упоминанию книги Б. Шоу «Назад к Мафусаилу» и вычеркнутой фразе «сегодня в 1924 году».

«Воля человека есть...» — Опоре де Бальзак. Шагреновая кожа. Перевод Б. Грифцова. Под редакцией и с предисловием М. Шагинян. М.—Пг., Госиздат, [1923], стр. 97.

В письме к Арамилеву от декабря 1932 г. Горький вновь отмечал: «Бальзак за несколько десятков лет до того, как возникла гипотеза эманации психо-физической энергии, уже писал в одной из своих книг о возможности такой эманации» (М. Горький. Письма о литературе, М., Изд-во «Советский писатель», стр. 433).

«Эманация психо-физической энергии». — Д-р Н. Котик. Эманация психо-физической энергии. Экспериментальное исследование явлений медиумизма, ясновидения и мысленного внушения в связи с вопросом о радиоактивности мозга». М., изд. В. М. Саблина, 1907 (книга с пометами хранится в ЛБГ). После прочтения книги Горький писал К. П. Пятницкому 15 или 16 (28 или 29) мая 1908 г.: «Меня одолевают, может быть, наивные и смелые мысли, но — я все более увлекаюсь ими. Мне кажется, например, что мысль — вид материи или, вернее, один из видов эманации материи. Что мысль и воля — едино суть».

Я делаю отсюда выводы — удивительные, не забывая о том, что они, опять-таки, могут показаться смешными.

Но я не совсем мечтатель и фантазер: д-р Котик в своей книжке «Эманация психо-физической энергии» — позволяет мне опереться на его опыты. Он — не один, на днях я прочитал удивительную книжку Содди о радиоактивности». («Архив А. М. Горького», т. IV, стр. 251).

Эта же идея у Шоу «Назад к Мафусаилу». — Бернард Шоу. Назад к Мафусаилу. Перевод Н. А. Брянского, К. М. Жихаревой, О. И. Поддячей под ред. Евг. Замятина, предисловие А. П. Пинкевича. Пг., Гос. изд-во [1924].

Книга с пометами Горького хранится в его личной библиотеке. А. П. Пинкевич в своем предисловии к книге пишет: «По мнению писателя, «желание достичь чего-либо создает и организует новую материю, с которой раньше не имели дела, — нужна только некоторая степень напряженности этого желания, основанного на убеждении в том, что желаемое необходимо» (стр. 8). (Это место Горький отметил красной точкой).

На стр. 11-й предисловия Горький выделил абзац, сделав подчеркивания: «Но Шоу не останавливается на этом и впадает в невероятные преуве-

личения, утверждая, что природа может сразу сделать такой скачок, который нас разом перенесет в новую эру». На полях против этой фразы синим карандашом Горький написал: «А — природа социальных отношений?»

[1] Г—З II 2—51. Конверт № 20. Лист блокнота с водяным знаком «Commercial Paper». На обороте — текст об Эстрине и Смотрицкой (см. «Наброски к портретам», зам. 17). Судя по почерку и чернилам — записи были сделаны одновременно.

Датируется по содержанию.

«*Душа епископа*» ... — Герберт Уэллс. Душа епископа. Повесть совести, религии, жизненных тревогах и немного о любви. Пер. Г. Г. Брерсона. Ред. В. А. Азова. Предисл. Андр. Пиотровского. Л., изд-во «Атеи», 1924.

Чрезвычайно «оригинальны» ответы ангела епископу... — Горький имеет в виду следующее место из книги «Душа епископа»:

— «А истина? — спросил епископ возбужденным шопотом. Ты можешь сказать мне, что такое истина? — В ответ ангел дружески потренил епископа по волосам и на мгновение охватил голову епископа своей большой ладонью.

— Может ли это — вместить ее? — спросил епископ.

— Да, только не эта маленькая коробка с мозгами — согласился ангел. ...Тебе и не надо постигать этого умою» (стр. 118—119).

Не плохо сказал ангел: «Какое тебе дело до творения?» — («Душа епископа», стр. 119).

[2] Г—З II 2—54. Заметка на листе из блокнота с водяным знаком «Original».

Бог призвал к себе людей... — Горький имеет в виду следующее место книги «Душа епископа»: «В нем (т. е. боге. — Ред.) воплотился дух созидания и соединения с людьми. Он призывал к себе людей, нуждаясь в них, в их службе, как короли, генералы и вожди нуждаются в подчиненных» (стр. 121).

... об «опасности чрезмерной точности»... — Имеется в виду следующее место из проповеди епископа Скропа:

«Нет худшей лжи, чем мертвая обезличенная правда. Нет ереси, более достойной осуждения, чем ограниченное православие. Все религиозные союзы носят в себе эту опасность чрезмерной точности, которая искажает, и чрезмерной напыщенности, которая разделяет и продает» (стр. 191—192).

«Бог — владыка копеечной газеты...» — слова епископа Скропа. «Ведь мне нужно сказать нечто очень простое — что бог — владыка всего мира, владыка копеечной газеты, и омнибуса, и всех обыденных вещей, и что люди обязаны поклоняться ему и служить ему, как вождю своему, каждую минуту своей жизни» (стр. 246).

... Н. Клюевым в его «Субботе»... — Николай Клюев. «Мать Суббота». Пг., «Полярная звезда», 1922. «Ангел простых, человеческих дел» — строка, многократно повторяющаяся в поэме Клюева.

Г—З III 4—56. Конверт № 20. Заметка на листке с водяным знаком «Freia Post». Последняя фраза не дописана.

Датируется предположительно по письму Горького Р. Роллану от 21 октября 1924 г. с упоминанием «о сочувствии А. Франса... коммунизму» (АГ).

Когда А. Франс говорит о себе: я коммунист... — После Великой Октябрьской революции А. Франс вступил в Коммунистическую партию Франции и неоднократно высказывался в поддержку Советской России.

Николай Андреевич Гредескул (1864 — ?) — юрист и публицист.

В 1905 г.— видный деятель кадетской партии. В последние годы жизни — профессор ленинградских высших учебных заведений.

...журналист Лемке...— По-видимому, М. К. Лемке (1872—1923)— историк русской общественной мысли, журналистики, в то время член редколлегии журнала «Книга и революция».

12

Г—З IV 6—25. Конверт № 23. Датируется по выходным данным книги: Н. Сегур. Разговоры с Анатолем Франсом. М., изд-во «Сеятель», 1925, из которой Горький приводит мысли Франса.

13

Г—З II 2—46.

Датируется по времени выхода в свет книги: Д. Лоуренс. Флейта Аарона. Роман. Пер. с англ. М. Шика. М., «Недра», 1925 (с многочисленными пометами Горького хранится в ЛБГ).

Разрешение книги в XXI главе.— Глава называется — «Заклчительное слово» (стр. 383—400).

Приводим некоторые высказывания главного героя романа Лилли, отмеченные Горьким.

Стр. 388: «Какие пустыки! Скрип этих старых жерновов: любовь и бог, — вот что нас мучит, потому что нечего больше молоть. Пора забыть самые эти слова: религия, любовь, бог. Они, как гири, тянут нас на дно, связывают наши движения. Страхните это с себя, и вы свободно пойдете, куда вам нужно».

Стр. 389: «Целей не бывает. Я презираю понятие цели больше, чем все другие человеческие непристойности».

Стр. 396: «Единственная цель, которая имеется у человека, заключается в осуществлении желаний и побуждений, которые зарождаются в недрах его собственной личности»; «Вы всегда бессознательно полагали, что есть нечто вне вас, что может оправдать вас и снять с вас тяжесть ответственности: бог, вера, нравственный закон. Но надо, наконец, твердо усвоить, что собственно личность — вот единственное божество, которое может признаваться человеком».

... Да, человек сам для себя есть Древо Жизни».

Стр. 400: «Множество людей жаждет найти вождя. И это устремление в них закононо. Пусть они добровольно, в самой глубине своей подчинятся руководству более мощного, чем они, духа».

14

Г—З II 3—16. Конверт № 20. Заметка на листе из блокнота с водяным знаком «Original».

Датируется по времени публикации последней части романа «Николай Переслегин».

Федор Августович Степун (1884—1965) — писатель, философ. В начале 20-х годов эмигрировал за границу.

Роман Ф. Степуна «Николай Переслегин» печатался в следующих номерах журнала «Современные записки» — XIV, XV, XVII за 1923 г.; XVIII, XX, XXI, XXII за 1924 г.; XXV за 1925-й.

Герой романа, исповедующийся в письмах к своей жене, приходит к полному внутреннему краху. В последнем письме, написанном с фронта в декабре 1914 г., он сообщает, что идет в офицерскую разведку с чувством, что «за спиной смерть».

15

Г-З II 3—29. Конверт № 20. Лист из блокнота в клетку. Текст на обеих сторонах листа.

Датируется по выходу в свет первого номера белоэмигрантской газеты

«Возрождение», издававшейся в Париже под редакцией П. Б. Струве в 1925—1940 гг.

Антон Карташев (род. 1875)— профессор богословия, эмигрант. В письме к М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г. Горький писал об интеллигентах-эмигрантах, исповедующих «евангелие мести»,— И. А. Ильине, З. Гиппиус, И. В. Чайковском и Антоне Карташове. Последний охарактеризован как «человечек богобоязненный, но злой—как лисица» («Литературное наследство», т. 70, стр. 346). См. также характеристику Карташева в статье «О белоэмигрантской литературе» (т. 24, стр. 338).

«*Не святая Русь*».— Статья Мережковского была напечатана в газете «Русское слово» 11 сентября 1916 г., № 210.

...*И. А. Бунин в «Окаянных днях»*.— «Окаянные дни» — дневники И. А. Бунина 1917—1919 гг., проникнутые контрреволюционным настроением. Под впечатлением «Окаянных дней» Горький писал И. Вольнову (23 января 1925 г.):

«Полная же правда: эмигранты всех родов и партий — народ погибший. Уже. Если б вы знали, чем стал и как плохо пишет Бунин!» («Литературное наследство», т. 70, стр. 60).

16

Г—3 II 2—25. Конверт № 18. Датируется предположительно по орфографии и содержанию.

Абзац: «Рассказ А. В. Амфитеатрова... самый популярный» Горький перечеркнул красным карандашом и написал рядом: «Это не сюда».

Слова «Герцен и В. Г. Короленко» зачеркнуты черными чернилами и синим карандашом.

«*Не святая Русь Пушкина...*» — цитата из статьи Д. Мережковского «Не святая Русь» (см. зам. 15).

Первое письмо В. В. Розанова... — Наиболее ранние письма Розанова, сохранившиеся в Архиве А. М. Горького, относятся к 1905 г.

К. Леонтьев и Бакунин М. ...— В письме М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г. Горький писал: «Розанов был одним из наших «духовных» революционеров, — на мой взгляд, и хотя он был — из робости — косноязычен, но по прямолинейности мысли не хуже Константина Леонтьева и Михаила Бакунина» («Литературное наследство», т. 70, стр. 346).

17

Г—3 VI 7—82. Конверт № 23. Датируется предположительно по орфографии и содержанию (к 1925—1927 гг. относится ряд высказываний Горького об О'Генри).

Алексей Васильевич Яровицкий (псевдоним Коренев) (1876—1903) — писатель, участник Нижегородской социал-демократической организации. После смерти Яровицкого Горький собирался выпустить его произведения отдельной книгой.

18

Г—3 II 3—53. Конверт № 20. Датируется предположительно по времени выхода книги С. Цвейга «Амок». Л., «Время», 1926.

Горький цитирует не вполне точно фразу: «Люди со странностями могут зажечь во мне жажду узнать их, которая немногим меньше жажды обладания женщиной» (стр. 20).

19

ЛСГ 1—5—1. Датируется по содержанию и орфографии.

Часть текста опубликована в кн. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 284, и «Горький и зарубежная литература». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 94.

Иоган Бойер (1872—1959) — норвежский писатель. Переписку Горького

с И. Бойером за 1908—1910 гг. см. в кн. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 282—284.

«*В лунную ночь*» — возможно, оговорка Горького. В письме к Е. П. Пешковой от 26 января 1927 г. Горький просил прислать книги, изданные «Мыслью»: Йоган Бойер. Дирендаль. Л., 1926, и Жорж Сулье де Моран. Ветерок в лунную ночь. Л. [1927]. («Архив А. М. Горького», т. IX, стр. 264).

«*Северные герои*» — Роман. Пер. В. В. Харламовой и Н. М. Ледерле. Л., «Мысль», [1926].

20

Г—3 II 3—26. Конверт № 20. Листок из блокнота с водяным знаком «Richter ∞ C°, Napoli». Заметка о французской литературе написана на одной стороне листа. На обороте — заметка об американской литературе и остальной текст.

Датируется по письмам Горького И. В. Вольфсону и А. Б. Халатову (см. ниже).

Жозеф Жюлинон (р. 1887) — французский писатель, автор романа о войне «Служитель славы» («Сеятель», 1923) и ряда других романов из жизни французской провинции.

О Жюлиноне Горький писал И. В. Вольфсону 2 ноября 1926 г.: «Жюлинон — неудачная попытка найти новую форму для бытового романа, над этим безуспешно старается и Мак-Орлан» («Архив А. М. Горького», т. X, ч. 1, стр. 34).

Пьер Мак Орлан (р. 1882) — французский писатель. Автор книг «Огни Парижа» (Л., «Мысль», 1927), «Фабрика крови». Рассказы («Круг», 1927); «Ночная Маргарита» («Огонек», 1927). В предисловии к «Фабрике крови» Мак-Орлан писал: «Для нас, европейцев, существует новая фантастика — фантастика социальная. Прежние черты уже не находят в ней места. Они заменены неясными элементами будущего, допускающими всяческие заблуждения нашего воображения, если сравнить его со старыми традициями, нас воспитавшими» (стр. 8).

Шервуд Андерсон (1876—1941) был одним из любимых писателей Горького. Горький писал В. М. Ходасевичу 1 июля 1924 г. «На днях познакомился с оригинальнейшим писателем-американцем — Шервуд Андерсон — автором книги «Уайнсбург», совершенно новая вещь в американской литературе. Рад.» («Новый журнал», кн. 31, 1952, стр. 194). Книга «Уайнсбург, Огайо». Пер. с англ. П. Охрименко. М.—Л., 1924, с пометами Горького хранится в ЛБГ. В ЛБГ хранятся также книги с пометами: Шервуд Андерсон. По ту сторону желаний. Роман. Авторизованный перевод П. Охрименко. Вступ. статья С. С. Динамова. М., ГИХЛ, 1933; Шервуд Андерсон. История рассказчика. Предисл. С. С. Динамова. Гослитиздат, 1935.

Гарри Кемп (1883—1960) — американский писатель. Был бродягой, батраком, матросом. Свой жизненный путь обрисовал в автобиографическом романе «Исповедь американца».

Роберт Сервис (1874—1958) — канадский поэт и романист.

Джим Тулли (1891—1947) — американский писатель. Был батраком, бродягой. Историю своей жизни изобразил в книге «Автобиография бродяги».

О книгах Г. Кемпа «Многие милл» (М., ГИЗ, 1927) и Д. Тулли «Автобиография бродяги» (М.—Л., Госиздат, 1926) Горький писал Халатову 10 октября 1927 г.: «Есть целые ряды книг на одну тему и почти одинаково бездарных, напр. «книги американских «трампов, бродяг» («Архив А. М. Горького», т. X, ч. 1, стр. 91).

Амброс Бирс (1842—1914) — значительнейший после Эдгара По американский писатель «страшного жанра». При жизни не пользовался популярностью. Приобрел известность в 20-х годах.

Первая книга Бирса на русском языке: Амброс Бирс. Настоящее чудовище. Пер. с англ. В. А. Азова. Л., изд-во «Время», 1926.

Евгений О'Нейл (Юджин О'Нейл) (род. 1888) — известный американский

драматург. В журнале «Беседа» была помещена статья Б. Кларка «Евгений О'Нейл и американская драма» (1923, № 1).

Мнение Р. Роллана об американском идеализме.— Р. Роллан писал Горькому 1 августа 1924 г.: «Порой я прихожу в ужас при мысли, что Соединенные штаты могут получить когда-нибудь господство над миром. И американского идеализма я боюсь не меньше, чем капитализма США. Но, пожалуй, меня еще больше страшит пуританский идеализм. Пуритане приспосабливаются такой спокойной веры в непогрешимость своего идеала, что готовы искоренить все остальные» (АГ).

Горький писал по этому поводу Ромену Роллану:

«Я очень понимаю Вашу боязнь американского идеализма; да, если это будет,— это будет весьма вредно для Европы, которая, пожалуй, слишком жаждет покоя и, возможно, попытается отдохнуть от своего бунта, приняв некую смесь прагматизма с пуританизмом. Однако, я не думаю, что действие этого наркотика может быть длительно» (АГ).

Беседа с профессором Хейлорд — см. стр. 373.

Дьюи, его педагогика и философия...— Джон Дьюи (1859—1952) — американский философ, представитель философии прагматизма.

Горький встречался с Дьюи в 1906 г. в Адирондаке, где посещал философскую школу Дьюи. См. письмо Горького к Е. П. Пешковой (конец августа — начало сентября 1906 г., т. 28, стр. 437).

Брисбен (1864—1936) — издатель ряда американских газет. См. стр. 333.

Гиддингс — профессор Франклин Гиддингс (1855—1931), в 1906 г. выступил со статьей в защиту Горького «Социальное личевание Горького и Андреевой». В уже цитируемом письме к Е. П. Пешковой Горький писал о нем: «Очень хорош Гиддингс, социолог, мы с ним в дружбе».

21

Г—3 II 2—82. Конверт № 13. Бумага с водяным знаком «Extra Strong». Датируется по орфографии и содержанию.

Леля Р.— псевдоним поэтессы Нины Николаевны Берберовой, которым она подписывалась в рукописном журнале «Соррентийская правда».

Борис Михайлович Зубакин (1894—1937) — археолог, поэт, импровизатор, переписывался с Горьким, посещал его в Сорренто в апреле 1927 г. В ноябре-декабре того же года в Сорренто у Горького гостила Ольга Форш.

22

Г—3 II 2—39. Конверт № 20. Датируется по упоминанию произведений А. Жарова и П. Морана.

Письмо Жарова к барышне.— Очевидно, Горький имеет в виду стихотворение А. Жарова «Письмо любимой», напечатанное в сборнике: Александр Ж а р о в. Рост. Стихи. М.—Л., ГИЗ, 1927 (ЛБГ).

Горький отметил красным карандашом следующие строки этого стихотворения:

«Захотелось сердцем крикнуть громко:
Никакие вожжи не нужны!
Наша жизнь ведь началась в потемках,
А теперь
мы ей ослеплены!» (стр. 37)

Книга Морана.— Поль М о р а н. Ночи. Новеллы. Пер. с франц. под ред. Б. Горнунга и М. Эйхенгольца. Вступительная статья М. Эйхенгольца. М.—Л. ГИХЛ, 1927.

23

Г—3 VI 7—52. Конверт № 20.

Датируется по содержанию.

Мы каемся.— Эта же игра слов в письме Горького к И. А. Груздеву от 14—15 июня 1927 г. (см. «Архив А. М. Горького», т. X, стр. 128).

Нифонт Кумов — писмоводитель, один из персонажей романа «Жизнь Клим Самгина».

Жаров, в стихах кот[орого]. — Можно предположить, что Горький имеет в виду сборник Александра Жарова «Рост. Стихи», М.—Л., ГИЗ, 1927. В оглавлении этого сборника Горький отметил красной чертой следующие стихотворения Жарова: «Наши песни», «Старым друзьям», «Послание к женщине», «Письмо любимой», «На гроб Есенина», «Атаман», «У лесной опушки», «Стихи от бессонницы», «Гибель Пушкина», «Через голову критиков» (ЛБГ).

Родион Акульшин. — Возможно, Горький имеет в виду книгу Р. Акульшина «Проклятая должность (Очерки советской деревни)». М., «Круг», 1927.

Костя Рябцев — Н. О г н е в. Дневник Кости Рябцева. М. «Молодая гвардия», 1927.

Л. Пантелеев и Г. Белья — «Республика Шкид», М.—Л., ГИЗ, 1927. «Для меня эта книга — праздник, писал Горький, — она подтверждает мою веру в человека, самое удивительное, самое великое, что есть на земле нашей» (т. 30, стр. 17).

И. Жига — «Думы рабочих, заботы, дела». Л., 1927.

«Искры науки» — ежемесячный научно-популярный журнал. В № 2 (М., изд-во «Гудок», 1927), в разделе «Обо всем и отовсюду» сообщается о результатах работы археологических, медико-санитарных, этнографических и других экспедиций в разных областях СССР.

24

Г—З ХХ 13—16. Конверт № 20. Датируется по содержанию.

Василий Михайлович Андреев (род. 1889) — «Расколдованный круг». Сборник рассказов. Л., Госиздат, 1926.

В заметке выписаны фразы из речи студента Тихона, героя рассказа «Расколдованный круг», давшего наименование всему сборнику (см. стр. 112, 113). В письме к С. Н. Сергееву-Ценскому от 17 апреля 1927 г. Горький назвал Вас. Андреева среди тех молодых писателей, которые не поддаются «американизации»: «...Малашкин, Василий Андреев, Четвериков — можно считать десятков и больше» (т. 30, стр. 20).

25

Г—З II 2—48. Конверт № 20. Лист почтовой бумаги с водяным знаком «Hermes». Строки, отмеченные курсивом, вписаны красным карандашом.

Заметка — итог чтения Собрания сочинений О'Генри в четырех томах, которое было выслано Горькому И. Груздевым в мае—августе 1926 г.: т. I. «4 000 000». Л.—М., Госиздат, 1925; т. II. «Короли и капуста. Благородный жулик». Рассказы, М., Госиздат, 1925; т. III. «Авантюристы». Л., Госиздат, 1926; т. IV. Ковбой. Со статьей Б. М. Эйхенбаума «Вильям Сидней Портер». М.—Л., Госиздат, 1926 (Книги с пометами Горького хранятся в ЛБГ).

Время написания заметки — конец 1927 — начало 1928 г. Устанавливается по письму Горького И. Груздеву от 23 января 1928 г. (см. ниже).

Ахматова — 144 т[ысяч]. — Имеется в виду «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов», издававшихся Е. Н. Ахматовой в 1860—1890 гг.

Иностран[анная] лит[ература] и Н[овый] Ж[урнал]. — Имеются в виду: «Журнал иностранных переводных романов» (1876—1880). Издательница — редактор Е. И. Воронова; «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки». СПб., 1897—1909. Редактор-издатель Ф. И. Булгаков.

Пантеон, Фиорды, Шиповник, Саблин. — «Пантеон литературы», петербургский журнал (1887—1895); «Шиповник» — издательство в Петербурге (1906—1918), выпускало сборники «Фиорды» и «Северные сборники», в которых публиковались переводы современных западноевропейских писателей.

Книгоиздательство В. М. Саблина выпускало сочинения современных европейских писателей.

Поль де Кок (1793—1871), *Поль Феваль* (1817—1887), *Мариет Марлит* (1825—1887) — писатели, наиболее часто переводившиеся на русский язык.

Вся эта запись является опровержением утверждения Б. М. Эйхенбаума в его статье об О'Генри:

«Правда, русская литература была всегда в очень близких отношениях с западной, но лет десять-пятнадцать назад переводные романы скромно ютились в журналах, и страницы, ими заполненные, нередко оставались неразрезанными.

Так продолжалось до 1919—1920 гг., когда книжные лавки стали перестать переводами, поток которых к 1923—1924 гг. достиг необычайной силы» (О'Генри, т. IV, стр. 201. ЛБГ). Курсивом выделены слова, подчеркнутые Горьким.

О своих возражениях Б. Эйхенбауму Горький писал И. А. Груздеву 23 января 1928 г. («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 165).

Невада побегала к двери... — Невада — героиня рассказа О'Генри «Разные школы». См. т. III, стр. 126.

Пошлости, как рассказ о Еве... — См. т. III, стр. 129.

Сирано — В рассказе «Среди текста» (т. III, стр. 53) Горький против следующего абзаца написал на полях красным карандашом — «Сирано де Бержерак»:

«—Покорить ее для которого из нас? — спросил я.

—Для меня, конечно,— сказал Фергус.— Вы ее никогда не видели. Так вот я велел Франческе показать ей меня и выдать меня за вас». И далее до слов... «и как мы возьмемся за дело?»

Амброс Бирс. — На стр. 239 четвертого тома Собрания сочинений Горький отметил в статье Б. Эйхенбаума абзац от слов «По-видимому, это должен был быть...» до «Муррей был обманут сном», написав на полях красным карандашом: «Это Амброс Бирс».

стр. 203—23—41. Приводим места, отмеченные Горьким на страницах III тома.

Стр. 203: «Он наигрывал жиденькую мелодию, которую я слышал, когда был ребенком. Что-то вроде:

Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно». (Рассказ «Налет на поезд»).

Стр. 223: «Он был до неприличия богат и потому относился к искусству с благоговением». (Рассказ «Люби ближнего!»).

Стр. 241: «Ты когда-нибудь видел лошадь, навшугую белены? Подъезжай с ней к луже воды шириной в два фута, и она фыркнет и отпрянет назад. Ей эта лужа покажется шириной с Миссисипи». (Рассказ «Одинокая дорога»).

119 III — Здесь Горький поставил красным карандашом галочку против строк: «Державный... как вас бишь?... пришлось вам камнем стать! Напрасно вам писать или к телефону звать...»

Далила добродетели остригает самсонов порок. — Возможно, эта горьковская фраза относится к рассказу «Дверь в мир».

чужонец III — слово подчеркнуто Горьким на стр. 111 IV тома (рассказ «Жабаллеро»).

«Ходкая книга» — название рассказа, т. III, стр. 249—258.

Красота слога... III 82—83. — Возможно, имеется в виду стр. 82—83 третьего тома Собрания сочинений О'Генри (рассказ «Два ренегата»).

Горячий пунш — «Он имел обыкновение пить у себя в кабинете перед тем, как лечь, горячий пунш из рома и вина» (подчеркнуто Горьким) (т. II, стр. 287, рассказ «Дверь в мир»).

288 и Эйхенвальд — описка Горького: нужно Эйхенбаум (т. е. предисловие Эйхенбаума).

На стр. 288 второго тома Горький отмечает следующий абзац в рассказе «Дверь в мир». «Эх-ма! В таких случаях люди начинают разговаривать удивительно искусственной прозой. Но ничего с этим не поделаешь. В каждом

из нас живет, в подсознательной области, актер, становящийся в позу, как только он увидит огни рампы.

Взволнуйте как следует глубину души вашей кухарки, и она заговорит в стиле героинь Бульвер-Литтона.

Б. Эйхенбаум же пишет о «литературной иронии» Генри: «Для общего пародийного уклона Генри очень характерно, что он часто делает темой своих рассказов вопросы самого литературного ремесла, теоретизирует и иронизирует по поводу стиля, то и дело говорит о редакторах, издателях, требованиях читателей и т. д.» (стр. 225).

В конверте № 20, кроме этой заметки, лежали еще две заметки об О'Генри, опубликованные в «Архиве А. М. Горького», т. VI, стр. 213.

Одна из них, № 10, относится, по-видимому, к 1925 г., другая, № 9, представляет собой план задуманной Горьким в 1926 г. статьи об О'Генри для Америки.

26

Г—3 II 3—19. Конверт № 20. Лист из блокнота с водяным знаком «Anie ne Mill».

Датируется по содержанию.

В письме И. Груздеву от 23 марта 1927 г. Горький писал о романе. «В Леонове предчувствуется *большой русский писатель, очень большой*. Вот он пройдет сквозь Достоевского и другие дебри к своей выдумке, к своему языку, и Вы увидите, какая замечательная фигура встанет пред Вами. «Вор» — вещь очень смелая и весьма искусно построенная» («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 111).

Отдельное издание романа «Вор» (М. — Л., Госиздат, 1928) Л. Леонов выслал Горькому в Сорренто 10 января 1928 г.: «...посылаю вам еще тепленького «Вора» («Литературное наследство», т. 70, стр. 254).

«*Время показало...*» — у Леопова: «Все это показывало одно: сколь велика была жажда романтики в те негероические будни» — конец гл. IX, ч. III, страницы 369 (страница указывается по первому изданию романа).

«*Мысль — вот где источник страдания...*» — Слова героя романа Чикилева, стр. 253. Эти же слова Горький цитирует в письме к С. Цвейгу от 20 января 1929 г. («Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 33).

«*Разумом нельзя человека «постичь»*» — слова Митьки в беседе с Аташевым, стр. 445.

«*Художественно верное произведение...*» — стр. 458.

«*Силу вырвать...*» — из слов Митьки о Маше Доломановой: «Тянет Далилину руку к буйным волосам Самсона, певучую силу вырвать из них, — не подвиг ли твой, женщина?», стр. 491.

«*Мечтатели всегда лживы*» — У Леопова: «Митька улыбнулся мысли, что, пожалуй, Донька и в самом деле мечтатель, а мечтательные всегда лживы», стр. 491.

«*По слабости, присущей всем людям...*» — стр. 503.

27

Г—3 II 2—94. Конверт № 20. Где именно высказался Жироду о «Деле Артамоновых», установить не удалось. В Архиве Горького письма Жироду нет. Датируется предположительно, по письму Горького к С. Н. Сергееву-Ценскому от 5 февраля 1928 г.: «Вот — курьез: Жан Жироду, писатель, коего я, кстати сказать, недолюбиваю, нашел, что в «Деле Артамоновых» первое и самое значительное лицо — Тихон Вялов» (т. 30, стр. 72).

Отзыв Жироду приводит Горький и в других письмах: «Жироду, читавший книгу мою в итальянском переводе, нашел [кажется], что Тихон — очень удался мне и страшен» (письмо Р. Роллану от 5 апреля 1928 г., т. 30, стр. 90—91). «Тихон Вялов кажется Вам «фигурой совершенно излишней» и «непопятной для читателя». Я думаю, что «излишней» можно назвать фигуру эпизо-

дическую, но едва ли это будет верно по отношению к Вялову, который проходит по книге с первых ее страниц до последней. Французский писатель Жан Жироду считает Вялова законным и удачным противопоставлением Артамоновым, как «дельцам», воплотителям активного отношения к действительности» (письмо А. И. Елисееву от 31 марта 1930 г. — АГ).

Книгу он читал в итальянском переводе — «Gli Artamonov: romanzo. Versione di E. Cadei. Milano, Treves, 1926.

28

Г—3 IX 10—13. Конверт № 20. Написано на листе с водяным знаком «Hermes».

Датируется по статье Горького «О пользе грамотности», впервые опубликованной в газете «Читатель и писатель», 17 марта 1928 г., № 11. В этой статье Горький писал: «Редактор — это человек, который в известной мере учит писателя, воспитывает его, как воспитывал Салтыков-Щедрин Сергея Атаву-Терпигорьева, как помогал встать на ноги Осиповичу-Новодворскому и целому ряду других писателей. Так же отлично воспитывал молодежь В. Г. Короленко и А. Горнфельд, делали эту работу Викт. Острогорский, А. Богданович, Викт. Миролюбов» (т. 24, стр. 326).

29

Г—3 VI 7—11. Конверт № 14.

Датируется по содержанию и орфографии.

...М. И.—Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская, род. 1892)—секретарь А. М. Горького. Познакомилась с писателем в ноябре 1919 г., работая в издательстве «Всемирная литература» в секции исторических картин. М. И. Будберг вспоминала в 1961 г.: «Я так много слышала о нем, читала большинство его книг. Однако я была изумлена смесью жизнерадостности, версальской повадки, смелостью, веселым нравом, целеустремленностью. С тех пор я была тесно связана с ним и его семьей. Россия, Германия, Чехословакия, Сорренто... Когда он покинул Сорренто и вернулся в Россию в 1933 году—мы все время продолжали быть в контакте» (АГ).

М. И. Будберг принадлежат переводы многих произведений Горького и советских писателей на английский язык.

30

Г—3 II 2—10. Конверт № 18. Текст написан красным карандашом. Слова «Главискусство» — черными чернилами.

Датируется по содержанию.

Главискусство при Наркомпросе РСФСР было организовано в 1928 г. Начальником был назначен Алексей Яковлевич Свицерский. А. Б. Халатов в Главискусство назначен не был.

31

Г—3 XXVII 16—18. Конверт № 25

Датируется предположительно по письму Горького И. А. Груздеву от 15 февраля 1929 г. (т. 30, стр. 123).

Г—3 II 2—5. Конверт № 14. Датируется по письму Горького к И. А. Груздеву от 7 января 1930 г., в котором он использовал эту заметку. Характеризуя изданную в 1929 г. книгу В. А. Поссе «Мой жизненный путь», Горький писал: «На днях прочитал его книгу. Зеркало, в котором он видит себя, превосходно увеличивает и украшает фигуру. Многие он забыл, много рассказал не совсем так, кое-что — совсем не так. Но это — участь всех, кто видит себя «одной» из главнейших сил, кои творят «историю» («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 211). О книге В. А. Поссе Горький писал и Е. П. Пешковой 18 ноября 1929 г. («Архив А. М. Горького», т. IX, стр. 280).

Хорош бы я был в компании Черткова, Страндена, Дитерихса. — Горький имеет в виду то место из книги В. А. Поссе, где он, рассказывая об эмигрантском периоде своей жизни, писал, что надеялся на «нелегальный» приезд Горького за границу для возобновления издания журнала «Жизнь». Здесь же В. А. Поссе давал характеристику своему тогдашнему окружению. *Владимир Григорьевич Чертков* (1854—1936) — последователь Л. Н. Толстого. *Дмитрий Владимирович Странден* — долгое время жил в семье В. Г. Черткова, был учителем его сына, теософ, автор книги «Забытая страна христианства». *Иосиф Константинович Дитерихс* (1866—1931) — брат А. К. Чертковой, жены В. Г. Черткова.

...один из сотрудников... мне. — Вероятно, имеется в виду письмо М. И. Волкова к Горькому от декабря 1911 — января 1912 г., в котором он дал незаслуженно резкую характеристику В. А. Поссе. Об этом несохранившемся письме можно судить по ответному письму Горького к М. И. Волкову от января 1912 г. (АГ).

...загр[а]ничной Ж[изни]... — Речь идет о литературно-художественном, научном и публицистическом журнале демократического направления, выходившем в Петербурге с января 1897 г. В июне 1901 г. журнал «Жизнь» был закрыт. Поводом для закрытия послужили напечатанные в журнале произведения Горького — «Трос» и «Песня о Буревестнике». В. А. Поссе, как фактический редактор, был арестован. Издание журнала было возобновлено после его освобождения в 1902 г. в Лондоне и Женеве.

Г—3 III 4—b4. Конверт № 20.

Датируется по времени выхода в свет романа Альдоса Гексли (Олдоса Хаксли — р. 1894) «Сквозь разные стекла». Л. «Время» [1930]. Книга с большим количеством помет хранится в ЛБГ.

«Британцы никогда не будут рабами». — Горький подчеркнул эту фразу на стр. 299 романа «Сквозь разные стекла».

Мария (Мэри) Корелли (1885—1924) — английская романистка. В заметке об О'Генри [1926] Горький писал: «Очень характерно, что большинство утешителей его типа — англосаксы. Таков Д. Локк, такова была Корелли, не чужд этому пороку Диккенс» («Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 213).

Гемфри Уорд (псевдоним Мэри Августы Уорд, 1851—1920) — английская писательница. В статье «Еще раз об «Истории молодого человека XIX столетия» (1932) Горький причислил Мэри Корелли и Гемфри Уорд к «зававникам и утешителям мещанства» (т. 16, стр. 311).

Г—3 II 3—54. Датируется по орфографии.

Г—3 II 2—3. Конверт № 18. Датируется по орфографии.

Г—3 II 3—70. Конверт № 20. Лист из блокнота. Чернила черные. Слова «отказ от действительности» и «толчки и удары» вписаны синим карандашом. Датируется по орфографии.

И никогда раньше Флобер не кричал так громко... о своей антиобщественности. — В кн. Г. Фл о б е р. Письма 1831—1854 гг. (Пер. Б. А. Грифцова, Т. Ириновой и М. И. Ромма, статья и примечания М. Эйхенгольца и Ю. И. Данилина. М. — Л., ГИХЛ, 1933) Горький отметил красным карандашом в письме Флобера к Луизе Колэ от [14 декабря 1853 г.] следующее место: «Я ненавижу стадо, правило и общий уровень! Бедуином готов быть, сколько хотите, но гражданином никогда» (ЛБГ, стр. 392).

Г—3 VI 7—34. Конверт № 18. Текст черными чернилами на листке из блокнота в клетку. На том же листе синим и красным карандашами написан отзыв, по-видимому, о какой-то рукописи.

Датируется по орфографии.

Г—3 III 5—14. Конверт № 25. На этом же листе запись: «Труд превращается в искусство управлять силами природы. Там, где власть ставит целью своей культурное воспитание масс, — там труд людей превращается...»

Мистический анархизм — одно из литературно-философских течений русского символизма, возглавленное Г. И. Чулковым, автором книги «О мистическом анархизме» (СПб., изд-во «Факелы», 1906).

Г—3 II 2—41. Конверт № 20. Датируется по орфографии.

Г—3 II 314. Заметка на листе из блокнота с водяным знаком «Rictor Napoli». Датируется по орфографии.

Г—3 XI 12—13. Конверт № 24. Датируется по орфографии. Афоризм, построенный на сопоставлении павлина и осла, см. в разделе «Разные заметки», № 47.

Г—3 XII 12—8. Написано красным и синим карандашами на обеих сторонах листа из блокнота в клетку большого формата. Вычеркнутые недописанные фразы написаны синими чернилами.

Датируется по содержанию.

Горький имеет в виду выступление на собрании партактива г. Воронежа секретаря Воронежского обкома ВКП(б) И. М. Варейкиса «Некоторые замечания о нашей художественной литературе» (27 апреля 1934). В Архиве А. М. Горького хранится краткая стенограмма этого выступления.

Н. М. Баранов (1836—1901) — нижегородский губернатор. См. о нем у Горького: «С Всероссийской выставки» (т. 23, стр. 229); «О женщине» (т. 27, стр. 193); «О том, как я учился писать» (т. 24, стр. 493—494). Выведен Горьким в рассказе «Экзекуция». См. Собр. соч., т. 17, стр. 334—410.

«Десять дней...» — Имеются в виду «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида, «Конармия» Бабея, «Командарм 2» И. Сельвинского, «Бронепоезд 14-69» и «Голубые пески» Вс. Иванова.

Г—З II 2—21. Конверт № 18. Рабочая запись на листе из блокнота синим и красным карандашами.

Датируется на основании совещания у Горького на подмосковной даче в Краскове — 27 мая 1931 г. На совещании этом обсуждались вопросы, связанные со сборником «День» и «Библиотекой поэта». В письме И. А. Груздеву Горький 20 июня 1931 г. писал: «...Бумагу для «Библиотеки поэта» гарантировали А. С. Бубнов 15 т. и Халатов 15 т.» («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 272).

Лев Николаевич Федоров (1891—1952) — один из активных организаторов ВИЭМа.

П[етр] П[етрович] — Крючков.

Чумандрин — Возможно, имена М. Ф. Чумандрина и Ю. Либединского упоминаются в связи с идеей создания «Мастерской театра импровизаторов». См. «Литературное наследство», т. 70, стр. 684.

44

Г—З X 11—54. Конверт № 20. Перед текстом рукою Горького синим карандашом поставлена цифра «1».

Датируется по публикации статьи «О краеведении» 18 июня 1931 г.

45

Г—З II 2—100. Возможно, план статьи. Бумага большого формата. Заполнена треть первой страницы. Название написано в левом углу страницы. Слова «Народ страдает ∞ Бей. 500% наживешь» — написаны на полях (слева).

Датируется предположительно по связи со статьей «Беседы о ремесле» («Литературная учеба», 1931, № 9, сентябрь): «О «гармонической личности» люди мечтали на протяжении многих веков, сотни художников слова и философов, но самое честное и высокое, что было выдуманно, оказалось смешным, это — Дон Кихот.

Что может сделать Дон Кихот для освобождения сотен миллионов людей из плена собственности, из-под гнета капитализма?

Мы живем в эпоху, когда гармонической и действительно, решительно, до конца свободомыслящей личностью становится пролетариат. Только он способен победить «враждебную силу мира», и только он, победив, создаст все необходимые условия для свободного роста гармонической личности» (т. 25, стр. 359).

46

Г—З II 2—103. Возможно, начало статьи на листе большого формата с полями. Нижняя часть листа оторвана.

Датируется предположительно по почерку и бумаге.

47

Г—З II 2—91. Конверт № 20.

Датируется по орфографии и времени пуска Харьковского тракторного завода (в конце 1931 г.).

О каком рассказе (возможно, напечатанном в белоэмигрантской прессе) идет речь, установить не удалось.

48

Г—З XVIII 13—7. Конверт № 18. Бумага в клетку с водяным знаком «Extra strong». Фамилии: Сутырин, Иванов, Авербах — вписаны синим карандашом. На полях подчеркивания красным карандашом.

Датируется по содержанию.

Состав секретариата Оргкомитета. — Оргкомитет был создан после Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. для подготовки Первого Всесоюзного съезда советских писателей. Состав Оргкомитета был сообщен в газете «Правда» от 15 мая 1932: М. Горький — почетный председатель, И. Гронский — председатель, В. Кирпотин — секретарь. Президиум Оргкомитета избран в составе: И. Гронского, В. Кирпотина, А. Фадеева, Ф. Панферова, А. Малышкина, Л. Леонова, Н. Тихонова и др.

Редактором «Литгазеты»... — Редактором «Литературной газеты» в 1932 г. был назначен В. Кирпотин.

Вести трех-четырех рабочих... — Вероятно, эта запись связана с постановлением главной редакции «Истории заводов» — «О работе по «Истории заводов» («Правда», 10 апреля 1932 г.).

О детиздате — О недостатках детской литературы и работе издательства «Молодая гвардия» состоялось совещание при участии писателей и представителя Оргкомитета П. Павленко («Литературная газета», 11 июня 1932 г.).

Культурпрон — Стецкий... — А. И. Стецкий (1896—1939) — был в то время заведующим отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б).

Институт (Литгауз). — По-видимому, речь идет о Литературном институте А. М. Горького при ССП, который был организован в 1934 г.

49

Г—З II 2—102. Большой лист бумаги с полями. Текст со слов «Художественная литература...» написан на полях.

Датируется предположительно по содержанию.

С 1927 г. Горький — председатель Редакционного совета издательства «Academia». В 1932 г. работа издательства была реорганизована при участии Горького. Возможно, публикуемый текст является наброском статьи по поводу реорганизации издательства.

50

Г—З XII 11—14. Конверт № 18. Датируется по содержанию.

Самопомощь — взаимопомощь. — По-видимому, Горький имеет в виду организацию работы Литфонда.

51

Г—З II 2—31. Конверт № 18. Датируется по содержанию.

Со слов «Ничего не...» текст написан красным карандашом.

52

Г—З II 3—40. Конверт № 20. Заметка написана черными чернилами. Слова «Съезд победителей» написаны синим и красным карандашами, возможно, позже основного текста. Слова «Не от лучин» — малиновым карандашом.

Датируется по содержанию.

«Ты работаешь — я творю». — В статье 1933 г. «О прозе» Горький писал о слове «творчество»: «Я думаю, что это — вредное словечко, ибо оно создает между литератором и читателем некое — как будто — существенное различие: читатель изумительно работает, а писатель занимается какой-то особой сверхработой, «творит» (т. 26, стр. 392).

Съезд победителей — XVII съезд ВКП(б). Открылся 23 января 1934 г.

В 7-й книге жур[нала] «Литкритик» — за 1933 г. В этом номере напечатаны статьи А. Болотникова «Заметки о «Последнем из удэге» А. Фадеева», Вс. Вишневецкого «Знать Запад!» (полемика с Д. Мирским о Д. Джайсе), Л. Тимофеева «О библиотеке поэта» и др.

Вошь из «Воскресенья» Л. Толстого... — Горький имеет в виду сцену в камере политических, куда пришла девочка, дочь уловника.

«А Маша что там делает?»

...Вычесывает свою приемную дочку, — сказала Ранцева.

— А насекомых она не распустит на нас? — сказал Крыльцов.

— Нет, нет, я аккуратно. Она теперь чистенькая, — сказала Мария Павловна».

Сходные сцены Горький увидел в романе Льва Нитобурга «Немецкая слобода» (М., «Сов. лит-ра», 1933, стр. 36) и романе А. Фадеева «Последний из удэге» (ГИХЛ, 1933, стр. 47).

Читая роман Фадеева в этом издании (хранится в ЛБГ), Горький неоднократно отмечал влияние Л. Н. Толстого, ставив на полях букву Т. или «Толстой».

«Теория «сверхкомплектности». — О теории «сверхкомплектности» Горький писал в статье «О темах» («Правда», 17 октября 1933 г.): «Вполне допустимо, что гипотеза «энтропии» — тяготения энергии к покою — является только выражением стремления утомленной мысли к отдыху, к успокоению. Также и учение о «сверхкомплектности» — о том, что физиологические дефекты организма будто бы восполняются повышением интеллектуальных способностей, — является учением, основная идея коего, будучи перенесена в область социологии, оправдала бы позорные уродства общественных отношений, как пытались оправдать их Мальтус и многие другие мыслители буржуазии» (т. 27, стр. 98).

53

Г—3 II 3—9. Конверт № 20. Датируется по содержанию. Мысли, изложенные в заметке, Горький развил в докладе о советской литературе на Первом съезде советских писателей (27 августа 1934 г.).

...*Скутаревский, роман и пьеса.* — Роман Л. Леонова «Скутаревский» был опубликован впервые в «Новом мире», 1932, № 5—9. Отдельное издание романа вышло в октябре 1932 г. Спектакль «Скутаревский» был поставлен в Малом театре весной 1934 г.

Гренландские ледниковые лишай. — Горький имеет в виду гипотезу Е. С. Гернега о возможностях уничтожения гренландского ледяного покрова, изложенную в книге: «Капитан дальнего плавания Е. С. Гернет. Ледяные лишай (Новая ледниковая теория, общедоступно изложенная)». Токио, 1930. (Книга была прислана Горькому К. Паустовским).

В письме к Ромену Роллану от 26 мая 1934 г. Горький писал: «Сегодня познакомился с книгой человека, который предлагает уничтожить полярные льды и вернуть Сибирь и Канаду в «райские условия» миоценового периода. Эта фантазия говорит о возбуждении творческой мысли, направленной к цели действительного «изменения мира» (т. 30, стр. 349).

Луи Селин. — Речь идет о его романе «Путешествие на край ночи».

54

Г—3 II 3—39. Конверт № 20. Текст на листе большого формата. На полях написано: «человек в битве против всех. Старость за счет юности...»

Заметка датируется по содержанию и по письму Горького В. Я. Зазубрину от 20 ноября 1934 г., где Горький говорит о Мориаке, Низане, Селине и Мартене дю Гаре (см. «Архив А. М. Горького», т. X, ч. 2, стр. 404).

Книги... — Роже М а р т е н д ю Г а р. Старая Франция. Пер. Г. Блока. Л., «Время», 1934. Книга хранится в ЛБГ. Дарственная надпись переводчица: «Алексею Максимовичу от переводчика с большой просьбой непременно прочитать этих французских подлиповцев. 7.V 1934»; Луи Фердинанд С е л и н. Путешествие на край ночи. Пер. с франц. Эльзы Триоле. М.—Л., ГИХЛ, 1934. Об этой книге Горький говорил в докладе на Первом съезде советских писателей (т. 27, стр. 313); Франсуа М о р и а к. Клубок змей. Роман. Пер. с франц. А. И. Новиковой. М., ГИХЛ, 1934. Этот роман Горький относил к «весьма ценным книгам», обличающим французское общество

(т. 27, стр. 270); Поль Н и з а н. Антуан Блуайе. Роман Пер. с франц. Н. Габинского и Н. Немчиновой. М., ГИХЛ, 1934. Книга дарственной надписью П. Низана (Moscou, 1/XII—1934 г.) хранится в ЛБГ.

55

Г—З II 2—95. Конверт № 20. Слова «В Москву» написаны красным карандашом. Весь остальной текст — чернилами.

Заметка представляет собой предварительный набросок мыслей о советской литературе, развернутый в письме Горького А. С. Щербакову (в то время секретарю Правления ССП) от 13 ноября 1934 г. (см. «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 358—360).

56

Г—З VIII 10—12. Конверт № 23. На этом же листе заметка, связанная со статьями Горького «О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних». Датируется по времени написания этой статьи (АГ).

57

Г—З XI 12—12. Конверт № 23. Датируется предположительно по орфографии и по связи со статьями Горького 1934—1936 гг., затрагивающими вопросы фольклора («Доклад на Первом съезде советских писателей», «О сказках», «Об искусстве» и пр.).

58

Г—З XI 12—17. Конверт № 18. Заметка возникла, по-видимому, в процессе работы над письмом А. А. Суркову «О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних» и замечаниями о «Проекте программы для литкружков», написанными в начале 1935 г.

В письме Суркову Горький писал: «Мы обязаны ответить на вопрос, каковы были социальные мотивы происхождения религиозных представлений... Вам, вероятно, известно, что, по моему мнению, которое я ведь «не из пальца высосал», боги древности, благоприятные людям, были мастерами и «героями труда» (т. 27, стр. 494—495).

59

Г—З II 2—12. Конверт № 18. Заметка на листе из блокнота написана синим карандашом. Фамилия Кнорринг красным карандашом.

Датируется на основании третьего раздела статьи «Литературные забавы», в котором изложены факты, собранные в заметке. Статья впервые опубликована в «Литературной газете» 24 января 1935 г.

Голландец Ласт — Иеф Ласт (р. 1903), участник Первого съезда советских писателей. Горький ошибся: Ласт выступал на съезде 25 августа 1934 г. от имени революционных писателей Голландии. В статье «Литературные забавы» Горький излагает этот эпизод, не называя фамилии Ласта.

Сергей Сергеевич Динамов (1891—1939) — литературовед, в то время редактор журнала «Интернациональная литература». В опубликованном тексте статьи «Литературные забавы» имя Динамова не упоминается. В первой редакции статьи было: «...Говорят, Динамов отказался печатать стихи Гетнера...» (АГ).

Испанка Тереза Леон — известная писательница Мария-Тереза Леон, участница Первого съезда советских писателей.

60

Г—З II 2—38. Датируется на основании приложенной к заметке газетной вырезки с рецензией Е. Журбиной на «Голубую книгу» М. Зощенко («Литературная газета», 14 сентября 1935 г.).

Г—З XI 12—10. Конверт № 20. По содержанию заметка связана с замечаниями Горького «К проекту программы для литкружков» (см. «Архив А. М. Горького», т. III, стр. 238).

Датируется предположительно, по сопоставлению с упомянутой статьей Горького.

62

КГ—П 53—6—7. Заметка на письмо Горького Н. Н. Накорякову от начала мая 1936 г. («Архив А. М. Горького», т. X, ч. I, стр. 320—321) написана красным и синим карандашами.

Заметка относится к проекту «Антологии советской поэзии за 20 лет», которую предполагалось издать к XX-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

63

Г—З XXI 14—1. Записка красным карандашом в Лавку писателей.

Датируется по сообщению Д. Айзенштата в статье «Большой друг книги» («Советский книжник», № 12, 1936, стр. 10—12) о том, что этот список был передан в Книжную лавку писателей личным библиотекарем Горького Г. Подольским 3 июня 1936 г.

Р. Олдингтон. Дочь полковника. Пер. с англ. З. Вершининой, предисл. Д. Мирского. М., Гослитиздат, 1935.

С. И. Кирсанов. Золушка. Поэмы всех сказок в двенадцати главах и трех загадках с ключом. М., ГИХЛ, 1936.

Эти книги с пометами Горького хранятся в ЛБГ.

В. Чернецов. Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов) под ред. и с предисл. В. Г. Богораза-Тана. Л., ГИХЛ, 1935.

О книге В. Чернецова «Вогульские сказки» Горькому писал И. Груздев в письме от 26 ноября 1935 г. («Архив А. М. Горького», т. XI, стр. 348).

[О ЯЗЫКЕ]

1

Г—З XII 12—16. Написано на бумаге с водяным знаком: «Original Columbia Mill».

Датируется по бумаге.

В 1928 г., отвечая литкружковцам на вопрос о том, как он осмысляет слово «совесть», Горький в письме от 20 ноября в развернутой форме повторяет свои соображения, высказанные в заметке (т. 24, стр. 557). См. также заметку 2.

2

ПСГ 7—21—1. Написано на листе из блокнота одновременно с вариантами начала статьи о поездке Горького по Союзу Советов (см. стр. 153—155).

3

Г—З XII 12—10. Конверт № 25 Написано на бумаге с водяным знаком «Extra Strong». На этом же листе начало письма неизвестному лицу «Дорогой друг мой, —

Зачем Вам так много неприятностей? Что за жадность!»

Датируется по орфографии.

Г—3 XII 12—9. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Г—3 XII 12—5. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 XII 12—7. Конверт № 25. Датируется по сорту бумаги.

Г—3 XII 12—11. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Г—3 XII 12—12. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Г—3 XV 12—17. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

[О НАУКЕ]

Г—3 XV 12—25. Датируется по орфографии.

Г—3 XV 12—7. Конверт № 18. Написано на листке из блокнота с водяным знаком: «Original».

Датируется предположительно по содержанию и бумаге.

Сергей Иванович Метальников (1870—1946) — ученый-биолог. После революции 1917 г. эмигрировал во Францию, был профессором Пастеровского института в Париже.

В заметке, по-видимому, речь идет о книге Метальникова «Проблема бессмертия в современной биологии» (Пг., Тип. Кюгельген, Глич и К°, 1917).

Горький намечает историю вопроса, как она изложена в работе Метальникова, попутно приводя материалы из трудов других ученых.

Эмиль Мопá (1842—1916) — французский ученый-биолог.

Эуген Штейнах — см. стр. 372. Горький мог ознакомиться с опытами Штейнаха по книге: Н. Е. Ишлонский. Этюды сексуальной биологии. Произвольное изменение пола и искусственное омоложение по профессору Штейнаху (Берлин, изд-во «Врач», 1923).

Сергей Александрович Воронов (1866—1951) — директор хирургической лаборатории в Париже, так же как и Штейнах, применял метод омоложения человека при помощи пересадки половых желез молодых животных (преимущественно обезьян). Горький мог ознакомиться с опытами Воронова по его книге: «О продлении жизни». М., изд-во М. и С. Сабашниковых, 1923.

Яворский. — По-видимому, речь идет о французском враче Лео Яворском, практиковавшем опыты омоложения при помощи переливания молодой крови, вернее ее впрыскивания.

Макс Ферворн (1863—1921) — немецкий ученый-физиолог.

Горький имеет в виду книгу Макса Ферворна «Естествознание и мировосприятие. Проблема жизни. Современные проблемы». СПб., 1909 (экземпляры

книги хранится в ЛБГ). Положение о том, что «бессмертна только элементарная материя», развито на стр. 90. Там же приведено мнение А. Вейсмана о том, что только одноклеточные организмы являются в известном смысле бессмертными.

Проф[ессор] Хайлорд — Гарвей Гейлорд.

3

Г—З IX 10—14. Конверт № 20. Очевидно, заметка была написана во второй половине 1923 г., в период пребывания Горького в Германии.

Ганс Файхингер — Hans V a i h i n g e r. Die Philosophie des Als-ob. Berlin, Verlag von Reuther. & Reichard, 1911.

По свидетельству М. И. Будберг, Горький ознакомился с книгой Файхингера в ее устном переводе с немецкого.

Сюда — предисловие к основному «Курсу физики» О. Д. Хвольсона. — О. Д. Х в о л ь с о н. Курс физики. Изд. 4. Пг., 1914—1919.

Орест Данилович Хвольсон (1852—1934) — известный русский физик. См. о нем в письме Горького к Карпинскому от 19 октября 1927 г. (т. 30, стр. 39—40).

Беседа с О. Д. в Берлине по поводу Эйнштейна. — Возможно, именно об этой беседе Горький писал М. Слонимскому 8 мая 1925 г. из Сорренто («Литературное наследство», т. 70, стр. 388).

Хвольсон приехал в Берлин в июле 1923 г.

Хвольсон на редакционных заседаниях в Петербурге. — Профессор О. Д. Хвольсон был членом редакционной коллегии Издательства З. И. Гржебина, возглавлял отдел физики.

«Наука и ее значение» — серия книг, намеченных к выпуску Издательством З. И. Гржебина. О. Д. Хвольсон был автором книги «Физика и ее значение для человечества». Берлин, Госиздательство, 1923.

Фриц Маутнер — F. M a u t h n e r. Wörterbuch der Philosophie. Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd 1—3. Leipzig, 1923—1924. (первое издание словаря — München, 1910—1911).

4

Г—З IV 6—47. Конверт № 23.

Датируется по выходным данным книги Н. Е. Ишлонского «Этюды сексуальной биологии» (Берлин, изд-во «Врач», 1923), из которой Горький приводит выдержку (стр. 72).

5

Г—З XV 12—15. Написано на листе из блокнота большого формата с водяным знаком «Original». Разделительные знаки (звездочки) поставлены в тексте красным карандашом рукою Горького.

Датируется по статье (без подписи) «К теории северного сияния» («Беседа», 1924, № 5, июнь, отдел «Научные заметки»), послужившей поводом для заметки.

Ларс Вегард (р. 1880) — норвежский физик, профессор университета в Осло (с 1918), автор работ по исследованию спектра полярного сияния с точки зрения строения земной атмосферы.

6

Г—З III 5—11. Конверт № 23. Датируется по статье «Проектируемый полет Амундсена через Северный полюс» («Беседа», 1924, № 5, июнь, отдел «Научные заметки»), в которой сообщалось, что полет предполагается совершить летом текущего года. Статья сопровождается следующим редакционным примечанием: «Эти строки были уже набраны, когда получилось известие, что и в этом году полет не состоится».

Александр Евгеньевич Ферсман (1883—1945) — минералог и геохимик

Г—З XV 12—21. Датируется О. Ф. Старковой.

Арсений Викторович Старков (1874—1927) — ученый-анатом, с 1922 г. жил в Праге, где занимал кафедру в Университете. Как сообщает О. Ф. Старкова, Горький встречался со Старковым в Сорренто летом 1924 и 1925 гг. Гипотеза о влиянии височных и затылочных мышц на развитие черепа и наблюдения над муравьями (см. стр. 261. — *Ред.*) нигде в его (Старкова) научных работах не отражена. Это — явно предположение, высказанное во время бесед и дискуссий на научные и философские темы» (АГ).

Василий Васильевич Берей-Флеровский (1829—1918) — автор книги «Азбука социальных наук» (СПб., 1871. Экземпляр книги с пометами писателя хранится в ЛБГ).

Г—З XV 12—22. Конверт № 25. Написано на бумаге с водяным знаком: «Extra Strong».

Датируется по упоминанию А. В. Старкова (см. выше).

Д. Георг Вуд — «Гнезда, норы и логовища». Пер. с англ. Н. Страхова. СПб. — М., изд-во М. О. Вольф, 1867.

Джон Леббок — «Муравьи, пчелы, осы». Пер. с англ. Д. Аверкиева. СПб., изд. А. Суворина, 1884.

Г—З XXI 14—57. Лист из блокнота с водяным знаком: «M. L. A». Слова: «Маковельский. Баку. ∞ Университет» — написаны малиновым карандашом. Весь остальной текст — черными чернилами.

Можно предположить, что запись эта относится к 1925 г., когда Горький предложил А. О. Маковельскому, профессору Бакинского университета, написать книгу «Философия и наука в XIX веке». (См. письма Вяч. И. Иванова к Горькому от 7 января и 29 октября 1925 г. — АГ). Замысел не был осуществлен.

Александр Маковельский — «Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях в свидетельствах древности и в свете новейших исследований». Казань. Изд. книжного магазина М. А. Голубева, 1914 (ЛБГ, книга содержит большое количество помет Горького).

«*Пифагор и пифагорейцы*» — Горький имеет в виду четвертый раздел книги — «Пифагор» (стр. 57—83).

Баку. Университет. — А. О. Маковельский до последнего времени состоит профессором Бакинского университета.

Запись, судя по орфографии, сделана в более позднее время — в 1930—1936 гг.

Бургардт — Имеется в виду книга Иоганна Бурхардта «Дневник о римских городских делах» (*Diarium sive Regum urbanarum, commentarii 1483—1506*). На русском языке см. в кн.: Стефано И н ф е с с у р а. Иоганн Б у р х а р д. Дневники. Документы по истории папства XV—XVI вв. Вводная статья и примечания С. Г. Лозинского, ОГИЗ, 1930.

Хроника Перуджи. — Возможно, имеется в виду: «*Cronaca della citte di Perugia dal 1309 al 1491. Obaria del Graziani Ardivio storico italiano*». Firenze, 1850. В какой связи упоминается Токараццо — установить не удалось.

Коррио — Bernardino Corio. *Storia di Milano. Riveduta e annotata del Prof. Egidio de Maqri. Vol. 1—3. Milano, Colombo, 1855—1857.*

Донесения Венецианских послов — хранятся в библиотеке Сан-Марко в Венеции.

Г—З VII 10—25. Конверт № 25. Датируется по письму Горького к М. М. Пришвину от середины апреля 1927 г., в котором Горький приводит цитату из книги Богданова «Борьба за жизнеспособность». — «Новая Москва», 1927 (экземпляр книги с пометами Горького хранится в Архиве Горького).

В письме к М. М. Пришвину Горький сообщал: «Недавно в книжке Богданова «Борьба за жизнеспособность» вычитал (далее приведена та же цитата, что и в заметке. — *Ред.*)... Богданова я давно и хорошо знаю, высоко ценю его, ибо он — еретик, а — что лучше еретика среди человексов?» («Литературное наследство», т. 70, стр. 344—345).

Цитата из памфлета М/ М. Щербатова (1733—1790) «О повреждении нравов в России». Лондон, изд. Трубнер и К°, 1858 (экземпляр книги с пометами писателя хранится в ЛБГ) приведена не совсем точно, у Щербатова: «Общим образом сказать, что жены более имеют склонности к самовластью, нежели мужчины». Сказано в связи с характеристикой императрицы Екатерины II (стр. 87).

11

Г—З XV 12—8. Конверт № 18. Возможно, что запись возникла в связи с чтением книги А. Богданова «Борьба за жизнеспособность» (изд-во «Новая Москва», 1927). См. зам. 10.

Датируется по содержанию и письму Горького к М. М. Пришвину от середины апреля 1927 г. (См. «Литературное наследство», т. 70, стр. 344—345).

12

Г—З 2—43. Конверт № 20. На обороте заметка № 8 в разделе «Ф. М. Достоевский». Датируется по этой заметке.

13

Г—З XVIII 13—8. Конверт № 20. Датируется по переписке Горького с Г. А. Шмидтом (АГ).

Георгий Александрович Шмидт (р. 1896) — ученый-эмбриолог, профессор Московского университета.

Работая на зоологической станции в Неаполе (1928—1930), бывал у Горького в Сорренто. 19 декабря Горький писал А. Б. Халатову: «Разрабатываем вместе с профессором Г. А. Шмидтом проект популярной «Истории науки» для широких масс». (Замысел не был осуществлен. См. «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 229.)

В письме от 11 марта 1931 г. из Фрейбурга Шмидт сообщал Горькому о возникших у него затруднениях с продлением срока заграничной командировки. А в письме от 14 сентября 1931 г. благодарил Горького за помощь: «Наркомпрос нашел целесообразным продлить мое пребывание за границей... Очевидно, что такое постановление состоялось лишь благодаря Вам, и хотелось бы быть достойным внимания с Вашей стороны и оправдать потраченное Вами время и силы» (АГ).

Чарльз Мейнинг Чайльд (1869—1954) — американский ученый, зоолог, в лаборатории которого должен был работать Шмидт.

Ганс Шпеман (1869—1941) — немецкий ученый-зоолог, директор Института зоологии во Фрейбурге, где в 1931 г. работал Шмидт.

Росс Шаррисон (1870—1950) — американский ученый-эмбриолог.

14

Г—З XV 12—26. Датируется по статье Э. С. Бауэра.

Ольга Ивановна Скорородова (р. 1914) — слепоглухонемая, воспитывалась в Харьковском институте дефектологии под наблюдением профессора

И. А. Соколянского, научилась говорить, читать и писать. Скороходова написала книгу «Как я воспринимаю окружающий мир», ряд специальных статей и стихотворений, в частности, стихотворение «К бюсту Горького», переписывалась с Горьким.

В письме к Скороходовой от 3 января 1933 г. Горький писал: «Верю я в разум человека — он, человек, кажется мне органом самопознания природы, исследователем и организатором ее хаотических сил.

Вас она создала существом для эксперимента, создала как бы намеренно для того, чтоб наука исследовала одну из ее преступных и грубых ошибок» (т. 30, стр. 273).

Молекула — по Бауэру — Имеется в виду статья Э. С. Бауэра «Теоретическая биология, термодинамическая и молекулярно-структурная теория жизни». Машинописный экземпляр статьи хранится в ЛБГ вместе с книгой Бауэра «Теоретическая биология» (М.— Л., изд-во ВИЭМ, 1935).

15

Г—З XV 12—6. Конверт № 18. К заметке приложена газетная вырезка со статьей «Спор из-за фонографа» (над текстом помета зеленым карандашом рукою Горького: «П[оследние] Н[овости]», 27 XI).

В статье, посвященной вопросу приоритета в открытии фонографа, назывались имена изобретателей: Мартенвиля, Эдисона и Косса, а также сообщалось, что «археологи установили наличие фонографа в древнем Египте и Китае» (АГ).

О «самоговорящем оракуле» писал Лукиан в памфлете «Александр или лжепророк» (гл. 6). Горький пользовался Собранием сочинений Лукиана в двух томах (М.— Л., «Academia», 1935) (экземпляр книги с пометами писателя хранится в ЛБГ).

Датируется по году издания Собрания сочинений Лукиана и помете Горького.

Люций Вер — приемный брат и соправитель римского императора Марка Аврелия (121—180).

16

Г—З XIII 12—14. Листок из блокнота. Чернила черные. Заголовок написан синим карандашом. Перед фразой «Из жизни» рукою Горького поставлен красным карандашом значок, по-видимому означавший, что текст должен быть вставлен в какую-то работу.

Датируется по орфографии.

17

Г—З XIII 12—2. Датируется по орфографии.

18

Г—З XIII 12—8. Бумага с водяным знаком: «Old moга mill».
Датируется по орфографии.

19

Г—З IV 6—41. Датируется по орфографии.

20

Г—З XV 12—26. Датируется по орфографии. На листе незавершенная фраза: «Над явлениями, которые не понятны мне, монументальные и подавляющие все другие...»

Г—3 XV 12—24. Датируется по орфографии.

Проблему интуиции Горький затрагивал в статье «О сказках» (1929; т. 25, стр. 86), в «Беседе с молодыми» (1934) и в речи на Втором пленуме Правления Союза советских писателей (1935; т. 27, стр. 229, 414).

Г—3 II 2—42. Конверт № 20. Датируется по орфографии.

«Мысль», «Красная смерть» — рассказы: Л. Н. Андреева «Мысль» и Э. По «Маска красной смерти».

Г—3 XVIII 13—6. Конверт № 18. Датируется по времени организации Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ).

В конце сентября 1932 г. группа ученых составила докладную записку, адресованную Правительству, о необходимости создания ВИЭМ. 7 октября на квартире Горького состоялась встреча ученых с представителями Партии и Правительства. 15 октября Совнарком СССР утвердил постановление о создании ВИЭМ.

Снять Павлова... — академика И. П. Павлова (1849—1936).

Г—3 XVIII 13—4. Конверт № 18. Датируется по письму Горького директору ВИЭМ, профессору Л. Н. Федорову. 25 ноября 1932 г. Горький писал: «Как дела института? Кто будет строить его?» («Горький и наука», М., «Наука», 1964, стр. 209).

Бюик — Павлову — Речь идет об автомобиле для академика И. П. Павлова.

10 марта 1934 г. А. Д. Сперанский писал Горькому: «Сегодня из Торгпредства прислали великолепную машину для И. П. Павлова, чуть ли не самую красивую в городе, тот самый пресловутый «Бюик», с которым мы столько раз приставали и так Вам надоели. Примите искреннюю благодарность за внимание, которое по Вашему ходатайству оказано нашему старику» (АГ).

Г—3 XV 12—13. Конверт № 20. Датируется предположительно в связи с интересом Горького к ВИЭМ.

Дмитрий Дмитриевич Плетнев (р. 1872) — профессор Московского университета, терапевт, лечивший Горького.

Сергей Петрович Боткин (1832—1889) — основоположник физиологического направления в клинической медицине.

Шингарев — Возможно, что речь идет об А. И. Шингареве (1869—1918), в аче, земском деятеле, лидере кадетской партии.

Алексей Александрович Остроумов (1844—1908) — терапевт, профессор Московского университета (1879—1903).

Г—3 IX 10—12. Конверт № 20. Написано синим и красным карандашами на листке из блокнота.

Датируется по упоминанию о возрасте И. П. Павлова.

Машину Бюик — см. заметку 24.

Г—3 XVIII 13—1. Конверт № 18. Датируется по времени организации ВИЭМа (см. прим. к зам. 24).

Г—З XVIII 13—3. Конверт № 18. Датируется предположительно по сопоставлению с заметкой 27 (обе заметки были соединены скрепкой).

Алексей Дмитриевич Сперанский (1888—1961) — патолог и физиолог, академик (1939 г.). В 1933 г. заведовал отделом общей патологии Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ).

По предложению Горького статья Сперанского «Об эксперименте и экспериментаторе» была опубликована в альманахе «Год XVI-й», 1933, кн. 1.

29

Г—З XV 12—11; 12—12. Конверт № 18.

Датируется по книге «Нервная трофика в теории и практике медицины». Сб. статей под ред. А. Д. Сперанского. М.—Л., Изд-во ВИЭМ, 1934 (экземпляр книги с многочисленными пометами Горького хранится в ЛБГ).

Первая заметка представляет краткое изложение 50, 60 и 79-й страниц статьи Сперанского «Нервная трофика в теории и практике медицины», открывающей сборник. Вторая заметка — по-видимому, неточная цитата из статьи В. В. Чирковского «Нервный компонент в патогенезе кератита», напечатанной в том же сборнике (стр. 70).

[РАЗНЫЕ ЗАМЕТКИ]

1

Г—З III 5—17. Конверт № 23. Датируется предположительно по орфографии и содержанию.

2

Г—З III 5—18. Конверт № 23. Бумага большого формата с водяным знаком «Original Mill».

На обороте листа написано: «Л. Н. Толстой о му[ках?] вдовы севастьяпольского матроса, — посмотреть у Крафт-Эбинга».

Датируется по письму Горького к К. П. Пятницкому (до 6 января 1908 г.), в котором Горький подтверждает получение книги: Р. Крафт-Эбинг. Болезни воли (Б-ка народного здоровья, СПб., 1900).

3

Г—З XIII 12—21. Бумага с водяным знаком: «Superfine commercial».

Датируется по орфографии и бумаге.

...«оставить плевелы до жатвы»... — см. Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 30—34, 36—43.

4

Г—З III 5—28. Конверт № 25. Датируется предположительно по содержанию.

Отрывок из недодешедшего до нас текста. Осуждение интеллигенции, разувывшейся в народе после поражения революции 1905 г., типично для Горького тех лет. (См. статьи «Разрушение личности», «О цинизме», письма К. П. Пятницкому от 4 апреля и 28—29 сентября 1908 г. и пр.).

5

Г—З VI 7—92. Заглавие подчеркнуто красным карандашом.

Датируется предположительно по орфографии и содержанию.

Г—З XXVII 16—46. На листке другая заметка, помещенная в разделе «Мелкие наброски», № 9.

На другой стороне листка примечание Горького красным и синим карандашами: «Иногда я встречался с Пав.— на об[ороте]».

Примечание и текст заметок связаны пометой синим карандашом.
Датируется по орфографии и бумаге.

7

Г—З XXVII 16—44. Датируется по орфографии и содержанию.

8

Г—З XXVII 16—47. Датируется по сорту бумаги. Написано на листке из блокнота с буквами Г. Д.

9

Г — З VI 8 — 54. Датируется по орфографии. Написано красным и синим карандашами. Относится ко времени работы Горького над пьесой «Норманны».

10

Г—З XXVII 16—49. Датируется по орфографии.

11

Г—З IV 6—54. На обороте строка из письма неустановленному лицу: «Скажи редакции, чтобы...» Идущий далее текст отрезан.
Датируется по орфографии и бумаге.

12

Г—З XXVII 16—55. Написано на листе бумаги в клетку с водяным знаком: с редкими продольными и поперечными частыми линиями.
Датируется по орфографии и бумаге.

13

Г — З VII 10 — 27. Датируется по орфографии. См. И. Ш е р р. История цивилизации Гормании. СПб., 1868, стр. 81—82.

14

Г—З XXVI 15—17. Датируется по орфографии.

15

Г—З VI 8—58. Первая ффраза не дописана.
На обороте листа заметка, помещенная в настоящем томе в разделе «Мелкие наброски», № 15(1).
Датируется по орфографии.

16

Г—З IV 6—33. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 IV 6—48. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 IV 6—27. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 XXVII 16—23. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 IV 6—17. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 III 5—2. Датируется по орфографии и содержанию.

Г—3 III 4—42. Конверт № 18. Часть текста оторвана. На обороте обрывок фразы: «едва ли надолго».

Датируется предположительно по содержанию и бумаге.

Известия о намерениях Англии... — Возможно, имеется в виду ультиматум английского министра иностранных дел Джорджа Керзона, угрожавший Советскому Союзу новой интервенцией (8 мая 1923 г.).

Г—3 I 1—33. Конверт № 23. Датируется по записи красным карандашом на обороте листа: «Крючкову о «Руле». С. Г. Каплуну».

21 августа 1924 г. Горький писал П. П. Крючкову: «Не получаю с 18-го ни «Руля», ни «Дни». «Дни» — не нужно, а на «Руль» подпишитесь, очень прошу» (АГ).

Соломон Германович Каплун (р. 1891) — журналист, псевдоним С. Сумский. Заведовал русским издательством «Эпоха» в Берлине, в 1923—1925 гг. издавал журнал «Беседа», выходящий под редакцией Горького. Позже сотрудничал в «Социалистическом вестнике» и «Последних новостях».

Г—3 VII 10—22. Датируется предположительно по связи с очерком «О С. Толстой» (1924). В очерке Горький выразил свое резко отрицательное отношение к книге В. Г. Черткова «Уход Толстого», осуждавшей Софью Андреевну, и писал (имея в виду Черткова) об «иезуитской ловкости, с которой люди умеют порочить друг друга».

«*Московские ведомости*» — газета, начала выходить в 1756 г., у Горького явно ошибочная дата.

Г—3 XXVII 16—24. Конверт № 23. Беловой автограф.

Датируется предположительно по времени выхода из печати книги В. Г. Болдырева «Директория, Колчак, интервенция. Воспоминания». Сибкрайиздач, Новониколаевск, 1925 (отпеч. 24 апреля 1925 г.).

Горький неточно цитирует следующее место из воспоминаний Болдырева: «Профессор заметил, что атеист, как и большинство японской интеллигенции, но он ежедневно после сна проводит несколько минут в глубоком молчании перед статуей покойного генерала Ноги, и в этом черпает глубокую силу» (ч. II, гл. III, «Токио», стр. 145).

Василий Георгиевич *Болдырев* (1875—?) — генерал царской армии, профессор Академии генерального штаба. В 1918 г. был членом Уфимской диктатории, главнокомандующим ее войсками. После колчаковского переворота эмигрировал в Японию. Возвратившись в Россию, работал в советских учреждениях.

Ноги (1848—1912) — японский генерал, представитель реакционной военщины, руководил осадой Порт-Артура (1904—1905), сыграл решающую роль в победе под Мукденом. После смерти императора Японии Ноги вместе со своею женой покончил жизнь самоубийством.

26

Г—З II 3—12. Лист из блокнота. На обороте — заметка: «Удивительно хорошо сказал М. Пришвин...» [1927] («Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 211).

Датируется по заметке о Пришвине и аналогичным высказываниям Горького о гинекократии. См. письма Горького к О. Д. Форш от 15 декабря 1926 г. («Литературное наследство», т. 70, стр. 593); Н. П. Рождественской от 16 декабря 1926 г. (т. 29, стр. 488); Р. Роллану от 28 марта 1927 г. (т. 30, стр. 15—16) и др.

27

Г—З III 4—58. Бумага с водяным знаком: «Extra Strong».

Датируется по содержанию.

«*Стабилизация капитала*»... — Речь идет об установившемся к середине 20-х годов временном равновесии сил Советского Союза и капиталистических стран и периоде спада революционного движения. Этот вопрос затрагивался на V расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся в Москве 21 марта — 6 апреля 1925 г., и на XIV конференции РКП(б) в Москве 27—29 апреля. В резолюции, принятой XIV съездом ВКП(б) по отчету ЦК (18—31 декабря 1925 г.), говорилось: «*Внутри капиталистических стран необходимо отметить частичную стабилизацию капитализма и относительное укрепление политической власти буржуазии в Европе*» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 2, изд. 7. Госполитиздат, 1953, стр. 74). Одновременно в резолюции съезда обращалось внимание на обострение противоречий между империалистическими державами и подрыв всей системы империализма со стороны пробуждающихся колониальных и полуколониальных народов.

28

Г—З 5—21. Датируется по содержанию.

...*ненавидят Христа ради*... По-видимому, имеется в виду книга реакционного философа-эмигранта И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (Берлин, изд-во «Книга», 1925). В письме М. М. Пришвину от 15 мая 1927 г. Горький писал: «Вот я смотрю на то, что осталось, и вижу: гуманитарная интеллигенция наша, сущая «в рассеянии» по Европам, изумительно быстро потеряла лицо свое и вот: профессор Ильин пишет, опираясь на канонические евангелия, отцов церкви, богословов и свой собственный гниловатый, но острый разум, сочиняет Евангелие мести, в коем доказывает, что убивать людей — нельзя, если они не коммунисты» («Литературное наследство», т. 70. М., стр. 346). Эту же книгу И. А. Ильина Горький упоминает в письме К. Федину от 17 сентября 1925 г. («Литературное наследство», т. 70, стр. 498) и в письме С. Сергееву-Ценскому от 20 октября 1927 г. (Собр. соч., т. 30, стр. 41).

Публикуемая заметка, возможно, написана Горьким в связи с его работой над статьей о Ф. Э. Дзержинском (не окончена), в которой Горький отвечал на поднятую против него белогвардейской печатью («Руль», «Дни») кампанию, поводом для которой послужило письмо Горького Я. С. Ганецкому (после 20 июля 1926 г.) — отклик на смерть Ф. Э. Дзержинского. Это письмо

Горького было опубликовано 11 августа 1926 г. в «Правде» и «Известиях». Косвенным подтверждением связи печатаемой заметки со статьей Горького о Дзержинском (см. «Описание рукописей М. Горького», т. I, стр. 557—558) может служить сохранившаяся на заметке пометка Горького красным карандашом: Ф. Э. Дзерж[инский].

29

Г—З III 5—22. Конверт № 23. Бумага большого формата с водяным знаком: «Richter C° Napoli».

На обороте листа начало письма А. П. Пинкевичу от 27 мая 1927 г. (АГ). Датируется по письму А. П. Пинкевичу.

30

Г—З III 5—22. Конверт № 23. {Написано одновременно с заметкой 29.

31

Г—З IV 6—35. Конверт № 23. Датируется предположительно по содержанию и орфографии.

На листе одновременно сделаны три записи. Две из них: «своя комната и ересь на окошке...» и «Полемикой ничего не делаете, надо — убить...» — опубликованы. (См. «Архив А. М. Горького», т. VI, стр. 188).

Публикуемая заметка, возможно, связана со статьей Горького «О белоэмигрантской литературе» (1928), где звучит также тема: «Вы уже скоро уйдете из мира, — говорит Горький, обращаясь к белоэмигрантским изданиям, — где никому, кроме вас, не нужна, да и для вас, вероятно, мучительна ваша гнилая злость» (т. 24, стр. 348).

«Возрождение» — белоэмигрантская газета, выходила в Париже (1925—1940).

«Руль» — белоэмигрантская газета, выходила в Берлине (1920—1931).

«Социалистический вестник» — журнал, орган русских белоэмигрантов. С 1 февраля 1921 г. издавался в Берлине, с мая 1933 г. по июль 1940 г. — в Париже.

32

ПСГ 7-21—1. По содержанию заметка представляет собою краткие записи, сделанные Горьким в связи с работой над статьей «О разных разностях» (впервые опубликовано в газете «Известия» ВЦИК СССР, 29 декабря 1928 г., № 301. См. т. 24, стр. 502—511).

Датируется по времени написания статьи.

Игорь Платонович Демидов (1873—1946) — землец, член IV Государственной думы. После Октябрьской революции белоэмигрант, один из основателей и ближайший сотрудник «Последних новостей».

33

Г—З XX 13—15. Датируется по содержанию.

Н. Осоргин — псевдоним Михаила Андреевича Ильина (1878—1942) Писатель, журналист, сотрудник «Русских ведомостей», после Октябрьской революции — белоэмигрант. В предисловии к книге Д. Горбова «О белоэмигрантской литературе» (1928) Горький в полемике с сотрудником берлинского «Руля» критиком-белоэмигрантом Ю. Айхенвальдом упоминает изданный за рубежом роман Н. Осоргина «Сивцев Вражек» (т. 24, стр. 340). Горький одобряет попытку Н. Осоргина пересмотреть в этом романе традиционное для белогвардейской печати враждебное отношение к народу, совершившему социалистическую революцию, и сочувственно цитирует слова Н. Осоргина: «Я презирал бы народ, если бы он не сделал того, что сделал, — остановился

бы на полпути и позволил ученым болтунам остричь Россию под английскую гребенку: парламент, вежливая полиция, причесанная ложь».

Владимир Михайлович Зензинов (р. 1881) — публицист, член центрального комитета партии эсеров, один из редакторов газеты «Дело народа». После Октябрьской революции белоэмигрант, озлобленный враг Советской власти.

34

Г—3 III 5—1. Конверт № 25. Датируется по орфографии и содержанию. Добровольное массовое Всесоюзное общество изобретателей было создано в 1930 г.

Несколько лет спустя (9 ноября 1935 г.) об инженере-изобретателе М. М. Сеницыне писал Горькому А. Б. Халатов, бывший тогда председателем Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей: «Большого внимания безусловно заслуживает изобретение Сеницына — катодная трубка, по качествам своим лучшая, чем известная трубка американца Куллиджа» (см. «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 284).

35

Г—3 II 2—23. Конверт № 18. Бумага с водяным знаком: «Old Moga Mill».

Датируется предположительно по связи со статьей «О рабселькорах», публикуемой в настоящем томе, № 33.

В письме к Горькому от 27 ноября 1928 г. А. Халатов писал о съезде рабселькоров: «... постараюсь по соглашению с М. И. Ульяновой использовать этот съезд для собирания материалов к той брошюре, о которой Вы говорили (Участие рабселькоров в советском строительстве)». («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 127).

36

Г—3 III 4—41. Бумага с водяным знаком: «Old Moga Mill».

Датируется по содержанию.

Павел Николаевич Милоков (1859—1943) — историк, лидер партии кадетов, после Октябрьской революции — белоэмигрант. С 1921 по 1940 г. редактор газеты «Последние новости» (Париж).

Павел Петрович Муратов (1871—1950) — историк искусства и литературовед, редактор журнала «София» (Москва, 1914). Участник первой мировой войны. После Октябрьской революции эмигрировал, печатал фельетоны на разные темы в белоэмигрантской монархической газете «Возрождение» (Париж). 25 октября 1930 г. в письме А. С. Гуровичу, заведующему редакцией журнала «За рубежом», М. Горький писал: «Посылаю вырезки. Среди них несколько идиотических фельетонов Павла Муратова, автора отличных «Очерков Италии». Италию он знает действительно хорошо, что не мешает ему быть совершенным ослом и невеждой во всех иных областях. Теперь, когда он влез в газету Гукасова, он стал еще глупее того, каков был» («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2). «Очерками Италии» М. Горький называет книгу П. Муратова «Образы Италии» (т. I, II. М., изд-во «Научное слово», 1911—1912).

...работали на ф(абрикантов) Ситроена и Рено — владельцы крупнейших автомобильных заводов во Франции.

37

Г—3 II 2—36. Конверт № 18. Лист из блокнота. Помимо публикуемого текста на заметке рабочие записи и адрес О. Л. Журкевич.

Датируется по письму О. Л. Журкевич от 19 октября 1930 г., в котором она сообщает адрес, записанный Горьким на заметке (АГ).

Г—3 XVI 13—21. Бумага большого формата с водяным знаком: «Extra strong».

На листе карандашная пометка И. А. Груздева: «Прислано с Крючковым при газетных вырезках».

39

Г—3 III 5—25. Заметка представляет собой черновой набросок одного из разделов составленного Горьким плана книги «История женщины», над которым он работал в январе — марте 1934 г. («Описание рукописей М. Горького», т. 1, стр. 592—593). Замысел этот остался неосуществленным, но подробно на вопросе о проституции Горький остановился в статье «О женщине», напечатанной в журнале «Большевик», 15 апреля 1934 г., № 7. В этой статье, характеризуя антигуманный взгляд христианской церкви на женщину, Горький, в частности, отмечал: «В некотором и весьма серьезном противоречии с учением апостола Павла находится известная легенда о «либеральном» отношении Христа к евангельской грешнице; но либерализм этот можно расматривать как оправдание проституции» (т. 27, стр. 195).

40

З III 4—38. Конверт № 18. Датируется по орфографии.

41

Г—3 III 5—16. Датируется по орфографии.

42

Г—3 III 5—3. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

43

Г—3 IV 6—44. Конверт № 23. Датируется по орфографии. Горький приводит цитату из книги И. Тэна «Социализм, как правительство» (СПб., изд. А. Е. Рябченко, 1884—1885, стр. 5).

44

Г—3 III 5—12. Конверт № 23. Бумага с водяным знаком «Export paper». Датируется по орфографии.

45

Г—3 III 4—27. Конверт № 18. Датируется по орфографии.

46

Г—3 IV 6—15. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

47

Г—3 IV 6—43. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

48

Г—3 III 5—9. Конверт № 20. Заметка на листе большого формата. Нижняя часть листа оторвана. Сверху написано: «к детлитерат.» и зачеркнуто. Слова: «Это развить» — написаны красным карандашом. Датируется по орфографии.

Г—3 III 4—31. Конверт № 18. Датируется по орфографии.

Г—3 XV 12—19. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 VII 10—19. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 XX 13—20. На листе приписка Горького: «Рудин — Лаевский — Чехов «Деревня» Б[унина]».

Датируется по орфографии.

Григорий Александрович Шелехов (1747—1796) — основатель Российско-американской компании. Свое путешествие к берегам Аляски Шелехов описал в книге «Странствие российского купца Г. Шелехова в 1785 году». 2 части с чертежами и изображением самого морехода. Петербург, 1791—1796.

Г—3 XXVII 16—22. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Г—3 XIV 12—6. Датируется по орфографии.

В 1771 г. в Москве был чумной бунт. — В 1770—1773 гг. в Москве произошла одна из сильнейших в истории России вспышек чумной эпидемии. В городе вспыхнули волнения, подавленные полицией с помощью войск.

Г—3 I 1—28. Конверт № 18. Бумага в клетку с водяным знаком «Extra strong».

Датируется по орфографии.

О каком документе идет речь, выяснить не удалось.

Александр Федорович Гусев (1842—1904) — профессор Казанской духовной академии. Членом консистории не был.

Курнашов, крещеный татарин... — сослуживец Горького по железнодорожной станции Крутая в 1889 г. См. письмо Горького к А. П. Васильеву (т. 30, стр. 342). См. также заметку из того же конверта № 18: «Курнашев помер неожиданно...» в VI т. «Архива А. М. Горького», стр. 181.

Г—3 I 1—34. Конверт № 25. Датируется по орфографии.

Текст написан красным и синим карандашами.

Г—3 VII 10—12. Перед абзацем «Так как...» проставлены цифры: 109. 144—45, очевидно, страницы какой-то рукописи или книги.

На обороте листа запись, сделанная рукой Горького:

«Твер[ская]. 25. А. П. Селивановский».

Датируется по орфографии.

Г—З VI 8—65. Написано черными чернилами. Слова «диалоги и монологи» — красным карандашом.

Датируется по орфографии.

Можно предположить, что заметка связана с работой над «Жизнью Климса Самгина».

59

Г—З IV 6—39.

«*Magna Mater*» (лат.) — Великая Мать.

«*Hominis Corpus Sacrum*» (лат.) — священное тело человека.

60

Г—З XIII 12—19. Датируется по орфографии.

61

Г—З XV 12—14. Датируется по орфографии.

Офиты (от греческого слова «офис» — змея) — одно из течений в гностицизме — религиозно-философском движении раннего христианства. Офиты чтили некую мистическую Премудрость, принявшую образ змеи, чтобы сообщить истинное знание первым людям, которых Демиург (создатель мира) хотел держать в детском неведении. Отцы церкви преследовали офитов как распространителей «идолослужебного и многобожного хульного пустословия» (Епифаний К и п р с к и й. Творения, ч. 2. М., 1864, стр. 71). В конце XIX — начале XX в. религиозно-идеалистическая философия России и Запада возродила интерес к гностическим учениям. Владимиру Соловьеву принадлежит стихотворение «Песня офитов», поэтизирующее древний мистический культ поклонников змеи (Владимир С о л о вьев. Стихотворения. М., 1915, стр. 65).

62

Г—З XIII 12—6. Датируется по орфографии.

Аналогичную мысль высказывает Тиун в «Жизни Матвея Кожемякина»: «Обратите вниманье: почитай, все святые на Руси — князья, бояре, дворяне, а святых купцов, мещан, либо мужиков — вовсе нет...» (т. 9, стр. 473).

63

Г—З IV 6—23. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

64

Г—З IV 6—45. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

65

Г—З IV 6—32. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

66

Г—З IV 6—42. Конверт № 23. Датируется по орфографии.

Г—3 III 5—35. Датируется по орфографии.

О Дюпреле Горький писал Ф. Д. Батюшкову еще в 1898 г.: «...объявлено о продаже книги К. Дюпреля «Загадочность человеческого существа». Печалуйста, вышлите мне эту книгу! <...> Я читал этого автора «Философию мистики», и, хотя она не оригинальна — у Шопенгауэра в «Духовидении» та же тема разработана глубже и короче, — все-таки я хочу иметь и эту книгу. Вышлите!» (т. 28, стр. 39).

Кветцакоатль — божество древнемексиканской мифологии.

Г—3 III 4—45. Конверт № 18. Запись сделана на листе большого формата с водяным знаком: «Old Moga Mill».

Заметка, по-видимому, возникла в связи с работой над статьей «О борьбе с природой» (т. 26, стр. 186).

Датируется по времени работы Горького над статьей.

Г—3 XV 12—9. Бумага с водяным знаком: «Old Moga Mill».

Текст: «Шутки ∞ превращение его в газ» приписан красным карандашом. Заметка, по-видимому, возникла в связи с работой над статьей «О борьбе с природой» (см. прим. к заметке 68).

Датируется по времени работы Горького над статьей.

Г—3 III 4—53. Конверт № 18.

Капит[алисты] не создавали культ[уру]. — Мысль эта получила развитие в статье Горького «Ответ интеллигенту», опубликованной 21 мая 1931 г. в «Правде» (№ 138) и 22 мая 1931 г. в «Известиях» (№ 139): «Капитализм способствовал умственному развитию людей труда лишь настолько, насколько это необходимо и выгодно для успехов промышленности и торговли. Для капитализма человек нужен только как более или менее дешевая сила, как защитник существующего строя. Капитализм не дорос и не мог дорасти до понимания, что цель и смысл подлинной культуры — в стремлении к развитию и накоплению интеллектуальной энергии» (т. 26, стр. 25).

Г—3 III 4—28. Конверт № 18.

Горький приводит высказывание Г. И. Успенского в статье «Беседы о ремесле». Касаясь своего отношения к творчеству этого писателя, Горький писал: «Я в чем-то соглашался с Глебом Успенским и чему-то не верил в его истерических криках о спешной необходимости «слиться с условиями крестьянской жизни», найти себе в ней место; меня не могли устрашать угрозы его: «Горько будет дело интеллигента в том случае, ежели шестьдесят миллионов вдруг, по щучьему веленью, возьмут да справятся сами собой» (т. 25, стр. 348).

Датируется по статье.

Г—3 IV 6—21. Конверт № 23.

Речь идет о статье А. Розенберга в фашистской газете «Фолькишер боухтер». Заметка использована Горьким в статье «О солдатских идеях», опубликованной 18 сентября 1932 г. (см. т. 26, стр. 358).

Датируется по статье «О солдатских идеях».

Г—З IV 6—21. Конверт № 23. Датируется по сопоставлению с заметкой 72, сделанной одновременно на том же листке.

Г—З III 4—46. Конверт № 18. К заметке приложена статья «Американский журналист о 15-летию СССР». («Правда», 30 ноября 1932).
Датируется по статье.

Г—З III 5—5. Конверт № 25. Датируется по содержанию.
«К чему все это?» — название неосуществленной книги о буржуазном и социалистическом хозяйстве, задуманной Горьким в 1932 г. См. план этой книги («Архив А. М. Горького», т. III, стр. 198—203).

Г—З III 5—10. Конверт № 23. Датируется по содержанию.

Г—З III 5—4. Датируется по орфографии и содержанию.
...христ[ианство][ни]звергается как остаток бур[жуазного] гуманизма. — Эта же мысль в близкой форме развернута в статье («Беседа») 1933—1934 гг., опубликованной в III т. «Архива А. М. Горького»: «Фашистская Германия отказывается от поклонения основоположнику буржуазного гуманизма — Христу, проповедуя возвращение к языческому богу Вотану. Это очень хорошо свидетельствует о последовательности немецкой буржуазии в процессе одичания» (стр. 205).

Гуманизм — определить. — Это сделано Горьким в статье «Пролетарский гуманизм» (1934).

Челюскин. — Речь идет о советском ледоколе «Челюскин», который был раздавлен льдами в Северном Ледовитом океане.

М. Горький. — По-видимому, имеется в виду гибель гигантского агит-самолета «Максим Горький».

Дети. — В 30-х годах Горький пишет ряд статей о советских детях. «Детям Сахалина» 31 марта 1933 г. (опубл. после смерти автора — «Знамя пионера», Хабаровск, 17 июня 1937 г.); «Литературу детям» (опубл. в «Правде» и «Известиях» 18 мая 1933 г.); «[Советские дети]. I. «Мальчики. II. «Мальчики и девочки» («Правда» и «Известия», 8 августа 1934 г.); «Пионерскому кружку 6 ФЗД в Иркутске» (опубл. в «Правде» и «Известиях» 14 августа 1934 г.).

Г—З III 4—49. Конверт № 18. Датируется по статье Горького «Беседа с молодыми», в которой он использовал эту заметку (т. 27, стр. 211). Статья впервые была опубликована в газете «Правда», 22 апреля 1934 г.

Г—З III 4—60. Датируется по содержанию.

Заметка сделана, по-видимому, по поводу «Изменения предписаний уголовного права и уголовной процедуры», утвержденного в Германии 24 апреля 1934 г. и опубликованного 2 мая 1934 г. (см. в настоящем томе статью [«О фашистском терроре»]).

Г—З VIII 10—12. Конверт № 23. Датируется по написанному в начале 1935 г. письму к А. А. Суркову («О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних»), в котором развита мысль, содержащаяся в первой записи: «Почему и когда рожденная трудом мысль древности, организующая земной, житейский опыт, оторвалась от земли — в небеса, от хлебных злаков и трав — к звездам, от разумного труда, эксплуатирующего бесчисленные богатства и силы материи, — к сверхразумному, сверхчувственному, к эксплуатации творческих сил людей?» (т. 27, стр. 194).

ПСГ 2—28—9. Заметка хранилась в личном архиве писателя вместе с рукописями статьи «О женщине» (1934—1936).

Датируется по времени работы Горького над статьей «О женщине».

Подобный вопрос читателя приведен также в статье [«Литература и действительность»] (см. в наст. томе).

Г—З III 5—6. Датируется по содержанию.

Заметка представляет собой первоначальный набросок к статье «Пролетарская ненависть», опубликованной в газетах «Правда» и «Известия» 23 сентября 1935 г.

Текст заметки существенно отличается от текста статьи.

Г—З III 5—42. Датируется по содержанию.

Запись сделана Горьким в связи с состоявшимся в ноябре 1935 г. Первым Всесоюзным совещанием стахановцев.

В статье «О новом человеке», опубликованной 14 декабря 1935 г. в «Правде» (№ 343) и «Известиях» (№ 289), Горький писал: «Стахановское движение — огненный взрыв массовой энергии, взрыв, вызванный колоссальными успехами труда, сознанием его культурного значения, его силы, освобождающей трудовое человечество из-под гнета прошлого. Стахановское движение — социалистическое соревнование в труде, приподнятое на еще большую высоту» (т. 27, стр. 485).

Г—З III 4—29. Конверт № 18.

речь *Димитр[ова]*... — выступление на VII конгрессе Коминтерна с докладом «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». Конгресс состоялся в сентябре 1935 г. в Москве.

» КАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

- Абрамович А. Е. 285
 Абрикосов 26, 289
 Авербах Л. Л. 251, 253, 391
 Аверкиев Д. 398
 Азеф Е. Ф. 222, 362, 364
 Азов В. А. 380, 383
 Айзенштат Д. 395
 «Большой друг книги» 395
 Айхенвальд Ю. И. 217, 218, 311, 360, 406
 «Силуэты русских писателей» 360
 Аксаков И. С. 307, 352
 Аксаков К. С. 207, 352
 Аксаков С. Т. 207, 237, 352
 Акулышин Р. М. 135, 244, 385
 «Проклятая должность. (Очерки советской деревни)» 385
 Алданов М. А. 213, 357
 «Загадка Толстого» 213, 357
 Александр Абонотейский 253
 Александров 66
 Алексеевский 28, 289
 Алексин А. Н. 224, 355, 368
 Алексинский 251
 Али Мухаммед (Баб) 304
 «Баян» («Откровение») 304
 Альбертсон К. 219, 361
 Аль Капоне 155, 324
 Альминский П. (наст. Пальм А. И.) 236, 237, 377
 «Алексей Слободин» 236, 377, 378
 Амундсен Р. 260
 Амфитеатров А. В. 242, 382
 Андерсен Х. К. (Г. Х.) 113
 Андерсон Ш. 117, 243, 383
 «История рассказчика» 383
 «По ту сторону желаний» 383
 «Уайнсбург, Огайо» 383
 Андреас Т. 215, 358
 Андреев В. М. 267, 385
 «Расколдованный круг» 245, 385
 Андреев Л. Н. 139, 140, 188, 242, 248, 253, 322, 338, 344, 401
 «Мысль» 264, 401
 Андреева М. Ф. 79, 292, 309, 327, 334—337, 339, 343, 357, 363
 Андрей Боголюбский 118
 Аничкова А. М. 339
 Анненский Н. Ф. 348
 Аннуцио Г. де 113
 Антисфен 315
 Антуан А. 190, 339
 Арагон Л. 255
 Арамилев (наст. Зырянов И. А.) 379
 Арий 82
 Ариосто Л. 375
 Арсеньева В. В. 213, 214, 357
 Архипов 196
 Арцибашев М. П. 139, 227, 248, 322
 «Ассоциация революционных художников Германии» 147
 Атава С. (наст. Терпигорев С. Н.) 246, 388
 Аттанезе К. 341
 Афанасьев А. Н. 70, 299
 Афиногенов А. 293, 294
 Ахматова Е. Н. 245, 385
 Ахшарумов Н. 236
 Ашов Л. 219, 233, 374
 Бабель И. Э. 249, 390
 «Конармия» 390
 Бакунин М. А. 119, 242, 382
 Бальзак О. де 8, 113, 151, 239, 251, 283, 290, 379
 «Шагреновая кожа» 259, 379
 Бальмонт К. Д. 128, 314
 Баранов Н. М. 271, 390
 Бардин Н. 370
 «Владимиру Маяковскому» 370
 Барнай Л. 116
 Баррес М. 112, 307

- «Сад Беренисы» 307
«Смерть Венеции» 307
Батухан Э. 223, 364, 365
Батюшков Ф. Д. 376, 411
Бауэр Э. С. 263, 399, 400
Бебель А. 185, 334, 335, 373
Бейдеман М. С. 124, 313
Белинский В. Г. 236, 237, 376
«Сочинения Александра Пушкина» (ст. 1. «Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина») 376
Белый А. 9, 223, 224, 238, 322, 367, 379
Белых Г. см. Пантелеев Л. и Белых Г.
Бельтраффио (Больтраффио) Дж. А. 193, 342
Беляев М. Д. 312
Бемер Э. 193, 343
Беннет А. 37, 291
Бенуа П. 128, 315
Беранже П. 240
Берберова Н. Н. 291, 292
Берви-Флеровский В. В. 283, 398
«Азбука социальных наук» 283, 398
«Берлинер Фольксцейтунг», газ. 334
Бернар С. 116
«Беседа», журн. 327, 358, 363, 397, 404, 412
Бехаулла 304
«Библиотека поэта» 391
Библия 81—93, 165, 302—304
Бионди Э. 192, 341
«Биржевые Ведомости», газ. 139, 322
Бирс А. 244, 383, 386
«Настоящее чудовище» 383
Бисмарк О., фон Шёнгаузен 190
Благодетлов Г. Е. 237
Блок А. А. 223, 224, 322
Блок Г. П. 393
Бобрин М. В. 65, 297
Бобровы 28
Богданов А. А. 261, 303
«Борьба за жизнеспособность» 399
Богданович А. И. 390
Богораз-Тан В. Г. 395
Богословский 278
Бодлер Ш. 221
Бойер И. 8, 243, 382, 383
«Дирендель» 243, 383
«Северные герои» 243, 383
Бойто А. 226
Боккаччо Дж. 70
Болдог Б. 301
Болдырев В. Г. 271, 404, 405
«Директория, Колчак, интервенция. Воспоминания» 404
Бологников А. А. 392
Болч 187
«Большевик», журн. 329, 408
Бом Э. де 224, 367
Бондарев Т. М. 115, 308
«Торжество земледельца, трудолюбие и тунеядство» 308
Бонди см. Бионди Э.
Бонч-Бруевич В. Д. 339
Борисов Л. И. 127—129, 314, 315
«Из воспоминаний» 314, 315
«Ход конем» 7, 127—129, 314
Бородин С. Ф. 26, 289
Борщевский С. С. 356
Боткин С. П. 265, 401
Бракко Р. 234, 375
Бранденбург Б. 338
Брандес Г. 360
Браун Дж. 187, 336
Браун Ф. А. 45
Брет Гарг Ф. 245
Брешко-Брешковская Е. К. 116, 188
Бржозовский С. Л. 193, 341
Бриан А. 141
Брик Л. Ю. 226
Брисбен А. 188, 338, 384
Бродерсон Г. Г. 380
Бродная 220
«Бродяга» журн. см. «Der Vagabund»
Бронин Б. 293
Брукс Г. 187, 336
Брусанин В. В. 344
Брюсов В. Я. 227, 228, 322, 370
«Новые заветы» 227
Брянский Н. А. 373
Бубнов А. С. 391
Будберг М. И. (Закревская) 62, 268 (М. И.), 291, 293, 296, 308, 309, 372, 373, 388, 397
Буланже П. А. 247
Булгаков С. Н. 26, 112, 289
Булгаков Ф. И. 385
Бульвер-Литтон Э. Дж. 387
Буни И. А. 68, 128, 242, 298, 315, 382, 409
«Деревня» 409
«Заметки» (Воспоминания о Горьком) 8, 298
«Окаянные дни» 242, 409
Буренин Н. Е. 301, 336, 340
Бурхардт И. 283, 398
«Дневник о римских городских делах» 398
Бурцев В. Л. 364
Бывалов Е. С. 128, 314, 315
«Морские брызги» 314, 315
Вагнер Р. 119
Вандерильт 141, 142, 190

- Варейкис И. М. 271, 390
 Василий Великий или Кесарийский
 70 (Василий), 299
 Васильев А. П. 409
 Васнецов В. М. 109
 В-ва М. И. см. Водовозова М. И.
 Введенский А. И. 238, 378
 Введенский Ир. И. 237
 Вегард Л. 282, 397
 «Ведомости Литерацки», газ. 169
 «Веды» 91 (книга Вед), 304
 Вейнинггер О. 230, 372
 «Пол и характер» 372
 Вейсман А. 281, 397
 Величкин В. 138, 140, 141, 321
 Величкина Н. И. 321, 322
 Величковский В. 227, 370, 371
 Венгеров С. А. 306
 Венизелос Э. 220, 362
 Веревкин 26
 Вересаев В. В. 193, 341
 Верлен П. 221, 252
 Верн Ж. 177
 Вернадский В. И. 331
 Верстовский А. Н. 188, 327
 Верфель Ф. 215, 358
 Вершинина З. А. 395
 «Вехи», сб. 112
 «Вечерняя Москва», газ. 323
 Вийон Ф. 252
 Вильгельм II 80, 81, 185, 334, 335
 Виноградов А. К. 228, 324
 «Три цвета времени» 324
 Винчи Л. да 193
 Виньи А. де 190
 Витберг А. Л. 236, 376
 Вишневский Вс. В. 392
 «Знать Запад!» 392
 ВИЭМ (Всесоюзный институт эк-
 спериментальной медицины) 170
 171, 265, 266, 284, 326, 391, 401,
 402
 Владимирский М. Ф. 326
 Владимирский Ф. И. 216, 359
 Водовозова М. И. 70 (М. И. В-ва),
 299
 «Возрожден^е», газ. 228, 242, 294,
 382, 406, 407
 ВОКС (Всесоюзное о-во культурной
 связи с заграницей) 165—169,
 327, 328
 Волжский А. С. 357
 Володарский В. (наст. Гольдштейн
 М. М.) 120
 Вольный И. (Вольнов, наст. Вла-
 димиров И. Е.) 271, 382
 Вольтер (наст. Аруэ М.-Ф.) 269
 Вольфсон И. В. 360, 383
 «Воля России», газ. 360
 «Вопросы жизни», журн. 310
 Воронский В. В. 120
 Воронов М. А. 237, 377
 «Болото» 237, 377
 Воронов С. А. 259, 396
 «О продлении жизни» 396
 Воронов Е. И. 385
 Ворошилов К. Е. 228
 Врангель П. Н. 120
 Вуд Д. Г. 261, 398
 Вудроф 259
 Гааген — Мюллер 314
 Габинский Н. 394
 Галант И. Б. 321
 Гальвани Л. 172
 Гальперин-Каминский И. Д. 339
 Гамсун К. 116, 219, 308, 361, 372
 «Женщины у колодца» 116, 308
 «Соки земли» 116, 308
 Ганелин Р. 336
 Ганецкий Я. С. 311
 Ганзен А. В. 314
 Гапон Г. А. 120, 362
 Гарден М. (Витковский И.) 185, 335
 Гарди Т. 113
 Гарибальди Дж. 351
 Гаркави А. Я. 193, 342
 «Сказания мусульманских пи-
 сателей о славянах и русских»
 193, 342
 Гартман Э. 223, 366
 Гарфид Дж. 190, 340
 Гаутман Г. 9, 219, 297
 Гегель Г. В. Ф. 204
 Гейлорд Г. Р. 219, 231, 244, 259,
 361, 373, 384, 397
 Гейне Г. 74
 Гексли А. (Хаксли О.) 247, 389
 «Сквозь разные стекла» 389
 Гемель 233
 Генрих VIII, 80, 301
 Герд В. А. 305
 Гернет Е. С. 393
 Герцен А. И. 236, 242, 262, 351,
 376, 377, 382
 «Публичные чтения Т. Н. Гра-
 новского» 377
 Герценштейн М. Я. 120
 Гесиод 70, 299
 «Геогония» 70 («Прометей»), 299
 Гессен И. В. 141
 Гете И. В. 375
 Гетлер (Готлер?) 232
 Гетце П. 143
 Гиббон Э. 81, 302
 «История упадка и разрушения
 Римской империи» 302
 Гиддинг Ф. 384

- Гиппиус З. Н. 35, 120, 122, 312
 «Стихи. Дневник 1911—1921 г.»
 312
- Гирс Д. К. 207, 352
 «Старая и юная Россия» 207,
 352
- Гитлер А. 155, 283
 Гладков Ф. В. 313
 Гоббс Т. 240
 Гобер А. 308
 «Старость и омоложение» 308
- Гог Г. 147, 323
 Гоголь Н. В. 117, 123, 210, 224, 356
 «Год XVI», альб. 402
 Головинский В. А. 236
 Гомер 220
 «Одиссея» 220
- Гончаров И. А. 114, 209
 Горбов Д. А. 315, 406
 Горгулов П. 156, 163, 325
 Горнунг Б. 384
 Горнфельд А. Г. 388
 Городецкий С. М. 322
 Городков 26
 «М. Горький в Нижнем Новгороде»
 346
 «Госзнаковец», газ. 348
 Гофман Э. Т. А. 113, 212
 Граматчиков 278
 Граммон Д. де 190
 Грановский Т. Н. 236, 377
 Гредескул Н. А. 240, 380
 Греков, нач. станции 209
 Григорьев А. А. 237
 Григорьев Н. П. 236
 Грифцов Б. А. 379, 390
 Гронский И. М. 392
 Гроссман Л. П. 357
 «Путь Достоевского» 357
- Груздев И. А. 298, 299, 312, 314,
 346, 368, 370, 384—387, 389, 391,
 395, 408
- Грушевский М. С. 223, 364
 Гувер Г. К. 144, 158, 326
 Гукасов А. О. 141, 156
 Гудь Д. 188, 338, 339
 Гурович А. С. 324
 Гурович Р. А. 324
 Гусев А. Ф. 278
 Гэйлорд Г. Р. см. Гейлорд Г. Р.
 Гюнтер К. 134, 330
 «Происхождение и развитие че-
 ловека» 174
- Дан Ф. И. 141, 285
 Дана Г. 225, 370
 Данзас Ю. Н. 26
 Данилевский И. Я. 237
 Данилин Ю. И. 390
- Данте 375
 Дебу И. М. 236
 Дебу К. М. 236
 Девидс 187
 Дедлов (наст. Кигн В. Л.) 212
 «Сашенька» 212
 Делич Ф. 85, 87, 303
 «Вавилон и Библия» 303
 «Дело народа», газ. 407
 Де-Местр см. Местр Ж. де
 Демидов И. П. 273, 406
 Деникин А. И. 120, 121
 Деренков А. С. 26, 289
 Державин Г. Р. 236, 272, 376
 Детердинг Г. 141, 155
 Детский заочный университет 136,
 137, 321
- Джойс Д. 392
 Джонс Г. Л. 189, 339
 Дзержинский Ф. Э. 120, 121, 311,
 312, 405
 Диккенс Ч. 210, 247, 389
 «Крошка Доррит» 210
 Димитров Г. М. 176, 285, 331, 413
 Динамов С. С. 255, 383, 394
 Диоген 315
 Дирксен Г. фон 325
 Дитерикс И. К. 247, 389
 Дмитриев И. И. 236, 376
 «Дни», газ. 116, 404, 405
 Добровейн И. А. 219, 361
 Добужинский М. В. 342
 Достоевская А. Г. 209, 354, 355, 357
 «Дневник Анны Григорьевны
 Достоевской» 209, 354
 Достоевский Ф. М. 113, 114, 117,
 180, 209—213, 220, 230, 236, 241,
 242, 246, 308, 309, 354—357, 387
 «Бесы» 212, 213, 350, 356, 357
 «Братья Карамазовы» 211, 213,
 308, 356
 «Двойник» 354
 «Записки из мертвого дома» 210,
 211
 «Записки из подполья» 135, 209,
 212, 356
 «Игрок» 357
 «Подросток» 211, 354
 «Преступление и наказание» 210,
 354
 «Униженные и оскорбленные»
 210, 354
- Дофф Н. (наст. Серижье Г.) 224,
 367
- Дохерти 142
 Дробыш-Дробышевский А. А. (псевд.
 «Перо») 344
 Дровяников В. Е. 224, 368, 369
 Дроздов Ф. 351

- Дузз Э. 115
 Думер П. 156, 163, 325, 326
 Дуров С. Ф. 236, 377
 Дьюи Дж. 384
 Дюпрель К. 281, 411
 «Загадочность человеческого существования» 411
 «Философия мистики» 411
 Евангелие 82, 91, 128, 214, 216
 Европеус А. И. 237
 Екатерина II 399
 Елисеев А. И. 388
 Елисеев Т. 66
 Ерманский А. (наст. О. А. Коган; др. псевд. А. О. Грушка; 215, 359)
 Ермоласва 28
 Ермолова М. И. 115
 Есенин С. А. 132, 226, 247, 249
 Жамм Ф. 35, 291
 Жаров А. А. 244, 384, 385
 «Рост. Стихи» 384, 385
 Жига И. Ф. 135, 385
 «Думы, дела, заботы рабочих» 244, 385
 «Жизнь», журн. 216, 359, 389
 Жироду Ж. 246, 387, 388
 Жихарева К. 308
 Жолион Ж. 243, 383
 «Служитель славы» 383
 Жорж Занд см. Санд Ж.
 Жуковский В. А. 236, 376
 Журбина Е. И. 394
 Жургаз (Журнально-газетное объединение «Огонек») 167, 169, 328
 Журкевич О. Л. 407
 «Журнал иностранных переводных романов» 385
 «Журналист», журн. 151
 «За рубежом», журн. 324, 337, 407
 «Заветы», журн. 363
 Зазубрин В. Я. 153, 393
 Зайцев Б. К. 7, 9, 216, 217, 359
 «Гость» 217, 359
 «Спокойствие» 217, 359
 «Тихие зори» 359
 «Усадьба Ланиных» 217
 Замятин Е. И. 218, 360
 «Рассказ о самом главном» 360
 «Уездное» 218, 360
 «Запросы жизни», газ. 322, 367
 «Запросы жизни» журн. 367
 Засулич В. И. 116
 Захер-Мазох В. 193, 342
 «Исповедь моей жизни» 193, 342
 «Зенд-Авеста» 91, 304
 Зензинов В. М. 273
 Зильберштейн И. С. 363
 Зингер М. 314
 Зинк Т. 143
 «Знамя пионера» (Хабаровск), газ. 412
 Золотухин В. 328
 Зорин С. 172, 328, 329
 Зороастр 304
 Зоенко М. М. 394
 «Голубая книга» 394
 Зубакин Б. М. 244, 340, 341, 384
 Ибсен Г. 193, 209, 342, 354
 «Император и галилеянин» 342
 «К моему другу, революционерно-му оратору» 354
 Иван (Иоанн) IV Грозный 80, 118
 Иванов А. А. 123
 Иванов Вс. В. 251, 327, 390, 391
 «Бронепоезд 14-69» 249, 390
 «Голубые пески» 259, 390
 Иванов Вяч. И. 322
 Иероним блаженный 74
 «Известия», газ. 163, 311, 314, 317, 326, 368, 406, 411—413
 Издательства:
 «Атеней» 380
 «Былое» 313
 ВИЭМ 402
 М. О. Вольф 398
 «Врач» 396
 «Время» 382, 383, 389, 393
 «Всемирная литература» 45, 307
 ГИХЛ 383, 384, 393—395
 Госиздат (ГИЗ) 313, 314, 379, 385, 387
 М. Гордон-Константиновой 357
 З. И. Гржебина 290, 306, 307, 311, 349, 359, 397
 «Гудок» 385
 С. Ефрон 302
 Жургазобъединение 371
 «Знание» 193, 337, 359
 «Издательство писателей в Ленинграде» 320
 «Книга» 308, 375
 книжного магазина М. А. Голубева 398
 «Круг» 385
 И. П. Ладьяжникова 340
 А. Ф. Маркса 349
 «Медный всадник» 368
 «Мир божий» 310
 «Молодая гвардия» 385, 392
 «Мысль» 310, 383
 «Научное слово» 407
 «Недра» 381
 «Новая Москва» 399

ОГИЗ 398
«Гарус» 322
«Петроград» 353
«Петрополис» 310
М. В. Пирожкова 312
«Полярная звезда» 380
«Посредник» 305
«Прибой» 368
«Разум» 308
«Россия» 313
А. Е. Рябченко 408
М. и С. Сабашниковых 396
В. М. Саблина 379, 386
М. И. Семенова 307
«Сеятель» 381
«Сирии» 322
С. Скиммута 342
«Советская литература» 393
«Современные проблемы» 396
К. Т. Солдатенкова 302
А. С. Суворина 303, 376, 398
М. А. Суворина и К° «Новое время» 368
Трубнер и К° 399
«Факелы» 390
«Шиповник» 245, 310, 322, 385
«Эпоха» 404
«Academia» («Академия») 251
Ильин М. (наст. Маршак И. Я.) 332
«Рассказ о великом плане» 332
Ильин И. А. 120, 312
«О сопротивлении злу силою» 120 («Евангелие мести»), 312, 405
«Империи», газ. 375
«Иностранная литература» см.
«Журнал иностранных переводных романов»
«Интернациональное братство бродяг» («Internationale Bruderschaft Vagabunden») 147, 323
Инфессура Ст. 398
«Информационный бюллетень ВОКСа» 168, 328
Иоллос 120
Ирвинг Г. (наст. Бродрибб Дж. Г.) 116
Ирней, еп. Лионский 70, 299
Иринова Т. 390
«Искра науки», журн. 244, 385
«История гражданской войны» 265
«История молодого человека XIX столетия» 208, 324, 353, 371
«История фабрик и заводов» 251, 265, 332, 392
Итин В. А. 153
Ишлонский Н. Е. 260, 396, 397
«Этюды сексуальной биологии.

Произвольное изменение пола и искусственное омоложение по профессору Штейнаху» 396, 397

Каверин В. А. (наст. Зильбер) 379
«Калевала» 174
«Калевипоэг» 174
Калмыкова А. М. 305
Камбан Г. И. 126, 127, 314
«Мы, убийцы» 314
«Мрамор» 314
«Рагнар Финнссон» («Без устоев») 314
«Скаульхольт» 314
«Я вижу великую прекрасную страну» 314
Каменский А. П. 96 («скандалист от литературы»), 306
«Леда» 306
Каммерер П. 141, 322
Канатчиков 253
Кант И. 66, 232, 378
Каплун С. Г. (псевд. С. Сумский) 404
Каприола С. 234, 374
Караваева А. А. 153
Карамзин Н. М. 236, 238, 376
Кардуччи Дж. 193, 341, 375
Карлейль Т. 113, 180
Каррель А. 108, 307
Карпинский А. П. 397
Карташев А. В. 242, 382
Каспэ И. А. 335, 336
Катенев В. П. 237
Каутский К. 185, 335
Кашина М. К. 28, 290
Каширин М. В. 68
Каширина Н. 68
Кашкин Н. С. 236, 377
Келтуяла В. А. 193, 342
«Курс истории русской литературы» 342
Кемп Г. 243, 383
«Исповедь американца» 383
«Многие мили» 383
Кервуд Дж. 128, 315
Керенский А. Ф. 116, 141, 156, 273, 283, 362, 366
Керзон Дж. 404
Кипрский, Епифаний 410
Кирилл Владимирович, вел. кн. 222
Кирпотин В. Я. 273, 392
Кирсанов С. И. 256, 395
«Золушка» 256, 395
Киршон В. М. 251
«Китабе Акдес» 93, 304
Киш Э. Э. 361
Кларк Б. 384
Климова А. 133, 317—320

- Клодель П. Л. Ш. 35, 291
 Клычков С. А. (наст. Лешенков) 249
 Ключев Н. А. 226, 240, 249, 380
 «Мать суббота» 240, 380
 Ключников В. П. 212, 356
 «Марево» 212, 356
 «Книга и революция», журн. 381
 Кнорринг 255, 394
 Ковалевский О. М. 305
 «Буддийская космология» 305
 Козлов П. К. 223, 366
 Кок П. де 245, 386
 Кокачио Дж. 234, 374
 «Колхозник», журн. 326
 Колчак А. В. 120, 121
 Кольцов М. Е. 151, 170, 327—329
 Кольцов Н. К. 308
 «Омоложение организма» 308
 Колэ Л. 390
 Комаровский, граф 26
 «Комсомольская правда» 317
 Кон, проф. 233
 «Диалектика» 233
 «Логика» 233
 Кондыбии Т. 66
 Конрад Дж. 314
 Констан Б. 324, 371
 «Адольф» 324, 371
 Конт О. 93, 304
 Конфуций (Кун Фу-цзы) 91, 304
 Коран 85, 216, 303, 304
 Корелли М. 247, 389
 Корнилов Л. Г. 120, 362
 Короленко В. Г. 205, 242, 246, 348,
 382, 388
 Короленко И. Г. 205
 Косс 400
 Костер Ш. де 224, 367
 Котик Н. 239, 379
 «Эманация психофизической
 энергии» 239, 379
 Кочин Н. И. 135
 «Девки» 135
 «Записки селькора» 135
 «Красная газета», веч. вып. 310, 323,
 370
 «Красная звезда», газ. 313
 «Красная новь», журн. 153, 379
 Крафт-Эбинг Р. 402
 «Болезни воли» 402
 Крачковский Н. Ю. 303
 Крестовский Вс. В. 212, 356
 «Панургово стадо» 212, 356
 «Крестьянская газета» 163
 Кречмер Э. 296, 297
 Кропоткин П. А. 188
 Кроче Б. 235, 375
 «Круг», альм. 378
 Крукс У. 159, 326
 Крылов И. А. 376
 Крючков П. П. 250, 308, 312, 315,
 321, 326, 329, 370, 391, 404, 408
 Крючков П. П. (сын) 76, 300
 Крючкова Е. З. 361
 Ксенофонт 220, 362
 Кузьмин М. А. 139, 322
 Куприн А. И. 140, 322
 Курнашов 278, 409
 Куропаткин А. Н. 222, 364
 Кутепов А. П. 155 (...белого гене-
 рала), 325
 Кухаренко И. А. 222, 223, 364
 Кэйн М. 143
 Кюри М. и П. 258
 Лавров П. Л. (Миртов) 180
 Лаврухин Д. И. 135, 320
 «По следам героя» 135, 320
 Ладыжников И. П. 301, 312, 323,
 332, 388
 Лажечников И. И. 236, 376
 «Ледяной дом» 236, 376
 Лао-дзе (Лао-цзы) 91, 304
 Лаши Э. 193, 341
 Лаплас 188
 Лаптев И. Я. 204, 205, 348
 Лассаль Ф. 97
 Ласт И. 254, 394
 Леббок Дж. 261, 398
 «Муравьи, пчелы, осы» 398
 Лебон Г. 115 (... один французский
 ученый...) 307
 «Эволюция материи» 307
 «Эволюция сил» 307
 Левинсон А. Я. 217, 360
 «Лики танца» 360
 Леви, доктор 233, 374
 Ледерле Н. М. 383
 Лекуврер А. 115
 Лемке М. К. 241, 381
 Лендъел Б. 301
 Ленин В. И. 66, 68, 120, 121, 145,
 146, 152, 154, 155, 175, 198, 202,
 203, 255, 269, 282, 303, 304, 325,
 341, 346, 348, 359, 360
 «Материализм и эмпириокри-
 тицизм» 304
 «О нашей революции. По по-
 воду записок Н. Суханова»
 360
 «Русские и негры» 152, 325
 Ленрот Э. 174
 Леон М.-Т. 255, 394
 Леонов Л. М. 245—247, 252, 387,
 392, 393
 «Вор» 246, 387
 «Скутаревский» (роман) 253, 393
 «Скутаревский» (пьеса) 253, 393

- Леонтьев К. Н. 180, 242, 382
 Лермонтов М. Ю. 228, 371, 376
 «Герой нашего времени» 371
 Лесков Н. С. 119, 205—208, 311, 349—353, 375, 376
 «Воительница» 207, 352
 «Колыванский муж» 352
 «Леди Макбет Мценского уезда» 351, 352
 «На ножах» 205, 206, 212, 350, 356
 «Некуда» 205—208, 349—353, 356
 «Овцебык» 207, 352
 «Однодум» 350, 351
 «Островитяне» 208, 349, 353
 «Очарованный странник» 119, 206, 207, 311, 350, 351
 «Продукт природы» 350
 «Пустоплясы» 352
 «Смех и горе» 207, 352, 353
 «Соборяне» 349
 «Человек на часах» 207
 «Чертогон» 207, 352
 «Шерамур» 206, 351
 «Юдоль» 208, 353
 «Язвительный» 206, 350
 Лессинг Г. Э. 360
 «Летопись», журн. 306
 Либединский Ю. Н. 250, 391
 Либерман М. 185, 335
 Либкнехт К. 185, 335
 Линдберг 163, 327
 Линдер М. 113
 Линдиг П. 218, 219, 361
 «Литературная газета» 251, 392, 394
 «Литературная учеба» («Литучеба»), журн. 172, 212, 328, 356, 391
 «Литературно-художественный альманах» издательства «Шиповник» 310
 Литературный институт им. А. М. Горького при ССП 251 (Литвуз), 392
 «Литературный критик» («Литкритик») журн. 252, 310, 392
 Лобачевский Н. И. 258
 Логинов 25
 Лодж О. 159, 326
 Лозинский С. Г. 398
 Локк Д. 389
 Ломоносов М. В. 236, 249, 376
 Лонгворт Н. 339
 Лондон Дж. 128, 314
 Лоренцо Т. ди 115
 Лорис-Меликов М. Т. 294
 Лоуренс Г. Д. 8, 241, 381
 «Флейга Аарона» 241, 381
 Лу Андреас Саломе 207
 Лукиан 400
 «Александр или лжепророк» 400
 Луначарский А. В. 193, 303, 341
 Лутохин Д. А. 311, 331, 332, 355, 356
 Львов Ф. Н. 236
 Любавина Н. И. 226
 Любимов 26
 Людовик Баварский (Людвиг Оттон Фридрих Вильгельм, король Баварии) 80, 301
 Людовик XIV 80
 Люксембург Р. 335
 Люций Вер 285, 400
 Майков А. Н. 237
 Майков В. Н. 237
 Макарьев И. С. 251
 Маковельский А. О. 261, 398
 «Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях в свидетельствах древности и в свете новейших исследований» 398
 Мак Орлан П. 243, 383
 «Ночная Маргарита» 383
 «Огни Парижа» 383
 «Фабрика крови» 383
 Малашкин С. И. 385
 Малиновская Е. К. 341
 Малышкин А. Г. 392
 Мальро А. 255
 Мальтус Т. Р. 393
 Мамонтов К. К. 66
 Марк Аврелий 263, 400
 Марков П. А. 294
 Маркс К. 154, 282
 Марлен Б. 371
 Марлит М. 245, 386
 Марр Н. Я. 329
 Мартен дю Гар Р. 8, 253, 393
 «Старая Франция» 253, 393
 Мартенвиль 400
 Маршак С. Я. 332
 Масарик Т. Г. 220, 283, 362
 Маутнер Ф. 259, 397
 Махно Н. И. 120
 Маяковский В. В. 226, 227, 255, 370
 «Облако в штанах» 226
 «Сергею Есенину» 370
 Мельников П. И. (псевд. Андрей Печерский) 65
 Мейер Ю. Л. 161, 326
 Менделеев Д. И. 161, 258
 Меньшиков М. О. 242
 Мережковский Д. С. 122, 242, 270, 312, 382
 «Не мир, но меч» 122, 312
 «Не святая Русь» 242, 382

- Местр Ж. де 35
 Метальников С. И. 259, 396
 Мечников И. И. 107, 259
 «Этюды оптимизма» 259
 Микеланджело Буонарроти 343
 Микулич В. (наст. Веселитская Л. И.)
 208, 353
 «Встречи с писателями» 353
 Милкоков А. П. 259
 Милоков П. Н. 120, 237, 273, 274,
 283, 407
 Миролубов В. С. 363, 388
 Мирский Д. П. 327, 392, 395
 Михайлов М. Л. 237, 377
 Михайловский Н. К. 113
 Мишель Л. 188
 Мо Э. 396
 Молешотт Я. 97
 «Молодая гвардия» журн. 255
 Момбелли Н. А. 236
 Монтень М. 35
 Мона 259
 Мопассан Г. де 70, 151, 233
 Моран П. 244, 384
 «Ночи. Новеллы» 384
 Мориак Ф. 8, 393
 «Клубок змей» 393
 Морфи 186
 «Московские ведомости», газ. 270
 404
 Мочалов П. С. 116
 Муижель В. В. 246, 322
 Муне-Сюлли Ж. 115
 Муратов П. П. 274, 407
 «Образы Игаллии» 274, 407
 Муссолини Б. 113, 220, 235, 375
- Набоков В. Д.** 120
 Нагорный А. В. 308
 «Жизнь, старость и смерть» 308
 Накоряков Н. Н. 395
 «Начало», журн. 299
 «Наши достижения», журн. 293,
 327
 Неведомский В. Н. 302
 «Независимая Венгрия», газ. 301
 Нейфельд И. 212 (один из немецких
 исследователей), 357
 «Достоевский. Психоналити-
 ческий очерк» 357, 383
 Некрасов Н. А. 207, 228, 249, 352
 «Рыцарь на час» 228
 Немчинова Н. 394
 «Нервная трофика в теории и прак-
 тике медицины». Сб. ст. 402
 «Нижегородский листок», газ. 216,
 344
 Пизан П. 8, 275, 393, 394
 «Антуан Блуайе» 253, 394
- Николаевский Б. И. 222, 364
 «Конец Азефа» 222, 364
 Николай I 80, 81, 301
 Николай II 80, 176
 Никольский 278
 Никулин Л. В. 327
 Нитобург Л. 252, 393
 «Немецкая слобода» 393
 Ницше Ф. 180, 188, 209, 228
 Нобель 216
 Новалис (наст. Гарденберг Ф.) 241
 Новикова А. И. 393
 «Новый журнал иностранной ли-
 тературы, искусства и науки»
 385
 «Новый мир», журн. 393
 «Новый путь», журн. 310
 Ноги Марязуке Китен 405
 Нойз, пастор 187, 336
 Нольде А. А. 303
 Ньютон И. 215
- «Обсервер» см. «Observer»
 «Общество памяти Декабристов» 103,
 306
 О'Гара 35, 232, 291
 О'Генри 9, 243, 245, 385, 386 389
 «Два ренегата» 386
 «Дверь в мир» 386
 «Кабаллеро» 386
 «Люби ближнего» 386
 «Налет на поезд» 386
 «Разные школы» 386
 «Среди текста» 386
 Огнев Н. 266, 339, 385
 «Дневник Кости Рябцева» 385
 «Огонек», журн. 327
 Ойэрти У. 193, 341
 Олдингтон Р. 256, 395
 «Дочь полковника» 256, 395
 Ольденбург Г. 305
 «Будда, его жизнь, учение и об-
 щина» 305
 Ольденбург С. С. 218, 360
 Ольденбург С. Ф. 45, 291, 305, 306,
 363, 374
 «Жизнь будды, индийского учи-
 теля жизни» 305
 «Первая буддийская выставка в
 Петербурге» 305
 Олдридж А. (Ольридж) 116
 О'Нейл Ю. (Евгений) 244, 383,
 384
 О'Рурк 26
 Осипович А. (наст. Новодвор-
 ский А. О.) 349, 388
 Осоргин Н. (наст. Ильин М. А.) 273,
 406
 «Сивцев Вражек» 406

- Острогорский В. П. 246, 388
 Остроумов А. А. 265, 401
 «Отечественные записки», журн. 353
 «Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 г.» (Л., 1924) 221, 363
 «Отчеты Комитета помощников при- сяжных поверенных Московской судебной палаты» 125 («Отчеты су- дебных палат»), 313
 Охрименко П. 383
- Павел I 80
 Павленко П. А. 327, 392
 Павлов А. П. 108, 307
 Павлов И. П. 258, 265, 401
 Пансий, архимандрит 240
 Палладин А. В. 308
 «Омоложение» 308
 Пальм А. И. см. Альминский П.
 Пантелеев Л. и Белых Г. 244, 313, 385
 «Республика Шкид» 244, 313, 385
 «Пантеон литературы», журн. 385
 Панферов Ф. И. 392
 Паскаль Б. 35
 Паскевич И. Ф. 301
 Пассек В. В. 376
 Пассек Т. П. 376, 377
 «Из дальних лет» 376, 377
 Пастернак Б. Л. 312
 «Детство Люверс» 312
 Паульсен Ф. 307
 Паустовский К. Г. 393
 Пацци 193, 342
 Пашков А. Г. 311
 Пешинелла 234, 374
 Первый рабоче-крестьянский уни- верситет 107, 308
 Пермитин Е. Н. 153
 Перовская С. Л. 116
 Петин 278
 Петр I 118
 Петрашевский (Буташевич) М. В. 237, 377
 Петрова С. 196
 Пешков З. А. 292, 339
 Пешков М. А. (Максим) 232, 289, 291—294, 326
 Пешкова Д. М. 75 (Дарья), 300
 Пешкова Е. П. 79, 203, 327, 334, 336 340, 341, 345, 348, 378, 383, 384, 388, 389
 Пешкова Н. А. («Тимоша») 291, 292, 374
 Пильняк Б. А. 238, 239, 378, 379
 «Третья столица» 378
 «Speranza» 239, 379
- Пименова Э. К. 308
 Пшикевич А. П. 406
 «Пионер», журн. 132, 133, 316—318, 321
 Пионтковский С. 368
 Пиотровский А. И. 380
 Писемский А. Ф. 113, 212, 356
 «Взбаламученное море» 212, 356
 Платон 34, 81, 203
 Платт 190, 340
 Плева В. К. 120, 364
 Плетнев Д. Д. 265, 401
 Плещев А. П. 236
 По Э. 117, 383, 401
 «Маска красной смерти» 401
 Победоносцев К. П. 74
 Подольский Г. Л. 395
 Подьячев С. П. 249
 Познер В. С. 141, 309
 Полевой Н. А. 350
 «Уголино» 350
 Полежаев А. И. 249, 376
 Поленц В. 113
 Полканов 199
 Поляков-Литовцев С. Л. 228, 372
 Полякова-Гиршман Г. 292
 Попов 25, 289
 «Последние новости», газ. 221, 273, 298, 345, 348, 360, 362, 363, 374, 400, 404, 406, 407
 Поссарт К. 116
 Поссе В. А. 247, 389
 «Мой жизненный путь» 389
 Потанин Г. Н. 174
 «Влиение Востока на западноев- ропейский эпос» 174
 Потапенко М. А. 342
 Потапова В. Н. 28
 Потебня А. А. 179
 «Правда», газ. 163, 313, 356, 368, 392, 393, 406, 411—413
 Пржевальский Н. М. 366
 Пригожин А. Г. 173, 329, 330
 Пришвин М. М. 372 382, 399, 405
 «Пржектор», журн. 312
 Проппер 327
 Пуанкаре Р. 155, 325
 «Пунголо», газ. 341
 Пушкин А. С. 219, 236, 238, 242, 349, 376
 «Борис Годунов» 219
 Пятницкий К. П. 193, 302, 331, 337—339, 341—343, 379, 402
 «Р. Т.» газ. («Римская трибуна») 235, 375
 «Рабочая газета» 273
 «Рабочая Москва», газ. 265
 Разин И. М. 317

- Ракицкий И. Н. («Соловей») 291, 292
 Рам-Мохун-Рой 304
 Раписарди М. 193, 237, 341, 378
 Распутин Г. Е. 278
 Рассел Б. 162, 177, 326, 331
 «Икар, или будущее науки» 178, 331
 «Научное предвидение» 326
 Ратенау. В. 233, 374
 Ремизов А. М. 238, 322, 362
 Ренан Э. 35, 203, 269
 «Психология убийства» 35
 Репин И. Е. 140, 322, 366
 «Речь» газ. 305, 372
 Рид Дж. 249, 390
 «10 дней, которые потрясли мир» 249, 390
 Рише Ш. 159, 326
 Род Э. 113
 «Родная земля», газ. 322
 Рождественская Н. П. 405
 Розанов В. В. 114, 131, 213, 242, 248, 308, 321, 357, 382
 «В мире неясного и нерешенного» 321
 «Люди лунного света (метафизика христианства)» 321
 «Около церковных стен» 321
 Розенберг А. 282, 411
 Розенблюм Л. М. 357
 Рокфеллер Д. 190, 339
 Роллан Р. 5, 116, 128, 166, 244, 315, 327, 357, 384, 393, 405
 «Роман-газета» 163
 Ромм М. И. 390
 Ротшильд А. 190
 Ротшильд Эд. 190
 Рузвельт А. Л. 189, 339
 Рузвельт Т. 339
 Рукавишников И. С. 322
 «Руль», газ. 120, 272, 292, 311, 345, 360, 368, 404—406
 Румянцев Т. 66
 «Русская мысль», журн. 310, 362
 «Русский современник», журн. 360
 «Русское слово», газ. 339
 Рут 192
 Рутенберг П. М. 220, 362
 Руффино К. 234, 374
 Рыклин Г. Е. 151
 Рылеев К. Ф. 249
 Рысс («Мортимер») 220
- Саблин В. М. 245
 Савиных Б. В. (В. Ропшин) 220, 356, 362
 «Конь бледный» 220, 362
 «Конь вороной» 362
- «Почему я признал советскую власть» 362
 «То, чего не было» 220, 356, 363
 Савицкий 62
 Садовский М. П. 101, 307
 «Дикий человек» 101, 307
 Садовский П. М. 101, 307
 Салабановы 204
 Салтыков-Щедрин М. Е. 208, 237, 246, 349, 388
 «Господа Головлевы» 208
 «Господа ташкентцы» 208
 Сальвини Т. 115
 Самарин Ю. Ф. 352
 Самцов Ф. А. 161, 326
 Санд Ж. 113, 212 (Ж.-Занд)
 Свицерский А. Я. 388
 «Северные сборники» 385
 «Сегодня», газ. 359
 «Сегодня и завтра» (серия) («То day and to morrow») 177
 Сегюр Н. 381
 «Разговоры с Анатоном Франсом» 381
 Сейфуллина Л. Н. 153
 Селивановский А. П. 409
 Селин Л. Ф. 8, 253, 393
 «Путешествие на край ночи» 253, 393
 Сельвинский И. Л. 249, 390
 «Командарм II» 249, 390
 Семашко Н. А. 327
 Семенов Г. М. 366
 Семенов В. С. 66
 Семеновский Д. Н. 121, 311, 312, 326
 «Слава злобе» 312
 «Страна плодородия» 326
 Сенкевич Г. 220
 «Quo vadis» 220
 Сент-Бев Ш. 360
 Сервис Р. 243, 383
 Сенковский (Барон Брамбеус) 236
 Сергеев-Ценский С. Н. 6, 117—119, 124, 308—311, 358, 385, 387, 405
 «Бабаев» 310
 «Верю!» («Цыганский барон») 310
 «Думы и грезы» 310
 «Маска» 310
 «Медвежонок» 118, 310
 «Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким» 310
 «Наклонная Елена» 118, 310
 «Печаль полей» 117, 118, 310
 «Погост» 310
 «Преображение России», 6, 117—119, 140, 308 («Transfiguration») 309—311
 «Сад» 310

- «Счастье» («Я умру скоро») 310
«Тундра» 310
«Сибирские огни», журн. 153, 324—
325
Синицын М. М. 273, 407
Синьборелли Л. 193, 342
Ситанов Е. 28, 289
Скворцов-Степанов И. И. 341
Скороходова О. И. 263, 399, 400
«К бюсту Горького» 400
«Как я воспринимаю окружаю-
щий мир» 400
«Слово о культуре», сб. 357
Слонимский М. Л. 378, 397
Случевский К. К. 250
Слюсарев 25
«Смена», журн. 317
Смиренский В. 366
Смит Дж. 93, 304
Смотрницкая А. Я. 221, 363, 380
«Советская Азия», журн. 153, 324,
325
«Советский врач», журн. 138, 321,
322
«Советский книжник», журн. 395
«Современник», журн. 360
«Современное слово», журн. 372
«Современные записки», журн. 381
Содди Ф. 379
Соколянский И. А. 400
Соллогуб В. А. 113
Соловьев Вл. С. 410
«Песня офитов» 410
Сологуб Ф. К. 140, 270, 322
Сотомин 69
«София», журн. 407
«Социалистический вестник», журн.
272, 285, 404, 406
Сперанский А. Д. 253, 266, 401,
402
«Об эксперименте и эксперимен-
таторе» 402
Спешнев Н. А. 236
Ставский В. П. 251
Старков А. В. 261, 398
Старкова О. Ф. 398
«Старый краевед» (псевд.) 164, 165
Стендаль 113
Степанов Н. Л. 212, 356
«Творчество Достоевского» 356
Степун Ф. А. 8, 241, 381
«Николай Переслегин» 241, 381
Стецкий А. И. 392
Столыпин П. А. 120
Странден Д. В. 247, 389
«Забитая страна христианства»
389
Страхов Н. Н. 213, 357, 398
Стриндберг А. 219 (С.), 361
Струве П. Б. 242
Стыка Т. 220, **362**
Стыка Я. 220, **362**
Суворин А. С. 223, 242, 366
Сулима 25
Сулъе де Моран Ж. **383**
«Ветерок в лунную ночь» 383
Сумцов П. Ф. 305
Сурков А. А. 394, **413**
Суслов, парикмахер 209
Суслова А. П. 213, 357
«Годы близости с Достоевским»
357
Сутырин В. А. 251, **391**
Суханов П. Н. (наст. Гиммлер) 9,
215, 217, 359
«Записки о революции» 359, 360
Сушапова-Флаксерман Г. К. 306
«Сын отечества», газ. 229
Сю Э. 283
Сютаев В. К. 115, 308
«Тайны жизни», журн. 342
Тальма Ф. Ж. 115
Танеев С. И. 226
Тарараев А. Я. 9, 375
Твардовский, фон 325
Твэи М. 79, 245
Тельман Э. 176, 331, 374
Тик Л. 241
Тимковский К. И. 237
Тимофеев Л. И. 392
«О библиотеке поэта» 392
Тихвинский М. М. 145 (М. М. Т.),
312
Тихомиров 224
Тихонов Н. С. 251, 392
Токараццо 261, 398
Толлер Э. 215, 358
Толстая-Сухотина Т. Л. 214, 358
Толстой Л. Н. 28, 93, 94, 113, 115,
117, 141, 200, 213—215, 223, 237,
248, 252, 269, 278, 305, 308, 346,
357, 358, 392, 402
«Воскресенье» 252, 392
«Смерть Ивана Ильича» 346
«Так что же нам делать?» 332
Толстой 26
Толь Ф. Г. 236
Тревельен 177, 331
«Эверта или будущее искусства»
177, 331
Трепов Д. Ф. 312
Третьяков С. 323
«Грегор Гог» 323
«Трибуна», газ. 235 (Р. Т.), 375
«Тридцать дней», журн. 327
Триоле Э. 393
«Трипитака» 91, 304

- Тугенхольд Я. А. 338
 Тулли Д. 243, 383
 «Автобиография бродяги» 383
 Тульс 189
 Туманский А. Г. 304
 Турати Ф. 235, 375
 Турганев И. С. 113, 209, 409
 «Новь» 212
 Тынянов Ю. Н. 313
 «Кюхля» 313
 Тэн И. 276, 360, 408
 «Социализм, как правительство» 408
 Тютчев Ф. И. 122
- Уильсон Х. 177, 331
 «Пигмалион или врач в будущем» 177, 331
 Уитмен У. 117
 Ульянова М. И. 407
 Умберго II 235, 375
 Унгерн 223
 Унтерберген П. Ф. 65
 Уорд Г. (наст. Уорд М. А.) 247, 389
 Урицкий С. Б. 120, 251, 316
 Усиевич Е. Ф. 310
 Успенский Г. И. 101, 205, 282, 348, 411
 Успенский И. 348
 Ушерович С. 176
 «Смертная казнь в царской России» 176
 Уэллс Г. 8, 177, 240, 337, 363, 380
- Фадеев А. А. 251, 252, 392, 393
 «Последний из удэге» 392, 393
 Файхингер Г. (H. Vaihinger) 259, 397
 «Die Philosophie des Als-ob» 397
 Фалеева С. 28
 Феваль П. 245, 386
 Федер 283
 Федин К. А. 290, 357, 363, 379, 405
 Федоров 249
 Федоров Л. Н. 170, 328, 391, 401
 Федоров Н. Ф. 230, 372, 373
 Ферворн М. 259, 396
 «Естествознание и миросозерцание» 396
 Феррари Е. К. 363
 Ферсман А. Е. 260, 397
 Фигнер В. П. 116, 306
 Филипп II 80, 301
 Филиппов П. Н. 236
 «Фиорды» (сб.) 245, 385
 Фихте И. 241
 Флеровский (наст. Берви В. В.) 261, 398
 «Азбука социальных наук» 261 398
- Флобер Г. 113, 248, 251, 390
 «Бювар и Пекюше» 248
 «Мадам Бовари» 248, 251
 «Письма 1831—1854 гг.» 390
 «Простое сердце» 113
 «Фолькишер беобахтер», газ. 411
 Форест 190
 Форстер Ч. 187, 337
 Форш О. Д. 6, 122—124, 244, 312, 313, 384, 405
 «В гостях у Горького» 313
 «Одегты камнем» 6, 122—124, 312, 313
 «Современники» 123, 312, 313
 Фофанов К. М. 7, 223, 366
 «Иллюзии» 366
 Фофанова О. К. 223, 367
 Франк Л. 215, 358
 Франс А. 116, 241, 308, 380, 381
 Франц-Иосиф 301
 Фрейд С. 259
- Хаксли О. см. Гексли А.
 Халатов А. Б. 247, 293, 315, 368, 383, 388, 391, 399
 Ханзен Г. 314
 Ханькова А. В. 236
 Харламова В. В. 383
 Харциев В. И. 305
 Хвольсон О. Д. 259, 397
 «Курс физики» 397
 Хейлорд Г. см. Гейлорд Г. Р.
 Хёрст У. Р. 188, 338
 Хескет-Притчард 311
 «Спайнинг во Франции» 311
 Хилквит М. 25, 289, 338
 Хислоп 187
 Хлебников В. В. 250
 Ходасевич В. Ф. 221, 222, 291, 292, 297, 313, 360, 362, 363, 373
 Хомяков А. С. 352
- Цакони Э. 115
 Цвейг С. 8, 225, 243, 358, 370, 374, 382, 387
 «Амок» 243, 382
 «Моя встреча с Горьким» 370
 Цветаева А. И. 340, 341
 Цеткин К. 325
- Чайковский П. В. 382
 Чайльд Ч. М. 262, 399
 Чапыгин А. П. 313
 «Разин» 313
 Чена Дж. 193, 341
 Чернецов В. 256, 395
 Чернов В. М. 7, 219, 220, 344, 361
 Черновитов Р. А. 237
 Чернышевский Н. Г. 237, 377

- Чертков В. Г. 9, 247, 270, 357, 404
 «Уход Толстого» 9 (... книга о Толстом), 404
 Черткова А. К. 389
 Чертова Н. В. 153
 Черчилль У. 141
 Четвериков Д. 385
 Чехов А. П. 109, 142, 217, 218, 235, 242, 279, 375, 409
 «Припадок» 217
 Чиковский Э. 334, 335
 Чингизхан 62
 Чирков Е. Н. 7, 27, 216, 289, 322, 359
 «Читатель и писатель», газ. 388
 Чонг 232
 Чуковский К. И. 138, 310, 322
 Чулков Г. И. 390
 «О мистическом анархизме» 390
 Чумандрин М. Ф. 250, 391

 Шагинян М. С. 239, 379
 «Перемена» 239, 379
 Шаляпин Б. Ф. 297
 Шаляпин Ф. И. 220, 224—226, 228, 292, 369—372
 «Маска и душа» 228, 371
 Шаляпина И. Ф. 228, 370
 Шапошников П. 237
 Шаррисон Р. 262, 399
 Шатков Г. В. 314
 Шатобриан Ф. Р. 35, 324, 371
 «Ренэ» 324, 371
 Шацкий С. Т. 321
 Шевченко Т. Г. 376
 Шекспир У. 190, 375
 Шелгунов Н. В. 377
 «К молодому поколению» (совм. с М. Л. Михайловым) 377
 Шелехов Г. А. 277, 409
 «Странствие российского купца Г. Шелехова в 1785 году» 409
 Шеллинг 241
 Шеридан К. 9, 64, 297, 361
 Шестов Л. И. 112, 258
 «Апофеоз беспочвенности» 112
 Шик М. 381
 Шиллер 177, 331
 «Тантал или будущее человека» 177, 331
 Шингарев А. И. 265, 401
 Шинфейнер 37, 291
 Ширяев, проф. 224
 Шкловский В. Б. 226
 Шлегель Ф. 241
 Шмидт Г. А. 262, 399
 Шопенгауэр А. 223, 228, 366, 411
 «Духовидение» 411

 Шоу Б. 37, 239, 379
 «Назад к Мафусанлу» 239, 379
 Шохор-Троцкий К. С. 346
 Шпемаг Г. 262, 399
 Штарк В. А. 308
 «Омоложение. Попытка разрешения проблемы вечной молодости» 308
 Штейнах Э. 219, 230, 231, 293, 361, 372, 396
 Штейнер Р. 228
 Штерн И. М. 325
 Штернберг Р. У., фон 366
 Штирнер М. 180, 228
 Штурм Г. Н. 327
 Шульгин В. В. 7, 224, 367, 368
 «Дни» 368
 «Три столицы. Путешествие в Новую Россию» 368
 «1920 г.» 368

 Щедрип-Салтыков см. Салтыков-Щедрип М. Е.
 Щеголев П. Е. 313
 «Таинственный узник Петропавловской крепости» 313
 Щепкин М. С. 116
 Щербаков А. С. 360, 394
 Щербатов М. М. 262, 399
 «О повреждении нравов в России» 262, 399
 Щербатский Ф. И. 305
 «Научные достижения древней Индии» 305

 Эберт Ф. 231, 373
 Эдди М. Б. 187, 336
 Эдисон М. 106, 400
 Эйдеман Р. П. 251
 Эйнштейн А. 199, 258, 259, 397
 Эйтель Фридрих, принц 207, 334
 Эйхенбаум Б. М. 385—387
 Эйхенгольд М. Д. 384, 390
 Экхоуд Ж. 224, 367
 Эллэнс Ф. (Ф. Ван-Эрменгайм) 224, 367
 Энгельс Ф. 263, 326
 «Диалектика природы» 263
 «Естественнознание в мире духов» 326
 Эпштейн М. С. 321
 Эренбург И. Г. 128, 255, 314
 Эрдман Н. 294
 Эря 98
 Эртель А. И. 207, 352
 «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» 352
 Эстонье Э. 113
 Эстрин А. 221, 363, 380

- Юденч Н. Н. 198
Юзов И. И. (псевд. Каблица) 237, 378
Юм Д. 240
«Юманите», газ. 156
Юнг А. 159
Юрош-Ковальский 190
Яблоновский А. А. 218, 228, 229, 360, 372
Яворский Л. 259, 396
Якимов Ф. С. 71
Якушкин П. И. 352
Яровицкий А. В. (Коренев) 243, 382
Ястржебмский И.-Ф. Л. 236

«Appleton's magazin», журн. 336
«Berliner Tageblatt», газ. 334
Budberg M. см. Будберг М. И.
«Colliers magasin», журн. 188, 338
Corio B. 398
«Storia di Milano» 398

«Deily News», газ. 367
«Disque vert» («Зеленый диск»), журн. 367
Haldanc 178, 331, 332
«Lokalanzeiger» газ. 335
«Neue Freie Presse», газ. 334
«New-York American», журн. 337
«Nieuve Rotterdamsche Curant», газ. 367
«Nyugat» см. «Запад»
«Observer», журн. 345, 346
«Die Rote Fahne», газ. 325
«Der Vagabund» («Бродяга»), журн. 147, 323
«Van nu en stark» («Сегодня и завтра»), журн. 367
«Vlaandren» («Фламандцы»), журн. 367
«Volksgazet» («Народная газета»), 367
«Wilshir's magazin», журн. 337

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЬКОГО

- «Амстердамскому антивоенному конгрессу» 325
- «Анонимам и псевдонимам» 315
- «Беседа с молодыми» 412
- «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» 356, 401
- «Беседа с московскими рабочими в отделе работниц МК ВКП (б) от 14 июня 1928 г.» 347
- «Беседы о ремесле» 290, 347, 391, 411
- «В Америке» 333, 337
- «В защиту Эрнста Тельмана» 331
- «Враги» 333, 338
- «Время Короленко» 346
- «Город Мамоны» 336
- «Делегатам антивоенного конгресса» 325, 326
- «Дело Артамоновых» 246, 387, 388
- «Дети солнца» 339
- «Детям Сахалина» 412
- «Еще о «механических гражданах» 316
- [«Еще рабселькорам»] 320
- «Еще раз об «Истории молодого человека» 389
- «Жизнь Клина Самгина» 203, 297, 333, 334, 385, 410
- «Жизнь Матвея Кожемякина» 305, 410
- «За работу» [1931] 327
- «Заметки из дневника. Воспоминания» 5, 6, 116 («Из дневника») 290, 308, 359
- «Записки доктора Ряхина» 289
- «Зоя» («Сон»), неоконченная повесть 296
- «Из повести» 334
- «Из прошлого» 346
- «Издалека», (ст. V) 322
- «Испытатель» 290
- [«История русской литературы», конспекты лекций] 377, 378
- «История фабрик и заводов» 327
- [«К «Проекту программы для литературных кружков»] 332, 394
- «Н. Е. Каролин-Петропавловский» 346
- «Краткий очерк скверной истории» 331
- «В. И. Ленин» 333, 340
- «Леонид Андреев» 359
- «Либретто оперы» (Набросок) 289
- «Литературные забавы» 394
- «Литературу — детям» 412
- «Н. С. Лесков» 349, 351
- «Любительский спектакль (набросок)» 294
- «Механическим гражданам» СССР. Ответ корреспондентам» 315, 316
- «Мещане» 294
- «Мо» 337
- «Мои университеты» 204
- «Мой привет» 313
- «На дне» 339
- «На краю земли» 327
- «Наша литература — влиятельнейшая литература в мире» 401
- «О белоэмигрантской литературе» 361, 382, 406
- «О «Библиотеке поэта» 327
- «О бумаге» 326
- [«О буржуазной прессе»] 338, 340
- «О возвеличенных и «начинающих» 347
- «О женщине» [1934] 173, 329, 390, 408, 413
- «О «Зрителе» 327
- «О краеведении» 391
- «О мещанстве» 358
- [«О науке»] [1932] 326
- «О негодях» 315, 316 (начало статьи)
- «О новом человеке» 413
- «О пионерах» [предисловие к сборнику «Кем хотят быть наши дети»] 317

- «О писателях-самоучках» 305
 «О пользе грамотности» 388
 «О предателях» 364
 «О прозе» 392
 «О рабселькорах» 407
 О различии вкусов. Ответ старому
 криведу» 298
 «О разных разностях» 406
 «О религиозно-мифологическом мо-
 менте в эпосе древних» 394, 413
 «О русском крестьянстве» 340
 «О С. А. Толстой» 357, 404
 «О сказках» [1935] 394, 401
 «О советской литературе» см. «Совет-
 ская литература»
 «О советском радиовещании» 325
 «О солдатских идеях» 326, 411
 «О солитере» 138
 «О старом и новом человеке» 366
 «О темах» 366, 393
 «О том, как я учился писать» 390
 [«О фольклоре»] 332, 333
 «О цинизме» 402
 «Об анекдотах и —еще кое о чем»
 327
 «Об издании романа «Бесы» 356
 «Об искусстве» 332, 394
 «... О. Генри — писатель...», замет-
 ка 389
 «Ответ интеллигенту» 411
 «Ответная речь на приветствия от
 25 июля 1928 года» 347
 [«Очарованный странник». Из пре-
 дисловия к американскому изда-
 нию рассказа Н. С. Лескова] 107,
 108, 349
 «Парнишки и девчонки», набросок
 299
 «По Союзу Советов» 298, 316
 «Пожары» 290
 «Песня о Буревестнике» 389
 «Пионерскому кружку 6 ФЗД в Ир-
 кутске» 412
 «Письма к читателям», цикл статей
 306
 «[Письмо рабкору Сапелову] 320
 «Письмо селькорам» 320
 «Письмо селькору — колхознику»
 320
 [«Предисловие к американскому из-
 данию романа С. Н. Сергеева-
 Ценского «Преображение»] 309,
 310
 [«Предисловие к американскому изда-
 нию романа О. Д. Форш «Одеты
 камнем»] 312, 313
- Предисловие [к воспоминаниям
 Н. Буренина] 364
 [«Предисловие к изданию первой ча-
 сти романа С. Н. Сергеева-Цен-
 ского «Преображение» на венгер-
 ском языке] 310
 Предисловие к книге А. К. Виногра-
 дова «Три цвета времени» 302
 [«Предисловие к книге «60 рейсов»]
 320
 [«Предисловие к французскому изда-
 нию романа Леонова «Барсуки»]
 356
 «Призвание писателя и русская лите-
 ратура нашего времени» 290, 309
 «Проект программы для литкруж-
 ков» см. «К проекту программы для
 литкружков»
 «Пролетарская ненависть» 413
 «Пролетарский гуманизм» 331, 412
 [«Рабселькорам»] 320
 «Разрушение личности» 333, 338, 402
 «Рассказы о героях», цикл 299
 «Рассказы о Ефиме Заботкине, свер-
 кающем человеке», набросок 299
 «Рассказы 1922—1924 гг.» 308
 «Репетиция» 116, 290 308
 «Речь на Втором пленуме Правления
 Союза советских писателей» см.
 «Наша литература — влиятельней-
 шая литература в мире»
 «Рождение человека» 363
 «Русские сказки», цикл 295
 «Русский царь» 335
 «Рыжая, как ржавое железо» 344
 «С Всероссийской выставки» 390
 «Сан-Франциско» 337
 «Советская литература. Доклад на
 Первом Всесоюзном съезде совет-
 ских писателей» 332, 393, 394
 [«Советские дети»] (I. «Мальчики».
 II. «Мальчики и девочки») 412
 «Сомов и другие» 298
 «Страна подростков» [замысел], 333,
 341
 «Терремото» 298
 «Тираны» 6, 301
 «Товарищу Димитрову» 331
 «Трое» 389
 [«Ходом событий создается течение
 времени»] набросок 299
 «Хозяева жизни» 337
 «Царство скуки» 337
 «Чарли Мэн» 337
 «Экзекуция» 390

СОДЕРЖАНИЕ

От Архива А. М. Горького .

5

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(комм. 289—300)

1. [Эраст Петрович] (сост. С. И. Доморацкая) 13
2. Матери (сост. А. Е. Погосова) 25
3. [Мир — тесеп] (сост. А. Е. Погосова) 25
4. [Три человека шли в гору] (сост. Н. Н. Жегалов) 26
5. [Удивление пред талантом] (сост. А. Е. Погосова) 27
6. [Сашура] (сост. С. И. Доморацкая) 28
7. [Воспоминание о незнакомом человеке] (сост. Е. Г. Коляда) 30
8. [Миронов] (сост. Ф. М. Иоффе) 31
9. Испытатель (сост. Е. Г. Коляда) 33
10. Рассказы О'Гара (сост. Ф. М. Иоффе) 35
11. [Из «Соррентийской правды»] (сост. С. С. Зимица) 38
12. [Панфилов] (сост. С. И. Доморацкая) 51
13. [Над заливом] (сост. Е. Г. Коляда) 52
14. [Дед мой писал...] (сост. В. С. Баранов) 55
15. Правдивый рассказ о злодеяниях черта (сост. Е. Г. Коляда)...
[Мелкие наброски] (сост. С. И. Доморацкая, Н. Н. Жегалов, Ф. М.
Иоффе, Е. Г. Коляда, А. Е. Погосова) 56

II. СТАТЬИ

(комм. 301—333)

1. [Открытое письмо в американские газеты] (сост. Н. Н. Жегалов) 79
2. Тираны (сост. Н. Н. Жегалов) 80
3. [Э. Гиббон об истории христианства] (сост. Н. Н. Жегалов) 81
4. Ответ «доброжелателям» (сост. Н. Н. Жегалов) 82
5. [Происхождение бога] (сост. Н. Н. Жегалов) 84

6. Детский народный дом (сост. В. С. Баратов)	93
7. [О Судьбе] (сост. Ф. М. Иоффе)	94
8. Письма к читателям (сост. В. С. Баратов)	95
9. О детях улицы (сост. В. С. Баратов)	96
10. [Новогоднее послание] (сост. В. С. Баратов)	98
11. [О мироведении] (сост. В. С. Баратов)	98
12. [Предисловие к рассказу Садовского «Дикий человек»] (сост. В. С. Баратов)	101
13. [О знании] (сост. В. С. Баратов)	101
14. [По поводу предисловия к сочинениям М. Барреса] (сост. Н. Н. Жегалов)	112
15. [О толпе и герое] (сост. В. С. Баратов)	113
16. [Ответы журналисту] (сост. Е. Г. Коляда)	114
17. [Предисловие к роману С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение»] (сост. Е. Г. Коляда)	117
18. [«Очарованный странник»] (сост. Ф. М. Иоффе)	119
19. [О «механическом» гуманизме] (сост. А. Е. Погосова)	120
20. [Предисловие к роману О. Д. Форш «Одеты камнем»] (сост. Е. Г. Коляда)	122
21. [О герое нашей современности] (сост. Е. Г. Коляда)	124
22. [О фабрикации недовольных] (сост. А. Е. Погосова)	125
23. [Предисловие к переводу книги Гудмундура Камбан] (сост. А. Е. Погосова)	126
24. [О романе Л. И. Борисова «Ход конем»] (сост. С. И. Доморацкая)	127
25. [О негодях. Ответ автору письма о «Вавилонской башне»] (сост. А. Е. Погосова)	129
26. [По Союзу Советов] (сост. Ф. М. Иоффе)	129
27. [Ответ на открытое письмо гр. Н. Р.] (сост. А. Е. Погосова)	132
28. [Кем хотят быть наши дети] (сост. С. С. Зимина)	132
29. [О рабселькорах] (сост. С. С. Зимина)	134
30. [О детском заочном университете] (сост. С. С. Зимина)	136
31. [О смерти] (сост. Н. Н. Жегалов)	137
32. [О самоубийстве] (сост. С. И. Доморацкая)	138
33. [Ударникам города Ленина] (сост. С. И. Доморацкая)	144
34. [Бродягам Германии и других стран] (сост. С. И. Доморацкая)	146
35. [О борьбе отцов и детей] (сост. Е. Г. Коляда)	148
36. [Культурная отсталость] (сост. И. В. Дистлер)	149
37. О распределении культурных сил (сост. И. В. Дистлер)	151
38. Классовая солидарность против войны (сост. И. В. Дистлер)	154
39. [XX-й век — век гражданских битв] (сост. Ф. М. Иоффе)	157
40. [Ответ гражданину] (сост. Ф. М. Иоффе)	158
41. [О книжном голоде] (сост. Е. Г. Коляда)	163
42. О различии вкусов (сост. Ф. М. Иоффе)	164
43. [О реорганизации ВОКСа] (сост. С. И. Доморацкая)	165
44. [Литература и действительность] (сост. Ф. М. Иоффе)	170
45. [Послесловие к статье С. Зорина] (сост. Ф. М. Иоффе)	172
46. [Ответ А. Г. Пригожину на его замечания к статье М. Горького «О женщине»] (сост. Ф. М. Иоффе)	173

47. [О фашистском терроре] (сост. Ф. М. Иоффе)	174
48. [Миф и научная гипотеза] (сост. Е. Г. Коляда)	177
49. [Об истории] (сост. Ф. М. Иоффе)	178
50. [О фольклоре] (сост. Ф. М. Иоффе)	180

III. ЗАМЕТКИ

(комм. 333—413)

[Записная книжка] (сост. Р. П. Паптелова)	185
[О личном] (сост. В. С. Барахов, А. Е. Погосов, В. Г. Коляда)	193
[О Н. С. Лескове] (сост. Ф. М. Иоффе)	205
[О Ф. М. Достоевском] (сост. С. И. Доморацкая)	209
[О Л. Н. Толстом] (сост. В. С. Барахов)	213

НАБРОСКИ К ПОРТРЕТАМ

(комм. 358—372)

1. [О Томе Андреасе] (сост. С. И. Доморацкая)	215
2. [Об А. Ерманском] (сост. С. И. Доморацкая)	215
3. [О Е. Н. Чирикове] (сост. С. И. Доморацкая)	216
4. [О Ф. Владимирском] (сост. Е. Г. Коляда)	216
5. [О Б. Зайцеве] (сост. Е. Г. Коляда)	216
6. [О Н. Суханове] (сост. Е. Г. Коляда)	217
7. [О Ю. И. Айхенвальде] (сост. М. И. Доморацкая)	217
8. [О Е. Замятине] (сост. С. И. Доморацкая)	218
9. [О А. А. Яблоновском] (сост. С. И. Доморацкая)	218
10. [О Пауле Линдиге] (сост. С. И. Доморацкая)	218
11. [Гергардт Гауптман] (сост. Е. Г. Коляда)	219
12. [О Кристьяне Альбертсоне] (сост. С. И. Доморацкая)	219
13. [О Кнуде Гамсуне] (сост. Е. Г. Коляда)	219
14. В. М. Чернов (сост. Е. Г. Коляда)	219
15. [Ян Стыка] (сост. С. И. Доморацкая)	220
16. [О Б. Савинкове] (сост. С. И. Доморацкая)	220
17. [Об А. Эстрине и А. Я. Сморицкой] (сост. Е. Г. Коляда)	221
18. [О Владиславе Ходасевиче] (сост. С. И. Доморацкая)	221
19. [Об Азефе] (сост. С. И. Доморацкая)	222
20. [И. А. Кухаренко] (сост. С. И. Доморацкая)	222
21. [Об Эрдени Батухане] (сост. С. И. Доморацкая)	223
22. [О К. Фофанове. Об А. Белом и А. Блоке] (сост. Е. Г. Коляда)	223
23. [Об Эмануэле де Боме] (сост. С. И. Доморацкая)	224
24. [В. Шульгин] (сост. Е. Г. Коляда)	224
25. [Об А. Н. Алексине] (сост. С. И. Доморацкая)	224
26. [О В. Е. Дровянникове] (сост. С. И. Доморацкая)	224
27. [С. Цвейг] (сост. Е. Г. Коляда)	225
28. [О Ф. И. Шаляпине] (сост. Е. Г. Коляда)	225
29. [О В. Маяковском] (сост. С. И. Доморацкая)	226
30. [О Василии Величковском] (сост. С. И. Доморацкая)	227
31. [О В. Брюсове] (сост. Е. Г. Коляда)	227

32. [«Маска и душа» Шалапина] (сост. Е. Г. Коляда)	228
33. [О А. А. Яблоновском] (сост. Е. Г. Коляда)	228
[Фрейбургские заметки] (сост. Ф. М. Иоффе, Е. Г. Коляда, С. И. Доморацкая)	229
[Соррентийские заметки] (сост. Ф. М. Иоффе, С. И. Доморацкая)	234
[О литературе] (сост. В. С. Барахов, С. И. Доморацкая, Ф. М. Иоффе, Е. Г. Коляда, А. Е. Погосова)	236
[О языке] (сост. С. И. Доморацкая, Ф. М. Иоффе)	256
[О науке] (сост. Ф. М. Иоффе, Е. Г. Коляда, Н. Н. Жегалов)	258
[Разные заметки] (сост. В. С. Барахов, С. И. Доморацкая, Н. Н. Жегалов, Ф. М. Иоффе, Е. Г. Коляда, А. Е. Погосова, В. Н. Чуваков)	266
Комментарии .	287
Указатели	414

М. ГОРЬКИЙ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ**

Архив А. М. Горького, том XII

*Утверждено Институтом мировой
литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Ч. Вороская.*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 17/VI 1968 г.
Подписано к печати 12/VI 1969 г. Формат 60×90^{1/16}
Бумага № 1 Усл. печ. л. 27,37. Уч.-изд. л. 23,7
Тираж 4500 экз, А-06062 Тип. зак. 101)

Цена 1р. 92 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10